

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема номера: / Topic of the issue:

«Византийское общество: история, право, культура»

Byzantine Society: History, Law and Culture

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number ПИ № ФС77-78162 of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index**, **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, N.M. Vishnyakova, Yu.I. Nedelkina, I.V. Smetanina*
Editor of English texts *Yu.V. Chemeteva*
Making up and technical editing: *O.N. Yadykina, M.Yu. Merkulova*

Relayed to print Dec. 25, 2020.
Date of publication Jan. 29, 2021. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 31.7. Published pages 34.1.
Number of copies 500 (1st duplicate 1–68). Order 7. «С» 37.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>
English version of the website:
<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:
Bogdanova St 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер ПИ № ФС77-78162 от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова, Н.М. Вишнякова, Ю.И. Неделькина, И.В. Сметанина*
Редактор английских текстов *Ю.В. Чеметева*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной, М.Ю. Меркуловой*

Подписано в печать 25.12.2020 г.
Дата выхода в свет 29.01.2021 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 31,7. Уч.-изд. л. 34,1.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–68 экз.). Заказ 7. «С» 37.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>
Англояз. сайт: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство
Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2020

Том 25. № 6

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2020

Volume 25. No. 6

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2020. Vol. 25. No. 6

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Topic of the issue: Byzantine Society: History, Law and Culture

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleytman* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *A.S. Skripkin* (Volgograd)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu. Ya. Vin* (Moscow);
PhD (Political Sciences), Assoc. Prof. *Hale Henry*
(Washington, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *E. Yu. Giryu* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Leading Researcher *S.V. Golunov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);
Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);

Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kuznetsov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kurilla* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Cand. Sc., Senior Researcher *B.A. Raev* (Rostov-
on-Don);
Dr. Sc., Prof. *O.Yu. Redkina* (Volgograd);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA)
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk,
Belarus);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Cherkasov* (Washington, USA)

At the invitation of Chief Editor,
Prof. I.O. Tyumentsev,
specialist on Byzantine history,
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov*
took the position of the Executive Editor
of the present issue (Volgograd)

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2020. Т. 25. № 6

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера: «Византийское общество: история, право, культура»

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысков* – технический секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *А.С. Скрипкин* (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, академик РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
PhD (политические науки), доц. *Гейл Генри* (г. Вашингтон, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, ведущий науч. сотр. *С.В. Голунов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);

д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. *И.И. Кузнецов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *И.И. Курилла* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, академик РАН *И.П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *О.Ю. Редькина* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
канд. ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
д-р ист. наук, проф. *А.А. Черкасов* (г. Вашингтон, США)

По приглашению главного редактора проф. И.О. Тюменцева выпускающим редактором номера является специалист по истории Византии,
канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград)

СОДЕРЖАНИЕ

ВИЗАНТИЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЙ МИР

- Грацианский М.В., Норкин К.В.* На службе империи: папа Зосим и Римский собор 417 года 6
- Грачанин Х.* Константин VII Багрянородный о хорватах в раннесредневековой Южной Паннонии (*DAI*, с. 30, 75–78): замечания о концепции и методе византийской историографии [*На англ. яз.*] 24
- Роменский А.А.* К интерпретации известия Иоанна Скилицы об архонтах Руси под 6544 (1036) годом 44

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТАВРИКА

- Айбабин А.И.* Крымская Готия в первой половине XIII века 56
- Майко В.В., Тесленко И.Б.* Материальная культура византийской Сугдеи в XII – начале XIII в. (к вопросу о хронологических индикаторах) 69
- Хайрединова Э.А.* Византийские целительные амулеты из Юго-Западного Крыма 82
- Науменко В.Е.* «Латиняне» на Мангупе. Уникальный западноевропейский крест-энколпион из раскопок княжеского дворца Мангупского городища: проблемы атрибуции и датировки 100
- Могаричев Ю.М., Ергина А.С.* Фресковые росписи пещерных церквей Юго-Западной Таврики: версия И.Э. Грабаря 116
- Ганцев В.К.* Ротационные жернова IX–XI вв. из раскопок Мангупского княжеского дворца 131

ВИЗАНТИЙСКАЯ СФРАГИСТИКА

- Алексеевко Н.А., Степаненко В.П.* Сенахеримы в Византии: новая печать Феодора Сенахерима из Болгарии 142
- Виноградов А.Ю., Каишанов Д.В., Чхаидзе В.Н.* Туркелы – тюркская семья на византийской службе 150
- Лафлы Э., Буора М.* Три неопубликованные византийские свинцовые печати из Западной Малой Азии (с приложением, включающим амулет из Измира) [*На англ. яз.*] 160

ВИЗАНТИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

- Шаркич С.* Права на «чужую собственность» (*Iura in re aliena*) в византийском и средневековом сербском праве [*На англ. яз.*] 168

- Лысыков П.И.* Двоевластие? Специфика системы соправительства в Византии на рубеже XIII–XIV вв. и ее влияние на ситуацию в государстве 180

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

- Назаров А.Д.* Персидские иммигранты в вооруженных силах ранней Византии 201
- Мехамдиев Е.А.* Персы-хуррамнты на службе в византийской армии в 833–839/840 гг.: военный ранг и функции персидских войсковых подразделений 211

ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

- Лопатина М.Ю.* «Сплав» античного наследия и христианского вероучения в поэме Иоанна Газского «Описание картины мира» 222
- Сенина Т.А. (монахиня Кассия).* «Не избитые за Христа»: изображение антииконоборческого сопротивления в житиях св. Иоанникия и св. Петра Атроевского 231
- Моругина К.С.* Житие св. Панкратия: к уточнению терминов и реконструкции реалий книжного дела и иконописи в X–XI веках 243
- Стельник Е.В.* Иов против Геракла: добродетель в статьях византийского словаря Суда X века 253
- Щукин Т.А.* «Главы физические» Григория Паламы: исторический контекст, мотивация автора, адресат 259
- Пашкин Н.Г.* Международная политика и греко-латинская уния на европейских церковных соборах первой половины XV века 274

ОБЗОРЫ

- Козлов А.С.* Загадки текста ранневизантийского историка (Рец. на кн.: Priscus Panita. Excerpta et fragmenta / ed. by P. Carolla. – Berolini; Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 2017. – XLVIII, 140 p.) 285
- Щавелев А.С.* Новый «русский перевод» трактата «Об управлении империей» на фоне современных исследований 292
- Польвянный Д.И.* Византийско-славянское и болгарское средневековье в новейших трудах ученых университета Лодзи 305
- Барabanов Н.Д., Золотовский В.А., Зыкова А.В.* Византиноведение в Волгограде. Экскурс в историю и библиографию
- Рецензенты журнала в 2020 г. 333

CONTENTS

BYZANTIUM AND THE NEIGHBOURING WORLD

- Gratsianskiy M.V., Norkin K.V.* In the Service of the Empire: Pope Zosimus and the Roman Synod of 417 6
- Gračanin H.* Constantine VII Porphyrogenetos on Croats in Early Medieval Southern Pannonia (*DAI*, c. 30, 75–78): A Note on Concept and Method of Byzantine History Writing 24
- Romensky A.A.* On the Interpretation of John Seylitzes' Evidence About Archontes of Rhos, AM 6544 (1036 AD) 44

BYZANTINE TAURICA

- Aibabin A.I.* Crimean Gothia in the First Half of the 13th Century 56
- Maiko V.V., Teslenko I.B.* Material Culture of Byzantine Sugdeja in the 12th – Early 13th Centuries (To the Question of Chronological Indicators) 69
- Khairedinova E.A.* Byzantine Healing Amulets from Southwestern Crimea 82
- Naumenko V.E.* The “Latins” on Mangup. Unique Western-European Cross-Encolpion from the Excavations of Prince’s Palace in Ancient Mangup: Problems of Attribution and Dating 100
- Mogarichev Yu.M., Ergina A.S.* Fresco Paintings of Southwest Crimea Cave Churches According to Igor Grabar 116
- Gantsev V.K.* Rotary Millstones of the 9th–11th Centuries from the Excavations of the Mangup Princely Palace 131

BYZANTINE SPHRAGISTICS

- Alekseienko N.A., Stepanenko V.P.* Senachereim in Byzance: New Seals of Theodoros Senachereim from Bulgaria 142
- Vinogradov A.Yu., Kashtanov D.V., Chkhaidze V.N.* Turkels – a Turkic Family in the Byzantine Civil Service 150
- Laflı E., Buora M.* Three Unpublished Byzantine Lead Seals from Western Asia Minor (With an Appendix on an Amulet from Izmir) 160

BYZANTINE STATE AND SOCIETY

- Šarkić S.* Rights over “The Property of Another” (*Iura in re aliena*) in Byzantine and Mediaeval Serbian Law 168

- Lysikov P.I.* Diarchy? The System of Co-Rulership in Byzantium at the Turn of the 13th – 14th Centuries and Its Impact on the Situation in the State 180

MILITARY ORGANIZATION OF THE BYZANTINE EMPIRE

- Nazarov A.D.* Persian Immigrants in the Armed Forces of Early Byzantium 201
- Mekhamadiev E.A.* Persians-Khurramites in the Byzantine Military Service During 833–839/840: Military Rank and Functions of Persian Military Units 211

BYZANTINE ORTHODOXY

- Lopatina M.Yu.* Fusion of Ancient Heritage and Christian Doctrine in the Poem of John of Gaza “Description of the Cosmic Table” 222
- Senina T.A. (Nun Kassia).* “Not Flogged for Christ”: Representation of Anti-Iconoclastic Resistance in the Lives of St. Ioannikios the Great and St. Peter of Atroa 231
- Morugina K.S.* Life of St. Pancratius: Clarification of Terms and Reconstruction of Book Writing and Icon Painting Realia in the 10th and 11th Centuries ... 243
- Stelnik E.V.* Job Versus Hercules: Virtue in the Articles of the Byzantine Suda Dictionary of the 10th Century ... 253
- Schukin T.A.* ‘The Chapters on Physics’ by Gregory Palamas: Historical Context, the Motivation of the Author, Addressee 259
- Pashkin N.G.* International Politics and the Greek-Latin Union at the European Church Councils in the First Half of the 15th Century 274

REVIEWS

- Kozlov A.S.* Riddles of the Text of an Early Byzantine Historian (Book Review: Priscus Panita. Excerpta et fragmenta / ed. by P. Carolla. – Berolini ; Novi Eboraci : Walter de Gruyter, 2017. – XLVIII, 140 p.) 285
- Shchavelev A.S.* New “Russian Translation” of the Treatise “*De Adminstrando Imperio*” Amid Its Contemporary Studies 292
- Polyvyanny D.I.* Byzantino-Slavic and Bulgarian Middle Ages in the Recent Works by Scholars from the University of Lodz 305
- Barabanov N.D., Zolotovskiy V.A., Zykova A.V.* Byzantine Studies in Volgograd. An Excursion into History and Bibliography 317
- Reviewers of the Journal in 2020 333

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.1>

UDC 94(495).01+262.5+262.12+262.13+281.1+281.4
LBC 63.3(0)4+86.37-3+86.375

Submitted: 26.06.2020
Accepted: 24.08.2020

IN THE SERVICE OF THE EMPIRE: POPE ZOSIMUS AND THE ROMAN SYNOD OF 417

Mikhail V. Gratsianskiy

St. Tikhons Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Konstantin V. Norkin

St. Tikhons Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The brief pontificate of Pope Zosimus (417–418) was marked by the Roman Synod in September 417, the decisions of which were of great importance both for the subsequent church-administrative development of Southern Gaul and for the development of the concept of papal primacy. *Methods.* The task of the authors of the article is to analyse the church-political actions of Pope Zosimus in the broad historical context of the early 5th c. and to determine the degree of his independence in decision-making. *Analysis.* The article analyses the measures of the Ravenna court to restore control over the region of Southern Gaul in the situation when the imperial administration lost this control as a result of mutinies and the arrival of barbarian tribes, as well as the role assigned to the Roman bishop in this process. In this context, the article investigates the events of the Roman Synod of September 417, at which church-political and church-administrative affairs related to Gaul and Africa were examined. There were considered two groups of cases, related to one another due to the involvement of same persons, who, in their turn, had been involved into ecclesiastical politics in Gaul during the usurpation of Constantine III. These persons, former bishop of Arles Heros, former bishop of *Aquae Sextiae* (Aix en Provence) Lazarus and bishop of Marseille Proculus, became subjects of conciliar condemnation. At the same time, within the framework of the same process, the Synod undertook the rehabilitation of Pelagius and Caelestius, who had previously been condemned by the African Synod and pope Innocent I (401–417). The latter circumstance actually implied the undermining of the authority of both Innocent and the papacy. *Results.* The authors conclude that the agenda of the Synod was entirely dictated by state interests and aimed at eliminating the consequences of the usurpations in Southern Gaul and reintegrating this region into the administrative system of the Western Roman Empire.

Key words: emperor Honorius, Flavius Constantius, pope Zosimus, papal primacy, local primacy, Roman Synod of 417, Caelestius, Pelagius, Pelagianism, Southern Gaul.

Citation. Gratsianskiy M.V., Norkin K.V. In the Service of the Empire: Pope Zosimus and the Roman Synod of 417. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 6-23. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.1>

УДК 94(495).01+262.5+262.12+262.13+281.1+281.4
ББК 63.3(0) 4+ 86.37-3+86.375

Дата поступления статьи: 26.06.2020
Дата принятия статьи: 24.08.2020

НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИИ: ПАПА ЗОСИМ И РИМСКИЙ СОБОР 417 ГОДА

Михаил Вячеславович Грацианский

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Константин Владимирович Норкин

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Краткий понтификат папы Зосима (417–418) был отмечен проведением в сентябре 417 г. Римского собора, решения которого имели большое значение как для последующего церковно-административного развития Южной Галлии, так и для развития концепции папского первенства. *Методы.* Задачей авторов статьи является анализ церковно-политических действий папы Зосима в широком историческом контексте начала V в. и определение степени самостоятельности принимаемых им решений. *Анализ.* В статье анализируются меры равеннского двора по восстановлению управления южногалльским регионом в ситуации потери имперской администрацией контроля над ним в результате восстаний узурпаторов и прихода варварских племен, а также роль, отведенная в этом процессе римскому епископу. В контексте этих событий в статье изучаются обстоятельства Римского собора сентября 417 г., на котором были рассмотрены церковно-политические и церковно-административные дела, относящиеся к Галлии и Африке. Две группы дел были связаны единством участвовавших в них лиц, которые были связаны с церковно-политическими обстоятельствами мятежа Константина III. Эти лица – бывший епископ Арелата Герот, бывший епископ Акв Секстиевых Лазарь и епископ Массилии Прокул – подверглись соборному осуждению. Одновременно в рамках того же процесса на соборе была предпринята реабилитация Пелагия и Целестия, осужденных Африканским собором и папой Иннокентием I (401–417), что привело к фактическому подрыву авторитета как его самого, так и папства в целом. *Результаты.* Авторы приходят к выводу, что повестка заседаний собора была целиком продиктована государственными интересами и преследовала цели ликвидации последствий деятельности узурпаторов в Южной Галлии и реинтеграции этого региона в административную систему Западной Римской империи.

Ключевые слова: император Гонорий, Флавий Констанций, папа Зосим, римский примаг, поместный примаг, Римский собор 417 г., Целестий, Пелагий, пелагианство, Южная Галлия.

Цитирование. Грацианский М. В., Норкин К. В. На службе империи: папа Зосим и Римский собор 417 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 6–23. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.1>

Введение. Весьма краткий понтификат римского епископа Зосима (417–418) представляется чрезвычайно важным и показательным в целом ряде отношений [10, S. 344–360; 37, S. 107–130; 66, p. 1000–1021; 80, S. 44–48; 84, S. 226–267; 44, p. 38–39; 31, p. 1743–1745]. Его центральным эпизодом следует считать состоявшийся в сентябре 417 г. Римский собор, на котором были приняты важные решения относительно дел, затрагивающих церкви Южной Галлии и Африки. На первый взгляд, эти решения представляют собой попытку папства директивно управлять процессами в других церквях Западной Римской империи и отражают специфическое для римской кафедры представление о собственном первенстве. С другой стороны, действия Зосима и принятые им решения едва ли согласуются со стремлением усилить властное положение римской кафедры, поскольку уже в краткосрочной перспективе они были отменены и тем самым негативно отразились на авторитете папства.

Методы. В данной статье нами ставится задача выявить мотивы действий папы

Зосима, повлиявшие на характер принятых на соборе 417 г. решений, выяснить, в какой мере они были обусловлены государственно-политическими и церковно-политическими событиями того времени. По нашему мнению, при постановке в масштабный контекст весьма бурной и судьбоносной для Римской империи эпохи первой четверти V в. церковно-политические меры Зосима предстанут в более ясном свете и нам удастся определить, вел ли этот папа независимую политику, нацеленную на укрепление положения римской кафедры, или же выполнял задачи в рамках текущей политики двора императора Гонория (395–423). Наше исследование основано на применении историко-критического метода изучения источников с одновременным привлечением и критической оценкой выводов обширной исследовательской литературы, как относящейся напрямую к заявленной теме, так и рассматривающей смежные темы и сюжеты.

Анализ. Прежде всего нам представляется необходимым дать краткое описание исторических событий, послуживших фоном к

избранию Зосима римским папой и обусловивших особенности его церковной политики в отношении западноримских областей за пределами Италии.

Начальный период правления императора Гонория [9, p. 106–211; 75, p. 219–275; 43, p. 170–216; 61, p. 135–222; 15, p. 50–83; et passim] был отмечен неограниченным влиянием магистра Стилихона, до конца своей жизни фактически руководившего политикой западного двора [9, p. 106–173; 60; 59, p. 253–283]. Примерно в конце 401 г. Стилихон отвел римские войска из Британии и Галлии для защиты Италии от готов под предводительством Алариха [76; 79; 85; 86]. В январе 407 г. после перехода Рейна варварами войска в Британии провозгласили императором некоего Марка¹. Последний продержался всего несколько недель или дней: его сверг и убил местный сенатор Грациан, правление которого, в свою очередь, продолжалось четыре месяца [56, p. 518–519]. На его место весной-летом 407 г. армией был избран Константин III², назначивший на должности магистров римлянина Юстиниана и франка Невиогаста. После проведения военной кампании против варваров Константину удалось заключить договор с вандалами, аланами и свевами, который обеспечивал мир на рейнской границе. Затем со своими британскими войсками он перешел в город Бонония (Bononia, совр. Булонь), одержал победу над варварами и добился признания своей власти как войсками, находившимися в Галлии и Аквитании, так и местным населением [88, p. 5–6; 74, S. 402–403; 63, p. 454; 32, p. 350–352]. В начале осени 407 г. Константин III с войсками двинулся далее на юг. В Лугдуне (Lugdunum, совр. Лион), где он временно укрепился, была отчеканена первая монета с надписью «restitutor reipublicae» (восстановитель государства), отражавшая, по-видимому, две стоявшие перед Константином задачи: восстановление порядка и государственности в Галлии и декларирование единства Запада. Префект претория Галлий Лимений [56, p. 684] и командующий галльскими войсками Хариобавд [56, p. 283], оставшиеся верными Гонорию, бежали в Италию.

В это время Стилихон собрал небольшое войско во главе со стратигом Саром [88, p. 6; 56, p. 978–979], которому весной 408 г. уда-

лось нанести поражение армии магистра Юстиниана [75, p. 385]. После этой неудачи Константин III укрылся в Валентии (Valentia), где имелся достаточный для обороны города и верный узурпатору гарнизон. Сар в свою очередь приступил к осаде. Между тем Невиогаст вступил в переговоры с Саром, которые привели лишь к тому, что Невиогаст был убит. Узурпатор назначил новых командующих – франка Эдобиха [56, p. 386] и британца Геронтия [56, p. 508], которым удалось снять длившуюся всего семь дней осаду. Сар был вынужден спешно отходить в Италию, где при переходе Альп подвергся нападению багаудов (τοῖς Βακαύδαϊς), которым он был вынужден отдать всю добычу [88, p. 6].

В мае 408 г. Константин III сделал своей резиденцией Арелат (Arelatum), где он среди прочего отчеканил собственную монету. Оттуда ему удалось установить контроль над Северной Испанией, в которую он отправлял своих чиновников (iudices) [65, p. 550]. В ключевых городах подконтрольной ему территории Южной Галлии он поставил епископов из числа своих сторонников: на кафедру Арелата был возведен Герот [67, p. 981; 66, p. 1003; 32, p. 352–353], а в митрополии Второй Нарбонны Аквах Секстиевых (Aquaе Sextiae, совр. Экс-ан-Прованс) после изгнания епископа Ремигия был поставлен некий Лазарь [68, p. 1107–1109; 66, p. 1003–1006; 32, p. 351–352]. Впрочем, в других городах епископы очевидным образом смогли выстроить отношения с узурпатором и сохранили свои кафедры: так было с Прокулом в Марселе [68, p. 1541–1544; 2, с. 56–61], Иларием в Нарбонне [67, p. 1008; 57, p. 57–60; 24] и Симплицием во Вьенне [68, p. 1815–1816].

Император Гонорий летом собрал в Тичине (Павия) армию для низложения узурпатора и установления контроля над Галлией, но 13 августа войска устроили мятеж и перебили офицеров и гражданских чиновников. При дворе это послужило поводом для проведения антиготской политики: Стилихон, как сторонник союза с варварами, был отстранен и 22 августа убит.

Нестроения при равеннском дворе позволили узурпатору, находясь в Арелате, распространить свой контроль на Испанию. 27 ноября он вызвал к себе своего сына Констанция,

находившегося в монастыре³, и назначил его цезарем. Констанций в свою очередь назначил себе магистром оффиций некоего Децимия Рустика [56, р. 965], а командующим армией – Геронтия. Задачей Констанция было установление контроля над Испанией, что он и сделал, разбив набранные из рабов и колоннов войска родственников Гонория Верениана и Дидима [56, р. 358, 1155], которые попали в плен. После окончания кампании Геронтий с галльскими войсками был отправлен контролировать проходы в Пиренеях.

В начале 409 г. Константином III к императору Гонорию в Равенну было направлено посольство с просьбой о признании, для чего в качестве дара императору были отчеканены специальные солиды [45, р. 282]. Поскольку в это время Аларих со своими войсками находился в Италии, то Гонорий, не имевший возможности воевать на два фронта и, по-видимому, желавший спасти своих родственников, был вынужден уступить узурпатору, отправив ему в знак признания пурпурную мантию [87, р. 64].

В сентябре 409 г. вандалы, аланы и свевы пересекли Пиренеи, но Геронтий вместо борьбы с ними заключил мирный договор и, отложившись от Констанция, назначил августом своего сына (или клиента) Максима [28, S. 8], резиденцией которого стал Тарракон (Таггасо, совр. Таррагона).

После низвержения магистра оффиций Олимпия в Равенне пришла к власти дружественная готам партия, а магистром конницы был назначен Аллобих [56, р. 61]. Последний поддерживал тайные сношения с Константином III, которого он желал поставить на место Гонория. В конце весны 410 г. узурпатор двинул свои войска в Италию, однако уже в августе у города Либурна получил известие о том, что заговор Аллобиха раскрыт, а сам он убит. Константину пришлось спешно возвращаться в Арелат. В конце 410 – начале 411 г. в Галлию из Испании вторгся Геронтий. Константин поручил Констанцию оборонять Вьенну, отправив своего командующего войсками Эдобиха к Рейну, чтобы нанять войско из франков и алеманнов, а сам остался командовать гарнизоном Арелата. Геронтию удалось взять Вьенну, причем Констанций был по его приказу казнен. После этого Геронтий присту-

пил к осаде Арелата, которая продолжалась четыре месяца.

В конце весны 411 г. Гонорий назначает командовать войсками Флавия Констанция [56, р. 321–325; 9, р. 209–211; 75, р. 269–271; 43, р. 185–188; 62, р. 63–73; 53, S. 94–101; 70, р. 86–116; 20, р. 4–12] и Ульфилу [56, р. 1181], которые, отступив перед Эдобихом в Италию, устроили последнему засаду на реке Роне (Ῥοδανὸν τὸν ποταμὸν) и разбили собранную на помощь узурпатору армию. Полководец Константина смог бежать, однако уже вскоре был убит [74, S. 405–406]. Константин III, поняв, что его дело проиграно, вместе со своим сыном Юлианом укрылся в Арелате, сложил с себя императорские инсигнии и был рукоположен во пресвитера митрополитом Арелата Геротом [74, S. 406; 63, р. 455–456; 32, р. 353]. Войска и население города приняли решение перейти на сторону законного императора и в обмен на гарантии безопасности сдали узурпатора Констанцию. Вместе со своим сыном Юлианом Константин был отправлен в Италию и недалеко от Вероны по приказу Гонория казнен. 18 сентября 411 г. его голова была выставлена на всеобщее обозрение в Равенне.

В 413 г. вестготы во главе с Атаульфом, братом Алариха, овладели Нарбонной, куда Атаульф привел Иовина (Jovinus) [56, р. 621–622; 75, р. 262–264], которого на Рейне вождь бургундов Гунтиарий [63, р. 456; 56, р. 526] и вождь аланов Гоар [56, р. 514–515; 43, р. 187] провозгласили императором. Затем здесь же, в Нарбонне, Атаульф женился на сестре Гонория Галле Платидии [64; 14; 72, р. 9–36; 71, р. 93–97]. Возможно, в этой свадьбе участвовал и местный митрополит Иларий [32, р. 353–354]⁴. Констанций с моря блокировал поставки продовольствия в город, и готы были вынуждены уйти в Испанию. В 415 г. Атаульф был убит, а его преемник Валлия за 600 тыс. модиев зерна вернул Галлу Платидию, а сам перешел на службу императору: ему было поручено освободить от варваров Испанию, что он успешно и осуществил. Назначенный префектом Галлии Клавдий Постум Дардан [56, р. 346–347; 32, р. 353; 33; 59, р. 323; 23, р. 564–565] при проведении зачистки казнил узурпатора Иовина, но при этом не сместил нарбоннского митрополита Илария [24, р. 37–38].

Также при Констанции сохранили свои кафедры митрополит Вьенны Симплиций и епископ Марселя Прокул, сотрудничавший с Константином III [57, р. 29–30].

1 марта 416 г. императором Гонорием, в продолжение политики реинтеграции Галлии в Западную Римскую империю, был издан закон, по которому всем, кто сотрудничал с режимами узурпаторов и варваров, была дарована амнистия [78, р. 831]. Для урегулирования отношений с вестготами в 418 г. их вождю Валлии было дано распоряжение со своим народом переселиться в юго-западную Галлию, где им для расселения предоставили земли между нижней Луарой (Liger) и Гаронной (Garumna) по Атлантическому побережью, в основном расположенные в провинции Вторая Аквитания (Aquitania Secunda) и примыкавшие к ней, в том числе город Тулузу (Tolosa) [73, р. 150–158; 38, р. 186–233; 21].

Еще находясь в Арле, Констанций изгнал поставленного при узурпаторе Константине и рукоположившего последнего во пресвитеры епископа Герота и в 412 г. повлиял на выборы местного епископа, в результате чего кафедру занял Патрокл, пользовавшийся его расположением [68, р. 1437–1440]. Упоминание об этом событии содержится в «Краткой Хронике» Проспера Аквитанского⁵. Большинство исследователей на основании этого текста сходятся во мнении, что именно Констанций был инициатором назначения своего сторонника [57, р. 36; 59, р. 313; 3, р. 42; 32, р. 349–350], однако Дж. Данн в ряде своих работ выдвигает и обосновывает гипотезу, что военачальник Гонория всего лишь утвердил инициативу, которая, по-видимому, исходила от местных элит [20, р. 7; 23, р. 562–573]⁶.

Все эти события пришлось на время понтификата папы Иннокентия I (401–417) [10, S. 101–123; 80, S. 35–44; 84, S. 205–264; 1]. Тем не менее следует отметить, что Иннокентий со времени восстановления власти законного императора в Галлии и вплоть до своей кончины не обращался к делам Галлии: по крайней мере, это не явствует из его сохранившихся посланий [42, р. 35–38]. Между тем в краткий понтификат его преемника Зосима (417–418) вопросы папской политики в Галлии внезапно приобретают первостепенное значение⁷.

Первое послание Зосима (417–418), направленное «всем епископам, поставленным в Галлиях и семи провинциях», было составлено уже 22 марта 417 г. – всего через четыре дня после вступления Зосима на кафедру [17, р. 95–112; 52, S. 26–52; 36, р. 146–152; 34, S. 149–152; 40, S. 74–75; 23, р. 560–561; 81]. Оно не содержало какой бы то ни было преамбулы и начиналось сразу с распорядительной части: «Было угодно апостольскому престолу, что если кто из какой-либо части Галлий, какого-либо церковного чина соберется прийти к нам в Рим или вознамерится идти в другую землю, то да отправится он не иначе как получив рекомендательные [письма] (formatas) арелатского епископа, дабы засвидетельствовать свое священство и церковное место, которым обладает, приложением его писем» [89, col. 642–643; 29; 52, S. 29–31; 66, р. 1009, п. 2]. Данное предписание Зосим обозначает как «постановление» (statuimus) и «распоряжение» (auctoritas), которое он «разослал повсюду, дабы было известно всем областям, что то, что мы постановили, следует всемерно соблюдать» (Quam auctoritatem ubique nos misisse manifestum est, ut cunctis regionibus innotescat, id quod statuimus omnimodis esse servandum) [89, col. 643].

Далее понтифик задеиствует пока еще довольно редкое для папской риторики выражение: он «повелевает» (jussimus) арелатскому митрополиту иметь «особую власть» (praecipuam auctoritatem) поставлять епископов. К своей юрисдикции последний должен отнести (ad pontificium suum revocet) провинции Вьеннскую, Нарбоннскую Первую и Нарбоннскую Вторую⁸.

В заключение Зосим «предупреждает» о том, что все должны довольствоваться собственными территориями и не притязать на чужие: подобное поведение он описывает как «варварский и нечестивый беспорядок» (barbara et impia ista confusio). Завершая письмо, он утверждает, что Арелатская Церковь имела «древнюю привилегию» (vetus privilegium), поскольку к ней от римской кафедры (ex hac sede) был в свое время направлен в качестве «верховного предстоятеля» (summus antistes) Трофим, «из источника которого все Галлии получили ручейки веры» (ex cujus fonte totae Galliae fidei rivulos acceperunt)⁹.

Решительность и бескомпромиссность распоряжений Зосима, присутствующие уже в его первом письме, заставили ряд исследователей предполагать, что их инициатором выступила государственная власть Западной Римской империи в лице Флавия Констанция и что на самом деле действия папы преследовали государственные цели поддержания римской власти в Галлии, одновременно страдавшей в тот период от натиска варваров и бесчинств узурпаторов. При этом другая гипотеза упирает на то, что данных для вывода о решающем государственном влиянии на действия Зосима недостаточно и мотивация последнего могла иметь чисто церковно-политические корни¹⁰.

Очевидным образом обе эти гипотезы основываются на том, что в 412 г. Флавий Констанций некоторое время находился в Арелате после освобождения города от узурпатора Константина и что, согласно Просперу Аквитанскому, Патрокл был «другом и приближенным» Флавия Констанция. В силу этого исследователи предполагают, что, укрепляя церковно-административное положение Арелата, Зосим действовал либо в русле политики равеннского двора, либо же в пользу Патрокла Арелатского, по-видимому, для того, чтобы усилить папское влияние в Галлии [66, р. 1007; 32; 20; 24; 23]¹¹. Тем не менее в отношении второй гипотезы сразу следует указать, что, издавая свое первое послание в пользу Патрокла Арелатского, Зосим явным образом шел на каноническое нарушение, умаляя права других южногалльских митрополитов, прежде всего Прокула Массилийского, Илария Нарбоннского и Симплиция Вьеннского.

Как уже было сказано, ключевым событием понтификата Зосима было проведение в сентябре 417 г. Римского собора, на основании анализа деяний которого можно сделать выводы касательно мотивов, целей и задач этого папы. Два важных пункта повестки дня этого собора – дела Галлии и Африки – представляют собой, по нашему мнению, единое целое и отражают общий подход к проблемам, порожденным в церковно-политической плоскости событиями времен узурпации Константина III.

О ходе и результатах собора мы получаем сведения из целого ряда писем папы Зоси-

ма, составленных в конце сентября 417 г., отражающих соборно принятые в Риме решения и выражающих «*auctoritas sedis apostolicae*» [89, col. 653]. Лейтмотивом главных рассмотренных собором дел было возвышение в Галлии арелатской кафедры, которую занимал друг Констанция Патрокл в ущерб статусу кафедр ряда других южногалльских городов, епископы которых оказались в эпицентре событий, связанных с узурпацией Константина III и вторжением на территорию Галлии вестготов Атаульфа.

В этих посланиях Зосим возвращается к теме возвышения арелатской кафедры. В первом из посланий, составленном 26 сентября, он обращается ко «всем епископам, поставленным в Африке, всем епископам, поставленным в Галлиях и Семи провинциях, всем епископам, поставленным в Испании» [89, col. 661–665]¹².

Тема этого письма вновь, как и в первом послании Зосима марта 417 г., затрагивает случай с городами Кифариста и Локус Гаргариус ([89, col. 644]: *Dedit enim exemplum Arelatensis ecclesiae, quae sibi Citharistam et Gargarium paroecias in territorio suo sitas incorporari jure desiderat: ne de caetero ullus sacerdos in alterius sacerdotis praesumat injuriam*). Речь теперь идет о епископах Урсе и Туенции [68, р. 1808, 2014; 66, р. 1011–1012], согласно мнению папы незаконно рукоположенных в этих городах [89, col. 662]. В соучастии в незаконном рукоположении обвиняется Лазарь, епископ Акв Секстиевых, который, в свою очередь, был незаконно рукоположен Прокулом Массилийским. Этот Лазарь был осужден на Туринском соборе за клевету на епископа Брикция, однако впоследствии добился епископства от Прокула, бывшего прежде на Туринском соборе среди обвинителей самого Лазаря¹³.

Называя проступки обоих епископов и повод к принятию мер со стороны «апостольского престола», Зосим говорит следующее: «Что можно прибавить к стольким и таковым менее важным, нежели бесчестная узурпация, [проступкам], кроме того крайнего, который превосходит всякое заблуждение, [а именно] что были они недолжно поставлены в округах, с древности принадлежащих городу арелатцев?» (*Quid his tot tantisque improba usurpatione posthabitis addi potest, nisi*

illud extremum, quod totum transcendit errorem, ut territorii indebitis, ad Arelatensium civitatem antiquitus pertinentibus, locarentur?) [89, col. 663]. Зосим объявляет обоих низложенными и анафематствованными, о чем письменно сообщает «всему миру» (per totum orbem) [89, col. 664]. Затем он повторяет пассаж из первого послания, в котором утверждает привилегии арелатского митрополита в трех провинциях.

Тема четвертого послания, отчасти направленного против Прокула, развивается в пятом послании Зосима, направленного уже целиком против марсельского епископа и адресованного епископам провинций Вьеннская и Нарбоннская Вторая [66, p. 1015–1018]. В нем Зосим порицает Прокула Массилийского за незаконное присвоение прав рукоположения вообще. Массилия (Марсель) – город Вьеннской провинции, рукоположения в которой, по мнению Зосима, безраздельно принадлежали арелатскому епископу. Папа сообщает, что для расследования проступков Прокула он устроил специальное дознание, причем первоначально планировалось, что Прокул прибудет в Рим лично. Проступки массилийского епископа, а именно полученная последним на Туринском соборе «власть рукополагать в качестве митрополита священников в провинции Вторая Нарбоннская» (ordinandorum sacerdotum veluti metropolitano in Narbonensi secunda provincia potestatem), рассматриваются Зосимом как «оскорбление апостольского престола» (in apostolicae sedis injuriam) [89, col. 665].

Папа объявляет сообщником Прокула епископа Вьеннского Симплиция, вина которого якобы состояла в том, что он (также в нарушение прерогатив Арелата) «бесстыдно» (in non dissimili impudentia) присвоил себе рукоположения во Вьеннской провинции [89, col. 665–666].

По результатам собора, 26 сентября 417 г. папа Зосим отвечает на несохранившееся «донесение» (relatio) Илария Нарбоннского [67, p. 1008; 32, p. 354–355; 57, p. 57–60; 24], которое очевидным образом содержало возражение или даже протест против решения папы предоставить право рукоположений в провинции Первая Нарбоннская также арелатскому митрополиту¹⁴. Реакция Илария была

совершенно оправданна: будучи епископом главного города провинции, Иларий Нарбоннский отстаивал собственное право поставлять епископов в пределах своей провинции в качестве ее митрополита ([89, col. 667]: de ordinandis in provincia Narbonensi prima sacerdotibus) [10, S. 348].

В своем послании Зосим одновременно объявляет прерогативы нарбоннского митрополита полученными от Рима и обвиняет Илария в их незаконном получении¹⁵. Зосим клеймит очевидно справедливые и канонически обоснованные требования Илария как «домогательства и вожделения» (assertio et desideria), утверждая, что последний поступает в данном случае вопреки «древнему обычаю» и «старому установлению» (antiqua consuetudo, prisca institutio): «И этот обычай поставления, а также понтификат того места... сохранившийся вплоть до ближайшего времени, подтверждаются состоявшимися у нас деяниями и свидетельствами многих сосвященников» (...atque hanc ordinandi consuetudinem, et pontificatum loci illius quem obtinuerat primus et justus, custoditum usque in proximum tempus, gestis apud nos habitis, multorum consacerdotum testimoniis approbatur) [89, col. 667]. Под упомянутыми Зосимом «деяниями» имеется в виду состоявшееся «дознание» по делу Прокула, на котором свидетелями выступили некие «сосвященники». Нетрудно предположить, что ими являлись суффраганы Патрокла Арелатского из той части Вьеннской провинции, которая, согласно постановлению Туринского собора, должна была отойти под юрисдикцию арелатского митрополита.

Указанных «деяний и свидетельств», как полагает Зосим, достаточно, чтобы удержать Илария от его «поползновения... против старого обычая» (praesumptio... contra veterem consuetudinem) [89, col. 668], однако считает необходимым указать ему «меру справедливого предписания» (modum... justae praescriptionis) посредством нового распоряжения (hac auctoritate) [89, col. 668], основанного на соборном решении. В случае повторения со стороны Илария, вопреки папским «постановлениям» (statuta), «незаконных поползновений» (illicitis praesumptionibus) Зосим угрожает ему тем, что не только его кандидаты не смогут получить епископства, но и

сам он окажется «отделен от католического общения» (*catholica communione discretus*) [89, col. 668].

Тремя днями позже, 29 сентября 417 г., Зосим составляет письмо к Патроклу Арелатскому [27, p. 265–269], которое представляется нам весьма важным в целом ряде отношений. Прежде всего Зосим упоминает в нем бывшее в Риме расследование по поводу действий Прокула Массилийского, на котором присутствовал и сам Патрокл. Решение (*auctoritas*) об осуждении Прокула, отраженное в составленных в Риме «деяниях» (*gesta*), или протоколах, тем самым было Патроклу известно и, кроме того, было разослано «в различные земли» (*per terrarum diversa*). Далее понтифик призывает: «Посему усматривай в себе достоинство и личность митрополита также и благодаря решению апостольского престола; в каковое место, присвоенное недолжным образом собором, воровски пробрался Прокул» (*Unde metropolitani in te dignitatem atque personam etiam apostolicae sedis auctoritate considera: in quem furtive locum per indebita a synodo Proculus usurpatum irreperat*) [89, col. 668]¹⁶. Зосим подчеркивает, что «достоинство и личность митрополита» арелатский епископ имеет не в силу государственно-административного значения своей кафедры, как это утверждал, к примеру, Иларий Нарбоннский, и не в силу соборно признанного личного авторитета, на котором основывались привилегии Прокула Массилийского, а благодаря позиции «апостольского престола».

Обозначенное Зосимом в письме дело связанного с Прокулом Массилийским бывшего епископа Акв Секстиевых Лазаря получает свое развитие в связи с рассмотрением на соборе африканских дел, причем Лазарь признается подручным низложенного Константином Герота Арелатского [10, S. 350–358; 6; 55, S. 150–159; 82, S. 134–219; 84, S. 252–253; 49; 50; 51; 19]. Квинтэссенцией отношений с церквями Африки был в это время спор об учении Пелагия. Этот спор, изначально затронувший и Рим, и Африку, в самом начале 417 г., казалось, получил определенное завершение, когда папа Иннокентий I в своих ответах на ряд посланий африканских епископов присоединился к осуждению Пелагия и Целестия, вынесенному собором Африкан-

ской Церкви в Карфагене [10, S. 326–337; 30, p. 93–115; 12, p. 35–37; 7; 8; 37, S. 118–123; 84, S. 226–242; 55, S. 127–160; 82; 19, p. 648–650; 1, с. 79–83].

Между тем на Римский собор сентября 417 г. лично прибыл один из осужденных – последователь Пелагия пресвитер Целестий [41]. Последний представил Зосиму свой иск, представлявший собой апелляцию на решение о его осуждении, принятое африканцами и подтвержденное Иннокентием Римским. В обоснование правомочности своих возражений Целестий упирал на то, что его осуждение было предпринято в отсутствие обвиняющей стороны. В силу этого Целестий счел необходимым возобновить суд по своему делу с тем, чтобы изменить вынесенный ему в Карфагене приговор.

Обстоятельства рассмотрения дела Целестия на Римском соборе Зосим излагает в двух письмах, адресованных епископам Африки. Основным упреком в адрес собора Африканских Церквей было то, что его решение по делу Целестия было недолжным образом «внушено» (*inculcata*) римскому престолу [89, col. 650]. Зосим отмечает, что в «день дознания» по делу Целестия у него было много разнообразных дел, однако он не стал откладывать рассмотрение, чтобы не затягивать «ожидание» (*expectatio*) истца [89, col. 650]. Таким образом, на заседании сначала были рассмотрены другие дела, а затем был вызван Целестий, и ему было позволено зачитать свое исповедание веры (*libellus*). Папа специально указывает, что заседание проходило в базилике святого Климента (*in sancti Clementis basilica*) [89, col. 650], благодаря чему мы знаем место проведения этого собора.

Выяснилось, что Целестий никогда не видел Герота и Лазаря, которые письменно выдвинули против него обвинения – «отсутствующие против отсутствующего» (*absentes in absentem*). Зосим отмечает, что при таких обстоятельствах письма должны были быть от людей, обладающих несомненным авторитетом, между тем как Герот и Лазарь, по его мнению, были личностями весьма сомнительными: в нарушение правил поставления, ввиду возражений народа и клира, «неизвестные, инородные» (*ignotos, alienigenas*), они добились себе епископства в Галлии, от которого преж-

де добровольно отказывались [89, col. 651]. «Довольно досадно, – резюмирует он, – что таковыми [людьми] посредством писем было начато дело по обвинению отсутствующего, который является лично, излагает [свою] веру и подает апелляцию на обвинителя» (Satis urget, causam a talibus processisse per litteras in absentis ejus accusationem, qui se praesens tuetur, qui exponit fidem, qui provocat accusantem) [89, col. 651]¹⁷.

Рассмотрев дело Целестия, суд под председательством Зосима, в составе которого были епископы «из различных областей» (ex diversis regionibus) [89, col. 653], постановил, что в деле Целестия ранее «ничего ясно постановлено не было» (nihil liquido iudicatum sit) [89, col. 652] в силу недостаточной доказательной базы обвинения и сомнительной надежности обвинителей, которые в результате папским судом были удалены со своего «священнического места» и от «всякого общения» (sacerdotali... loco et omni communione submovimus) [89, col. 651]. Тем самым Целестий был очищен римским судом от возведенных на него в Африке обвинений, а обвинителям была предоставлена возможность в течение двух месяцев явиться в Рим, чтобы подтвердить свои обвинения [89, col. 653; 19, p. 650–653].

В письме от 21 сентября 417 г., направленном также Аврелию Карфагенскому и всем епископам Африки, Зосим сообщает о другом эпизоде рассмотрения африканских дел, а именно о том, что на соборном заседании были зачитаны переданные в Рим письма Пелагия. Исповедание веры Пелагия совпало с таковым же Целестия [89, col. 655]. На основании знакомства с этими документами Зосим пришел к выводу, что Пелагий был равным образом оклеветан Геротом и Лазарем (Video etiam hunc Pelagium, Herote et Lazaro scribentibus, infamari) [89, col. 655]. Зосим вновь пользуется возможностью рассказать о бесчинствах последних (Sed quamquam specialis illos apostolicae sedis auctoritas omni communione submoverit, discite et in hac epistula, licet strictim, hominum mores) [89, col. 656]: Лазарь в свое время обвинял Брикция, епископа Тура, в чем на Туринском соборе (in synodo Taurini oppidi) [89, col. 656] добился соучастия Прокула¹⁸. Через много лет (post multos annos) [89,

col. 656] Лазарь был рукоположен Прокулом во епископа Акв Секстиевых [32, p. 355]. Узурпатор Константин открыто объявляется здесь покровителем Лазаря (Stetitque in eo hactenus umbra sacerdotii, donec in tyranno imago staret imperii: quo loco post internecionem patroni sponte se exiit, et propria cessione damnavit) [89, col. 657]. Покровителем Герота также оказывается узурпатор (De Herote omnia similia, idem tyrannus patronus, caedes, turbae, presbyterorum contradicentium vincula et custodiae, et totius civitatis addictio, similis poenitentia de abdicatione sacerdotii) [89, col. 657].

Зосим объявляет письма Герота и Лазаря «ложными» (falsis litteris) [89, col. 657], а самих их – «легковесными доносчиками» (levium susurronum) [89, col. 657]. В отличие от Лазаря и Герота, Пелагий и Целестий предстали перед апостольским престолом как лично, так и в своих письмах и исповеданиях. Герот и Лазарь выглядят в глазах Зосима «лжесвидетелями» (falsi testes) [89, col. 658], и потому он дает их деятельности весьма жесткую оценку: «...всю Африку и всю безмятежную вселенную кафолического спокойствия затуманивают ради своих похотей две заразы» (...et totam Africam, universumque tranquillum catholicae serenitatis innubilant ad libidines suas duae pestes) [89, col. 660]. В сравнении с ними Пелагий и Целестий представляются «святыми» (ubi sanctorum aut accusationem aut pericula reperimus) [89, col. 658] и потому Зосим заявляет африканским епископам относительно дела Пелагия и Целестии следующее: «Да будет вам в радость признать, что те, кого обвиняли ложные судьи, никогда не были оторваны от нашего тела и кафолической истины» (sit vobis gaudium, eos quos falsi iudices criminabantur, agnoscere a nostro corpore et catholica veritate numquam fuisse divulsos) [89, col. 660].

Результаты. На основании данных о процедуре рассмотрения Римским собором дела Пелагия и Целестия можно сделать вывод о том, что церковное судопроизводство в значительной мере отражало процедуру судопроизводства гражданского. Французский исследователь Л. Дальмон усмотрел в письмах Зосима по делу Целестия беспрецедентный для римской кафедры уровень юридической грамотности и усвоения принципов римской

процессуальной культуры [11, р. 146–147]¹⁹. Это же наблюдение позволило ему говорить о том, что уже в первой четверти V в. папство стало принимать на себя функции и формы государственного судопроизводства, постепенно заменяя собой слабеющую гражданскую власть [11, р. 148].

Между тем из наблюдений над данными фактами можно сделать и другой вывод, а именно что римский престол в рамках судебных заседаний Римского собора в сентябре 417 г. получил широкое юридическое содействие со стороны западного двора, по-видимому весьма заинтересованного в широкой административной реинтеграции Галлии после ликвидации мятежа Константина III²⁰.

Помимо этого частного наблюдения, также и целый ряд косвенных признаков может, по нашему мнению, свидетельствовать о том, что связанные между собой галльские и африканские дела, рассмотренные Римским собором 417 г., имели государственно-политическую подоплеку и, по-видимому, были инициированы светской властью Западной империи [32, р. 360–361]. Фактически решения этого собора непосредственно направлены против трех связанных друг с другом лиц: бывшего епископа Арелата Герота, бывшего епископа Акв Секстиевых Лазаря и действующего епископа Массилии Прокула. Помимо этого, решениями собора затрагиваются прерогативы митрополита Нарбонна Илария и митрополита Вьенны Симплиция. Всех их объединяет то, что при Константине III они занимали свои кафедры на территориях, находящихся под контролем узурпатора, причем Герот и Лазарь пользовались покровительством последнего и были вовлечены в его дела²¹. Герот был епископом города – резиденции узурпатора и лично рукоположил Константина, когда дело последнего оказалось проигранным, что свидетельствует о близости их отношений. Иларий Нарбоннский был епископом города во время нахождения там вестготов и едва ли мог остаться в стороне во время свадьбы Атаульфа и Галлы Пладиции²², в 417 г. уже ставшей супругой соправителя Гонория Констанция [72, р. 60–93; 71, р. 112–117]. Тем самым мы можем констатировать, что государственная власть имела вполне ясные мотивы

уладить на церковно-юридическом и церковно-административном уровнях галльские дела так, как это было сделано. Африканское дело при этом очевидным образом выступает здесь как способ сведения счетов с двумя галльскими деятелями и тем самым служит проекцией дел галльских.

То, что Зосим оказался инструментом государственной политики, видно также из того, что в его интересы едва ли могло входить выступление против значительного количества влиятельных южногалльских епископов и митрополитов, которых в нарушение принятых канонических постановлений он лишил власти в своих провинциях и настроил против себя. Что же касается африканских дел, то Зосим фактически пошел на отмену совсем недавних, начала того же года, решений своего предшественника Иннокентия I, авторитет которого он явным образом подорвал²³.

Несмотря на беспрецедентно властный тон посланий Зосима и изложенное им представление об исключительном положении и прерогативах римской кафедры [89, col. 675–677], его действия едва ли способствовали их укреплению. Уже в мае следующего года, вслед за очередным разворотом императорской политики в отношении Африки, выразившимся в публикации Гонорием эдикта, осуждающего пелагианство, Зосим отозвал принятое им в отношении Пелагия и Целестия решение [55, S. 156–159; 82, S. 209–218; 84, S. 252–254; 83; 51, р. 368–372]²⁴. Созданная же им в 417 г., явно противоречащая основополагающим канонам и вызвавшая многочисленные протесты церковно-административная система, при которой в Южной Галлии стала доминировать арелатская кафедра, была упразднена при преемнике Зосима – папе Бонифации I (418–433) [10, S. 360; 37, S. 130; 52, S. 53–61; 84, S. 264–277; 80, S. 48–55; 22; 18; 2, с. 62–65]. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что очевидных мотивов, обусловленных стремлением к укреплению положения римской кафедры, в действиях папы Зосима не просматривается и тем самым, скорее всего, его действия в ходе Римского собора сентября 417 г. сводились к обслуживанию текущей государственной политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О Марке см.: [56, p. 719–720; 76]. Об узурпациях в эту эпоху в Западной Римской империи в целом см.: [39, p. 341–368; 48; 77, S. 205–340].

² См. о нем: [32; 28; 16; 53; 13; 20]. На лионских солидах Константин фигурирует как Flavius Claudius Constantinus: [4, p. 246–248; 46, p. 347].

³ Согласно сообщению Орозия, он был монахом: [65, p. 551].

⁴ См. возражения Дж. Данна: [24, p. 36–40].

⁵ [69, p. 466]: Eodem tempore Heros vir sanctus et beati Martini discipulus cum Arelatensi oppido episcopus praesideret, a populo eiusdem civitatis insons et nulli insimulationi obnoxius pulsus est inque eius locum Patroclus ordinatus amicus et familiaris Constantii magistri militum, cuius per ipsum gratia quaerebatur, eaque res inter episcopos regionis illius magnarum discordiarum materia fuit.

⁶ На свою кафедру в Аквах Секстиевых также вернулся и изгнанный при узурпаторе Ремигий, но о причастности к его возвращению Констанция сведений нет.

⁷ Помимо общих работ, посвященных понтификату Зосима, следует специально отметить следующие: [52, S. 18–52; 57, p. 44–68; 32; 54; 27; 20; 23; 25; 26; 24; 2, с. 57–62].

⁸ Состав городов с епископскими кафедрами в этих провинциях: [52, S. 28–29].

⁹ О Трофиме см.: [17, p. 253; 35, p. 104; 2, с. 58–61].

¹⁰ Ср. работы Дж. Данна: [23–25, 27].

¹¹ Впрочем, несмотря на достаточно странное рассуждение Данна в пользу того, что первое послание Зосима написано в ответ на ходатайство Патрокла, которое якобы было направлено еще Иннокентию, очевидно, что однозначных аргументов в пользу этого у автора нет. Приведенное выше свидетельство Проспера, которое Данн интерпретирует в том смысле, что Констанций «оказался втянут в местную склоку» (drawn into a local squabble [23, p. 565]) и тем самым поставление Патрокла не было его инициативой, оказывается, по сути, единственным, на котором Данн строит свою версию.

¹² Тем самым Зосим считал, что затронутое им дело касается всей галльской префектуры. См.: [66, p. 1014–1015]. Пьетри не без иронии подчеркивает несоразмерность малой значимости дела и размах оглашения его результата, однако такая ирония оказывается не вполне уместной. Следует подчеркнуть, что доведение до сведения всей административной единицы постановлений, касающихся ее части, – обычная черта государственных распорядительных документов.

¹³ Приведем здесь важнейшие новые работы по Туринскому собору, в наибольшей степени учи-

тывающие относящуюся к этому вопросу более старую библиографию: [32, p. 355–359; 47; 5; 58; 20; 2, с. 54–57].

¹⁴ Вопреки Д. Фрау [32, p. 354–355], Дж. Данн не усматривает политических мотивов в протесте Илария против действий Зосима: [24, p. 36–42].

¹⁵ Хотя это очевидным образом было не так: права митрополитов вытекали из общего принципа организации церковно-административной структуры и были зафиксированы I Вселенским собором в Никее (325 г.).

¹⁶ В данном пассаже Зосим оспаривает полномочия Туринского собора решать этот вопрос, говоря, что собор «присвоил» себя таковое право. Соответственно, представляется неточным толкование Дж. Данном этого места: «To reinforce his own importance, Zosimus stated that Proculus of Marseilles seeking (*irrepserat*) of the position as a personal metropolitan was invalid (*furtive... usurpatum*) because it had been given him by a synod that had not the authority to do so (*per indebita synodo*)» [27, p. 266]. По непонятной причине Данн оставляет без внимания предлог «a» перед словом «synodo». Пьетри и вовсе связывает оба слова в «*indebita synodus*», не обращая внимания на то, что в цитируемом им месте в издании стоит «*per indebita a synodo*», очевидно несовместимое с его трактовкой этого пассажа [66, p. 1017–1018, n. 3].

¹⁷ Выражение «*provocat accusantem*» совершенно четко указывает на то, что речь идет об апелляции. Именно это в первую очередь свидетельствует о характере процесса. Ср.: [19, p. 652].

¹⁸ Этот эпизод упоминается и в письме от 27 сентября 417 г. [89, col. 662] по галльскому делу Урса и Туенция, которое было направлено в том числе и в Африку.

¹⁹ Среди прочего Дальмон фиксирует в «африканских» письмах Зосима практически дословные совпадения с памятниками императорского законодательства.

²⁰ Весьма любопытное противопоставление Зосимом цитаты из Деяний апостольских о римском суде и замечания о поспешности африканского суда, а также сделанная им высокая оценка тщательности подхода светских судов к подбору свидетелей и доказательств могут косвенно свидетельствовать о вовлеченности светской власти в дело оправдания Целестия и Пелагия. Ср.: [89, col. 659–660].

²¹ Эти гонения, пожалуй, можно рассматривать как продолжение расправ над галльской знатью, поддержавшей в свое время Константина III. Ср.: [32, p. 353].

²² Свадьба проходила в доме одного из «первых граждан города» (τινὸς πρώτου τῶν ἐν τῇ πόλει) Ингенция: [63, p. 459]. Необходимость для Констанция осаждать Нарбонн в 415–417 гг. с целью прину-

доть вестготов уйти из города вполне могла вызвать у него недовольство местным епископом. См.: [32, p. 353–354].

²³ Ср. выводы в: [51, p. 364; 19, p. 654–655].

²⁴ Ср. [51, p. 372]: «To put the matter bluntly, Zosimus changed his mind for purely political reasons».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грацианский, М. В. Роль и место Римской Церкви в межцерковных отношениях в понтификат Иннокентия I (402–417) / М. В. Грацианский // Византийский временник. – 2020. – Т. 104. – С. 64–89.
2. Норкин, К. В. Становление церковного первенства Арля в Галлии и римские папы (398–432 гг.) / К. В. Норкин // Византийский временник. – 2019. – Т. 103. – С. 53–69.
3. Barnwell, P. S. Emperor, Prefects and Kings, the Roman West, 395–565 / P. S. Barnwell. – L. : Duckworth, 1992. – VII, 248 p.
4. Bastien, P. Le monnayage de l'atelier de Lyon. Du regne de Jovien à la mort de Jovin (363–413) / P. Bastien. – Wetteren : Cultura Press, 1987. – 272 p.
5. Bleckmann, B. *Arelate metropolis*: Überlegungen zur Datierung des Konzils von Turin und zur Geschichte Galliens im 5. Jahrhundert / B. Bleckmann // Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte. – 2003. – Bd. 98. – S. 162–173.
6. Bonner, G. Augustine's Visit to Caesarea in 418 / G. Bonner // Studies in Church History. – 1964. – Vol. 1. – P. 104–113.
7. Brown, P. Pelagius and His Supporters: Aims and Environment / P. Brown // The Journal of Theological Studies. – 1968. – Vol. 19/1. – P. 93–114.
8. Brown, P. The Patrons of Pelagius: The Roman Aristocracy Between East and West / P. Brown // The Journal of Theological Studies. – 1970. – Vol. 21/1. – P. 56–72.
9. Bury, J. B. History of the Later Roman Empire. From the Death of Theodosius I. to the Death of Justinian (A.D. 395 to A.D. 565). Vol. 1 / J. B. Bury. – L. : Macmillan and Co, 1931. – XV, 471 p.
10. Caspar, E. Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft. Bd. 1 / E. Caspar. – Tübingen : Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1933. – XV, 633 S.
11. Dalmon, L. Le pape Zosime et la tradition juridique romaine / L. Dalmon // Eruditio Antiqua. – 2009. – Vol. 1. – P. 141–154.
12. Demougeot, É. A propos des interventions du pape Innocent Ier dans la politique séculière / É. Demougeot // Revue Historique. – 1954. – Т. 212, Fasc. 1. – P. 23–38.
13. Demougeot, É. Constantin III, lempereur d'Arles / É. Demougeot // Homage à André Dupont. Études médiévales languedociennes / éd. G. Barrauol [et al.]. – Montpellier : Fédération Historique du Languedoc Méditerranéen et du Roussillon, 1974. – P. 83–125.
14. Demougeot, É. L'évolution politique de Galia Placidia / É. Demougeot // Geriôn. – 1985. – Vol. 3. – P. 183–210.
15. Doyle, Ch. Honorius. The Fight for the Roman West AD 305–423 / Ch. Doyle. – L. ; N. Y. : Routledge, 2019. – XX, 205 p.
16. Drinkwater, J. F. The Usurpers Constantine III (407–411) and Jovinus (411–413) / D. F. Drinkwater // Britannia. – 1998. – Vol. 29. – P. 269–298.
17. Duchesne, L. Fastes épiscopaux de l'ancienne Gaule. T. 1 / L. Duchesne. – P. : Albert Fontemoing, 1907. – VII, 376 p.
18. Dunn, G. D. Innocent I's Appointment of Boniface as Papal Legate to Constantinople? / G. D. Dunn // Sacris Erudiri. – 2012. – Vol. 51. – P. 135–149.
19. Dunn, G. D. Did Zosimus Pardon Caesarius? / G. D. Dunn // Lex et religio in eta tardoantica. XL Incontro di studiosi dell'antichità cristiana, Roma 10–12 maggio 2012. – Roma : Institutum Patristicum Augustinianum, 2013. – P. 647–656. – (Studia Ephemeridis Augustinianum ; vol. 135).
20. Dunn, G. D. Flavius Constantius and Affairs in Gaul between 411 and 417 / G. D. Dunn // Journal of the Australian Early Medieval Association. – 2014. – Vol. 10. – P. 1–21.
21. Dunn, G. D. Constantius III Galla Placidia and the Aquitanian Settlement of the Goths / G. D. Dunn // Phoenix. – 2015. – Vol. 69, № 3–4. – P. 376–393.
22. Dunn, G. D. Imperial Intervention in the Disputed Roman Episcopal Election of 418/419 / G. D. Dunn // Journal of Religious History. – 2015. – Vol. 39, № 1. – P. 1–13.
23. Dunn, G. D. *Placuit apostolicae* (Ep. 1) of Zosimus of Rome and the Ecclesiastical Reorganization of Gaul / G. D. Dunn // Journal of Early Christian Studies. – 2015. – Vol. 23, № 4. – P. 559–581.
24. Dunn, G. D. ...*Quid habuerit antiqua consuetudo*: Zosimus of Rome and Hilary of Narbonne / G. D. Dunn // Revue d'Histoire Ecclésiastique. – 2015. – Vol. 110. – P. 31–55.
25. Dunn, G. D. Zosimus' Synod of Rome in September 417 and His Letter to Western Bishops (*Cum aduersus*) / G. D. Dunn // Antiquité tardive. – 2015. – Vol. 23. – P. 395–405.
26. Dunn, G. D. The Ecclesiastical Reorganisation of Space and Authority in Late Antique Gaul: Zosimus' Letter *Multa contra* (JK 334 = J3 740) / G. D. Dunn // Journal of the Australian Early Medieval Association. – 2016. – Vol. 12. – P. 1–33.
27. Dunn, G. D. Epistolary Sleight of Hand: Diplomatic Manipulation in Zosimus' Letter to Patroclus of Arles (*Quid de Proculi*) / G. D. Dunn // Vigiliae Christianae. – 2019. – Vol. 73. – P. 254–270.

28. Ehling, K. Zur Geschichte Constantins III / K. Ehling // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. – 1996. – Bd. 23/1. – S. 1–11.
29. Fabricius, C. Die *Litterae Formatae* im Frühmittelalter / C. Fabricius // Archiv für Urkundenforschung. – 1926. – Bd. 9. – S. 39–86, 168–194.
30. Ferguson, J. Pelagius / J. Ferguson. – Cambridge : W. Heffer & Sons Ltd., 1956. – IX, 206 p.
31. Fraisse-Coué, Ch. Zosime / Ch. Fraisse-Coué // Dictionnaire historique de la papauté / Sous la direction de Ph. Levillain. – P. : Fayard, 1994. – P. 1743–1745.
32. Frye, D. Bishops as Pawns in Early Fifth-Century Gaul / D. Frye // Journal of Ecclesiastical History. – 1991. – Vol. 42/3. – P. 349–361.
33. Frye, D. Is Cl. Postumus Dardanus the Lepidus of *De reditu suo* 1.307? / D. Frye // Hermes. – 1993. – Vol. 121. – P. 382–383.
34. Fuhrmann, H. Studien zur Geschichte mittelalterlicher Patriarchate / H. Fuhrmann // Zeitschrift der Savigny-Stiftung. Kanonische Abteilung. – 1953. – Bd. 39. – S. 112–176.
35. Griffe, É. La Gaule chretienne à l'époque romaine. T. 1 / É. Griffe. – P. : A. et D. Picard, 1947. – XII, 303 p.
36. Griffe, É. La Gaule chrétienne à l'époque romaine. T. 2 / É. Griffe. – P. : Letouzey et Ané, 1966. – VIII, 257 p.
37. Haller, J. Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit. Bd. 1 / J. Haller. – Stuttgart : Port Verlag, 1950. – 560 S.
38. Halsall, G. Barbarian Migrations and the Roman West, 376–568 / G. Halsall. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – XVIII, 594 p.
39. Hatt, J. J. Histoire de la Gaule romaine (120 avant J.-C. – 451 après J.-C.) / J. J. Hatt. – P. : Payot, 1970. – 405 p.
40. Heinzelmann, M. Bischofsherrschaft in Gallien. Zur Kontinuität römischer Führungsschichten vom 4. bis zum 7. Jahrhundert. Soziale, prosopographische und bildungsgeschichtliche Aspekte / M. Heinzelmann. – München : Artemis Verlag Zürich und München, 1976. – 281 S.
41. Honnay, G. Caelestius, discipulus Pelagii / G. Honnay // Augustiniana. – 1994. – Vol. 44, № 3/4. – P. 271–302.
42. Jasper, D., Fuhrmann, H. Papal Letters in the Early Middle Ages. – Washington, DC : The Catholic University of America Press, 2001. – XIII, 225 p.
43. Jones, A. H. M. The Later Roman Empire 284–602. Vol. 1 / A. H. M. Jones. – Oxford : Basil Blackwell, 1964. – XV, 522 p.
44. Kelly, J. N. D. The Oxford Dictionary of Popes / J. N. D. Kelly. – Oxford ; N. Y. : Oxford University Press, 1986. – 347 p.
45. Kent, J. P. C. An Unusual Solidus of Constantine III (407–408) / J. P. C. Kent // Mélanges de numismatique offerts à Pierre Bastien / éd. par H. Huvelin, M. Christol, G. Gautier. – Wetteren : Cultura Press, 1987. – P. 281–284.
46. Kent, J. P. C. The Roman Imperial Coinage. T. 10 / J. P. C. Kent. – L. : Spink and Son LTD, 1994. – CLXXXII, 509 p.
47. Kulikowski, M. E. Two Councils of Turin / M. E. Kulikowski // Journal of Theological Studies. – 1996. – Vol. 47. – P. 159–168.
48. Kulikowski, M. E. Barbarians in Gaul, Usurpers in Britain / M. E. Kulikowski // Britannia. – 2000. – Vol. 31. – P. 325–345.
49. Lamberigts, M. Augustine and Julian of Aeclanum on Zosimus / M. Lamberigts // Augustiniana. – 1992. – Vol. 42. – P. 311–330.
50. Lamberigts, M. Recent Research into Pelagianism with Particular Emphasis on the Role of Julian of Aeclanum / M. Lamberigts // Augustiniana. – 2002. – Vol. 52, № 2–4. – P. 175–198.
51. Lamberigts, M. Co-operation of Church and State in the Condemnation of the Pelagians: The Case of Zosimus / M. Lamberigts // Religious Polemics in Context. Papers presented at the 2nd International Conference of the Leiden Institute for the Study of Religions (LISOR) held at Leiden (27–28 April 2000) / ed. by T. L. Hetteema, A. van der Kooij. – Assen : Royal Van Gorcum, 2004. – P. 363–375.
52. Langgärtner, G. Die Gallienpolitik der Päpste im 5. und 6. Jahrhundert. Eine Studie über den apostolischen Vikariat von Arles / G. Langgärtner. – Bonn : Peter Hanstein Verlag, 1964. – 198 S.
53. Lütkenhaus, W. Constantius III: Studien zu seiner Tätigkeit und Stellung im Westreich 411–421 / W. Lütkenhaus. – Bonn : Dr Rudolf Habelt, 1998. – XI, 232 S.
54. Marcos, M. Papal Authority, Local Autonomy and Imperial Control: Pope Zosimus and the Western Churches (a. 417–18) / M. Marcos // The Role of the Bishop in Late Antiquity. Conflict and Compromise / ed. by A. Fear, J. Fernández Ubiña, M. Marcos. – L. ; N. Y. : Bloomsbury Academic, 2013. – P. 145–166.
55. Marschall, W. Karthago und Rom. Die Stellung der nordafrikanischen Kirche zum apostolischen Stuhl in Rom / W. Marschall. – Stuttgart : Anton Hiersemann, 1971. – VII, 240 S.
56. Martindale, J. R. Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2 / J. R. Martindale. – Cambridge ; L. ; N. Y. ; New Rochelle ; Melbourne ; Sydney : Cambridge University Press, 1980. – XLI, 1341 p.
57. Mathisen, R. W. Ecclesiastical Factionalism and Religious Controversy in Fifth-Century Gaul / R. W. Mathisen. – Washington : The Catholic University of America Press, 1989. – XIX, 347 p.
58. Mathisen, R. W. The Council of Turin (398/399) and the Reorganization of Gaul ca. 395/406 / R. W. Mathisen // Journal of Late Antiquity. – 2013. – Vol. 6, № 2. – P. 264–307.

59. Matthews, J. *Western Aristocracies and Imperial Court, A.D. 364–425* / J. Matthews. – Oxford : Clarendon Press, 1975. – XIV, 427 p.
60. Mazzarino, S. *Stilicone : La crisi Imperiale dopo Teodosio* / S. Mazzarino. – Roma : Angelo Signorelli, 1942. – VIII, 401 p.
61. McEvoy, M. A. *Child Emperor Rule in the Late Roman West, AD 367–455* / M. A. McEvoy. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – XI, 367 p.
62. O'Flynn, J. M. *Generalissimos of the Western Roman Empire* / J. M. O'Flynn. – Edmonton : The University of Alberta Press, 1983. – XVI, 238 p.
63. *Olympiodori fragmenta* / ed. L. Dindorf // *Historici Graeci minores*. Vol. I. – Lipsiae : Teubner, 1870. – P. 450–472.
64. Oost, S. I. *Galla Placidia Augusta : A Biographical Essay* / S. I. Oost. – Chicago ; L. : University of Chicago Press, 1968. – X, 346 p.
65. *Pauli Orosii Historiarum adversus paganos libri VII* / ed. C. Zangemeister. – Vindobonae : Apud C. Geroldi filium Bibliopolam Academiae, 1882. – XXXVIII, 819 p. – (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum ; vol. 5).
66. Pietri, Ch. *Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440)*. Vol. 2 / Ch. Pietri. – Roma : École française de Rome, 1976. – 1792 p.
67. *Prosopographie chrétienne du Bas-Empire*. T. 4. Vol. 1 / éd. L. Pietri, M. Heijmans. – P. : Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 2013. – 1031 p.
68. *Prosopographie chrétienne du Bas-Empire*. T. 4. Vol. 2 / éd. L. Pietri, M. Heijmans. – P. : Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 2013. – 2067 p.
69. *Prosperi Tironis Epitoma de Chronicon* / éd. Th. Mommsen // *Monumenta Germaniae Historica*. T. 9. Vol. 1. – Berlin : Apud Weidemannos, 1892. – P. 341–499.
70. Reynolds, J. *Defending Rome: The Masters of the Soldiers* / J. Reynolds. – Sydney : Xlibris, 2011. – 252 p.
71. Salisbury, J. E. *Rome's Christian Empress. Galla Placidia Rules at the Twilight of the Empire* / J. E. Salisbury. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2015. – IX, 236 p.
72. Sivan, H. *Galla Placidia. The Last Roman Empress* / H. Sivan. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – X, 224 p.
73. Sivonen, P. *Being a Roman Magistrate. Office-holding and Roman Identity in Late Antique Gaul* / P. Sivonen. – Helsinki : Suomalaisen kirjallisuuden seura, 2006. – 178 p.
74. *Sozomenus. Kirchengeschichte*. 2. Aufl. / hrsg. von J. Bidez, G. Ch. Hansen. – Berlin : Akademie Verlag, 1995. – LXVII, 548 p.
75. Stein, E. *Histoire du Bas-Empire*. Vol. 1 / E. Stein. – P. ; Brussels ; Amsterdam : Desclée de Brouwer, 1959. – XVI, 406 p.
76. Stevens, C. E. *Marcus, Gratian, Constantine* / C. E. Stevens // *Athenaeum*. – 1957. – Vol. 35. – P. 316–347.
77. Szidat, J. *Usurpator tanti nominis. Kaiser und Usurpator in der Spätantike (337–476 n. Chr.)* / J. Szidat. – Stuttgart : Franz-Steiner Verlag, 2010. – 458 p.
78. *Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes*. T. 1 / eds. Th. Mommsen, P. Meyer. – Berlin : Apud Weidmannos, 1895. – CCCLXXX, 931 p.
79. Thompson, E. A. *Britain, A.D. 406–410* / E. A. Thompson // *Britannia*. – 1977. – Vol. 8. – P. 303–318.
80. Ullmann, W. *Gelasius I. (492–496). Das Papsttum an der Wende der Spätantike zum Mittelalter* / W. Ullmann. – Stuttgart : Anton Hiersemann, 1981. – XII, 317 p.
81. Villegas Marin, R. *La primacia de Arlés en las iglesias galas durante el episcopado de Patroclo (411/413–426)* / R. Villegas Marin // *Costellazioni geo-ecclesiali da Costantino a Giustiniano: dalle chiese 'principali' alle chiese patriarcali: XLIII Incontro di Studiosi dell'Antichità Cristiana (Roma, 7–9 maggio 2015)* / ed. M. Ghilardi, G. Pilara. – Roma : Institutum Patristicum Augustinianum, 2017. – P. 307–318.
82. Wermelinger, O. *Rom und Pelagius. Die theologische Position der römischen Bischöfe im pelagianischen Streit in den Jahren 411–432* / O. Wermelinger. – Stuttgart : Anton Hiersemann Verlag, 1975. – XII, 340 S.
83. Wermelinger, O. *Das Pelagiusdossier in der Tractoria des Zosimus* / O. Wermelinger // *Freiburger Zeitschrift für Philosophie und Theologie*. – 1979. – Bd. 26. – S. 336–338.
84. Wojtowysch, M. *Papsttum und Konzile von den Anfängen bis zu Leo I. (440–461). Studien zur Entstehung der Überordnung des Papstes über Konzile* / M. Wojtowysch. – Stuttgart : Anton Hiersemann, 1981. – XII, 468 S.
85. Wood, I. *The Fall of the Western Empire and the End of Roman Britain* / I. Wood // *Britannia*. – 1987. – Vol. 18. – P. 251–262.
86. Wood, I. *The Final Phase* / I. Wood // *A Companion to Roman Britain* / ed. by M. Todd. – Oxford : Blackwell Publishing, 2004. – P. 428–442.
87. Zosime. *Histoire nouvelle*. T. III. 1re partie / éd. F. Paschoud. – P. : Les belles lettres, 1986. – 352 p.
88. Zosime. *Histoire nouvelle*. T. III. 2e partie / éd. F. Paschoud. – P. : Les belles lettres, 1989. – 216 p.
89. *Zosimi papae Epistolae et Decreta* // *Quinti saeculi scriptorum ecclesiasticorum qui ad S. Hieronymum usque floruerunt nonnullis tantum exceptis, melius alibi collocandis, ut in eorum loco*

adnotabitur, opera omnia et ordine chronologico digesta / éd. J. P. Migne. – P. : Venit apud editorem, 1845. – Col. 637–704. – (Patrologiae cursus completus. Series latina ; vol. 20).

REFERENCES

1. Gratsianskiy M.V. Rol i mesto Rimskoy Tserkvi v mezhtserkovnykh otnosheniyakh v pontifikat Innokentiya I (402–417) [The Role and Place of the Roman Church in Inter-Church Relations in the Pontificate of Innocent I (402–417)]. *Vizantiiskii vremennik*, 2020, vol. 104, pp. 64–89.

2. Norkin K.V. Stanovlenie tserkovnogo pervenstva Arlyi v Gallii i rimskie papy (398–432 gg.) [The Formation of the Ecclesiastical Primacy of Arles in Gaul and the Popes of Rome in 398–432]. *Vizantiiskii vremennik*, 2019, vol. 103, pp. 53–69.

3. Barnwell P.S. *Emperor, Prefects and Kings, the Roman West, 395–565*. London, Duckworth, 1992. VII, 248 p.

4. Bastien P. *Le monnayage de l'atelier de Lyon. Du regne de Jovien à la mort de Jovin (363–413)*. Wetteren, Cultura Press, 1987. 272 p.

5. Bleckmann B. *Arelate metropolis: Überlegungen zur Datierung des Konzils von Turin und zur Geschichte Galliens im 5. Jahrhundert. Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte*, 2003, Bd. 98, S. 162–173.

6. Bonner G. Augustine's Visit to Caesarea in 418. *Studies in Church History*, 1964, vol. 1, pp. 104–113.

7. Brown P. Pelagius and His Supporters: Aims and Environment. *The Journal of Theological Studies*, 1968, vol. 19/1, pp. 93–114.

8. Brown P. The Patrons of Pelagius: The Roman Aristocracy Between East and West. *The Journal of Theological Studies*, 1970, vol. 21/1, pp. 56–72.

9. Bury J.B. *History of the Later Roman Empire. From the Death of Theodosius I. to the Death of Justinian (A.D. 395 to A.D. 565). Vol. 1*. London, Macmillan and Co, 1931. XV, 471 p.

10. Caspar E. *Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft. Bd. 1*. Tübingen, Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1933. XV, 633 S.

11. Dalmon L. Le pape Zosime et la tradition juridique romaine. *Eruditio Antiqua*, 2009, vol. 1, pp. 141–154.

12. Demougeot É. A propos des interventions du pape Innocent Ier dans la politique séculière. *Revue Historique*, 1954, vol. 212, Fasc. 1, pp. 23–38.

13. Demougeot É. Constantin III, lempereur d'Arles. Barruol et al., éd. *Homage à André Dupont. Études médiévales languedociennes*. Montpellier, Fédération Historique du Languedoc Méditerranéen et du Roussillon, 1974. pp. 83–125.

14. Demougeot É. L'évolution politique de Galia Placidia. *Gerion*, 1985, vol. 3, pp. 183–210.

15. Doyle Ch. *Honorius. The Fight for the Roman West AD 305–423*. London, New York, Routledge, 2019. XX, 205 p.

16. Drinkwater J.F. The Usurpers Constantine III (407–411) and Jovinus (411–413). *Britannia*, 1998, vol. 29, pp. 269–298.

17. Duchesne L. *Fastes épiscopaux de l'Ancienne Gaule. T. 1*. Paris, Albert Fontemoing, 1907. VII, 376 p.

18. Dunn G.D. Innocent I's Appointment of Boniface as Papal Legate to Constantinople? *Sacris Erudiri*, 2012, vol. 51, pp. 135–149.

19. Dunn G.D. Did Zosimus Pardon Caelestius? *Lex et religio in eta tardoantica. XL Incontro di studiosi dell'antichità cristiana, Roma 10–12 maggio 2012*. Roma, Institutum Patristicum Augustinianum, 2013, pp. 647–656. (*Studia Ephemeridis Augustinianum*, vol. 135).

20. Dunn G.D. Flavius Constantius and Affairs in Gaul Between 411 and 417. *Journal of the Australian Early Medieval Association*, 2014, vol. 10, pp. 1–21.

21. Dunn G.D. Constantius III Galla Placidia and the Aquitanian Settlement of the Goths. *Phoenix*, 2015, vol. 69, no. 3–4, pp. 376–393.

22. Dunn G.D. Imperial Intervention in the Disputed Roman Episcopal Election of 418/419. *Journal of Religious History*, 2015, vol. 39, no. 1, pp. 1–13.

23. Dunn G.D. *Placuit apostolicae* (Ep. 1) of Zosimus of Rome and the Ecclesiastical Reorganization of Gaul. *Journal of Early Christian Studies*, 2015, vol. 23, no. 4, pp. 559–581.

24. Dunn G.D. ...*Quid habuerit antiqua consuetudo*: Zosimus of Rome and Hilary of Narbonne. *Revue d'Histoire Ecclésiastique*, 2015, vol. 110, pp. 31–55.

25. Dunn G.D. Zosimus' Synod of Rome in September 417 and His Letter to Western Bishops (*Cum aduersus*). *Aniquité tardive*, 2015, vol. 23, pp. 395–405.

26. Dunn G.D. The Ecclesiastical Reorganisation of Space and Authority in Late Antique Gaul: Zosimus' Letter *Multa contra* (JK 334 = J3 740). *Journal of the Australian Early Medieval Association*, 2016, vol. 12, pp. 1–33.

27. Dunn G.D. Epistolary Sleight of Hand: Diplomatic Manipulation in Zosimus' Letter to Patroclus of Arles (*Quid de Proculi*). *Vigiliae Christianae*, 2019, vol. 73, pp. 254–270.

28. Ehling K. Zur Geschichte Constantins III. *Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte*, 1996, Bd. 23/1, S. 1–11.

29. Fabricius C. Die *Litterae Formatae* im Frühmittelalter. *Archiv für Urkundenforschung*, 1926, Bd. 9, S. 39–86, 168–194.

30. Ferguson J. *Pelagius*. Cambridge, W. Heffer & Sons Ltd., 1956. IX, 206 p.

31. Fraisse-Coué Ch. Zosime. Levillain Ph., ed. *Dictionnaire historique de la papauté*. Paris, Fayard, 1994. pp. 1743-1745.
32. Frye D. Bishops as Pawns in Early Fifth-Century Gaul. *Journal of Ecclesiastical History*, 1991, vol. 42/3, pp. 349-361.
33. Frye D. Is Cl. Postumus Dardanus the Lepidus of *De reditu suo* 1.307? *Hermes*, 1993, vol. 121, pp. 382-383.
34. Fuhrmann H. Studien zur Geschichte mittelalterlicher Patriarchate. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung. Kanonische Abteilung*, 1953, Bd. 39, S. 112-176.
35. Griffe É. *La Gaule chrétienne à l'époque romaine. T. 1*. Paris, A. et D. Picard, 1947. XII, 303 p.
36. Griffe É. *La Gaule chrétienne à l'époque romaine. T. 2*. Paris, Letouzey et Ané, 1966. VIII, 257 p.
37. Haller J. *Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit. Bd. 1*. Stuttgart, Port Verlag, 1950. 560 p.
38. Halsall G. *Barbarian Migrations and the Roman West, 376–568*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. XVIII, 594 p.
39. Hatt J.J. *Histoire de la Gaule romaine (120 avant J.-C. – 451 après J.-C.)*. Paris, Payot, 1970. 405 p.
40. Heinzelmann M. *Bischofsherrschaft in Gallien. Zur Kontinuität römischer Führungsschichten vom 4. bis zum 7. Jahrhundert. Soziale, prosopographische und bildungsgeschichtliche Aspekte*. München, Artemis Verlag Zürich und München, 1976. 281 S.
41. Honnay G. Caelestius, discipulus Pelagii. *Augustiniana*, 1994, vol. 44, no. 3–4, pp. 271-302.
42. Jasper D., Fuhrmann H. *Papal Letters in the Early Middle Ages*. Washington DC, The Catholic University of America Press, 2001. XIII, 225 p.
43. Jones A.H.M. *The Later Roman Empire 284–602. Vol. 1*. Oxford, Basil Blackwell, 1964. XV, 522 p.
44. Kelly J.N.D. *The Oxford Dictionary of Popes*. Oxford, New York, Oxford University Press, 1986. 347 p.
45. Kent J.P.C. An Unusual Solidus of Constantine III (407–408). Huvelin H., Christol M., Gautier G., eds. *Mélanges de numismatique offerts à Pierre Bastien*. Wetteren, Cultura Press, 1987. pp. 281-284.
46. Kent J.P.C. *The Roman Imperial Coinage. T. 10*. London, Spink and Son LTD, 1994. CLXXXII, 509 p.
47. Kulikowski M.E. Two Councils of Turin. *Journal of Theological Studies*, 1996, vol. 47, pp. 159–168.
48. Kulikowski M. Barbarians in Gaul, Usurpers in Britain. *Britannia*, 2000, vol. 31, pp. 325-345.
49. Lamberigts M. Augustine and Julian of Aeclanum on Zosimus. *Augustiniana*, 1992, vol. 42, pp. 311-330.
50. Lamberigts M. Recent Research into Pelagianism with Particular Emphasis on the Role of Julian of Aeclanum. *Augustiniana*, 2002, vol. 52, no. 2–4, pp. 175-198.
51. Lamberigts M. Co-operation of Church and State in the Condemnation of the Pelagians: The Case of Zosimus. Hettema T.L., van der Kooij A., eds. *Religious Polemics in Context. Papers Presented at the 2nd International Conference of the Leiden Institute for the Study of Religions (LISOR) held at Leiden (27–28 April 2000)*. Assen, Royal Van Gorcum, 2004, pp. 363-375.
52. Langgärtner G. *Die Gallienpolitik der Päpste im 5. und 6. Jahrhundert. Eine Studie über den apostolischen Vikariat von Arles*. Bonn, Peter Hanstein Verlag, 1964. 198 S.
53. Lütkenhaus W. *Constantius III: Studien zu seiner Tätigkeit und Stellung im Westreich 411–421*. Bonn, Dr Rudolf Habelt, 1998. XI, 232 S.
54. Marcos M. Papal Authority, Local Autonomy and Imperial Control: Pope Zosimus and the Western Churches (a. 417–18). Fear A., Fernández Ubiña J., Marcos M., eds. *The Role of the Bishop in Late Antiquity. Conflict and Compromise*. London, New York, Bloomsbury Academic, 2013, pp. 145-166.
55. Marschall W. *Karthago und Rom. Die Stellung der nordafrikanischen Kirche zum apostolischen Stuhl in Rom*. Stuttgart, Anton Hiersemann, 1971. VII, 240 S.
56. Martindale J.R. *Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2*. Cambridge, London, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney, Cambridge University Press, 1980. XLI+1341 p.
57. Mathisen R.W. *Ecclesiastical Factionalism and Religious Controversy in Fifth-Century Gaul*. Washington, The Catholic University Of America Press, 1989. XIX, 347 p.
58. Mathisen R.W. The Council of Turin (398/399) and the Reorganization of Gaul ca. 395/406. *Journal of Late Antiquity*, 2013, vol. 6, no. 2, pp. 264–307.
59. Matthews J. *Western Aristocracies and Imperial Court, A.D. 364–425*. Oxford, Clarendon Press, 1975. XIV, 427 p.
60. Mazzarino S. *Stilicone : La crisi Imperiale dopo Teodosio*. Roma, Angelo Signorelli, 1942. VIII, 401 p.
61. McEvoy M.A. *Child Emperor Rule in the Late Roman West, AD 367–455*. Oxford, Oxford University Press, 2013. XI, 367 p.
62. O'Flynn J.M. *Generalissimos of the Western Roman Empire*. Edmonton, The University of Alberta Press, 1983. XVI, 238 p.
63. Dindorf L., ed. *Olympiodori fragmenta. Historici Graeci minores. Vol. I*. Lipsiae, Teubner, 1870, pp. 450-472.
64. Oost S.I. *Galla Placidia Augusta : A Biographical Essay*. Chicago, London, University of Chicago Press, 1968. X, 346 p.
65. Zangemeister C., ed. *Pauli Orosii Historiarum adversus paganos libri VII*. Vindobonae, Apud C. Geroldi filium Bibliopolam Academiae, 1882. XXXVIII, 819 p. (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum, vol. 5).

66. Pietri Ch. *Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Vol. 2.* Roma, École française de Rome, 1976. 1792 p.
67. Pietri L., Heijmans M., eds. *Prosopographie chrétienne du Bas-Empire. T. 4, Vol. 1.* Paris, Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 2013. 1031 p.
68. Pietri L., Heijmans M., eds. *Prosopographie chrétienne du Bas-Empire. T. 4, Vol. 2.* Paris, Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 2013. 2067 p.
69. Mommsen Th., ed. *Prosperi Tironis Epitoma de Chronicon. Monumenta Germaniae Historica. T. 9, Vol. 1.* Berlin, Apud Weidemannos, 1892. pp. 341-499.
70. Reynolds J. *Defending Rome: The Masters of the Soldiers.* Sydney, Xlibris, 2011. 252 p.
71. Salisbury J.E. *Rome's Christian Empress. Galla Placidia Rules at the Twilight of the Empire.* Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2015. IX, 236 p.
72. Sivan H. *Galla Placidia. The Last Roman Empress.* Oxford, Oxford University Press, 2011. X, 224 p.
73. Sivonen P. *Being a Roman Magistrate. Office-Holding and Roman Identity in Late Antique Gaul.* Helsinki, Suomalaisen kirjallisuuden seura, 2006. 178 p.
74. Bidez J., Hansen G.Ch., eds. *Sozomenus. Kirchengeschichte. 2. Aufl.* Berlin, Akademie Verlag, 1995. LXVII, 548 p.
75. Stein E. *Histoire du Bas-Empire. Vol. 1.* Paris, Brussels, Amsterdam, Desclée de Brouwer, 1959. XVI, 406 p.
76. Stevens C.E. Marcus, Gratian, Constantine. *Athenaeum*, 1957, vol. 35, pp. 316-347.
77. Szidat J. *Usurpator tanti nominis. Kaiser und Usurpator in der Spätantike (337–476 n. Chr.).* Stuttgart, Franz-Steiner Verlag, 2010. 458 p.
78. Mommsen Th., Meyer P., eds. *Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes. T. 1.* Berlin, Apud Weidemannos, 1895. CCCLXXX, 931 p.
79. Thompson E.A. Britain, A.D. 406–410. *Britannia*, 1977, vol. 8, pp. 303-318.
80. Ullmann W. *Gelasius I. (492–496). Das Papsttum an der Wende der Spätantike zum Mittelalter.* Stuttgart, Anton Hiersemann, 1981. XII, 317 p.
81. Villegas Marin R. La primacia de Arlés en las iglesias galas durante el episcopado de Patroclo (411/413–426). Ghilardi M., Pilara G., eds. *Costellazioni geo-ecclesiali da Costantino a Giustiniano: dalle chiese 'principali' alle chiese patriarcali: XLIII Incontro di Studiosi dell'Antichità Cristiana (Roma, 7–9 maggio 2015).* Roma, Institutum Patristicum Augustinianum, 2017, pp. 307-318.
82. Wermelinger O. *Rom und Pelagius. Die theologische Position der römischen Bischöfe im pelagianischen Streit in den Jahren 411–432.* Stuttgart, Anton Hiersemann Verlag, 1975. XII, 340 S.
83. Wermelinger O. Das Pelagiusdossier in der Tractoria des Zosimus. *Freiburger Zeitschrift für Philosophie und Theologie*, 1979, Bd. 26, S. 336-338.
84. Wojtowycsch M. *Papsttum und Konzile von den Anfängen bis zu Leo I. (440–461). Studien zur Entstehung der Überordnung des Papstes über Konzile.* Stuttgart, Anton Hiersemann, 1981. XII, 468 S.
85. Wood I. The Fall of the Western Empire and the End of Roman Britain. *Britannia*, 1987, vol. 18, pp. 251-262.
86. Wood I. The Final Phase. Todd M., ed. *A Companion to Roman Britain.* Oxford, Blackwell Publishing, 2004, pp. 428-442.
87. Paschoud F., ed. *Zosime. Histoire nouvelle. T. III. 1re partie.* Paris, Les belles lettres, 1986. 352 p.
88. Paschoud F., ed. *Zosime. Histoire nouvelle. T. III. 2^e partie.* Paris, Les belles lettres, 1989. 216 p.
89. Zosimi papae Epistolae et Decreta. Migne J.P., ed. *Quinti saeculi scriptorum ecclesiasticorum qui ad S. Hieronymum usque floruerunt nonnullis tantum exceptis, melius alibi collocandis, ut in eorum loco adnotabitur, opera omnia et ordine chronologico digesta.* Paris, Venit apud editorem, 1845, col. 637–704. (Patrologiae cursus completus. Series latina, vol. 20).

Information About the Authors

Mikhail V. Gratsianskiy, Candidate of Sciences (History), PhD, Leading Researcher, Ecclesiastical Institutions Research Laboratory, St. Tikhons Orthodox University for the Humanities, Likhov Lane, 6/1, office 408, 127051 Moscow, Russian Federation, gratsianskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6981-3216>

Konstantin V. Norkin, Junior Researcher, Ecclesiastical Institutions Research Laboratory, St. Tikhons Orthodox University for the Humanities, Likhov Lane, 6/1, office 408, 127051 Moscow, Russian Federation, norkin-kostas@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2725-345X>

Информация об авторах

Михаил Вячеславович Грацианский, кандидат исторических наук, PhD, ведущий научный сотрудник, лаборатория исследований церковных институций, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, пер. Лихов, 6/1, комната 408, 127051 г. Москва, Российская Федерация, gratsianskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6981-3216>

Константин Владимирович Норкин, младший научный сотрудник, лаборатория исследований церковных институций, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, пер. Лихов, 6/1, комната 408, 127051 г. Москва, Российская Федерация, norkin-kostas@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2725-345X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.2>

UDC 94(4)“04/14”:930.1
LBC 63.3(4)41-9Г

Submitted: 24.07.2020
Accepted: 25.09.2020

**CONSTANTINE VII PORPHYROGENNETOS ON CROATS
IN EARLY MEDIEVAL SOUTHERN PANNONIA (DAI, с. 30, 75–78):
A NOTE ON CONCEPT AND METHOD OF BYZANTINE HISTORY WRITING¹**

Hrvoje Gračanin

University of Zagreb, Zagreb, Croatia

Abstract. The paper endeavours to discuss anew a scholarly puzzle related to the Croatian early Middle Ages and centred on a few lines from Constantine VII Porphyrogenetos's *De administrando imperio*, which in English translation are as follows: *And of the Croats who arrived to Dalmatia one part separated and ruled Illyricum and Pannonia. And they also had an independent ruler who was sending envoys, though only to the ruler of Croatia from friendship.* Taking a different approach from the complete dismissal of the two sentences as a pure fiction or a mere literary device, the paper instead attempts to trace the concept behind this account as well as its underlying meaning. On the one hand, it seeks to detect the methods or strategies used by the royal compiler in trying to elucidate the past. On the other hand, it aims to provide a thorough historical analysis and offer a possible interpretation in opposition to the view, still largely extant in the Croatian scholarship, that this account is an evidence for an early presence of the group called Croats in southern Pannonia.

Key words: *De administrando imperio*, Croats, southern Pannonia, source analysis, migrations, early medieval identity and ethnicity.

Citation. Gračanin H. Constantine VII Porphyrogenetos on Croats in Early Medieval Southern Pannonia (DAI, с. 30, 75–78): A Note on Concept and Method of Byzantine History Writing. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 24–43. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.2>

УДК 94(4)“04/14”:930.1
ББК 63.3(4)41-9Г

Дата поступления статьи: 24.07.2020
Дата принятия статьи: 25.09.2020

**КОНСТАНТИН VII БАГРЯНОРОДНЫЙ О ХОРВАТАХ
В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЮЖНОЙ ПАННОНИИ (DAI, с. 30, 75–78):
ЗАМЕЧАНИЯ О КОНЦЕПЦИИ И МЕТОДЕ
ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹**

Хрвое Грачанин

Загребский университет, г. Загреб, Хорватия

Аннотация. В статье предпринята новая попытка обсудить научную головоломку, имеющую отношение к раннесредневековой хорватской истории и сосредоточенную в нескольких строчках трактата «Об управлении империей» Константина Багрянородного, которые в переводе на русский язык звучат следующим образом: «И от хорватов, которые пришли в Далмацию, одна часть отделилась и правила Иллириком и Паннонией. И они также имели независимого правителя, который отправлял послов, однако только к правителю Хорватии ради дружбы». Применяя иной подход, нежели тот, что заключается в полном отклонении двух предложений как чистой выдумки или художественного приема, автор вместо этого пытается проследить концепцию, лежащую в основе данного рассказа, а также его скрытый смысл. С одной стороны, он стремится выявить методы и стратегии, использованные царственным составителем трактата в попытке прояснить прошлое. С другой стороны, цель работы – прове-

сти тщательный исторический анализ и предложить возможную интерпретацию в противовес точке зрения, все еще широко распространенной в хорватской науке, что это сообщение является доказательством раннего присутствия группы, называемой хорватами, в Южной Паннонии.

Ключевые слова: «Об управлении империей», хорваты, Южная Паннония, источниковедческий анализ, миграция, раннесредневековая идентичность и этническая принадлежность.

Цитирование. Грачанин Х. Константин VII Багрянородный о хорватах в раннесредневековой Южной Паннонии (*DAI*, с. 30, 75–78): замечания о концепции и методе византийской историографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 24–43. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.2>

Introduction. The Croatian early Middle Ages is in many aspects just a collection of research puzzles, a mosaic of various details that open more questions than they give answers. As it stands today, one can easily say that the entire early medieval Croatian history is a construct which makes it only possible to follow the historical processes in broad outlines since the literary and material sources available to scholars mostly offer the material for merely making general, more or less founded, assumptions (cf. remarks in [29, p. 248]). An example of such a scholarly puzzle, which comparably engages both Croatian historians and archaeologists, relates to a question of the early medieval presence of the Croat ethnē in southern Pannonia, i.e. modern Northern Croatia or, as it also called, the region between the rivers Sava, Drava and Danube.

Research problems and approaches.

In a nutshell, the entire problem is centred, which is not a rarity when it comes to the history of the Croatian early Middle Ages, on an isolated record. In this case, it is the two lines from the famous treatise composed by the Byzantine emperor Constantine VII Porphyrogenetos (905–959) for his son and heir Romanus II, and known under the Latin historiographic title *De administrando imperio*, commonly abbreviated as the *DAI*, and, in Greek, Πρὸς τὸν ἴδιον υἱὸν Ῥωμανόν. The work is, in essence, a sort of a Byzantine *Fürstenspiegel*, a manual with guidelines and useful facts primarily for diplomatic purposes, which emphasized the importance of proper information or, at least, helpful tips as such knowledge would give obvious advantages in dealings with foreign states and peoples². Not that the royal compiler was always able to adequately fulfill the task taken upon himself, since the collecting and arranging of the material proved to be, in some instances, too challenging and some information is clearly garbled³.

Nevertheless, even though the final product – in its present form – clearly lacks a precise editing and finishing touches, it was a project that fitted well into Constantine Porphyrogenetos's overall literary program (whether or not he was its actual instigator), and it was sufficiently sophisticated in the sense that it had an elaborated agenda and general structure, and aimed at offering new perspectives on the up to four century long past as well as recent past of the regions and polities (with conspicuous omissions, at least to a modern researcher's eyes) relevant or of value to current Byzantine interests. That is to say, whatever one may think of how successful was Constantine Porphyrogenetos in his undertaking, the fact remains that the *DAI* was an attempt at understanding and explaining the geopolitical situation of the day in its historical perspective, and finding practical lessons with bearing on the challenges that the existing circumstances posed. Therefore, it may be contended that the *DAI* was perhaps the most complex of the Constantinian collections considering its goals and implications⁴. In other words, notwithstanding its apparent haphazardness, the *DAI* seems to be a deliberate document containing purposely collected pieces of information with concrete meanings and intents. Hence – I shall venture to claim – if one manages to decipher the background, the nature and the context of these pieces of information, they might perhaps be able to unlock their actual meaning and specific ramifications.

In line with that, the following examination will depart from the approach that, at first look, might seem innovative, mirroring recent theoretical advances and devoid of any ulterior motives but, by its dismissal of historical phenomena, processes or events in the manner they are portrayed in the *DAI* as Constantine Porphyrogenetos's fabrications and inventions

resulting from narrative strategies, instead of considering and addressing them in their own right with adducing all the possible evidence, does not get us actually closer to understanding Constantine's concepts and methods nor it contributes to the interpretative clarification of not easily explainable claims or pieces of information or textual places⁵. The main research problem tackled here is whether the Croats or, better yet, the fundamental (eponym) ethnic group or groups, which participated decisively in the construction of Croat ethnic identity⁶, already settled in south Pannonian area in the seventh century A.D., or this, in all its value, cannot be the case, that is to say, the presence of the Croat ethnies in the region between the rivers Sava, Drava and Danube in the early Middle Ages should rather be seen as a result of insufficiently founded conjectures of modern scholars based on not enough informed claim by the source. The paper will argue that the view supporting such an early presence of the Croats in southern Pannonia is misleading, and if there were any Croat name-bearing groups in that region at all – which cannot be entirely excluded nor corroborated – their number must have been negligible when compared to other Slav(icized) populations, which is also very much consistent with the circumstance that the area of the primary construction of Croat identity was much farther to the south, close to the Adriatic⁷.

Presenting the source's account. The two sentences narrating about the Croats migrating from Dalmatia to Illyricum and Pannonia are found in the Chapter 30 of the *DAI*, entitled *The narrative about the theme Dalmatia*, and in English translation they are as follows: *And of the Croats who arrived to Dalmatia one part separated and ruled Illyricum and Pannonia. And they also had an independent ruler who was sending envoys, though only to the ruler of Croatia from friendship* (Ἀπὸ δὲ τῶν Χρωβάτων, τῶν ἐλθόντων ἐν Δελματία, διεχωρίσθη μέρος τι, καὶ ἐκράτησεν τὸ Ἰλλυρικὸν καὶ τὴν Παννονίαν· εἶχον δὲ καὶ αὐτοὶ ἄρχοντα αὐτεξούσιον, διαπεμπόμενον καὶ μόνον πρὸς τὸν ἄρχοντα Χρωβατίας κατὰ φιλίαν; *DAI*, c. 30, 75–78)⁸.

This passage is preceded in the *DAI* by the story about the Croat's arrival to Dalmatia from their ancestral land, their fight against and victory over the Avars, and their occupation of Dalmatia,

as well as by the remark about the Croat's ancestral land near Saxony (and beyond Bavaria), where they are subordinate (ὑπόκεινται) to Franks and in friendly relationship with the Turks (i.e. Magyars), and is followed by the story about how, in Dalmatia, the Croats were also subject (ὑπετάσσοντο) to Franks, but then rose against them because of their brutal reign, prevailed over them and became sovereign and autonomous (αὐτοδέσποται καὶ αὐτόνομοι) (c. 30, 61–75, 78–88)⁹.

The context in which the two relevant sentences appear is tightly related to a sort of setting of, in modern terms, a geopolitical stage of East-Central Europe from the Byzantine imperial perspective, where the Croats are given a prominent place as a *gens* that possesses three separate regions (one is Dalmatia, the other is Illyricum and Pannonia, and the third is their ancestral land), of which the two they control were of an immediate interest to Byzantines. The mechanism by which the Croats are said to have gotten into position to possess these two regions is migration, which, as the source tells us, was twofold and happening at two different times: the Croats first came to Dalmatia and conquered the Avars, and afterwards a part of them detached from the main group and crossed to Illyricum and Pannonia, where they established a separate polity (an archonry, in Byzantine phrasing), same as there was a Croat polity in Dalmatia, which is said to have been subject to Franks for an unspecified amount of time (how and when it came under the Frankish dominion is never explicitly explained), before it became sovereign and autonomous (again). The ruler of the Croats of Illyricum and Pannonia is also accorded an autonomy as he is called αὐτεξούσιος (having self-authority) and portrayed as possessing right to send envoys, but his status is never described as fully authoritative as that of the prince of the Croats of Dalmatia¹⁰. Furthermore, since the claim about the Croats of Illyricum and Pannonia having an independent ruler is in the past tense (even though the verb's imperfective aspect is indicative of duration (cf. [88, p. 95])), it may be surmised that, from Constantine's perspective, this was something occurring in the past and no longer extant in his days. What may be further concluded from the order of storytelling is that the Croats of Dalmatia fell under the Frankish control *after* the

establishment of the Croat polity in Illyricum and Pannonia, but that the cordial relations between the two polities continued.

The Croats as being in Pannonia are also alluded to in Constantine's biography of his grandfather Basil I [15, c. 52, 6–11, pp. 188–189]: “Moreover, Scythians dwelling in Pannonia, Dalmatia and beyond – I mean the Croats, Serbs, Zachlumians, Terbuniotes, Kanalites (i.e. Konavlians), Diocletians (i.e. Docleans) and Rentanians (i.e. Neretvians) – rebelled against the immemorial dominance of the Romans, and became independent and sovereign, led only by their rulers” (...ἔτι γε μὴν καὶ τῶν ἐν Πανονίᾳ καὶ Δαλματίᾳ καὶ τῶν ἐπέκεινα τούτων διακειμένων Σκυθῶν – Χρωβάτοι φημὶ καὶ Σέρβλοι καὶ Ζαχλουμοί, Τερβουνιώται τε καὶ Καναλίται καὶ Διονκλητιανοὶ καὶ Ῥεντανοὶ, τῆς ἀνέκαθεν τῶν Ῥωμαίων ἐπικρατείας ἀφηνιάσαντες αὐτόνομοι τε καὶ αὐτοδέσποτοι καθειστήκεσαν, ὑπὸ ἰδίων ἀρχόντων μόνον ἀγόμενοι). This development was dated by Constantine to the reign of emperor Michael II (820–829) [15, c. 52, 1–3, pp. 188–189]¹¹. It is important to point out that this passage has a parallel in the *DAI* (c. 29, 63–66), where, however, there is no mention of Pannonia.

Variety of hypotheses¹². The older Croatian scholarship – taking the account in the *DAI* at face value – saw the two sentences as a confirmation that the Croats were present in the region between the rivers Sava, Drava and Danube since their (assumed) arrival in the seventh century. Such a view was supported, among others, by Šime Ljubić [61, p. 117] and Tadija Smičiklas [84, pp. 108–109, 160–161], and it had already been maintained by the so-called father of the Croatian historiography Ioannes Lucius (Giovanni Lucio, Ivan Lučić) in his capital work *The Kingdom of Dalmatia and Croatia (De regno Dalmatiae et Croatiae)* [63, lib. I, c. 12, 21–34, p. 306], and repeated by Daniele Farlati in the second volume of his monumental work *The Sacred Illyricum (Illyricum Sacrum)* [25, Th. III, c. 3, § 2, p. 312]. The identical standpoint was adopted by Vjekoslav Klaić [54, p. 42], Josip Bösendorfer [10, p. 62], and, eventually, by the founding figure of the modern Croatian historiography Ferdo Šišić [79, p. 277]. The same opinion was also held by Kaspar Zeuss

[92, p. 612], Pavel Jozef Šafárik (Paul Joseph Schaffarik) [76, pp. 278–279], Hermann L. Krause [57, p. 4], Ernst Dümmler [20, pp. 373–374], John Bagnell Bury [13, p. 275], Stanko Guldescu [42, pp. 92ff.], František (Francis) Dvornik [50, pp. 118–119, 121], John Van Antwerp Fine, Jr. [29, pp. 254ff.¹³], and Huw M. A. Evans [24, pp. 106, 270]. It has echoed strongly in part of the contemporary Croatian scholarship, especially in the works by Ivo Goldstein [32, pp. 9, 94; 33, pp. 220–221], and has been particularly insisted upon by Vladimir Sokol who has even assumed that the Croatian ethnē might have been present in the area north of the Drava, around the lake Balaton in modern Hungary [85, p. 194; 68, pp. 17–18]. Hence it has become a rule to speak of “Pannonian Croats”, and “Pannonian Croatia” or “Posavian Croatia” (the latter took its historiographic name after the river Sava), and the rulers (the *duces* of the Frankish sources) associated with the region between the rivers Sava, Drava and Danube (Liudewit, Ratimar, Brazlavo¹⁴) have all been made into ethnic Croats. Moreover, as voiced by some scholars, even the Slav population(s) living in today's Croatian Baranya in the tenth and eleventh centuries were Croat [75, p. 104].

Some researchers have pointed out that the presence of Croats in Pannonia does not necessarily have anything to do with the Croat migration in the seventh century, and formulated a hypothesis that the sentences actually describe the situation in the age of the Croat king Tomislav (first half of the tenth century) [39, pp. 30, 31; 52, p. 278¹⁵]. However, there were opinions that the information about the independent Croat prince in Pannonia could only refer to the times before Tomislav [26, pp. 74–75], although some scholars raised objection that, chronologically, this would have been too early [53, p. 52].

There have also been conjectures about the existence of the autonomous Croat principality in southern Pannonia, the so-called “Pannonian Croatia”, in the early ninth century [64, p. 56; 67, p. 61], or that the rule of the Croat prince extended, after the suppression of Liudewit's rebellion, into the region between the rivers Sava, Drava and Danube in the first half of the ninth century [3, p. 90; 12, p. 400]. On the other hand, some concluded that there is no evidence that there had ever been a unified Croat dominion

encompassing both Slavonia and Dalmatia, and opted for an independent principality in Slavonia in the tenth century [32, pp. 284–285; 33, p. 231¹⁶].

The cause for an equally fertile scholarly dispute was the area which is meant under Constantine Porphyrogenetos's Illyricum and Pannonia. Thus, Ioannes Lucius had already believed Illyricum to be the interior of Dalmatia, and that Pannonia was Pannonia Savia, the late Roman province encompassing the western parts of the region between the rivers Sava, Drava and Danube. Some scholars assumed that Illyricum and Pannonia refer, respectively, to Bosnia and the entire region between the rivers Sava, Drava and Danube [61, p. 117], or that a part of northwestern Bosnia was meant under Illyricum [67, pp. 61, 84], or even the entire area between Dalmatinska Zagora (the mountainous region behind the coastal strip of Dalmatia) and modern Slavonia [66, p. 164]. This was decisively rejected by others, who even sought to introduce designations that are not corroborated in the sources, such as "the Illyrian Pannonia", which, in their view, would encompass the area of the so-called "Greater Pannonia" along the edge of Illyricum or southern Pannonia, i.e. the region between the rivers Sava, Drava and Danube [88, p. 93; 53, pp. 40–42]. Others yet thought that both Illyricum and Pannonia refer exclusively to the region between the rivers Sava and Drava [57, p. 4; 39, p. 31; 26, p. 74; 12, p. 398]. Moreover, one scholar proposed that Constantine Porphyrogenetos's Pannonia should be placed around the lake Balaton in modern Hungary, but this was refuted as unsubstantiated [41, pp. 93–95; *contra* 40, pp. 173–176]. Some believed that either Noricum or Doclea (Duklja) were meant under Illyricum¹⁷. Yet another scholar thought that Pannonia refers to the area between the lower Sava and the Danube (modern Syrmia), and Illyricum to the territory encompassing Dalmatia up to the Sava in the north and the Drina in the east [20, pp. 373–374].

Posing the research questions. The variety of opinions just surveyed clearly shows quite a perplex scholarly problem as the source's succinctness only raises a number of possible interpretations, some of which are more or less probable, and some straight out unacceptable. In approaching the analysis of the source material one has to first determine if it is at all reliable before proceeding to decipher and interpret its actual meaning. For a long time, there had been a

tacit opinion among the scholars that the account is not to be suspected, i.e. that it is based on a true tradition. More recently, however, there has been a tendency to treat the historical literary sources as mere narratives, stories that create events or even invent the reality based on literary techniques and literary topoi, thus taking away their power of evidence altogether. To be sure, it is important to bear in mind that the textual sources are multilayered and multifaceted products of specific periods of time, sociopolitical, ideological and cultural contexts, goals, experiences and opinions of the authors, and views, interests and needs of the targeted audiences, meaning that the information they offer cannot be trusted at face value and simply fitted into a reconstruction that seems most likely to a researcher¹⁸. While fully taking this into account, the approach taken here is not to reject possible historicity of what was meant by the two sentences under scrutiny, but to try to go behind this particular representation of the past by avoiding pitfalls of postmodernist and poststructuralist hypercriticism. Therefore, the following analysis is conducted under the assumption of, *mutatis mutandis*, basic trustworthiness and usefulness of the *DAI* as an historical source, not the least as a testimony of how the past was perceived. After all, had Constantine Porphyrogenetos composed his treatise by knowingly and intentionally introducing the literary creations in his text in an attempt to be seen as following the established tradition of Greek historiography and ethnography, the treatise would have lost its practical and instructive – that is to say, its principal – purpose (however much imbued with ideology and Constantine's own perceptions and rationalizations).

This brings us to the question of the account's actual meaning. As it seems, the real background to what it describes is not clear on several different levels. Who were the Croats of Illyricum and Pannonia? In what sense did they separate from the Croats of Dalmatia? When might this have happened if at all? What do Illyricum and Pannonia refer to? What was this independent Croat principality? How are we to understand the claim about cordial relations between the two Croat princes? Before taking up an historical analysis and proposing answers to the questions as laid out, we shall investigate three separate issues that might prove valuable for better

understanding of Constantine Porphyrogenetos's approaches in explaining the past.

Movements of peoples and groups in the *DAI*. Up until recently the idea of Croat migration as an historical fact established by the *DAI* has never been challenged. Lately, a number of sharp observations has been made aimed at dismantling of the migration narrative [16, pp. 138–139; 17, pp. 41ff.; 18, pp. 116ff.; 22, pp. 112ff.; 23, pp. 158ff.; 9, pp. 210ff.; *with* 2, p. 148; 1, p. 190]. Therefore,

it seems worthwhile to examine how the appearance of peoples or groups in some region or their shift to another area is depicted in the *DAI*. These movements may tentatively be divided into several categories based on their character as presented in the *DAI*: conquest; branching-off; refuge seeking; unsanctioned settlement; sanctioned settlement; resettlement by invitation; planned resettlement; forced resettlement; divinely inspired migration; seasonal movements (Table 1).

Table 1. Movements of peoples and groups in the *DAI*

Conquest	Branching-off
c. 25, 23–24, 40–41: the Visigoths, after taking Rome, conquered the Gallic provinces and later Spain as well	c. 30, 61–67: at this time (i.e. when the Avars conquered Dalmatia), the Croats lived beyond Bavaria, and a family of five brothers and two sisters separated from them, arrived with their folk in Dalmatia, which was possessed by Avars c. 31, 3–6: the Croats who are now settled in Dalmatia are descended from the Croats who are settled beyond Turkey and next to Francia
c. 29, 14–22, 36–49: the Slavs, also called Avars, were incited by a plundering incursion made by the Dalmatian Romans across the Danube to cross the river, took Salona by a strategem, settled down in Dalmatia and gradually conquered the places of the Romans c. 30, 18–61: the Avars conquered all the country of Dalmatia and settled down in it	c. 30, 75–77: of the Croats who arrived to Dalmatia one part separated and ruled Illyricum and Pannonia c. 32, 3–7: the Serbs are descended from the Serbs who are settled beyond Turkey and are neighbors to Francia, and this is where they originally lived
c. 37, 2–14: the Pechenegs used to be settled on the rivers Atil (i.e. Volga) and Geich (i.e. Ural), but then were expelled from their country. After they had fled and wandered around in search of where to settle down, they arrived to the country where the Turks dwelt. After a battle they cast the Turks out and expelled them, and settled down in their country	c. 32, 16–18: one part of the Thessalonican Serbs decided to depart to their own homes and were sent off by the emperor c. 33, 8–10: the Zachlumians are Serbs from the time of that prince who came in refuge to the emperor Heraclius c. 33, 16–18: the family of the prince of Zachlumians, Michael, came from those who live on the river Visla c. 34, 3–6: the Terbuniotes and Kanalites are descended from the unbaptized Serbs, from the time of that prince who came from the unbaptized Serbia and in refuge to the emperor Heraclius c. 35, 1–9: the land where the Diocletians now dwell was populated in the time of the emperor Heraclius, just as were Croatia, Serbia, Zachlunia, Terbouinia and the country of Kanalites c. 36, 5–9: the Pagani (also called Arentanians) are descended from the unbaptized Serbs, of the time of that prince who came in refuge to the emperor Heraclius, and their country was populated in the time of the emperor Heraclius c. 37, 50–53: one part of the Pechenegs, at the time they were expelled from their country, remained and united with the Uzès, and they are among the Uzès even to this day c. 38, 24–31: after the Turks were defeated by the Pechenegs (for the first time), they split in two parts, one part settled in Persia, while the other settled in the western region, where now the Pechenegs live
c. 38, 55–60; c. 40, 16–27: after the Pechenegs fell upon the Turks (for the second time) and expelled them, the Turks were on a search for a land to settle in, and they expelled those who dwelt in Great Moravia and settled down in their land, where they live to this day	

End of Table 1

Refuge seeking	Sanctioned settlement
c. 31, 8–10, 26–27: the Croats came in refuge to the emperor Heraclius before the Serbs did the same; the land, in which the Croats had settled, was originally under the authority of the Roman emperor	c. 25, 25–29: the Goths were allowed to dwell in Thrace, and then were permitted to conquer the Western Empire (i.e. Italy)
c. 32, 7–10: one of the two brothers who succeeded the reign over White Serbia took one half of the folk and came in refuge to the emperor Heraclius	c. 32, 10–11: the Serbs who came in refuge to the emperor Heraclius were granted the province of Thessalonica to settle in
c. 41, 20–25: the country of the Moravians was destroyed and conquered by the Turks who even presently dwell in it, while the Moravians were scattered and fled for refuge to the Bulgars, Turks, Croats and the rest of the nations	c. 32, 18–27: the Thessalonican Serbs who left the province of Thessalonica on a return migration were granted by the emperor Heraclius other land to settle in and settled down in what is now Serbia, Pagania, the country of Zachlumians, Terbounia, and the country of Kanalites
Unsanctioned settlement	Resettlement by invitation
c. 25, 15–21: the Goths, Visigoths, Gepids and Vandals, who were settled in the regions across the Danube, crossed the river and settled on the Roman soil	c. 25, 32–49: the Vandals were persuaded by the Roman general in Africa, Boniface, to cross the sea strait and settle in Lybia
c. 25, 24–25: the Goths first held Pannonia	c. 27, 32–37: at the time the Lombards lived in Pannonia, where the Turks presently dwell (c. 27, 30–31), they were invited by the patrician Narses to come to Italy and settle in it, and so they took their families and arrived in Beneventum
c. 25, 29–32: the Vandals joined with the Alans and Germans (i.e. Franks), crossed the river (Rhine) and settled in Spain	
Planned resettlement	Forced resettlement
c. 29, 1–5; 33, 3–5; 35, 3–5; 36, 3–5: the emperor Diocletian brought families from Rome and settled the Romans in Dalmatia	c. 28, 4–16 (cf. c. 27, 71–75): those who are now called Venetians were Franks from Aquileia and from other places in Francia, and they lived on the mainland opposite Venice. But after Attila, king of the Avars, devastated and depopulated all the parts of Francia, the Franks from Aquileia and other cities of Francia began to flee and to come to the inhabited islands, and after the king Attila advanced as far as Rome and Calabria leaving Venice behind, those who fled to the islands decided to settle there and they have been settled there to this day
c. 47, 15–25: the emperor Justinian II decided to populate Cyprus, persuaded the caliph to dismiss the folk of Cyprus that were in Syria, and resettled those who lived in other parts of the empire	c. 29, 49–50: after the Slavs/Avars' conquest the remaining Dalmatian Romans saved themselves in coastal cities c. 29, 230–235: there was a migration of a group of people from Salona to Rausium
c. 32, 135–142: the Serbs who were staying in Croatia, Bulgaria and the rest of the countries came back to Serbia, and those who escaped from Bulgaria to Constantinople were sent back by the emperor to Serbia	c. 39, 2–7; 40: 6–7: the Kabaroi, who were of the race of Chazars, were forced to escape and came and settled with the Turks in the land of the Pechenegs c. 32, 123–126: the Bulgars entered Serbia and took away with them the entire folk and carried them into Bulgaria, though a few escaped away and entered Croatia
Divinely inspired migration	Seasonal movements
c. 45, 10–12, 38–39: the Iberians originate from Jerusalem, and were warned by an oracular dream to migrate from there and settle near Persia, in the country where they now dwell	c. 8, 34–35: the Pechenegs cross the river Dnieper to spend summer on its far side c. 9, 105–111: at the beginning of winter, the Kievan Russians go off to other Slav regions of their tributaries and come back to Kiev in spring c. 11, 6–8: along their routes, the Chazars pass through to Sarkel

Of particular interest here is the manner in which the *DAI* explains the appearance of the new groups after the arrival of Croats and Serbs, namely, the Zachlumians, Terbuniotes, Kanalites, Diocletians and Pagani (Arentanians). The Serbs

are said to have been allowed to settle by the emperor Heraclius in what is now Serbia, Pagania, the country of Zachlumians, Terbounia, and the country of Kanalites, which is then further corroborated by a statement that some are Serbs

(Zachlumians), while others (Terbuniotes, Kanalites, Pagani/Arentanians) are descended from Serbs from the time of the Serbs arrival from their ancestral land. This would posit that the Serbs split off in several additional groups at a very early stage. The only excluded are the Diocletians, even though their land is said to have been populated in the time of the emperor Heraclius as well¹⁹. The key to understand Constantine Porphyrogenetos's logic behind these claims of branching-off, i.e. connecting what were obviously diverse identity groups under one ethnic umbrella label, seems to be his limiting of the duration of the Terbuniotes' and Kanalites' being descended from the Serbs: until the prince of Serbia, Blastimer, made the zupan of Trebounia independent (c. 34, 6–10). That is to say, Constantine equated the ethnic identity affiliation with the political overlordship. He seems to have followed the same "misconception" when he turned the Venetians into Franks (c. 28, 4–6). The *DAI* provides additional hints to such an interpretation: Paganian is indicated to have been subject to the prince of Serbia in the early tenth century (c. 32, 84–85), and the princes of Trebounia are said to have been always under the command of the prince of Serbia (c. 34, 11–12).

What also merits attention is the claim by some scholars that what separates all the migration stories in the *DAI* from the story of Croat (as well as of Serb) migration is that Constantine Porphyrogenetos did not provide any reason for their movement²⁰. That is not entirely valid observations since the *DAI* does not provide any reasons for initial movements of the Goths, Visigoths, Gepids and Vandals as well, the story of which was copied from the *Chronographia* of Theophanes Confessor [89, A.M. 5931, pp. 93–95], who, in turn, excerpted Prokopios of Caesarea's *Wars* [74, lib. 3, c. 2–3, pp. 311–324; lib. 5, c. 1, pp. 4–10], where much more detail is given. Furthermore, the Croats are also depicted as seeking refuge, albeit the details as to the reasons why are not specified. The reasons are perhaps alluded to in the passage where it is said that the Croats' ancestral home is constantly plundered by Franks, Turks and Pechenegs (c. 31, 85–87)²¹. Even though this information belongs to a different time plain, it may be that the exposure of both the Croat and Serb ancestral lands from

external attacks is implied as the main reason for their migration.

Earliest chronology in the so-called Dalmatian dossier of the *DAI*. Recently it has been – rightly – inferred that the description of events in the Dalmatian dossier of the *DAI* does not represent an historical chronology, even though it may be presumed that the events closer to Constantine Porphyrogenetos's own time are much more reliably dated [1, p. 190]. Therefore, the attempts to pinpoint the exact time of the earlier events amount to nothing more than sheer speculations (see, for example, attempts in [67, pp. 56ff.; 65, pp. 144ff.]). Of some use might be the order in which the events are arranged as it would suppose that this, at least, reflects in general the sequence in which they occurred (departures from this are due to narrative peculiarities). What may be termed as the Dalmatian dossier is comprised in three chapters of the *DAI* (c. 29, 30, 31). The order of the events related to the earliest history is given in the synoptic table below (see Table 2).

What may be surmised from the comparison is that, given its position in the master narrative comprising of all the three Dalmatia-related stories up to the point when the Croats are said to have settled down in Dalmatia, the account of the Dalmatian Croats' split-off group's arriving to Illyricum and Pannonia seems to refer to some later times. The intrinsic narrative logic of the integrated story would suggest that, since the entire Dalmatia with all its nations and cities is said to have been under Byzantine rule from the reign of Heraclius until the reign of Michael II, the creation of another Croat polity is – in the representation of the past as offered – to be rather connected to the time of the latter emperor.

Illyricum, Pannonia and Dalmatia in the *DAI*. The last of the three interim issues investigated here is the examination of what was understood in the *DAI* under the regions of Illyricum, Pannonia and Dalmatia. Illyricum is mentioned only once in the entire treatise²², but since the perspective is eastern Roman, i.e. Byzantine, it is fairly certain that the Illyricum of the *DAI* refers to the late Roman prefecture of Illyricum. Furthermore, as it is mentioned in connection to Pannonia, it surely signifies the part of the prefecture that was geographically adjacent to Pannonia²³.

Table 2. Synoptic table for the Dalmatian dossier in the DAI (c. 29, 30, 31)

<i>DAI, c. 29</i>	<i>DAI, c. 30</i>	<i>DAI, c. 31</i>
3–11: the resettlement of Romans to Dalmatia, and the foundation of Spalato and Diocleia in the time of the emperor Diocletian	14–17: the emperor Diocletian built Salona and Spalato	11–14: the emperor Diocletian brought the Romans to Dalmatia and settled them there
14–15: the territory possessed by Romans used to extend as far as the river Danube	8–14: the province of Dalmatia, which used to extend as far as the confines of Dyrrachium, the mountains of Istria and the river Danube, was under the rule of the Romans before it was taken by Slavs	
15–18: beyond the river Danube lived Slav nations, who were also called Avars	18–21: a force of cavalry, collected from the other towns of Dalmatia, was dispatched from Salona to keep guard on the river Danube against the Avars	
	21–23: the Avars had their haunts on the far side of the river Danube, where the Turks are now	
18–22: the Dalmatian Romans made an incursion into the Slav territory, overcame the Avars and took booty and prisoners	23–30: the men of Dalmatia crossed over into the Avar territory, attacked the Avars when their men and youths were on a military expedition, and came back to Salona carrying booty	
22–32: the Romans introduced frontier station at the river, and the starting point for advancement of the exchanging garrison to the station was the frontier pass called Kleisa near Salona		
32–38: the Slavs, who were also called Avars, ambushed, and defeated the Romans after they once more crossed over to their territory	33–39: another garrison was dispatched from Salona, they also crossed over into the Avar territory, but were defeated and slain or captured	
38–46: the Slavs proceeded to attack Salona, took it by a strategem and settled there	39–56: the Avars proceeded to attack Salona and managed to take it by a strategem	
46–49: the Slavs began to make raids and took possession of the lands of the Romans	56–58, 60–61: thereafter, the Avars made themselves masters of all of Dalmatia and settled down in it	15–17: the Romans of Dalmatia were expelled by the Avars in the time of the emperor Heraclius
49–53: the remaining Romans escaped to coastal cities and possess them still	58–60: only the coastal cities held out against the Avars, and continued to be in the hands of the Romans	
	61–63: at the time, the Croats were dwelling beyond Bavaria, where the White Croats are presently	
	63–67: one part of the Croats split off, came to Dalmatia and found the Avars in possession of that land	8–11: the Croats of White Croatia arrived to Dalmatia in refuge to the emperor Heraclius, at that time when the Avars fought and expelled the Romans

End of Table 2

<i>DAI, c. 29</i>	<i>DAI, c. 30</i>	<i>DAI, c. 31</i>
54–58: the whole of Dalmatia and the nations in it were subject to the empire of the Romans since the reign of Heraclius	67–71: the Croats and Avars fought one another for some time, until the Croats prevailed, killed some of the Avars, and subjugated the remainder, and from that time Dalmatia has been possessed by Croats	17–21: by command of the emperor Heraclius, the Croats defeated and expelled the Avars, and by the mandate of the same emperor, they settled down in that same country of the Avars, where they now dwell; at that time the Croats had for prince the father of Porgas 58–60: the prince of Croatia had ever since the time of the emperor Heraclius been subservient and subject to the emperor of the Romans
	75–78: one part of the Croats who came to Dalmatia split off and possessed themselves of Illyricum and Pannonia, where they also had an independent prince 78–82: for a number of years the Croats of Dalmatia also were subject to the Franks	21–25: the emperor Heraclius had the Croats baptized by bringing priests from Rome; at that time the Croats had Porgas for their prince
58–66: the cities and nations of Dalmatia became independent in the time of the emperor Michael II	82–88: the Croats of Dalmatia rebelled against the Franks and won their independence	
233–236: 500(!) years has passed from the migration from Salona to Ragusa till the present year, which is A.D. 949	71–75: the rest of the Croats who stayed behind in their ancestral land are now subject to Otto, the king of Francia, and maintain good relations with the Turks	3–6: the Croats of Dalmatia are descended from the White Croats who live beyond Turkey and next to Francia

Pannonia is mentioned directly three times and implied three more. Apart from the mention in connection to the Croat split-off group, Pannonia is also said to have been in possession of Goths before their transfer to Thrace (c. 25, 24–25), and is identified as the region where the Lombards were dwelling, and where now the Turks (i.e. Magyars) live (c. 27, 30–31). Given the latter, it may be presumed that it is also implied as the territory of Gepids who are said to have been later divided off by the Lombards and Avars and previously lived in the area of Sirmium (as well as that of Singidunum) (c. 25, 21–23), and as the territory of Turks who are also singled out as holding Sirmium (and Belgrade as well) (c. 40, 29–32). Moreover, the Turks' is also the land between the rivers Danube and Sava (c. 42, 19–

20). Sirmium (and Belgrade, too) is mentioned as one of the landmarks along the Danube as well (c. 40, 31).

Dalmatia, understandably, received much more attention. It is said to be the most illustrious of all the provinces of the West (c. 30, 11–13) and the most fair country (c. 30, 60–61). Dalmatia is described as extending from the confines of Dyrrachium²⁴ as far as the mountains of Istria and the river Danube (c. 30, 8–11). Its territory is implicitly matched with the territory that is said to have once been – i.e. prior to the Slav conquest – possessed by Romans and extending to the river Danube (c. 29, 14–15). In the tenth century, the Byzantine theme of Dalmatia encompassed all the remaining Byzantine possessions on the eastern Adriatic save those that belonged to the theme of

Dyrrachium²⁵. The theme of Dalmatia is referred to in the *DAI* as the “whole of Dalmatia” separated from other nations (the Croats, Serbs, Zachlumians, Terbuniotes, Kanalites, Diocletians and Arentanians) that are about it (c. 29, 56–58; cf. also 32, 24–25), and as the cities of Dalmatia (c. 29, 61–63, 110) as well as the islands of Dalmatia (c. 29, 285–293). All these other nations are said or implied to live in the territory of the former (Roman-time) Dalmatia, and their countries, as presented in the *DAI*, extended in some cases beyond the boundaries of what is known as the late Roman province of Dalmatia (including Praevalitana). Accordingly, the Croats are said to border with the Turks on the latter’s southern side (c. 40, 43–44), and, simultaneously, the Turks are pointed out as possessing the land between the Danube and the Sava (c. 42, 19–20), which would suppose that the Croats and Turks must have shared a border in this area and that this portion was meant under the Danube to which Dalmatia is said to stretch (assuming that the *DAI* has not confused the Sava with the Danube²⁶). Consequently, it may be that the *DAI* has simply (but not particularly precisely) translated the contemporaneous geopolitical circumstances to earlier times.

There is however an alternative explanation. Constantine Porphyrogenetos may have had the Croats of Illyricum and Pannonia before his eyes, and since they are presented as a group that was – to put it in the phrasing of the *DAI* – descended from the Croats of Dalmatia but no longer extant as a polity in Constantine’s own time, he merely included them – following the logic of equating the ethnic identity affiliation with the political overlordship – under their Dalmatian counterparts which, by extension, meant that they also could be regarded as part of Dalmatia²⁷. Finally, yet another explanation might lie in the sphere of the imaginary, since the Danube could have been used in this context as a symbolic marker that divided the Romans from the barbarians, a perceived landmark of liminality between the two culturally disparate worlds²⁸. Therefore, in regard to the northern boundary of Dalmatia in the *DAI*, the Danube might have been used as the divide symbol rather than the concrete watercourse, even though both of these meanings have been merged²⁹.

Analysis and discussion. Let us now return to the research questions related to the two

sentences from the *DAI* that are the focus of this investigation. Before we proceed, we shall make a cursory point related to the recent state of research of the early medieval ethnic identities. Succinctly put, the ethnic identity was a quite different category in early medieval societies than it is in modern societies, even though some national historiographies still seem slow in escaping the grips of nineteenth-century perceptions³⁰. To sum up, the current socio-anthropological discourse is that the early medieval ethnic identity is a situational construct, a fluid and constantly created and re-created subjectivity of the group that is based on the perception of the group’s history and traditions. The ethnic identity is created by the group from within the group but also from outside the group, through the perception of differences toward other groups. At the same time, the ethnic identity is also imposed by external observers that control the discourse thanks to their political as well as ideological and cultural domination.

In other words, the feeling of ethnic affiliation in the early Middle Ages had much less to do with the awareness of common descent and shared cultural traits than with political, ideological and economic interests. It was primarily a matter of the élite and contingent on the success of the fundamental (eponym) group (or several such groups united by a strong appreciation of shared kinship and origin) in imposing their own traditions and values on other groups and populations³¹. In the case of the Croats, there could have really been several groups since the *DAI*, our main source for the Croatian *origo gentis*, has preserved the tradition about seven brothers and sisters who purportedly led the Croat split-off group during their migration to Dalmatia (c. 30, 63–67). Therefore, being part of an early medieval people (*gens, natio*) was more than anything else an ideological political category, and especially in the perception of external observers. Consequently, the “Croats” are most likely to have been – in early medieval terms – an ethnic-identity label for various populations that began to identify themselves with the eponym group and, in this way, to form an ethnîe. The label could also be applied only to members of the core group(s), i.e. the élite as holders of power and influence, through which the ethnonym would become a marker for authority, that is, a population or populations, or even another ethnîe might have

been perceived as “Croat” in the eyes of external observers if the Croats imposed their rule or exerted their influence over these populations, or if a member of the Croat élite became their ruler.

The last remark aims directly at the actual meaning of the story in the *DAI* about part of the Croats splitting off and possessing Illyricum and Pannonia. Taken at face value, it would mean a migration of a portion of the Croat ethnics from Dalmatia to a new abode (which Constantine Porphyrogenetos, strictly speaking, says), or it could signify the transfer of political dominion. Not discarding *a priori* the possibility that there really was another Croat migration (but certainly nothing like a large-scale movement, which may also be a valid remark for their original, assumed, migration from the ancestral land), it must be said that the archaeological and anthropological research – notwithstanding methodological limitations – has so far not yielded any evidence to support such an interpretation. Craniometric analyses of skeletal remains discovered in graves located in the area from the Adriatic into the deep inland seem to indicate that the so-called “Old Croat” populations gradually spread from the coast into the interior to southern Pannonia in the tenth to thirteenth centuries [81; 82, pp. 106–107; 83]. The Dalmatian Croat(icized) populations have been determined as clearly differing by their anthropometric and craniometric traits from the continental populations from Vukovar and Bijelo Brdo – which is actually suggestive of the predominance of pre-Slav (and pre-Croat) population substrate in the post-Roman Dalmatia – while the populations from the site Gomjenica near Prijedor (based on archaeological finds, the site has been attributed to the so-called Bijelo Brdo cultural complex) are included in the Dalmatian Croat(icized) populations [80, pp. 105–106]. Slow penetration of the Croat influence to the north is further backed by jewelry finds from the same period, which may be taken as evidence for direct contacts between the Dalmatian Croat and south Pannonian Slav cultural circles [86, pp. 138–141; 87, pp. 136–142]. Under the assumption that these artifacts were specific to the Croat cultural circle to the point of being used as identity markers, both the anthropological and archaeological findings definitely suggest that the early Croats had not settled at all in southern Pannonia during their original (assumed) north-south migration, even

though it is possible – if we accept that the Croat migration happened at some point and that the Croats traversed, on their southbound move, the region between the Danube, Sava and Drava – that there might have been minor Croat groups staying behind in this area and eventually fading away in the mass of other Slav(icized) populations. It would appear that the spreading of the so-called “Old Croat” populations from the south to the north belongs to the period from the tenth century onward and that it is related to the altered political situation, the strengthening and expansion of the early Croat state.

Based on all of these assumptions it is more likely that the ethnonym “Croats” and the purported reverse migration hide the circumstance of the transfer of political dominion. This would mean that Constantine Porphyrogenetos, as already argued, identified the political overlordship with the ethnic presence, i.e. ethnicity. When could this presumed transfer of political dominion have taken place? Certainly, before the tenth century since there could not have been an independent prince in “Pannonia and Illyricum” at the time when Constantine Porphyrogenetos was compiling his treatise (the mid-tenth century), which he himself alludes to by using the past tense in connection to this Croat prince. The ninth century is the only possible candidate given that southern Pannonia was still part of the Avar Kaganate in the late eighth century.

Let us now try to determine what Constantine Porphyrogenetos may have meant under Illyricum and Pannonia. A logical point of departure is the assumption that, in his use of provincial administrative designations, he had before his eyes the contemporary situation as well as the situation in Late Antiquity since he also had written sources from that time at his disposal, and he is known to have used them. This duality could explain apparent illogicalities that exist in his account regarding the use of the names of Pannonia, Dalmatia and Illyricum, i.e. their overlapping. As has been pointed out, under Illyricum the early Byzantine sources regularly understood the prefecture of Illyricum which was bound on the northwest by the Sava and the Upper Drina watercourses. The late Roman Pannonia encompassed the area from the northern slopes of the Bosnian mountain range just below the Sava to the Drava and Danube in the north. Dalmatia

stretched from the southern borderline of Pannonia down to the Adriatic coast. Assuming, sensibly, that the Illyricum and Pannonia mentioned in the account have to be areas in immediate proximity to each other, since they stood under the authority of one and the same prince, at first there seems to be a plenty of possibilities for various speculations.

A proposed solution to the conundrum lies, as I see it, in the circumstances that existed in Late Antiquity. In principle, the label Pannonia could be applied to all of the territory included in the late Roman Pannonian provinces (*Pannonia Prima*, *Valeria*, *Pannonia Savia*, and *Pannonia Secunda*), or, in the broadest sense, could denote the diocese of Pannonia (*diocesis Pannoniarum*, also known as the diocese of Illyricum)³². Following the collapse of the Roman administrative system in the Middle Danube region, southern Pannonia between the rivers Sava and Drava retained a certain value for the eastern Roman government, even though it had been almost continuously under the sway of various barbarian groups (the Ostrogoths, Gepids, Lombards) (for details, cf. [36, pp. 167ff; 38, pp. 193ff.]). The Eastern Roman Empire succeeded ultimately in preserving, until the Avar invasion, the southeasternmost part of the Second Pannonia (*Pannonia Secunda*) with the town of Bassianae (Donji Petrovci east of Sremska Mitrovica) as a forward stronghold. This area was also known in the early Byzantine literary sources as “the Herul land” (ἡ Ἑλούρων χώρα), after the Heruls who were first settled there in 512³³, and it was joined, together with Sirmium as long as the city was in Byzantine hands, with the prefecture of Illyricum and considered part of Illyricum. Therefore, it may be assumed that Constantine Porphyrogenetos’s Pannonia refers to the region between the rivers Sava, Drava and Danube (modern northwestern Croatia without Medjimurje, Slavonia and western Syrmia), and Illyricum to the Sirmium-Bassianae area, i.e. eastern Syrmia³⁴.

It is no coincidence that this area matches with the so-called Principality, or Duchy, of Lower Pannonia, or the *regnum inter Savo et Dravo flumine* [7, a. 884, p. 113], which was created by Franks after they had toppled the Avar Kaganate in the early ninth century. Hence, it seems that Constantine Porphyrogenetos had precisely the

Principality of Lower Pannonia in mind, whose duke enjoyed a certain independence under the Frankish overlordship. One of the features of an independent position was the right to send embassies. Frankish sources suggest that it was customary for subject peoples to send envoys to the Frankish emperor. Consequently, Constantine Porphyrogenetos’s remark about the “Croat” prince of Illyricum and Pannonia dispatching envoys is in essence accurate. Especially close relations between the duke of Lower Pannonia and the prince of Croatia, as surmised from the *DAI*, should be seen as nothing more than an amicable relationship resulting from the same concerns in line with overarching interests of their Frankish overlords as they both governed their respective territories under the tutelage of the Franks (the duke of Lower Pannonia remained a Frankish vassal until the collapse of his *regnum* due to the advent of Magyars³⁵, while the Croat prince seems to have enjoyed a significant freedom of action from very early on).

Proposed reconstruction for a conclusion.

Based on the analysis and discussion conducted above I argue that the separation of Croats and their move into southern Pannonia, as depicted in the *DAI*, should not be understood as an actual migration but as a case of the identification of political dominion with ethnicity. Furthermore, the Illyricum and Pannonia of the *DAI* seem to fully correspond with the territory of the so-called Principality of Lower Pannonia during the ninth century. Finally, the cordial relations between the duke of Lower Pannonia and his counterpart in Croatia were – at least at first – the result of the political unity imposed by their Frankish overlords, since both of these polities were Frankish creations.

The identification of political dominion with ethnicity suggested here means that, in Constantine Porphyrogenetos’s view, the Croats were actually in control of southern Pannonia, i.e. the so-called Principality of Lower Pannonia. To be sure, it is usually believed that, during the first quarter of the tenth century, the Croat polity of Dalmatia managed to extend its rule and influence over some portions of southern Pannonia with the center at Siscia (see [35, pp. 200ff.]). Thus, it may well be that Constantine had this in mind. However, such an explanation cannot account for the claim that the Croats possessed

Illyricum and Pannonia, that is, the entire Lower Pannonia, unless he made a blunder, which is not likely considering that the developments mentioned above were close to his own time and age. Consequently, we have to look somewhere else for an answer. It is known that the Franks intervened twice against the local dukes in Lower Pannonia: there was a proper war fought against Liudewit (819–822), while Ratimar was overthrown in a single campaign (838) (apart from [35, pp. 157–168, 175–178], cf. also [91, pp. 307–310, 312, 314; 11, pp. 60–71, 99–100]). The sources are tacit on what happened with the Principality after Ratimar's removal (for that matter, they have nothing to say about what happened immediately after Liudewit had been ousted, although we may assume that Ratimar became Liudewit's successor at some point, possibly in 831), but the Franks would certainly have been still very interested in finding a permanent solution to stabilize the southeastern frontier area of their empire. If this suggestion holds water, it is quite possible that, looking for a suitable candidate to fill the position of the duke of Lower Pannonia, they turned their attention to the Adriatic coast.

I would thus propose that the Franks chose as Ratimar's successor a member of the Croat élite from the nearby Croat polity in Dalmatia, which, at that time, had been faithfully adhering to the Franks for quite a while. Attracting this presumed member of the Croat warrior élite and installing him as the duke of Lower Pannonia would not have been an unusual course of action for the Franks. Similarly, the former duke of Nitra, Pribina, after he had been forced to flee from the duke of Moravia, Moimir I, was eventually established as the Frankish vassal duke (*dux*) of Lower Pannonia north of the Drava and centred on Moosburg (modern Zalavár). The new duke of Lower Pannonia between the Sava and the Drava would have doubtlessly been loyal to those who had appointed him, the more so since he would have lacked a power base in the region. Moreover, it may be assumed that the south Pannonian Slavs would not have perceived the rule of a duke of the Croat descent as something alien since there was no language barrier or conflicting customs or practices. The presumable Frankish support for their appointee would have certainly suppressed any opposition to such an

arrangement. From the perspective of a Byzantine emperor writing in Constantinople one century after the fact, with no clear understanding of the situation in distant times and with no access to accurate sources, and in an attempt to elucidate the past as best as he could, it might have indeed appeared as if the Croats had also established their rule in southern Pannonia. If the proposed reconstruction is correct, the move was a success for the Franks given that there is no more news in the sources of troubles in the Frankish southeast that were caused by unruly and disobedient dukes. The last known duke of Lower Pannonia, Brazlavo, was to the last a faithful follower of the Frankish emperor, and even entrusted with the control of Lower Pannonia north of the Drava as his fief as well [35, pp. 189–193; *with* 91, pp. 92, 119; 11, pp. 245, 271].

For the final note I would like to suggest that the designations “Pannonian Croatia” and “Posavian Croatia”, which are commonly used by modern scholars to denote the early medieval Slav principality in southern Pannonia, be dispensed with, since such a Croat polity had never existed. The renown Croatian medievalist, Nada Klaić, consistently argued against the use of both of these labels, emphasizing that they are a scholarly invention by modern historians and not based on contemporary sources (cf., for example, [53, pp. 40, 45, 51]). They may perhaps only be used in a broad geographical sense, with a clear idea of their modern context, where Posavian Croatia has a narrower meaning than Pannonian Croatia. Instead of these anachronistic and unwarranted names, Lower Pannonia or the Principality or Duchy of Lower Pannonia, or perhaps even the Sava-Drava Principality (after the *regnum inter Dravo et Savo flumine* from the *Annales Fuldenses*) should be preferred for the early medieval polity of south Pannonian Slavs that existed in the region between the Sava, the Drava and the Danube under Frankish tutelage during the better part of the ninth century.

NOTES

¹ This paper is a re-written, expanded and updated version of the article first published in [34], but the basic arguments are unchanged.

² For a brief survey on the *DAI* and its purpose, with references to the relevant scholarship: [37, pp. 25–27]. Now see also: [71, pp. 130–137; 56, pp. 41–58].

³ About the production process of the *DAI*, cf. [49, pp. 306–310]. However, his overall appraisal of Constantine Porphyrogennetos's effort seems to be too harsh. For less critical assessment, see [78, pp. 97–98]; with [8, pp. 553–554]. For a humorous but to-the-point justification of obstacles that the emperor might have met in the formation of the text: [77, pp. 189–192].

⁴ Cf. also [71, pp. 135–136], and [71, pp. 54–60] for the compilation method.

⁵ For an example of such an approach, despite some interesting assertions: [9]. A critical appraisal of Borri's approach and methods: [5, pp. 45–49].

⁶ The idea behind this assertion is inspired by the approach of the so-called Viennese school to the construction of early medieval identities, but the concept of a firm group identity embedded in an immutable binding core of tradition is implicitly abandoned, since the acceptance and maintaining of an ethnic identity had to be negotiated and reaffirmed, especially under external ideological-political and cultural influences and in adverse situations, however, a group ethnic identity could be inherited and exercise a sufficiently powerful constraint upon its individual members. Cf. [73]; with [48, pp. 26–47; 59, pp. 87–96].

⁷ The basic conclusions of this paper have been reproduced in [1, p. 300].

⁸ This translation differs somewhat from the standard translation by R.J.H. Jenkins in [14, p. 143]. For the peculiarities related to the translation of this spot, cf. [62, pp. 352–356].

⁹ For an interpretation and a possible meaning of the story about the Croats of Dalmatia revolting against Franks, cf. [37, pp. 29, 31–32]. For a different take, see [2, pp. 144–146, 157–158, 163–164], who explains the story as an invented event that served the military élite as a structural ideological element to open a way for their political emancipation from the Franks and the formation of a new independent ethno-political organism in the Frankish Dalmatia – the *regnum Chroatorum*. However, it seems far-fetched to conclude that the story of a hard-won war against the Franks was entirely a fabrication, and the only other incident of such magnitude in the wider area was the anti-Frankish rebellion of the Lower Pannonian duke Liudewit.

¹⁰ M. Suić [88, pp. 94–95] has interpreted this place as indicating a *foedus (symmachia)* existing between the two polities, where the prince of Croatia was *primus inter pares* and, in recognition of his primacy, the prince of the Croats in southern Pannonia sent him embassies with gifts. It might be worthwhile to address here a question of the English rendering of Slavic ruler titles. In the Croatian scholarship, it has been customary to use the word “knez” (*dux* or *comes* in Latin) as a title for early medieval Croat rulers before Tomislav who is usually taken to be the first king of

Croatia, as well as for early medieval Slavic rulers in southern Pannonia. The word “knez” is better to render in English as a “prince”, since a “duke”, which is commonly used in English-speaking scholarship (see, however, [29, pp. 253ff.]), translates in Croatian as “vojvoda” and does not necessarily denote a ruler in his own right. The problem which an English-speaking scholar might encounter when trying to properly translate these titles into English is shown, for example, in F. Curta's two monographs about history of southeastern and eastern Europe in the Middle Ages. In his *Southeastern Europe in the Middle Ages 500–1250*, Curta uses the title “duke” for Borna [16, p. 135], Liudewit [16, p. 135], Trpimir [16, p. 137], Branimir [16, pp. 140–141], and Muncimir [16, p. 140], and “prince” for Tomislav [16, p. 137] and Domagoj [16, p. 140], which is not consistent. His somewhat of a dilemma is alluded to in the remark “early dukes or princes” [16, p. 141]. Similarly, in his *Eastern Europe in the Middle Ages (500–1300)*, Curta uses the title “duke” for Borna [17, p. 109], Liudewit [17, p. 109], Brazlav [17, p. 110], and Tomislav [17, p. 325], but “chieftain” for Ratimir [17, p. 110] and “prince” for Branimir [17, p. 591]. In German, the word “Fürst” is used, which is more appropriate. Therefore, in this paper the word “prince” is used for the Greek archon, whereas “duke” denotes a ruler under tutelage. For a discussion on Latin and Slavic titles of early medieval Croat rulers, cf. [31].

¹¹ The translation by I. Ševčenko has been slightly modified.

¹² A partial survey of Croatian scholarship on this matter is also offered in [1, pp. 298–301].

¹³ J.V.A. Fine Jr. [30, p. 20] rightly expresses reservation with regard to the term “Pannonian Croatia”, but he uses it nevertheless later in his text [30, pp. 21, 49, 72].

¹⁴ In the Croatian scholarship, the names of these south Pannonian Slav dukes are regularly rendered in their Slavicized / Croaticized forms as Ljudevit, Ratimir, and Braslav.

¹⁵ This is followed in [60, p. 371 (note 19)].

¹⁶ Similarly to this was already maintained in [61, pp. 136–138].

¹⁷ Noricum: [76, p. 279; 43, p. 256; 44, p. 340]. Doclea: [45, pp. 22–23; 46, pp. 337–338; 47, pp. 112–113]. Cf. also [32, p. 91].

¹⁸ This is a remark that has already been stressed by the author in several of his papers. Cf., for example, [38, p. 186, with note 5].

¹⁹ Simplistic is the claim in [55] that Constantine Porphyrogennetos considered the Diocleatians to be Serbs, even though he does not mention them as such. Komatina's arguments are all quite circumstantial and the fact that Diocleia is not mentioned as a country settled by Serbs is explained as the emperor's failing to follow strictly to the principle of listing countries and peoples in details.

²⁰ This was first observed in [62, pp. 328–329] (even though Lončar mentions that the words “in refuge” might allude to a reason), and accentuated in [22, p. 112, note 83].

²¹ In the previous chapter of the *DAI* (c. 30, 71–75) it is, however, said that the Croats of White Croatia are subject to the king Otto of Francia and in friendly relations with the Turks (i.e. Magyars), which would suppose that the attacks by Franks and Magyars predated these new political arrangements.

²² The *Illyria* mentioned in the chapter devoted to the Iberians (c. 45, 159) is the Armenian province of Aghori (cf. [50, p. 177]).

²³ That this Illyricum was adjacent to Pannonia had already been suggested in [39, p. 31].

²⁴ These confines are, on their northern side, set by Constantine Porphyrogenetos at Ulcinium (*DAI*, c. 30, 95–96).

²⁵ On the theme of Dalmatia in the late ninth and the tenth centuries, see [28, pp. 165–191]. On the theme of Dyrrachium in the ninth and the tenth centuries, see [51, pp. 337ff.].

²⁶ For misidentifications of the Danube in ancient literary sources and Sirmium as a switch point between the two hydronyms for this watercourse (Danubius/Ister), cf. [19, pp. 138–139].

²⁷ It is perhaps instructive as well that the 13th-century chronicler, Thomas archdeacon of Split, when describing the extent of the kingdom of Dalmatia and Croatia, its northern border also sets at the banks of the Danube [90, c. 13, pp. 60–61].

²⁸ For the construction of the Danube as a socio-cultural frontier in Antiquity, see [70, pp. 751–755].

²⁹ It is worth noting that B. Ferjančić [27] does not dwell on these issues related to the boundaries of Dalmatia.

³⁰ For this problem in the context of modern Croatian historiography, cf. [4].

³¹ For a discussion on identities in post-Roman Dalmatia cf. [21; 22, pp. 64–73].

³² Main sources for the administrative division of the later Roman Empire are the *Notitia Dignitatum* [72] and the *Laterculus Veronensis* [58].

³³ The phrasing is by Menander Protector [69, fr. 5.4, pp. 52–53]. Cf. [38, p. 200, with note 60, p. 219].

³⁴ Constantine Porphyrogenetos's Illyricum and Pannonia are reminiscent of the Illyricum and Pannonia mentioned in the *Annales Laureshamenses*' account of the Frankish campaign against the Avars in 791 [6, a. 791, p. 34]. However, since the perspective is here decidedly western, it is most likely that southwestern parts of the former diocese of Pannonia, i.e. *Noricum mediterraneum* (the territory of modern Slovenia), were meant under the Illyricum. Cf. [35, pp. 150–151].

³⁵ For details on political developments in southern Pannonia during the ninth century, cf. [35, pp. 154–194].

REFERENCES

1. Alimov D.E. Etnogenez khorvatov: formirovanie khorvatskoy etnopoliticheskoj obshchnosti v VII–IX vv. [Ethnogenesis of Croats: Formation of the Croatian Ethnopolitical Community in the 7th–9th Centuries]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016. 380 p.

2. Alimov D.J. Hrvati, kult Peruna i slavenski gentilizam (Komentari na hipotezu Ante Miloševića o identitetu Porina i Peruna) [Croats, the cult of Perun and Slavic “gentilism”. (A Comment on the hypothesis of Ante Milošević about the identity of Porin and Perun)]. *Starohrvatska prosvjeta*, 2016, vol. 3, no. 43, pp. 141–164.

3. Ančić M. U osvit novog doba. Karolinško carstvo i njegov jugoistočni obod [At the dawn of a new age. The Carolingian empire and its southeastern edge]. Milošević A., ed. *Hrvati i Karolinzi. Rasprave i vrela*. Split, Muzej hrvatskih arheoloških spomenika, 2000, pp. 70–103.

4. Ančić M. Što “svi znaju” i što je “svima jasno”. *Historiografija i nacionalizam* [What is it that ‘everyone knows’ and is ‘clear to everyone’? Historiography and nationalism]. Zagreb, Hrvatski Inst. za povijest, 2008. 270 p.

5. Ančić M. Migration or Transformation: The Roots of the Early Medieval Croatian Polity. Dzino D., Milošević A., Vedriš T., eds. *Migration, Integration and Connectivity on the Southeastern Frontier of the Carolingian Empire*. Leiden; Boston, Brill, 2018, pp. 43–62. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450; vol. 50).

6. *Annales Laureshamenses*. Pertz G.H., ed. *Annales et chronica aevi Carolini*. Vol. I. Hannover, Hahn, 1826, pp. 19–60. (Monumenta Germaniae historica, Scriptores; vol. I).

7. *Annalium Fuldensium Continuatio Ratisbonensis*. A. 882–897. Kurze F., ed. *Annales Fuldenses sive Annales regni Francorum orientalis*. Hannover, Impensis Bibliopolii Hahniani, 1891, pp. 107–131 (Monumenta Germaniae historica, Scriptores rerum Germanicarum; vol. 7).

8. Beaud B. Le savoir et le monarque: le Traité sur les nations de l’empereur byzantin Constantin VII Porphyrogénète. *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*, 1990, vol. 45 (3), pp. 551–564.

9. Borri F. White Croatia and the Arrival of the Croats: an Interpretation of Constantine Porphyrogenitus on the Oldest Dalmatian History. *Early Medieval Europe*, 2011, vol. 19 (2), pp. 204–231.

10. Bösendorfer J. *Crtice iz slavonske povijesti s osobitim obzirom na prošlost županija: križevačke, virovitičke, požeške, cisdravske baranjske, vukovske i srijemske te kraljevskog i slobodnog grada Osijeka u srednjem i novom vijeku* [Sketches from the Slavonic

history with special regard to the past of the županias of Krizevci, Virovitica, Pozega, Cis-Dravian Baranya, Vukovo and Sylvania, and the free royal city of Osijek in Middle and Early Modern Ages]. Osijek, Tiskom J. Pfeiffera, 1910. 482 p.

11. Bowlus Ch.R. *Franks, Moravians, and Magyars. The Struggle for the Middle Danube, 788–907*. Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Pr., 1995. xviii, 420 p.

12. Budak N. Slavic ethnogeneses in modern Northern Croatia. Bratož R., ed. *Slovenija in sosednje dežele med antiko in karolinško dobo. Začetki slovenske etnogeneze*. Vol. 1. Ljubljana, Narodni Muzej Slovenije, 2000, pp. 395–402. (Situla; vol. 39).

13. Bury, J.B. *A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.)*. Vol. II. London, Macmillan, 1889. xxiv, 579 p.

14. Constantine Porphyrogenitus. *De administrando imperio*. Moravcsik Gy., Jenkins R.J.H., eds. Washington, D.C., Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1967. ix, 341 p. (Corpus fontium historiae Byzantinae. Series Washingtonensis; vol. 1).

15. Constantinus Porphyrogenitus. *De vita Basilii*. Ševčenko I., ed. *Chronographiae quae Theophanis continuati nomine fertur liber quo Vita Basilii Imperatoris amplectitur*. Berlin; Boston, De Gruyter, 2011. xii, 501 p. (Corpus fontium historiae Byzantinae. Series Berolinensis; vol. 42).

16. Curta F. *Southeastern Europe in the Middle Ages 500–1250*. Cambridge, Cambridge Univ. Pr., 2006. xxviii, 496 p.

17. Curta F. *Eastern Europe in the Middle Ages (500–1300)*. Vol. I. Leiden; Boston, Brill, 2019. xxi, 717 p. (Brill's Companions to European History; vol. 19).

18. Curta F. Migrations in the Archaeology of Eastern and Southeastern Europe in the Early Middle Ages (Some Comments on the Current State of Research). Preiser-Kapeller J., Reinfandt L., Stouraitis Y., eds. *Migration Histories of the Medieval Afroeurasian Transition Zone: Aspects of Mobility between Africa, Asia and Europe, 300–1500 c.e.* Leiden; Boston, Brill, 2020, pp. 101–138. (Studies in Global Social History, vol. 39).

19. Dan A. Between the Euxine and the Adriatic Seas: Ancient Representations of the Ister (Danube River) and the Haemus (Balkan Mountains) as Frames of Modern South-Eastern Europe. Tsetschladze G.R., Avram A., Hargrave J., eds. *The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th Century BC – 10th Century AD): Proceedings of the Fifth International Congress on Black Sea Antiquities (Belgrade – 17–21 September 2013)*. Oxford, Archaeopress Publ., 2015, pp. 133–151.

20. Dümmler E. Über die älteste Geschichte der Slawen in Dalmatien (549–928). *Sitzungsberichte der*

philosophisch-historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1856, vol. 20, pp. 353–430.

21. Dzino D. “Becoming Slav”, “Becoming Croat”: New Approaches in the Research of Identities in Post-Roman Illyricum. *Hortus artium medievalium*, 2008, vol. 14, pp. 195–206.

22. Dzino D. *Becoming Slav, Becoming Croat. Identity Transformations in Post-Roman and Early Medieval Dalmatia*. Leiden; Boston, Brill, 2010. 272 p. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450; vol. 12).

23. Dzino D. Pričam ti priču: ideološko-narativni diskursi o dolasku Hrvata u *De administrando imperio* [Telling the stories: Ideological-narrative discourses on the Croat migrations in the *De administrando imperio*]. *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu*, 2010, vol. 42. pp. 153–165.

24. Evans H.M.A. *The Early Mediaeval Archaeology of Croatia A.D. 600–900*. Oxford, B.A.R., 1989. vii, 378 p. (BAR International Series; vol. 539).

25. Farlati D. *Illyricum Sacrum. Tomus secundus. Ecclesia Salonitana, a quarto saeculo aerae Christianae usque ad excidium Salonae*. Venice, Apud Sebastianum Coleti, 1753. xii, 636, xlvi, [3] p.

26. Ferjančić B. Struktura 30. glave spisa *De administrando imperio* [The structure of the chapter 30 of the *De administrando imperio*]. *Zbornik radova Vizantološkog instituta*, 1978, vol. 18, pp. 67–80.

27. Ferjančić B. Dalmacija u spisu *De administrando imperio* – vrela i putevi saznanja [Dalmatia in the treatise *De administrando imperio* – sources and paths of knowledge]. *Zbornik radova Vizantološkog instituta*, 1991, vol. 29–30, pp. 9–20.

28. Ferluga J. *L'amministrazione bizantina in Dalmazia*. Venice, Deputazione di storia patria per le Venezie, 1978. 297 p.

29. Fine Jr. J.V.A. *The Early Medieval Balkans: a Critical Survey from the Sixth to the Late Twelfth Century*. Ann Arbor, Univ. of Michigan Pr., 1983. xix, 336, [8] p.

30. Fine Jr. J.V.A. *When Ethnicity Did Not Matter in the Balkans. A Study of Identity in Pre-nationalist Croatia, Dalmatia, and Slavonia in the Medieval and Early-Modern Periods*. Ann Arbor, Univ. of Michigan Pr., 2006. xiv, 652 p.

31. Goldstein I. O latinskim i hrvatskim naslovima hrvatskih vladara do početka 12. stoljeća [On Latin and Croatian titles of the Croatian rulers to the early 12th century]. *Historijski zbornik*, 1983, vol. 36 (1), pp. 141–164.

32. Goldstein I. *Hrvatski rani srednji vijek* [The Croatian Early Middle Ages]. Zagreb, Novi Liber, 1995. 511 p.

33. Goldstein I. Slika političkog i etničkog stanja u panonskom dijelu Hrvatske (Slavonije) 7.–12. stoljeća

[A picture of the political and ethnic situation in the Pannonian part of Croatia (Slavonia), 7th–12th centuries]. *Internationales kulturhistorisches Symposium Mogersdorf*, 1996, vol. 24, pp. 217–233.

34. Gračanin H. Od Hrvata pak koji su stigli u Dalmaciju odvojio se jedan dio i zavladao Ilirikom i Panonijom: razmatranja uz DAI c. 30, 75–78 [And of the Croats who arrived to Dalmatia one part separated and ruled Illyricum and Pannonia: remarks related to the DAI c. 30, 75–78]. *Povijest u nastavi*, 2008, vol. 6, no. 11 (1), pp. 67–76.

35. Gračanin H. *Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjem vijeku (od konca 4. do konca 11. stoljeća)* [Southern Pannonia in Late Antiquity and the Early Middle Ages (from the late fourth to the late eleventh centuries)]. Zagreb, Plejada, 2011. 455 p.

36. Gračanin H., Škrkulja J. The Ostrogoths in Late Antique Southern Pannonia. *Acta Archaeologica Carpathica*, 2014, vol. 49, pp. 165–205.

37. Gračanin H., Škrkulja J. Refashioning of Historical Reality: Three Stories by Constantine VII Porphyrogenitus and the Early Medieval History of Croatia. Panov M.B., ed. *Samoilovata država i Vizantija: istorija, legenda, tradicija, nasljedstvo. Zbornik na trudovi od Megjunarodniot simpozium "Denovi na Justinian I", Skopje, 17–18 oktombri, 2014*. Skopje, Univerzitet "Evro-Balkan", 2015, pp. 24–34.

38. Gračanin, H., Škrkulja J. The Gepids and Southern Pannonia in the Age of Justinian I. Vida T., Quast D., Rácz Zs., Koncz I., eds. *Kollaps – Neuordnung – Kontinuität. Gepiden nach dem Untergang des Hunnenreiches. Tagung der Internationalen Konferenz and der Eötvös Loránd Universität, Budapest, 14.–15. Dezember 2015*. Budapest, Archaeolingua Alapítvány, 2019, pp. 185–274.

39. Grafenauer, B. Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata [Contribution to a critique evaluation of Constantine Porphyrogenetos's account about the migration of the Croats]. *Historijski zbornik*, 1952, vol. 5, pp. 1–56.

40. Grafenauer B. Vprašanje konca Koceljeve vlade v Spodnji Panoniji [Questions about the end of Kocel's reign in Lower Pannonia']. *Zgodovinski časopis*, 1952/1953, vol. 6–7, pp. 171–190.

41. Grégoire H. L'origine et le nom des Croates et des Serbes. *Byzantion*, 1944/1945, vol. 17, pp. 88–118.

42. Guldescu S. *History of Medieval Croatia*. The Hague, Mouton & Co., 1964. 351, [1] p.

43. Hauptmann L. Politische Umwälzungen unter den Slowenen vom Ende des sechsten Jahrhunderts bis zur Mitte des neunten Jahrhunderts. *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*, 1915, vol. 36, pp. 229–287.

44. Hauptmann L. Entstehung und Entwicklung Krains. Jaksch A. von, Wutte L. Hauptmann A. Mell H.,

eds. *Erläuterungen zum Historischen Atlas der Österreichischen Alpenländer*, volume I/4: *Kärnten, Krain, Görz und Istrien*. Vienna, Holzhausen, 1929, pp. 305–484.

45. Hauptmann L. Konstantin Porfirogenet o porijeklu stanovništva dubrovačkog zaleđa [Constantine Porphyrogenitus on the origin of inhabitants of the Dubrovnik hinterland]. *Zbornik iz dubrovačke prošlosti. Milanu Rešetar u 70-godišnjici života*. Dubrovnik, Jadran, 1931, pp. 17–24.

46. Hauptmann L. Kroaten, Goten und Sarmaten. *Germanoslavica*, 1935, vol. 3, pp. 95–127, 315–353.

47. Hauptmann L. Hrvatsko praplemstvo [The Croatian protonobility]. *Razprave Slovenske akademije znanosti in umetnosti, Razred za zgodovinske in družbene vede*, 1950, vol. 1, pp. 85–115.

48. Heather P.J. Ethnicity, Group Identity, and Social Status in the Migration Period. Garipzanov I.H., Geary P.J., Urbańczyk P., eds. *Franks, Northmen, and Slavs. Identities and State Formation in Early Medieval Europe*. Turnhout, Brepols, 2008, pp. 17–49.

49. Howard-Johnston J. The *De Administrando Imperio*: A Re-examination of the Text and Re-evaluation of Its Evidence about the Rus'. Kazanski M., Necessian A., Zuckerman C., eds. *Les Centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque tenu au Collège de France en octobre 1997*, Paris, P. Lethielleux, 2000, pp. 301–336. (Réalités byzantines; vol. 7).

50. Jenkins R.J.H., Dvornik F., Moravcsik G., eds. *Constantine Porphyrogenitus, De Administrando Imperio*. Vol. II. *Commentary*. London, Athlone Pr., 1962. xii, 221 p.

51. Kislinger E. Dyrhachion und die Küsten von Epirus und Dalmatien im frühen Mittelalter – Beobachtungen zur Entwicklung der byzantinischen Oberhoheit. *Millennium*, 2011, vol. 8, pp. 313–352.

52. Klaić N. *Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku* [The History of the Croats in the Early Middle Ages]. Zagreb, Školska knjiga, 1975. xi, 595 p.

53. Klaić N. Najnoviji radovi o 29, 30. i 31. poglavlju u djelu *De administrando imperio* cara Konstantina VII. Porfirogeneta [The most recent studies on chapters 29, 30 and 31 of Constantine VII Porphyrogenitus's *De administrando imperio*']. *Starohrvatska prosvjeta*, 1985, vol. 15, pp. 31–60.

54. Klaić V. *Povijest Hrvata od najstarijih vremena do svršetka XIX. stoljeća*. Vol. 1: *Vladanje knezova i kraljeva hrvatske krvi (641–1102); Vladanje kraljeva Arpadovića (1102–1301)* [The history of the Croats from the earliest times until the end of the 19th century, volume I: The rule of dukes and kings of the Croatian origin (641–1102); the rule of the Árpád kings (1102–1301)]. Zagreb, Hartman, 1899. 318 p.

55. Komatina P. Identitet Dukljana prema *De administrando imperio* [The identity of Diocletians

according to the *De administrando imperio*']. *Zbornik radova Vizantološkog instituta*, 2014, vol. 51, pp. 33–46

56. Komatina P. Constantine Porphyrogenitus, *De administrando imperio* and the Byzantine Historiography of the mid-10th Century. *Zbornik radova Vizantološkog instituta*, 2019, vol. 56, pp. 39–68.

57. Krause H.L. *Res Slavorum in imperiorum occidentalis et orientalis confinio habitantium saeculo IX: diss. historico-critica*. Berlin, 1854. 55 p.

58. Laterculus Veronensis. Riese A., ed. *Geographi Latini minores*. Heilbronn, Apud Henningeros Fratres, 1878, pp. 127–129.

59. Liebeschuetz J.H.W.G. The Debate about the Ethnogenesis of the Germanic Tribes. Liebeschuetz J.H.W.G. *East and West in Late Antiquity Invasion, Settlement, Ethnogenesis and Conflicts of Religion*, Leiden; Boston, Brill, 2015, pp. 85–100. (Impact of Empire: Roman Empire, c. 200 BC–AD 476; vol. 20).

60. Litavrin G.G., Novoseltsev A.P. Kommentarij [Commentary]. Litavrin G.G., Novoseltsev A.P., eds. *Konstantin Bagryanorodnyy. Ob upravlenii imperiey* [Constantine Porphyrogenetos. On the Administration of the Empire]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 276–457.

61. Ljubić Š. O Posavskoj Hrvatskoj i o zlatnih novcih njezina zadnjega kneza Serma (1018) [On the Posavian Croatia and the gold coins of its last duke Sermo]. *Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti*, 1878, vol. 43, pp. 107–148.

62. Lončar M. *Filološka analiza Porfirogenetovih vijesti o Hrvatima: PhD diss* [A Philological Analysis of Porphyrogenetos's Information about Croats]. Zadar, 2002. 570 p.

63. Lucius Ioannes. De regno Dalmatiae et Croatiae. Kuntić-Makvić B., Kurelac M., Budak N., Goldstein I., eds. Zagreb, VPA, 1986. 471 p., [5] fold. il. (Biblioteka Latina et Graeca; vol. 7).

64. Margetić L. Pitanja iz najstarije povijesti Zagrebačke biskupije i Slavonije [Questions about the earliest history of the Zagreb Bishopric and Slavonia]. Margetić L. *Zagreb i Slavonija. Izbor studija*. Zagreb, Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti; Rijeka, Vitagraf, Adamić, 2000, pp. 33–83.

65. Margetić L. Još o pitanju vremena dolaska Hrvata [Some more about the question concerning the arrival of Croats]. Margetić L. *Dolazak Hrvata*. Split, Divič, 2001, pp. 137–148.

66. Margetić L. Još o vijestima Konstantina Porfirogeneta o dolaska Hrvata [Some more about Constantine Porphyrogenetos's information about the arrival of Croats]. Margetić L. *Dolazak Hrvata*. Split, Divič, 2001, pp. 155–170.

67. Margetić L. Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata [Constantine Porphyrogenetos and

the time of the arrival of Croats]. Margetić L. *Dolazak Hrvata*. Split, Divič, 2001, pp. 41–113.

68. Matijević-Sokol M., Sokol V. *Hrvatska i Nin u doba kneza Branimira* [Croatia and Nin in the time of prince Branimir]. Zagreb, Hrvatski Studiji Sveučilišta u Zagrebu, 2005. 114 p.

69. Menander Protector. Historia. Blockley R.C., ed. *The History of Menander the Guardsman*. Liverpool, F. Cairns, 1985. 307 p. (ARCA Classical and Medieval Texts, Papers and Monographs; vol. 7).

70. Mihajlović V.P. Imagining the Ister/Danube in Ancient Thought and Practice: River, the Scordisci, and Creation of Roman Imperialistic Space. *Etnoantropološki problemi*, n.s., 2018, vol. 13 (3), pp. 747–780.

71. Németh A. *The Excerpta Constantiniana and the Byzantine Appropriation of the Past*. Cambridge, Cambridge Univ. Pr., 2018. xiv, 338 p.

72. Notitia dignitatum. Neira Faleira C., ed. *La Notitia dignitatum. Nueva edición crítica y comentario histórico*. Madrid, Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 2005. 697 p. (Nueva Roma; vol. 25).

73. Pohl W. Ethnicity, Theory, and Tradition: A Response. Gillet A., ed. *On Barbarian Identity. Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages*. Turnhout, Brepols, 2002, pp. 221–239.

74. Procopius Caesariensis. *Opera omnia*. Vol. I: *De bellis libri I-IV*. Vol. II: *De bellis libri V-VIII*. Haury J., Wirth G., eds. Leipzig, In aedibus B.G. Teubneri, 1962–1963. 572 + 699 p. (repr. Berlin-New York, De Gruyter, 2013).

75. Radić M. Dva ulomka kamene plastike XI. st. iz Baranje u Muzeju Slavonije u Osijeku [Two fragments of the 11th-century stone sculpture from Baranya in the Museum of Slavonia in Osijek]. *Osječki zbornik*, 1993/1995, vol. 22/23, pp. 99–122.

76. Šafárik P.J. *Slawische Altertümer*. Vol. II. Leipzig, W. Engelmann, 1844. xiv, 742 p.

77. Ševčenko I. Re-reading Constantine Porphyrogenitus. Shepard J., Franklin S., eds. *Byzantine Diplomacy*. Aldershot, Variorum, 1995, pp. 167–195.

78. Shepard J. Soldiers, missionaries and diplomacy under Gibbon's eyes. McKitterick R., Quinault R., eds. *Edward Gibbon and Empire*. Rev. ed. Cambridge, Cambridge Univ. Pr., 2002, pp. 78–100.

79. Šišić F. *Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara* [The History of the Croats in the time of the national rulers]. Zagreb, Nakladni zavod Matice hrvatske, 1925 (repr. 1990). xvi, 749 p.

80. Šlaus M. Kranimetrijska analiza srednjovjekovnih populacija središnje Europe s posebnim osvrtom na položaj hrvatskih lokaliteta [Cranio-metric analysis of the medieval Central European populations with special regard to the status

of the Croatian sites]. *Starohrvatska prosvjeta*, 1998, vol. 25, pp. 81–107.

81. Šlaus M. Kranometrijska analiza srednjovjekovnih nalazišta središnje Europe: novi dokazi o ekspanziji hrvatskih populacija tijekom 10. do 13. stoljeća [Cranio-metric analysis of the medieval Central European sites: new evidence of the expansion of the Croatian populations in the 10th to 13th century]. *Opuscula archaeologica*, 1999/2000, vol. 23–24, pp. 273–284.

82. Šlaus M. *Bioarheologija. Demografija, zdravlje, traume i prehrana starohrvatskih populacija* [Bioarcheology. Demography, health, traumata and nourishment of the old Croatian populations]. Zagreb, Školska knjiga, 2006. 254 p.

83. Šlaus M., Tomičić Ž., Uglešić A., Jurić R., eds. Cranio-metric relationships among medieval Central European populations: Implications for Croat migration and expansion. *Croatian Medical Journal*, 2004, vol. 45, pp. 434–444.

84. Smičiklas T. *Poviest hrvatska*. Vol. I: *Od najstarijih vremena do godine 1526* [The Croatian History I: from the earliest times until the year 1526]. Zagreb, Matica Hrvatske, 1882. xxxii, 724 p.

85. Sokol V. Panonija i Hrvati u 9. stoljeću [Pannonia and the Croats in the 9th century]. Majnarić-Pandžić N., ed. *Arheološka istraživanja u Podravini i kalničko-bilogorskoj regiji. Znanstveni skup Koprivnica, 14–17. X. 1986*. Zagreb, Hrvatsko Arheološko Društvo, 1990, pp. 193–195. (Izdanja Hrvatskog arheološkog društva; vol. 14).

86. Sokol V. Arheološka baština i zlatarstvo [Archaeological heritage and gold artifacts]. Supićić I., ed. *Hrvatska i Europa. Kultura, znanost i umjetnost*. I: *Srednji vijek (VII–XII. stoljeće)*. *Rano doba hrvatske kulture*. Zagreb, AGM, 1997, pp. 117–146.

87. Sokol V. *Medieval Jewelry and Burial Assemblages in Croatia. A Study of Graves and Grave Goods, ca. 800 to ca. 1450*. Leiden; Boston, Brill, 2016. 256 p. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450; vol. 36).

88. Suić M. Ocjena radnje L. Margetića “Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata” [An Appraisal of L. Margetić’s paper ‘Constantine Porphyrogenetos and the Time of the Arrival of Croats’]. *Zbornik Odsjeka za povijesne znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti*, 1977, vol. 8, pp. 89–100.

89. Theophanis *Chronographia*. Vol. I. De Boor C., ed. Leipzig, In aedibus B.G. Teubneri, 1883. viii, 503 p.

90. *Thomae Archidiaconi Spalatensis Historia Salonitanorum atque Spalatinorum pontificum*. Perić O., Karbić D., Matijević-Sokol M., Sweeney J.R., eds. Budapest; New York, Central European Univ. Pr., 2006. xlv, 404 p. (Central European Medieval Texts; vol. 4).

91. Wolfram H. *Salzburg, Bayern, Österreich. Die Conversio Bagoariorum et Carantanorum und die Quellen ihrer Zeit*. Vienna; Munich, R. Oldenbourg Verl., 1995. 464 p.

92. Zeuss K. *Die Deutschen und die Nachbarstämme*. Munich, Lentner, 1837. viii, 778 p.

Information About the Author

Hrvoje Gračanin, PhD, Full Professor, Department of History, Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Zagreb, Ivana Lučića, 3, 10000 Zagreb, Croatia, hgracani@ffzg.hr, <https://orcid.org/0000-0001-5018-6083>

Информация об авторе

Хрвое Грачанин, PhD, профессор кафедры истории философского факультета, Загребский университет, ул. Ивана Луčićа, 3, 10000 г. Загреб, Хорватия, hgracani@ffzg.hr, <https://orcid.org/0000-0001-5018-6083>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.3>

UDC 94“10”:930.2
BBC 63.3(0)4-92

Submitted: 25.05.2020
Accepted: 03.11.2020

ON THE INTERPRETATION OF JOHN SCYLITZES' EVIDENCE ABOUT ARCHONTES OF RHOS, AM 6544 (1036 AD)

Alexandr A. Romensky

State Museum-Preserve “Tauric Chersonesos”, Sevastopol, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article discusses the information of John Scylitzes about political changes in Rus on the eve of 1036. **Methods.** The comparison of the texts of different written traditions is carried out. The testimony of the “Synopsis Historion” by John Scylitzes is analyzed in the context of Russian Primary Chronicles data and other sources. **Analysis.** The chronicle of John Scylitzes contains a message about the death of the “archontes of Rhos” Nesisthlavos and Ierosthlavos, and election in their place their relative Zinisthlavos. These persons are traditionally identified with Russian princes Mstislav of Tmutarakan, Yaroslav the Wise and Iziaslav Yaroslavich. The researchers found chronological discrepancies in this evidence which were explained by the usage of different accounts in the chronicle. It seems that John Scylitzes' narration relied on Byzantine documents only and reproduced the events faithfully. His mistake was not in chronology but in explaining the reasons for the absence of Kievan prince during the siege of the city by Pechenegs in 1036. **Results.** As the study shows, the information of John Scylitzes does not contain any chronological contradictions and describes a reliable political situation. While the elder prince Yaroslav was in Novgorod, the Kievan veche elected his son Iziaslav who was a prince of Turov to rule in the city. The defeat of the Pechenegs after prince Yaroslav's return fits in the context of the Rus-Byzantine military alliance.

Key words: John Scylitzes, Byzantine narrative sources, Yaroslav the Wise, Iziaslav of Kiev, Pechenegs, princely power in Rus.

Citation. Romensky A.A. On the Interpretation of John Scylitzes' Evidence About Archontes of Rhos, AM 6544 (1036 AD). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 44-55. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.3>

УДК 94“10”:930.2
ББК 63.3(0)4-92

Дата поступления статьи: 25.05.2020
Дата принятия статьи: 03.11.2020

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИЗВЕСТИЯ ИОАННА СКИЛИЦЫ ОБ АРХОНТАХ РУСИ ПОД 6544 (1036) ГОДОМ

Александр Александрович Роменский

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается свидетельство хроники Иоанна Скилицы о трех архонтах Руси под 1036 годом. Традиционно их отождествляют с князьями Мстиславом и Ярославом Владимировичами, а также с сыном последнего Изяславом Ярославичем. Эта версия видится более вероятной, чем предположение о том, что в тексте упоминались предводители наемников на византийской службе. Как представляется, источник византийского хрониста превратно истолковал не хронологию, а причины отсутствия киевского князя во время осады города печенегами. Его известие не противоречит контексту политических событий на Руси этого времени. В период пребывания Ярослава в Новгороде киевское вече могло провозгласить князем малолетнего Изяслава, княжившего в Турове. Нельзя исключить координацию похода Ярослава против печенегов с Византией в условиях действующего союза держав.

Ключевые слова: Иоанн Скилица, византийские нарративные источники, Ярослав Мудрый, Изяслав Ярославич, печенеги, княжеская власть на Руси.

Цитирование. Роменский А. А. К интерпретации известия Иоанна Скилицы об архонтах Руси под 6544 (1036) годом // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 44–55. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.3>

Введение. Сведения византийских нарративных источников о Руси давно привлекают внимание исследователей, но, несмотря на появление в последнее время ценных справочных пособий и обобщающих работ [3; 12, с. 69–160], информационный потенциал этих памятников все еще не исчерпан. Одной из наиболее содержательных фактографически является хроника Иоанна Скилицы, охватывающая изложение основных событий византийской истории с 811 по 1057 год. Достоверных биографических данных об авторе немного: выходец из Фракисийской фемы, он занимал должности великого друнгария виглы и епарха Константинополя с титулами протопроедра, впоследствии – куропалата при дворе Алексея I Комнина [59, S. 81–83; 49, р. 80–89; 53, р. IX–X]. Не больше ясности и в вопросе об источниках труда хрониста и методах его работы. Если в описании событий за IX – первую половину X в. Скилица в целом следует изложению хроник семейства Симеона Логофета, Генесия и Продолжателя Феофана, то в дальнейшем опирается на утраченные источники [49, р. 92–99; 52, р. XII–XVI; 53, р. XIX–XXII]¹. Представление о Скилице как о компиляторе, механически воспроизводившем тексты предшественников, уступило место признанию того, что он нередко творчески переосмысливал имевшийся в его распоряжении материал. Вероятно, текст «Обозрения историй» был изначально расположен по тематическому принципу, лишь позже получив хронологическую организацию [49, р. 100; 62, р. 220; 38, с. 60]. Иоанн Скилица не уделяет много внимания событиям на севере византийской ойкумены, упоминая о варварском народе Рос (ὁ Ῥῶς) и его архонтах лишь в том случае, когда отношения с ними напрямую затрагивают интересы империи и правящих самодержцев². Тем более интересны уникальные данные византийского автора о Руси, которые не находят подтверждения в других источниках. Одно из таких сообщений посвящено политической ситуации, сложившейся в 1036 году. Целесообразно рассмотреть свидетельство Скилицы в комплексе с

другими данными и попытаться верифицировать его информацию.

Методы. Для реконструкции политической истории Руси и обстоятельств осады Киева печенегами в 1036 г. в исследовании используется метод сравнения текстов различных письменных традиций. Сообщение «Обозрения историй» Иоанна Скилицы анализируется в контексте известий Начальной летописи и других древнерусских источников (запись Остромирова Евангелия, перечень князей в Новгородской первой летописи (далее – НПЛ)), что позволяет охарактеризовать взаимоотношения князей династии Рюриковичей в рамках сложившейся системы родового совладения, уточнить особенности баланса сил в рамках «дуумвирата» Ярослава и Мстислава Владимировичей, проследить начальный этап деятельности князя Изяслава Ярославича. Ключевой методологической предпосылкой представляется понимание нарратива как сложной семиотической системы, выступающего как динамический генератор смыслов [23].

Анализ. Текст «Обозрения историй» под 6544 г. состоит из сгруппированных хронологически записей о событиях в Византии и на ее границах, изложенных в характерном для хрониста стиле кратких обобщений. Обратимся непосредственно к источнику: Τῷ δὲ ,ςφμδ' ἔτει, ἰνδικτιῶνος τετάρτης, διὰ τοῦ ἔαρος τρεῖς εἰσβολὰς οἱ Πατριάρχαι ποιησάμενοι κατὰ Ῥωμαίων ἄρδην τὰ παρατυχόντα ἠφάνισαν, ἠβηδὸν τοὺς ἀλσκομένους ἀναιροῦντες καὶ τιμωρίας τοὺς αἰχμαλώτους ὑποβάλλοντες ἀνεκδιηγήτοις. εἶλον δὲ καὶ στρατηγοὺς πέντε ζωγρίας, Ἰωάννην τὸν Δερμοκαΐτην, Βάρδαν τὸν Πίτζην, Λέοντα τὸν Χαλκούτζην, Κωνσταντῖνου τὸν Πτερωτὸν, καὶ Μιχαὴλ τὸν Στραβοτριχάρην. ετελεύτησαν δὲ καὶ οἱ τῶν Ῥῶς ἄρχοντες, Νεσισθάβος καὶ Ἱεροσθάβος, καὶ ἄρχειν προεκρίθη τῶν Ῥῶς συγγενῆς τῶν τελευτησάντων Ζινίσθλαβος. Καὶ ἡ Σερβία Ῥωμαίων ἀφηνιάσασα μετὰ θάνατον Ῥωμανοῦ τοῦ βασιλέως αὐθις εσπέισατο. Ἄμερ δὲ τοῦ τῆς Αἰγύπτου

ἀμερμουμνῆ τελευτήσαντος, ἡ γυνὴ αὐτοῦ Χριστιανὴ οὖσα διαπρεσβεύεται ἅμα τῷ υἱῷ πρὸς βασιλέα περὶ εἰρήνης. ἦς ἀποδεξάμενος τὴν προαίρεσιν ὁ βασιλεὺς σπονδὰς τριακοντούτους ἔθετο μετ' αὐτῆς [50, p. 399.7–19]. («Весной четвертого индикта 6544 г. печенеги предприняли три набега против ромеев, уничтожая все встреченное на своем пути, убивая всех взрослых мужчин, подвергая пленных невыразимым карам. Были захвачены в плен пять стратигов: Иоанн Дермокаит, Варда Пица, Лев Халкуци, Константин Птерот и Михаил Стравотрихарис. Скончались и архонты Руси, Несислав и Иерослав, и был избран править родственник умерших, Зинислав. И Сербия, взбунтовавшаяся против ромеев после смерти василевса Романа [Аргира], снова заключила мирный договор. После смерти Амра, амермумна Египта, его жена-христианка отправила послов вместе с сыном для заключения мира. Одобряя ее намерение, василевс заключил с ней соглашение на тридцать лет»).

Итак, согласно Скилице, смена власти на Руси произошла в промежутке между нападениями печенегов на Романию весной 1036 г. и смертью Фатимидского халифа Абуль Хасана Али ибн Мансура аз-Захир Биллаха, случившейся 13 июня того же года [53, p. 376, note 34]. Печенежское нашествие 1036 г. продолжило череду разрушительных набегов степняков, атаковавших имперские границы в 1027, 1032, 1034–1035 гг. [1, с. 112–114]. Хронология византийского хрониста может содержать неточности (согласно мусульманским источникам, заключение мирного соглашения ромеев с Фатимидами произошло в 427 г. хиджры (1035/1036 гг.)) [44, S. 107, A. 192], но в целом его информация достоверна и соответствует контексту происходивших событий. Разрушение печенегами ряда пограничных крепостей в Добрудже и Северо-Восточной Болгарии прослеживается и по археологическим источникам, нумизматический материал (анонимные фоллисы классов А-2 и В) позволяет датировать слой горения тридцатыми годами XI в.³, что соотносится с данными нарративов [43, p. 48–49; 1, с. 111–114].

Идентификация первых двух архонтов с представителями династии Рюриковичей не вызывает сомнений у большинства исследо-

вателей: под именем «Несислава» у византийского автора фигурирует, вероятнее всего, Мстислав Владимирович, князь тмутараканский и черниговский, взявший под контроль левобережную часть «Русьской земли» после соглашения 1026 года. Примечательно, что на печати из Белгорода сохранился близкий вариант греческой транскрипции имени – ΜΕΣΙΘΛΑΒΟΣ [42, с. 20–23; 26, с. 167]. Так же бесспорно узнается и имя его брата Ярослава, княжившего в Киеве и Новгороде [11, с. 25]. Третий персонаж хроники – «Зинислав» – вероятнее всего, Изяслав Ярославич, преемник Ярослава Мудрого на киевском престоле [53, p. 376, note 33]; иногда его отождествляли со Станиславом смоленским (предполагая путаницу в источнике [41, с. 89–90; 33, с. 918–919]) либо с сыном Мстислава, Евстафием, скончавшимся раньше отца, в 1034 г. [24, с. 79]. Альтернативную интерпретацию предложил Дж. Шепард, согласно которому в тексте Скилицы сообщается о предводителях наемников на византийской военной службе. По мнению исследователя, эта информация противоречит как хронологии, так и внутриполитическому контексту событий на Руси. Он также отмечает, что термин «архонт» часто применялся в отношении военных чинов, а значение слова «προεκριθῆναι» (προκρίνειν) не соотносится с древнерусскими традициями наследования власти и может относиться к назначению командира наемного отряда; вероятно, предводители «росов» были убиты печенегами, так же как и упоминаемые выше пять плененных стратигов [60, p. 212–215].

По нашему мнению, свидетельство Скилицы вполне может быть согласовано с политическими обстоятельствами, сложившимися на Руси. Византийский автор не сообщает о гибели взятых в плен византийских военачальников, следовательно, прямо связывать с этим событием смерть двух «росских» архонтов нет оснований. Избрание их «родственника» Зинислава не выглядит уникальным случаем в контексте имеющихся сведений о роли веча на Руси, нередко определяющей исход политической борьбы в условиях кризисных ситуаций.

Более проблематично объяснение хронологического несоответствия в тексте византийского хрониста. Согласно сведениям На-

чальной летописи, Мстислав Владимирович действительно умер в 1036 г., что позволило его брату Ярославу стать «самовластцем» «Русьской земли». Смерть самого «кагана» Ярослава случилась много позже, 20 февраля 1054 г. [16, стб. 150; 7, с. 39–41], и после этого ему наследовал старший из оставшихся сыновей, Изяслав Ярославич. Ошибку Скилицы объясняли использованием двух различных анналистических записей, информацию из которых он некритически скомпилировал [24, с. 78–80]. Второй вариант интерпретации сводился к тому, что хронист поменял местами имена упоминавшихся в его источнике правителей [41, с. 89–90].

Вопрос о том, откуда Иоанн Фракийский черпал сведения о князьях далекой Руси, остается спорным. На наш взгляд, использование им гипотетических анналистических записей о смерти князей маловероятно. Для того чтобы навести справки о ком-то из чужеземных архонтов, автору вовсе не было нужды обращаться к историческим трудам. Информацию можно было позаимствовать из документов императорских ведомств, например архивов логофесии дрома, к которым Скилица, как высокопоставленный чиновник, безусловно, мог иметь доступ⁴. Следует отметить, что в столицу империи регулярно поступали донесения из приграничных фем, в частности, стратег Херсона чаще всего сообщал в Константинополь о действиях печенегов и «тавроскифов»⁵. Актуальные сведения могли собирать византийские дипломаты-апокрисиарии или императорские порученцы – «василики», отправляемые к варварам. Видимо, они известили вышестоящих функционеров об изменениях среди правящей верхушки Руси, что было важно учитывать при планировании дипломатических и военных мероприятий.

Представляется, что свидетельство «Обозрения историй» вовсе не содержит разительных хронологических противоречий с другими источниками. Информатор византийского хрониста не ошибался в датировке событий, он лишь превратно истолковал факт отсутствия в Киеве князя Ярослава во время осады города. Для обоснования нашего предположения следует внимательнее присмотреться к политической истории Руси второй четверти XI века.

Масштабная усобица между сыновьями почившего в 1015 г. Владимира Святого заканчивается лишь в 1026 г. достижением компромисса между двумя сильнейшими князьями. Условия договора фактически продиктовал Мстислав Владимирович после неудачной для Ярослава Лиственской битвы 1024 г., в ходе которой его новгородско-варяжское войско потерпело поражение от хазар, касогов и северян. Став хозяином положения, Мстислав тем не менее уступил Киев старшему брату, поскольку не пользовался поддержкой среди жителей города («не приглаша юго Кыяне») [20, стб. 147; 16, стб. 135]. Однако осторожный Ярослав не спешил к отчужденному столу, оставаясь на севере владений, в Новгороде. Все это время князь в Киеве фактически отсутствовал, и важнейший центр «Русьской земли» управлялся «мужами Ярославлими» [20, стб. 149; 16, стб. 136]. В том же 1024 г., по сообщению летописи, родился второй сын Ярослава, Изяслав. Лишь два года спустя братья встречаются в Городце, уславливаются о разделе Руси по Днепру и начинают «жити мирно и в братолюбьи» [20, стб. 149; 16, стб. 137], что соответствовало принципам классического родового совладения [27, с. 43–44]. Иногда братья предпринимали совместные военные экспедиции: так, они соединенными силами отстояли Червенские города, вмешавшись в ход внутренних распрей в Польше [20, стб. 150, 16, стб. 137]⁶. Однако черниговский и тмутораканский князь, по-видимому, все же оставался самым влиятельным игроком в этом «дуумвирате», что не могло не вызывать ревности на правом берегу Днепра [37, с. 151]. Лаконичные известия летописи посвящены в основном деятельности Ярослава Владимировича, но создается впечатление, что он по-прежнему уделял больше внимания делам на севере и западе. Лишь внезапная смерть Мстислава на охоте изменила сложившийся баланс сил, позволив его недавнему оппоненту сконцентрировать в своих руках «власть его всю» [20, стб. 150].

Показательно, что после смерти брата Ярослав в первую очередь спешит в оставшийся его главной опорой Новгород. Он оставляет старшего сына Владимира на новгородском столе и выдвигает на епископскую кафедру Луку Жидяту⁷. Именно в Новгоро-

де князь и получает весть об осаде Киева печенегами, что заставляет его собирать войска. Путь войска из Новгорода до Киева с преодолением волока занимал как минимум месяц [22, с. 244]. В это время старейший стольный город Руси находился в печенежской осаде.

Ситуация для осажденных усугублялась отсутствием представителей княжеского рода, которые могли бы осуществить военное и политическое руководство. Авторитет «княжеских мужей»-посадников, достаточный для выполнения управленческих функций в мирное время, не был сравним с властью Рюриковичей, которая имела для современников сакральное символическое значение [36, с. 53–56]. Именно князь на Руси инициировал начало военных действий и санкционировал заключение мирных соглашений: так, в ходе карательной экспедиции против древлян малолетний Святослав первым бросил копье, упавшее под ноги коню, и лишь после этого жеста его дружина переходит к активным действиям [20, стб. 58; 16, стб. 46]. В условиях вакуума власти в городе неизбежно усиливалось значение веча, которое нередко определяло исход политического противоборства. Так, в частности, случилось в 1068 г., когда отказ Изяслава предоставить киевлянам оружие для борьбы с половцами привел к его свержению и вокняжению заточенного в «поруб» полоцкого князя Всеслава Брючиславича [20, стб. 170–172; 16, стб. 160]. Именно под давлением киевского веча к власти в 1113 г. приходит Владимир Мономах [16, стб. 275–276]⁸. Свидетельство Скилицы об избрании родственника умерших архонтов на их место, озадачившее Дж. Шепарда [60, р. 215], позволяет утверждать, что вопрос о князе в 1036 г. также решался на вече. Но кого могли избрать киевляне на стол «wtень и дѣдъень»? Старейший из оставшихся представителей династии Ярослав вместе со старшим сыном Владимиром находились в Новгороде. Единственной теоретически возможной представляется кандидатура Изяслава Ярославича.

Двенадцатилетний возраст подростка не являлся препятствием для выполнения княжеских обязанностей. «Пути и ловы» Мономаха, по словам его «Поучения», начались с тринадцати лет [20, стб. 247]; прадед Изяс-

лава, Святослав Игоревич, ребенком участвовал в сражениях и, если верить свидетельству Константина Багрянородного, занимал новгородский стол в младенчестве, еще при жизни отца [19, с. 44]. Разумеется, выполнение реальных административных и военных функций при малолетнем княжиче возлагалось на воевод-«кормильцев» из числа наиболее доверенных и близких лиц [9, с. 50].

Источники не позволяют с определенностью проследить становление политической карьеры Изяслава Ярославича. Упомянув о распределении столов по «ряду» Ярослава Мудрого, Лаврентьевская летопись и близкие к ней списки умалчивают о месте княжения, тогда как в Ипатьевском и Хлебниковском списках содержится запись о его пребывании в Турове [20, стб. 161; 16, стб. 149–150]. Специалисты полагают, что после кончины старшего брата Владимира в 1052 г. именно Изяславу достался важнейший новгородский стол, обладатели которого традиционно претендовали и на киевское княжение [27, с. 83; 6, с. 306]. Основание для этого содержится в записи диакона Григория в Остромировом Евангелии (1057 г.): «...Изяславоу же кнѣзю тогда прѣдръжѣщоу обѣ власти и о(т)ца своего Ярослава. и брата своего Володимира. самъ же Изяславъ кнѣзь . правлѣаше столь о(т)ца своего Ярослава Кыѣве. А брата своего столь порѣчи правити близокоу своему Остромироу Новѣ городѣ» [30, с. 588]. Но свидетельство этого источника, как и перечня новгородских князей в НПЛмл [29, с. 469], говорит о распределении княжений уже после кончины Ярослава Мудрого. К этому времени давно возмужавший княжич, несомненно, должен был привлекаться к управлению и до смерти старшего брата. Возможно, именно близкий к Киеву Туров стал его первой княжеской резиденцией (что и зафиксировал протограф Ипатьевского и Хлебниковского списков). Нет оснований предполагать нарушение сложившейся традиции в случае с Изяславом. Видимо, его приобщение к политической деятельности, как и в случае с другими сверстниками, началось уже в подростковом возрасте. Таким образом, нет ничего невероятного в том, что именно к Изяславу апеллировало киевское вече во время осады города печенегами, избрав его своим князем в условиях

смерти Мстислава и отсутствия Ярослава. Источник Скилицы довольно точно передал эту информацию, ошибочно истолковав лишь причины отсутствия Ярослава Владимировича в Киеве.

Возвратившись в Киев с варягами и новгородцами, Ярослав с большим трудом отразил окруживших город степняков. По свидетельству Повести временных лет, решающая схватка произошла «внѣ града», на месте будущего митрополичьего собора Св. Софии, после чего «побѣгша Печенѣзи разно» [20, стб. 151; 16, стб. 139]. Впечатляющая картина полного разгрома печенегов, созданная летописцем с использованием характерной для него риторики погибели врагов «до сего дни», едва ли полностью соответствовала действительности. В дальнейшем кочевники устремляются на Балканы, не раз опустошая византийскую территорию. Не исчезли они и в степях Восточной Европы, взаимодействуя с другими тюркскими этносами, пришедшими им «на смену», – торками и половцами и даже поступая на службу к русским князьям. Только василевсы из династии Комнинов, Алексей I и его сын Иоанн, смогли положить конец этой угрозе для империи ромеев [32, с. 99–100; 45, р. 80].

Хронологическая и тематическая последовательность изложения Скилицы, согласно которой смена архонтов на Руси последовала непосредственно после нападения печенегов на Византию и пленения пяти стратиггов – представителей известных родов византийской военной аристократии, создает впечатление взаимосвязанности событий на границах империи и в Восточной Европе. Координацию действий, направленных против номадов, между киевским князем и правительством василевса Михаила IV нельзя категорически исключать, поскольку в эти годы продолжал существовать военный и политический альянс двух держав, оформившийся в основных чертах к концу X века. Мелкие инциденты и конфликтные ситуации, как, например, случай с отрядом наемников некоего Хрисохира, не меняли приверженности обеих сторон к сотрудничеству [50, р. 367; 22, с. 223–227; 39]. Примечательно, что именно после победы над печенегами князь Ярослав смог завершить грандиозный проект строительства митропо-

личьего кафедрала – собора Св. Софии – с помощью византийских мастеров⁹. Тогда же, вероятно, были окончательно согласованы вопросы статуса киевской митрополии, оставшейся зависимой от Константинополя, который тем не менее учитывал предпочтения светской власти на Руси, не раз склоняясь к компромиссу с ее архонтами [8, с. 149–151]. Даже последняя масштабная война «росов» и ромеев в 1043 г. не изменила в длительной перспективе общих тенденций в их взаимоотношениях, увенчавшись вскоре новым мирным соглашением [22, с. 274–276].

Выводы. Как представляется, свидетельство Иоанна Скилицы о смене архонтов на Руси в 1036 г. не содержит существенных хронологических противоречий. Информатор византийского хрониста в целом достоверно охарактеризовал политический расклад сил, сложившийся в ходе осады Киева печенегами, допустив ошибку лишь в трактовке причин отсутствия Ярослава. В условиях отъезда князя в стольном городе решающая роль, видимо, перешла к вечу, которое предложило киевский стол подростку Изяславу Ярославичу. Начало политической карьеры последнего, вероятно, связано с княжением в близком к Киеву Турове. Малолетство Изяслава не исключало его участия в функциях управления и военных действиях при поддержке «кормильцев» из числа опытных воевод. Кризис был разрешен после возвращения Ярослава Владимировича с войском из Новгорода и успешного отражения печенегов. Победа киевского князя над печенегами, последовавшая после их вторжений на территорию Византии, вписывается в контекст военного сотрудничества двух государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Попытки реконструировать источники «Обозрения историй» остаются в рамках недостаточно обоснованных гипотез. Это касается и так называемой «Истории Фок», из которой, по мнению исследователей, заимствованы многие общие сведения Льва Диакона и Иоанна Скилицы [35, с. 145–146; 17, с. 115–116; 54, р. 253; 63, р. 32; 53, р. XVIII–XIX], и выдвинутого в противовес этому мнения о лояльном к роду Склиров источнике [49, р. 272]. В описании правления Василия II, как полагают специалисты, автор мог использовать несох-

ранившийся исторический труд Феодора Севастийского [4, с. 67–68; 2, с. 138–139], однако определение его конкретных фрагментов (например, среди известий об апостасии Варды Фоки в «Чудесах св. Евгения Трапезундского»), как представляется, трудно аргументировать. См.: [57; 49, р. 96–97].

² О терминологии византийских источников в применении к князьям Руси см.: [61; 58, р. 424–425].

³ Специалисты не пришли к единому мнению относительно классификации и хронологии анонимных фоллисов. См.: [55, р. 586–600; 46, р. 634–639; 47, р. 204–209; 51, р. 37–39; 1, с. 112].

⁴ Об эволюции должности логофета дрома и его функциях см.: [48, р. 31–70; 25].

⁵ Известно, что патрикий и стратиг Херсона Иоанн Вога сообщал Патриарху Николаю Мистику о потенциально опасных контактах болгар и печенегов, другой его коллега прислал в Константинополь донесение о готовящемся нападении Руси в 941 г. См.: [56, р. 58; 34, с. 1477–1480; 14, с. 414–415; 40, с. 15–17].

⁶ Военные действия Мстислава и Ярослава в Польше, очевидно, были согласованы с императором Священной Римской империи Конрадом II, начавшим тогда же войну против Мешко II. См.: [10, с. 35–37; 18, с. 260–262; 28, с. 613–614]. Поздняя Никоновская летопись упоминает о походе Ярослава «на ясы», который, в случае его реальности, мог быть предпринят только для поддержки притязаний Мстислава [31, с. 81]; но это известие едва ли включает в себе нечто большее, чем вымысел книжника XVI века.

⁷ Принимаемая некоторыми историками версия об Илье, упоминаемом в списке новгородских князей НПЛмл и летописи Авраамки [29, с. 471; 21, с. 313], как самом старшем из сыновей Ярослава видится несостоятельной. Более вероятно предположение о тождестве Ильи и Владимира Ярославича: старший из Ярославичей принял крестильное имя в честь великого ветхозаветного пророка и святого покровителя василевсов правящей в Византии Македонской династии [18, с. 67; 24, с. 77, примеч. 126].

⁸ Исследователи спорят о легитимности вокняжения Владимира Всеволодовича в 1113 году. А.В. Назаренко полагает, что Любечский съезд исключил детей Святослава Ярославича, воспринимавшегося как узурпатор, из числа отчичей Киева, на который, таким образом, могли претендовать только сыновья Изяслава и Всеволода [27, с. 93–94]. Несмотря на наличие аргументов в пользу этой интерпретации, она остается небезупречной. Если Святославичи действительно не имели прав на Киев, то чем было вызвано промедление Мономаха, решившегося войти в город лишь после двукратного требования веча? Едва ли такое поведение ос-

торожного политика можно объяснить одной лишь скорбью по умершему Святополку Изяславичу. «Болшие и нарочитые» мужи, составлявшие, согласно «Сказанию о святых Борисе и Глебе», партию сторонников Мономаха на вече [15, с. 64], вовсе не были уверены в его согласии на принятие власти, и чтобы его добиться, им пришлось прибегнуть к давлению.

⁹ Проблема времени строительства собора Св. Софии в Киеве остается крайне дискуссионной. В последнее время к традиционной полемике сторонников «ранней» и «поздней» дат 1017 и 1037 гг., содержащихся в НПЛ и Повести временных лет соответственно, прибавилась контroversионная гипотеза о закладке кафедрала уже князем Владимиром. Важно отметить, что достоверный *terminus ante quem* освящения храма представляет собой греческое граффито с датой 1038 год. В архитектурном плане собор отражает черты византийского зодчества второй четверти XI века. См.: [13, с. 493–494; 5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атанасов, Г. Г. Анонимные византийские фоллисы класса В и нашествие печенегов в Добруджу 1036 г. / Г. Г. Атанасов // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. – 1999. – № 6. – С. 111–122.
2. Бибииков, М. В. Историческая литература Византии / М. В. Бибииков. – СПб. : Алетейя, 1998. – 316 с.
3. Бибииков, М. В. *Byzantinorossica* : Свод византийских свидетельств о Руси. В 2 т. Т. 1 / М. В. Бибииков. – М. : Яз. слав. культуры : Рукоп. памятники Древ. Руси, 2004. – 736 с.
4. Васильевский, В. Г. Русско-византийские отрывки. II. К истории 976–986 гг. / В. Г. Васильевский // *Труды В.Г. Васильевского*. В 4 т. Т. 2. – СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1909. – С. 56–124.
5. Виноградов, А. Ю. Святая София Киевская в контексте византийской архитектуры второй четверти XI в. / А. Ю. Виноградов // *Храм і люди : збірка статей до 90-річчя з дня народження С.О. Висоцького* / відп. ред. Є. І. Архіпова, Г. Ю. Івакін. – Київ : Інститут археології НАН України, Національний заповідник «Софія Київська», 2013. – С. 66–80.
6. Войтович, Л. В. Княжа доба на Русі: портрети еліти / Л. В. Войтович. – Біла Церква : Видавель Олександр Пшонківський, 2006. – 784 с.
7. Высоцкий, С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. Вып. 1. XI–XIV вв. / С. А. Высоцкий. – К. : Наукова думка, 1966. – 240 с.
8. Гайденко, П. И. Становление высшего церковного управления в Киевской Руси : дис. ... д-ра

ист. наук / Гайденок Павел Иванович. – Екатеринбург, 2011. – 459 с.

9. Гарданов, В. К. «Кормильство» в Древней Руси / В. К. Гарданов // Советская этнография. – 1959. – № 6. – С. 43–59.

10. Головкин, А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. / А. Б. Головкин. – К. : Наукова думка, 1988. – 136 с.

11. Грушевський, М. С. Історія України-Руси. Т. 2. XI–XIII вік / М. С. Грушевський. – Львів : З друкарні Наукового товариства імені Шевченка, 1905. – 633 с.

12. Древняя Русь в свете зарубежных источников : учеб. пособие / М. В. Бибииков [и др.] ; под ред. Е. А. Мельниковой. – М. : Логос, 2003. – 608 с.

13. Евдокимова, А. А. Корпус греческих граффити Софии Киевской на фресках первого этажа / А. А. Евдокимова // Древнейшие государства Восточной Европы. Рюриковичи и российская государственность / отв. ред. М. В. Бибииков, Е. А. Мельникова, В. Д. Назаров. – М. : Индрик, 2008. – С. 465–518.

14. Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе. Т. 1. Исследования. Тексты / изд. подгот. Т. В. Пентковская, Л. И. Щеголева, С. А. Иванов. – М. : Яз. слав. культуры, 2018. – 779 с.

15. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / пригот. к печати Д. И. Абрамович. – М. : Худож. лит., 1980. – 704 с. – (Памятники древнерусской литературы : в 12 вып. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева ; вып. 2).

16. Ипатьевская летопись. – СПб. : Тип. М.А. Александрова, 1908. – XVI с., 938 стб., 87, IV с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 2 / подгот. А. А. Шахматов).

17. Каждан, А. П. Из истории византийской хронографии X в. / А. П. Каждан // Византийский временник. – 1961. – Т. 20. – С. 106–125.

18. Карпов, А. Ю. Ярослав Мудрый / А. Ю. Карпов. – М. : Молодая гвардия, 2001. – 583 с. – (Жизнь замечательных людей ; вып. 1008 (808)).

19. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. – М. : Наука, 1989. – 496 с.

20. Лаврентьевская летопись. – Л. : Изд-во АН СССР, 1926. – VIII с., 579 стб. – (Полное собрание русских летописей ; т. 1 / под ред. Е. Ф. Карского).

21. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. – СПб. : Тип. Ф. Еленского и К., 1889. – 319, 69 с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 16 / подгот. А. Ф. Бычков, К. Н. Бестужев-Рюмин).

22. Литаврин, Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII вв.) / Г. Г. Литаврин. – СПб. : Алетейя, 2000. – 415 с.

23. Лотман, Ю. М. К современному понятию текста // Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман. – СПб. : Акад. проект, 2002. – С. 79–83.

24. Михеев, С. М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци». Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках / С. М. Михеев. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2009. – 292 с. – (Славяно-германские исследования ; т. 4).

25. Мохов, А. С. Ведомство дрома (δξύς δρόμος) в X–XI вв. / А. С. Мохов // Византийский временник. – 2011. – Т. 70. – С. 25–36.

26. Назаренко, А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. Тексты, перевод, комментарий / А. В. Назаренко. – М. : Наука, 1993. – 240 с.

27. Назаренко, А. В. Древняя Русь и славяне / А. В. Назаренко. – М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009. – 528 с. – (Древнейшие государства Восточной Европы. 2007).

28. Назаренко, А. В. Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии / А. В. Назаренко // Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья / отв. ред. тома Д. Д. Беляев, Т. В. Гимон. – М. : Изд-во Ун-та Дмитрия Пожарского, 2016. – С. 593–654. – (Древнейшие государства Восточной Европы. 2013).

29. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 640 с.

30. Остромирово Евангелие, 1056–1057 / предисл. А. Х. Востокова. – Факс. воспр. – Л. : Аврора, 1988. – 588 с.

31. Патриаршая или Никоновская летопись. – М. : Наука, 1965. – 256 с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 9 / подгот. А. Ф. Бычков).

32. Прицак, О. Й. Печеніги / О. Й. Прицак // Український історик. – 1970. – № 1–3. – С. 95–101.

33. Прицак, О. Й. Походження Русі. Т. 2. Стародавні скандинавські саги і стара Скандинавія / О. Й. Прицак. – Київ : Обереги, 2003. – 1304 с.

34. Сорочан, С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 1–2 / С. Б. Сорочан. – Харьков : Майдан, 2005. – 1644 с.

35. Сюзюмов, М. Я. Об источниках Льва Дякона и Скилицы / М. Я. Сюзюмов // Византийское обозрение. – 1916. – Т. 2, вып. 1. – С. 106–166.

36. Толочко, О. П. До питання про сакральні чинники становлення князівської влади на Русі у IX–X ст. / О. П. Толочко // Археологія. – 1990. – № 1. – С. 51–63.

37. Толочко, О. П., Толочко, П. П. Київська Русь / О. П. Толочко, П. П. Толочко. – К. : Альтернативи, 1998. – 352 с.

38. Филипчук, О. М. Перечитуючи Іоанна Скілицю: хто був Сфенг – брат Володимира Святого? / О. М. Филипчук // Історична панорама :

збірник наукових статей Чернівецького національного університету. Спеціальність «Історія». – 2009. – Вип. 8. – С. 58–70.

39. Филипчук, А. М. Русь и Византия в последние годы правления Василия II: Хризохир и его войны / А. М. Филипчук // *Colloquia Russica*. – 2015. – Vol. 5. – С. 55–70.

40. Хапаев, В. В. Роль стратигов Херсона в осуществлении внешней политики Византийской империи в первой половине X в. / В. В. Хапаев // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. – 2013. – Вып. 5. – С. 14–25.

41. Шахматов, А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах / А. А. Шахматов. – СПб. : Тип. М.А. Александрова, 1908. – 686 с.

42. Янин, В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. В 2 т. Т. 1. Печати X – начала XIII в. / В. Л. Янин. – М. : Наука, 1970. – 326 с.

43. Diaconu, P. Les Petchénègues au Bas-Danube / P. Diaconu. – Bucarest : Éditions de l'Académie de la République socialiste de Roumanie, 1970. – 158 p. – (*Bibliotheca historica Romaniae* ; vol. 27).

44. Felix, W. Byzanz und die islamische Welt im früheren 11. Jahrhundert / W. Felix. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981. – 236 S.

45. Golden, P. B. Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes / P. B. Golden. – București ; Brăila : Editura Academiei Romane : Editura Istros a muzeului Brăilei, 2011. – 424 p.

46. Grierson, P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. 3. Part 1/2 / P. Grierson. – Washington, DC : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1973. – X, 887 p., 70 pl.

47. Grierson, P. Byzantine Coins / P. Grierson. – L. : Methuen and Co. ; Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 1982. – XIII, 411 p.

48. Guiland, R. Les logothètes. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantine / R. Guiland // *Revue des études byzantines*. – 1971. – T. 29. – P. 5–115.

49. Holmes, C. Basil II and the Governance of Empire / C. Holmes. – N. Y. : Oxford University Press, 2005. – XIV, 625 p.

50. Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / rec. I. Thurn. – Berolini : Walter de Gruyter, 1973. – LVI, 580 p. – (*Corpus fontium historiae byzantinae* ; vol. 5).

51. Ivanišević, V. Interpretation and Dating of the Folles of Basil II and Constantine VIII – the Class A2 / V. Ivanišević // *Зборник Радова византолошког института*. – 1989. – Т. 27/28. – P. 19–42.

52. Jean Scylitzès. Empereurs de Constantinople / texte traduit par B. Flusin et annoté par J.-Cl. Cheynet. – P. : Éditions P. Lethielleux, 2003. – XXX, 467 p.

53. John Skylitzes. A Synopsis of Byzantine History / transl. by J. Worthley ; with introd. by J.-Cl. Cheynet, B. Flusin. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – XXXIII, 491 p.

54. Ljubarski, J. N. Nikephoros Phokas in Byzantine Historical Writings / J. N. Ljubarski // *Byzantinoslavica*. – 1993. – Т. 54, Fasc. 2. – P. 245–253.

55. Morriison, C. Catalogue des monnaies byzantines de la Bibliothèque nationale. T. 2. Philippicus à Alexis III / Morriison C. – P. : Bibliothèque Nationale, 1970. – 844 p.

56. Nicholas I, Patriarch of Constantinople. Letters / ed. by R. J. H. Jenkins, L. G. Westerink. – Washington : Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1973. – XXXVII, 631 p. – (*Corpus fontium historiae byzantinae* ; vol. 6).

57. Panagiotakes, N. Fragments of a Lost Eleventh Century Byzantine Historical Work? / N. Panagiotakes // *Φιλῆλλον* : Studies in Honour of Robert Browning / ed. C. N. Constantinides, N. M. Panagiotakes, E. Jeffreys, A. D. Angelou. – Venice : Istituto ellenico di studi bizantini e postbizantini di Venezia, 1996. – P. 321–357.

58. Poppe, A. O tytule wielkoksiażęcym na Rusi / A. Poppe // *Przegląd Historyczny*. – 1984. – Т. 75/3. – S. 423–439.

59. Seibt, W. Johannes Skylitzes. Zur Person des Chronisten / W. Seibt // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. – 1976. – Bd. 25. – S. 81–85.

60. Shepard, J. Byzantinorussica / J. Shepard // *Revue des études byzantines*. – 1975. – T. 33. – P. 211–225.

61. Soloviev, A. V. Ἀρχῶν Ῥωσῶταξ / A. V. Soloviev // *Byzantion*. – 1961. – T. 31. – P. 237–244.

62. Stephenson, P. Review: Catherine Holmes, “Basil II and the Governance of Empire (976–1025)” (Oxford, 2005) / P. Stephenson // *Byzantinische Zeitschrift*. – 2007. – Bd. 100/1. – P. 218–223.

63. The History of Leo the Deacon. Byzantine Military Expansion in the Tenth Century / introd., transl., and annot. by A.-M. Talbot, D. F. Sullivan with the assistance of G. T. Dennis and S. McGrath. – Washington, DC : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2005. – XIX, 264 p.

REFERENCES

1. Atanasov G. G. Anonimnye vizantiyskie follisy klassa B i nashestvie pechenegov v Dobrudzhu 1036 g. [The Anonymous Byzantine Folles of the Class B and the Pechenegs' attack on Dobrudzha in 1036]. *Stratum Plus. Arkheologiya i kulturnaya antropologiya* [Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology], 1999, vol. 6, pp. 111–122.

2. Bibikov M. V. *Istoricheskaya literatura Vizantii* [Historical Literature of Byzantium]. St.-Petersburg, Aleteia Publ., 1998. 316 p.

3. Bibikov M. V. *Byzantinorossica: Svod vizantiyskikh svidetelstv o Rusi. T. 1* [Corpus of Byzantine Testimonies about Rus']. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. ; Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2004. 736 p.

4. Vasilevskiy V. G. Russko-vizantiyskie otryvki. II. K istorii 976–986 gg. [Russian-Byzantine passages. II. To the history of 976–986]. *Trudy V. G. Vasilevskogo* [Proceedings of V. G. Vasilievsky]. T. 2. Saint-Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1909. pp. 56–124.

5. Vinogradov A. Yu. Svyataya Sofiya Kievskaya v kontekste vizantiyskoy arkhitektury vtoroy chetverti XI v. [Hagia Sophia of Kiev in the context of Byzantine architecture of the second quarter of the 11th century]. Arkhipova E. I., Ivakin G. Yu., ed. *Khram i ludy: zbirka statei do 90-richchia z dnia narodzhennia S. O. Vysotskogo* [Temple and people: articles dedicated to the 90th anniversary of S. O. Vysotsky]. Kyiv, Institut arkheologii NAN Ukrainy, Natsionalnii zapovidnik «Sofiiia Kiivska» Publ., 2013. pp. 66–80.

6. Voitovych L. V. *Kniazha doba na Rusi: portrety elity* [Princely Era in Rus': Portraits of Elite]. Bila Tserkva, Oleksandr Pshonkiv'skii Publ., 2006. 784 p.

7. Vysotskiy S. A. Drvnerusskie nadpisi Sofii Kievskoy. Vol. 1. XI–XIV vv. [Ancient Rus' graffiti of St. Sophia Cathedral]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1966. 240 p.

8. Gaydenko P. I. *Stanovlenie vysshego tserkovnogo upravleniya v Kievskoy Rusi: diss. dokt. ... ist. nauk* [The formation of the highest church administration in Kievan Rus. Dr. Hist. Sci. Diss.]. Ekaterinburg, 2011. 459 p.

9. Gardanov V. K. «Kormilstvo» v Drevney Rusi [“Kormilstvo” in Ancient Rus']. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1959, vol. 6, pp. 43–59.

10. Golovko A. B. *Drevnyaya Rus i Polsha v politicheskikh vzaimootnosheniyakh X–pervoy treti XIII vv.* [Ancient Russia and Poland in political relations of the 10th– first third of the 13th centuries]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1988. 136 p.

11. Grushevskiy M. S. *Istoriya Ukrainy-Rusi. T. 2. XI–XIII vik.* [History of Ukraine-Rus'. Vol. 2. 11th–13th Centuries]. Lviv: Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka Publ., 1905. 633 p.

12. Bibikov M. V., Glazyrina G. V., Dzhakson T. N., Melnikova E. A. et al., ed. *Drevnyaya Rus v svete zarubezhnykh istochnikov: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Ancient Russia in the light of foreign sources : Textbook]. Moscow, Logos Publ., 2003. 608 p.

13. Evdokimova A. A. Korpus grecheskikh graffiti Sofii Kievskoy na freskakh pervogo etazha [Corps of Greek graffiti of Sophia of Kiev on the frescoes of the first floor]. Bibikov M. V., Melnikova E. A., Nazarov V. D., eds. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy.*

Ryurikovichi i rossiyskaya gosudarstvennost [Ancient states of Eastern Europe. Rurikovichi and Russian statehood]. Moscow, Indrik Publ., 2008. pp. 465–518.

14. Pentkovskaya T. V., Shchegoleva L. I., Ivanov S. A., eds. *Zhitie Vasiliya Novogo v drevneyshem slavyanskom perevode. T. 1. Issledovaniya. Teksty* [The Life of Basil the New in the ancient Slavic translation. T. 1. Research. Texts]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2018. 779 p.

15. Abramovich D. I., ed. Zhitiya svyatykh muchenikov Borisa i Gleba i sluzhby im [The lives of the holy martyrs Boris and Gleb and their services]. Dmitrieva L. A., Likhachev D. S., eds. *Pamyatniki drevnerusskoy literatury. Vyp. 2* [Monuments of ancient Russian literature. Vol. 2]. Petrograd, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk Publ., 1916. XXXII, 204 p.

16. Ipatevskaya letopis [Ipatian Chronicle]. Shakhmatov A. A., ed. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Full Collection of the Russian Chronicles]. T. 2. St.-Petersburg, M. Alexandrov Publ., 1908. XVI p., 938 col., 87, IV p.

17. Kazhdan A. P. Iz istorii vizantiyskoy khronografii X v. [From the history of Byzantine chronography of the tenth century]. *Vizantiiskii vremennik*, 1961, vol. 20, pp. 106–125.

18. Karpov A. Yu. *Yaroslav Mudryy* [Iaroslav the Wise]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2001. 583 p. (Zhizn zamechatelnykh lyudei Vol. 1008 (808).

19. Litavrin G. G., Novoseltsev A. P., eds. *Ob upravlenii imperiey. Tekst, perevod, kommentarii* [The De administrando imperio. Text, translation and Comments]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 496 p.

20. Lavrentevskaya letopis [Laurentian Chronicle]. Karskiy E. F., ed. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 1.* [Full Collection of Russian Chronicles. Vol. 1]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1926. VIII p., 579 col.

21. Letopisnyy sbornik, imenuemyy letopisyu Avraamki [The Avraamka's Chronicle]. Bychkov A. F., Bestuzhev-Ryumin K. D., eds. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 16* [Full Collection of Russian Chronicles. Vol. 16]. St.-Petersburg, Tipografiya F. Elenskogo I K. Publ., 1889. 319, 69 p.

22. Litavrin G. G. *Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus (IX – nachalo XII vv.)* [Byzantium, Bulgaria and the Ancient Rus']. St.-Petersburg, Aletei Publ., 2000. 415 p.

23. Lotman Yu. M. K sovremennomu ponyatiyu teksta [To the modern concept of the text]. *Lotman Yu. M. Stati po semiotike kultury i iskusstva* [Articles on the semiotics of culture and art]. St.-Petersburg, Gumanitarnoe agenstvo “Akademicheskii proekt” Publ., 2002. pp. 79–83.

24. Mikheev S. M. “Sviatopolk sede v Kieve po ottsi”. *Usobitsa 1015–1019 godov v drevnerusskikh i skandinavskikh istochnikakh* [Sviatopolk owned

Kiev after the Father. Strife of 1015–1019 in Old Russian and Scandinavian Sources]. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2009. 292 p. (Slavyano-germanskije issledovaniya. Vol. 4).

25. Mokhov A. S. Vedomstvo droma (oksys dromos) v X–XI vv. [The Department of the ὄξύς δρόμος in the 10th–11th Centuries]. *Vizantiiskii vremennik*, 2011, vol. 70, pp. 25–36.

26. Nazarenko A. V. *Nemetskie latinoyazychnye istochniki IX–XI vv. Teksty, perevod, kommentarii* [German Latin-Sources of the 9th–11th centuries. Texts, Translation, Comment]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 240 p.

27. Nazarenko A. V. *Drevnyaya Rus i slavyane* [Ancient Russia and the Slavs]. Moscow, Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2009. 528 p. (Drevneishie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2007 g.).

28. Nazarenko A. V. Dostovernnye godovye daty v rannem letopisanii i ikh znachenie dlya izucheniya drevnerusskoy istoriografii [Reliable annual dates in the early chronicles and their importance for the study of ancient Russian historiography]. Belyaev D. D., Gimón T. V., eds. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2013. Zarozhdenie istoriopisaniya v obshchestvakh Drevnosti i Srednevekovyya* [Ancient States of Eastern Europe. 2013. The Origin of Historical Writing in the Societies of Antiquity and the Middle Ages]. Moscow, Izdatelstvo Universiteta Dmitriya Pozharskogo Publ., 2016. pp. 593–654.

29. Nasonov A. N., ed. *Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshhego izvodov* [Novgorod First Chronicle]. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1950. 640 p.

30. Vostokov A. Kh., ed. *Ostromirovo Evangelie, 1056–1957: faksimilnoe vosproizvedenie* [Ostromir Gospel, 1056–1957: facsimile reproduction]. Leningrad, Aurora Publ., 1988. 588 p.

31. *Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis* [Nikonian Chronicle]. Bychkov A. F., ed. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 9* [Full Collection of Russian Chronicles. Vol. 9]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 256 p.

32. Pritsak O. I. Pechenigy [The Pechenegs]. *Ukrainiyskiy istoryk* [Ukrainian Historian], 1970, vol. 1-3, pp. 95–101.

33. Pritsak O. I. *Pokhodzhennia Rusi. T. 2. Starodavni skandinavski sagi i stara Skandinaviia* [The Origin of Rus. Ancient Scandinavian sagas and old Scandinavia]. Kyiv, Oberegy Publ., 2003. 1304 p.

34. Sorochan S. B. *Vizantiyskiy Kherson. Ocherki istorii i kultury. Chast 1–2* [Byzantine Cherson. Essays on History and Culture]. Vol. 1–2. Kharkov, Maidan Publ., 2005. 1644 p.

35. Syuzumov M. Ya. Ob istochnikakh Lva Diakona i Skilitsy [About the Sources of Leo the Deacon and Scylitzes]. *Vizantiyskoe obozrenie* [Byzantine Review], 1916, vol. 2, no. 1, pp. 106–166.

36. Tolochko O. P. Do pytannia pro sakral'ni chinnyky stanovlennia kniazivs'koi vladny na Rusi u IX–X st. [On the question of the sacred factors of the formation of princely power in the 9th–10th centuries]. *Arkheologiiia* [Archaeology], 1990, no 1, pp. 51–63.

37. Tolochko O. P., Tolochko P. P. *Kyivska Rus* [Kievan Rus']. Kyiv, Alternatyvy, 1998. 352 p.

38. Fylypchuk O. M. Perechituiuchi Ioanna Skilitsiu: khto buv Sfeng – brat Volodimira Sviatogo? [Re-reading John Scylitzes: who was Sphengos, brother of St. Volodymyr?] *Istorychna panorama: Zbirnik naukovikh statei Chernivets'kogo natsional'nogo universitetu. Spetsial'nist' "Istoriia"* [Historical Panorama. Collection of the articles of Chernivtsi National University], 2009, vol. 8, pp. 58–70.

39. Filipchuk A. M. Rus' i Vizantiia v poslednie gody pravleniia Vasiliia II: Khrizokhir i ego voiny [Rus and Byzantium in the last years of Basil II: Chrusocheiros and his Warriors]. *Colloquia Russica*, 2015, vol. 5, pp. 55–70.

40. Khapaev V. V. Rol stratigov Khersona v osushchestvlenii vneshney politiki Vizantiyskoy imperii v pervoy polovine X v. [The role of the strategoi of Cherson in the Implementation of Byzantine Foreign Policy of the first half of the 10th Century]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials on Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea], 2013, vol. 5, pp. 14–25.

41. Shakhmatov A. A. *Razyskaniya o drevneishikh russkikh letopisnykh svodakh* [Investigations for the Oldest Russian Chronicles]. Saint Petersburg, Tipografiya M. A. Aleksandrova Publ., 1908. 686 p.

42. Yanin V. L. *Aktovye pechati Drevnei Rusi X–XV vv. T. 1. Pechati X – nachala XIII v.* [Act's Seals of Ancient Rus of the 10th–15th Centuries. Vol. 1. The Seals of the 10th–13th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 326 p.

43. Diaconu P. *Les Petchénègues au Bas-Danube*. Bucarest, Éditions de l'Académie de la République socialiste de Roumanie, 1970. 158 p. (Bibliotheca historica Romaniae 27).

44. Felix W. *Byzanz und die islamische Welt im früheren 11. Jahrhundert*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981. 236 p.

45. Golden P. B. *Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes*. București – Brăila, Editura Academiei Romane, Editura Istros a muzeului Brăilei, 2011. 424 p.

46. Grierson P. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. 3. Part 1/2. Washington, DC, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1973. X, 887 p., 70 pl.

47. Grierson P. *Byzantine Coins*. London, Methuen and Co., Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 1982. XIII, 411 p.

48. Guiland R. Les logothètes. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantine. *Revue des études byzantines*. 1971, vol. 29, p. 5–115.
49. Holmes C. *Basil II and the Governance of Empire*. New York, Oxford University Press, 2005. XIV, 625 p.
50. Thurn I., ed. Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum. *Corpus fontium historiae byzantinae*. Vol. 5. Berolini, Walter de Gruyter, 1973. LVI, 580 p.
51. Ivanišević V. Interpretation and Dating of the Folles of Basil II and Constantine VIII – the Class A2. *Zbornik radova vizantoloshkog instituta* [Journal of Byzantine Institute]. 1989, vol. 27/28, p. 19–42.
52. Flusin B., Cheynet J.-Cl., eds. *Jean Scylitzès. Empereurs de Constantinople*. Paris, Éditions P. Lethielleux, 2003. XXX, 467 p.
53. Worthley J., Flusin B., Cheynet J.-Cl., eds. *John Skylitzes. A Synopsis of Byzantine History*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. XXXIII, 491 p.
54. Ljubarski J. N. Nikephoros Phokas in Byzantine Historical Writings. *Byzantinoslavica*, 1993, vol. 54, fasc. 2, pp. 245–253.
55. Morrisson C. *Catalogue des monnaies byzantines de la Bibliothèque nationale. T. 2. Philippicus à Alexis III*. Paris, Bibliothèque Nationale, 1970. 844 p.
56. Jenkins R. J. H., Westerink L. G., eds. *Nicholas I, Patriarch of Constantinople. Letters*. Washington, Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1973. XXXVII, 631 p. (Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. 6).
57. Panagiotakes N. Fragments of a Lost Eleventh Century Byzantine Historical Work? Constantinides C. N., Panagiotakes N. M., Jeffreys E., Angelou A. D., eds. *Philellēn: Studies in Honour of Robert Browning*. Venice, Istituto ellenico di studi bizantini e postbizantini di Venezia, 1996, pp. 321–357.
58. Poppe A. O tytule wielkoksiążęcym na Rusi [On the title of Great Prince in Rus]. *Przegląd Historyczny*, 1984, vol. 75/3, pp. 423–439.
59. Seibt W. Johannes Skylitzes. Zur Person des Chronisten. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1976, vol. 25, pp. 81–85.
60. Shepard J. Byzantinorussica. *Revue des études byzantines*, 1975, vol. 33, p. 211–225.
61. Soloviev A. V. Archōn Rōsias. *Byzantion*, 1961, vol. 31, pp. 237–244.
62. Stephenson P. Review: Catherine Holmes, “Basil II and the Governance of Empire (976–1025)” (Oxford, 2005). *Byzantinische Zeitschrift*, 2007, vol. 100/1, pp. 218–223.
63. Talbot A.-M., Sullivan D. F., Dennis G. T., McGrath S., eds. *The History of Leo the Deacon. Byzantine Military Expansion in the Tenth Century*. Washington, DC, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2005. XIX, 264 p.

Information About the Author

Alexandr A. Romensky, Candidate of Sciences (History), Researcher, Department of Byzantine History, State Museum-Preserve “Tauric Chersonesos”, Drevnyaya St, 1, 299045 Sevastopol, Russian Federation, alexandrosromensky@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0936-3740>

Информация об авторе

Александр Александрович Роменский, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела византийской истории, Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», ул. Древняя, 1, 299045 г. Севастополь, Российская Федерация, alexandrosromensky@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0936-3740>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.4>

UDC 94(470).01“12”
LBC 63.3(2)-9

Submitted: 01.07.2020
Accepted: 01.10.2020

CRIMEAN GOTHIA IN THE FIRST HALF OF THE 13th CENTURY ¹

Aleksandr I. Aibabin

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Abstract. Introduction. The toponym Gothia in written sources from the 8th century was used to designate the territory of the Mountain Crimea inhabited by the Alans and the Goths between Inkerman and the north-eastern suburb of Alushta. The same region was called the Klimata of Cherson and the Klimata of Gothia. **Methods.** Fragmentary information about Gothia is contained in the “Synopsis of St. Eugenios” compiled by John Lazaropoulos until 1364 and in the “Alanian Epistle” by the bishop Theodore. These works describe the same period in the history of the Gothic Klimata, 1223–1227 and 1223, respectively. **Analysis.** The considered evidence confirms the entry of Cherson and its subordinate Klimata of Gothia into the empire of Trebizond, at least in the first half of the 13th century. It is methodically incorrect to judge the situation in the Klimata in the first half of the 13th century from the descriptions contained in later sources of what happened in the 14th – 15th centuries. The “Epistle” says about the flight of bishop Theodore to an Alanian village neighboring to Cherson. Supporters of identifying the village with the Qırq-Yer fortress remote from the city on the Chufut-Kale plateau ignore geographical and historical realities. **Results.** There is no evidence of the existence of single-ethnic Gothic and Alanian regions in the mountains and on the southern coast in written sources. In Sudak, Guillaume de Rubrouck was talked about speakers of Teutonic and other languages in the mountains of Crimea. Historian’s allegations about the division of Gothia into two principalities are disproved by the results of archaeological excavations in the territory of Klimata of Gothia. The toponym Klimata is not mentioned in the descriptions of events that occurred after the middle 13th century. However, archaeological excavations of cities on the Inner Ridge revealed the preservation of active and diverse life activities of the population of the region until the end of the 13th century. Probably, the history of the administrative formation of the Klimata of Gothia was interrupted in 1298/99, when Nogai’s troops destroyed Cherson, cities on the Eski-Kermen plateau, Bakla and others.

Key words: Crimea, Gothia, Alans, Klimata, Cherson, empire of Trebizond, bishop Theodore, Synopsis, Qırq-Yer.

Citation. Aibabin A.I. Crimean Gothia in the First Half of the 13th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 56-68. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.4>

УДК 94(470).01“12”
ББК 63.3(2)-9

Дата поступления статьи: 01.07.2020
Дата принятия статьи: 01.10.2020

КРЫМСКАЯ ГОТИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII ВЕКА ¹

Александр Ильич Айбабин

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. Топонимом Готия в письменных источниках с VIII в. называли населенную аланами и готами территорию Горного Крыма между Инкерманом и северо-восточным предместьем Алушты. Тот же регион именовали Климатами Херсона и Климатами Готии. Отрывочные сведения о Готии содержатся в

составленном Иоанном Лазаропуллом до 1364 г. «Синописе св. Евгения» и в «Аланском послании» епископа Феодора. В этих сочинениях характеризуется один и тот же период истории Климатов Готии, соответственно 1223–1227 и 1223 годы. Рассмотренные свидетельства подтверждают вхождение Херсона и подчинявшихся ему Климатов Готии в состав Трапезундской империи, по крайней мере в первой половине XIII века. Методически некорректно судить о ситуации в Климатах в первой половине XIII в. по содержащимся в более поздних источниках описаниям происходившего в XIV–XV веках. В «Послании» сказано о бегстве епископа Феодора в соседнее с Херсоном аланское селение. Сторонники отождествления селения с удаленной от города крепостью Кырк-Йер на плато Чуфут-Кале игнорируют географическую и исторические реальности. В письменных источниках отсутствуют данные о существовании в горах и на Южном берегу одноэтничных готского и аланского регионов. В Судаке Гийому де Рубруку рассказывали о говоривших на тевтонском и других языках жителях горного Крыма. Утверждения историков о разделе Готии на два княжества опровергаются и результаты археологических раскопок на территории Климатов. Топоним Климаты не упоминается в описаниях событий, происходивших после середины XIII века. Однако археологические раскопки городов на Внутренней гряде выявили сохранение активной и разносторонней жизнедеятельности населения региона до конца XIII века. Вероятно, история административного образования Климатов Готии прервалась в 1298/99 г., когда войска Ногая разрушили Херсон, города на плато Эски-Кермен, Бакла и другие.

Ключевые слова: Крым, Готия, аланы, Климаты, Херсон, Трапезундская империя, епископ Феодор, Синописис, Кырк-Йер.

Цитирование. Айбабин А. И. Крымская Готия в первой половине XIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 56–68. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.4>

Введение. Топонимом Готия в письменных источниках с VIII в. называли населенную аланами и готами территорию Горного Крыма между Инкерманом и северо-восточным предместьем Алушты. Тот же регион в отображении происшедшего во второй половине VII в. и в более позднее время именовали Климатами Херсона, а с VIII в. – Климатами Готии [6, с. 74; 8, с. 10–12]. А.А. Васильев пришел к выводу об обретении Готией независимости от Византии между 1192 и 1198 гг. [59, р. 159]. По утверждению В.П. Степаненко, находки на территории фемы Херсона печатей столичной элиты, в том числе Иоанна Ангела, Иоанна Контостефана Комнина, Алексея Враны Комнина, указывают на сохранение контроля Константинополя до 1204 г. [33, с. 716; 34, с. 465].

Метод. Воссоздание истории Готии в первой половине XIII в. осложнено немногочисленностью и фрагментарностью информации письменных источников. Противоречивые сведения об имевших место на ее территории событиях содержатся в составленном Иоанном Лазаропуллом до 1364 г. «Синописе чудес св. Евгения» [54, р. 31–42, 310–313; 41, с. 126] и в отчете епископа Феодора Аланского никейскому патриарху Герману II (1223–1240), названном Ю.А. Кулаковским «Аланским посланием» [25, с. 11–15].

Анализ. В «Синописе чудес св. Евгения» повествуется об одном из эпизодов противостояния между греческой Трапезундской империей и Конийским (Иконийским) Сельджукским султанатом. По словам Синописиса: «Επί τῷ δευτέρῳ ἔτει ἀρχῆς τοῦ ἐν μακαρία λήξει ἀοιδίμου βασιλέως Ἀνδρουνίκου τοῦ Γίδου, ἐν τῷ ῥηθλαῶ ἔτει τῷ ἀπὸ κτίσεως κόσμου... ναῦς τις πεφορτισμένη μετὰ τῶν δημοσιακῶν τελεσμάτων τῆς Χερσῶνος καὶ τῶν ἐκεῖσε κλιμάτων Γοτθίας καὶ δημοσιακοῦ ἄρχοντος Ἀλεξίου τοῦ Πακτιάρη καὶ ἀρχόντων τινῶν Χερσωνιτῶν, ἐρχομένη ἐνταῦθα συγκομίσαι τῷ βασιλεῖ Γίδῳ τὰ ἐπέτεια τέλη, κυμαιομένης τῆς θαλάττης, εἰς Σινώπην προσώκειλε· καὶ ὁ ῥηθεις δὲ ῥαΐσης τὸ πλοῖον τοῦτο καὶ τὰ χρήματα καὶ τοὺς ἐντὸς ἅπαντας σὺν τοῖς ναύταις καταπορθήσας ἀφεῖλε, καὶ κατάφρακτα μετὰ ταῦτα πλοῖα κατὰ Χερσῶνος ἀπέστειλε καὶ καθεῖλον τὰς χώρας αὐτῆς ἄκρως. – Во второе лето правления почившего благолепного царя Андроника Гида в 6731 от сотворения мира (1222/1123 г.)... корабль с государственными налогами, собранными в Херсоне и тамошних Климатах Готфии, с архонтом димосия Алексеем Пактиаром, и некоторыми архонтами Херсона, направлялся сюда, чтобы доставить ежегодные налоги императору Андронику Гиду. Но по случаю

бурной погоды корабль был прибит к Синопу. Вышеупомянутый раис разграбил и захватил это судно, находившиеся на борту деньги, пленив всех, включая экипаж. После этого он послал вооруженные корабли против Херсона и совершил набег на его Климаты» [35, с. 48, 49, 51; 59, р. 160–161; 54, р. 310–311; 41, с. 127]. Слово *χώρας* (accusative plural от *χώρα*) часто переводят как «страна, край, местность», но логичнее использовать синоним *τὸ κλίμα* – Климаты [8, с. 11]. Захвативший корабль *ῥαῖς* – раис (ра'ис ал-бахр – начальник моря) был сельджукским комендантом Синопы [32, с. 10; 41, с. 127, 164]. Император Трапезундской империи Андроник I Гид отправил к Синопе войска и флот, которые заставили возвратить не только корабль и пленников, но и награбленное в «...ἐκ τῶν Κλιμάτων Χερσῶνος» [59, р. 161; 54, р. 310–313].

По дате, приведенной в начале рассмотренного отрывка, эти военные действия обычно относили к 1223 г. [27, с. 738–746; 26, с. 96; 35, с. 48; 59, р. 161; 17, с. 31; 44, с. 80; 61, с. 18]. Р.М. Шукуров и Д.А. Коробейников выделили в отрывке «Синописа» три завершенных и разных по хронологии сюжета: А – возобновление царем Андроником I Гидом в 1223 г. мирного договора с «султаном меликом», «сыном великого султана Алатина Саапатина» (ʿАла ал-Дина I Кай-Кубада – 1219/1220–1236/1237); В – нападение сельджукского наместника в Синопе на греческое судно, ответные военные действия против Синопы и заключение договора с сельджуками об освобождении захваченного корабля; С – поход «мелика» на Трапезунд. Р.М. Шукуров и Д.А. Коробейников синхронизировали захват корабля из Херсона с описанным Мухаммадом ал-Хамави взятием в январе 1225 г. войском султаном ʿАла ал-Дина нескольких ромейских крепостей и пленением малика Кира Аликса [40, с. 188–192]. Правда, исследователи подчеркивали зыбкость аргумента. Неясно, о каком Аликсе шла речь в тексте Ал-Хамави, который мог в рассказ о случившемся в 1225 г. вставить искаженный эпизод хроники Абу ал-Фиды о пленении сельджуками в 1214 г. трапезундского императора Алексея I Великого Комнина (1181–1222) [40, с. 193]. Вряд ли ал-Хамави титуловал маликом и киром не василевса Алексея I, а фискального чиновника.

Скорее всего, многочисленные события (захват корабля с налогами и трапезундским архонтом димосия Алексеем Пактиаром, переход сельджукской морской флотилии к Херсону и нападение на город и Климаты, подготовка трапезундских войск и флота для похода на Синоп и штурм и захват города, подписание мирного договора и возврат сельджуками корабля, пленников и денег) происходили не в один 1223 г., а на протяжении еще нескольких лет. Если сообщение Ибн ал-Асира о «возврате от румов» порта Синоп султаном ʿАла ал-Дин I Кай-Кубадам в 1228 г. достоверно [41, с. 135], то, вероятно, трапезундцы могли занять Синоп не позднее 1227 года. То есть в Синописе описано происшедшее в 1223–1227 годах.

По мнению В.Д. Смирнова и В.Г. Васильевского, другой эпизод той же войны Андроника I Гида с султаном ʿАла ад-Дином Кай-Кубадам I воссоздан в сочинении персидского хрониста Конийского султаната Ибн-ал-Биби (Насир-ад-Дин аль-Хусайн ар-Ругади – умер после 1285 г.), поведавшем о захвате сельджуками Судака [32, с. 10; 15, с. CLXXVI]. Тогда как, по заявлению А. Саввидиса, Ибн-ал-Биби писал о «сельджукской операции в Херсоне» [55, р. 172]. Очевидно, он, не разобравшись в средневековой крымской топонимике, отождествил Крым с Херсоном [19, с. 176].

По предположению В.Г. Васильевского, сельджуки атаковали Судак спустя несколько лет после первого нашествия татар в 1223 г. [15, с. CLXXVI]. Нападение сельджуков приурочивали к 1221 или 1222 г. [45, с. 60; 17, с. 31; 43, с. 29; 57, р. 105; 61, с. 21; 30, с. 314], 1222 г. [52, р. 139], 1222/1223 г. или началу 1223 г. [12, с. 95; 39, с. 176], 1225 г. [46, р. 125–126, 166–167; 55, р. 172; 58, р. 246], или к периоду между 1225 и 1227 гг. [56, р. 774]. По утверждению А.Л. Якобсона, «Синопис» Иоанна Лазаропула и хроника Ибн-ал-Биби свидетельствуют о том же самом нападении сельджуков в 1221 или 1222 г. на Судак и Херсон [43, с. 29]. Р.М. Шукуров привел веские доводы в пользу того, что войско сельджукского наместника беглербека Хусамаал-Дина Чупана (Чобана) на кораблях отплыло к Судаку и захватило город вскоре после изгнания в 1228 г. трапезундцев из порта Синоп [42, с. 366, примеч. 61]. То есть в указанных сочинениях

идет речь о разных походах сельджуков: рейде на Херсон и Климаты до 1227 г. и захвате Судака в 1228 году.

«Аланское послание» епископа Феодора Ю.А. Кулаковский и другие историки датировали годами патриаршества Германа II – 1222–1240 гг. [25, с. 12] или 1240 г. [59, р. 167]. По словам Ю.А. Кулаковского, автор послания до отъезда в свою епархию в день избрания Константинопольского патриарха Германа II в 1222 г. произнес посвященный ему энкомий [25, с. 12]. М. Нистазопулу аргументировано отнесла избрание патриарха Германа к 4 января 1223 г. [60, с. 271–279]. Вскоре епископ Феодор и его спутники начали продолжительное странствие. Вероятно, они решились отплыть зимой к побережью Северного Кавказа, но были высажены в Херсоне. В «Аланском послании» имеется доказательство начала путешествия зимой. Епископ Феодор, добравшись в середине зимы до города Боспора, боялся нападения «Скифов (Σκυθῶν)» на город [62, col. 397–398,9; 25, с. 19]. Скифами Феодор называл татар [15, с. CLVIII; 50, S. 282]. Первое вторжение татар в восточный Крым и нападение на Судак зафиксировано в Приписке на полях Сугдейского Синаксаря от 27 января 6731 (1223) года – «τῆ αὐτῆ ἡμέρ(α) ἡλθ(ον) οἱ πρωτοὶ οἱ τάτ(α)ρ(οι), τοῦ .ςψλα´ ἐτους – в этот день впервые пришли татары» [61, с. 119, № 8]. Поскольку в тексте «Послания» говорится о трехлетней продолжительности путешествия епископа Феодора [62, col. 389–390,3; 25, с. 16], то М. Нистазопулу датировала написание «Послания» 1225 г. [60, с. 272–273, 278–279; 18, с. 188, примеч. 27; 39, с. 172]. Эта дата подтверждается упоминанием епископа Феодора в постановлении Синода, заседавшего в Никее 6 февраля 1226 г. [49, р. 48–49, № 1240; 39, с. 172].

Исследователи текста «Послания» подчеркивали его недостатки: запутанный язык, избыливающий цветистой риторикой, заимствованиями из Гомера и Библии, туманное, порою некорректное описание реальных событий [25, с. 16, 18, 20–27; 20, с. 265]. Примером такой риторики является вставленная в жалобу на Херсонского епископа характеристика образа жизни алан Готии: «Воистину это была паства, разбросанная по горам, пустыням и пропастям, не имеющая ни загона, ни хижи-

ны – готовая добыча диким зверям» [62, col. 393; 20, с. 267]. Во всяком случае, в горах Готии нет пустынь, да и археологи так и не выявили какие-либо следы кочевавших в регионе в первой половине XIII в. алан.

По рассказу Феодора, из Херсона он и его спутники бежали в селение, близ Херсона, в котором «живут аланы (ἸΑλανοί) столько же по своей воле, сколько и по желанию Херсонцев, словно некое ограждение и охрана (города) – οὐχ ἦτρον θεληθέντες ἢ θελήσαντες, ὡς οἶόν τι περιτείχισμα ταύτη καὶ περιφρούρημα». Некий Цаман (Τξαμάνης) в результате набега оказался в Херсоне и, требуя выдачи Феодора, «грозил войною малым аланам (τοῖς μικροῖς Ἀλανοῖς)» [62, col. 391–394,5; 25, с. 17; 59, р. 167].

Н.М. Богданова и Р.М. Шукуров считали, что имя Цаман (Τξαμάνης) могло быть греческой транслитерацией сельджукского имени Хусамал-Дин Чупан (Чобан) [11, с. 44, 58–59]. Основываясь на этой, одной из возможных, транслитерации и других допущениях, Н.М. Богданова домыслила текст Ибн-ал-Биби и «отправила» сельджукские войска Хусамал-Дина Чупана из Судака в Херсон и окрестности. В.Г. Ченцова доказала несостоятельность столь свободной трактовки текстов сочинения Ибн-ал-Биби и «Аланского послания» [39, с. 172–176]. Хусамал-Дин Чупан не мог преследовать епископа Феодора. Сельджуки захватили Судак не ранее 1228 г., уже после возвращения епископа в Никею.

Епископ Феодор в жалобах на несправедливые притеснения епископа Херсона раскрывает подлинные причины своего изгнания из города и окрестных аланских селений. Высадившись в Херсоне, он не продолжил путь в собственную епархию в Алании, а пытался окормлять местных алан в городе и соседних селениях: «Мы привносили к ним слово увещевания, чтобы они жили в соответствии с призванием Христовым. ... Не было ведь у них и пастыря, хотя это являлось обязанностью для многих (εἰ καὶ πολλῶν τὸ ἐπάγγελμα)... Речь тут же зашла о границах [епархии и о том, что его] епископство – местное (ἐγχώριος), а мое – проезжее и нарушающее границы (παροδευτὸν καὶ παρόριον). Все это характерно для нынешних епископов и маскирует мелкость души и зависть... А ведь мы при-

ступили к учению не всенародно и на рукоположение не покушались (οὐ γὰρ δημοσίᾳ τοῦ διδάσκειν προέσθημεν, οὐ χειροτονίᾳ ἠρπάσσαμεν), чтобы он мог думать, будто против него злоумышляют» [62, col. 393; 20, с. 267]. Поэтому понятны мотивы враждебного отношения Херсонского епископа к прибывшему из Никеи епископу Алании, которого обвинили в нарушении епархиальных прав и церковных канонов [15, с. CLVII–CLVIII].

По мнению С.А. Иванова, приведенная цитата позволяет признать алан формально крещенными, которых никто не окормлял [62, col. 393; 20, с. 267]. Однако приходы соседнего с Херсоном региона принадлежали Херсонской епархии, а с середины VIII в. – Готской [22, с. 67–69; 13, с. 22–23; 3, с. 616–622]. В XII – начале XIII в. архиепископы Готии участвовали в Константинопольских соборах [59, р. 145–148; 47, р. 132–136, 138]. Материалы археологических раскопок на территории Климатов Готии показали несостоятельность гипотезы С.А. Иванова и продемонстрировали усиление христианского мировоззрения среди алано-готского населения региона с раннего средневековья [5, с. 307; 36, с. 86–99; 37, с. 88–94]. С X в. в городах Готии на плато Эски-Кермен и Бакла началась перепланировка кварталов жилых домов для возведения квартальных храмов [4, с. 429; 10, с. 5–10]. Строительные надписи отображают активную церковную жизнедеятельность в центре Готской епархии на плато Мангуп в первой трети XIII века. В надписи на южной стене пещерного храма в верховьях Табана-Дере [29, с. 21, № 6]: «В 6733 году. Строится ныне... господином [таким-то, ...] все...ейшим иеромонахом и...», возможно, идет речь о сооружении неким иеромонахом пещерного храма [48, № V 174]. В другой надписи из того же пещерного комплекса прочитана дата 1221 г. [28, с. 154, № 49а] или 1220–1221 гг.: «+ Ἐτ(ου)ς ,[ς]ψκθ´ – В [6]729 году» [48, № V 196]. Сельские храмы строятся и на поселениях.

Из Византии повсеместно распространился аскетический христианский погребальный обряд. Умерших хоронят на небольших некрополях у стен храмов и в сооруженных внутри них могилах и костницах. Как правило, в захоронениях лежали фрагменты керамики с прочерченным крестом или христианской

формулой «ΙC ΧC ΝΙΚΑ» («Иисус Христос – Ника»). Возможно, они заменяли носившиеся при жизни нательные кресты и были сделаны специально для погребений. Такая практика зафиксирована и в христианском погребальном обряде поздневизантийского времени (XIII – середины XV в.) на территории Греции [53, р. 377, 407, 413, fig. 20, 3; 9, с. 256].

В «Синописисе чудес св. Евгения» и «Аланском послании» характеризуется один и тот же период истории Климатов Готии, соответственно 1223–1227 и 1223 годы. Используемые названные сочинения исследователи сделали противоречивые выводы о разделе территории Климатов и их взаимоотношениях с Трапезундской империей.

О разделе территории Климатов Готии. Ф.К. Брун сопоставил содержащуюся в «Аланском послании» информацию о селении близ Херсона, в котором «живут аланы...», с рассказом монаха францисканца Гийома де Рубрука о посещении Крыма. В 1253 г. он высадился в Солдае и спустя некоторое время через Перекоп отправился в Монголию. Поскольку Гийом де Рубрук не посещал Готию и Херсон (в порт которого его корабль не заходил), то его сведения о названных регионах сомнительны. Он повторил услышанные в городе от купцов слухи: «...sunt **quadraginta castella** inter Kersonam et Soldaia, quorum quodlibet fere habebat proprium idioma: inter quos erant multi Goti quorum idioma est teutonicum... In illa planicie solebant esse Comani antequam venirent Tartari, et cogebant ciuitates praedictas et castra ut daren't eis tributum – около сорока замков между Керсоном и Солдаей, коих почти каждый имеет свое особое наречие; между ними много Готов, говорящих по-немецки... На равнине, до нашествия Татар, имели пребывание Команы, которые брали дань с городов и укреплений» [22, с. 46–49, примеч. 58; 14, с. 135; 31, с. 90]. Ф.К. Брун распознал в латинском словосочетании «quadraginta castella – сорок замков» название города Кырк-Йер, упомянутое в ярлыке 1497 г. хана Туклук Тимура. Тем самым Ф.К. Брун положил начало не утихающей и в наши дни дискуссии востоковедов, историков и краеведов о трактовке латинского словосочетания «quadraginta castella» в восточных источниках. Он локализовал Кырк-Йер на плато Чуфут-Кале у «се-

верной границы Готии» [14, с. 134–136]. Ф.К. Брун, ссылаясь на завершённое в 1321 г. сочинение арабского географа Абу-л-Фиды [24, с. 76], назвал жителей Кырк-Йера аланами или ассами. Ф.К. Брун приписал Рубруку встречу с аланами Кырк-Йера, хотя францисканец там не был, а с аланами общался в степи за Перекопом [14, с. 136–137; 31, с. 106].

Ю.А. Кулаковский был уверен в исторической достоверности сообщения епископа Феодора о защищавших Херсон аланах и считал «соседним с Херсоном селением» крепость Кырк-Йер (Чуфут-Кале). Он отличал живших в крепости «не исконных, сравнительно новых» алан от традиционно населявших горный Крым соплеменников [26, с. 100].

Как подчеркнул А.А. Васильев, Рубрук не был в западной части полуострова и принял топоним «Кирк-Йер – сорок мест» за 40 различных крепостей – «quadraginta castella». А.А. Васильев отметил точность описания населённого ассами города Керкер или Керкри (Қиркри) в труде Абу-л-Фиды, поместившего Кирк-Йер на краю седьмого климата страны ассов [24, с. 121]. Согласно А.А. Васильеву, во времена Рубрука топоним Кирк-Йер, видимо, означал крепости между Херсоном и Солдаей, а позднее (при Абу-л-Фиде) так именовали лишь город на плато Чуфут-Кале [59, р. 165–166]. А.А. Васильев локализовал алан-ассов в районе Крымской Готии между Херсоном и Кирк-Йером [59, р. 167]. Обратившись к «Аланскому посланию», А.А. Васильев полагал, что «жившие примитивно, кочевавшие по горам» «в какой-то части территории Готии» аланы защищали Херсон от татар [59, р. 167].

Как мы видим, если Ф.К. Брун поместил соседнее с Херсоном аланское селение на северной границе Готии на плато Чуфут-Кале, то А.А. Васильев – где-то в Готии. Тем самым Ф.К. Брун допустил возможность выделения из Готии аланской крепости Кирк-Йер. Данную гипотезу развил А.Л. Якобсон. По его предположению, в XIII в. в юго-западной нагорной «Тавриде» уже существовало полуфеодальное княжество Феодоро с центром на Мангупе, а близ современного Бахчисарая в том же XIII в. возникло аланское княжество с центром Кирк-Йер (Чуфут-Кале). По А.Л. Якобсону, именно аланы Кырк-Йера опи-

саны в «Послании» Феодора [43, с. 30–31; 44, с. 81]. Гипотезу о существовании в горном Крыму в год пребывания епископа Феодора (1223 г.) самостоятельного аланского княжества с центром в Кирк-Йере приняли многие современные исследователи истории Крыма (см. историографию: [16, с. 109–112]).

Методически некорректно судить о ситуации в Климатах в первой половине XIII в. по содержащимся в более поздних источниках описаниям происходившего в XIV–XV веках. В «Послании» сказано только о бегстве епископа Феодора в соседнее с Херсоном аланское селение. Сторонники его отождествления с удаленной от города крепостью Кырк-Йерна плато Чуфут-Кале игнорируют географическую и исторические реальности. В письменных источниках отсутствуют данные о существовании в горах и на Южном берегу одноэтничных готского и аланского регионов. В Судак Рубруку рассказывали о говоривших на тевтонском и других языках жителях горного Крыма.

Упомянутые выше утверждения историков о разделе Готии на аланское и не аланское княжество опровергают и результаты археологических раскопок на территории Климатов. Скорее всего, в фемный период завершился многовековой ассимиляционный процесс формирования горнокрымской народности. Под влиянием христианства она впитала в себя аланский, готский, ромейский и болгарский компоненты. Новой народности принадлежала и единая материальная культура [1, с. 130]. Крепости, основанные в раннее средневековье византийцами на горных плато Внутренней гряды Крымских гор, в X–XIII вв. развились в города, сохранившие статус административных и религиозных центров отдельных климатов и игравшие большую роль в политической, экономической и религиозной жизни. На некрополях Готии в погребальных сооружениях X в. и в более поздних хоронили по единообразному погребальному обряду, не позволяющему идентифицировать этнос похороненных. Жизнедеятельность христианских православных общин способствовала распространению греческого языка среди алан и готов. Греческие эпитафии и граффити на керамике и архитектурных деталях из Горного Крыма свидетельствуют о повсеме-

стном применении жителями Климатов греческой письменности.

Взаимоотношения Климатов Готии с Трапезундом. Многие историки писали о подчинении Херсона и Климатов Готии в 1204 г. возникшей после распада Византии Трапезундской империи [32, с. 9–10; 15, с. CLXVIII; 26, с. 96; 59, р. 160; 43, с. 28; 44, с. 80; 12, с. 95; 41, с. 78; 2, с. 277; 21, с. 413].

Согласно В.Г. Васильевскому, Трапезунд сохранил в Херсоне и Готии традиции самоуправления, «а последняя имела своих князей» [15, с. CLXXV]. Правда, в письменных источниках IX–XIII вв. правителей Готии и Климатов называли не князьями, а господином и архонтами Готии (τῷ κυρῷ τῆς Γοτθίας καὶ τοῖς ἄρχουσιν αὐτοῦ) [8, с. 9]. По мнению В.П. Степаненко, после 1204 г. власть Трапезундской империи в Херсоне и Климатах Готии была номинальной. Местные архонты и севасты в обмен на легитимацию своей власти в регионе платили Трапезунду ежегодный разовый сбор «пакт» [34, с. 466–467]. К. Цукерман с оговорками согласился с суждением В.П. Степаненко о возврате Таврики в эпоху автономных архонтий [33, с. 715–716; 38, с. 243–244]. Правда, отсутствуют какие-либо свидетельства автономии Климатов Готии в первой половине XIII в., как, впрочем, и на протяжении всего периода их существования [8, с. 7–12]. В тексте «Синописа» содержатся доказательства совсем не номинального управления Трапезундом крымскими владениями. Император Андроник I Гид быстро и жестко отреагировал на захват сельджуками корабля из Херсона и их набег на город и Климаты и для восстановления status quo ante bellum его армия и флот не только захватили Синоп, но отразили контрнаступление сельджуков и пленили «султана мелика» [41, с. 127]. Трапезунд сохранил созданную в дофемный период структуру управления Климатами Готии (Готфии), подчинив их Херсону. В «Синописе» отчетливо отображено фискальное администрирование метрополии в крымских владениях. Напомню, на корабле имперский фискальный архонт димосия Алексей Пактиар перевозил в Трапезунд собранный в заморской провинции ежегодный (ἐπέτος) государственный налог (δημόσιος τέλος) [51, р. 74, 308, 316; 41, с. 127]. Трапезундского чиновни-

ка сопровождали херсонские архонты. Известно, были ли они избраны горожанами или назначены императором.

Результаты. Рассмотренные свидетельства подтверждают вхождение Херсона и подчинявшихся ему Климатов Готии в состав Трапезундской империи, по крайней мере в первой половине XIII века. А.А. Васильев, цитируя устаревший перевод завершеного в 1154 г. труда арабского географа ал-Идриси и сочинение Гийома де Рубрука, утверждал, что некоторые населенные готами регионы горного Крыма платили дань куманам-половцам на протяжении длительного времени до 1223 г. [59, р. 136–137]. Мы не знаем, когда Климаты начали выплачивать эту дань. В современном переводе текста ал-Идриси нет ни слова о ее взимании: «От Карсуна (Херсона) до Джалита (Djalita) (Ялты) тридцать миль; это город [принадлежавший] к стране ал-Куманийя» [23, с. 60, 115, 177]. То есть речь идет о принадлежности куманам вновь основанного на Южном берегу порта.

Топоним Климаты не упоминается в описаниях событий, происходивших после середины XIII века. Однако археологические раскопки известных на Внутренней гряде городов выявили сохранение активной и разносторонней жизнедеятельности населения региона до конца XIII века. Вероятно, история административного образования Климатов Готии прервалась в 1298/99 г., когда войска Ногай разрушили Херсон, города на плато Эски-Кермен, Бакла и другие [7, с. 283].

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в средние века и новое время».

The study was funded by the Russian Science Foundation according to the research project № 20-18-00076 “The evolution of cities on the Inner ridge of the Crimean mountains in the Middle Ages and modern times”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин, А. И. Могильники VIII – начала X в. в Крыму / А. И. Айбабин // Материалы по ар-

хеологии, истории и этнографии Таврии. – 1993. – Вып. III. – С. 121–134.

2. Айбабин, А. И. Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам / А. И. Айбабин // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2003. – Вып. X. – С. 277–306.

3. Айбабин, А. И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму / А. И. Айбабин // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2006. – Вып. XII. – С. 615–626.

4. Айбабин, А. И. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен / А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2011. – Вып. XVII. – С. 422–457.

5. Айбабин, А. И. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.) / А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. – Симферополь : Антиква, 2017. – 366 с.

6. Айбабин, А. И. О дате образования Крымской Готии / А. И. Айбабин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018 – Т. 23, № 5. – С. 71–78. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.6>.

7. Айбабин, А. И. Раскопки усадьбы 2 в квартале I на плато Эски-Кермен / А. И. Айбабин // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2018. – Вып. XXIII. – С. 277–304.

8. Айбабин, А. И. Топоним Климаты в средневековом Крыму / А. И. Айбабин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 6. – С. 6–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.1>.

9. Айбабин, А. И. Плитовые могилы XIV в. на плато Эски-Кермен / А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2019. – Вып. XXIV. – С. 250–276.

10. Айбабин, А. И. Новый храм с фресками X–XIII вв. на плато Эски-Кермен / А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова // Изучение и сохранение древних сакральных пространств в современном мире (к 1365-летию ссылки папы Мартина в Херсонес) : материалы Междунар. науч. конф. / ред.-сост. В. В. Майко, Э. А. Хайрединова, Т. Ю. Яшаева. – Симферополь : Антиква, 2020. – С. 5–10.

11. Богданова, Н. М. К вопросу о городском управлении в Херсоне в начале XIII в. / Н. М. Богданова // Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 1 / отв. ред. С. В. Волков. – М. : Наука, 1985. – С. 42–63.

12. Богданова, Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города / Н. М. Богда-

нова // Причерноморье в средние века. – 1991. – Вып. 1. – С. 8–172.

13. Богданова, Н. М. Церковь Херсона в X–XV вв. / Н. М. Богданова // Византия, Средиземноморье и славянский мир / ред. Г. Г. Литаврин [и др.]. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – С. 19–49.

14. Брун, Ф. К. Черноморье. Ч. 2 / Ф. К. Брун. – Одесса : Печ. вь тип. Г. Ульриха, 1880. – 408 с.

15. Васильевский, В. Г. Введение в Житие Св. Стефана Сурожского / В. Г. Васильевский // Труды В. Г. Васильевского. Т. III. – Петроград : Типография Императорской Академии наук, 1915. – С. CXLII–CCLXXXVIII.

16. Герцен, А. Г. Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев. – Симферополь : Антиква, 2016. – 312 с.

17. Гордлевский, В. Государство Сельджукидов Малой Азии / В. Гордлевский. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. – 199 с.

18. Жаворонков, П. И. Никейско-трапезундские отношения в 1213–1223 гг. / П. И. Жаворонков // Византийские очерки / отв. ред. З. В. Удальцова. – М. : Наука, 1982. – С. 183–190.

19. Жаворонков, П. И. Рец. на: A.G.C. Savvides. Byzantium in the Near East : Its relations with the Seljuk Sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols (A.D. c. 1192–1237). Thessaloniki, 1981 / П. И. Жаворонков, Р. М. Шукуров // Византийский временник. – 1987. – Т. 48. – С. 172–178.

20. Иванов, С. А. Византийское миссионерство : Можно ли сделать из «варвара» христианина? / С. А. Иванов. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 376 с.

21. Карпов, С. П. История Трапезундской империи / С. П. Карпов. – СПб. : Алетейя, 2007. – 624 с.

22. Кеппен, П. И. О древностях Южного Берега и гор Таврических / П. И. Кеппен. – СПб. : Печатано при Императорской Академии наук, 1837. – 409 с.

23. Коновалова, И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси / И. Г. Коновалова. – М. : Восточная литература, 2006. – 325 с.

24. Коновалова, И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. / И. Г. Коновалова. – М. : Восточная литература, 2009. – 220 с.

25. Кулаковский, Ю. А. Епископа Феодора «Аланское послание» / Ю. А. Кулаковский // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1898. – Т. XXI : Материалы. – С. 11–27.

26. Кулаковский, Ю. А. Прошлое Тавриды / Ю. А. Кулаковский. – Киев : Типо-лит. С. В. Кульженко, 1914. – 156 с.

27. Куник, А. О связи трапезундско-сельджукской войны с первым нашествием татар на Северное Причерноморье / А. Куник // Ученые записки

Императорской академии наук по I и III отделени-
ям. – 1854. – Т. 2. – С. 734–746.

28. Латышев, В. В. Заметки к христианским над-
писям из Крыма / В. В. Латышев // Записки Одес-
ского общества истории и древностей. – 1897. –
Т. XX. – С. 149–162.

29. Латышев, В. В. Эпиграфические новости из
Южной России / В. В. Латышев // Известия Импе-
раторской Археологической комиссии. – 1918. –
Вып. 65. – С. 9–21.

30. Пашуто, В. Т. Внешняя политика Древней
Руси / В. Т. Пашуто. – М. : Наука, 1968. – 495 с.

31. Путешествия в восточные страны Плано
Карпини и Рубрука / ред., вступ. ст. и примеч.
Н. П. Шастиной. – М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1957. –
272 с.

32. Смирнов, В. Д. Крымское ханство под вер-
ховенством Османской Порты до начала XVIII века
/ В. Д. Смирнов. – СПб. : Университетская типогра-
фия, 1887. – 774 с.

33. Степаненко, В. П. Византия и Крым в пост-
фемный период (конец XI – XII в.) : (К постановке
проблемы) / В. П. Степаненко // Материалы по ар-
хеологии, истории и этнографии Таврии. – 2018. –
Вып. XXIII. – С. 713–720.

34. Степаненко, В. П. Поствизантийский Крым
в XIII в. / В. П. Степаненко // Материалы по археоло-
гии, истории и этнографии Таврии. – 2019. –
Вып. XXIV. – С. 464–469.

35. Успенский, Ф. И. Очерки из истории Трапе-
зундской империи / Ф. И. Успенский. – Л. : Изд-во
АН СССР, 1929. – 160 с.

36. Хайрединова, Э. А. Византийские кресты с
инкрустацией из Юго-Западного Крыма / Э. А. Хай-
рединова // Вестник Волгоградского государственного
университета. Серия 4, История. Регионоведе-
ние. Международные отношения. – 2017. – Т. 22,
№ 5. – С. 86–99. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.8>.

37. Хайрединова, Э. А. Византийские перстни
с надписью «ΦΩΣ ΖΩΗ» из погребений крымских
готов / Э. А. Хайрединова // Вестник Волгоградско-
го государственного университета. Серия 4, Исто-
рия. Регионоведение. Международные отноше-
ния. – 2018 – Т. 23, № 5. – С. 88–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.8>.

38. Цукерман, К. Закат византийской власти в
Крыму : Полемический отклик / К. Цукерман
// *Χερσόνησος Θέματα* : Империя и полис: XI Между-
нар. византийский семинар / отв. ред. Н. А. Алексе-
енко. – Симферополь : Изд-во Ин-та археологии
Крыма РАН, 2019. – С. 237–244.

39. Ченцова, В. Г. Материалы по истории Хер-
сона в средние века / В. Г. Ченцова // Материалы по
археологии, истории и этнографии Таврии. – 1996. –
Вып. V. – С. 171–191.

40. Шукуров, Р. М. Великие Комнины, Синоп и
Рум в 1223–1230 гг. (загадка текста Лазаропула)
/ Р. М. Шукуров, Д. А. Коробейников // Причерно-
морье в средние века. – 1998. – Вып. 3. – С. 178–200.

41. Шукуров, Р. М. Великие Комнины и Восток
(1204–1461) / Р. М. Шукуров. – СПб. : Алетей, 2001. –
446 с.

42. Шукуров, Р. М. Траpezундская империя и
Восток / Р. М. Шукуров // Карпов С. П. История
Траpezундской империи / С. П. Карпов. – СПб. :
Алетей, 2007. – С. 357–403.

43. Якобсон, А. Л. Средневековый Херсонес
(XII–XIV вв.) / А. Л. Якобсон. – М. : Наука, 1950. –
256 с.

44. Якобсон, А. Л. Средневековый Крым
/ А. Л. Якобсон. – М. ; Л. : Наука, 1964. – 232 с.

45. Якубовский, А. Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о
походе малоазийских турок на Судак, половцев и
русских в начале XIII в.: (черты из торговой жизни
половецких степей) / А. Ю. Якубовский // Византий-
ский временник. – 1927. – Т. XXV. – С. 53–76.

46. Cahen, C. Pre-Ottoman Turkey / C. Cahen. –
London : Sidgwick & Jackson, 1968. – 458 p.

47. Darrouzès, J. Notitiae Episcopatum Ecclesiae
Constantinopolitanae / J. Darrouzès. – Paris : Institut
Français d'Études Byzantines, 1981. – 521 p.

48. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti
Euxini graecae et latinae. Vol. V. Виноградов, А. Визан-
тийские надписи Северного Причерноморья / А. Ви-
ноградов. – Лондон : Кингс Колледж, 2015. –
Electronic text data. – Mode of access: <https://iospe.kcl.ac.uk/5/toc-ru.html> (accessed: 21.06.2020). –
Title from screen.

49. Laurent, V. Les Regestes des Actes du
patriarcat de Constantinople. Vol. 1. Les Actes des
patriarches. Fasc. IV. Les Regestes de 1208 à 1309
/ V. Laurent. – Paris : Institut Français d'Études
Byzantines, 1971. – 635 p.

50. Moravcsik, G. Byzantinoturcica / G. Moravcsik. –
Leiden : BRILL, 1983. – 376 S.

51. Oikonomidès, N. Fiscalité et exemption fiscale
à Byzance (IXe–XIe s.) / N. Oikonomidès. – Athènes :
E.I.E., 1996. – 319 p.

52. Peacock, A. C. S. The Saliūq Campaign against
the Crimea and the Expansionist Policy of the Early
Reign of 'Alā' al-Dīn Kayqubād / A. C. S. Peacock
// Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series. –
2006. – Vol. 16, № 2. – P. 133–149.

53. Poulou-Papadimitriou, N. Burial Practices in
Byzantine Greece : Archaeological Evidence and
Methodological Problems for its Interpretation
/ N. Poulou-Papadimitriou, E. Tzavella, J. Ott // Rome,
Constantinople and Newly-Converted Europe. Vol. I / ed.
by M. Salamon, M. Wołoszyn, A. Musin, P. Špehar. –
Kraków ; Leipzig : Geisteswissenschaftliches Zentrum
Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas ; Warszawa :

Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk ; Rzeszów : Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2012. – P. 377–428.

54. Rosenquist, J. O. The Hagiographic Dossier of St Eugenios of Trebizond in Codex Athous Dionysiou 154 / J. O. Rosenquist. – Uppsala : Dept. of Classical Philology Uppsala University, 1996. – 650 p.

55. Savvides, A. G. C. Byzantium in the Near East : Its Relations with the Seljuk Sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols a.d. 1192–1237 / A. G. C. Savvides. – Θεσσαλονίκη : Κέντρον Βυζαντινῶν Ἑρευνῶν, 1981. – 192 p.

56. Soucek, S. Sughdāk / S. Soucek // Encyclopedia of Islam. Vol. 9 / ed. by C. E. Bosworth. – Leiden : Brill, 1997. – P. 773–774.

57. Talbot Rice, T. The Seljuks in Asia Minor / T. Talbot Rice. – London : Thames and Hudson, 1961. – 280 p.

58. Turan, O. Anatolia in the Period of the Seljuks the Beyliks / O. Turan // Cambridge History of Islam. Vol. 1. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – P. 231–262.

59. Vasiliev, A. A. The Goth in the Crimea / A. A. Vasiliev. – Cambridge, Mass. : The Medieval Academy of America, 1936. – 292 p.

60. Νυσταζοπούλου, Μ. Ὁ «Ἀλανικός» τοῦ ἐπισκόπου Ἀλανίας Θεοδώρου καὶ ἡ εἰς τὸν πατριαρχικὸν θρόνον ἀνάρρησης Γερμανοῦ τοῦ Β΄ / Μ. Νυσταζοπούλου // Ἑπετηρίς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. – 1964. – Τ. ΛΓ. – Σ. 270–279.

61. Νυσταζοπούλου, Μ. Ἡ ἐν τῇ Ταυρικῇ Χερσονήσῳ Πόλις Σουγδαία / Μ. Νυσταζοπούλου. – Ἀθήνα : [s.n.], 1965. – 186 σ.

62. Θεοδώρου ἐπισκόπου Ἀλανίας. Ἀλανικός // Νικήτα τοῦ Χωνιάτου τὰ εὕρισκόμενα πάντα / ed. J.-P. Migne. – Parisiis : J.-P. Migne, 1865. – P. 387–414. – (Patrologiae cursus completus. Series graeca ; vol. 140).

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Mogilniki VIII – nachala X v. v Krymu [Cemeteries of the 8th – the Beginning of the 10th Centuries in the Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1993, vol. III, pp. 121–134.

2. Aibabin A.I. Goroda i stepi Kryma v XIII–XIV vv. po arkheologicheskim svidetelstvam [Towns and Steppes of the Crimea in the 13th–14th Centuries According to Archaeological Data]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2003, vol. X, pp. 277–306.

3. Aibabin A.I. Nekotorye aspekty istorii Gotskoy eparkhii v Yugo-Zapadnom Krymu [Some

Aspects of the History of Gothian Diocese of the South-Western Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2006, vol. XII, pp. 615–626.

4. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Pozdnesrednevekovaya chasovnya na plato Eski-Kermen [Late Medieval Chapel on Eski-Kermen Plateau]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2011, vol. XVII, pp. 422–457.

5. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the Region of Dory (Mid 3rd – 7th Century)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017. 366 p.

6. Aibabin A.I. About the Date of the Crimean Gothia Creation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 5, pp. 71–78. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.6>.

7. Aibabin A.I. Raskopki usadby 2 v kvartale I na plato Eski-Kermen [The Excavation of Urban House 2 in Quarter I at Eski-Kermen Plateau]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, vol. XXIII, pp. 277–304.

8. Aibabin A.I. Toponym Klimata in the Medieval Crimea. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.1>.

9. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Plitovye mogily XIV v. na plato Eski-Kermen [Fourteenth-Century Slabbed Graves at Eski-Kermen Plateau]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2019, vol. XXIV, pp. 250–276.

10. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Novyy khram s freskami X–XIII vv. na plato Eski-Kermen [New Church with Frescoes of the 10th–13th Centuries on the Eski-Kermen Plateau]. Maiko V.V., Khairedinova E.A., Yashaeva T.Yu., eds. *Izuchenie i sokhranenie drevnikh sakralnykh prostranstv v sovremennom mire (k 1365-letiyu ssylki papy Martina v Khersones): materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Study and Preservation of Ancient Sacred Spaces in the Modern World (for the 1365th Anniversary of Pope Martin's Exile in Chersonesos): Materials of the International Scientific Conference]. Simferopol, Antikva Publ., 2020. pp. 5–10.

11. Bogdanova N.M. K voprosu o gorodskom upravlenii v Khersones v nachale XIII v. [On the

Question of Urban Management in Cherson at the Beginning of the XIII Century]. Volkov S.V., ed. *Sotsialnye gruppy traditsionnykh obshchestv Vostoka* [Social Groups of Traditional Societies of the East]. Part. 1. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 42-63.

12. Bogdanova N.M. Kherson v X–XV vv. Problemy istorii vizantiyskogo goroda [Cherson in the X–XV Centuries. Problems of the History of the Byzantine City]. *Prichernomorie v srednie veka* [The Black Sea Region in the Middle Ages], 1991, vol. 1, pp. 8-172.

13. Bogdanova N.M. Tserkov Khersona v X–XV vv. [Church of Cherson in the X–XV Centuries]. Litavrin G.G., et al., ed. *Vizantiya, Sredizemnomore i slavyanskiy mir* [Byzantium, the Mediterranean and the Slavic World]. Moscow, MGU Publ., 1991, pp. 19-49.

14. Brun F.K. *Chernomorie. Ch. 2* [Black Sea Region. Part 2]. Odessa, Pech. v tip. G. Ulrikha Publ., 1880. 408 p.

15. Vasilevskiy V.G. Vvedenie v Zhitie Sv. Stefana Surozhskogo [Introduction to the Life of St. Stephen of Sourzh]. *Trudy V.G. Vasilevskogo* [Proceedings of V.G. Vasilevsky]. Vol. III. Petrograd, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1915, pp. CXLII–CCLXXXVIII.

16. Gertsen A.G., Mogarichev Yu.M. *Kyrk-Er – Chufut-Kale. Krepost na krayu sedmogo klimata* [Kyrk-Yer – Chufut-Kale. The Fortress on the Edge of 7th Klima]. Simferopol, Antikva Publ., 2016. 312 p.

17. Gordlevskiy V. *Gosudarstvo Seldzhukidov Maloy Azii* [The State of The Seljukids of Asia Minor]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN USSR Publ., 1941. 199 p.

18. Zhavoronkov P.I. Nikeysko-trapezundskie otnosheniya v 1213–1223 gg. [The Nicene-Trebizond Relations in 1213-1223 Years.]. Udaltsova Z.V., ed. *Vizantiiskie ocherki* [Byzantine Essays]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 183-190.

19. Zhavoronkov P.I., Shukurov R.M. Reviews: A.G.S. Savvides. Byzantium in the Near East: Its relations with the Seljuk Sultanate of Rumin Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols (A.D. s. 1192–1237). Thessaloniki, 1981. *Vizantiiskiy vremennik* [Byzantina Xronika], 1987, vol. 48, pp. 172-178.

20. Ivanov S.A. *Vizantiyskoe missionerstvo: Mozhno li sdelat iz «varvara» khristianina?* [Byzantine Missionary Work: Is it Possible to Make “Barbarian” of a Christian?]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2003. 376 p.

21. Karpov S.P. *Istoriya Trapezundskoy imperii* [History of the Trebizond Empire]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2007. 624 p.

22. Keppen P.I. *O drevnostyakh Yuzhnogo Berega i gor Tavricheskikh* [About the Antiquities of the Southern Coast and the Tauric Mountains]. Saint Petersburg, Pechatano pri Imperatorskoy Akademii nauk, 1837. 409 p.

23. Konovalova I.G. *Vostochnaya Evropa v sochinenii al-Idrisi* [Eastern Europe by Al-Idrisi]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2006. 325 p.

24. Konovalova I.G. *Vostochnaya Evropa v sochineniyakh arabskikh geografov XIII–XIV vv.* [Eastern Europe in the Writings of Arab Geographers of the XIII–XIV Centuries]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2009. 220 p.

25. Kulakovskiy Yu.A. Episkopa Feodora «Alanskoe poslanie» [Bishop Theodore “Alanian Epistle”]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities], 1898, vol. XXI: Materialy, pp. 11-27.

26. Kulakovskiy Yu.A. *Proshloe Tavridy* [The Past of Taurida]. Kiev, Tipo-lit. S.V. Kulzhenko, 1914. 156 p.

27. Kunik A. O svyazi trapezundsko-seldzhukskoy voyny s pervym nashestviem tatar na Severnoe Prichernomorie [On the Connection of the Trapezund-Seljuk War with the First Invasion of the Tatars in the Northern Black Sea Region]. *Uchenye zapiski Imperatorskoy akademii nauk po I i III otdeleniyam* [Scientific Notes of the Imperial Academy of Sciences in I and III departments], 1854, vol. 2, pp. 734-746.

28. Latyshev V.V. Zametki k khristianskim nadpisyam iz Kryma [Notes to Christian Inscriptions from Crimea]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities], 1897, vol. XX, pp. 149-162.

29. Latyshev V.V. Epigraficheskie novosti iz Yuzhnoy Rossii [Epigraphic News from Southern Russia]. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii* [News of the Imperial Archaeological Commission], 1918, vol. 65, pp. 9-21.

30. Pashuto V.T. *Vneshnyaya politika Drevney Rusi* [Foreign Policy of Ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 495 p.

31. Shastinoy N.P., ed. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travel to Eastern Countries Plano Carpini and Rubrouck]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo geograficheskoy literatury Publ., 1957. 272 p.

32. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhoventvom Ottomanskoy Porty do nachala XVIII veka* [Crimean Khanate Under the Rule of the Ottoman Port Until the Beginning of the XVIII Century]. Saint Petersburg, Universitetskaya tipografiya, 1887. 774 p.

33. Stepanenko V.P. Vizantiya i Krym v postfemnyy period (konets XI – XII v.): K postanovke problemy [Byzantium and the Crimea in the Post-Thematic Period (Late Eleventh and Twelfth Centuries): The Problem Statement]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, vol. XXIII, pp. 713-720.

34. Stepanenko V.P. Postvizantiyskiy Krym v XIII v. [Post-Byzantine Crimea in the Thirteenth Century]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2019, vol. XXIV, pp. 464-469.
35. Uspenskiy F.I. *Ocherki iz istorii Trapezundskoy imperii* [Essays from the History of the Trebizond Empire]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1929. 160 p.
36. Khairedinova E.A. Byzantine Crosses with Inlay in the South-Western Crimea. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 86-99. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.8>.
37. Khairedinova E.A. Byzantine Finger Rings with the Inscription ΦΩC ZΩH from Burials of the Crimean Goths. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 5, pp. 88-104. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.8>.
38. Zukerman C. Zakat vizantiyskoy vlasti v Krymu: Polemicheskiy otklik [The Decline of the Byzantine Rule in the Crimea: A Polemical Response]. Alekseenko N.A., ed. *Chersōnos themata: Imperiya i polis.: XI Mezhdunar. vizantiyskiy seminar* [Chersōnos Themata: Empire and Polis. The 11th International Byzantine Seminar]. Simferopol, Federalnoe gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie nauki "Institut archeologii Kryma RAN" Publ., 2019, pp. 237-244.
39. Chentsova V.G. Materialy po istorii Khersona v srednie veka [Discussions on the History of Cherson in the Middle Ages]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1996, vol. V, pp. 171-191.
40. Shukurov R.M., Korobeinikov D.A. Velikie Komniny, Sinop i Rum v 1223–1230 gg. (zagadka teksta Lazaropula) [The Great Comnines, Sinop and Rum in 1223–1230 (the riddle of the text of Lazaropoulos)]. *Prichernomore v srednie veka* [The Black Sea Region in the Middle Ages], 1998, vol. 3, pp. 178-200.
41. Shukurov R.M. *Velikie Komniny i Vostok (1204–1461)* [The Great Comnenus and the East (1204–1461)]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2001. 446 p.
42. Shukurov R.M. Trapezundskaya imperiya i Vostok [The Trebizond Empire and the East]. Karpov S.P. *Istoriya Trapezundskoy imperii* [History of the Trebizond Empire]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2007, pp. 357-403.
43. Yakobson A.L. *Srednevekovyy Khersones (XII–XIV vv.)* [Medieval Chersonesos (XII–XIV Centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1950. 256 p.
44. Yakobson A.L. *Srednevekovyy Krym* [Medieval Crimea]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 232 p.
45. Yakubovskiy A.Yu. Rasskaz Ibn-al-Bibi o pokhode maloaziyskikh turok na Sudak, polovtsev i russkikh v nachale XIII v.: (Cherty iz torgovoy zhizni polovetskikh stepey) [The Story of Ibn Al-Bibi About the Campaign of the Asia Minor Turks in Sudak, Polovtsy and Russians at the Beginning of the XIII Century: (Features from the Trading Life of the Polovtsian Steppes)]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Xronika], 1927, vol. XXV, pp. 53-76.
46. Cahen C. *Pre-Ottoman Turkey*. London, Sidgwick & Jackson, 1968. 458 p.
47. Darrouzès J. *Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris, Institut Français d'Etudes Byzantines, 1981. 521 p.
48. *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. V. Vinogradov A. Vizantiyskie nadpisi Severnogo Prichernomor'ya* [Byzantine Inscriptions of the Northern Black Sea]. London, Kings Kolledzh Publ., 2015. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/5/toc-ru.html> (accessed 21 June 2020).
49. Laurent V. *Les Regestes des Actes du patriarcat de Constantinople. Vol. 1. Les Actes des patriarches. Fasc. IV. Les Regestes de 1208 à 1309*. Paris, Institut Français d'Etudes Byzantines, 1971. 635 p.
50. Moravcsik G. *Byzantinoturcica*. Bd. 2. Leiden, BRILL, 1983. 376 p.
51. Oikonomidès N. *Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe–XIe s.)*. Athènes, E.I.E., 1996. 319 p.
52. Peacock A.C.S. The Saliūq Campaign against the Crimea and the Expansionist Policy of the Early Reign of 'Alā' al-Dīn Kayqubād. *Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series*, 2006, vol. 16, no. 2, pp. 133-149.
53. Poulou-Papadimitriou N., Tzavella E., Ott J. Burial Practices in Byzantine Greece: Archaeological Evidence and Methodological Problems for its Interpretation. Salomon M., Wołoszyn M., Musin A., Špehar P. *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Vol. 1*. Kraków; Leipzig, Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas; Warszawa, Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk; Rzeszów, Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2012, pp. 377-428.
54. Rosenquist J.O. *The Hagiographic Dossier of St Eugenios of Trebizond in Codex Athous Dionysiou 154*. Uppsala, Dept. of Classical Philology Uppsala University, 1996. 650 p.
55. Savvides A.G.C. *Byzantium in the Near East: its relations with the Seljuk Sultanate of Rum in Asia*

Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols a.d. 1192–1237. Thessaloniki, Kentron Byzantinōn Ereunōn Publ., 1981. 192 p.

56. Soucek S. Sughdāq. Bosworth C.E., ed. *Encyclopedia of Islam*. Vol. 9. Leiden, Brill, 1997, pp. 773-774.

57. Talbot Rice T. *The Seljuks in Asia Minor*. London, Thames and Hudson, 1961. 280 p.

58. Turan O. Anatolia in the Period of the Seljuks the Beyliks. *Cambridge History of Islam*. Vol. 1. Cambridge, Cambridge University Press, 2008, pp. 231-262.

59. Vasiliev A.A. *The Goth in the Crimea*. Cambridge Mass., The Medieval Academy of America, 1936. 292 p.

60. Nystazopoulou M. O “Alanikos” tou episkopou Alanias Theodōrou kai ē eis ton patriarchikon thronon anarrēsis Germanou tou B [The “Alanikos” of the Bishop of Alania Theodore and the Proclamation of German II to the Patriarch’s Throne]. *Epetēris Etaireias Byzantinōn Spoudōn* [Annuaire de l’Association d’Études Byzantines], 1964, vol. 33, pp. 270-279.

61. Nystazopoulou M. *Ē en tē Taurikē Chersonēsō Polis Sougdaia* [The City of Sougdaia in Tauric Chersonesos]. Athens, s.n., 1965. 186 p.

62. Theodōrou episkopou Alanias. “Alanikos” [Theodore, the Bishop of Alania. The “Alanikos”]. Migne J.-P., ed. *Nikēta tou Xōniatou ta euriskomena panta*. Paris, J.-P. Migne, 1865, pp. 387-414. (Patrologiae cursus completus. Series graeca; vol. 140).

Information About the Author

Aleksandr I. Aibabin, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika V.I. Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, aleksandraibabin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4116-8198>

Информация об авторе

Александр Ильич Айбабин, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН, просп. академика В.И. Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, aleksandraibabin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4116-8198>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.5>

UDC 904 (470)“12/13”
LBC 63.4(2)

Submitted: 01.05.2020
Accepted: 03.11.2020

**MATERIAL CULTURE OF BYZANTINE SUGDEJA
IN THE 12th – EARLY 13th CENTURIES
(TO THE QUESTION OF CHRONOLOGICAL INDICATORS)**

Vadim V. Maiko

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Irina B. Teslenko

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The focus of this study is on the material culture of one of the major cities of south-eastern Taurica Sugdeja in the 12th and early 13th centuries, as well as archaeological sources that allow to highlight stratified archaeological complexes and horizons of that time. Special attention is paid to the justification of chronological indicators presented by household objects, decorations, objects of Christian cult and imported red clay glazed ceramics. The latter, based on modern chronological developments and the archaeological situation, is the most important indicator. It is common to combine this pottery into a group of Middle Byzantine Production (MBP). *Methods.* The standard methods, which are usually involved for the study of archaeological materials, are used in the work: stratigraphic, typological, and comparative. *Analysis.* The materials from decades of excavation in Sudak, which are stored in archives and museum repositories now, have been studied again. As a result, 5 sites with layers of the 12th – early / first half of the 13th centuries have been located in the different part of the medieval site, including the port area, as well as more than two dozen finds of the MBP were attributed. *Results.* The newly obtained data allowed us to conclude that Sugdeja occupied a rather large area during the studied period and the city continued to maintain contacts with the Central Byzantine lands during all this time. Moreover, the findings of different stylistic and chronological types of ceramics indicate the presence of such contacts both during the reign of the Komnenoi and Angeloi, and after the conquest of Constantinople by the Latins in 1204.

Key words: Crimea, Sugdeja, 12th – first half of the 13th centuries, Byzantium, Venice, Byzantine glazed ceramics.

Citation. Maiko V.V., Teslenko I.B. Material Culture of Byzantine Sugdeja in the 12th – Early 13th Centuries (To the Question of Chronological Indicators). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 69-81. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.5>

УДК 904 (470)“12/13”
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 01.05.2020
Дата принятия статьи: 03.11.2020

**МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВИЗАНТИЙСКОЙ СУГДЕИ
В XII – НАЧАЛЕ XIII в.
(К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ИНДИКАТОРАХ)**

Вадим Владиславович Майко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Ирина Борисовна Тесленко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. В центре внимания настоящего исследования находится материальная культура одного из крупных городов юго-восточной Таврики Сугдеи в XII – начале XIII в., а также археологические источники, которые позволяют выделять стратифицированные археологические комплексы и горизонты этого времени. Особое внимание уделено обоснованию хронологических индикаторов, представленных предметами быта, украшениями, предметами христианского культа и привозной красноглиняной поливной керамикой. Последняя, исходя из современных хронологических разработок и археологической ситуации, является наиболее важным индикатором. Эту керамику принято объединять в группу «средневизантийской продукции» или Middle Byzantine Production (MBP). В работе использованы стандартные методы, привлекаемые для изучения археологических материалов: стратиграфический, типологический и сравнительный. В процессе исследования выделены и изучены соответствующие археологические контексты и находки, многие из которых ранее оставались без надлежащей атрибуции. В результате определены 5 участков в разных районах городища, в том числе в портовом, со слоями XII – начала/первой половины XIII в., а также проанализированы более двух десятков находок MBP. Полученные данные позволили прийти к выводу о том, что Сугдея в указанный период занимала довольно значительную площадь и что город продолжал все это время поддерживать контакты с центрально-византийскими землями. Причем находки керамики указывают на наличие таких контактов как во времена правления Комнинов и Ангелов, так и после завоевания Константинополя латинянами в 1204 году.

Ключевые слова: Крым, Сугдея, XII – первая половина XIII в., Византия, Венеция, византийская поливная керамика.

Цитирование. Майко В. В., Тесленко И. Б. Материальная культура византийской Сугдеи в XII – начале XIII в. (к вопросу о хронологических индикаторах) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 69–81. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.5>

Введение. В последнее время проблемы, связанные с византийским присутствием в Крыму в XII – начале XIII в., интенсивностью и характером контактов империи со своей северной провинцией, обсуждаются особенно остро. Минимальное количество для этого времени письменных свидетельств и практически полное отсутствие сфрагистических материалов вновь заставляют обратить внимание на археологические источники. Помимо немногочисленного нумизматического материала, в настоящий момент можно выделить несколько находок, имеющих более узкие хронологические рамки существования. Именно благодаря им есть надежда выделить закрытые археологические комплексы и стратиграфические горизонты рассматриваемого периода.

На современном уровне исследований тяжело говорить о характерных особенностях керамического комплекса Сугдеи XII – начала XIII века. Относительно амфорной тары совершенно ясно, что в первой половине XII столетия он содержал еще наиболее поздние варианты амфор с венчиком в виде отложного воротничка и сфероместных амфор. Вторая половина столетия – время бытования различных переходных типов, свидетельствующих о

разных путях эволюции этой категории тары, которые в первой четверти XIII в. привели к окончательному сложению амфор с высокоподнятыми и дуговидными ручками. В качестве критерия для выделения комплексов Таврики XII – начала XIII в. можно считать отсутствие высокогорлых кувшинов, кухонной тонкостенной керамики с полукруглым дном, отделенным от придонной части пролощенной полосой, лощеной оранжевоглиняной посуды. Искать в керамическом комплексе хронологические индикаторы пока рано, но такая перспектива есть.

Меньше надежд на комплекс предметов вооружения и бытовых вещей. Намного более перспективны украшения и предметы христианского культа, несравненно больше подверженные влиянию византийской моды.

Относительно украшений – это крупные бронзовые проволочные серьги с биконической пронизкой, состоящей из двух спаянных половинок, и характерный состав бус в ожерельях. Относительно предметов культа – это, конечно же, древнерусские энколпионы с изображениями, выполненными в технике черни и высокого рельефа, в случае отсутствия явных признаков их вторичного использования. Отдельную группу образуют крестовидные ме-

дальоны-подвески, часто входившие в состав ожерелий, и кресты-тельники с лучами, выполненными в виде трилистника, а средокрестием – в форме квадрата. Особое значение имеет такой хронологический индикатор, как стеклянные камни с изображением Святого Димитрия.

Одним из самых ярких хронологических индикаторов археологических комплексов рассматриваемого периода, а также выразительным свидетельством торговых связей с империей в этот период является привозная красноглиняная поливная керамика группы Middle Byzantine Production (MBP), включающая несколько хорошо известных декоративных типов изделий. Они получили широкое распространение в Средиземноморье и Черноморском регионе в XII – первой половине XIII в. [32, р. 379–380; 29; 33; 35], попадая туда преимущественно морским путем.

В отличие от центральных регионов Византии, в средневековом Крыму MBP, в особенности ее ранние типы, встречается не так часто. Сугдейская коллекция подобной керамики, за исключением некоторых фрагментов и форм, совсем недавно введена в научный оборот [16], что избавляет от повторений.

Исходя из этого, целью настоящего исследования является детальный анализ всех хронологических индикаторов, что будет способствовать выделению комплексов XII – начала XIII в. на территории Сугдеи и уточнению особенностей контактов города с византийскими землями в этот период.

Методы. Для решения поставленных задач в работе будут использованы методы, привлекаемые к исследованию археологических материалов. А именно: стратиграфический метод для определения относительной хронологии контекстов находок, типологический метод и стилистический анализ для группирования материала в соответствии с его морфологическими и стилистическими признаками, сравнительный метод для определения круга аналогий и культурной принадлежности артефактов.

Анализ. Украшения. Парные бронзовые серьги, указанные выше, обнаруженные в погребении 275 некрополя Судак-II [10, с. 107, рис. 81, 1]. В литературе утвердилось мнение об их степной половецкой или черно-клубуц-

кой принадлежности [1, с. 203–205]. Тем не менее совершенно очевидно, что территория их распространения шире [24, tabl. IX: 5, 6; 19, с. 32, обр. 1]. В нашем случае важно, что они четко датируются периодом походов степняков на Болгарию и Византию [20, с. 167–168, примеч. 2].

В качестве своеобразного хронологического индикатора можно рассматривать и состав ожерелий, обнаруженных в шести погребениях городского некрополя Судак-II [12, с. 441–443, рис. 173–175]. Это ожерелья так называемого третьего хронологического типа, отличительной особенностью которых является отсутствие мелких «трехбугорчатых» глазчатых и сетчатых бус и большое разнообразие типов.

Предметы христианского культа.

Одну группу этих изделий составляют энколпионы из могилы 133 некрополя Судак-II и верхнего слоя храма Девы Марии [12, с. 448, рис. 180, 1, 2]. Кроме того, к этой группе можно отнести фрагменты энколпионов из разведок на территории Сугдеи 2006 г. [12, с. 448, рис. 180, 4, 5]. Для нас важно, что в большинстве случаев эти энколпионы датируются в рамках второй четверти XII в. [9, с. 133]. К другому варианту этой группы относится единственный двустворчатый энколпион из разведок на территории средневековой Сугдеи, миниатюрное изделие из могилы 187 некрополя Судак-II и энколпион из разведок поселения у с. Русское [12, с. 448, рис. 180, 3, 6, 8]. В отличие от энколпионов первой группы изображения выполнены в технике высокого рельефа. Эта группа энколпионов не менее известна на территории Киевской Руси и датируется приблизительно этим же временем.

Отдельную группу составляют кресты-тельники, обнаруженные в погребении 216 некрополя Судак-II [10, с. 63, рис. 36, 9] и в заполнении могил некрополя Судак-XI [14, с. 239, рис. 2, 6]. Этот тип крестов с окончанием лучей в виде трилистника или шарика и квадратным крупным средокрестием датируется интересующим нас временем. Во всяком случае, датировка древнерусских аналогий не выходит за рамки XII в. [18, с. 66, рис. 9, 9].

Для Сугдеи в качестве хронологического индикатора важна находка камня с изображением рельефной поясной фигуры Димитрия

Солунского в броне с поясом на талии и плаще [12, с. 454, рис. 186; 2, с. 271–289]. В данном случае важно не место ее производства, о чем не затихают дискуссии, а время. Основываясь на схожести некоторых иконографических деталей данных изделий и византийских печатей, были сделаны попытки датировать их до 1204 г. и считать продукцией константинопольских мастерских. Для датировки важно и справедливое замечание А.В. Банка о том, что на подавляющем большинстве гемм Святой Димитрий и Святой Георгий представлены в воинских образах, и только на двух они представлены как мученики. Изображение этих святых как мучеников характерно для византийского прикладного искусства X–XI веков. В XII в. преобладают их изображения в виде Святых воинов, что подтверждается и сфрагистическими данными [3, с. 133–134]. Вместе с тем, учитывая раритетный характер всех упомянутых хронологических индикаторов, таковыми они могут служить только в случае обнаружения в комплексе без следов повторного использования. К сожалению, для Сугдеи, как и для большинства крымских памятников, находки их у первоначальных владельцев единичны. В данном случае на современном этапе исследований единственным более узким хронологическим индикатором остается поливная красноглиняная византийская керамика, к анализу которой и перейдем.

Поливная красноглиняная керамика. Сугдейская коллекция насчитывает более двух десятков обломков МВР (рис. 2, 3). Черепок изделий преимущественно плотный, песчанистый, кирпично-красного цвета с хорошо заметными включениями крупниц извести. Типы представлены неравномерно. 11 фрагментов относится к *Fine Sgraffito Ware (FSW)* (рис. 2). Это фрагменты венчика, стенок и днищ сосудов открытой формы, среди элементов декора которых преобладают центральные медальоны и концентрические орнаментальные ленты, заполненные мелким растительным декором, выполненным тонкой гравировкой (рис. 2, 1–8). Они имеют довольно широкий круг аналогий в материалах середины – второй половины XII в. (см., например: [21, р. 339, fig. 4; 22, р. 31–33; 26; 34, pl. 14.2; 17, с. 319–321, рис. 1, 2] и др.). Также встре-

чаются полупальметты, более характерные для сюжетных композиций на блюдах этого же времени (рис. 2, 12) (см., например: [22, р. 29, 123, № 6, 134; 34, р. 118–120, pl. 12.6–12.10]). Кроме того, следует отметить две донные части сосудов открытой формы с остатками изображений птицы и рыбы (рис. 2, 10, 11). Практически идентичное изображение рыбы известно на блюде из кораблекрушения середины XII в. у острова Алонисос, в северо-западной части Эгейского моря [22, р. 130, № 142]. Точную аналогию птицы найти не удалось, хотя изображения пернатых в целом характерны для *FSW* [34], их принято выделять в отдельную серию так называемого *Developed-style Sgraffito* [28, fig. 23].

Один из сосудов принадлежит к *Painted Fine Sgraffito Ware (PFSW)* (рис. 2, 9). Лицевая поверхность изделия украшена характерным для этого типа орнаментальным кольцом с мелкими спиралями (см., например: [22, р. 37, № 20]). Пространство внутри и снаружи кольца заполнено завитками и спиралями, выполненными зеленой краской.

12 фрагментов относятся к *Incised Sgraffito* или *Aegean Ware (IS/AW)*. Среди элементов декора преобладают серии кругов в сочетании с ромбами, рассеченными двумя перекрещивающимися прямыми (рис. 3, 1–5, 7, 8, 10). Две донные части украшены изображением птиц с вытянутой шеей и удлиненным клювом, вероятно, отряда журавлеобразных (рис. 3, 6, 9). Одно из них выполнено в выемчатой технике (рис. 3, 6), другое нанесено несколькими плавно изогнутыми штрихами (рис. 3, 9). Как круги с ромбами, так и подобные изображения птиц довольно часто встречаются на изделиях данного типа группы МВР (см., например: [22, р. 53–54, 145–147; 23]).

Один крупный обломок днища, центр которого украшает спираль, опоясанная кольцом с линейной штриховкой (рис. 3, 12), также, вероятно, следует относить к типу *IS*. Точных аналогий декору найти не удалось. Кольцо, заполненное штриховкой, характерно для декоративных композиций группы МВР разных типов (см., например: [22, р. 135–140; 27, р. 180; 25, р. 42]). В то же время концентрические спирали присущи более поздним декоративным схемам, получившим развитие со второй по-

ловины/последней трети XIII в. (см., например: [30]). Еще один небольшой фрагмент поля с декором в выемчатой технике может быть соотнесен с типом *Champlevé Ware (ChW)* (рис. 3, 11). Детали рисунка не ясны.

Происхождение основной массы керамики группы МВР помогают уточнить новые археологические открытия в центральной Греции, а также результаты недавних археометрических исследований, проведенных в керамологической лаборатории в Лионе под руководством С.Й. Ваксман. Полученные данные позволили локализовать крупнейший центр длительного производства и экспорта различных декоративных типов МВР, а также амфор типа Гюнзенин II и III (GII, GIII) в городе Халкис, который в средневековье выполнял функцию морского порта крупного регионального центра центральной Греции – Фив [29; 32; 33]¹. При этом было доказано, что этот гончарный центр функционировал как до, так и после латинского завоевания 1204 года. Именно его продукция получила наибольшее распространение и поступала в том числе в Крым. По визуальным характеристикам формовочной массы подавляющее большинство находок из Судака также может быть отнесено к изделиям этого или близкородственного центров. Исключение составляет один фрагмент из новосветской бухты (рис. 3, 10), химический анализ которого не подтвердил его принадлежность к халкидской группе [31, р. 853]. Это факт, в свою очередь, может свидетельствовать в пользу поступления керамики семьи МВР в Крым также из других гончарных центров.

Таким образом, в качестве критериев для выделения стратиграфических горизонтов и комплексов Сугдеи XII в. следует признать наличие перечисленных выше хронологических индикаторов. Важным критерием является отсутствие кухонной керамики с полукруглым дном и пролощенной полосой в придонной части и общая стандартизация форм, отсутствие или минимальное количество высокогорлых кувшинов, а также отсутствие столовой лощеной посуды. Хронологические разработки свидетельствуют и о том, что бронзовых бубенчиков с крестообразной щелью, столь характерных для второй половины X – XI в., в комплексах XII в. нет. Отсутствуют и стек-

лянные византийские браслеты, трехбугорчатые, сетчатые и, конечно же, глазчатые бусы.

Результаты. Исходя из этих критериев можно выделить несколько контекстов Сугдеи, датировка которых укладывается в рамки XII – начала XIII в.: 1) слой серого глинистого грунта конца XII в. – начала XIII в., залегающего на уровне фундамента кладки крепостной ограды византийского периода на участке так называемого квартала 1 к юго-западу от крепостных ворот генуэзского времени [11, с. 387–392] (рис. 1, Г); 2) слой XII – середины XIII в., предшествовавший строительству дома (ремесленной мастерской?) третьей четверти XIII – XIV в., исследованного на раскопе у Башни Бернабо ди Франки ди Пагано (рис. 1, В); 3) слой XII – начала XIII в., связанный с функционированием жилищно-хозяйственного комплекса на участке раскопа III в портовой части Сугдеи (рис. 1, А); 4) слой темно-желтого суглинка XII – начала XIII в. на полу крупной прямоугольной каменной постройки на участке раскопа VIII в портовой части Сугдеи (рис. 1, Б) и слой, подстилающий более позднее сооружение 1 на этом же участке раскопа [7, рис. 73, 149/1, к.о. 27; 4, с. 67, рис. 17, 1; 6, рис. 46, 225/1, к.о. 26, 411а/5, к.о. 285; 5, с. 32, рис. 2, 1]; 5) слой XII–XIII – первой четверти XIII в. на полу постройки, изученной на участке раскопа IX, в портовой части Сугдеи (рис. 1, Д) [13, с. 195, рис. 56, 4–6, 10; 15, с. 28, рис. 5, 5–7, 9].

Необходимо отметить, что поливная византийская красноглиняная керамика, представленная тремя фрагментированными блюдами типа *IS/AW* (рис. 3, 1, 2, 10), происходит из района кораблекрушения последней трети XIII в. в бухте Зеленой у поселка Новый Свет, примерно в 4,0 км к юго-западу от Судака (см.: [8, с. 126–143, 156–168; 31] и др.). Они найдены среди многочисленных керамических материалов, составлявших груз корабля и имущество его команды. Однако с уверенностью судить о принадлежности этих сосудов к данному комплексу пока сложно.

Таким образом, в Судаке к настоящему времени стратифицированные горизонты, которые могут быть датированы в рамках XII – начала/первой половины XIII в., выделены на 5 исследованных раскопками участках в разных районах городища, в том числе в порто-

вом районе. Это свидетельствует о том, что жилая застройка Сугдеи в указанный период занимала довольно значительную площадь и что город продолжал все это время поддерживать определенные контакты с центральновизантийскими землями. Причем находки керамики типов *GBPW*, *FSW*, *PSW* указывают на наличие таких контактов во времена правления Комнинов и Ангелов, в то время как изделия типов *IS/AW* и *ChW*, скорее всего, свидетельствуют о торговых операциях с новыми хозяевами центральных регионов империи – латинянами. При этом место производства как ранних, так и поздних типов МВР с высокой долей вероятности можно связать с гончарными мастерскими Халкиса. Соответственно, следует полагать, что поставки поливной посуды из одного и того же центра не прекратились после захвата Константинопо-

ля в 1204 году. Очевидно, что среди экономических приоритетов новых хозяев центральной Греции было в том числе и поддержание развитого тут ранее производства поливной керамики. Ранние контакты Сугдеи с Латинской Романией осуществлялись, скорее всего, посредством венецианских негосударственных торговцев, получивших полную свободу действий в Черном море после успешных завоеваний четвертого крестового похода и впоследствии организовавших торговую факторию в Сугдее.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Свидетельства широкого распространения продукции других гончарных центров, среди которых Коринф, Афины и Константинополь, также изготавливавших поливную посуду в схожем стиле, пока не обнаружены.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Средневековое городище в Судак. Участки, на которых выявлены стратифицированные объекты XII – начала/первой половины XIII в.:

А – раскоп III; Б – раскоп VIII; Б – раскоп у Башни Бернабоди Франки ди Пагано;
Г – участок квартала 1 в северо-западной части Судакской крепости; Д – раскоп IX

Fig. 1. The medieval fortification in Sudak. Sites where stratified objects of the 12th – beginning / first half of the 13th centuries were identified:

А – site III; Б – site VIII; Б – site at the Tower of Bernabo di Franchi di Pagano;
Г – section of block 1 in the north-western part of Sudak fortress; Д – site IX

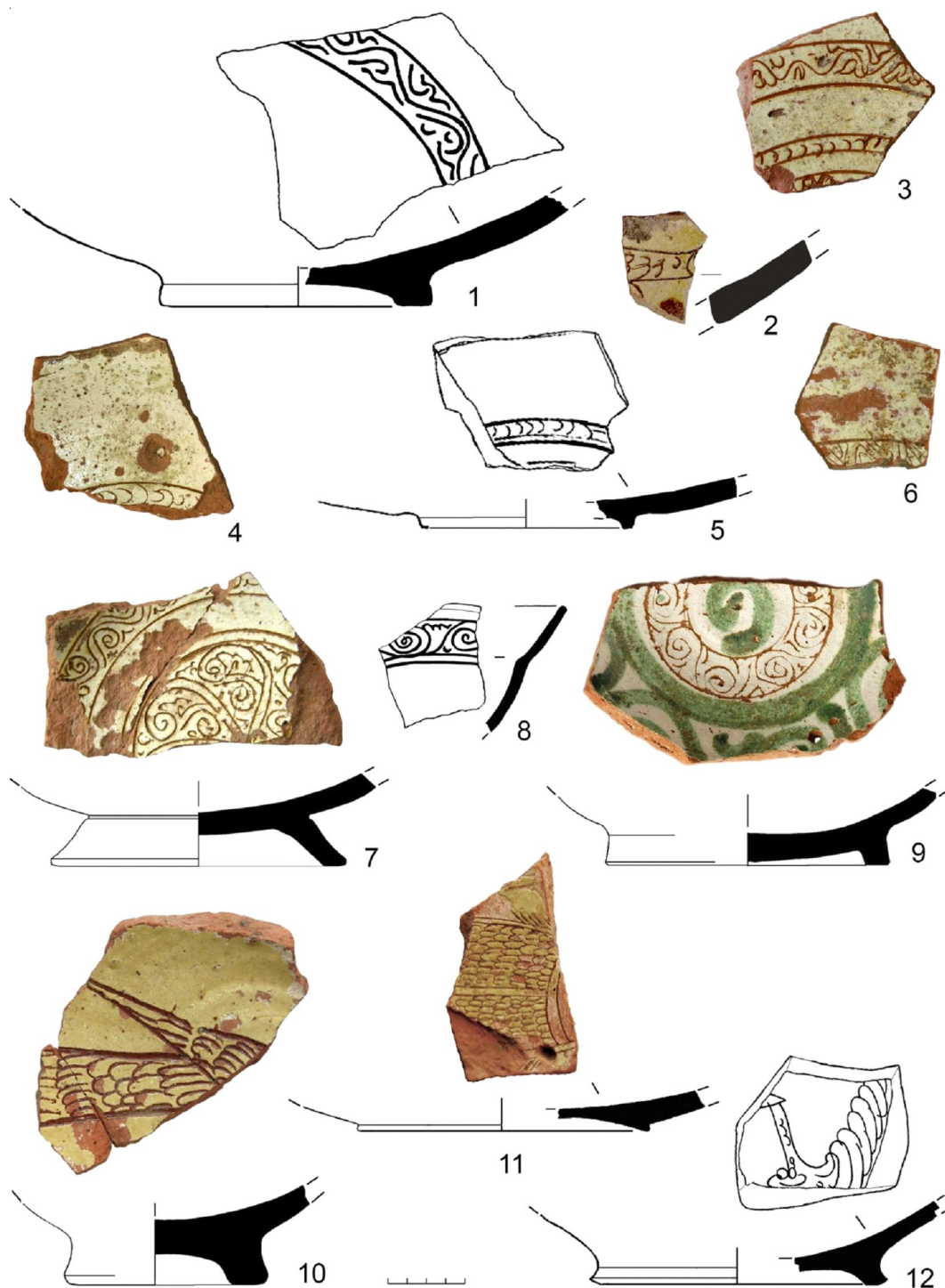

Рис. 2. Средневизантийская красноглиняная поливная керамика (Middle Byzantine Production) из раскопок в Судак. Типы *FSW* и *PFSW*:

1, 5, 8 – участок квартала 1 в северо-западной части Судакской крепости;
 2, 4, 7, 9, 10 – раскоп VIII в портовой части Сугдеи; 3 – раскоп у Башни Бернабоди Франки ди Пагано;
 6, 11, 12 – раскоп III в портовой части Сугдеи

Fig. 2. Middle Byzantine Production from the excavations in Sudak. *FSW* and *PFSW* types:

1, 5, 8 – section of block 1 in the north-western part of Sudak fortress;
 2, 4, 7, 9, 10 – site VIII in the port area of Sugdeja; 3 – site near the Tower of Bernabo di Franchi di Pagano;
 6, 11, 12 – site III in the port area of Sugdeja

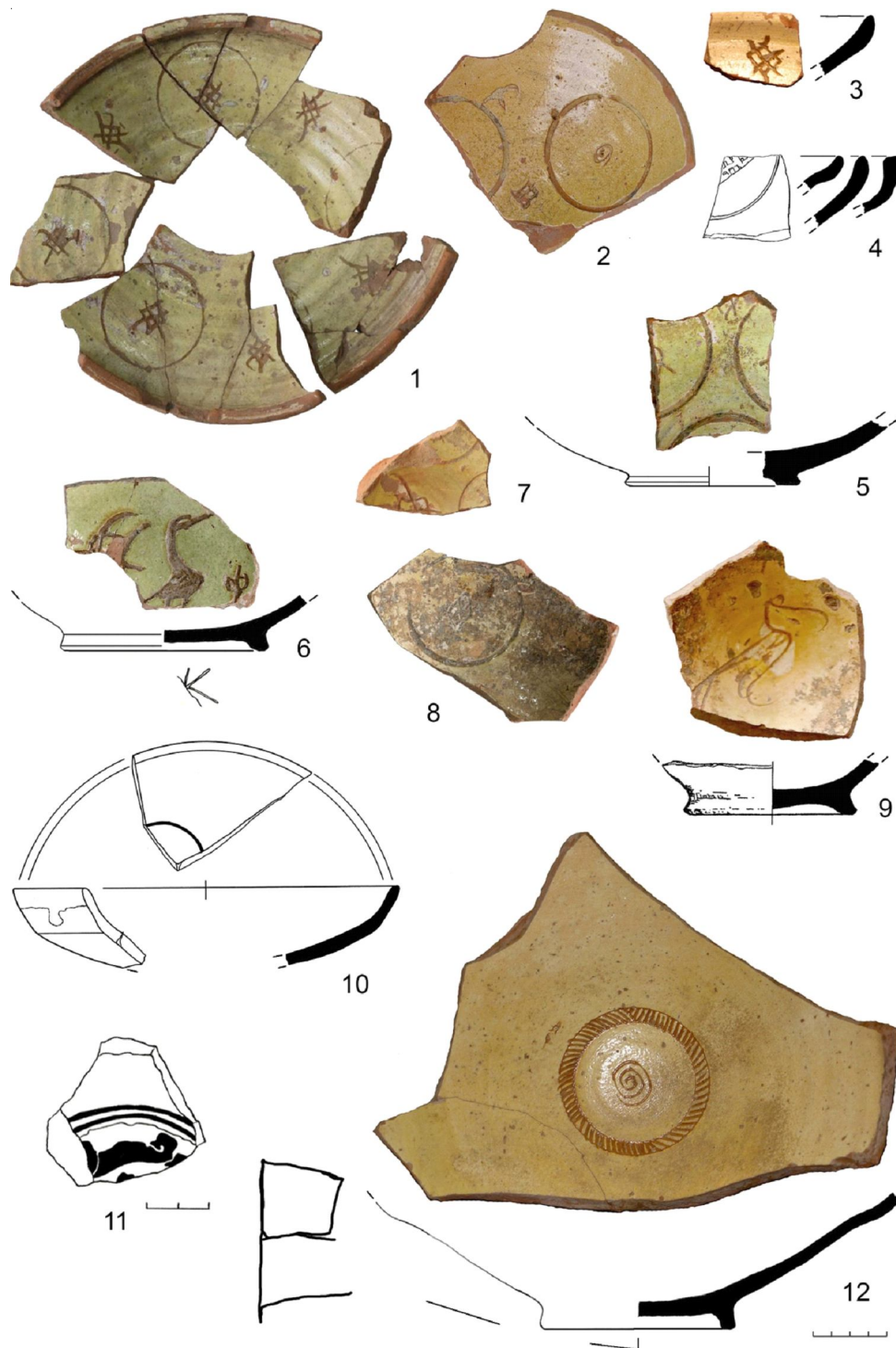

Рис. 3. Средневизантийская красноглиняная поливная керамика (Middle Byzantine Production) из раскопок в Судаке и его акватории. Тип *IS/AW*:

1, 2, 10 – район кораблекрушения последней трети XIII в. в бухте Зеленой у поселка Новый Свет;
 3, 4, 12 – раскоп IX в портовой части Сугдеи; 5, 7, 8, 9 – раскоп III в портовой части Сугдеи;
 6, 11 – участок квартала 1 в северо-западной части Крепости

Fig. 3. Middle Byzantine Production from the excavations in Sudak and its waters. *IS/AW* types:

1, 2, 10 – the area of the shipwreck of the last third of the 13th century in Zelenaya Bay near the NovyiSvet village;
 3, 4, 12 – site IX in the port area of Sugdeja; 5, 7, 8, 9 – site III in the port area of Sugdeja;
 6, 11 – section of block 1 in the north-western part of the Sudak fortress

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Армарчук, Е. А. «Половецкие серьги» / Е. А. Армарчук // Средневековая археология евразийских степей : сб. ст. к юбилею проф. С. А. Плетневой. – М. ; Йошкар-Ола : [б. и.], 2006. – С. 201–216. – (Материалы и исследования по археологии Поволжья ; вып. 3).
2. Архипова, Е. И. Каменные иконки со святыми воинами: византийское наследие и южнорусская традиция / Е. И. Архипова // Труды Государственного Эрмитажа. – 2015. – Т. LXXIV. – С. 271–289.
3. Банк, А. В. Прикладное искусство Византии IX–XII вв. Очерки / А. В. Банк. – М. : Наука, 1978. – 312 с.
4. Гукин, В. Д. Отчет об археологических раскопках в портовом районе Судакской крепости в 2015 г. / В. Д. Гукин // Архив ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». – Инв. кн. 6. – Инв. № 1311. – Папка № 1674. – 132 л.
5. Гукин, В. Д. Новые находки керамики византийского круга из раскопок портовой части средневековой Сугдеи в 2010–2011 годах / В. Д. Гукин, А. В. Джанов // Труды Государственного Эрмитажа. – 2013. – Т. LXIX. – С. 30–39.
6. Джанов, А. В. Отчет об археологических раскопках в портовой части средневековой Сугдеи в 2012 г. / А. В. Джанов [и др.] // Архив ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». – Инв. кн. 6. – Инв. № 1315. – Папка № 1785. – 72 л.
7. Джанов, А. В. Отчет об археологических раскопках на городище и в портовой части средневековой Сугдеи в 2013 г. / А. В. Джанов [и др.] // Архив ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». – Инв. кн. 6. – Инв. № 1195. – Папка № 1544. – 60 л.
8. Зеленко, С. М. Подводная археология Крыма / С. М. Зеленко. – Киев : Стилос, 2008. – 272 с.
9. Корзухина, Г. Ф. О памятниках «корсунского дела» на Руси / Г. Ф. Корзухина // Византийский временник. – 1958. – Т. 14. – С. 130–137.
10. Майко, В. В. Средневековые некрополи Судакской долины / В. В. Майко. – Киев : Академперіодика, 2007. – 273 с.
11. Майко, В. В. Стратиграфические исследования на т.н. участке квартала I Судакской крепости в 1997 г. / В. В. Майко // Сугдейский сборник. – 2012. – Вып. V. – С. 363–393.
12. Майко, В. В. Восточный Крым во второй половине X – XII в. / В. В. Майко. – Киев : Вид. Олег Філюк, 2014. – 467 с.
13. Майко, В. В. Керамика Восточного Крыма второй половины X – XIII в. / В. В. Майко. – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. – 212 с.
14. Майко, В. В. Неизвестные страницы археологического изучения средневековой Сугдеи в 1925–1931 гг. / В. В. Майко // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. – СПб. : Нестор-История, 2017. – С. 232–271.
15. Майко, В. В. Византийский комплекс первой половины XIII в. в портовой части Сугдеи / В. В. Майко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 6. – С. 18–31. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.2>.
16. Майко, В. В. Византийская красноглиняная поливная керамика XII – первой половины XIII века средневековой Сугдеи / В. В. Майко, И. В. Тесленко // Χερσῶνος Θέματα : Империя и полис : XII Междунар. византийский семинар / отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь : Колорит, 2020. – С. 169–176.
17. Манолова-Войкова, М. Импортная византийская сграффито керамика из средневековых поселений в Болгарском Причерноморье / М. Манолова-Войкова // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья, X–XVIII века. Т. 2 / ред. С. Г. Бочаров, В. Франсуа, А. Г. Ситдииков. – Кишинев : Stratum Publishing House, 2017. – С. 317–326.
18. Петрашенко, В. О. Давньоруські поселення поблизу с. Бучак / В. О. Петрашенко, В. К. Козюба // Археологія. – 2005. – № 2. – С. 55–69.
19. Радева, М. Средновековни накити от Сливенско / М. Радева // Известия на музеите от югоизточна България. – 2003. – XX. – С. 30–45.
20. Рябцева, С. С. Трехбусинные кольца от Вислы до Волги / С. С. Рябцева // Stratum plus. – 2000. – № 5. – С. 161–182.
21. Armstrong, P. A Group of Byzantine Bowls from Skopelos / P. Armstrong // Oxford Journal of Archaeology. – 1991. – № 10 (3). – P. 335–347.
22. Byzantine Glazed Ceramics : The Art of Sgraffito / ed. D. Papanikola-Bakirtzi. – Athens : Archaeological Receipts Fund, 1999. – 270 p.
23. Doğer, L. İzmir Arkeoloji Müzesi Örnekleriyle. Kazıma Dekorlu Ege-Bizans Seramikleri / L. Doğer. – Izmir : Ege Üniversitesi edebiyat fakültesi yayınları, 2000. – 134 p.
24. Jelovina, D. Starohrvatske nekropole na području između rijeka Zrmanje i Cetine / D. Jelovina. – Split : Čakavski sabor, 1976. – 176 s., XCI il.
25. Koutsouflakis, G. The Kavalliani shipwreck: a new cargo of Byzantine glazed tableware from the south Euboean gulf, Aegean / G. Koutsouflakis, G. Tsompanidis // XI Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics Proceedings (19–24 October 2015, Antalya). Vol. 1 / Ed. F. Yenişehirlioğlu. – Ankara : Koç University VEKAM, 2018. – P. 39–48.
26. Randazzo Matteo, G. Middle Byzantine Glazed Ware in the heart of the Latin Western

Mediterranean (12th–13th cc) : An updated overview from Sicily. Talk given at the 12th AIECM3, Athens (21–27 October 2018) / G. Randazzo Matteo. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.academia.edu/37725525/Middle_Byzantine_Glazed_Ware_in_the_heart_of_the_Latin_Western_Mediterranean_12_th_13_th_cc_an_updated_overview_from_Sicily (accessed: 01.05.2020). – Title from screen.

27. Sanders, G. D. R. Corinth workshop production / G. D. R. Sanders // *Byzantine Glazed Ceramics: The art of sgraffito* / ed. D. Papanikola-Bakirtzi. – Athens : Archaeological Receipts Fund, 1999. – P. 159–186.

28. Sanders, G. D. R. Recent developments in the chronology of Byzantine Corinth / G. D. R. Sanders // *Corinth, the Centenary: 1896–1996* / eds. C. K. Williams, N. Bookidis. – Princeton : American School of Classical Studies at Athens, 2003. – P. 385–399. – (Corinth ; vol. 20).

29. Waksman, S. Y. Defining the main “Middle Byzantine Production” (MBP): changing perspectives in Byzantine pottery studies / S. Y. Waksman // XI Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics Proceedings (19–24 October 2015 Antalya). Vol. 1 / ed. F. Yenişehirlioğlu. – Ankara : Koç University VEKAM, 2018. – P. 397–408.

30. Waksman, S. Y. ‘Novy Svet Ware’, an Exceptional Cargo of Glazed Wares from a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine) – Morphological Typology and Laboratory Investigations / S. Y. Waksman, I. Teslenko // *The International Journal of Nautical Archaeology*. – 2010. – Vol. 39 (2). – P. 357–375.

31. Waksman, S. Y. Glazed wares as main cargoes and personal belongings in the Novy Svet shipwreck (13th c. AD, Crimea): a diversity of origins investigated by chemical analysis / S. Y. Waksman, I. Teslenko, S. Zelenko // *Actas del VIII Congreso Internacional de Cerámica Medieval en el Mediterráneo. T. II* / ed. J. Zozaya. – Almagro : Asociación española de arqueología medieval, 2009. – P. 851–856.

32. Waksman, S. Y. The main “Middle Byzantine Production” and pottery manufacture in Thebes and Chalcis / S. Y. Waksman [et al.] // *Annual of the British School at Athens*. – 2014. – Vol. 109 (1). – P. 379–422.

33. Waksman, S. Y. Archaeometric investigations of the tableware cargo of the Kavalliani shipwreck (Greece) and into the role of the harbour of Chalcis in the Byzantine and Frankish periods / S. Y. Waksman [et al.] // *Journal of Archaeological Science*. – 2018. – No. 21. – P. 1122–1129.

34. Wartburg, M.-L. von. Bowls and birds : Some Middle Byzantine glazed bowls from Swiss private collection / M.-L. von Wartburg // *Mosaic. Festschrift für A.H.S.* – Athens : British School of Athens, 2001. – P. 115–129. – (British School at Athens. Studies ; vol. 8).

35. Wartburg, M.-L. von. Pottery of the 12th century pit from the Palaion Demarcheion site in

Nicosia: A Typological and Analytical Approach to a Closed Assemblage / M.-L. von Wartburg, Y. Violaris // *Actas del VIII Congreso Internacional de Cerámica Medieval en el Mediterráneo. T. II* / ed. J. Zozaya. – Almagro : Asociación española de arqueología medieval, 2009. – P. 249–264.

REFERENCES

1. Armarchuk E.A. «Polovetskie sergi» [Polovetsian Earrings]. *Srednevekovaya arkheologiya evraziyskikh stepey* [Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes]. Moscow; Joshkar-Ola, s.n., 2006, pp. 201–216. (Materialy po istorii i arkheologii Povolzhya [Materials on the History and Archaeology of the Volga Region; vol. 3]).

2. Arkhipova E.I. Kamennye ikonki so svyatyimi voynami: vizantiyskoe nasledie i yuzhnorusskaya traditsiya [Stone Icons with Holy Warriors: Byzantine Heritage and South Russian Tradition]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage], 2015, vol. 74, pp. 271–289.

3. Bank A.V. *Prikladnoe iskusstvo Vizantii IX–XII vv. Ocherki* [Applied Art of Byzantium of the 9th–12th Centuries. Essays]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 312 p.

4. Gukin V.D. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v portovom raione Sudaksoi kreposti v 2015 g. [Report on Archaeological Excavations in the Port District of Sudak Fortress in 2015]. *Arkhiv FGBUN «Institut arkheologii Kryma RAN»* [Archive of FSBIS “Institute of Archaeology of Crimea of RAS”], inv. kn. 6, inv. no. 1311, papka no. 1674. 132 l.

5. Gukin V.D., Dzhanov A.V. Novye nakhodki keramiki vizantiyskogo kruga iz raskopok portovoy chasti srednevekovoy Sugdei v 2010–2011 godakh [New Finds of Byzantine Pottery from Excavations in the Port Part of Medieval Sugdeja in 2010–2011]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage], 2013, vol. 69, pp. 30–39.

6. Dzhanov A.V., Gukin V.D., Mayko V.V., Nikitin A.B., Farbey A.M. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v portovoy chasti srednevekovoy Sugdei v 2012 g. [Report on Archaeological Excavations in the Port Part of Medieval Sugdeja in 2012]. *Arkhiv FGBUN «Institut arkheologii Kryma RAN»* [Archive of FSBIS “Institute of Archaeology of Crimea of RAS”], inv. kn. 6, inv. no. 1315, papka no. 1785, 72 l.

7. Dzhanov A.V., Mayko V.V., Gukin V.D., Nikitin A.B., Bayguzin T.F., Zakharov V.A. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh na gorodishche i v portovoy chasti srednevekovoy Sugdei v 2013 g. [Report on Archaeological Excavations on the Ancient City and in the Port of Medieval Sugdeja in 2013]. *Arkhiv FGBUN «Institut arkheologii Kryma RAN»*

[Archive of FSBIS "Institute of Archaeology of Crimea of RAS"], inv. kn. 6, inv. no. 1195, папка no. 1544. 60 l.

8. Zelenko S.M. *Podvodnaya arkheologiya Kryma* [Underwater Archeology of Crimea]. Kiev, Stilos Publ., 2008. 272 p.

9. Korzukhina G.F. O pamyatnikakh «korsunskogo dela» na Rusi [About Monuments of "Korsun Business" on Rus]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Chronika], 1958, vol. 14, pp. 130-137.

10. Maiko V.V. *Srednevekovye nekropoli Sudakskoy doliny* [Medieval Necropoleis of Sudak Valley]. Kiev, Akademperiodika Publ., 2007. 273 p.

11. Maiko V.V. Stratigraficheskie issledovaniya na t.n. uchastke kvartala I Sudakskoy kreposti v 1997 g. [Stratigraphic Studies on the So-Called Section of Quarter I of the Sudak Fortress in 1997]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sugdeian Collection], 2012, vol. 5, pp. 363-393.

12. Maiko V.V. *Vostochnyyj Krym vo vtoroy polovine X – XII v.* [East Crimea in the Second Half of the 10th–12th Centuries]. Kiev, Vyd. Oleg Filyuk Publ., 2014. 467 p.

13. Maiko V. V. *Keramika Vostochnogo Kryma vtoroj poloviny X – XIII v.* [Ceramics of the Eastern Crimea of the Second Half of the X-XIII Centuries]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. 212 p.

14. Maiko V.V. Neizvestnye stranitsy arkheologicheskogo izucheniya srednevekovoy Sugdei v 1925–1931 gg. [Unknown Pages of Archaeological Study of Medieval Sugdeja in 1925-1931]. *Neizvestnye stranitsy arkheologii Kryma: ot neandertaltsev do genueztsev* [Unknown Pages of Archeology of Crimea: From Neanderthals to Genoese]. Saint Peterburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 232-271.

15. Maiko V.V. Byzantine complex of the First Half of the 13th Century in the Port of Sugdea. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 18-31. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.2>.

16. Maiko V.V., Teslenko I.B. Vizantiyskaya krasnoglinyanaya polivnaya keramika XII – pervoy poloviny XIII veka srednevekovoy Sugdei [The Byzantine Red Clay Glazed Ceramics of 12th – First Half of 13th Centuries of Medieval Sugdeja]. Alekseenko N.A. ed. *Chersōnos themata: imperiya i polis. XII Mezhdunarodnyy vizantiyskiy seminar* [Chersōnos Themata: Empire and Polis. The 12th International Byzantine Seminar]. Simferopol', Kolorit Publishing, 2020, pp. 169-176.

17. Manolova-Voykova M. Importnaya vizantiyskaya sgraffito keramika iz srednevekovykh poseleniy v Bolgarskom Prichernomorie [Imported Byzantine Sgraffito Ceramics from Medieval

Settlements in the Bulgarian Black Sea Coast]. Bocharov S.G., Fransua V., Sitdikov A.G., eds. *Polivnaya keramika Sredizemnomorya i Prichernomorya, X–XVIII veka* [Glazed Pottery of the Mediterranean and Black Sea, 10th–18th Centuries]. Vol. 2. Kishinev, Stratum Publishing House, 2017, pp. 317-326.

18. Petrashenko V.O., Kozyuba V.K. Davnoruski poselennia poblizu s. Buchak [Ancient Rus Settlement Near the Village of Buchak]. *Arkheologiya* [Archaeology], 2005, no. 2, pp. 55-69.

19. Radeva M. Srednevekovni nakiti ot Slivensko [Medieval Earrings from Sliven]. *Izvestiya na muzeite ot yugoiztochna Balgariya* [News of the Museum from South-East Bulgaria], 2003, vol. 20, pp. 30-45.

20. Ryabtseva S.S. Trekhbusinnye koltsa ot Visly do Volgi [Three-Bead Rings from Visla to Volga]. *Stratum plus*, 2000, no. 5, pp. 161-182.

21. Armstrong P.A. Group of Byzantine Bowls from Skopelos. *Oxford Journal of Archaeology*, 1991, vol. 10 (3), pp. 335-347.

22. Papanikola-Bakirtzi D., ed. *Byzantine Glazed Ceramics: The Art of Sgraffito*. Athens, Archaeological Receipts Fund, 1999. 270 p.

23. Doğer L. *İzmir Arkeoloji Müzesi Örnekleriyle. Kazıma Dekorlu Ege-Bizans Seramikleri*. Izmir, Ege Üniversitesi edebiyat fakültesi yayımları, 2000. 134 p.

24. Jelovina D. *Starohrvatske nekropole na podrucju između rijeka Zrmanje i Cetine*. Split, Čakavski sabor, 1976. 176 p.

25. Koutsouflakis G., Tsompanidis G. The Kavalliani shipwreck: a new cargo of Byzantine glazed tableware from the south Euboean gulf, Aegean. Yenişehirlioğlu F., ed. *XI Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics Proceedings (19–24 October 2015, Antalya)*. Vol. 1. Ankara, Koç University VEKAM, 2018, pp. 39-48.

26. Randazzo Matteo G. *Middle Byzantine Glazed Ware in the Heart of the Latin Western Mediterranean (12th–13th c.): An Updated Overview from Sicily. Talk Given at the 12th AIECM3, Athens (21–27 October 2018)*. URL: https://www.academia.edu/37725525/Middle_Byzantine_Glazed_Ware_in_the_heart_of_the_Latin_Western_Mediterranean_12_th_13_th_cc_an_updated_overview_from_Sicily (accessed 01.05.2020).

27. Sanders G.D.R. Corinth workshop production. Papanikola-Bakirtzi D., ed. *Byzantine Glazed Ceramics: The Art of Sgraffito*. Archaeological Receipts Fund, 1999, pp. 159-186.

28. Sanders G.D.R. Recent developments in the chronology of Byzantine Corinth. Williams C.K., Bookidis N., eds. *Corinth, the Centenary: 1896–1996*. Princeton, American School of Classical Studies at Athens, 2003, pp. 385-399. (Corinth; vol. 20).

29. Waksman S.Y. Defining the main “Middle Byzantine Production” (MBP): changing perspectives in Byzantine pottery studies. Yenişehirlioğlu F., ed. *XI Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics Proceedings (19–24 October 2015, Antalya)*. Ankara, Koç University VEKAM, 2018, vol. 1, pp. 397–408.

30. Waksman S.Y., Teslenko I. ‘Novy Svet Ware’, an Exceptional Cargo of Glazed Wares from a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine). Morphological Typology and Laboratory Investigations. *The International Journal of Nautical Archaeology*, 2010, vol. 39 (2), pp. 357–375.

31. Waksman S.Y., Teslenko I., Zelenko S. Glazed Wares as Main Cargoes and Personal Belongings in the Novy Svet Shipwreck (13th c. AD, Crimea): A Diversity of Origins Investigated by Chemical Analysis. Zozaya J., ed. *Actas del VIII Congreso Internacional de Cerámica Medieval en el Mediterráneo*. Vol. 2. Almagro, Asociación española de arqueología medieval, 2009, pp. 851–856.

32. Waksman S.Y., Kontogiannis N.D., Skartsis S.S., Vaxevanis G. The Main “Middle

Byzantine Production” and Pottery Manufacture in Thebes and Chalcis. *Annual of the British School at Athens*, 2014, vol. 109 (1), pp. 379–422.

33. Waksman S.Y., Koutsouflakis G., Burlot J., Courbe L. Archaeometric Investigations of the Tableware Cargo of the Kavalliani Shipwreck (Greece) and into the Role of the Harbour of Chalcis in the Byzantine and Frankish Periods. *Journal of Archaeological Science*, 2018, no. 21, pp. 1122–1129.

34. Wartburg M.-L. von. Bowls and Birds: Some Middle Byzantine Glazed Bowls from Swiss Private Collection. *Mosaic. Festschrift für A.H.S.* Athens, British School of Athens, 2001, pp. 115–129. (British School at Athens. Studies; vol. 8).

35. Wartburg M.-L. von, Violaris Y. Pottery of the 12th Century Pit from the Palaion Demarcheion Site in Nicosia: A Typological and Analytical Approach to a Closed Assemblage. Zozaya J., ed. *Actas del VIII Congreso Internacional de Cerámica Medieval en el Mediterráneo*. Vol. 2. Almagro, Asociación española de arqueología medieval, 2009, pp. 249–264.

Information About the Authors

Vadim V. Maiko, Doctor of Sciences (History), Director, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, vadimmaiko1966@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1065-4836>

Irina B. Teslenko, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, i_teslenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-3958>

Информация об авторах

Вадим Владиславович Майко, доктор исторических наук, директор, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, vadimmaiko1966@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1065-4836>

Ирина Борисовна Тесленко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, i_teslenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-3958>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.6>

UDC 93/94; 904
LBC 63.3(0)4

Submitted: 01.07.2020
Accepted: 02.11.2020

BYZANTINE HEALING AMULETS FROM SOUTHWESTERN CRIMEA¹

Elzara A. Khairedinova

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article presents two unique items from the Southwestern Crimea – a bronze finger ring with an image of a lion-headed serpent Chnoubis, originating from a female burial of the first quarter of the 7th century of the Gothic-Alanian burial ground near the village of Luchistoye, and a bronze medallion, which was found in the area of the village of Goncharnoye, with magic signs, formulas and an image of Chnoubis, which is tied to an altar, fighting a snake. **Methods.** According to some similar findings from the territory of the Eastern Roman Empire, the ring and the medallion are attributed to the group of Byzantine medical amulets. The amulets of the Early Byzantine time demonstrate continuity with pre-Christian magical practices, therefore, late ancient magical gems and texts were involved to decipher the plots and inscriptions engraved on those amulets. **Analysis.** The finger ring was intended to improve digestion and to treat diseases of a digestive tract. The woman who owned the item was wearing it in a chest necklace, at the level of her stomach – just as it was recommended in medical treatises to wear amulets for abdominal pain. The medallion was a complex amulet intended for women. Chnoubis in the scene of fighting the snake and the spell ПИНО are depicted on both sides of the medallion. In one case, Chnoubis is a guardian of a stomach and a fighter against diseases of the digestive tract, whose actions are enhanced by the three times repeated spell ПИНО, which contributes to better digestion. In the second case, Chnoubis is a defender of women's health, and the disappearing word ПИНО should help stop pathological uterine bleeding. The action of the amulet is enhanced by a formula against demons that cause disease, and its healing properties are confirmed by the inscription ΥΓΙΑ (health). Such an amulet should be worn suspended from the neck by a long cord, or fastened to the belt. **Results.** Both items belong to the group of medical magic amulets. They were brought from the Eastern Mediterranean provinces of the Empire, where in the 6th – 7th centuries there were magic amulets similar in form and repertoire of protective means. The appearance of such items among the Gothic-Alanian population of the Southwestern Crimea is not surprising. The influence of the Byzantine civilization on all aspects of the life of the local population in the Early Middle Ages can be traced both from written sources and from numerous archaeological findings.

Key words: Byzantium, Southwestern Crimea, finger rings, amulets, Chnoubis.

Citation. Khairedinova E.A. Byzantine Healing Amulets from Southwestern Crimea. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 82-99. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.6>

УДК 93/94; 904
ББК 63.3(0)4

Дата поступления статьи: 01.07.2020
Дата принятия статьи 02.11.2020

ВИЗАНТИЙСКИЕ ЦЕЛИТЕЛЬНЫЕ АМУЛЕТЫ ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА¹

Эльзара Айдеровна Хайрединова

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены два уникальных предмета из Юго-Западного Крыма – бронзовый перстень с изображением львиноголового змея Хнубиса, происходящий из женского погребения первой четверти VII в. готско-аланского могильника у с. Лучистое, и бронзовый медальон, найденный в районе с. Гончарное, с магическими знаками, формулами и изображением привязанного к алтарю, борющегося со змеей Хнубиса. Оба изделия относятся к группе медицинских магических амулетов, пользовавшихся широкой популярностью у населения Восточной Римской империи в эпоху раннего средневековья. Перстень

предназначался для улучшения пищеварения и для лечения болезней пищеварительного тракта. Женщина, которой принадлежал предмет, носила его в нагрудном ожерелье, на уровне желудка – именно так, как рекомендовалось в медицинских трактатах носить амулеты против болей в животе. Медальон был комплексным амулетом, предназначавшимся для женщин. Хнубис в сцене борьбы со змеей и заклинание ПИНО изображены на обеих сторонах медальона. В одном случае Хнубис – хранитель желудка и борец с болезнями пищеварительного тракта, чьи действия усилены трижды повторенным заклинанием ПИНО, способствующим лучшему перевариванию. Во втором случае Хнубис – защитник женского здоровья, а исчезающее слово ПИНО должно способствовать остановке патологических маточных кровотечений. Действие амулета усилено формулой против демонов, вызывающих болезни, а его целительные свойства подтверждаются надписью ΥΓΙΑ (здоровье). Носить такой амулет следовало подвешенным к шее на длинном шнурке, либо укрепленным к поясу. Оба предмета были привезены из восточно-средиземноморских провинций империи, где в VI–VII вв. бытовали аналогичные по форме и репертуару защитных средств магические амулеты. Появление таких изделий у гото-аланского населения Юго-Западного Крыма неудивительно. Влияние византийской цивилизации на все стороны жизни местного населения в эпоху раннего Средневековья прослежено и по письменным источникам, и по многочисленным археологическим находкам.

Ключевые слова: Византия, Юго-Западный Крым, перстни, амулеты, Хнубис.

Цитирование. Хайрединова Э. А. Византийские целительные амулеты из Юго-Западного Крыма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 82–99. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.6>

Введение. Амулеты являются важным источником для изучения верований и представлений об окружающем мире средневекового населения Юго-Западного Крыма. Различные предметы, украшения и детали одежды, которым приписывали чудодейственную силу от физических недугов, губительных воздействий и нападений видимых и невидимых врагов, позволяют «заглянуть» в повседневную жизнь древнего человека. Особый интерес представляют амулеты с изображениями и надписями, по которым можно определить их назначение. К такому роду амулетов принадлежат публикуемые предметы – бронзовый медальон, найденный в районе с. Гончарное² (рис. 1, 1), и бронзовый перстень, происходящий из женского погребения первой четверти VII в. гото-аланского могильника у с. Лучистое (рис. 2, 3) [10, с. 69–89]. В предлагаемой работе обосновывается атрибуция предметов, выявляется круг аналогий, интерпретируется значение изображений и их защитные свойства, а также рассматриваются особенности ношения амулетов.

Методы. В исследовании применяются методы исторической науки: описание, пояснение, анализ, синтез, сопоставление данных различных источников, системный подход к источникам. Для атрибуции амулетов выявляется круг аналогий, анализируются находки с территории Восточной Римской империи. Амулеты ранневизантийского време-

ни демонстрируют преемственность с дохристианскими магическими практиками [39, р. 43], поэтому для расшифровки выгравированных на них сюжетов и надписей необходимо привлекать позднеантичные магические геммы и тексты. В Юго-Западном Крыму один из публикуемых амулетов найден в погребении *in situ*, в составе закрытого комплекса вместе с инвентарем, имеющим узкую датировку, что позволяет уточнить время бытования этого типа изделий в регионе и определить способ его ношения.

Анализ. Бронзовый пластинчатый круглый медальон, найденный в районе с. Гончарное, отлит с прямоугольной петлей с круглым отверстием для подвешивания и с двух сторон покрыт гравированными изображениями и греческими надписями (рис. 1, 1). Его размеры: диаметр 3,5 см; высота 4,0 см. Медальон относится к группе византийских металлических магических амулетов, бытовавших в VI в. в Сиро-Палестинском регионе (рис. 3, 6–10; 4, 1–3). Различаясь формой, репертуаром изображений и надписей, эти изделия, тем не менее, близки по стилю и технике изготовления и, возможно, являются продукцией одной мастерской, функционировавшей, по мнению Дж. Спайера, в Галилее в начале VI в. [39, р. 44].

На обеих сторонах найденного в Крыму медальона в небрежной манере выгравирована фигура привязанного к алтарю змееподоб-

ного существа и расположенная напротив извивающаяся змея в атакующей позе с открытой пастью. Несмотря на схематичность изображения, в змееподобном существе легко распознать львиноголового змея Хнубиса, хорошо известного по так называемым греко-египетским или греко-сирийским магическим геммам (рис. 2, 4, 5; 3, 4; 5, 1–4), появление и распространение которых связывают с деятельностью гностических сект поздней античности [16, p. 54–60]. Персонаж на медальоне обладает всеми характерными для иконографии Хнубиса чертами: обращенной влево большой львиной головой с семью или двенадцатью лучами на месте гривы, длинным змеиным телом и хвостом, закрученным в одно или несколько колец (рис. 1, 1d). На атрибуцию львиноголового змея указывает и выгравированный над его головой знак в виде трех С, перечеркнутых прямой линией, называемый «знаком Хнубиса» (рис. 1, 1в). Этот знак происходит от египетских изображений астрологического декана Кенмет, от которых, как считается, была заимствована и иконография самого Хнубиса [30, p. 64]. Изначально знак представлял собой вертикального змея, держащего горизонтально трех других змей меньшего размера [18, p. 294]. Позже извивающиеся змеи трансформировались в перечеркнутые линией символы, близкие по написанию буквам ZZZ, SSS или CCC (рис. 3, 3, 4; 5, 1, 2, 4a).

Хнубис – это астрологический декан со звездами Льва, отвечавший за работу внутренних органов пищеварения и воспроизводства, получивший дополнительный статус солярного божества во время расцвета гностических раннехристианских ересей [18, p. 298]. О «прикладных» функциях Хнубиса сообщается в лапидариях – специальных сборниках, содержащих описания свойств различных камней и минералов и рецепты приготовления из них амулетов. В лапидарии Псевдо-Сократа и Псевдо-Диониса говорится о лечебном действии Хнубиса на желудок: «Выгравируй спирального змея с головой льва и лучами. Носи этот камень, полностью предотвращающий боль в желудке и позволяющий хорошо переваривать любую пищу» [18, p. 309, № 4; 27, p. 450].

«Терапевтические» свойства Хнубиса были известны и врачам, использовавшим

рецепты по приготовлению «действенных филактериев» против недомоганий в области живота из астрологических трактатов и лапидариев. Так, Гален – знаменитый римский врач греческого происхождения, живший во II в., писал: «...зеленая яшма, носимая как амулет, полезна для пищевода и устья желудка. Некоторые вставляют гемму в перстень и гравировуют на ней змею с лучами...» [18, p. 309, № 5]. Перстни, украшенные каменной вставкой с таким изображением, бытовали во многих провинциях Римской империи (рис. 2, 5) [32, p. 149–150, fig. 126]. То, что резные камни с изображением Хнубиса предназначались для улучшения пищеварения или для лечения болезней пищеварительного тракта, подтверждается и выгравированными на самих геммах обращениями: «Храни в здравии желудок Прокла!» (рис. 5, 3); «Хнубис, избавь Юлиана, рожденного Нонной, от всякого напряжения, всякого несварения, всякой боли в желудке», «Хнубис, переваривай, переваривай!»; «Переваривай, переваривай!»; «Для желудка Сосибия»; «Хнубис, успокой боль желудка...» [17, p. 292, № 2189; 18, p. 310, № 8]. На некоторых геммах змеиное тело Хнубиса стилизовано под изображение кишечника. На одной из инталий, найденной в Сирии, выгравирована надпись «для желудка или Хнубис». По предположению Р. Мутерда, резчик по камню механически скопировал рецепт, в котором предлагалось выбрать одну из двух надписей [31, p. 74]. Видимо, понятия «Хнубис» и «здоровье желудка» в представлении древних были синонимами.

Аналогичное лечебное воздействие на желудок имел и знак Хнубиса, изображенный один, без фигуры декана. Известно несколько магических гемм с различными персонажами, на обороте которых присутствует только знак Хнубиса и надпись: «Переваривай!» (рис. 3, 3). На инталии из Керчи, хранящейся в Эрмитаже, рядом с этим знаком прорезана надпись ΣΤΟΜΑΧΟΥ – «для желудка» [7, с. 98, кат. № 3]. Марцелл Эмпирик, медик и фармаколог времен императора Феодосия I, практикующий врач, о чем свидетельствует его прозвище «Эмпирик», считал, что данный знак имеет магическую силу исцелять сам по себе. В своем сочинении *De medicamentis*, в

разделе, посвященном лечению плеврита и болей в боках, Марцелл пишет: «Если знаки, указанные ниже [SSS], будут вырезаны на фригийской прозрачной яшме, а получившаяся гемма одета на цепочку и повешена на шею страждущего, результат будет чудодейственным» [22, р. 51–52; 28, р. 244, Сар. XXIV, 7].

В более позднее время, с утверждением христианства, традиция ношения амулетов не исчезла. О суеверии византийцев хорошо известно по письменным источникам и многочисленным находкам амулетов. Магия процветала не только у простолюдинов, но и в среде риторов и философов [8, с. 87]. Носить амулеты рекомендовали даже врачи. Так, Александр из Тралл (525–605 гг. н.э.), знаменитый медик, которого Агафий Миринейский назвал «опытнейшим во врачебном искусстве» [1, с. 143], советовал для страдающих от коликов в животе использовать специальный амулет: «на медийском камне вырежи Геракла, душищащего льва, вставь этот камень в золотое кольцо и дай его носить» [16, р. 62]. Эта рекомендация не была «теоретической». Геммы с таким сюжетом, часто сопровождающимся еще и знаком ККК, достаточно широко представлены не только в позднеантичной глиптике, но известны и в раннесредневековое время [16, р. 62–64, pl. V, 108–110; 22, р. 52, pl. 5–7; 35, р. 86–87].

В созданном около 415 г. Гефестионом Фиванским трактате по классической астрологии «Апотелесматика» можно прочесть о том, что Хнубис – «третий декан созвездия Рак» и «защита для желудка» [16, р. 55; 18, р. 309, № 3]. Сочинение Гефестиона пользовалось большой популярностью у византийцев на протяжении многих веков [43, р. 914]. Достаточно долго существовало представление о защитных функциях астрологических деканов. Об этом свидетельствует тот факт, что даже в XI в. Михаил Пселл указывал на практику гравировки на перстнях или кольцах «деканов в разных формах» для получения мощного филактерия [18, р. 296].

В средние века изображение Хнубиса встречается на бронзовых браслетах-амулетах вместе с христианскими сюжетами и надписями. Речь идет о происходящих из Египта браслетах VI–VII вв., сделанных из узкой пла-

стины с медальонами, внутри которых выгравированы сцены христологического цикла (рис. 5, 5, 7) [29, р. 247–248, fig. 1; 44, р. 76–77, fig. 8, 9; 45, р. 35, 37, fig. 9b, 10d]. Свободное пространство между медальонами заполнено первыми строками Псалма 90. В одном из медальонов видно уже знакомое по геммам изображение Хнубиса: змеевидное тело выгравировано схематично, но зато хорошо проработана львиная голова на фоне солнечного диска с семью лучами (рис. 5, 5a, 7a). Рядом присутствуют и характерные для магических инталий знаки, из которых наиболее отчетливо читается пентальфа. Зная свойства Хнубиса, можно говорить о том, что в «обязанности» браслета входило и обеспечение здоровья органам пищеварения.

В Лувре хранится найденная в Египте медная пластина VIII–IX вв., сделанная в виде прямоугольника с заостренной верхней частью, с круглым отверстием для подвешивания (рис. 5, 6). На обеих сторонах пластины выгравированы человеческие фигуры, животные, различные магические знаки, греческие и арабские надписи [15, р. 285, № AF11704]. К.А. Фараон считает этот необычный предмет своеобразным сборником образцов, висевшим на стене мастерской перед ремесленником, изготавливавшим на заказ различные амулеты [23, р. 187–220]. На одной из сторон видны легко узнаваемые по короне из лучей, по спирально закрученному телу изображения Хнубиса на пьедестале, а в прочерченных рядом надписях читается и его имя (рис. 5, 6a).

В качестве примера долгого существования и широкого распространения зародившихся в Египте еще в античный период представлений о защитных и терапевтических свойствах декана и солярного божества Хнубиса следует назвать и бронзовый перстень, найденный в Юго-Западном Крыму, в одном из женских погребений первой четверти VII в. из могильника у с. Лучистое (рис. 2, 3). Перстень диаметром 2,4 см отлит из бронзы с узкой, сегментовидной в сечении шинкой и овальным, расположенным поперечно плоским щитком размером 1,0 × 1,6 см. На щитке вырезано расположенное между двумя полумесяцами изображение змея с львиной головой в нимбе вправо. Тело змея покрыто поперечными насечками, а хвост закручен. Существо,

изображенное на щитке перстня, имеет несомненное иконографическое сходство с Хнубисом. Тождество с изображениями на инталиях особенно заметно по оттиску (рис. 2, 3б), сделанному с перстня.

Женщина, похороненная в Лучистом, знала о «магической» и «лечебной» силе изображенного на нем существа и использовала перстень именно как амулет, а не в качестве украшения с диковинным декором. Основанием для такого предположения является тот факт, что перстень был найден не на фалангах пальцев рук, на месте традиционного расположения колец и перстней в погребениях, а лежал в области груди, среди бус и подвесок, нанизывавшихся на нить, соединяющую фибулы. В VI–VII вв. жительницы Юго-Западного Крыма часто украшали фибулы, наплечные парные застежки, низкой крупный бус, чередующихся с различными металлическими подвесками. Такие низки были скоплением амулетов. В них носили отличающиеся большими размерами бусы из слегка подправленной янтарной гальки, из меловой породы и горного хрусталя, из полихромного стекла с пятнистым или «глазчатым» орнаментом, а также бронзовые колокольчики, звон которых, по представлению древних, отвращал зло [2, с. 258].

Перстень, висевший в нагрудном ожерелье, находился в области желудка носившей его женщины (рис. 2, 2). Именно так рекомендовал носить амулеты против болей в желудке врач Гален: «Я сделал небольшое ожерелье из некрупных камней яшмы и повесил его как нашейный амулет, придав ему такую длину, что камни достигали начала желудка» [16, р. 54; 18, р. 309, № 5]. Спустя четыре века, другой врач – Аэций из Амиды – слово в слово повторил рецепт Галена [18, р. 309–310, № 7].

На публикуемом медальоне из Крыма Хнубис представлен в необычной для этого персонажа сцене: привязанным к алтарю и противостоящим атакующей его змее с открытой пастью. Изображенное действие подписано трижды повторяющимся греческим словом ΠΙΝΩ. Сюжет отсылает к ранневизантийским пластинчатым овальным амулетам с петелькой для подвешивания, найденным в Сиро-Палестинском регионе (рис. 3, 6–

10). На лицевой стороне этих подвесок выгравированы святой всадник, пронзающий копьем распростертого под конем женского демона, и надпись «*Единственный бог, побеждающий зло*», придающие амулету характер универсального защитного средства от всякого зла [9, с. 155–160, 197, рис. 4; 35, р. 80–83, № 7–12; 41, CBd-811, CBd-812]. На обратной стороне изображены привязанная к колонне или алтарю птица – ибис (или цапля?), нападающая на змею, и надпись ΠΙΝΩ, которая переводится как «я пью» [16, р. 212–213; 36, р. 3]. Сюжет византийских амулетов восходит к магическим геммам позднеримского времени с привязанным к алтарю ибисом, которые защищали от болезней пищеварительного тракта, о чем свидетельствует и часто присутствующее на них трехкратное повеление больному желудку «*Переваривай!*» (рис. 3, 1, 2, 4) [16, р. 51–53; 18, р. 300; 36, р. 2–3, fig. 2]. Птицу, изображенную на металлических подвеска-амулетах, также интерпретируют как страуса, хорошо известного своим ненасытным аппетитом и сильной пищеварительной системой. В этом случае надпись ΠΙΝΩ переводится как «я голоден» (от λείνω) [24, р. 342].

Считается, что магия птицы (ибиса, цапли или страуса) заключалась в ее невероятной пищеварительной силе, которую амулеты с подобной иконографией должны были передать носителю. Кроме того, в Египте большие птицы с длинным клювом, особенно ибис, считались наделенными защитными свойствами, поскольку они истребляли змей, скорпионов, саранчу – всех тех существ, которые в повседневной жизни угрожали человеку [36, р. 1]. В представлении египтян ибис никогда не пил отравленную или грязную воду, то есть воду, которая может вызвать болезнь или даже смерть [24, р. 342]. Не исключено, что амулеты-подвески с птицей и надписью ΠΙΝΩ, служившие, прежде всего, защитой для слабого желудка, также могли быть полезными при отравлениях и против ядовитых рептилий или всеобщего зла, обозначенного змеей.

В свете сказанного замена привязанной к алтарю птицы Хнубисом (рис. 1, 1), отвечавшим за здоровье пищеварительной системы человека, выглядит закономерным. Напомним, что на реверсе некоторых «желудоч-

ных» амулетов римского времени с ибисом и алтарем часто размещали еще и Хнубиса или его знак, изображение которых должно было увеличить лечебное действие филактерия (рис. 3, 3).

Целительные и дижестивные свойства Хнубиса на публикуемом медальоне усилены трижды повторенным греческим словом ΠΙΝΟ, которое в разных написаниях (ΠΙΝΟ или ΠΙΝΩ) встречается отдельно или в составе заклинаний, выгравированных на византийских амулетах VI в. с изображением волка и крокодила, предназначавшихся для улучшения пищеварения (рис. 4, 1–3) [39, p. 62–65, fig. 12–14]. Текст таких заклинаний сводился к следующему: «Голодного волка кормили. Я пью воду, я хочу пить, я ем хлеб»; «Я голодный волк, пью в канаве, высушенной голодом»; «Голодного волка кормили (я пью) в канаве (или могиле), высушенной голодом» [39, p. 61–64]. Смысл несколько абсурдного по содержанию текста становится понятным при прочтении его латинской версии в сочинении начала V в. *De medicamentis* Марцелла Эмпирика. В разделе, где собраны различные средства против болезней желудка, Марцелл рекомендует для хорошего переваривания пищи на ночь, лежа в постели произносить трижды: «Волк шел по тропинке. Сырую пищу он пожирал, жидкости он выпил» (*Cum te in lecto posueris, ventrem tuum perfricans dices ter: Lupus ibat per viam, per semitam, cruda vorabat, liquida bibebat*) [28, p. 204, Cap. XX, 78]. На одном из амулетов внутри написанного по кругу такого заклинания помещено и изображение птицы, атакующей змею (рис. 4, 2), в миниатюрной форме повторяющее сцену на упомянутых выше подвесках со святым всадником (рис. 3, 6–10), что еще раз подтверждает схожее назначение амулетов с разными сюжетами, подписанными словом ΠΙΝΩ. Сокращенный вариант заклинания, усеченный до одного лишь слова ΠΙΝΟ и проиллюстрированный волком и крокодилом, встречается на ранневизантийских перстнях (рис. 4, 3а), которые, как нами было показано выше, могли использоваться не только как украшение, но и в качестве амулетов. Интересно, что заклинания против болезней живота, магическое действие которых основано на поглощении жидкости, известны в гре-

ческом фольклоре вплоть до нового времени. В качестве примера можно привести врачевательную молитву, бытовавшую в XVIII–XIX вв. у греков Приазовья, потомков христианского средневекового населения Юго-Западного Крыма: «...*Запрети болезни живота раба Божьего. Подобно Христу, орел ушел в высь небесную; нагнулся испить, ни меда не выпил, ни молока не выпил, выпил болезнь живота...*» [5, с. 73–74, 144, № 14, примеч. 44].

Трижды прописанное заклинание – пример, характерный для магических амулетов. На обратной стороне гемм римского времени, защищающих от болезней пищеварительного тракта, с привязанным к алтарю ибисом гравировали трехкратное повеление «Переваривай!» (рис. 3, 1, 2). На византийских амулетах часто встречается трисагион (ΑΓΙΟΣ ΑΓΙΟΣ ΑΓΙΟΣ) – стандартная формула у иудеев и христиан против злого духа [20, S. 316–317, № 586; 34, p. 39; 38, p. 84, 86, № 481; 45, p. 40–41, № 5, 22, fig. 8, 5b]. Такие заклинания прописывали не только в одну строку, но и расположив слова в разном направлении относительно друг друга (рис. 4, 7, 9). На одной из сторон публикуемого медальона слово ΠΙΝΟ дважды написано горизонтально, одно под другим, третье слово размещено вертикально (рис. 1, Б). Также выгравирован трисагион на ранневизантийских медальонах – «Печатах Соломона» (рис. 4, 7, 9).

Наряду с лечебным воздействием на пищеварительную систему, публикуемый медальон мог быть наделен и другими функциями. Сюжеты с Хнубисом и привязанным к алтарю ибисом, представленные на византийских металлических подвесках, восходят к сценам на позднеантичных геммах – «утробных» амулетах, получивших свое название по стилизованному изображению утробы или женской матки с расположенным под ней ключом, на который «запирался» орган (рис. 1, 2–6). Нетрудно заметить, что и по форме, и по размерам публикуемый бронзовый медальон копирует некоторые каменные «утробные» амулеты IV–V вв. (рис. 1, 3), которые делали из черного гематита, темно-зеленого стеатита или серпентина и в отличие от других гемм – с петелькой для подвешивания и ношения в качестве нагрудного медальона. Ря-

дом с утробой на геммах помещались фигуры божеств-защитников (Анубиса, Осириса, Исиды, Нефтиды, Хнубиса), а на обратной стороне – ибис, который должен утолять или же сдерживать боль, как о том говорит надпись, приказывающая «Переваривай!», часто в сопровождении знака Хнубиса. На геммах встречается имя Орориуфа, защитника матки, сущности, контролирующей роды. «Утробные» геммы с маткой и ключом считаются комплексными женскими амулетами, использовавшимися в качестве защитного средства для беременных и рожениц, как обереги против внутренних кровотечений, в том числе – болезненных нарушений менструальных циклов, и как филактерии от желудочных и кишечных расстройств [18, р. 300; 30, р. 64]. По мнению А. Машротчинке, магическая сила Хнубиса на геммах этого типа основана на той идее, что декан созвездия льва, управляющий водами нильского разлива, способен также регулировать женские кровотечения, стимулировать течение грудного молока и предотвращать внутренние кровотечения, язвы и ненормальные пищеварительные соки в желудке или кишечнике [30, р. 64]. В лапидарии Псевдо-Сократа и Псевдо-Дионисия именно для беременных женщин и кормящих матерей рекомендовалось на черном ониксе гравировать Хнубиса [18, р. 309, № 4–36].

На одной из сторон публикуемого медальона, вдоль верхнего и правого края выгравировано загадочное сочетание букв – *XE [Θ?] IOIPRH* (рис. 1, Б). Буква «R» – это открытая форма беты, один из вариантов ее написания, хорошо известный по магическим геммам, египетским браслетам, «Печатам Соломона» и металлическим амулетам с Истерой [29, р. 257; 37, р. 32; 40, р. 292, Cat. N 241]. На медальонах – «Печатах Соломона» открытая бета прочерчена в наборе букв *RPSSS* или *RSSS* (рис. 4, 6, 8, 9), значение которых утеряно. Судя по контексту, они входили в набор защитных средств, наделявших медальоны магической силой [9, с. 168–169]. Буквенные сочетания типа *-IPBH-* или *-EPBE-* встречаются в составе длинных, не поддающихся переводу формулах (*logos*) на позднеантичных «утробных» амулетах (рис. 1, 2) и в греческих магических папирусах (в виде *ιωερβηθ-logos*), датирующихся III–XI вв. [26,

р. 188, 199]. Такие цепочки слов из одинаковых звуков в различных комбинациях, не поддающиеся расшифровке современным исследователям, вероятно, в древности являлись узнаваемой частью магического кода. По мнению К. Бонера, повторение слогов в середине фразы на манер бормотания показывает, что эта формула лишена смысла, а ее ценность частично заключается в произведении впечатления на непосвященных своим таинственным звучанием [16, р. 57]. Р. Эрнандес обратил внимание на то, что в греческих магических папирусах формула *ιωερβηθ* в различных сочетаниях часто встречается в заклинаниях агрессивного, злонамеренного характера [26, р. 188, 199]. На амулетах такие формулы могли использоваться в качестве угрозы для болезни или демона, ее вызывавшего.

В одном из греческих магических папирусов IV в. (*Papyri Graecae Magicae IV, 1227-64*) записан обряд по изгнанию демона, для успешного завершения которого освобожденному человеку рекомендуется носить филактерий из оловянной пластины со словами, включавшими различные вариации слогов *-OPBA-*, *-ABPA-*, *-APBA-* или с прочерченным знаком в виде одиночной S [42, р. 62]. Обратим внимание на то, что и на «утробных» амулетах, и на публикуемом медальоне с Хнубисом с правой стороны от изображений выгравирована маленькая изогнутая линия в виде буквы S (рис. 1, 1z, 3–б). На одной стороне медальона знак размещен рядом с Хнубисом (рис. 1, А), а на второй – им завершается магическая формула *IOIPBH* (рис. 1, Б). Учитывая терапевтический характер медальона, закономерно предположить, что магическая формула и знак должны были способствовать изгнанию демонов, вызывающих болезни.

Присутствие одинаковых магических средств (привязанный к алтарю Хнубис – как вариант привязанного к алтарю ибиса, формула типа *-IPBH-*, знаки Хнубиса и в виде S), подобие формы и размеров позволяет заключить, что в сферу защитных обязанностей публикуемого медальона входили и некоторые функции «утробных» амулетов. Не противоречит такому выводу и заклинание ΠΙΝΟ, которое, помимо действия на органы пищеварительной системы, имело еще одно назначение. Так, названная формула встречается на

средневековых медальонах со святым всадником Сисинием – победителем многоименной дьяволицы Гиллу, которая вредила женщинам во время родов и истребляла младенцев во чреве матери или вскоре после их рождения [9, с. 171–178; 46, р. 241]. На обратной стороне одного из таких медальонов изображена извивающаяся змея с двумя скорпионами и нападающая на них птица с надписью над головой ΠΙΝΩ (рис. 4, 4) [41, CBd-1078]. На обороте второго медальона, происходящего из Малой Азии и датирующегося X–XII вв., формула ΠΙΝΩ размещена рядом со стилизованным изображением Истеры (женской матки) в виде змеи с человеческим лицом и волосами-змеями (рис. 4, 5) [4, с. 329–347; 37, р. 30, 55, pl. 3a, № 33]. На лицевой стороне медальона по контуру прорезана формула, изгоняющая дьяволицу Авизу / Гиллу, а на обороте – заклинание против Истеры. Появление надписи ΠΙΝΩ рядом с Истерой, по мнению Дж. Спайера, должно означать «я пью кровь» и рассматриваться в контексте врачевательной магии, как останавливающее кровотечение заклинание [37, р. 46–47].

О том, что связанное с питьем жидкости заклинание могло иметь отношение к женским кровотечениям, свидетельствует серия позднеантичных гемм со стилизованным изображением матки в виде сосуда и магической формулой, регулирующей кровотечение: ΔΨΑΣ ΤΑΝΤΑΛΛΕ ΑΙΜΑ ΠΙΕ, переводимой как «Жаждающий Тантал, пей кровь» (рис. 3, 5) [21, р. 248–259]. Обращение по поводу остановки кровотечения к мифическому персонажу, наказанному муками неутолимой жажды, объясняется тем, что в царстве Аида любая попытка Тантала напиться воды приводила к высыханию водного источника [16, р. 88; 21, р. 249]. На геммах формула прописана 18 раз, в 18 строк и имеет вид треугольника. В каждой последующей строке повторяющаяся фраза сокращена на одну, первую букву; в последней строке оставлена только одна, последняя буква заклинания. Такая форма написания волшебной формулы характерна для магических амулетов. Считалось, что заклинание подействует с исчезновением текста, а в данном случае – кровотечение остановится [14, р. 273; 21, р. 249].

А. Барб указал на принадлежность к одной магической традиции гемм с жаждущим Танталом и амулетов против кровотечений, два рецепта которых сохранились в средневековых латинских медицинских справочниках [14, р. 271–273]. Согласно первому рецепту, служившему для остановки кровотечения из носа, требовалось кровью больного написать на трех лавровых листьях заклинание: “*Tantale pie, pie Tantale, Tantale pie!*” («Тантал, пей! Пей, Тантал! Тантал, пей!»), в котором использовалось транслитерированное на латынь греческое слово ΠΙΕ [14, р. 271–272]. Второй рецепт предназначался для остановки кровотечений в целом. Для этого рекомендовалось написать заклинание «*Подобно тому, как амулет не касается земли, так пей кровь, Тантал! Тантал пей кровь, пей Тантал!*» на папирусе, который затем следовало при помощи нити привязать мужчине на шею, а женщине – на живот, в области пупка. Последняя рекомендация, по мнению А. Барба, связана с тем, что мужчины должны были использовать амулет против кровотечений из носа, а женщины – против маточных кровотечений [14, р. 273].

Марцел Эмпирик советовал записать на чистом папирусе, обвязать льняной нитью и прикрепить к тому, у кого течет кровь из любой части тела, следующее заклинание: «*sicycuta, ciscuta, ucuta, cuta, uta, ta, a*» [28, р. 110, Cap. X.34]. А. Фараон предположил, что исчезающее по одной букве слово первоначально было транслитерированным на латынь греческим «κῦμα» (волна или наводнение) и непосредственно относилось к кровотечению. Магия заклинания заключалась в том, что сокращение слова с его последующим исчезновением должно было производить аналогичное действие на кровотечение [21, р. 268–269]. Обратим внимание на особенность написания заклинания ΠΙΝΩ на одной из сторон публикуемого медальона (рис. 1, А). Три слова выгравированы одно под другим, при этом в последующей строке каждое сокращено на одну букву: ΠΙΝΩ ΠΙΝ ΠΙ О. Возможно, мастер, сделавший амулет, не хотел размещать текст поверх изображения и сократил слова. Не исключено, что в данном случае был применен описанный выше магический прием – сокращение на одну букву зак-

линия в каждой повторяющейся строке, то есть использование исчезающего слова для регулирования потока крови.

Амбивалентность использованных магических средств позволяет говорить о комплексном характере публикуемого медальона. Хнубис в сцене борьбы со змеей и заклинание ΠΙΝΟ изображены на обеих сторонах медальона. В одном случае Хнубис – хранитель желудка и борец с болезнями пищеварительного тракта, чьи действия усилены трижды повторенным заклинанием ΠΙΝΟ, способствующим лучшему перевариванию (рис. 1, Б). Во втором случае Хнубис – защитник женского здоровья, а исчезающее слово ΠΙΝΟ должно способствовать остановке патологических маточных кровотечений (рис. 1, А). Действие амулета усилено формулой против демонов, вызывающих болезни. Терапевтические свойства амулета подтверждаются надписью ΥΓΙΑ (ὑγεία – здоровье) над Хнубисом на одной из сторон амулета. Именно в таком написании слово «здоровье» чаще всего встречается на различных ранневизантийских амулетах, перстнях, браслетах, штампах для просфор, а также на атрибутах брачного ритуала [13, p. 283, Nr. 262; 19, S. 152–153, Nr. 38; 25, p. 30; 33, p. 266–280].

О том, как носился медальон, можно судить по изображению на раннесредневековой каменной литейной форме, найденной в юго-восточном районе Херсонеса, около крепостной стены [47, p. 169, 451, № 50]. Форма предназначалась для изготовления креста, медальона и подвески в виде створки раковины. Медальон, отлитый в форме, служил амулетом (рис. 2, 1), призванным отвращать от носящего беды, как о том свидетельствует вырезанная по контуру надпись +ΚΥΡΙΕ [Β]ΟΗΘΕΙ ΤΟΝ ΘΟΡ[Υ]Ν[ΤΑ+]ΑΜΗΝ («Боже, помоги носящему, аминь!») [6, с. 28]. В центре медальона помещено поясное изображение человека в позе оранта, с крестами в руках, к шее которого на длинном шнурке подвешен большой круглый медальон, достигающий живота (рис. 2, 1). Можно предположить и другой вариант ношения медальона – подвешенным к поясу, в области пупка, как это рекомендовалось делать для папирусов с заклинанием против маточных кровотечений [14, p. 273].

Результаты. Найденные в Юго-Западном Крыму амулеты – перстень первой четверти VII в. и медальон VI–VII вв. с изображением Хнубиса – относятся к группе медицинских магических амулетов, пользовавшихся широкой популярностью у населения Восточной Римской империи в эпоху раннего средневековья. Перстень предназначался для улучшения пищеварения и для лечения болезней пищеварительного тракта. Женщина, которой принадлежал предмет, носила его в нагрудном ожерелье, на уровне желудка – именно так, как рекомендовалось в медицинских трактатах носить амулеты против болей в животе. Медальон с магическими знаками, формулой ΠΙΝΟ и изображением привязанного к алтарю Хнубиса, борющегося со змеей, был комплексным амулетом, предназначавшимся для женщин. Он служил защитой для пищеварительной системы и оберегал от патологических маточных кровотечений. Носить такой амулет следовало подвешенным к шее на длинном шнурке, либо укрепленным на поясе.

Оба предмета были, скорее всего, привезены из восточно-средиземноморских провинций империи, где в VI–VII вв. бытовали аналогичные по форме и репертуару защитных средств магические амулеты. Появление таких изделий у гото-аланского населения Юго-Западного Крыма неудивительно. Влияние византийской цивилизации на все стороны жизни местного населения в эпоху раннего Средневековья прослежено и по письменным источникам [3, с. 10–11], и по многочисленным археологическим находкам [11, с. 94; 12, с. 33–46].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта РФФИ № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

The study was funded by the Russian Science Foundation according to the research project № 20-18-00076 “The evolution of cities on the Inner ridge of the Crimean mountains in the Middle Ages and modern times”.

² Медальон хранится в частной коллекции В.В. Булычева. Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность Валерию Васильевичу за возможность опубликовать уникальную находку.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Раннесредневековый бронзовый медальон из Юго-Западного Крыма (1) и «утробные» каменные амулеты позднеантичного времени (2–6):

1 – частная коллекция (фото В.А. Сидоренко; прорисовка автора); 2, 4 – Париж, Кабинет Медалей; 3, 5, 6 – Британский Музей.
2–6 – [41, CBd-3423; CBd-136; CBd-3418; CBd-780; CBd-163]

Fig. 1. An early medieval bronze medallion from the South-Western Crimea (1) and “uterine” stone amulets of the late ancient period (2–6):

1 – a private collection (photo by V.A. Sidorenko; sketch by the author); 2, 4 – Paris, Cabinet des Médailles; 3, 5, 6 –The British Museum

Рис. 2. Перстни и гемма с изображением Хнубиса (3–5), реконструкция гото-аланского женского убора первой четверти VII в. (2) и деталь раннесредневековой каменной литейной формы с медальоном (1):

1 – Херсонес; 2, 3 – могильник у с. Лучистое, склеп 154, погребение 2 (а – прорисовка; б – оттиск; фото, реконструкция и рисунок автора); 4 – Британский Музей; 5 – Констанца, Румыния.
1 – [47, p. 169, 451, № 50]; 4 – [41, CBd-703]; 5 – [32, p. 149–150, fig. 126]

Fig. 2. Finger rings and gems with the image of Khnubis (3–5), a reconstruction of the Gothic-Alanian female attire of the first quarter of the 7th century (2) and a part of an early medieval stone casting mould with a medallion (1):

1 – the Chersonese; 2, 3 – the burial ground near the village of Luchistoye, a crypt 154, a burial 2 (a – sketch; b – print; photo, a reconstruction and drawing by the author); 4 – The British Museum; 5 – Constanța, Romania

Рис. 3. Позднеантичные геммы (1–5) и раннесредневековые бронзовые амулеты (6–10):

1, 6, 9 – Британский Музей; 2, 3, 8 – Энн-Арбор, Мичиганский университет; 4 – Гамбург, коллекция В. Сколуды;
 5 – Париж, Кабинет Медалей; 7 – коллекция Г. Шлюмберже; 10 – Бирмингем, City Museum.
 1–6, 8, 9 – [41, CBd-776; CBd-1039; CBd-1441; CBd-1737; CBd-3555; CBd-811; CBd1074; CBd-812];
 7 – [35, p. 81, Nr. 8]; 10 – [39, p. 47, fig. 2]

Fig. 3. Late ancient gems (1–5) and early medieval bronze amulets (6–10):

1, 6, 9 – The British Museum; 2, 3, 8 – Ann Arbor, University of Michigan; 4 – Hamburg, Skoluda Collection;
 5 – Paris, Cabinet des Médailles; 7 – the collection of G. Schlumberger; 10 – Birmingham, The City Museum

Рис. 4. Византийские амулеты с формулой ΠΙΝΩ (1–5) и медальоны «Печати Соломона» (6–9):

1–3 – Восточное Средиземноморье, частная коллекция; 4 – коллекция К. Боннера; 5 – Оксфорд, музей Эшмола; 6 – Париж, Кабинет Медалей; 7 – Эрмитаж; 8 – Херсон, Северный район, квартал IX; 9 – Кизик, Малая Азия. 1–3 – [39, p. 63–64, fig. 12–14]; 4 – [41, CBd1078]; 5 – [37, p. 30, 55, pl. 3a, No. 33]; 6–9 – [9, рис. 7, 9; 8, 2–4]

Fig. 4. Byzantine amulets with the formula ΠΙΝΩ (1–5) and medallions “The Seals of Solomon” (6–9):

1–3 – The Eastern Mediterranean, a private collection; 4 – the collection of C. Bonner; 5 – Oxford, The Ashmolean Museum; 6 – Paris, Cabinet des Médailles; 7 – the Hermitage; 8 – Kherson, the Northern region, quarter IX; 9 – Kizik, Asia Minor

Рис. 5. Позднеантичные (1–4) и средневековые (5–7) амулеты с изображением Хнубиса:

1, 2, 4 – Британский Музей; 3 – Париж, Кабинет Медалей; 5, 7 – Египет; 6 – Париж, Лувр.
 1–4 – [41, CBd-691; CBd-702; CBd-2943; CBd-698]; 5, 7 – [29, p. 247–248, fig. 1; 45, p. 35, 37, fig. 9b, 10d];
 6 – [15, p. 285, № AF11704]

Fig. 5. Late ancient (1–4) and medieval (5–7) amulets with the image of Khnubis:

1, 2, 4 – The British Museum; 3 – Paris, Cabinet des Médailles; 5, 7 – Egypt; 6 – Paris, the Louvre

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафий. О царствовании Юстиниана / пер., ст. и примеч. М. В. Левченко. – М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 222 с.
2. Айбабин, А. И. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.) / А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. – Симферополь : Антиква, 2017. – 368 с.
3. Айбабин, А. И. Топоним Климаты в средневековом Крыму / А. И. Айбабин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 6. – С. 6–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.1>.
4. Барабанов, Н. Д. К истории византийских народных верований. Истера / Н. Д. Барабанов // Античная древность и средние века. – 2003. – Вып. 34. – С. 322–347.
5. Греческие молитвы, заклинания и заговоры из Большой Каракубы / вступ. ст., пер., коммент. и подгот. текста Е. Чернухина. – Донецк : Норд-Пресс, 2005. – 167 с.
6. Латышев, В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 годах / В. В. Латышев // Материалы по археологии России. – 1899. – № 23. – 76 с.
7. Неверов, О. Я. Гностические геммы, перстни и амулеты Юга СССР / О. Я. Неверов // Вестник древней истории. – 1979. – № 1. – С. 95–104.
8. Поляковская, М. А. Византия : Быт и нравы / М. А. Поляковская, А. А. Чекалова. – Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1989. – 308 с.
9. Хайрединова, Э. А. Медальоны с изображением святого всадника из могильника у с. Лучистое / Э. А. Хайрединова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2014. – Вып. XIX. – С. 147–210.
10. Хайрединова, Э. А. Перстень-амулет первой четверти VII в. из Юго-Западного Крыма / Э. А. Хайрединова // Античная древность и средние века. – 2014. – Вып. 42. – С. 69–89.
11. Хайрединова, Э. А. Византийские перстни с надписью «ΦΩΣ ΖΩΗ» из погребений крымских готов / Э. А. Хайрединова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 5. – С. 88–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.8>.
12. Хайрединова, Э. А. Перстни с изображением архангела Михаила конца VI–VII в. из Крыма / Э. А. Хайрединова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 6. – С. 32–46. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.3>.
13. Age of Spirituality : Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century / ed. K. Weitzmann. – New York : The Metropolitan Museum of Art, 1979. – 736 p.
14. Barb, A.-A. Bois du sang, Tantale / A.-A. Barb // Syria. – 1952. – Т. 29, Fasc. 3–4. – P. 271–284.
15. Bénazeth, D. L'art du métal au début de l'ère chrétienne / D. Bénazeth. – Paris : Eds. de la Réunion des musées nationaux, 1992. – 303 p.
16. Bonner, C. Studies in Magical Amulets chiefly Graeco-Egyptian / C. Bonner. – Ann Arbor : The University of Michigan Press, 1950. – 335 p. – (University of Michigan Studies. Humanistic Series ; Vol. XLIX).
17. Chambouillet, M. Catalogue général et raisonné des camées et pierres gravées de la bibliothèque impériale / M. Chambouillet. – Paris : J. Claye, Imprimeur Librairie, 1858. – 668 p.
18. Dasen, V. Le serpent léontocéphale Chnoubis et la magie de l'époque romaine impériale / V. Dasen, A. M. Nagy // Antropozoologica. – 2012. – Vol. 47.1. – P. 291–314.
19. Die Kunst der frühen Christen in Syrien. Zeichen, Bilder und Symbole vom 4. bis 7. Jahrhundert / Hrsg. M. Fansa, B. Bollmann. – Mainz : Verl. Philipp von Zabern, 2008. – 220 S.
20. Die Welt von Byzanz. Europas Östliches Erbe / Hrsg. L. Wamser. – München : Theiss, 2004. – 475 S.
21. Faraone, Ch. A. Does Tantalus Drink the Blood, or Not? : An Enigmatic Series of Inscribed Hematite Gemstones / Ch. A. Faraone // Antike Mythen: Medien, Transformationen und Konstruktionen / Hrsg. U. Deli, C. Walde. – Berlin : De Gruyter, 2009. – P. 248–273.
22. Faraone, Ch. A. Text, Image and Medium: The evolution of graeco-roman magical gemstones / Ch. A. Faraone // «Gems of Heaven». Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity, c. AD 200–600 / eds. Ch. Entwistle, N. Adams. – London : The British Museum, 2012. – P. 50–61. – (British Museum Research Publication ; No. 177).
23. Faraone, Ch. A. A Copper Plaque in the Louvre (inv. AD 003732): Composite Amulet or Pattern-Book for Making Individual Body-Amulets? / Ch. A. Faraone // Kernos. – 2017. – Vol. 30. – P. 187–220.
24. Faskolou, V. The Magic of the Written Word: the evidence of inscriptions on Byzantine magical amulets / V. Faskolou // Deltion of the Christian Archaeological Society. – 2014. – Vol. 35. – P. 329–348.
25. Grabar, A. Un médaillon en or provenant de Mersine en Cilicie / A. Grabar // Dumbarton Oaks Papers. – 1951. – Vol. 6. – P. 27–49.
26. Hernández, R. M. More than a *Logos*. The *Ιωερβηθ* *Logos* in Context / R. M. Hernández // Litterae Magicae. Studies in Honour of Roger S.O. Tomlin / ed. C. S. Natalias. – Zaragoza : Libros Portico, 2019. – P. 187–210.

27. Lancellotti, M. G. Médecine et religion dans les gemmes magiques / M. G. Lancellotti // *Revue de l'histoire des religions*. – 2001. – No. 4 (218). – P. 427–456.

28. Marcellus Empiricus. Marcelli de Medicamentis Liber / ed. Georgius Helmreich. – Lipsiae : Aedibus B.G. Teubneri, 1889. – 414 p.

29. Maspero, J. Bracelets – amulettes d'époque byzantine / J. Maspero // *Annales du service des antiquités de l'Égypte*. – 1908. – № 9. – P. 246–258.

30. Mastrocinque A. The Colours of Magical Gems / A. Mastrocinque // «Gems of Heaven». Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity, c. AD 200–600 / eds. Ch. Entwistle, N. Adams. – London : The British Museum, 2012. – P. 62–68. – (British Museum Research Publication ; No. 177).

31. Mouterde, R. Le glaive de Dardanos, objets et inscriptions magiques de Syrie / R. Mouterde // *Mélanges de l'université Saint-Joseph Beyrouth*. – 1930. – Vol. XV, fasc. 3. – P. 54–136.

32. Nemeti, S. Magical practices in Dacia and Moesia Inferior / S. Nemeti // *Jupiter on your side. Gold and humans in Antiquity in the Lower Danube area* / ed. C.-G. Alexandrescu. – Bucharest : Masterprint Super Offset, 2013. – P. 143–156.

33. Perdrizet, P. ΥΓΙΑ ΖΩΗ ΧΑΡΑ / P. Perdrizet // *Revue des études grecques*. – 1914. – T. 27, Fasc. 123–124. – P. 266–280.

34. Russell, J. The Archaeological Context of Magic in the Early Byzantine Period / J. Russell // *Byzantine Magic* / ed. H. Maguire. – Washington : Dumbarton Oaks, 1995. – P. 35–50.

35. Schlumberger, G. Amulettes Byzantins anciens destinées à combattre les maléfices et les maladies / G. Schlumberger // *Revue des études grecques*. – 1892. – T. 5, Fasc. 17. – P. 73–93.

36. Seyrig, H. Individiae medici / H. Seyrig // *Berytus Archaeological Studies*. – 1934. – Vol. I. – P. 1–22.

37. Spier, J. Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition / J. Spier // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. – 1993. – Vol. 56. – P. 25–62.

38. Spier, J. Late Antique and Early Christian Gems / J. Spier. – Wiesbaden : Reichert Verl., 2007. – 221 p.

39. Spier, J. An Antique magical book used for making sixth-century Byzantine amulets? / J. Spier // *Les saviors magiques et leur transmission de l'Antiquité à la Renaissance* / eds. V. Dasen, J.-M. Spieser. – Florence : Sismel – Ed. del Galuzio, 2014. – P. 43–66.

40. Sylloge Gemmarum Gnosticarum I / ed. A. Mastrocinque. – Roma : Libreria dello stato, 2003. – 478 p. – (Bollettino di Numismatica Monografia ; No. 8.2.I).

41. The Campbell Bonner Magical Gems Database. – URL: <http://classics.mfab.hu/talismans/> (accessed 28 June 2020). – Title from screen.

42. The Greek Magical Papyri in Translation including the Demotic Spells / ed. H. D. Betz. –

Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1986. – 397 p.

43. The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 2 / Ed. A. Kazhdan. – New York ; Oxford : Oxford University Press, 1991. – P. XXXI, 729–1473.

44. Vikan, G. Art, medicine, and magic in Early Byzantium / G. Vikan // *Dumbarton Oaks Papers*. – 1984. – Vol. 38. – P. 65–86.

45. Vikan, G. Two Byzantine Amuletic Armbands and the Group to Which They Belong / G. Vikan // *The Journal of the Walters Art Gallery*. – 1991/92. – No. 49/50. – P. 33–51.

46. Walter, Ch. The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition / Ch. Walter. – Cornwall : Routledge, 2003. – 384 p.

47. Yashaeva, T. The Legacy of Byzantine Cherson / T. Yashaeva [et al.]. – Sevastopol ; Austin : Teleskop, 2011. – 708 p.

REFERENCES

1. Levchenko M.V., ed. *Agafiy. O tsarstvovanii Yustiniana* [About the Reign of Justinian]. Moscow; Leningrad, Academia Nauk SSSR Publ., 1953. 222 p.

2. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the Region of Dory (Mid-Third to Seventh Century)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017. 368 p.

3. Aibabin A.I. Toponym Klimata in the Medieval Crimea. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.1>.

4. Barabanov N.D. K istorii vizantiyskikh narodnykh verovaniy. Istera [To the History of Byzantine Popular Beliefs]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2003, vol. 34, pp. 322-347.

5. Chernukhin E., ed. *Grecheskie molitvy, zaklinaniya i zagovory iz Bolshoy Karakuby* [Greek Prayers, Spells and Incantations from Bol'shaia Karakuba]. Donetsk, Nord-Press, 2005. 167 p.

6. Latyshev V.V. Grecheskie i latinskie nadpisi, naydennye v Yuzhnoi Rossii v 1895–1898 godakh [Greek and Latin Inscriptions Found in Southern Russia in 1895-1898]. *Materialy po arkhologii Rossii* [Materials on Archaeology of Russia], 1899, no. 23. 76 p.

7. Neverov O.Ia. Gnosticheskie gemmy, perstni i amulety Yuga SSSR [Gnostic Gems and Amulets from Southern USSR]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], 1979, no. 1, pp. 95-104.

8. Polyakovskaya M.A., Chekalova A.A. *Vizantiya: byt i nray* [Byzantium: Life and Customs].

Sverdlovsk, Izd-vo Uralskogo universiteta Publ., 1989. 308 p.

9. Khairedinova E.A. Medalony s izobrazheniem svyatogo vsadnika iz mogilnika u s. Luchistoe [Medallions with the Image of Holy Rider from the Necropolis near the Village of Luchistoye]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archeology, History and Ethnography of Tauria], 2014, vol. XIX, pp. 147-210.

10. Khairedinova E.A. Persten-amulet pervoy chetverti VII v. iz Yugo-Zapadnogo Kryma [The Amuletic Ring Dating Back to the First Quarter of the 7th Century from the South-Western Crimea]. *Antichnaia drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2014, vol. 42, pp. 69-89.

11. Khairedinova E.A. Byzantine Finger Rings with the Inscription $\Phi\Omega\P Z\Omega H$ from Burials of the Crimean Goths. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 5, pp. 88-104. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.8>.

12. Khairedinova E.A. Finger Rings with the Image of Archangel Michael of the Late 6th–7th Centuries from Crimea. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 32-46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.3>.

13. Weitzmann K., ed. *Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century*. New York, The Metropolitan Museum of Art, 1979. 736 p.

14. Barb A.-A. Bois du sang, Tantale. *Syria*, 1952, vol. 29, fasc. 3-4, pp. 271-284.

15. Bénazeth D. *L'art du métal au début de l'ère chrétienne*. Paris, Réunion des musées nationaux, 1992. 303 p.

16. Bonner C. *Studies in Magical Amulets chiefly Graeco-Egyptian*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1950. 334 p. (University of Michigan Studies. Humanistic Series; vol. XLIX).

17. Chambouillet M. *Catalogue général et raisonné des camées et pierres gravées de la bibliothèque impériale*. Paris, J. Claye, Imprimeur Librairie, 1858. 668 p.

18. Dasen V., Nagy A.M. Le serpent léontocéphale Chnoubis et la magie de l'époque romaine impériale. *Antropozoologoca*, 2012, vol. 47.1, pp. 291-314.

19. Fansa M., Bollmann B., eds. *Die Kunst der frühen Christen in Syrien. Zeichen, Bilder und Symbole vom 4. bis 7. Jahrhundert*. Mainz, Verlag Philipp von Zabern, 2008. 220 p.

20. Wamser L., ed. *Die Welt von Byzanz. Europas Östliches Erbe*. München, Theiss, 2004. 475 p.

21. Faraone Ch.A. Does Tantalus Drink the Blood, or Not?: An Enigmatic Series of Inscribed Hematite Gemstones. Deli U., Walde C., eds. *Antike Mythen: Medien, Transformationen und Konstruktionen*. Berlin, De Gruyter, 2009, pp. 248-273.

22. Faraone Ch.A. Text, Image and Medium: The Evolution of Graeco-Roman Magical Gemstones. Entwistle Ch., Adams N., eds. «*Gems of Heaven*». *Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity, c. AD 200–600. British Museum Research Publication*. London, The British Museum, 2012, pp. 50-61. (British Museum Research Publication; no. 177).

23. Faraone Ch.A. A Copper Plaque in the Louvre (inv. AD 003732): Composite Amulet or Pattern-Book for Making Individual Body-Amulets? *Kernos*, 2017, vol. 30, pp. 187-220.

24. Faskolou V. The Magic of the Written Word: the evidence of inscriptions on Byzantine magical amulets. *Deltion of the Christian Archaeological Society*, 2014, vol. 35, pp. 329-348.

25. Grabar A. Un médaillon en or provenant de Mersine en Cilicie. *Dumbarton Oaks Papers*, 1951, vol. 6, pp. 27-49.

26. Hernández R.M. More than a *Logos*. The Iōerbēth *Logos* in Context. Natalias C.S., ed. *Litterae Magicae. Studies in Honour of Roger S.O. Tomlin*. Zaragoza, Libros Portico, 2019, pp. 187-210.

27. Lancellotti M.G. Médecine et religion dans les gemmes magiques. *Revue de l'histoire des religions*, 2001, no. 4 (218), pp. 427-456.

28. Georgius Helmreich, ed. *Marcellus Empiricus. Marcelli de Medicamentis Liber*. Lipsiae, Aedibus B.G. Teubneri, 1889. 414 p.

29. Maspero J. Bracelets – amulettes d'époque byzantine. *Annales du service des antiquités de l'Égypte*, 1908, no. 9, pp. 246-258.

30. Mastrocinque A. The Colours of Magical Gems. Entwistle Ch., Adams N., eds. «*Gems of Heaven*». *Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity, c. AD 200–600*. London, The British Museum, 2012, pp. 62-68. (British Museum Research Publication; no. 177).

31. Mouterde R. Le glaive de Dardanos, objets et inscriptions magiques de Syrie. *Mélanges de l'université Saint-Joseph Beyrouth*, 1930, vol. XV, fasc. 3, pp. 54-136.

32. Nemeti, S. Magical practices in Dacia and Moesia Inferior. Alexandrescu C.-G., ed. *Jupiter on your side. Gold and humans in Antiquity in the Lower Danube area*. Bucharest, Masterprint Super Offset, 2013, pp. 143-156.

33. Perdrizet P. YGIA ZŌĒ CHARA. *Revue des études grecques*, 1914, vol. 27, fasc. 123-124, pp. 266-280.

34. Russell J. The Archaeological Context of Magic in the Early Byzantine Period. Maguire H., ed.

Byzantine Magic. Washington, Dumbarton Oaks, 1995, pp. 35-50.

35. Schlumberger G. Amulettes Byzantins anciens destinées à combattre les maléfices et les maladies. *Revue des études grecques*, 1892, vol. 5, fasc. 17, pp. 73-93.

36. Seyrig H. Individiae medici. *Berytus Archaeological Studies*, 1934, vol. I, pp. 1-22.

37. Spier J. Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition. *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 1993, vol. 56, pp. 25-62.

38. Spier J. *Late Antique and Early Christian Gems*. Wiesbaden, Reichert Verl., 2007. 221 p.

39. Spier J. An Antique magical book used for making sixth-century Byzantine amulets? Dasen V., Spieser J.-M., eds. *Les saviors magiques et leur transmission de l'Antiquité à la Renaissance*. Florence, Sismel – Ed. del Galuzio, 2014, pp. 43-66.

40. Mastrocinque A., ed. *Sylloge Gemmarum Gnosticarum I*. Roma, Libreria dello stato, 2003. 478 p.

41. *The Campbell Bonner Magical Gems Database*. URL: <http://classics.mfab.hu/talismans/> (accessed 28 June 2020).

42. Betz H.D., ed. *The Greek Magical Papyri in Translation including the Demotic Spells*. Chicago; London, The University of Chicago Press, 1986. 397 p.

43. Kazhdan A., ed. *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 2. New York, Oxford University Press, 1991, pp. XXXI, 729-1473.

44. Vikan G. Art, medicine, and magic in Early Byzantium. *Dumbarton Oaks Papers*, 1984, vol. 38, pp. 65-86.

45. Vikan G. Two Byzantine Amuletic Armbands and the Group to which They Belong. *The Journal of the Walters Art Gallery*, 1991/92, no. 49/50, pp. 33-51.

46. Walter Ch. *The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition*. Cornwall, Routledge, 2003. 384 p.

47. Yashaeva T., Denisova E., Ginkut N., Zalesskaya V., Zhuravlev D. *The Legacy of Byzantine Cherson*. Sevastopol, Austin, Teleskop, 2011. 708 p.

Information About the Author

Elzara A. Khairedinova, Candidate of Sciences (History), Head of the Department of Mediaeval Archaeology, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika V.I. Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, khairedinovaz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-757X>

Информация об авторе

Эльзара Айдеровна Хайрединова, кандидат исторических наук, заведующая отделом средневековой археологии, Институт археологии Крыма РАН, просп. академика В.И. Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, khairedinovaz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-757X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.7>

UDC 902(653):903.26
LBC 63.444(2)-418

Submitted: 01.07.2020
Accepted: 16.10.2020

**THE “LATINS” ON MANGUP.
UNIQUE WESTERN-EUROPEAN CROSS-ENCOLPION
FROM THE EXCAVATIONS OF PRINCE’S PALACE IN ANCIENT MANGUP:
PROBLEMS OF ATTRIBUTION AND DATING¹**

Valery E. Naumenko

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the analysis of a unique cross-encolpion of the Western-European type from the excavations of the Mangup Prince’s Palace. *Methods.* The research is complex. When describing the find, traditional methods of art history analysis were used, and data from X-ray fluorescence studies were used to determine the material of the product. Attribution of the cross is made on the basis of the generally accepted method of analogies in archaeological science. *Analysis.* The encolpion is related to a small group of cast silver crosses with “Latin” features, which were produced during the third quarter of the 15th century in one of the craft workshops of Kaffa. Their author was a master-scholarship holder who most likely moved to the capital of Genoese Gazaria in the Northern Black Sea region from one of the cities of Northern Italy. *Results.* Among the many reasons why this encolpion, as a mandatory attribute of the clothing of a Catholic Priest, could end up on Mangup, the most likely are: unknown in the sources Genoese embassy to the capital of the Principality of Feodoro in the period of 1450–1475 for the purpose of establishing a permanent Catholic mission here; the presence of a Catholic priest in the large embassies of Kaffa to the court of the rulers of Feodoro in 1455, 1465 or around 1471; participation of Genoese, who fled from Kaffa after its capture by the Ottoman army, in the subsequent defense of the Mangup fortress in summer and autumn 1475.

Key words: Mangup fortress, Byzantium, Feodoro principality, Genoese Gazaria, palace, encolpion.

Citation. Naumenko V.E. The “Latins” on Mangup. Unique Western-European Cross-Encolpion from the Excavations of Prince’s Palace in Ancient Mangup: Problems of Attribution and Dating. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 100-115. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.7>

УДК 902(653):903.26
ББК 63.444(2)-418

Дата поступления статьи: 01.07.2020
Дата принятия статьи: 16.10.2020

**«ЛАТИНЯНЕ» НА МАНГУПЕ.
УНИКАЛЬНЫЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ КРЕСТ-ЭНКОЛПИОН
ИЗ РАСКОПОК КНЯЖЕСКОГО ДВОРЦА МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА:
ПРОБЛЕМЫ АТТРИБУЦИИ И ДАТИРОВКИ¹**

Валерий Евгеньевич Науменко

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу уникального креста-энколпиона западноевропейского типа из раскопок Мангупского княжеского дворца, который не имеет аналогов за многие годы исследований памятников поздневизантийского Крыма. Всестороннее изучение находки позволяет соотнести ее с небольшой группой нательных литых серебряных крестов с «латинскими» чертами, которые, очевидно, выпускались в

течение третьей четверти XV в. в одной из ремесленных мастерских Каффы. Их автором являлся мастер-стипендиарий, скорее всего переселившийся в столицу Генуэзской Газарии из Северной Италии. Среди множества причин, по которым энколпион как обязательный атрибут одежды католического священнослужителя мог оказаться на Мангупе, наиболее вероятными представляются следующие: неизвестное в источниках генуэзское посольство в столицу православного княжества Феодоро в период 1450–1475 гг. с целью учреждения здесь постоянной католической миссии (прихода, монастыря); присутствие католического священника в составе крупных посольств Каффы ко двору правителей Феодоро в 1455, 1465 или около 1471 гг.; участие генуэзцев, бежавших из Каффы после ее захвата османской армией, в последующей героической обороне Мангупской крепости летом – осенью 1475 года.

Ключевые слова: Мангупское городище, Византия, княжество Феодоро, Генуэзская Газария, дворец, энколпион.

Цитирование. Науменко В. Е. «Латиняне» на Мангупе. Уникальный западноевропейский крест-энколпион из раскопок княжеского дворца Мангупского городища: проблемы атрибуции и датировки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 100–115. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.7>

Введение. Начиная с 2006 г. одним из основных объектов археологических исследований Мангупского городища, крупнейшей средневековой крепости Юго-Западного Крыма, является ее княжеский дворец, расположенный в центральной части Мангупского плато (рис. 1). За эти годы на площади раскопа более 2 800 кв. м изучены, вероятно, все основные архитектурно-археологические комплексы дворцового ансамбля и сформирована необходимая источниковая база для решения многих вопросов его истории (об истории изучения дворца см.: [14, с. 388–396; 18, с. 139–142]).

К числу наиболее важных результатов этих исследований относятся прежде всего заключение об узкой (в пределах 1425–1475 гг.) хронологии собственно резиденции правителей княжества Феодоро на Мангупе [18, с. 144] и новая концепция композиционно-планировочного решения дворца [19, с. 64–69]. Еще одним важным итогом работ является открытие на его площади нескольких ярусов застройки додворцового и постдворцового времени. Таким образом, дворец принадлежит к числу немногих археологических объектов Мангупа, в стратиграфии которых представлены материальные свидетельства всех основных периодов истории городища – от ранневизантийского до османского времени [17, с. 54–58].

На сегодняшний день, помимо завершения полевой стадии изучения Мангупского дворца, важнейшим направлением его дальнейших исследований является кропотливая работа по систематизации, атрибуции и вве-

дению в научный оборот массива полученных материальных источников [10; 12–14; 22–24; 38]. Именно здесь содержится основной ресурс информации для интерпретации многих процессов, происходивших на городище и в целом на территории Горного Крыма в эпоху Средневековья. При этом важно отметить, что степень информативности тех или иных категорий вещественных источников далеко не всегда напрямую связана с их массовостью, как в случае, например, с керамическими материалами. Зачастую даже отдельные находки из группы «small finds» могут стать основанием для рассмотрения новых или до сих пор слабо изученных сюжетов в истории Мангупского городища.

Примером такой находки из раскопок Мангупского дворца, несомненно, является уникальный серебряный крест-энколпион западноевропейского типа, не имеющий аналогов среди материалов многолетних раскопок городища и избранный нами в качестве предмета настоящего исследования. Как показывает его анализ, данный предмет личного благочестия, скорее всего, служит редким свидетельством присутствия в третьей четверти XV в. среди населения столицы княжества Феодоро выходцев из Северной Италии, вероятно представителей католического духовенства. Интерес к этой находке обусловлен еще и тем, что она явно диссонирует с общевизантийским характером материальной культуры городища в интересующий нас период времени, сохранявшим по-прежнему, несмотря на формирование с начала XIII в. новой политической карты полуострова, традиционные

церковно-политические и торгово-экономические связи с Константинополем и другими крупными городскими центрами Византийской империи.

Методы. Проведенное исследование носит комплексный характер. При описании креста-энколпиона использованы традиционные методы искусствоведческого анализа, для определения материала изделия – данные рентгенофлюоресцентных исследований. Атрибуция находки, с учетом ее обнаружения в верхнем культурном горизонте Мангупского дворца в качестве «переотложенного» археологического материала, выполнена главным образом на основе общепринятого в археологической науке метода аналогий. Напротив, анализ исторического контекста памятника потребовал сопоставления известных данных археологических и нарративных источников по истории Мангупа XV в., в том числе имеющихся сведений о контактах политической элиты Генуэзской Газарии и княжества Феодоро.

Описание. Интересующая нас находка обнаружена в 2019 г. при выборке верхнего (дернового) слоя на западном участке исследований дворца, на площади археологического квадрата № 46 (рис. 1). Она представляет собой равноконечный литой серебряный крест-энколпион с плакировкой желтым металлом (золотом) и треугольными завершениями на концах, которые повторяют стилизованную форму цветочных бутонов (рис. 2)². Обе створки энколпиона, очевидно, являются отливками одной литейной формы, они скреплены четырьмя цилиндрическими заклепками-гвоздиками в центре треугольных выступов на концах креста. После отливки изображения на обеих сторонах изделия подверглись незначительной гравировке контурных линий. Общие размеры креста – 4,25 × 2,93 см, толщина – 1,10 см; толщина лицевой и оборотной створок – 0,40–0,67 и 0,19–0,43 см соответственно, диаметр отверстий заклепок – 0,17 см.

Необходимо отметить небольшое несовпадение при стыковке створок энколпиона, видимое на обороте его горизонтальной оси. Трудно сказать, является ли оно обычным дефектом процесса отливки или речь идет о позднейшей сборке нашего креста из створок различных, уже вышедших из употребления энколпионов.

Верхний конец лицевой створки креста завершается овальным плоским выступом с отверстием для кольца, округлого в сечении, для подвешивания, очевидно, нагрудной цепи. Кольцо отлито из серебра такого же элементного состава, как и энколпион; его диаметр – 1,25 см, толщина – 0,18 см. В целом крест имеет хорошую сохранность, за исключением деформации его нижней части, где утрачена часть заклепки, и общей потертости рельефных деталей.

На лицевой стороне креста представлена сцена Распятия, выполненная в западнохристианской традиции: тело Иисуса Христа, несколько сползая вдоль основного ствола креста, резко повернуто влево, голова опущена ниже рук и наклонена к левому плечу. На обороте энколпиона – изображение Богоматери Одигитрии с младенцем на левой руке и склоненной к нему головой (так называемая сцена Умиления). Черты лица и детали одежды изображенных на обеих сторонах креста из-за потертости практически не видны. Также слабо просматривается сюжет орнамента на плоских поверхностях энколпиона. Скорее всего, речь идет о декоре растительного характера – стилизованных изображениях цветочных бутонов на концах креста и линиях побегов растений между ними.

Анализ. Данный раздел включает наблюдения в отношении атрибуции, датировки и исторического контекста находки. С учетом широких возможностей для ее интерпретации мы склонны рассматривать выводы исследования как предварительные, требующие своего продолжения, в том числе на основе новых археологических материалов.

Несмотря на незавершенность металлографических исследований, сомневаться в принадлежности изделия к особой категории предметов личного христианского благочестия – нательным крестам-энколпионам – не приходится³. Данный разряд христианских древностей хорошо известен в литературе благодаря многочисленным публикациям таких находок из раскопок византийских памятников, а также общим сводам «византийских» (в широком смысле) энколпионов IX–XIV вв. с территории Византии, Древней Руси, Балкано-Дунайского и Карпато-Днестровского регионов, изданным Г.Ф. Корзухиной и

А.А. Песковой [30], Б. Питаракис [47], Л. Дончевой-Петковой [21] и С. Рябцевой [48]. Не вдаваясь в детали сложившихся представлений о терминологии, центрах производства, типологии и иконографии крестов-реликвариев (см. об этом: [40]), подчеркнем важный для нашего исследования вывод об их назначении: энколпионы, несмотря на свою многочисленность и морфологически-иконографические стандарты, практически всегда являются неординарными находками для любого археологического памятника или местности и относятся к числу предметов личного благочестия действовавших здесь представителей христианского духовенства.

Кресты-энколпионы также хорошо известны на памятниках средневековой Таврики, начиная от Херсона, что неудивительно с учетом его особой роли в церковно-политической истории региона [37, с. 236–245, 518–528, № 186–202], и практически на всех крупных городских центрах полуострова, где сохранились следы жизнедеятельности местных христианских общин (наиболее полные сводки находок см.: [15; 34, с. 165–171]; неучтенные либо опубликованные позднее кресты-мошевики см.: [4, с. 103, рис. 190; 5, с. 9, ил. 2, 3, ил. 3; 43, с. 117, рис. 37; 46; 35, с. 103–109, рис. 1, 2, рис. 2, 1, 3–4]). Подавляющее большинство таких крестов датируются исследователями в широких пределах – от IX–X до XIII–XIV веков. Однако эта хронология не выглядит совершенной. Энколпионы продолжали использоваться в Таврике и позднее, о чем свидетельствуют их находки в слое пожара третьей четверти XV в. при раскопках храма у подножия г. Килиса-Кая [35, с. 104, 109] и в слоях разрушения двух поздних кварталных церквей XV–XVI вв. Мангупского городища, посвященных св. Константину [15, с. 356–357, рис. 2, 1, 3] и св. Георгию [16, с. 66, ил. 30].

Казалось бы, источниковая база исследования выглядит достаточной для точной атрибуции любых новых материалов, тем не менее при изучении энколпиона из раскопок Мангупского дворца мы столкнулись с определенной проблемой – отсутствием прямых или даже близких ему аналогий среди опубликованного массива крестов-мошевиков на памятниках средневекового Крыма и других

регионов византийского православия. Ее решение выглядит несколько неожиданным. По форме, орнаментации и иконографии изображений чрезвычайно близкими нашей находке оказывается небольшая группа «латинских» литых серебряных нательных крестов конца XIV–XV вв., обнаруженных в разное время на памятниках южнобережного Крыма, которые в этот период входили в состав так называемой Генуэзской Газарии – особого политического образования, включавшего все территориальные владения Генуи в Крыму и в Северном Причерноморье (подробнее о термине см.: [8]).

Рассматриваемая группа «латинских» крестов-тельников состоит всего из четырех предметов. Первые два креста, отлитые в одной форме, с трехлопастными завершениями концов, украшенных цветочными бутонами или пальметтами, и различными комбинациями деталей сцен Распятия и Богоматери Одигитрии (с младенцем на правой руке) при монтаже, происходят из Ай-Васильского клада, обнаруженного еще в 1901 г. на территории Ялты. Клад включал также 61 серебряную монету, в том числе 43 генуэзско-татарских аспра, четыре акче крымского хана Хаджи-Гирея (1441–1466) и дирхем одного из ранних правителей Большой Орды хана Махмуда (1459–1465), серебряную чашу, медное блюдо, фрагмент серебряной цепи и три серебряных перстня, щиток одного из которых представлял собой напаянный дукат венецианского дожа Томмазо Мочениго (1413–1423) [25; 31, с. 256–259, рис. 9] (о хане Махмуде см.: [42, с. 189–190]). По замечанию М.Г. Крамаровского, наиболее поздняя монета из клада – дирхем хана Махмуда – позволяет датировать его около 1465 г. или второй третью XV в. [31, с. 257].

Третий «латинский» нательный крест был найден в 1995 г. в ходе раскопок христианского монастырского комплекса X–XVI вв. на юго-восточном склоне г. Аю-Даг, в бухте Панаир [1, с. 19–20, рис. 97–98; 3, с. 14–15, рис. 5–6]. Точный стратиграфический контекст находки в опубликованных материалах исследований отсутствует. По наблюдениям автора раскопок, крест происходит из культурного слоя на участке к северу от монастырской ограды (так называемое помещение № 7), где

во второй половине XIV–XVI вв. функционировал некрополь монастыря. По аналогии с крестами из Ай-Васильского клада находка датирована концом XIV–XV вв. [1, с. 19–20]. Со своей стороны заметим, что морфология аю-дагского креста, особенно в части оформления его концов, иконография изображений, прежде всего сцены Распятия, позолоченность фигуры Богоматери являются наиболее близкими энколпиону из раскопок Мангупского дворца. Пожалуй, единственным серьезным отличием между ними выступает фоновый орнамент в виде сетчатой штриховки на обеих сторонах креста из Аю-Дага, отсутствующий на мангупской находке.

Наконец, последний литой нательный крест интересующей нас группы предметов личного благочестия с «латинскими» чертами происходит из раскопок 2005 г. генуэзской крепости Чембало. Здесь он был обнаружен в нижних слоях заполнения воротной башни № 2 (слои № 11–12), которые по сопутствующему материалу датируются, скорее всего, первой третью XV вв. [2, с. 14–16, рис. 84, 88]. На лицевой стороне креста-тельника – стилизованное изображение сцены Распятия в западнохристианской традиции; свободная поверхность покрыта сетчатой штриховкой в технике гравировки. Оборот изделия – гладкий.

Анализируя перечисленные предметы личного благочестия, нельзя не обратить внимания на их поразительное, до деталей, сходство с мангупской находкой по всем основным признакам – морфологическим (равноконечные кресты с трехлопастными или близкими к ним треугольными концами), иконографическим (западнохристианская трактовка сцен Распятия Иисуса Христа и Умиления в образе Богоматери Одигитрии), технологическим (серебряное литье с последующей гравировкой линий и изображений в высоком рельефе; использование техники плакировки золотом последних) и орнаментальным (стилизованные изображения цветочных бутонов или пальметт, побегов растений; использование фоновой сетчатой штриховки). Это, безусловно, свидетельствует об их общей («латинской») ремесленной традиции и едином центре изготовления.

М.Г. Крамаровский, рассматривая находки крестов из Ай-Василя и Аю-Дага, пришел

к справедливому выводу о том, что все они являются продукцией одной мастерской Каффы, в которой работал как стипендиарий фактории выходец из Северной Италии (Лигурии?). На это, по его мнению, указывают «латинский» стиль изделий и отсутствие прямых аналогий им среди подобных предметов личного благочестия в городах Латинской Романии и в самой Италии [31, с. 257]. Еще одно важное заключение исследователя – принадлежность клада с крестами из Ай-Василя священнику находившегося там католического прихода, что свидетельствует о попытке усиления католической пропаганды среди местного, в основном православного, населения южнобережной Готии [31, с. 258–259].

С этой атрибуцией интересующей нас группы «латинских» крестов из Крыма, которая теперь расширяется за счет находок из Чембало и Мангупа, мы в целом согласны. В таком случае вряд ли можно говорить об их значительной хронологии. С учетом стипендиарного характера условий работы для приезжего мастера-ремесленника в Каффе, скорее всего, речь идет об одном или двух десятилетиях функционирования мастерской, не более. Короткий по времени накопления клад из Ай-Василя, как лучше всего датированный археологический комплекс с такими крестами, позволяет предметно говорить о периоде их выпуска – в пределах третьей четверти XV в., не позднее, так как завоевание Крыма Османской империей летом – осенью 1475 г. полностью разрушило систему политического управления и организации ремесла и торговли Генуэзской Газарии в регионе. Нужно также сказать, что эта датировка для «латинского» креста-энколпиона из раскопок Мангупского дворца хорошо вписывается в стратиграфию памятника, в которой археологические комплексы и культурные напластования 1450–1475 гг. достаточно выразительны [17, с. 57].

Несколько слов об историческом контексте находки применительно к истории Мангупского городища. Безусловно, она представляется неординарной, ввиду полного отсутствия каких-либо материальных свидетельств о католическом духовенстве на Мангупе в XV в. и крайней редкости таковых вообще для выходцев из Италии, и важной, в свете хорошо известных регулярных контактов админи-

страции Генуэзской Газарии и политической верхушки княжества Феодоро в этот период. По сути, за многие годы раскопок памятника можно говорить, с разной степенью надежности, лишь о двух предметах итальянского происхождения, обнаруженных здесь. Уверенно к ним относится золотой перстень с родовым гербом генуэзской семьи Спинола, найденный в 1913 г. в одной из поздних могил на территории Большой трехнефной базилики [33, с. 298] (о перстне см.: [31, с. 245–251, рис. 1; 32]), предположительно – граффити геральдического характера на тыльной стороне надгробия с территории караимского кладбища в верховьях балки Табана-дере. Последнее состоит из двух изображений родовых гербов в виде щитов треугольной (с тремя штандартами) и подпрямоугольной (с разлинейкой вертикальными и косыми линиями) форм, между которыми помещены христограмма и схематическое изображение «вавилона» (?) с греческими буквами [29, с. 250–251, рис. 1]. Несмотря на неясный до конца стратиграфический контекст обеих находок, их соотнесение с историей Мангупа интересующего нас периода времени вполне допустимо.

Что же может означать находка «латинского» креста-энколпиона в культурном слое третьей четверти XV в. одного из центральных объектов городища, накануне османского вторжения в пределы княжества Феодоро?

В свое время М.Г. Крамаровский, пытаясь объяснить находку личного перстня одного из представителей генуэзской аристократической фамилии Спинола на Мангупе, погребенного на территории кафедрального собора Готской митрополии Константинопольского патриархата, пришел к выводу о возможности такого захоронения лишь в условиях экстремальной ситуации на городище, которая могла сложиться во время турецкой осады крепости летом – осенью 1475 года. Другой вариант его интерпретации – военный трофей [32, с. 386]. С учетом наших знаний об истории генуэзско-феодоритских отношений в XV в., по-прежнему во многом основанных на их интерпретации А.А. Васильевым [49, р. 201–264] (из более поздних исследований, расширяющих проблематику и круг источников, см.: [36; 26, с. 39–40, 51–52; 6, с. 417–418; 20]) и явно уступающих, по проработке

деталей, степени изученности контактов Феодоро с Трапезундской империей [41; 27, с. 416–417] или Молдавским княжеством [11], обе эти версии применительно в нашему энколпиону кажутся вполне обоснованными. Хотя случай с его трофейным происхождением, в первую очередь из-за простоты решения проблемы, представляется все-таки маловероятным. Тем не менее позволим себе назвать еще две возможные причины, объясняющие присутствие креста на памятнике для периода 1450–1475 годов.

Прежде всего, крест с вложениями, безусловно являвшийся личным атрибутом одежды католического священнослужителя, мог оказаться на Мангупе в результате прибытия в столицу княжества Феодоро неизвестного в источниках генуэзского посольства с целью учреждения здесь постоянной католической миссии (монастыря, прихода). Несмотря на отсутствие в настоящий момент каких-либо указаний на это в источниках, данная гипотеза нам не кажется невозможной с учетом активизации и разнообразия генуэзско-феодоритских контактов после гибели Византии в 1453 г. в условиях реального роста османской угрозы для Крыма с этого времени и общей слабой изученности истории католической церкви на полуострове в поздневизантийский период (некоторые общие сведения см.: [7, с. 32–34; 28]). Сложившиеся в историографии представления о том, что организационная деятельность католического духовенства по обустройству собственных епархий или приходов, как и миссионерство западных христианских монашеских орденов (прежде всего францисканцев и доминиканцев), была ограничена политико-административными пределами Генуэзской Газарии и не затронула области Горного Крыма, могут быть серьезно скорректированы при появлении любого нового документа, как в случае с недавней публикацией Р. Хауталой письма Ладислава, главы францисканских миссий в Северном Причерноморье, свидетельствующего об основании им около 1287 г. церкви Св. Девы и соответствующей католической миссии в Кырк-Оре (Чуфут-Кале; в тексте – Керквети) [44; 45, с. 72–73] (об исторической географии Генуэзской Газарии см.: [9]).

Другой возможной причиной, по которой «латинский» крест-энколпион мог оказаться в культурном слое Мангупского княжеского дворца, является включение в состав генуэзского посольства в Феодоро католического священника. Для периода 1450–1475 гг. нам известно о множестве дипломатических контактов между Мангупом и Каффой, сведения о которых сохранили массарии – бухгалтерские книги казначейства последней. Наиболее интересны в связи с темой исследований упоминания о двух посольствах генуэзцев в столицу княжества Феодоро в 1455 и 1465 гг., а также о пребывании мангупского князя Исаака около 1471 г. в самой Каффе, завершившемся заключением мирного договора между государствами, которому, безусловно, предшествовало прибытие генуэзской дипломатической миссии на Мангуп (подробнее о них см.: [49, р. 231–233, 236–237; 36, с. 354–358, 402; 20, с. 137–139]). Нам неизвестен полный состав этих итальянских посольств в Феодоро, однако присутствие в них представителей католического духовенства кажется вполне логичным.

Результаты. Обнаруженный в культурном слое Мангупского княжеского дворца крест-энколпион западноевропейского типа является важным историческим источником, позволяющим с учетом имеющихся письменных и археологических свидетельств вновь обратиться к изучению политических контактов Генуэзской Газарии и княжества Феодоро в XV в., а также характеру и направлениям католической экспансии на Крымском полуострове в это время.

Проведенный всесторонний анализ находки делает возможным соотнести ее с небольшой группой нательных литых серебряных крестов с «латинскими» чертами, которые, очевидно, выпускались в течение третьей четверти XV в. в одной из ремесленных мастерских Каффы. Их автором являлся мастер-стипендиарий, скорее всего переселившийся в столицу Генуэзской Газарии из Северной Италии.

Среди множества причин, по которым данный энколпион как обязательный атрибут одежды католического священнослужителя мог оказаться на Мангупе, наиболее веро-

ятными представляются следующие: неизвестное в источниках генуэзское посольство в столицу православного княжества Феодоро в период 1450–1475 гг. с целью учреждения здесь постоянной католической миссии (прихода, монастыря); присутствие католического священника в составе крупных посольств Каффы ко двору правителей Феодоро в 1455, 1465 или около 1471 гг.; участие генуэзцев, бежавших из Каффы после ее захвата османской армией, в последующей героической обороне Мангупской крепости летом – осенью 1475 года.

Благодарности. Выражаем признательность А.Г. Герцену, руководителю Мангупской археологической экспедиции ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», за возможность самостоятельной публикации находки, а также В.В. Майко и Э.А. Хайрединовой за помощь в ее атрибуции. Графическая фиксация креста-энколпиона выполнена В.К. Ганцевым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ №19-09-00124 «Дворцовый комплекс Мангупского городища – резиденция правителей княжества Феодоро в Юго-Западном Крыму. Проблемы хронологии, планировки и архитектурной реконструкции памятника».

The study was carried out within the framework of the project of Russian Foundation for Basic Research №19-09-00124 “The palace complex of the Mangup fortress – the residence of the rulers of the principality of Theodoro in the South-Western Crimea. Problems of chronology, planning and architectural reconstruction of the monument”.

² Определение материала изделия выполнено с помощью рентгенофлюоресцентного метода в лаборатории Физико-технического института ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского». Авторы исследования – Е.М. Максимова и И.А. Наухацкий.

³ В ходе металлографического анализа находки осталась неизученной ее внутренняя полость, где должны сохраняться остатки вложений (чудотворных мощей). Примеры подобных исследований см.: [39].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Княжеский дворец Мангупского городища. Общий план участка исследований 2006–2019 гг.

Fig. 1. Prince's Palace of Mangup. General Plan of the Research Area 2006–2019

Рис. 2. «Латинский» крест-энколпион третьей четверти XV в. из раскопок Мангупского княжеского дворца (2019 г., квадрат № 46, дерновый слой)

Fig. 2. "Latin" Cross-Encolpion of the third quarter of the 15th Century from the excavations of the Prince's Palace of Mangup (2019, quadrant no. 46, top layer)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адаксина, С. Б. Монастырский комплекс X–XVI вв. на г. Аю-Даг / С. Б. Адаксина. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – 116 с.

2. Адаксина, С. Б. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 г. / С. Б. Адаксина, В. П. Кирилко, В. Л. Мыц. – СПб. ; Симферополь : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. – 223 с.

3. Адаксина, С. Б. Работы Южно-Крымской археологической экспедиции / С. Б. Адаксина // Археологические исследования в Крыму. 1995 год / отв. ред. В. Л. Мыц. – Симферополь : Сонат, 2007. – С. 11–15.

4. Адаксина, С. Б. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008–2009 гг. / С. Б. Адаксина, В. Л. Мыц, С. В. Ушаков. – СПб. ; Симферополь : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. – 303 с.

5. Айбабин, А. И. Предметы христианского культа из раскопок 2003–2008 гг. на городище Эски-Кермен / А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова // Труды Государственного Эрмитажа. – 2013. – [Т.] 69 : Византия в контексте мировой культуры : сб. науч. тр., посвящ. памяти А.В. Банк (1906–1984). – С. 7–21.

6. Акты генуэзских нотариюв, составленные в Каффе и в других городах Причерноморья в XIV–XV вв. / под ред. С. П. Карпова ; сост. М. Г. Альваро [и др.]. – М. ; СПб. : Алетей, 2018. – 760 с. – (Причерноморье в Средние века ; вып. X).

7. Богданова, Н. М. Церковь в Херсоне в X–XV вв. / Н.М. Богданова // Византия. Средиземноморье. Славянский мир : сборник. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – С. 19–49.

8. Бочаров, С. Г. Археология Генуэзской Газарии. Введение в научную проблему / С. Г. Бочаров // Византийское содружество: традиции и смена парадигм : тез. докл. XXII Всерос. науч. сес. византинистов / под ред. М. В. Графианского, Т. В. Куц. – Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2019. – С. 24–27.

9. Бочаров, С. Г. Историческая география крымских владений Генуэзской Газарии (1275–1475) / С. Г. Бочаров // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / под ред. С. Г. Бочарова, А. Г. Ситдикова. – Казань ; Кишинев : Ин-т археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2019. – С. 741–770.

10. Ганцев, В. К. Трехручная стеклянная лампада XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища / В. К. Ганцев // XXI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте» : материалы Междунар. науч. конф. / ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. – Симферополь ; Керчь : НИЦ ИАК КФУ ; ИАК РАН ; ЦАИБФ «Деметра», 2020. – С. 84–89.

11. Герцен, А. Г. Молдавия и княжество Феодоро в 1475 г. / А. Г. Герцен // Античная древность и средние века. – 2004. – Вып. 35. – С. 226–240.

12. Герцен, А. Г. Сасанидский перстень из раскопок Мангупа / А. Г. Герцен // IX Международная Крымская конференция по религиоведению «Небесные патроны и земные служители культа» : тез. докл. и сообщ. – Севастополь : Херсонес Таврический, 2007. – С. 18–19.

13. Герцен, А. Г. Золотоордынское зеркало из раскопок княжеского дворца Мангупа / А. Г. Герцен // Откровения древнего Солхата. – Керчь : Боспор, 2010. – С. 96–105.

14. Герцен, А. Г. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища / А. Г. Герцен, В. Е. Науменко // Труды Государственного Эрмитажа. – 2010. – [Т.] 51 : Византия в контексте мировой культуры : материалы конф., посвящ. памяти А.В. Банк (1906–1984). – С. 387–419.

15. Герцен, А. Г. Древнерусские энколпионы из Юго-Западного Крыма / А. Г. Герцен, Т. Ю. Яшашева // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. – СПб. : Нестор-История, 2010. – С. 355–362.

16. Герцен, А. Г. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.) / А. Г. Герцен, В. Е. Науменко, Т. Ю. Шведчикова ; отв. ред. А. И. Айбабин. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. – 272 с.

17. Герцен, А. Г. Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006–2017 гг. (предварительное сообщение) / А. Г. Герцен, В. Е. Науменко, А. А. Душенко // X Международный Византийский семинар «Χερσόβος Θέματα: империя и полис» : материалы науч. конф. / отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Севастополь : ИАК РАН, 2018. – С. 53–58.

18. Герцен, А. Г. Основные итоги и перспективы исследований княжеского дворца Мангупского городища / А. Г. Герцен, В. Е. Науменко, А. А. Душенко // XX Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований» : материалы Междунар. науч. конф. / ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. – Симферополь ; Керчь : НИЦ ИАК КФУ ; ЦАИБФ «Деметра», 2019. – С. 139–148.

19. Герцен, А. Г. Княжеский дворец Мангупского городища. Проблемы архитектурно-археологической реконструкции памятника / А. Г. Герцен, В. Е. Науменко, А. А. Душенко, Д. В. Июжица // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма : сб. материалов VI Науч.-

практ. конф. / гл. ред. В. Е. Науменко. – Симферополь : Ариал, 2019. – С. 60–70.

20. Джанов, А. В. Каффа, Крымское ханство и османы в 1454–1456 гг. По данным книг массарии Каффы / А. В. Джанов // Сугдейський збірник. – 2019. – Вип. 2 (VIII). – С. 79–373.

21. Дончева-Петкова, Л. Средновековни кръсто-в-енколпиони от България (IX–XIV вв.) / Л. Дончева-Петкова. – София : Проф. Марин Дринов, 2011. – 735 с.

22. Душенко, А. А. Предметы из кости и рога из раскопок дворца правителей Феодоро (Мангуп) / А. А. Душенко // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2015. – Вып. XX. – С. 233–262.

23. Душенко, А. А. Нумизматический комплекс Мангупского княжеского дворца: статистический обзор (раскопки 2006–2018 гг.) / А. А. Душенко // XII Международный Византийский семинар «Χερσόβος Θέματα: империя и полис»: материалы науч. конф. / отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь : Колорит, 2020. – С. 91–98.

24. Душенко, А. А. Металлические зеркала из раскопок Мангупского княжеского дворца / А. А. Душенко // XXI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте»: материалы Междунар. науч. конф. / ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. – Симферополь ; Керчь : НИЦ ИАК КФУ; ИАК РАН; ЦАИ БФ «Деметра», 2020. – С. 101–109.

25. Залеская, В. Н. Клад из Ай-Василя: об историко-культурных связях средневековой Ялты / В. Н. Залеская // Античная древность и средние века. – 1995. – Вып. 27 : Византия и средневековый Крым. – С. 98–101.

26. Карпов, С. П. Регесты документов Фонда Diversorum Filze Секретного Архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья / С. П. Карпов // Причерноморье в средние века. – СПб. : Алетей, 1998. – Вып. III. – С. 9–81.

27. Карпов, С. П. История Трапезундской империи / С. П. Карпов. – СПб. : Алетей, 2007. – 624 с.

28. Карпов, С. П. Вера и церковь в Генуэзской Газарии / С. П. Карпов // История Крыма. В 2 т. Т. 1 / отв. ред. А. В. Юрасов. – М. : Кучково поле, 2019. – С. 353–355.

29. Кашовская, Н. В. К итогам изучения каримского некрополя в ущелье Табана-дере (Мангуп): проблемы хронологии и периодизации / Н. В. Кашовская // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2017. – Вып. XXII. – С. 239–277.

30. Корзухина, Г. Ф. Древнерусские энколпионы. Кресты-реликварии XI–XIII вв. / Г. Ф. Корзухина, А. А. Пескова. – СПб. : Петерб. востоковедение, 2003. – 432 с.

31. Крамаровский, М. Г. Латинская Романия и золотоордынский Крым. Латинские перстневые находки и печати в Северном Причерноморье. Клад из Ай-Василь / М. Г. Крамаровский // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / гл. ред. А. В. Евглевский. – Донецк : ДонГУ, 2000. – С. 245–263.

32. Крамаровский, М. Г. Перстень с родовым гербом семьи Спинола, найденный на Мангупе / М. Г. Крамаровский // Античная древность и средние века. – 2001. – Вып. 32. – С. 376–386.

33. Лепер, Р. Х. Сообщение о раскопках на Мангупе в 1913 г. / Р. Х. Лепер // Известия Таврической Ученой Архивной комиссии. – 1914. – № 51. – С. 297–300.

34. Майко, В. В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. / В. В. Майко. – К. : Вид. Олег Филлок, 2014. – 467 с.

35. Майко, В. В. Комплекс христианских раритетов из раскопок храма у подножия горы Килиса-Кая близ Судака / В. В. Майко // Χερσόβος Θέματα. Вып. 2. Миры Византии : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь : ИАК РАН, 2019. – С. 103–114.

36. Мыц, В. Л. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты / В. Л. Мыц. – Симферополь : Универсум, 2009. – 528 с.

37. Наследие византийского Херсона / Т. Яшавина [и др.]. – Севастополь : Телескоп ; Остин : Ин-т классической археологии, 2011. – 708 с.

38. Науменко, В. Е. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Южного участка комплекса (по материалам коллекции Р.Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) / В. Е. Науменко, А. А. Душенко // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2017. – Вып. XXII. – С. 187–238.

39. Невидимые святые. Вложения в средневековых крестах-энколпионах по данным комплексных аналитических исследований / Н. А. Макаров [и др.] // Краткие сообщения Института археологии. – 2020. – Вып. 258. – С. 25–45.

40. Пескова, А. А. Традиция изображения святых на византийских крестах-реликвариях / А. А. Пескова // Archeologia Abrahamica : Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / ред.-сост. Л. А. Беляев. – М. : Индрик, 2009. – С. 285–312.

41. Степаненко, В. П. Владетели Феодоро и византийская аристократия XV в. / В. П. Степаненко // Античная древность и средние века. – 2001. – Вып. 32. – С. 335–353.

42. Трепавлов, В. В. Большая Орда // История татар с древнейших времен. В 7 т. Т. 4. Татарские государства XV–XVIII вв. / науч. ред. тома И. Миргалеев. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2014. – С. 180–196.

43. Турова, Н. П. Средневековый пещерный комплекс хребта Июграф над г. Ялта / Н. П. Турова // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. – 2014. – Вып. 6. – С. 93–173.

44. Хаутала, Р. Письмо Ладислава, францисканского кустодия Газарии (Каффа, 10 апреля 1287 г.) / Р. Хаутала // Золотоордынское обозрение. – 2017. – Т. 5, № 1. – С. 193–199.

45. Хаутала, Р. Францисканцы и доминиканцы в Золотой Орде. Развитие миссионерской деятельности до середины XIV в. / Р. Хаутала // Золотоордынское наследие. Вып. 3 : материалы VI Международного Золотоордынского форума «Рах Татарика : Генезис и наследие Золотой Орды». – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АНРТ, 2019. – С. 69–86.

46. Яшаева, Т. Ю. Крест-энколпион с вложением из Херсонесской базилики 1935 г. / Т. Ю. Яшаева // Труды Государственного Эрмитажа. – 2017. – [Т.] 89 : Византия в контексте мировой культуры : материалы конф., посвящ. памяти А.В. Банк (1906–1984). – С. 81–89.

47. Pitarakis, B. Les croix-reliquaires pectorales Byzantines en bronze / B. Pitarakis. – P. : Picard, 2006. – 427 p.

48. Ryabtseva, S. Pectoral Reliquary-Crosses from the Carpathian-Dniester Region, 11th–16th Centuries / S. Ryabtseva // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Vol. II / ed. by M. Salamon [et al.]. – Kraków ; Leipzig : Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas ; Warszawa : Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk ; Rzeszów : Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2012. – P. 527–543.

49. Vasiliev, A. A. The Goths in the Crimea / A. A. Vasiliev. – Cambridge ; Massachusetts : Mediaeval Academy of America, 1936. – 292 p.

REFERENCES

1. Adaksina S.B. Monastyrskiy kompleks X–XVI vv. na g. Ayu-Dag [Monastery complex of the 10th–16th centuries in Ayu-Dag]. St. Petersburg, Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2002. 116 p.

2. Adaksina S.B., Kirilko V.P., Myts V.L. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2005 g. [Report on archaeological research of the medieval fortress of Cembalo (Balaklava) in 2005]. St. Petersburg, Simferopol, Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2006. 223 p.

3. Myts V.L., ed. Adaksina S.B. Raboty Yuzhno-Krymskoy arheologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of the South Crimean archaeological expedition]. *Arheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1995 god*

[Archaeological Researches in Crimea in 1995]. Simferopol, Sonat Publ., 2007, pp. 11–15.

4. Adaksina S.B., Myts V.L., Ushakov S.V. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2008–2009 gg. [Report on archaeological research of the medieval fortress of Cembalo (Balaklava) in 2008–2009]. St. Petersburg, Simferopol, Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2010. 303 p.

5. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Predmety khristianskogo kulta iz raskopok 2003–2008 gg. na gorodishche Eski-Kermen [Christian Religious Items from Excavations at the Eski-Kermen Settlement in 2003–2008]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage], 2013, vol. 69: Vizantiya v kontekste mirovoy kultury: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchenny pamyati A.V. Bank (1906–1984) [Byzantium within the Context of the World Culture: collection of scientific papers dedicated to the memory of A.V. Bank (1906–1984)], pp. 7–21.

6. Karpov S.P., ed. Akty genuezskikh notariev, sostavlennyye v Kaffe i v drugikh gorodakh Prichernomorya v XIV–XV vv. [Acts of Genoese Notaries drawn up in Kaffa and other cities of the Black Sea region in the XIV–XV centuries]. Moscow, St. Petersburg, Aletheia Publ., 2018. 760 p. (Prichernomorie v Srednie veka [Black Sea Region in the Middle Ages]; vol. 10).

7. Bogdanova N.M. Tserkov v Khersone v X–XV vv. [Church in Kherson in the X–XV centuries]. *Vizantiya. Sredizemnomore. Slavyanskiy mir* [Byzantium. Mediterranean. Slavic World]. Moscow, Izdatelstvo MGU Publ., 1991, pp. 19–49.

8. Bocharov S.G. Arkheologiya Genuezskoy Gazarii. Vvedenie v nauchnyu problemu [Archaeology of Genoese Gazaria. Introduction to the scientific problem]. Gratsiansky M.V., Kushch T.V., eds. *Vizantiyskoe sodruzhestvo: traditsii i smena paradigm: tezisy dokladov XXII Vserossiyskoy nauchnoy sessii vizantinistov* [The Byzantine Commonwealth: traditions and paradigm shift: abstracts of the 22nd Russian scientific session of the byzantinists]. Ekaterinburg, Izdatelstvo UrFU Publ., 2019, pp. 24–27.

9. Bocharov S.G. Istoricheskaya geografiya krymskikh vladeny Genuezskoy Gazarii (1275–1475) [Historical Geography of the Crimean Territories of the Genoese Gazaria (1275–1475)]. Bocharov S.G., Sitdikov A.G., eds. *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda* [The Genoese Gazaria and the Golden Horde]. Vol. 2. Kazan, Kishinev, Institut arkheologii im. A.H. Khalikova ANRT Publ., 2019, pp. 741–770.

10. Gantsev V.K. Trekhruchnaya steklyannaya lampada XV v. iz raskopok knyazheskogo dvortsa Mangupskogo gorodishcha [Three-handle glass lamp

of the 15th century from the excavations of the Prince's Palace of Mangup]. Zinko V.N., Zinko E.A., eds. *XXI Bosporskie chteniya "Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Obekty iskusstva v arkhelogicheskom kontekste"*. *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The 21st Bosporan Readings. Cimmerian Bosphorus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Objects of Art in an Archaeological Context: materials of International Scholarly Conference]. Simferopol, Kerch, NIC IAK KFU, IAK RAN, CAI BF "Demetra" Publ., 2020, pp. 84–89.

11. Gertsen A.G. Moldaviya i knyazhestvo Feodoro v 1475 g. [Moldavia and the Principality of Feodoro in 1475]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquities and the Middle Ages], 2004, vol. 35, pp. 226–240.

12. Gertsen A.G. Sasanidskiy persten iz raskopok Mangupa [A Sasanidian Ring from the Mangup excavations]. *IX Mezhdunarodnaya Krymskaya konferentsiya po religiovedeniyu "Nebesnye patrony i zemnye sluzhiteli kulta"*. *Tezisy dokladov i soobshcheniy* [The 9th International Crimean conference on Religious studies "Heavenly Patrons and Earthly Ministers of worship": abstracts]. Sevastopol, NZ "Khersones Tavricheskiy" Publ., 2007, pp. 18–19.

13. Gertsen A.G. Zolotoordynskoe zerkalo iz raskopok knyazheskogo dvortsa Mangupa [Golden Horde Mirror from the excavations of the Prince's Palace of Mangup]. *Otkroveniya drevnego Solkhata* [Revelations of ancient Solhat]. Kerch ; Bospor, 2010, pp. 96–105.

14. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Arkheologicheskiy kompleks tretey chetverti XV v. iz raskopok knyazheskogo dvortsa Mangupskogo gorodishcha [An Archaeological Complex of the third quarter of the 15th century from the Prince's Palace of the Mangup Site]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage], 2010, vol. 51: *Vizantiya v kontekste mirovoy kultury: materialy konferentsii, posvyashchennoy pamyati A.V. Bank (1906–1984)* [Byzantium within the Context of the World Culture: materials of conference dedicated to the memory of A.V. Bank (1906–1984)], pp. 387–419.

15. Gertsen A.G., Yashaeva T.Yu. Drevnerusskie enkolpiony iz Yugo-Zapadnogo Kryma [Ancient Rus Reliquary Crosses from South-West Crimea]. *Slavyano-russkoe yuvelirnoe delo i ego istoki. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya G.F. Korzukhinoy* [Slavic and Old Russian Art of Jewelry and Its Roots. Materials of International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of Gali Korzukhina's birth]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2010, pp. 355–362.

16. Aibabin A.I., ed. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Yu. Naselenie Dorosa-Feodoro po rezultatam kompleksnogo arkhelogo-antropologicheskogo analiza nekropoley Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.) [The population of Doros-Feodoro based on the results of a comprehensive archaeological and anthropological analysis of the necropolises of the Mangup settlement (IV–XVII centuries)]. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 272 p.

17. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A. Knyazheskiy dvorets Mangupskogo gorodishcha. Stratigrafiya uchastka issledovaniy 2006–2017 gg. (predvaritelnoe soobshchenie) [Prince's Palace at the Ancient City of Mangup. Stratigraphy of the 2006–2017 Research Area (A Preliminary Communication)]. Alekseenko N.A., ed. *X Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy seminar "Chersōnos themata: 'imperiya' i 'polis'"*. *Materialy nauchnoy konferentsii* [The 10th International Byzantine Seminar «Chersōnos themata: 'empire' and 'polis'». Materials of scientific conference]. Sevastopol, IAK RAN Publ., 2018, pp. 53–58.

18. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy knyazheskogo dvortsa Mangupskogo gorodishcha [The main Results and prospects of research of the princely palace of the Mangup settlement]. Zinko V.N., Zinko E.A., eds. *XX Bosporskie chteniya "Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy"*. *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The 20th Bosporan Readings. Cimmerian Bosphorus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Main Results and prospects of research: materials of International Scholarly Conference]. Simferopol; Kerch, NIC IAK KFU, CAI BF "Demetra" Publ., 2019, pp. 139–148.

19. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A., Iozhitsa D.V. Knyazheskiy dvorets Mangupskogo gorodishcha. Problemy arhitekturno-arheologicheskoy rekonstruktsii pamyatnika [Prince's Palace of Mangup settlement. Problems of architectural and archaeological reconstruction of the monument]. Naumenko V.E., ed. *Aktualnye voprosy okhrany i ispolzovaniya kulturnogo naslediya Kryma. Sbornik materialov VI nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Current issues of protection and use of the cultural heritage of the Crimea. Collection of materials of the 6th Scientific and Practical conference]. Simferopol, IT "Arial" Publ., 2019, pp. 60–70.

20. Dzhanov A.V. Kaffa, Krymskoe khanstvo i osmany v 1454–1456 gg. po dannym knig massarii Kaffy [Caffa, the Crimean Khanat and the Ottomans in 1454–1456 (according to data from the books of Caffa Massaria)]. *Sugdeyskiy zbornik* [Sugdeian Collection], 2019, vol. 2 (VIII), pp. 79–373.

21. Doncheva-Petkova L. Srednovekovni krastove-encolpioni ot Balgaria (IX–XIV vv.) [Medieval Crosses-Encolpia from Bulgaria (9th–14th centuries)]. Sofiya, Akademichno izdatelstvo «Prof. Marin Drinov» Publ., 2011. 735 p.
22. Dushenko A.A. Predmety iz kosti i roga iz raskopok dvortsa praviteley Feodoro (Mangup) [Bone and Antler Artefacts Excavated in the Palace of the Princes of Theodoro (Mangup)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2015, vol. XX, pp. 233–262.
23. Dushenko A.A. Numizmaticheskiy kompleks Mangupskogo knyazheskogo dvortsa: statisticheskiy obzor (raskopki 2006–2018 gg.) [Numismatic complex of the Prince's Palace of Mangup: statistical review (excavations 2006–2018)]. Alekseenko N.A., ed. *XII Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy seminar "Chersōnos themata: 'imperiya' i 'polis'"*. *Materialy nauchnoy konferentsii* [The 12th International Byzantine Seminar "Chersōnos themata: 'empire' and 'polis'"]. Materials of scientific conference]. Simferopol, Kolorit Publ., 2020, pp. 91–98.
24. Dushenko A.A. Metallicheskie zerkala iz raskopok Mangupskogo knyazheskogo dvortsa [Metal Mirrors from the excavations of the Prince's Palace of Mangup]. Zinko V.N., Zinko E.A., eds. *XXI Bosporskie chteniya "Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekova. Obekty iskusstva v arkheologicheskoy kontekste"*. *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The 21st Bosporan Readings. Cimmerian Bosphorus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Objects of Art in an Archaeological Context: materials of International Scholarly Conference]. Simferopol, Kerch, NIC IAK KFU, IAK RAN, CAI BF "Demetra" Publ., 2020, pp. 101–109.
25. Zalesskaya V.N. Klad iz Ay-Vasilya: ob istoriko-kulturnykh svyazyakh srednevekovoy Yality [Treasure from Ai-Vasil: about the historical and cultural ties of medieval Yalta]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquities and the Middle Ages], 1995, vol. 27: Vizantiya i srednevekovyy Krym [Byzantium and the medieval Crimea], pp. 98–101.
26. Karpov S.P. Regesty dokumentov Fonda Diversorum Filze Sekretного Arkhiva Genui, otnosyashchiesya k istorii Prichernomor'ya [Regests of documents of the Diversorum Filze Foundation of the Secret Archive of Genoa related to the history of the Black Sea region]. *Prichernomore v srednie veka* [The Black Sea region in the Middle Ages]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 1998, vol. 3, pp. 9–81.
27. Karpov S.P. *Istoriya Trapezundskoy imperii* [The History of the Empire of Trebizond]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2007. 624 p.
28. Karpov S.P. Vera i tserkov v Genuezskoy Gazarii [The Faith and the Church in Genoese Gazaria]. Yurasov A.V., ed. *Istoriya Kryma*. [The History of the Crimea]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2019, pp. 353–355.
29. Kashovskaya N.V. K itogam izucheniya karaimskogo nekropol'ya v ushchele Tabana-dere (Mangup): problemy khronologii i periodizatsii [On the Results of the Study of the Karaite Cemetery in Tabana-Dere Ravine: the aspects of Chronology and Periodization]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 239–277.
30. Korzukhina G.F., Peskova A.A. Drevnerusskie encolpiony. Kresty-relikvarii XI–XIII vv. [Ancient Rus' Encolpions. Reliquary Crosses of the 11th–13th centuries]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2003. 432 p.
31. Kramarovskiy M.G. Latinskaya Romaniya i zolotoordynskiy Krym. Latinskie perstnevye nakhodki i pečati v Severnom Prichernomore. Klad iz Ay-Vasil [Latin Romania and the Golden Horde's Crimea. The Finds of Latin Finger-Rings and the Seals in the Northern Black Sea Region. The Treasure from Ai-Vasil]. Evglevskiy A.V., ed. *Stepi Evropy v epokhu srednevekova*. Vol. I [The European Steppes in the Middle Ages]. Donetsk, DonGU Publ., 2000, pp. 245–263.
32. Kramarovskiy M.G. Persten s rodovym gerbom semi Spinola, naydennyy na Mangupe [Ring with the ancestral coat of arms of the Spinola family, found on Mangup]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquities and the Middle Ages], 2001, vol. 32, pp. 376–386.
33. Leper R.H. Soobshchenie o raskopkakh na Mangupe v 1913 g. [Report on the excavations at Mangup in 1913]. *Izvestiya Tavricheskoy Uchenoy Arhivnoy komissii* [Proceedings of the Tavrichesky Academic Archive Commission], 1914, no. 51, pp. 297–300.
34. Maiko V.V. Vostochnyy Krym vo vtoroy polovine X–XII vv. [Eastern Crimea in the second half of the 10th–12th centuries]. Kiev, Vyd. Oleg Filyuk, 2014. 467 p.
35. Maiko V.V. Kompleks khristianskikh raritetov iz raskopok khrama u podnozhiya gory Kilisa-Kaya bliz Sudaka [An Assemblage of Christian Rarities Excavated from the Church at the Foot of Kilisa-Kaia Mountain in Vicinity of Sudak]. Alekseenko N.A., ed. *Chersōnos themata* [Chersōnos themata]. Vol. 2: *Miry Vizantii: sbornik nauchnykh trudov* [Worlds of Byzantium: collection of scientific proceedings]. Simferopol, IAK RAN Publ., 2019, pp. 103–114.
36. Myts V.L. Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty [Caffa and Theodoro in the 15th century. Contacts and conflicts]. Simferopol, Universum Publ., 2009. 528 p.
37. Yashaeva T., Denisova E., Ginkut N., Zalesskaya V., Zhuravlev D. Nasledie vizantiyskogo Khersona [The Legacy of Byzantine Cherson].

Sevastopol, Teleskop Publ.; Ostin, Institut klassicheskoy arkheologii Publ., 2011. 708 p.

38. Naumenko V.E., Dushenko A.A. Knyazheskiy dvorets Mangupskogo gorodishcha: pomeshchenie H yuzhnogo uchastka kompleksa (po materialam kolleksii R.H. Lepera Gosudarstvennogo Ermitazha i sovremennykh arkheologicheskikh issledovaniy [Prince's Palace in Ancient Mangup: Room H in the Southern Area of the Complex (According to the Materials of R.Kh. Leper's Collections in the State Hermitage Museum and Recent Archaeological Researches)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2017, vol. XXII, pp. 187–238.

39. Makarov N.A., Greshnikov E.A., Zaytseva I.E., Podurets K.M., Kovalenko E.S., Murashev M.M. Nevidimye svyatyani. Vlozheniya v srednevekovykh krestakh-enkolpionakh po dannym kompleksnykh analiticheskikh issledovaniy [Invisible Holy Relics. Relics and Materials inserted in Medieval Reliquary Crosses based on the Data from comprehensive analytical studies]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2020, vol. 258, pp. 25–45.

40. Peskova A.A. Traditsiya izobrazheniya svyatykh na vizantiyskikh krestakh-relikvariakh [Traditional Images of Saints on Byzantine Reliquary Crosses]. Belyaev L.A., ed. *Archeologia Abrahamica: Issledovaniya v oblasti arkheologii i hudozhestvennoy traditsii iudaizma, khristianstva i islama* [Archeologia Abrahamica: Studies in Archaeology and Artistic tradition of Judaism, Christianity and Islam]. Moscow, Indrik Publ., 2009, pp. 285–312.

41. Stepanenko V.P. Vladeteli Feodoro i vizantiyskaya aristokratiya XV v. [The Princes of Theodore and the Byzantine aristocracy of the 15th century]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquities and the Middle Ages], 2001, vol. 32, pp. 335–353.

42. Trepavlov V.V. Bolshaya Orda [A Large Horde]. Mirgaleev I., ed. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen* [History of the Tatars since ancient times]. In 7 vols. Vol. 4: *Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv.* [Tatar States of the 15th–18th cc.]. Kazan, Institut istorii im. SH. Mardzhani Publ., 2014, pp. 180–196.

43. Turova N.P. Srednevekovyy peshchernyy kompleks khrepta Iograf nad g. Yalta [Medieval cave

complex of the Iograf ridge above Yalta]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials on archeology and history of ancient and medieval Crimea], 2014, vol. 6, pp. 93–173.

44. Hautala R. Pismo Ladislava, frantsiskanskogo kustodiya Gazarii (Kaffa, 10 aprelya 1287 g.) [A Letter of Ladizlaus, the Franciscan Custodian of Gazaria (Caffa, April, 10, 1287)]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2017, vol. 5, no. 1, pp. 193–199.

45. Hautala R. Frantsiskantsy i dominikantsy v Zolotoy Orde. Razvitie missionerskoy deyatel'nosti do serediny XIV v. [The Franciscans and Dominicans in the Golden Horde: the Development of Missionary Activity until the mid-fourteenth century]. *Zolotoordynskoe nasledie: Materialy VI Mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo foruma "Pax Tatarica: genezis i nasledie Zolotoy Ordy"* [Golden Horde Legacy: Materials of the 6th International Golden Horde Forum «Pax Tatarica: the Genesis and Legacy of the Golden Horde's Statehood»]. Kazan, Institut istorii im. SH. Mardzhani ANRT Publ., 2019, vol. 3, pp. 69–86.

46. Yashaeva T.Yu. Krest-enkolpion s vlozheniem iz Khersonesskoy baziliki 1935 g. [Reliquary Cross with an Enclosure from the «1935 Basilica» in Chersonesos]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. [Proceedings of the State Hermitage], 2017, vol. 89: Vizantiya v kontekste mirovoy kultury: materialy konferentsii, posvyashchennoy pamyati A.V. Bank (1906–1984) [Byzantium within the Context of the World Culture: materials of conference dedicated to the memory of A.V. Bank (1906–1984)], pp. 81–89.

47. Pitarakis B. *Les croix-reliquaires pectorales Byzantines en bronze*. Paris, Picard, 2006. 427 p.

48. Ryabtseva S. Pectoral reliquary-crosses from the Carpathian-Dniester region, 11th–16th centuries. Salamon M., Wołoszyn M., Musin A., Špehar P., eds. *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe*. Vol. II. Kraków; Leipzig, Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas; Warszawa, Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk; Rzeszów, Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2012, pp. 527–543.

49. Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Massachusetts, Mediaeval Academy of America, 1936. 292 p.

Information About the Author

Valery E. Naumenko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Ancient and Middle Ages History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russian Federation, byzance@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2590-6314>

Информация об авторе

Валерий Евгеньевич Науменко, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, byzance@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2590-6314>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.8>

UDC 75.052(477.75)+72.684(477.75)
LBC 63.3(0)4

Submitted: 05.05.2020
Accepted: 30.10.2020

FRESCO PAINTINGS OF SOUTHWEST CRIMEA CAVE CHURCHES ACCORDING TO IGOR GRABAR

Yuriy M. Mogarichev

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation;
Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Simferopol, Russian Federation

Alena S. Ergina

Saint Petersburg State Academy of Arts and Design named after A.L. Stieglitz, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Today, the remains of fresco paintings are preserved in six cave churches of Taurica: the temple of the Southern Monastery (Mangup); church in the field of Kielse-Tubu (district of Mangup); the temple of the Assumption and the Three Horsemen (Eski-Kermen); the Donators Temple (district of Eski-Kermen); the church number 12 on Zagaytansky rock (Inkerman). Authors of the 19th – early 20th centuries left descriptions of the now lost murals of six more monuments. *Methods.* Frescos of Crimean cave churches in historiography received insufficient comprehension. Only one monograph was published on this issue (1966). *Analysis.* Opinions and comments regarding the mural paintings of the cave churches of Crimea, expressed by reputable art historians and specialists in fresco paintings, are relevant. These include Igor Grabar. He was in Crimea in 1927, as the head of the Central Art Conservation Center by Glavnauka of the RSFSR. The Manuscript Department of the State Tretyakov Gallery stores leaflets from the notebook “Igor Grabar’s trip notes in the Crimea and about Old Russian art”. Authors publish the full text of Igor Grabar’s notes concerning the murals of cave churches: the temple of the Assumption and the Three Horsemen (Eski-Kermen); the Donators Temple (district of Eski-Kermen); the temple of the Southern Monastery (Mangup). *Results.* Igor Grabar’s notes help us clarify many points of view in the study of frescos of cave temples in Crimea. The study of the murals of the temple of the Three Horsemen by Igor Grabar allows us to justifiably discard the versions of “three Georges” and “portraits of real local figures”. There are images of three holy warriors: Dmitry, Theodore (Stratilates or Tyrone), and George in the cave temple. The study of the Mangup Church fresco by Igor Grabar allowed us to develop a periodization of the formation of fresco paintings of this monument.

Key words: Byzantium, Crimea, Mangup, Eski-Kermen, “cave town”, frescos, I. Grabar.

Citation. Mogarichev Yu.M., Ergina A.S. Fresco Paintings of Southwest Crimea Cave Churches According to Igor Grabar. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 116-130. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.8>

УДК 75.052(477.75)+72.684(477.75)
ББК 63.3(0)4

Дата поступления статьи: 05.05.2020
Дата принятия статьи: 30.10.2020

ФРЕСКОВЫЕ РОСПИСИ ПЕЩЕРНЫХ ЦЕРКВЕЙ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТАВРИКИ: ВЕРСИЯ И.Э. ГРАБАРИ

Юрий Миронович Могаричев

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация;
Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования,
г. Симферополь, Российская Федерация

Алена Сергеевна Ергина

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Сегодня остатки фресковых росписей сохранились в шести пещерных церквях Таврики: храме Южного монастыря (Мангуп), церкви на поляне Кильсе-Тубю (округа Мангупа), церквях «Успения» и «Трех всадников» (Эски-Кермен), храме «Донаторов» (округа Эски-Кермена), церкви № 12 на Загайтанской скале (Инкерман). Авторы XIX – начала XX в. оставили описания ныне утраченной стенописи еще шести памятников. *Методы.* Росписи пещерных церквей Крыма в историографии получили недостаточное освещение. По данной проблеме была опубликована лишь одна монография (1966 г.). *Анализ.* Актуальными представляются мнения и замечания, касающиеся стенописи пещерных церквей Крыма, высказанные авторитетными исследователями-искусствоведами, специалистами по фресковым росписям. К таковым относится И.Э. Грабарь. В Крыму он оказался в 1927 г. как руководитель экспедиции Центральных государственных реставрационных мастерских при Главнауки РСФСР. В Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи хранятся листки из записной книжки «Черновые заметки И.Э. Грабаря о поездке в Крым и о древнерусском искусстве». Авторы публикуют полный текст записей И.Э. Грабаря, касающихся стенописи пещерных церквей «Успения» и «Трех всадников», храма «Донаторов», храма Южного монастыря. *Результаты.* Заметки И.Э. Грабаря помогают уточнить многие дискуссионные моменты в изучении фресковых росписей пещерных церквей Крыма. Касательно росписей храма «Трех всадников» заключение И.Э. Грабаря позволяет обоснованно отбросить версии о «трех Георгиях» и «портретах реальных местных деятелей». Перед нами изображение трех святых воинов: Дмитрия, Феодора (Стратилата или Тирона) и Георгия. Замечание академика о нескольких этапах формирования стенописи, сделанное в отношении мангупской церкви, позволило авторам разработать периодизацию формирования фресковых росписей данного памятника. *Вклад авторов.* Ю.М. Могаричевым подготовлены разделы об историографии и особенностях рассматриваемых памятников. А.С. Ергиной исследовались искусствоведческие аспекты.

Ключевые слова: Византия, Крым, Мангуп, Эски-Кермен, «пещерные города», фрески, И.Э. Грабарь.

Цитирование. Могаричев Ю. М., Ергина А. С. Фресковые росписи пещерных церквей Юго-Западной Таврики: версия И.Э. Грабаря // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 116–130. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.8>

Введение. В настоящее время остатки фресковых росписей сохранились в шести пещерных церквях Горной Юго-Западной Таврики: храме Южного монастыря (Мангуп) [12, с. 64–66; 14], церкви на поляне Кильсе-Тубю (округа Мангупа) [12, с. 69; 14], церквях «Успения» [12, с. 46–49; 15, с. 259–261] и «Трех всадников» [12, с. 49–51; 15, с. 261–263, 275–276] (Эски-Кермен), храме «Донаторов» (округа Эски-Кермена) [12, с. 51–53; 15, с. 265–268], церкви № 12 на Загайтанской скале (Инкерман) [2]. Авторы XIX – начала XX в. оставили описания ныне практически утраченной стенописи еще шести памятников: церкви Св. Георгия (Климента) [12, с. 9–11], «Храма с крещальной» [12, с. 11–13], церкви «География (Евграфия)» [12, с. 16–17], церкви монастыря Св. Георгия [12, с. 27] (все Инкерман), главного храма Шулдана [12, с. 36–37]; церкви «Судилище» (Эски-Кермен) [12, с. 44–46].

Методы. В связи с незначительным числом памятников и плохой сохранностью большинства из них, в историографии фресковые росписи пещерных церквей Крыма получили недостаточное освещение. По данной проблеме была опубликована лишь одна мо-

нография – «Фрески средневекового Крыма» [9] О.И. Домбровского. При этом несколько разделов данной книги посвящены фрескам наземных храмов [9, с. 51–77], а внимание автора привлекли не все, даже сохранившиеся тогда, росписи (например, церковь на поляне Кильсе-Тубю). В этой связи важными представляются мнения и замечания, высказанные авторитетными исследователями-искусствоведами, специалистами по фресковым росписям. Таковым, несомненно, является академик И.Э. Грабарь.

Анализ. В Крым И.Э. Грабарь приехал в 1927 г. как руководитель экспедиции Центральных государственных реставрационных мастерских при Главнауки РСФСР. Данная поездка «ставила своей целью не только выявление и описание памятников, но и укрепление, частичную расчистку и небольшой ремонт» [6, с. 254]. Все это проходило в рамках подготовки на государственном уровне реестра памятников, подлежащих охране.

Экспедиция И.Э. Грабаря в Крым продолжилась всего две недели (с 24 апреля по 5 мая 1927 г.). Особое внимание было уделено монументальным росписям «пещерных

городов». В Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи (ОР ГТГ) хранится записная книжка «Черновые заметки И.Э. Грабаря о поездке в Крым и о древнерусском искусстве» [20]. Отдельные выписки отсюда были опубликованы в посмертной монографии И.Э. Грабаря «О древнерусском искусстве» в качестве примечаний раздела «Письма из Крымской экспедиции» [6, с. 254–258]. Там также было помещено несколько страниц с зарисовками карандашом [6, с. 254–259]. В «Черновых заметках» имеется описание стенописи пещерных церквей Мангупа и Эски-Кермена [10]. В целом рассматриваемую рукопись по ее содержанию можно разделить на две части: 1) черновые заметки, которые содержат краткие записи и быстрые линейные рисунки с пометками подписей святых и цветовыми характеристиками стенописи; 2) дневник о поездке в Крым. В последнем отмечены даты, время, место и яркие впечатления дня [20, л. 19–21].

Интересный отклик о данной экспедиции приводится у Н.Л. Эрнста: «Весной этого (1927 г. – Ю. М., А. Е.) пещерные церкви с росписями были посещены при нашем руководстве экспедицией Центральных реставрационных мастерских... под начальством И.Э. Грабаря... Нам было ценно и в вопросе о датировке росписей найти полное подтверждение нашего мнения, что они относятся к XIV или началу XV века и являют определенные черты палеологовской эпохи» [21, с. 34].

В настоящей работе, чтобы представить всеобъемлющую позицию И.Э. Грабаря по поводу стенописи пещерных церквей Таврики, мы публикуем полные выписки из его рукописи и наши пояснения о рассматриваемых памятниках.

Церковь Южного монастыря Мангупа (рис. 1, 2)¹.

«30 IV 1927 г. Ночевка в Мангубе².

Мангуб. Церковь пещерная. Фрески начала XIV в. [20, л. 20].

Церковь пещерная в Мангуп-Кале.

Слева от алтарной ниши три отца церкви. Ясно видим и справа три, видимо. Видны, по крайней мере, следы 3-х нимбов, надпись у Златоуста и крестчатые одежды у всех трех (лучше всех средний). Справа также крестчатость, фрагмент. Лучшее всех левые ризы...

Спас, направо Иоанн Предтеча, налево Богоматерь, между ними и престолом по херувиму (левый сохранился *сравнит.*, правого почти нет).

Следы на алтарном престоле и на откосах окна, что <...> было расписано. Все было видимо в XIV в. живопись, и в XV–XVI поновлено. Вверху у Спаса на Евангелие есть <...> черные буквы и белые поздние, над которыми старшие открываются.

Налево, на северной стене алтарной апсиды также два типа букв: по старым черными светлые буквы.

В алтарной нише сверху орнамент» [20, л. 8].

Храм расположен в южном обрыве мангупского плато и входит в комплекс Южного монастыря. Стенопись здесь можно разделить на композиции апсиды, роспись карниза алтарной арки и изображения святых на сводах церкви (рис. 3). Выделяются три этапа ее формирования. Вероятно, церковь впервые расписана в 20–30-х гг. XV века. Более поздние росписи могут датироваться периодом между 30-ми гг. XV в. и 1475 г., когда Мангуп был захвачен турками-османами. Фресковые росписи данного памятника были нами подробно рассмотрены ранее [13].

Храм «Трех всадников».

«В 6 ч-у выехали в Черкес-Кермен (Эски-Кермен). К 8 ½ ч. поднялись на вершину. Сняли 2 церкви без фресок. Пришли в погребение с фреской Дм. Солунского (?), Георгия и Феодора Стратилата (?)» [20, л. 20].

Фреска несомн[енно] ранняя, принадлежащая большому автору. Левый всадник на белом коне, средний на булатном, правый – на рыжем. Остатки вохрения первого прекрасны. Плащ его свободно развеивается слева от него. Фрагменты одежды с пробелами мастерские. Очень ясно видна поза, тоже говорящая за реалистическую трактовку. Второй конь вскачь. Щиты у всех разные. Палеография раньше Мангубской. Плащ у левого холодно-зеленого (*светло-серого оттенка*), у среднего малиново-багровый (*с <...>*), у правого оранжевый. У всех копыя. Все повороты изысканные и не повторяющие друг друга. *“Высечены и написаны святые мученики христовы да упокой души и прощение грехов”*. *Все это на северо-восточной части. Санкирь светло-зеленая: “румяна”»* [20, л. 9].

Церковь расположена на юго-восточном склоне городища Эски-Кермен. Она вырублена в отдельном обломке скалы и свое название получила от фрески, расположенной на

северной стене, на которой изображены три святых воина, сидящие на конях (рис. 4).

Роспись высотой 1,85 м и максимальной шириной 3,4 м (по фризу с надписью). Н.И. Репников подчеркивал: «Возникает вопрос, был ли храм расписан полностью или роспись ограничивалась описанным изображением. Утверждаем последнее на основании следующего соображения. Грунт изображения заготовлен враз, не имеет ни разрывов, ни швов, был по сырой штукатурке расписан сразу. На стенах нет ни малейшего намека на штукатурку, гладкая их поверхность, выровненная зубаткой, не удержала бы известкового намета. Позднейших переделок в храме нет, приведенный текст надписи говорит, что роспись одновременная устройству самого храма» [19, с. 108–109]. Н.Е. Гайдуков утверждает, что фреска не относится к настоящему храму: она появилась при его перестройке. Чтобы получилась гладкая поверхность по росписи, были подтесаны стена и потолок [5, с. 170–172]. Такой подход представляется ошибочным. Как отмечалось, Н.И. Репников доказал хронологическое тождество фресковой росписи и храма [19, с. 108–109]. В этой связи заметим, что, прежде чем наносить росписи на стену (особенно скальную), ее всегда дополнительно сглаживали. Так как стенопись занимает лишь часть стены, то, следовательно, специально подтесали именно тот участок, где должна помещаться фреска. И наконец, смысл надписи под фреской (см.: [15, с. 275–276]) однозначно свидетельствует (при всех нюансах перевода), что живописец связывал воедино вырубку и роспись храма.

Первое описание фрески церкви «Трех всадников» составил А.С. Уваров. По его мнению, здесь запечатлены слева направо: св. Дмитрий, св. Георгий, св. Федор Стратилат (как вариант в последнем случае – св. Прокопий или св. Меркурий). Д.М. Струков писал, что на фреске помещены арх. Гавриил, свв. Георгий и Дмитрий (см.: [8, с. 61]). А.Л. Бертье-Делагард, по данным В.В. Латышева, считал, что это «св. Георгий в трех различных положениях во время борьбы с драконом» [11, с. 152]. По мнению Н.Л. Эрнста, там изображены: св. Георгий или Федор Стратилат, Дмитрий Солунский и Федор Тирон.

Но скорее всего, два свв. Федора и св. Георгий. Последнее заключение было сделано на основании того, что в «Камеральном описании Крыма» (1783) в деревне Черкес-Кермен упомянута церковь «двух Федоров», которую исследователь соотнес с «Тремя всадниками». Храм Н.Л. Эрнст датировал XIV–XV веками. И.Э. Грабарь так интерпретировал стенопись: «Дм. Солунский (?), Георгий и Федор Стратилат (?)». Н.И. Репников, основываясь на мнении В.М. Григоровича, который в 1873 г. якобы разглядел на фреске дату 67–12 гг., датировал создание храма XIII веком. Ученый отметил, что имен святых не сохранилось. А.Л. Якобсон полагал, что на росписях помещен только св. Георгий, а сами они принадлежат руке большого мастера XIII века. О.И. Домбровский рассматривал так изображенных: в центре Георгий Победоносец, а по бокам от него – местные воины, павшие в боях, над могилою которых и был сооружен мавзолей. Версию о «трех Георгиях» исследователь считал необоснованной. С гипотезой О.И. Домбровского не согласилась Е.Г. Овчинникова, которая полагает, что на росписях изображен только св. Георгий, представленный в сюжетах: «чудо со спасением из плена пафлагонским отроком»; «поражение копьем дракона»; «надежного защитника, готового прийти на помощь». А.В. Мальгин и М.Р. Мальгина вернулись к предположению Н.Л. Эрнста, дополнив его рядом аргументов. Ю.М. Могаричев считает, что росписи изображают Дмитрия Солунского, Федора Стратилата и Георгия Победоносца, как сначала и предполагал Н.Л. Эрнст. Церковь же «двух Федоров», скорее всего, находилась в соседней Черкес-Керменской балке. Э.М. Корхмязян посчитала, что церковь «Трех всадников» принадлежала армянской общине, а на фреске изображен св. Саркис с сыном Мартиросом. В.П. Степаненко и А.Ю. Виноградов также писали о тройственном изображении св. Георгия. И.Г. Волконская пришла к выводу, что храм «Трех всадников» имеет связь с другим пещерным храмом городища – «Успения». По ее мнению, обе церкви были расписаны одной артелью мастеров в один и тот же сезон. А произошло это в последней четверти XIII в. (подробнее историография рассмотрена в: [15, с. 274–278])³. Однако после-

днее умозаключение сделано на основании некорректной выборки штукатурки для анализа в указанных памятниках. В результате все доводы исследовательницы сводятся на нет [8, с. 56–59]. Болгарский исследователь Г. Атанасов, специально занимавшийся эволюцией изображений св. Георгия, считает, что на фреске изображены св. Дмитрий, св. Феодор и св. Георгий [1, с. 248–249]. Е.Н. Осауленко пришел к выводу, что всадник-змеборец – это св. Феодор [17, с. 131]. Немецкая исследовательница А. Плонтке-Люнинг – сторонник версии, что все три всадника – св. Георгий. Правда, в человеческой фигуре на крупе коня правого наездника, она видит изображение «архонта Эски-Кермена» [23]. Н.В. Днепровский посчитал возможным выдвинуть следующее предположение: отождествлять четвертую фигуру с персонажем «чуда св. Георгия с отроком» неправильно. Это изображение (взрослого, а не ребенка) является композиционным центром всего храма, позволяя предположить, что это усопший житель Эски-Кермена, именно ради спасения души которого «и был расписан храм». Средний образ – один из двух Федоров (Тирон или Стратилат). Левый однозначно не интерпретируется [8, с. 64].

Церковь «Успения».

«Успенская церковь – ибо главное изображение на северной стене – Успение. На восточной стене сначала *две сцены*, разделенные красной с белой полосой горизонтально. Вверху Сретение, внизу неизв[естные] святые в рост (у левого поднята рука, хорошо сохранившаяся, и виден свиток с надписью). Правее в оба яруса фигура святителя в крестчатых ризах с подписью О ПАВАГИО-ТАВОС АРХИЕП ТРИ АР/СЕ. Правее его, тоже в рост, фигура мученика. *Правее ниши с <...> три головы. Младенец и нимб Богородицы*, на южной стене в *выбитой* нише “Спас”. На северной стороне большое углубление для давки винограда, правее по стене маленькое – с канавкой для стока вина.

У деревни Черкес-Кермен. На потолке слева Богоявление с божеством Иордана и рыбами в реке. Спаситель стоит прямо, Иоанн стоит выше, но почти прямо. Рыба одна зеленая, другая – красная. Справа три ангела, слева два ангела.

Правее Рождество Христово.

На алтарной стене, на лобовой стенке слева архангел, справа Богородица (“Благовещение”). В конхе Спас на престоле. Слева остатки Богомате-

ри и крылья херувима, справа Предтеча (в рост *наверху плафона*).

Под Спасом в конхе композиция: по бокам два святителя, ближе к середине два ангела держащих рипиды (<...> *слева и считаю херувим, другой справа*). Все совершенно так как в Мангубе (подчеркнуто в подлиннике. – Ю. М., А. Е.)» [20, л. 10].

Церковь расположена на юго-восточном краю плато Эски-Кермена. Основным мотивом росписей здесь является изображение сцены Успения Богородицы, отсюда и условное название (рис. 5).

Н.Л. Эрнст датировал церковь XIV–XV вв., Н.И. Репников – концом XII – XIII в., О.И. Домбровский – концом XIII – XIV в. (см.: [12, с. 46–48]). Ю.М. Могаричев относил церковь к XIV в. [12, с. 49]. И.Г. Волконская трактует изображение рядом с алтарем как св. Георгия, считая, что «церковь Успения» является храмом Св. Георгия [4, с. 218–223]. Она, как отмечалось, на основании анализа штукатурки посчитала возможным сделать вывод, что данный памятник, как и храм «Трех всадников», были расписаны одной артелью в один сезон. Как мы писали выше, такой подход основан на некорректной выборке образцов для анализа и не может считаться научно обоснованным. Е.Н. Осауленко относит церковь к XIV в., не позднее 1350–1360-х гг. [16, с. 311], и называет ее церковью Св. Георгия и Сергия, имена которых носили погребенные там воины [16, с. 298]. Н.В. Днепровский склоняется к более ранней датировке памятника – XII в., считая, что тот являлся церковью Св. Сергия [7, с. 75–85].

В настоящее время роспись сохранилась лишь в алтарной части, где просматриваются фрагменты сюжета Деисус. Выделяются фигуры Спасителя, Богородицы и Иоанна в рост. Ближе к середине – небесные силы, держащие рипиды. Сейчас эти изображения просматриваются небольшими фрагментами. По сторонам от Деисуса, на сводах триумфальной арки – Благовещение. Ранее стенопись покрывала практически всю церковь. Северо-восточная стена (слева от алтаря) была разделена на сцены красной полосой с белой каймой: вверху – Сретение, внизу – три святых со свитками. Правее, ближе к алтарю, в оба яруса – фигура святителя в ризе с подписью, еще правее – фигура мученика. В нише данной стены – изоб-

ражение младенца и нимб Богородицы. На толке, слева от алтаря – Богоявление, правее – Рождество Христово. Центральный сюжет стенописи Успение Богоматери, практически не просматриваемый ныне, был расположен в северо-западной части храма.

Храм «Донаторов».

«Ц. Евхаристей. в алтарной конхе видно неясный Деисус, под ним стенопись Евхаристия – налево 3 и направо 3 святителя. Входной справа ОАГ iog НИКА, но левый не святитель, а ангел. И тянется вниз по нише справа из <...> на северной стене <...> к западной

ЛАО ЕКОИМН справа от Спасителя по закруженной <...>

Все было расписано следы повсюду, даже на откосах окон

ОА НИКОЛАО

На арке пилястре западной стены черт на своде самого алтаря в плафоне Благовещение. Справа Богородица, слева Гавриил и подпись ГАВРИИЛ.

На своде северного деления <...> ряд фигур из которых ясна голова в нимбе с <...> с подписью О СТРАТИЛАТОС. Левее фрагмент дивный молодой головы (воина), еще левее фрагмент нимба, еще левее в царской одежде сидящая фигура без нимба (воин).

На плафоне непосредственно после Благовещения к югу Сретение, и к северу Богоявление. У Христа ноги. <...> Отделены оба сюжета широкой каймой с орнаментом. <...> Благовещение еще на левой части <...> и продолжено на своде.

Ермалай первосвященник 14-й дальше три погрудных медальона

Северная часть выделена арочной стеной-нишей. Видимо на середине отделяя как бы северный неф. На арке в начале еще на арочной перегородке от нее такие пророки Св. Евдильий (Ефимий), следующий Вас[илий].

Необычно изыскана вся общая композиция росписей и орнамент (декорат.) убранства. Все это высокое мастерство. Близко к церкви трех Мучеников» [20, л. 11–12].

Храм «Донаторов» расположен в верхьях балки Черкес-Кермен, к западу от Эски-Кермена. Название происходит от сюжета росписей, изображающих семью донаторов или ктиторов церкви (рис. 6, 7).

Первое научное описание памятника выполнил Н.Л. Эрнст [21, с. 32–34]. Исследователь обратил внимание на хорошую сохранность стенописи и на то, что она, в отличие от

иных пещерных храмов с фресками, выполнена по более толстому слою штукатурки.

Н.И. Репников датировал церковь сначала второй половиной XIV в. [19, с. 120–122], а затем конкретизировал – 80-е гг. XIV в. [18, л. 77].

О.И. Домбровский провел анализ сохранившихся фрагментов росписей и предложил некоторые коррективы в их трактовки [9, с. 22–34]. Он полагал, что стенопись была многослойной: первые росписи появились в конце XII – начале XIII в. (конха апсиды, фигура всадника), а остальные композиции создавались до конца XIV в., ктитором же выступил местный правитель [9, с. 33–34].

А.Л. Якобсон, согласившись с хронологией Н.И. Репникова, считал, что роспись была создана столичным художником [22, с. 101].

Ю.М. Могаричев, соглашаясь с интерпретацией росписей, предложенной Н.И. Репниковым, полагает, что датировать храм ранее середины XIV в. нет оснований. Он, вслед за А.Л. Якобсоном, пришел к выводу, что церковь являлась частью небольшого монастыря [12, с. 51–53].

По мнению И.Г. Волконской, «предположение О.И. Домбровского о одновременности росписи отдельных частей храма “Донаторов” ни с точки зрения стилистики живописи, ни с точки зрения технологии никак не подтверждается» [4, с. 230]. Она считает, что церковь не может датироваться ранее середины XIV в., а скорее всего, была создана в начале XV века. Данный храм являлся поминальным, в котором «выражена... идея покровительства святых воинов знатной семье» [4, с. 231].

Е.Н. Осауленко также датирует памятник второй половиной XIV в. [17, с. 136]. По его мнению, стенопись была выполнена в «неоконстантиновском» направлении художником – выходцем из Константинополя [17, с. 137].

А.Ю. Виноградов следующим образом прочитал одну из надписей, сохранившихся на фреске (северная стена, восточный аркосолий): «...основан при содействии рабы Христовой Марии. В 6890 (или: 6860) году, в 5-й индикт». Это, по его мнению, позволяет достаточно точно датировать храм 1381–1382 (или 1351–1352) гг. [3].

Таким образом, храм «Донаторов» достаточно обоснованно может датироваться серединой – началом 80-х гг. XIV века. Скорее всего, церковь являлась частью небольшого

монастыря, ктиторами или донаторами которого была местная знатная семья.

Предположительно, фресками было украшено все внутреннее пространство храма, которое представляло собой сложный живописный ансамбль. На сегодняшний день фрагменты стенописи сохранились в алтаре, на северной и западной стенах, а также на восточной и северной частях свода церкви.

В конхе апсиды выделяется архаичный вариант композиции Деисус (поясной). В апсиде над престолом сохранилось изображение Святителей в рост в крестчатых облачениях. И.Э. Грабарь и О.И. Домбровский считали данное изображение сценой Евхаристии [20, л. 11; 9, с. 23], Н.И. Репников видел здесь образы Христа-младенца в чаше и пяти святителей по бокам в крестчатых облачениях над алтарем [18, л. 75]. И.Г. Волконская интерпретирует данный фрагмент как композицию Поклонение жертве [4, с. 226]. Е.Н. Осауленко – как Службу святителей и Иисуса-младенца [17, с. 135]. На сводах триумфальной арки алтаря помещена композиция Благовещение: справа – Богородица, слева – архангел Гавриил с соответствующей подписью. Фрагменты этого сюжета хорошо сохранились до сих пор. По этой причине данный сюжет все исследователи трактуют одинаково.

Северная стена и свод северной части потолка имеют наиболее сложную архитектурную организацию. На поверхности стены вырублены две аркосолы, в них изображены фигуры. И.Э. Грабарь ясно рассмотрел Федора Стратилата и несколько фигур в царской одежде без нимбов. Роспись западной стены по своему содержанию и композиционной структуре является продолжением росписи северной стены. Данная часть стенописи сильно повреждена. Это породило большое количество гипотез. Наиболее вероятно, что стенопись данной части храма (северная, западная стены и свод северной части потолка) может содержать изображения св. Федора, Дмитрия Солунского, первоосвященника Ермалая, св. Ефимия, св. Василия, а также фигуры донаторов церкви. В заметках И.Э. Грабаря указано, что на арке пилястры западной стены помещено изображение черта, которое иные исследователи интерпретируют как голову животного, предположительно льва [9, с. 27; 17, с. 135; 4, с. 229]. На плафоне стенопись почти не сохранилась,

И.Э. Грабарь отметил наличие двух композиций непосредственно после Благовещения: к югу – Сретение, к северу – Богоявление.

Результаты. Ранее полностью были опубликованы заметки И.Э. Грабаря только о мангупской церкви. Его размышления о стенописи храмов «Успения» и «Трех всадников» были введены в научный оборот частично, при этом публикаторами были опущены принципиальные моменты, в частности интерпретация изображений святых в «Трех всадниках».

Записки академика о церкви «Донаторов» нами публикуются впервые. Возможно, эта часть заметок не была издана в силу того, что редакторы монографии «О древнерусском искусстве» не смогли идентифицировать памятник. И.Э. Грабарь называл его «церковью Евхаристий», а в историографии он известен как храм «Донаторов».

Игорь Эмануилович отмечал, что наиболее значимая живопись представлена в храмах «Трех всадников» и «Донаторов». Вероятно, такому выводу способствовала и лучшая сохранность этих росписей по сравнению с иными памятниками.

Гипотеза о датировке начального этапа живописи мангупской церкви XIV в. (равно как и ее сходство с росписями храма «Успения») ныне не находит подтверждения. Однако Игорь Эмануилович – первый, кто подметил: стенопись там была создана в несколько этапов (три, по нашему мнению).

Заключение И.Э. Грабаря позволяет обоснованно отбросить версии о «трех Георгиях» и «портретах реальных местных деятелей» в живописи храма «Трех всадников». Перед нами изображение трех святых воинов: Дмитрия, Федора (Стратилата или Тирона) и Георгия. Собственно, об этом говорит и надпись под фреской, что позволяет исключить версию об одном св. Георгии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящей работе мы издаем только два ранее не опубликованных рисунка И.Э. Грабаря (остальные см.: [6, с. 259]).

² Курсивом указан ранее не публиковавшийся текст.

³ Мы даем ссылки только на работы, не вошедшие в историографический обзор [15, с. 274–278].

ПРИЛОЖЕНИЕ

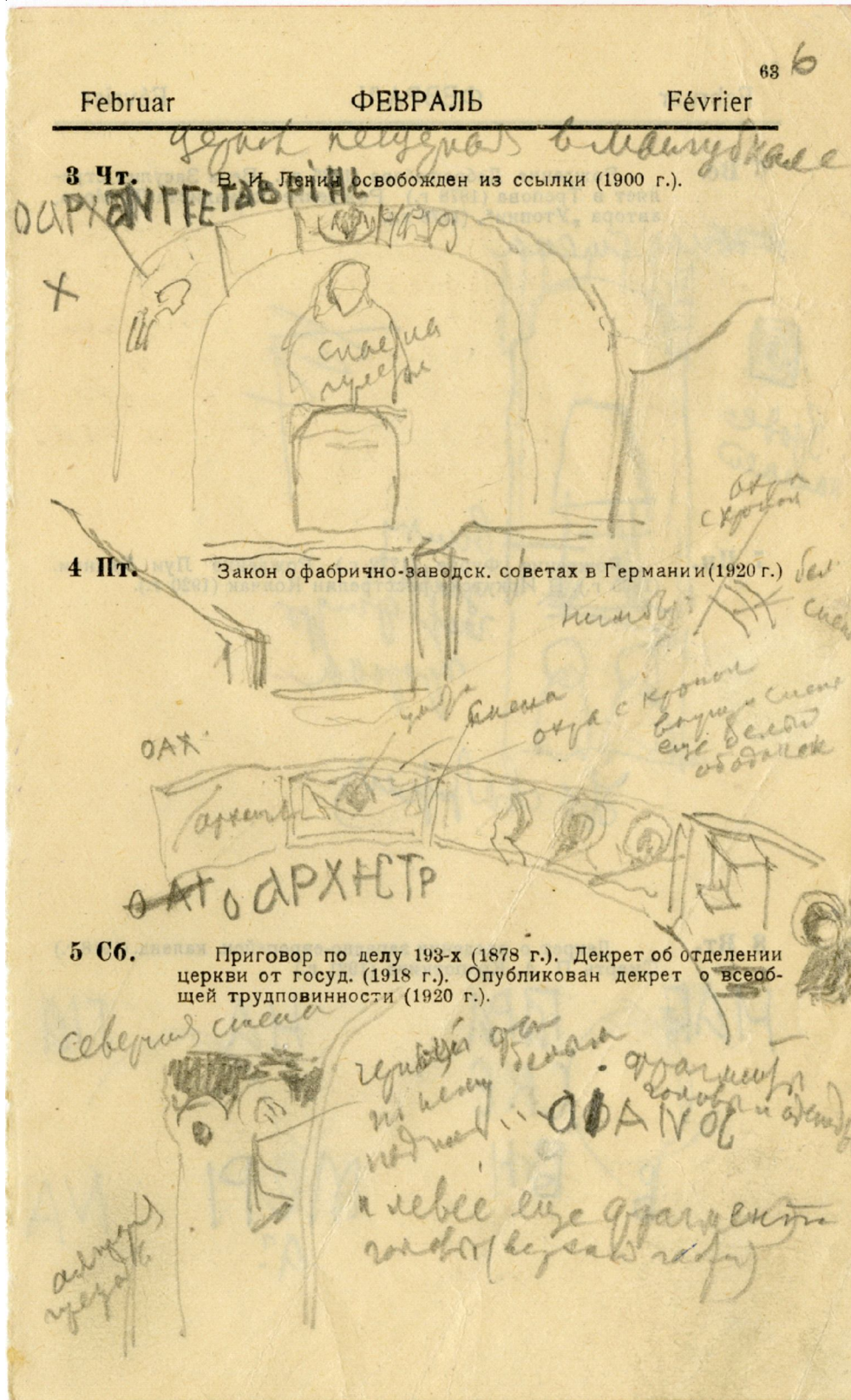

Рис. 1. Пещерная церковь Южного монастыря (Мангуп) по И.Э. Грабарю. Алтарь [20, л. 6]

Fig. 1. Mangup. Temple of the South Monastery. Altar. The scheme by I.E. Grabar [20, l. 6]

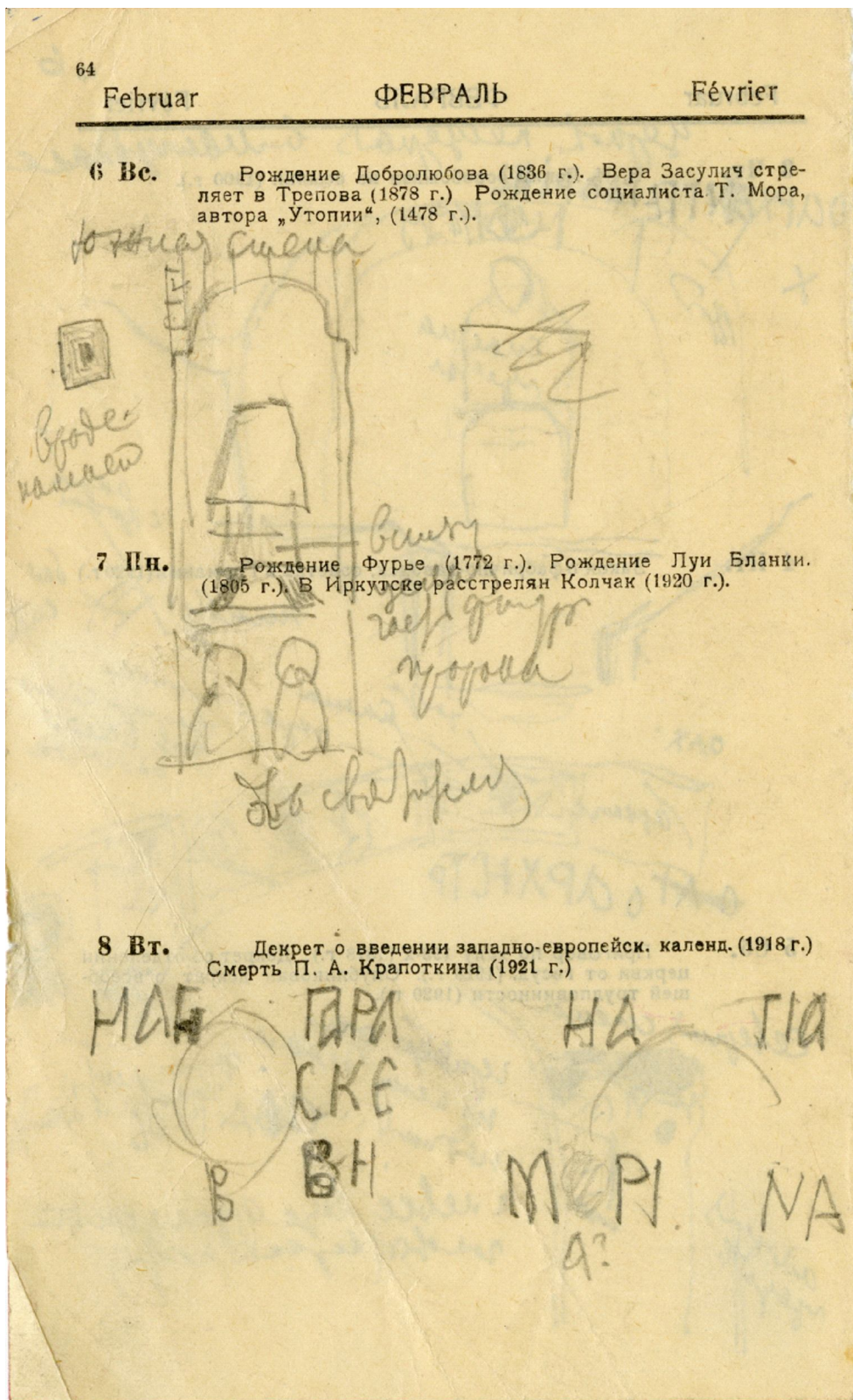

Рис. 2. Пещерная церковь Южного монастыря (Мангуп) по И.Э. Грабарю. Южная стена [20, л. 6 об.]
 Fig. 2. Mangup. Temple of the South Monastery. The south wall. The scheme by I.E. Grabar [20, l. 6 ob.]

Рис. 3. Пещерная церковь Южного монастыря (Мангуп). Фресковые росписи.
Из неизданного альбома А.С. Уварова (середина XIX в.)

Fig. 3. Mangup. Temple of the South Monastery. Fresco paintings.
From unedited album of A.S. Uvarov (mid-19th century)

Рис. 4. Церковь «Трех всадников» (Эски-Кермен). Фресковые росписи.
Из неизданного альбома А.С. Уварова (середина XIX в.)
Fig. 4. Fig. 4. Eski Kermen. Temple of Three riders. Fresco paintings.
From unpublished album of A.S. Uvarov (mid-19th century)

Рис. 5. Церковь «Успения» (Эски-Кермен). Фресковые росписи. С рис. Л. Линно и Г. Андреева. 1928 г.
Fig. 5. Eski Kermen. Temple of Assumption. Fresco paintings. Drawings by L. Lynno and G. Andreev. 1928

Рис. 6. Храм «Донаторов» (округа Эски-Кермена). Алтарная часть. Фресковые росписи.
С рис. Л. Линно и Г. Андреева. 1928 г.

Fig. 6. Eski Kermen. Temple of Donators. Altar. Fresco paintings. Drawings by L. Lynno and G. Andreev. 1928

Рис. 7. Храм «Донаторов» (округа Эски-Кермена). Северная стена. Фресковые росписи.
С рис. Л. Линно и Г. Андреева. 1928 г.

Fig. 7. Eski Kermen. Temple of Donators. North wall. Fresco paintings.
Drawings by L. Lynno and G. Andreev. 1928

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атанасов, Г. Свети Георги Победоносец. Култ и образ в православния изток през средновековието / Г. Атанасов. – София : Зограф, 2001. – 364 с.
2. Бобровский, Т. А. Пещерная церковь с фресками византийской эпохи в Юго-Западном Крыму / Т. А. Бобровский, Е. Е. Чуева // Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, Епископа Готфского. – Симферополь : Изд-во Симфероп. и Крым. епархии, 2006. – С. 181–223.
3. Виноградов, А. Ю. Черкес-Кермен. Строительная надпись Марии, 1351–1352 или 1381–1382 гг. / А. Ю. Виноградов // Византийские надписи. Древние надписи Северного Причерноморья (IOSPE). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://iospe.kcl.ac.uk/5.209-ru.html> (дата обращения: 06.04.2020). – Загл. экрана.
4. Волконская, И. Г. Эски-Керменские фрески. Новые исследования / И. Г. Волконская // Церковные древности. – Симферополь : Универсум, 2005. – С. 217–239.
5. Гайдуков, Н. Е. Литургические датировки некоторых пещерных храмов Таврики / Н. Е. Гайдуков // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. – Киев : Стилос, 2004. – С. 167–174.
6. Грабарь, И. Э. О древнерусском искусстве. Исследование, реставрация и охрана памятников / И. Э. Грабарь. – М. : Наука, 1966. – 386 с.
7. Днепровский, Н. В. К вопросу о валидности некоторых критериев датировки фресковой росписи эски-керменского храма «Успения» / Н. В. Днепровский // Бахчисарай: археология, история, этнография. – Бахчисарай ; Белгород : Константа, 2018. – С. 70–87.
8. Днепровский, Н. В. Некоторые проблемы исследования фрески Эски-Керменского храма «Трех всадников» / Н. В. Днепровский // Бахчисарай: археология, история, этнография. – Бахчисарай ; Белгород : Константа, 2018. – С. 55–69.
9. Домбровский, О. И. Фрески средневекового Крыма / О. И. Домбровский. – Киев : Изд-во АН УССР, 1966. – 110 с.
10. Ергина, А. С. К истории изучения стенописи пещерных городов Крыма в 1920–1930-е гг. / А. С. Ергина // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2, Искусствоведение. Филологические науки. – 2019. – № 4 – С. 29–33.
11. Латышев, В. В. Заметки к христианским надписям из Крыма / В. В. Латышев // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1897. – Т. XX. – С. 149–162.
12. Могаричев, Ю. М. Пещерные церкви Таврики / Ю. М. Могаричев. – Симферополь : Таврия, 1997. – 384 с.
13. Могаричев, Ю. М. К вопросу о периодизации фресковых росписей пещерной церкви Южного монастыря Мангула / Ю. М. Могаричев, А. С. Ергина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 6. – С. 47–63. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.4>.
14. Могаричев, Ю. М. Пещерная церковь на поляне Кильсе-Тубю (округа Мангула, Крым) / Ю. М. Могаричев, А. С. Ергина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2019. – № 3. – С. 166–186. – DOI: <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2019-3-65-166-186>.
15. Могаричев, Ю. М. «Пещерные города» Горной Юго-Западной Таврики в описании А. С. Уварова / Ю. М. Могаричев. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2019. – 344 с.
16. Осауленко, Е. М. Відображення візантійської аскетичної естетики в мистецтві Кримської Готії початку XV століття на прикладі розписів пещерної церкви «Південного монастиря» на Мангулі / Е. М. Осауленко // Лаврський альманах. Київ. – 2007. – Вип. 17. – С. 292–311.
17. Осауленко, Е. М. Збираючи мозаїку знань : Середньовічні фрески Кримської Готії / Е. М. Осауленко // Collegium. – 2008. – № 24. – С. 127–146.
18. Репников, Н. И. Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма / Н. И. Репников // Архив Института истории материальной культуры РАН. – Ф. 10. – Д. 10. – 387 л.
19. Репников, Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. / Н. И. Репников // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Готский сборник. – 1932. – Т. 12, вып. 1–8. – С. 107–152.
20. Черновые заметки И. Э. Грабаря о поездке в Крым и о древнерусском искусстве [1929] // Рукописный отдел Государственной Третьяковской галереи. – Ф. 106. – Оп. 4. – Ед. хр. 590а. – 24 л.
21. Эрнст, Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма / Н. Л. Эрнст // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. – 1929. – Т. 3 (60). – С. 15–43.
22. Якобсон, А. Л. Средневековый Крым / А. Л. Якобсон. – М. ; Л. : Наука, 1964. – 232 с.
23. Plontke-Luning, A. Ein Jerrn vom Eski-Kermen? Überlegungen zum Dreireiter-Bild in der Felskapelle am sudwesthang des Eski-Kermen / A. Plontke-Luning // Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches / hrsg. von S. Albrecht, F. Daim, M. Herdick. – Mainz : Verl. des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2013. – S. 251–269.

REFERENCES

1. Atanasov G. *Sveti Georgi Pobedonosets. Kult i obraz v pravoslavniya iztok prez srednovikovieta* [St. George the Victorious. Orthodoxy in the Origins of the Middle Ages]. Sofiya, Zograf Publ., 2001. 364 p.
2. Bobrovskiy T.A., Chueva E.E. Peshchernaya tserkov s freskami vizantiyskoy epokhi v Yugo-Zapadnom Krymu [Cave church with frescoes of the Byzantine era in the South-Western Crimea] *Materialy Mezhdunarodnoy tserkovno-istoricheskoy konferentsii «Dukhovnoe nasledie Kryma» pamyati prepodobnogo Ioanna, Episkopa Gotfskogo* [Materials of the International Church-Historical Conference “Spiritual Heritage of Crimea” in memory of St. John, Bishop of Gotfsky]. Simferopol, Izd-vo Simferopolskiy i Krymskoy eparkhii Publ., 2006, pp. 181–223.
3. Vinogradov A.Yu. Cherkes-Kermen. Stroitelnaia nadpis Marii, 1351–1352 ili 1381–1382 gg. [Circassian-Kermen. Construction inscription of Mary, 1351–1352 or 1381–1382] // *Vizantiyskie nadpisi. Drevnie nadpisi Severnogo Prichernomorya (IOSPE)*. URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.152-ru.html> (accessed 6 April 2020).
4. Volkonskaya I.G. Eski-Kermenskie freski. Novye issledovaniya [The Frescoes of Eski-Kermen. The new studies]. *Tserkovnye drevnosti* [The church antiquities]. Simferopol, Universum Publ., 2005, pp. 217–239.
5. Gaydukov N.E. Liturgicheskie datirovki nekotorykh peshchernykh khramov Tavriki [The liturgical dating of certain cave churches]. *O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh* [On antiquities of the Southern Coast of Crimea and Taurical Mountains]. Kiev, Stilos Publ., 2004, pp. 167–174.
6. Grabar I.E. *O drevnerusskom iskusstve. Issledovanie, restavratsiya i okhrana pamyatnikov* [About Old Russian Art. Study, Restoration and Protection of Monuments]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 386 p.
7. Dneprovskiy N.V. K voprosu o validnosti nekotorykh kriteriev datirovki freskovoy rospisi eski-kermenskogo khrama «Uspeniya» [To the question of the validity of some criteria for dating fresco paintings of the Eski-Kermen church of the Assumption]. *Bakhchisarai: arkheologiya, istoriya, etnografiya* [Bakhchisaray: archaeology, history, ethnography]. Bakhchisarai; Belgorod, Konstanta Publ., 2018, pp. 70–87.
8. Dneprovskii N.V. Nekotorye problemy issledovaniya freski Eski-Kermenskogo khrama «Treh vsadnikov» [Some problems of the study of the frescoes of the Eski-Kermen temple “Three Horsemen”]. *Bakhchisaray: arkheologiya, istoriya, etnografiya* [Bakhchisaray: archaeology, history, ethnography]. Bakhchisaray; Belgorod, Konstanta Publ., 2018, pp. 55–69.
9. Dombrovskiy O.I. *Freski srednevekovogo Kryma* [The Frescoes of Medieval Crimea]. Kiev, Izd-vo AN USSR Publ., 1966. 110 p.
10. Ergina A. S. K istorii izucheniya stenopisi peshchernykh gorodov Kryma v 1920–1930-e gg. [On the history of studying the mural paintings of cave cities of Crimea in the 1920–1930s.]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina. Seriya 2: Iskuststvedenie. Filologicheskie nauki* [Vestnik of St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2. Art criticism. Philological sciences]. 2019, no. 4, pp. 29–33.
11. Latshev V.V. Zametki k khristianskim nadpisyam iz Kryma [Notes to Christian inscriptions from Crimea] *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities], 1897, vol. XX, pp. 149–162.
12. Mogarichev Yu.M. *Peshchernye tserkvi Tavriki* [The Cave Churches of Taurica]. Simferopol, Tavriya Publ., 1997. 384 p.
13. Mogarichev Yu.M. “Peshchernye goroda” Gornoy Yugo-Zapadnoy Tavriki v opisani A.S. Uvarova [“Cave cities” of the Mountain South-Western Taurica in the description of A.S. Uvarova]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2019. 344 p.
14. Mogarichev Yu.M., Ergina A.S. Reassessing the Periodization of Mural Paintings in the Cave Church of the Southern Mangup Monastery. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 47–63. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.4>.
15. Mogarichev Yu. M., Ergina A. S. Peshchernaya tserkov na polyane Kilse-Tubyu (okruga Mangupa, Krym) [Cave church on the clearing Kilsa-Tubu (Mangupa district, Crimea)] *Problemy istorii, filologii, kultury* [Problems of history, philology, culture], 2019, no. 3, pp. 166–186. DOI: <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2019-3-65-166-186>.
16. Osaulenko Ie.M. Vidobrazhennia vizantiiskoi asketychnoi estetyky v mystetstvi Krymskoi Gotii pochatku XV stolittia na prykladi rozpysiv pecherno tserkvy “Pivdenno monastyrria” na Mangupi [The Reflection of the Byzantine Ascetic Aesthetics in the Art of the Crimean Gothic Beginning of the Fifteenth Century on the Example of the Paintings of the Cave Church “Southern Monastery” in Mangup]. *Lavrskiy almanakh* [Lavra Almanac]. 2007, vol. 17, pp. 292–311.
17. Osaulenko Ie.M. Zbirayuchi mozaiku znov: srednovichni freski Krymskoi Gotii [Assembling the mosaic again: the medieval frescoes of Crimean Gothic] *Collegium*, 2008, no. 24, pp. 127–146.

18. Repnikov N.I. *Materialy k arkheologicheskoy karte Yugo-Zapadnogo nagorya Kryma* [The matters on archeological map of Southwest Plateau of Crimea]. *Arkhiv Instituta istorii materialnoy kultury RAN* [Archive of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Science], f. 10, d. 10. 3871.

19. Repnikov N.I. Eski-Kermen v svete arkheologicheskikh razvedok 1928–29 gg. [Eski-Kermen in the light of archaeological exploration at 1928–1929]. *Izvestiya gosudarstvennoy akademii istorii materialnoy kultury*. [Bulletin of the State Academy for History of Material Culture], 1932, vol. 12, iss. 1–8, pp. 107–152.

20. Chernoye zametki I.E. Grabarya o poezdke v Krym i o drevnerusskom iskusstve (1929) [Draft notes by I.E. Grabar about a trip to the Crimea and about ancient Russian art (1929)]. *Rukopisnyy otdel Gosudarstvennoy Tretyakovskoy galerei*

[Manuscripts Department of the State Tretyakov Gallery], f. 106, op. 4, ed. khr. 590a. 24 l.

21. Ernst N.L. Eski-Kermen i peshchernye goroda Kryma [Eski-Kermen and Crimean Cave Towns]. *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [News of the Tauride Society of history, archaeology and ethnography], 1929, vol. 3 (60), pp. 15–43.

22. Yakobson A.L. *Srednevekovyy Krym* [The Medieval Crimea]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1964. 232 p.

23. Plontke-Luning, A. Ein Jerrn vom Eski-Kermen? Überlegungen zum Dreireiter-Bild in der Felskapelle am sudwesthang des Eski-Kermen / A. Plontke-Luning // Albrecht S., Daim F., Herdick M., eds. *Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches*. Mainz, Verl. des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2013, pp. 251–269.

Information About the Authors

Yuriy M. Mogarichev, Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation; Head of the Humanity and Social Science Department, Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Lenina St, 15, 295051 Simferopol, Russian Federation, mogara@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6057-2316>

Alena S. Ergina, Postgraduate Student, Department of Art History, Saint Petersburg State Academy of Arts and Design named after A.L. Stieglitz, Solyanoy Lane, 13, 191028 Saint Petersburg, Russian Federation, yergina.alyona@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7988-0415>

Информация об авторах

Юрий Миронович Могаричев, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация; заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования, Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования, ул. Ленина, 15, 295051 г. Симферополь, Российская Федерация, mogara@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6057-2316>

Алена Сергеевна Ергина, аспирант кафедры искусствоведения, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица, пер. Соляной, 13, 191028 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, yergina.alyona@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7988-0415>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.9>

UDC 902.64

LBC 63.4стд1-419

Submitted: 30.06.2020

Accepted: 24.07.2020

ROTARY MILLSTONES OF THE 9th–11th CENTURIES FROM THE EXCAVATIONS OF THE MANGUP PRINCELY PALACE ¹

Valentin K. Gantsev

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Abstract. Introduction. By the results of excavations of the Palace of Principality of Theodoro (1425–1475), a number of architectural and archaeological sites of the pre-palace and post-palace times were revealed. The cultural layer of the middle 9th – 11th centuries in the history of Mangup settlement is quite expressive in the Palace complex. The find of three rotary millstones in this layer testifies the connection of local population with farming. *Methods.* The study is based on a comparative analysis of medieval rotary millstones of the 9th–11th centuries, which were found on the territory of the Palace of Principality of Theodoro and synchronous monuments of the Crimea and the Khazar Kaganate. *Analysis.* Millstones from excavations of the Palace are assigned to group I, according to the classification of R.S. Minasyan; according to the typology developed by V.K. Mikheev, one millstone is from type IIA2, the other two are from type IA1. Two millstones opened in a single complex allow to reconstruct a mill device based on the use of manual force. By means of a rotary rod attached at one end to a beam or ceiling, and the other to a side bearing attached to a handstone, the latter was given a rotational movement; the questone was not movable. The gap between millstones was regulated by a thrust bearing; the pivot fixed in the lower millstone centered the slider. The search of analogies to the Mangup millstones on synchronous Crimean monuments is difficult due to the insufficient publication of this category of artifacts (visual similarities are traced with the millstones discovered during excavations of Tepsen, settlements of the Baydarskaya valley, Kyz-Kermen). *Results.* A comparison with the millstones of the Saltovo-Mayak culture demonstrates the difference in the design of the mill device. Most of the upper millstones discovered in the Saltovo-Mayak settlements have a special recess (sometimes more than one) for a short lever-handle, which makes them more mobile in contrast to the millstones found in the Crimea, the design of which is based on the use of a rotary rod. This fact allows us to talk about different economic and cultural traditions. In addition, millstones could serve not only for grain processing, but also for grinding legumes and oil.

Key words: Byzantine archaeology, Mangup, palace, rotary millstones, reconstruction.

Citation. Gantsev V.K. Rotary Millstones of the 9th–11th Centuries from the Excavations of the Mangup Princely Palace. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 131-141. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.9>

УДК 902.64

ББК 63.4стд1-419

Дата поступления статьи: 30.06.2020

Дата принятия статьи: 24.07.2020

РОТАЦИОННЫЕ ЖЕРНОВА IX–XI вв. ИЗ РАСКОПОК МАНГУПСКОГО КНЯЖЕСКОГО ДВОРЦА ¹

Валентин Константинович Ганцев

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. В результате раскопок дворца правителей княжества Феодоро (1425–1475 гг.) выявлен ряд архитектурно-археологических объектов додворцового и постдворцового времени. Достаточно выразительным в пределах дворцового комплекса является культурный слой «фемного периода» (середина IX – XI в.) в истории Мангупского городища. С ним связана находка трех ротационных жерновов, свидетельствующая о занятии местным населением сельским хозяйством. Жернова из раскопок дворца отнесены к группе I, по классификации Р.С. Минасяна; по типологии, разработанной В.К. Михеевым, один жернов относится к типу

ПА2, два других – к типу IA1. Пара жерновов, открытых в едином комплексе, позволяют реконструировать мельничное устройство, основанное на применении ручной силы. С помощью махового штока, крепившегося одним концом к балке или потолку, а другим к боковому подшипнику, закрепленному к верхнему жернову, бегунку придавалось вращательное движение; при этом нижний (постав) являлся не подвижным. Зазор между жерновами регулировался деревянной порхлицей; цапфа, закрепленная в нижнем жернове, центрировала бегунок. Поиск аналогий мангупским жерновам на синхронных крымских памятниках затруднителен по причине того, что эта категория находок в недостаточной степени опубликована (визуальное сходство прослеживается с жерновами, выявленными при раскопках Тепсеня, поселений Байдарской долины, Кыз-Кермена). Сравнение с жерновами салтово-маяцкой культуры демонстрирует различие в конструкции мельничного устройства. Большая часть верхних жерновов, открытых на салтово-маяцких поселениях, имеет специальное углубление (иногда не одно) для короткого рычага-ручки, что делает их более мобильными, в отличие от жерновов, обнаруженных в Крыму, конструкция которых основана на применении махового штока. Этот факт позволяет говорить о разных хозяйственно-культурных традициях. Кроме того, жернова могли служить не только для переработки зерна, но и для помола бобовых культур и получения масла.

Ключевые слова: византийская археология, Мангуп, дворец, ротационные жернова, реконструкция.

Цитирование. Ганцев В. К. Ротационные жернова IX–XI вв. из раскопок Мангупского княжеского дворца // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 131–141. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.9>

Введение. Одним из крупнейших средневековых памятников из группы так называемых «пещерных городов» Юго-Западного Крыма является Мангупское городище, расположенное на вершине горного плато высотой около 600 м над уровнем моря и общей площадью 90 га (рис. 1, 2). Благодаря наличию в верховьях балок источников воды, обширным размерам и высокой степени природной защищенности жизнь на территории плато продолжалась на протяжении всего периода средневековья. Начиная с 2006 г. одним из основных объектов археологических исследований Мангупской археологической экспедиции Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского является дворец правителей княжества Феодоро 1425–1475 гг. (рис. 1, 3). На сегодняшний день на памятнике не только изучены все известные архитектурные компоненты дворцового ансамбля, но и выявлены архитектурно-археологические комплексы додворцового и постдворцового времени [6, с. 142], что делает его эталонным объектом при изучении материальной культуры средневекового населения Крымских предгорий.

В пределах дворцового комплекса выявлен культурный слой, связанный с жизнью на плато в «фемный период» истории Мангупского городища (середина IX – XI в.) (рис. 3, 2). В это время основным занятием населения Мангупа являлось сельское хозяйство. Одной из категорий находок, выявленных во время

раскопок и свидетельствующих о переработке зерновых культур, являются ротационные жернова, количество которых, тем не менее, не велико – всего 3 целых экземпляра (рис. 2). Редкость одновременного обнаружения нижнего (постав) и верхнего (бегунок) жерновов в комплексе требует их детального анализа.

Простые ротационные жернова использовались сельскими жителями Византии на протяжении всей истории империи [25, р. 34]. Конечно, византийцы могли возводить как водяные, так и ветряные мельницы [23, р. 111–112], но именно ручные были наиболее распространенными [24, р. 402]. Материальная культура Мангупского городища середины IX – XI в. по своему происхождению и содержанию является провинциально-византийской. Публикация сельскохозяйственных орудий этого времени для переработки зерна позволяет говорить о предпочтениях населения данного региона в этой отрасли. Также обращение к этой теме расширяет наши представления о технологиях, применяемых сельским населением на окраинах империи в средневизантийский период.

Методы. Полевая стадия изучения Мангупского дворца близка к завершению; дальнейшие работы по изучению памятника, очевидно, будут связаны с систематизацией и атрибуцией многочисленных археологических находок, происходящих из его раскопок. В основе настоящего исследования лежит сравнительный анализ средневековых ротационных жерновов IX–XI вв., найденных на тер-

ритории дворца, и синхронных памятников Крыма и Хазарского каганата. Поиск аналогий дополнен реконструкцией мельничного устройства.

Анализ. За все годы раскопок дворцового комплекса Мангупского городища обнаружено лишь несколько десятков фрагментов и всего три целых ручных ротационных жернова (рис. 2). Два из них были открыты в 2017 г. на территории Западного участка исследований дворца при выборке 8-го слоя к западу от помещения С и к северу от помещения J (рис. 1, 3; 2, 1–2). Слой представлял собой сплошной завал из разномерного бутового камня мощностью 0,20–0,45 м, образовавшийся в результате разрушения постройки додворцового времени, частично перекрытой северной стеной помещения J дворцового времени. Из слоя разрушения происходят фрагменты «причерноморских амфор» с яйцевидным корпусом, украшенным мелким зональным рифлением, класса 24 по ХК-95, и с желобчатым корпусом класса 36 по ХК-95, высокогорлых кувшинов с широкими плоскими ручками класса 41 по ХК-95 и кувшинов «скалистинского типа». Перечисленный набор керамических находок позволяет уверенно отнести 8-й слой к «фемному периоду» в истории Мангупа (середина IX – XI в.) [16, с. 35–57].

Обнаруженные в археологическом комплексе два жернова, изготовленные из песка, представляют собой единый «мельничный комплекс», состоящий из поставы и бегунка (рис. 4, 1, 2). **Жернов № 1** (рис. 2, 1). Бегунок имеет округлую форму, диаметром 38 см, толщиной 7,3 см; центральное отверстие округлой формы диаметром 7,5–7,9 см. С внешней стороны центральное отверстие окружает небольшой валик шириной 4,3 см. В центре, с внутренней стороны бегунка, вырублен подпрямоугольный паз для порхлицы длиной 16,4 см и шириной 3,25 см.

Жернов № 2 (рис. 2, 2). Постав имеет округлую в плане и подпрямоугольную в сечении форму, диаметр поставы 39–41 см, толщина 5,8 см, центральное отверстие округлой формы диаметром 5,6–6,6 см. Следует отметить сглаженность внутренней рабочей поверхности поставы и бегунка, что может свидетельствовать об их достаточно длительном использовании.

Жернов № 3 обнаружен в 2019 г. также в пределах Западного участка исследований дворца, к западу от помещения В и к северу от помещения J, вблизи кладки № 96 (рис. 1, 3). Он был вторично использован в качестве строительного материала при сооружении вымостки дворцового времени (6-й слой). Вторичное использование жерновов, как и крышек пифосов, в кладках стен построек или мостовых встречается довольно часто [17, с. 238; 21, с. 62, 65, 89, 101]. Находки из 6-го слоя в целом характерны для XIV–XV вв., но при этом около 20 % материала из слоя относятся к «фемному периоду» – фрагменты уже упомянутых амфор классов 24, 36 и 41 по ХК-95, лепной керамики с подработкой на гончарном круге и кувшинов «скалистинского типа». Находка жернова поблизости от постройки додворцового времени, где были обнаружены жернова № 1 и 2, позволяет предположить, что жернов № 3 также относится к «фемному периоду».

Третий из описываемых нами жерновов изготовлен из пористого известняка, имеет округлую форму (утрачена незначительная часть) диаметром 40,4 см, толщину 6,3–9,3 см (рис. 2, 3). Центральное отверстие округлой формы – общими размерами 3,73–5,88 см. Определить достоверно, какую функцию выполнял этот жернов – постав или бегун, затруднительно, так как паз для порхлицы является не обязательным элементом верхнего жернова, ее саму могли вмонтировать и в центральное отверстие. Тем не менее малый размер центрального отверстия жернова № 3 скорее указывает на то, что он являлся поставом.

На данный момент существует всего две классификации ручных средневековых мельниц, разработанные Р.С. Минасяном [13] (рис. 3) и В.К. Михеевым [14, с. 50]. Жернова № 1 и 2 из раскопок дворца относятся к группе I по Минасяну (рис. 2, 1, 2; 3, группа I) [13, с. 104], к этой же группе предварительно отнесен и жернов № 3. Эта группа жерновов получает распространение в Восточном Средиземноморье в VI в. [14, с. 50]. Для нее характерно использование порхлицы и цапфы, бегунок приводился в движение с помощью махового штока, крепившегося одним концом к балке или потолку, а другим – в специальном выступе или боковом подшипнике на периферии верхнего жернова [13, с. 104].

Жернов № 1 относится к типу ПА2 по Михееву: жернов с пазом для порхлицы, без углубления под рукоятку и с плоской рабочей поверхностью. Жернова № 2 и 3 относятся к типу IA1 по Михееву: жернова без паза для порхлицы и углубления для рукоятки, с плоской рабочей поверхностью. Во многом типология жерновов В.К. Михеева основана на классификации Р.С. Минасяна, что позволяет нам при реконструкции устройства жерновов опираться именно на исследование Р.С. Минасяна.

Принцип работы жерновов № 1 и 2, являющихся единым «мельничным комплексом», основан на применении ручной силы (рис. 4). В специальный паз в верхнем жернове (бегунке) (рис. 4, 1) крепилась деревянная или железная порхлица (рис. 4, 3), которая регулировала зазор между жерновами. Верхний жернов с плоской рабочей поверхностью без порхлицы не сможет свободно вращаться на поставе, ее отсутствие компенсируется только конусовидностью бегунка [14, с. 50]. В центральное отверстие в нижнем жернове (постав) (рис. 4, 2) крепилась цапфа (рис. 4, 4), контролирующая, чтобы бегунок не смещался с центральной оси во время помола. Отсутствие углублений для рукоятки в бегунке свидетельствует о том, что сбоку с помощью лубяного или металлического обода к нему крепился боковой подшипник (рис. 4, 5). В отверстие в боковом подшипнике вставлялся маховый шток (деревянная палка), который другим концом полуподвижно крепился в потолке или деревянном бруске (рис. 4, 6). Именно с помощью махового штока бегунку придавали вращательное движение.

Подобные конструкции известны по иконографическим и этнографическим материалам [13, с. 104; 14, с. 51]. Зерно постепенно засыпали в отверстие в бегунке, которое по диаметру было шире диаметра отверстия в поставе. Продукты помола распределялись в направлении от центра к краю жернова, что требовало размещать мельничное устройство в специальной емкости (деревянной или каменной) или на столе с плотным покрытием. Мука при таком помоле была довольно грубая, что требовало обязательного ее просеивания через сито, с целью отделить от нее остатки семян и осколки жерновов [25, р. 34]. Для предотвращения измельчения камней, улучшения движения потока продуктов помола на рабочей по-

верхности жерновов могли вырезать неглубокие борозды, но из-за длительного использования они стирались [26, р. 134–135]. Во время раскопок дворца металлических деталей мельничного устройства обнаружено не было, что является дополнительным аргументом в пользу использования в конструкции деревянных деталей, которые, по понятным причинам, до нашего времени не сохранились.

Поиск на крымских памятниках IX–XI вв. аналогичных жерновов затруднителен, так как данная группа артефактов не привлекает особого внимания исследователей; в публикациях они упоминаются бегло, еще реже приводятся их качественные чертежи. В обобщающих работах жернова перечисляются в одном ряду с другими находками, свидетельствующими о занятии населением региона земледелием, и в частности, мукомольным производством [1, с. 243, 267; 2, с. 72; 3, с. 141; 4, с. 198, 215, рис. 23; 9, с. 355, 361, 362, 363, 372–384; 15, с. 108]. Похожие жернова найдены на городище Тепсень, в слое второй половины IX – первой половины X в. [12, с. 60, 65, 236, рис. 134], на поселениях второй половины IX – X в. в Байдарской долине – Бобровка [22, с. 80, 151, рис. 99, 1] (визуально похож на жернов № 2) и Передовое [22, с. 124, 151, рис. 99, 4] (похож на жернов № 2), городище VIII – первой половины IX в. Кыз-Кермен [3, с. 141, рис. 19] (визуально похож на жернов № 1) и в Херсоне (в слое пожара XIII в.) [8, с. 223, 224, 259, рис. 26, 5, 7] (возможно, 7 похож на жернов № 1, 5 похож на жернов № 2).

В большом количестве каменные жернова находят практически на всех памятниках салтово-маяцкой культуры, расположенных на Керченском [17, с. 237] и Таманском полуостровах [20, с. 50, 57, 103, 140, 227, 256; 21, с. 59, 62, 65, 68, 72, 73, 74, 80, 84, 87, 89, 92, 94, 100, 101, 110, 111, 213, 526] (каменные жернова на поселении Гора Чирикова 1 обнаружены в закрытых археологических комплексах (ямы № 57 и 78) второй половины VIII – первой половины X в. [18, с. 211–212, 215, 237, рис. 6, 1–3, 244, рис. 13, 1]), поселениях лесостепной зоны (Верхний Салтов [10, с. 457–458], Пятницкое [11, с. 101, рис. 4.24, 8], Мохнач [11, с. 101, рис. 4.24, 9–10], Чугуев [11, с. 101, рис. 4.24, 11–13] и другие [13, с. 108]). Обращает на себя внимание тот факт, что большая часть, если не все, опубликованных вер-

хних жерновов, обнаруженных на салтово-маяцких поселениях, принадлежит группе III по Минасяну (рис. 3, *группа III*) [10, с. 457, рис. 6, 1–3, 5, 7–10, 12; 11, с. 101, рис. 4.24, 1–3, 5, 8, 10, 13; 17, с. 237, рис. 6, 2, 3, 244, рис. 13, 1], для которых характерно углубление (от одного до трех) на внешней стороне бегунка, предназначенное для небольшого рычага-ручки или, реже, махового штока [13, с. 108; 14, с. 51].

На данный момент известно всего лишь одно достоверное место по изготовлению каменных жерновов в средневековом Крыму – на южном склоне г. Перчем, в окрестностях Судака. По причине длительного функционирования каменоломни, сузить ее датировку затруднительно [19, с. 331]. Не исключено, что жернова могли производиться на территории Херсонеса, где в усадьбе № 1 квартала XXV Северного района заготовки для них были найдены в большом количестве (девять штук) в слое XIII в. [9, с. 355].

Результаты. Анализ ротационных жерновов IX–XI вв., обнаруженных при раскопках дворца правителей княжества Феодоро на Мангупе, и их сравнение с синхронными жерновами Крыма и Подонья позволяет сделать несколько предварительных выводов. Решающими показателями для реконструкции мельничного устройства служат морфологические признаки бегунка. Верхние жернова, обнаруженные на крымских памятниках VIII–XI вв., принадлежащие группе I (по Р.С. Минасяну), отличаются от жерновов группы III этой же классификации, которые использовались населением салтово-маяцких поселений. Это может служить аргументом в пользу выделения различных хозяйственно-культурных типов – условного греко-византийского, где распространение получили жернова, основанные на применении махового штока, и салтово-маяцкого, где применялись жернова, приводившиеся в движение небольшими рычагами-ручками.

Находки жерновов не могут быть безусловным доказательством выращивания в регионе пшеницы; они служат лишь подтверждением сельскохозяйственных занятий местного населения [11, с. 43]. Кроме часто встречаемого функционального определения жерновов как устройств, служащих для помола зерновых культур, их могли также использовать для получения масла [5, кн. IX, гл. 18: 1, 6] и перемола

бобовых («пропущенным через жернова» горохом, например, следовало посыпать место посадки виноградных лоз) [5, кн. V, гл. 9: 2]. Незначительное количество ротационных жерновов, обнаруженных за долгие годы раскопок дворца, как и на других объектах Мангупского городища IX–XI вв., может указывать на то, что местное население получало большую часть необходимой ему муки уже в готовом виде извне. Это предположение вполне может согласовываться с тем фактом, что именно в данный период в пределах Мангупа получают развитие специализированные винодельческие комплексы (рис. 1, 2), а производство вина становится основным занятием населения городища, приобретая экспортную направленность [7].

К сожалению, разработать убедительную хронологическую шкалу для ротационных жерновов представляется затруднительным по причине длительного использования однотипных форм. Для крымских памятников, пожалуй, главной проблемой является то, что эта категория находок в недостаточной степени опубликована. Детальный анализ каменных жерновов, позволит если не разработать подробную хронологию их использования, то хотя бы продемонстрировать предпочтительные формы изделий для того или иного региона (пример: [26, р. 134]). Надеемся, что дальнейшая публикация рассматриваемой нами категории археологических находок позволит накопить источниковую базу, которая подтвердит или опровергнет предложенные нами выводы.

Благодарности. Выражаю признательность А.Г. Герцену и В.Е. Науменко за возможность самостоятельной публикации материалов раскопок памятника.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ «Дворцовый комплекс Мангупского городища – резиденция правителей княжества Феодоро в Юго-Западном Крыму. Проблемы хронологии, планировки и архитектурной реконструкции памятника» (проект № 19-09-00124).

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-09-00124 “The palace complex of the Mangup fortress – the residence of the rulers of the principality of Theodoro in the South-Western Crimea. Problems of chronology, planning and architectural reconstruction of the monument”.

ПРИЛОЖЕНИЕ

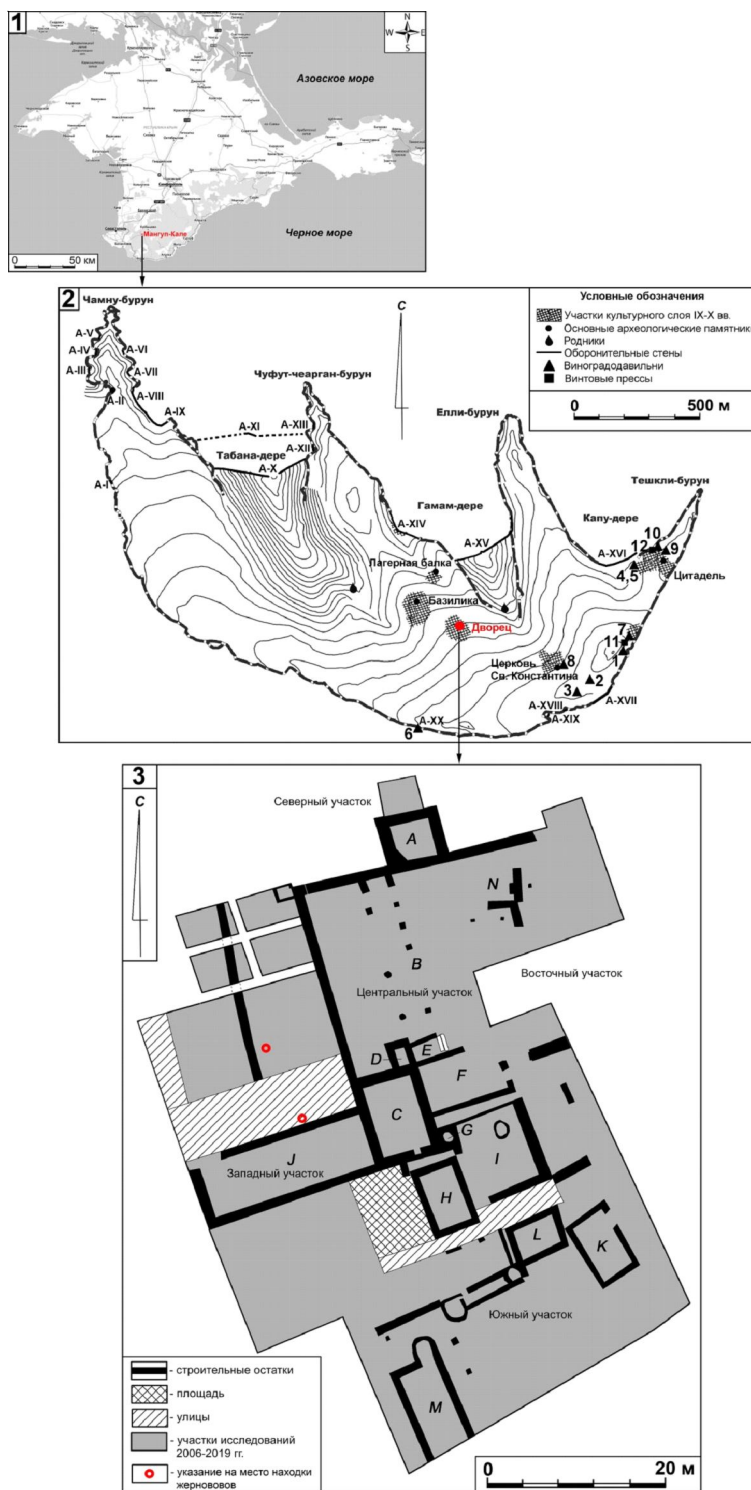

Рис. 1. Место находок ротационных жерновов на территории дворца:

1 – месторасположение Мангупского городища; 2 – Мангупское городище с указанием участков культурного слоя IX–XI вв.; месторасположение дворца; 3 – общий план дворца с указанием мест находок жерновов

Fig. 1. Place of rotary millstones finds on the territory of the palace:

1 – location of Mangup; 2 – Mangup indicating sections of the cultural layer of the 9th–11th centuries and location of the palace; 3 – general plan of the palace showing the locations of finds of millstones

Рис. 2. Ротационные жернова из раскопок дворца
Fig. 2. Rotary millstones from the excavations of the palace

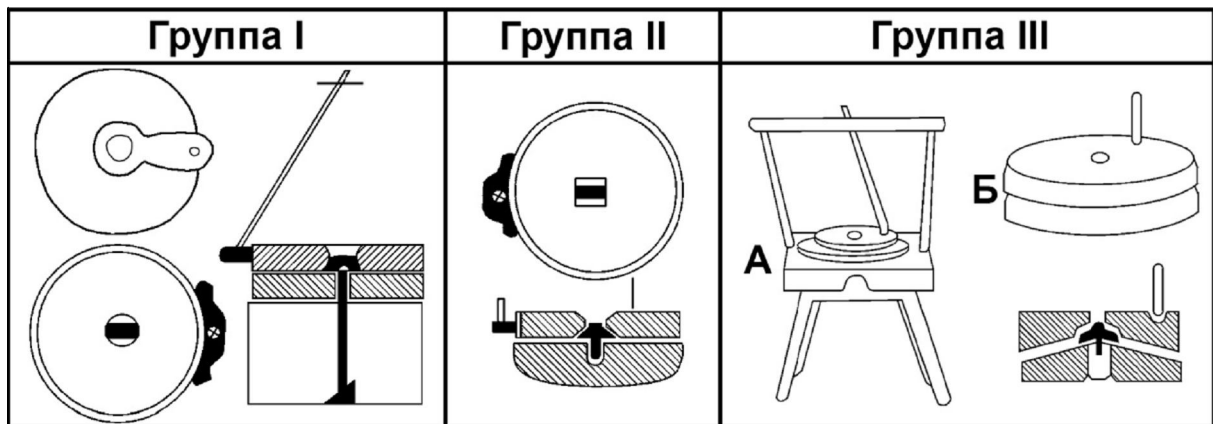

Рис. 3. Классификация жерновов и реконструкция мельничных устройств по Р.С. Минасяну [13, с. 104, 105, 107]
Fig. 3. Classification of millstones and reconstruction of mill devices by R.S. Minasyan [13, p. 104, 105, 107]

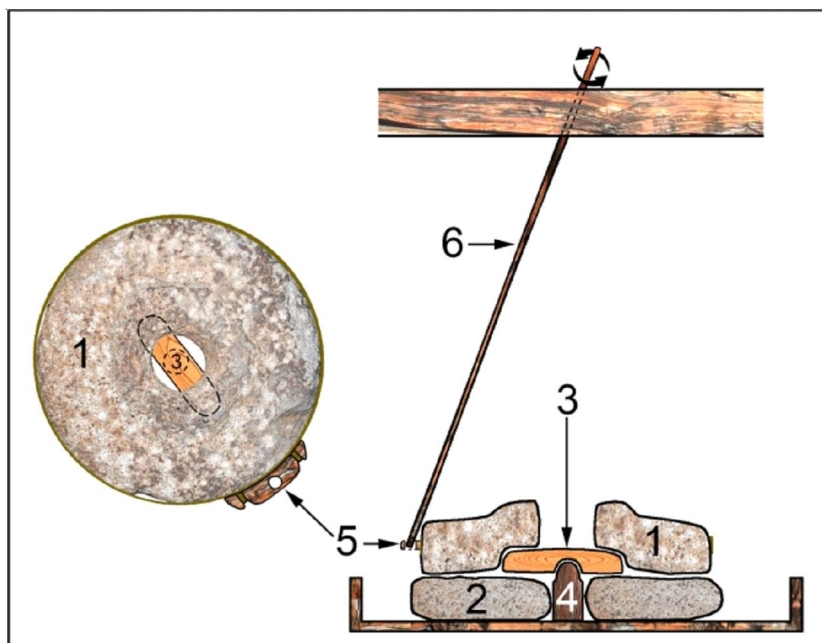

Рис. 4. Реконструкция мельничного устройства из раскопок дворца:
 1 – верхний жернов (бегунок); 2 – нижний жернов (постав); 3 – порхлица; 4 – цапфа;
 5 – боковой подшипник; 6 – маховой шток

Fig. 4. Reconstruction of the mill device from the excavations of the palace:
 1 – handstone, 2 – questone, 3– thrust bearing, 4 – pivot, 5– side bearing, 6– rotary rod

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин, А. И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. / А. И. Айбабин // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2014. – Вып. XIX. – С. 240–277.
2. Баранов, И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура) / И. А. Баранов. – Киев : Наукова думка, 1990. – 168 с.
3. Белый, А. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 1 / А. В. Белый, В. В. Назаров // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму : сб. науч. тр. – Симферополь : Таврия, 1992. – С. 132–142.
4. Белый, А. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 3, 4, 7 / А. В. Белый // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. – Симферополь : Таврия-Плюс, 2001. – С. 189–229.
5. Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. / введ., пер. с греч. и коммент. Е.Э. Липшиц. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – 374 с.
6. Герцен, А. Г. Основные итоги и перспективы исследований княжеского дворца Мангупского городища / А. Г. Герцен, В. Е. Науменко, А. А. Душенко // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований : материалы Междунар. науч. конф. / ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. – Симферополь ; Керчь : ИП Кифниди Г.И., 2019. – С. 139–148.
7. Герцен, А. Г. Скальные виноградодавильни Мангупа / А. Г. Герцен, В. Е. Науменко, В. К. Ганцев // XI Международный Византийский семинар «Χερσόβιος θεσπιατά : Империя и полис» : материалы науч. конф. / отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь : [б. и.], 2019. – С. 79–86.
8. Голофаст, Л. А. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса / Л. А. Голофаст, С. Г. Рыжов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2003. – Вып. X. – С. 182–260.
9. Голофаст, Л. А. Ремесла и промыслы Херсона в XIII в. (по находкам из слоя пожара) / Л. А. Голофаст // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2008. – Вып. XIV. – С. 345–384.
10. Колода, В. В. К вопросу о средневековом земледелии (по материалам верхнесалтовского археологического комплекса) / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // Stratum plus. – 2001/2002. – № 5. – С. 448–465.
11. Колода, В. В. Сільське господарство населення Хозарського каганату в лісостеповій зоні / В. В. Колода, С. А. Горбаненко. – Київ : Академперіодика, 2018. – 170 с.
12. Майко, В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму / В. В. Майко. – Киев : Академперіодика, 2004. – 315 с.
13. Минасян, Р. С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н.э.) / Р. С. Минасян // Советская археология. – 1978. – № 3. – С. 101–112.
14. Михеев, В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. – Харьков : Вища школа, 1985. – 148 с.
15. Мыц, В. Л. Укрепления Таврики X–XV вв. / В. Л. Мыц. – Киев : Наукова думка, 1991. – 164 с.
16. Науменко, В. Е. Пифосы, амфоры, высокогорлы кувшины, фляги, столовая посуда / В. Е. Науменко // Зинько, В. Н. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. / В. Н. Зинько, Л. Ю. Пономарев // Боспорские исследования. – Симферополь ; Керчь : АДЕФ-Украина, 2009. – С. 32–63.
17. Пономарев, Л. Ю. Хозяйственно-бытовой и культовый комплекс находок из салтово-маяцких поселений и могильников Керченского полуострова / Л. Ю. Пономарев // История и археология Крыма. – 2016. – Вып. III. – С. 235–267.
18. Супренков, А. А. Поселение VIII–X вв. гора Чирикова 1 на Таманском полуострове: хозяйственные комплексы группы 4 (по итогам раскопок 2015 г.) / А. А. Супренков, В. Е. Науменко, Л. Ю. Пономарев // История и археология Крыма. – 2019. – Вып. X. – С. 205–248.
19. Тур, В. Г. Археологические разведки в Юго-Восточном Крыму / В. Г. Тур // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2003. – Вып. X. – С. 322–341.
20. Чхаидзе, В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове / В. Н. Чхаидзе. – М. : Таус, 2008. – 328 с.
21. Чхаидзе, В. Н. Фанагория в VI–X вв. / В. Н. Чхаидзе. – М. : [б. и.], 2012. – 590 с.
22. Якобсон, А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики / А. Л. Якобсон. – Л. : Наука, 1970. – 207 с.
23. Bryer, A. The Means of Agricultural Production: Muscle and Tools / A. Bryer // The Economic History of Byzantium : From the Seventh through the Fifteenth Century. Vol. 1 / ed.-in-chief A. E. Laiou. – Washington, D.C. : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002. – P. 101–113.
24. Decker, M. Agriculture and agricultural technology / M. Decker // The Oxford Handbook of Byzantine Studies / eds. E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – P. 397–406.
25. Strathakopoulos, D. S. Between the Field and the Plate: How Agricultural Products Were Processed into Food / D. S. Strathakopoulos // Eat, Drink and be

Merry (Luke 12:19). Food and Wine in Byzantium. Papers of the 37th Annual Spring Symposium of Byzantine Studies in Honour of Professor A. A. M. Bryer / ed. by K. Linardou, L. Brubaker. – Burlington : Ashgate, 2007. – P. 27–38.

26. Vos, M. Hand and «Donkey» Mills in North African Farms / M. Vos, R. Attoui, M. Andreoli // Bread for the People : The Archaeology of Mills and Milling. Proceedings of a Colloquium Held in the British School at Rome 4th–7th November 2009 / ed. by D. Williams, E. Peacock. – Oxford : Archaeopress, 2011. – P. 131–150.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Gorod na plato Eski-Kermen v XIII v. [City on the Plateau of Eski-Kermen in XIII Century]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2014, vol. 19, pp. 240-277.

2. Baranov I.A. *Tavrika v epokhu rannego srednevekovya (saltovo-maiatskaia kultura)* [Tauria in the Early Middle Ages (Saltovo-Mayaki Culture)]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1990. 168 p.

3. Belyy A.V., Nazarov V.V. Raskopki usadby na gorodishche Kyz-Kermen. Postroyka № 1 [Excavations of the Manor on the Settlement of Kyz-Kermen. Building № 1]. *Problemy istorii «peshchernykh gorodov» v Krymu: sb. nauch. tr.* [Problems of the history of «cave cities» in the Crimea: collection of scientific works]. Simferopol, Tavriya Publ., 1992, pp. 132-142.

4. Belyy A.V. Raskopki usadby na gorodishche Kyz-Kermen. Kompleks postroek № 3, 4, 7 [Excavations of the Manor on the Settlement of Kyz-Kermen. Complex of Buildings № 3, 4, 7]. *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik* [Bakhchisaray Historical and Archaeological Collection]. Simferopol, Tavriya-Plus Publ., 2001, vol. 2, pp. 189-229.

5. Lipshits E.E., ed. *Geoponiki. Vizantiyskaya selskokhozyaystvennaya entsiklopediya X v.* [Geoponics. Byzantine Agricultural Encyclopedia of the 10th Century]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1960. 374 p.

6. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy knyazheskogo dvortsa Mangupskogo gorodishcha [The Main Results and Prospects of Research of the Princely Palace of the Mangup Settlement]. Zinko V.N., Zinko E.A., eds. *XX Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [XX Bosporan Readings. Cimmerian Bosphorus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages.

Main Results and Prospects of Research: Materials of the International Scientific Conference]. Simferopol; Kerch, IP Kifnidi G.I. Publ., 2019, pp. 139-148.

7. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Gantsev V.K. Skalnye vinogradodavilni Mangupa [The Rock-Cut Wine Presses at Mangup]. *XI Mezhdunarodnyy vizantiyskiy seminar «Chersōnos themata: imperiya i polis»: materialy nauch. konf.* [The 11th International Byzantine Seminar “Chersōnos themata: Empire and Polis”: Materials of Scientific Conference]. Simferopol, s. n., 2019, pp. 79-86.

8. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Raskopki kvartala X v Severnom Rayone Khersonesa [Excavations in the Quarter X in the Northern District of Chersonesos]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2003, vol. 10, pp. 182-260.

9. Golofast L.A. Remesla i promysly Khersona v XIII v. (po nakhodkam iz sloya pozgara) [Crafts and Household Activities in Chersonesos in the XIII Century (Based on Finds from the Layer of Fire)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2008, vol. 14, pp. 345-384.

10. Koloda V.V., Gorbanenko S.A. K voprosu o srednevekovom zemledelii (po materialam verkhnesaltovskogo arkheologicheskogo kompleksa) [According to the Questions About Medieval Agriculture (Based on the Materials of Verkhnesaltovo Archaeological Complex)]. *Stratum plus*, 2001/2002, no. 5, pp. 448-465.

11. Koloda V.V., Gorbanenko S.A. *Sil'ske gospodarstvo naseleennia Khozarskogo kaganatu v lisostepovii zoni* [Agriculture of the Population of the Khazar Khaganate in the Forest-Steppe Zone]. Kiev, Akadempriodika Publ., 2018. 170 p.

12. Maiko V.V. *Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen v Yugo-Vostochnom Krymu* [Medieval Settlement on the Tepsen Plateau in the South-Eastern Crimea]. Kiev, Akadempriodika Publ., 2004. 315 p.

13. Minasyan R.S. Klassifikatsiya ruchnogo zernovogo postava (po materialam Vostochnoy Evropy I tysyacheletiya n.e.) [Classification of the Hand Millstone Postage (Based on the Materials of Eastern Europe of the First Millennium AD)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], 1978, no. 3, pp. 101-112.

14. Mikheev V.K. *Podone v sostave Khazarskogo kaganata* [The Don Region in the Composition of the Khazar Kaganate]. Kharkov, Vyshcha Shkola Publ., 1985. 148 p.

15. Myts V.L. *Ukrepleniya Tavriki X–XV vv.* [Fortifications of Tauria in the 11th–15th Centuries]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1991. 164 p.

16. Naumenko V.E. Pifosy, amfory, vysokogorlye kuvshiny, flyagi, stolovaya posuda [Pythos, kovshiny, flyagi, stolovaya posuda [Pythos,

Amphorae, High-Necked, Flasks, Tableware]. Zinko V.N., Ponomarev L. Yu. *Tiritaka. Raskop XXVI. T. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv.* [Tiritake. Excavation Trench XXVI. Vol. I. Archaeological Assemblages of the 8th–10th Centuries]. Simferopol; Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2009, pp. 32–63.

17. Ponomarev L. Yu. Khozyaystvenno-bytovoy i kultovyy kompleks nakhodok iz saltovomayatskikh poseleniy i mogilnikov Kerchenskogo poluostrova [The Household and Cult Complex of Finds from Saltovo-Mayaki Settlements and Tombs of the Kerch Peninsula]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea], 2016, vol. 3, pp. 235–267.

18. Suprenkov A. A., Naumenko V. E., Ponomarev L. Yu. Poselenie VIII–X vv. gora Chirikova 1 na Tamanskom poluostrove: khozyaystvennye komplekсы gruppy 4 (po itogam raskopok 2015 g.) [Settlement of VIII–X Centuries on Mount Chirkova 1 on the Taman Peninsula: Economic Complexes of Group 4 (Following of 2015 Excavations)]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and archaeology of the Crimea], 2019, vol. 10, pp. 205–248.

19. Tur V. G. Arkheologicheskie razvedki v Yugo-Vostochnom Krymu [Archaeological Reconnaissance in the South-Eastern Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2003, vol. 10, pp. 322–341.

20. Chkhaidze V. N. *Tamatarkha. Rannesrednevekovyy gorod na Tamanskom poluostrove*

[Tamatarkha. The Early Medieval City on Taman Peninsula]. Moscow, Taus Publ., 2008. 328 p.

21. Chkhaidze V. N. *Fanagoriya v VI–X vv.* [Fanagoria in VI–X Centuries]. Moscow, s.n., 2012. 590 p.

22. Yakobson A. L. *Rannesrednevekovyye selskie poseleniya Yugo-Zapadnoi Tavriki* [Early Medieval Rural Settlements in the South-Western Taurica]. Leningrad, Nauka Publ., 1970. 207 p.

23. Bryer A. The Means of Agricultural Production: Muscle and Tools. Laiou A. E., ed. *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century. Vol. 1.* Washington, D. C., Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002, pp. 101–113.

24. Decker M. Agriculture and agricultural technology. Jeffreys E., Haldon J., Cormack R., eds. *The Oxford Handbook of Byzantine Studies.* Oxford, Oxford University Press, 2008, pp. 397–406.

25. Strathakopoulos D. S. Between the Field and the Plate: How Agricultural Products Were Processed Into Food. Linardou K., Brubaker L., eds. *Eat, drink and be merry (Luke 12:19). Food and Wine in Byzantium. Papers of the 37th Annual Spring Symposium of Byzantine Studies in Honour of Professor A. A. M. Bryer.* Burlington, Ashgate, 2007, pp. 27–38.

26. Vos M., Attoui R., Andreoli M. Hand and «Donkey» Mills in North African Farms. Williams D., Peacock E., eds. *Bread for the People: The Archaeology of Mills and Milling. Proceedings of a Colloquium held in the British School at Rome 4th–7th November 2009.* Oxford, Archaeopress, 2011, pp. 131–150.

Information About the Author

Valentin K. Gantsev, Postgraduate Student, Department of Ancient World and Middle Ages History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russian Federation, valentin.gancev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6097-1923>

Информация об авторе

Валентин Константинович Ганцев, аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, valentin.gancev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6097-1923>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.10>

UDC 94(4):655.3
LBC 63.3(4)-33

Submitted: 18.05.2020
Accepted: 07.07.2020

SENACHEREIM IN BYZANCE: NEW SEALS OF THEODOROS SENACHEREIM FROM BULGARIA

Nikolay A. Alekseienko

Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Valery P. Stepanenko

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The new seal of proedros Theodoros Senachereim presents the *oikeios* of emperor Alexios I Komnenos (1081–1118), well-known from written sources. *Analysis.* The finds of seals of individual representatives of the Senachereim family (Atouemes, proedros; Abou Sahl, proedros and kouropalates; Constantine, proedros, kouropalates and doux; Sebatas, protospatharios and strategos of the Serbion; John, Kourtikius and Zoe, nun), including on the territory of Bulgaria, provide grounds to suppose that the latter were administratively related in some way to the Balkan themes of Byzantium and, apparently, to the main Bulgarian centers of the Byzantine influence. *Results.* Traditionally, it was considered that the Senachereim and other representatives of the Armenian elite in Asia Minor disappeared from the political scene in connection with the Seljuk conquest of these territories. However, thanks to the finds of seals of the Senachereim it is obvious that the family survives at least until the beginning of the 13th century.

Key words: Byzantine history, Byzantine aristocracy, Senachereim, prosopography, sigillography, molybdoboulloi, seals.

Citation. Alekseienko N.A., Stepanenko V.P. Senachereim in Byzance: New Seals of Theodoros Senachereim from Bulgaria. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 142-149. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.10>

УДК 94(4):655.3
ББК 63.3(4)-33

Дата поступления статьи: 18.05.2020
Дата принятия статьи: 07.07.2020

СЕНАХЕРИМЫ В ВИЗАНТИИ: НОВАЯ ПЕЧАТЬ ФЕОДОРА СЕНАХЕРИМА ИЗ БОЛГАРИИ

Николай Александрович Алексеенко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Валерий Павлович Степаненко

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Новая печать проедра Феодора Сенахерима представляет известного по письменным источникам сподвижника императора Алексея I Комнина (1081–1118). Находки печатей отдельных пред-

ставителей семейства Сенахеримов (проедра Атома; проедра, а затем куропалата Абусахла; проедра, куропалата и дуки Константина; протоспафария и стратига фемы Сервии Севаты; Иоанна; Куртикия и монахини Зои), в том числе и на территории Болгарии, дают основание полагать, что последние административно были как-то связаны с балканскими фемами Византии, и, судя по всему, с главными болгарскими центрами византийского влияния. Традиционно считалось, что Сенахеримы и другие представители армянской элиты в Малой Азии сошли с политической арены в связи с сельджукским завоеванием данных территорий. Однако, судя по находкам печатей Сенахеримов (Senachereim), род доживает, по крайней мере, до начала XIII столетия. Сфрагистическое исследование (описание моливдовула Феодора Сенахерима, поиск аналогий и печатей других представителей семейства в мировых собраниях, анализ данных о представителях рода) проведено Н.А. Алексеенко. Источниковедческое исследование (поиск сведений о Феодоре Сенахериме и других представителях хорошо известной армянской аристократической фамилии (Арцруни = Сенахеримы) в письменных и нарративных источниках, исторический анализ данных о роли и месте членов рода в византийском обществе) проведено В.П. Степаненко.

Ключевые слова: история Византии, византийская аристократия, Сенахеримы, просопография, сфрагистика, моливдовулы, печати.

Цитирование. Алексеенко Н. А., Степаненко В. П. Сенахеримы в Византии: новая печать Феодора Сенахерима из Болгарии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 142–149. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.10>

Введение. Памятники византийской сфрагистики в своей массе не только весьма многочисленны, но и достаточно информативны. Кроме традиционных титулярных сведений о своих владельцах, печати-моливдовулы достаточно часто содержат уникальные данные о столичной, провинциальной и церковной администрациях империи или же о принадлежности держателей печатей к придворной аристократии, называя знаменитые или малоизвестные родовые имена, многие из которых стали известны лишь благодаря печатям.

Представители византийской элиты в период вхождения Болгарии в состав империи играли достаточно заметную роль в администрации болгарских фем и в командовании расквартированными на ее территории военными контингентами, о чем красноречиво свидетельствует Корпус печатей профессора И. Йорданова, один из томов которого содержит около 800 моливдовулов византийских аристократов [25], обнаруженных в разных районах современной Болгарии и показывающих активное участие византийской аристократии в ее судьбе. Здесь и представители императорского семейства, и видные византийские военачальники, и гражданские, и церковные чиновники, многие из которых были отнюдь не византийского (греческого), но и различных других этнических (болгарского, армянского, сирийского) происхождений.

Особенно в период правления Романа IV Диогена при дворе и среди военных, которых император назначил на руководящие посты в византийской армии, выделяется группа, состоящая из лиц армянского происхождения, а также выходцев из болгар, на поддержку и преданность которых особо рассчитывал император [27, р. 132, 137, 172, 174, 176; 6, с. 26, 27; 8, с. 285, примеч. 34–36]. Многие из них были представителями местных правящих династий или известнейших аристократических семейств.

Методы. Одним из таковых являлся и род Сенахеримов, печати представителей которого хорошо известны, например, по находкам в Болгарии [25, р. 371, 372, no. 647–649].

Анализ. Сегодня мы имеем возможность ввести в научный оборот новую печать, также происходящую с территории Болгарии (к сожалению, точное место ее находки неизвестно), представляющую одного из представителей этого семейства, проедра Феодора¹ (см. рисунок), имя которого ранее не встречалось среди памятников сфрагистики.

1. Феодор Сенахерим, проедр (1080–1090-е гг.).

М-808. (Частная коллекция, Москва).

Д – 18–19 мм; толщина пластинки – 2 мм.

Изображения на обеих сторонах печати слегка децентрированы вниз и влево. В верхней части пробито отверстие.

Сохранность удовлетворительная.

Печать Феодора Сенахерима, проедра (1080–1090-е гг.)
Seal of Theodore Senachereim, proedros (1080s–1090s)

Не издана.

Аналогий не известно.

Аверс. В двойном ободке из слившихся в одну линию жемчужин – погрудное изображение св. Феодора, держащего в правой руке копьё, а в левой – щит, анфас. В поле по сторонам надпись в столбик: слева – .|Θ|.; справа – .|Δ|Ρ. – [°Ο (ἄγιος)] Θ[εό]δ[ω]ρ(ος). По кругу между ободков надпись: +СФРАΓΙΣΘ.ΟΔΩΡΟ. – Σφραγίς Θε[ε]οδώρο[υ].

Реверс. В двойном ободке из слившихся в одну линию жемчужин погрудное изображение святого воина Димитрия, держащего в правой руке копьё, а в левой щит, анфас. В поле имя святого в столбик: слева – Θ|Δ|Η; справа – Μ|Ι|ΤΡ – °Ο (ἄγιος) Δημήτρ(ιος). По кругу между ободков надпись: +ΠΡΟΕΔΡΤΘΣ-ΕΝΑΙΧΕΡΜ – προέδρου τοῦ Σεναχερ(ε)μ.

Σφραγίς Θεοδώρου προέδρου τοῦ
Σεναχήρειμ –

Печать Феодора Сенахерима, проедра.

Особенности сфрагистического типа позволяют отнести печать к памятникам второй половины XI века. Достаточно близкие аналогии дают нам некоторые датированные печати последней четверти этого столетия [28, р. 93–95, 99, 100, no. 95, 96, 103].

Представленный на печати титул проедр – буквально «председатель», в первона-

чальном значении – глава Сената [22, р. 105–117] – ставит Феодора Сенахерима в один ряд с известными византийскими сановниками и военачальниками, такими как Василий и Самуил Алусианы [5, с. 178, № 2; 1, с. 128–130] или Филарет Врахамий [2, с. 316–328], хотя моливдовул и не несет непосредственного указания на принадлежность к военному ведомству владельца печати.

Феодор Сенахерим известен и по письменным источникам. Его имя фигурирует в Актах афонского монастыря Ксенофона под 6591 годом (июль 1083), где он назван *oikeios* императора [16, С. 21₉₂₋₉₃–22₁₀₆₋₁₀₇].

Значение этого термина и его роль в администрации и придворных бюро достаточно подробно рассмотрел Ж. Верпо [31, р. 89–99], отмечая, что 80 % персонажей в окружении василевса были родственниками или *oikeioi* императора и что в соответствии с греческим термином и те, и другие являлись придворными наивысшей степени [31, р. 95].

А.П. Каждан, анализируя данные источника, отмечает, что Феодор по приказу императора осуществлял передачу земель монастырям, хотя его статус не вполне ясен: являлся ли он фискальным чиновником или же только доверенным лицом василевса [6, с. 35]. Ответа на этот вопрос, к сожалению, нет и сегодня. Ясно лишь одно: проедр Феодор Се-

нахерим в последнем двадцатилетии XI столетия – это один из высокопоставленных византийских вельмож, особа, приближенная к Алексею I Комнину, его доверенное лицо, выполнявшее специальные поручения императора. И он не единственный представитель этого семейства, посвятивший свою жизнь служению Византии.

Армянский род Сенахеримов достаточно хорошо известен в византийской истории XI столетия. Как известно, его основатель, царь Васпуракана Сенекерим Арцруни, под давлением Византии в обстановке сельджукских набегов в 1021 г. был вынужден пойти на обмен своих владений с императором Василием II [18, p. 464; 23, S. 220, 221, Nr. 811a [809]; 15, с. 150–155]. В Константинополе это рассматривалось как «возвращение» императору его верховных прав на данную часть ойкумены. Компенсацией же царю, получившему сан патрикия, стали пост стратига Каппадокии, «Севастия, Ларисса, Авара и много других владений» [24, p. 354₉₄–355₆]. В то же время Кекавмен полагает, что император обманул царя и лишь «почтил его магистром и более ничем» [7, с. 298₅₋₁₀]. На наш взгляд, более достоверна информация Скилицы, так как ранее саны магистров и патрикиев получили сыновья царя завоеванной Болгарии, а еще раньше – сыновья князя аннексированного Таронского княжества, высланные в дарованные им владения в Халдии [15, с. 125]. К тому же жена царя – Хушаш, дочь шаханшаха Ширак-Анийского царства Гагика I Багратуни, получила сан зоты. Известна ее печать, где она названа зотой и матерью магистра Давида Сенахерима [30, p. 270], старшего сына царя, принявшего участие в заговоре Никифора Ксифия против Василия II. Однако он вовремя покинул заговорщиков, за что получил прощение императора и, по-видимому, тогда же сан магистра и земельные владения. Скончался он около 1034 г., не оставив сына-наследника. Поэтому Севастия перешла к младшим сыновьям Сенекерима – Атому, Абусахлу и Константину, – тогда как личные владения Давида унаследовала дочь, на которой по приказу императора Константина Мономаха женился экс-шаханшах Ширак-Анийского царства Гагик II, получивший владения Давида в качестве приданого жены. Ластивертци не случайно пишет, что

брак был совершен *по приказу императора* [10, с. 84]. Здесь показательно то, что этот брак был не каноничен, так как они были очень близкими родственниками: Гагик II был двоюродным дядей невесты, а бабка невесты, Хашуш, была дочерью шаханшаха Ширак-Анийского царства Гагика I, и Гагик II, соответственно, был его внуком [12, с. 265–274].

Атом, Абусахл и Константин владели Севастией как минимум до середины 70-х гг. XI в., но их статус, объем и характер владельческих прав неясны. Примечательно, что, как и в случае с нашим Феодором, для всех троих братьев также известны печати в ранге проедров [19, p. 220–222; 25, p. 372, nr. 648–649], а для Абусахла и Константина позже и как куропалатов [19, p. 222, 223, note 40, 44]. Однако все они датируются не ранее середины XI века. Как полагает Ж.-Кл. Шене, саны проедров братья получили одновременно, будучи приглашенными в Константинополь, и матрицы их печатей резал один и тот же мастер [19, p. 223]. В то же время отметим, что каждый из братьев использовал собственный сфрагистический тип: Атом – погрудное изображение св. воина Георгия, Абусахл, соответственно, св. воина Димитрия, а Константин – бюст Богородицы Оранты. Тем не менее показательно то, что на своих печатях они выбрали имя отца в качестве семейного патронима. Очевидно, родоначальником этой традиции можно считать их мать и жену царя Хашуш, назвавшей на своей печати их старшего брата магистра Давида – Сенахеримом.

В дальнейшем Арцруни, теперь известные как Сенахеримы, в Византии, видимо, не играли сколь-нибудь существенной роли в фемной администрации. В этом смысле стратиг Сервии Севата Сенахерим в надписи печати из собрания Эрмитажа [13, с. 209–218, рис. 1; 14, с. 144, 145, 150, 151, ил. 1–2; 9, с. 27; 17, p. 178, note 8] представляется весьма редким исключением.

Впрочем, следует отметить, что и Константин Сенахерим в надписи печати из собрания Американского нумизматического общества (коллекция Newell инв. № 15847) назван куропалатом и дукой [19, p. 223], что, очевидно, предполагает также видеть в нем высокопоставленного военачальника византийской администрации.

Из других представителей рода известна также монахиня Зоя Сенахерина по печати XI–XII вв. [26, р. 301, 302, нг. 1477]. Что касается частной печати Иоанна Сенахерима (?) [25, р. 371, нг. 647], то на ней патроним практически не читается и восстановлен издателем гипотетично лишь по окончанию. Так что вопрос о принадлежности Иоанна к Сенахеримам пока остается открытым.

Принадлежность к этому семейству Сенахерима Курткия [20, р. 679, 680. нг. 7.70] также весьма сомнительна, хотя, по мнению Ж.-Кл. Шене, стамбульская печать свидетельствует о родственных связях двух известных семейств [19, р. 224, note 49].

Судя по именам известных представителей рода, последний довольно быстро эллинизировался. Учитывая, что у Давида не было сыновей, можно предположить, что его основателем в Византии мог быть именно Абусахл, одним из первых в надписи своей печати назвавший себя Сенахеримом.

Известна целая серия печатей, называвшая владельца в одном случае магистром Апнелгарибом, а в другом – анфипатом, патриkiem, вестом и стратигом Селевкии Апелгарибом Аршакидом, в библиографии получившая противоречивую атрибуцию. Не ясно, одно ли это лицо или два персонажа. По мнению В. Зайбта, это мог быть Аплгариб Пахлавун, дядя известного в истории Армении и Византии политика и интеллектуала Григора Магистра [29, S. 349–359]. В истории Византии о нем ничего неизвестно, но известен Абелхариб Арцруни, родственник экс-царя Васпуракана [6, с. 34, 35, 9.6]. Поздний армянский хронист Вардан Великий называет его правителем византийской Равнинной Киликии – Сиса, Аданы, Паперона и Ламбрана, используя географическую и политическую номенклатуру XIII в., эпохи Киликийского армянского царства, в состав которого они и входили. По рассказу Вардана, Абулхариб выдал дочь замуж на младшего сына Гагика II, а затем отравил зятя [3, с. 131]. Вероятность принадлежности ему данных печатей велика, но недоказуема [21, р. 308–311].

И наконец, некто Сенахерим известен как магнат на территории Эпира в начале XIII века. О нем почти ничего не известно,

даже имени, так как упоминается только его патроним [11, с. 255–257].

Выводы. Находки печатей отдельных представителей семейства Сенахеримов на территории Болгарии дают основание полагать, что последние административно были как-то связаны с балканскими феодами Византии, в том числе и с болгарскими.

Традиционно считалось, что Сенахеримы, Багратиды Ани и другие представители армянской элиты в Малой Азии сошли с политической арены в связи с сельджукским завоеванием данных территорий. Однако, судя по находкам в Болгарии печатей Сенахеримов и пребыванию одного из представителей семейства на территории Эпира еще в начале XIII столетия, род выжил, как, впрочем, и потомки экс-шахиншаха Ани Гагика II, если считать его потомком Георгия Гагика, печать которого также была найдена на территории Болгарии [4, с. 144, № 63].

Благодарности. Авторы благодарят И. Горшкова (1959–2020) за предоставленную возможность изучения и публикации моливдовула.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко, Н. А. Болгары в армии Романа IV Диогена : карьера Самуила Алусиана по данным сфрагистики / Н. А. Алексеенко // *Πολιτισμολογία* : сб. ст. в память профессора В. В. Кучмы / ред. Н. Д. Барабанов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 127–139.
2. Алексеенко, Н. А. Моливдовулы армянского аристократа Филарета Врахамия в контексте исторических событий XI в. / Н. А. Алексеенко // *Боспорские исследования*. – 2014. – Вып. XXX. – С. 316–328.
3. Вардан Великий. Всеобщая история / пер. Н. Эмин. – М. : Типография Лазаревского института восточных языков, 1861. – XXIV, 202. 218 с.
4. Йорданов, И. Печати на византийски сановници от армянски происход, намерени в България / И. Йорданов // *Антична древност и средние века*. – 2000. – Вып. 31. – С. 123–156.
5. Йорданов, И. Корпус на печатите на средновековна България / И. Йорданов. – София : Агатó, 2001. – 202 с.
6. Каждан, А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. / А. П. Каждан. – Ереван : АН Армянской ССР, 1975. – 168 с.

7. Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI в. / подг. текста, введение, пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. – СПб. : Алетейя, 2003. – 711 с.

8. Мохов, А. С. Византийская армия в правление Романа IV Диогена (1068–1071) / А. С. Мохов // *Античная древность и средние века*. – 2003. – Вып. 34. – С. 275–296.

9. Мохов, А. С. Микроструктуры византийской военно-административной системы в X–XI вв. Фема Сербия / А. С. Мохов // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки*. – 2010. – Вып. 3 (79). – С. 19–30.

10. Повествование вардапета Аристокеса Ластивертци / введение, пер. и коммент. К.Н. Юзбашьяна. – М. : Наука, 1968. – 194 с. – (Памятники письменности Востока ; т. XV).

11. Радић, Р. Обласни господари у Византији крајем XII и у првим деценијама XIII века / Р. Радић // *Зборник радова византолошки институт*. – 1986. – Књ. 24–25. – С. 151–289.

12. Степаненко, В. П. Еще раз о грузинском посольстве в Ани в 1045 г. (К генеалогии грузинских и армянских Багратидов и Арцрунидов Васпуракана) / В. П. Степаненко // *Античная древность и средние века*. – 2003. – Вып. 34. – С. 265–274.

13. Шандровская, В. С. Неизвестный правитель фемы Сербии / В. С. Шандровская // *Античная древность и средние века*. – 2009. – Вып. 39. – С. 208–218.

14. Шандровская, В. С. Печать с портретом Григория Просветителя (Лусоворича) XI в. / В. С. Шандровская // *Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. – 2010. – Вып. 8. Юбилейный. – С. 144–160.

15. Юзбашьян, К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия в IX–XI вв. / К. Н. Юзбашьян. – М. : Наука, 1988. – 304 с.

16. Actes de L'Athos. I. Actes de Xenophon / ed. L. Petit // *Византийский временник*. – 1903. – Т. X, вып. 1–2. – С. 1–103.

17. Campagnolo-Pothitou, M. Sceaux de la collection Georges Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève / M. Campagnolo-Pothitou, J.-Cl. Cheynet. – Genève : Genève Musée d'art et d'histoire, 2016. – 521 p.

18. Cedreni. *Historiarum Compendium*. Т. II / ed. I. Bekker. – Bonnae : Impensis Ed. Weberi, 1839. – 1008 p.

19. Cheynet, J.-Cl. De Tziliapert à Sébasté / J.-Cl. Cheynet // *Studies in Byzantine Sigillography*. – 2006. – Vol. 9. – P. 213–226.

20. Cheynet, J.-Cl. Les sceaux byzantins du Musée archéologique d'Istanbul / J.-Cl. Cheynet, T. Gokyildirim, V. Bulgurlu. – İstanbul : Araştırmaları Estitüsü, 2012. – 1095 p.

21. Dédéyan, G. Les Arméniens entre Grecs, musulmans et croisés. Étude sur les pouvoirs

arméniens dans le Proche-Orient méditerranéen (1068–1150). Vol. II / G. Dédéyan. – Lisbonne : Bibliothèque arménologique de la Fondation Calouste Gulbenkian, 2003. – 1540 p.

22. Diehl, Ch. La signification du titre de proèdre à Byzance / Ch. Diehl // *Mélanges G. Schlumberger*. – 1924. – Vol. I. – P. 105–117.

23. Dölger, F. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453*. Т. I, 2 Halb. / F. Dölger. – München : Verlag C.H. Beck, 2003. – 248 S.

24. Ioannis Scylitzae. *Synopsis historiarum* // *Corpus Fontium Historiae Byzantinae*. Vol. V / eds. H.-G. Beck et al. – Berolini et Movi Eboraci : A.W. de Gruyter et Socios, 1973. – 580 S.

25. Jordanov, I. *Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria*. Vol. 2. *Byzantine Seals with Family Names* / I. Jordanov. – Sofia : Archaeological Institute with Museum of Bulgarian Academy of Science, 2006. – 546 p.

26. Laurent, V. *Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin*. Т. V: *L'Église* / V. Laurent. – Paris : Éditions du centre national de la recherche scientifique, 1965. – 538 p.

27. Michaelis Attaliothae. *Historia* / ed. I. Bekker. – Bonnae : Impensis Ed. Weberi, 1853. – 336 p.

28. Oikonomides, N. *A Collection of Dated Byzantine Lead Seals* / N. Oikonomides. – Washington : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1986. – 175 p.

29. Seibt, W. Ἀρσάκωνι / Aršakuni – Armenische Aristokraten in Byzantinischen Diensten / W. Seibt // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. – 1994. – Bd. 44. – S. 349–359.

30. Seibt, W. Armenische personlichkeiten auf byzantinischen Siegeln / W. Seibt // *Armenian perspectives*. 10th Anniversary Conference of the Association Internationale des Etudes Armeniennes / ed. N. Awde. – Richmond : Curzon Press., 1997. – P. 269–272.

31. Verpaux, J. Les oikeoi. Notes d'histoire institutionnelle et sociale / J. Verpaux // *Revue des Études Byzantines*. – 1965. – Т. XXIII. – P. 89–99.

REFERENCES

1. Alekseenko N.A. Bolgary v armii Romana IV Diogena: karera Samuila Alusiana po dannym sfragistikii [A Bulgarians in the Army of Roman IV Diogenes : the Career of Samuel Alusian According to Sigillographic Data]. Barabanov N.D., ed. *Polemologos: sb. st. v pamyat professora V.V. Kuchmy* [Collection of Articles in Memory of Prof. V.V. Kuchmy]. Volgograd, Izdatelstvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2012, pp. 127–139.

2. Alekseenko N.A. Molidovuly armyanskogo aristokrata Filareta Vrakhamiya v kontekste istoricheskikh sobyiy XI v. [The Molybdobouloi of Armenian Aristocrat Philaretos Brachamios in the Context of the Historical Events in the Eleventh Century]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies], 2014, vol. XXX, pp. 316-328.

3. Emin N., ed. Vardan Velikiy. *Vseobshchaya istoriya* [General History]. Moscow, Tipografiya Lazarevskogo instituta vostochnykh yazykov Publ., 1861. XXIV, 202. 218 p.

4. Jordanov I. Pechati na vizantiyski sanovnitsi ot armyanski proiskhod, namereni v Bolgarii [Seals of Byzantine Dignitaries of Armenian Origin Found in Bulgaria]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2000, vol. 31, pp. 123-156.

5. Jordanov I. *Korpus na pechatite na srednovekovna Bolgariya* [Corpus of Seals of Medieval Bulgaria]. Sofia, Agató Publ., 2001. 202 p.

6. Kazhdan A.P. *Armyane v sostave gospodstvuyushchego klassa Vizantiyskoy imperii v XI–XII vv.* [Armenians in the Ruling Class of the Byzantine Empire in the 11th – 12th cc.]. Erevan, AN Armyanskoy SSR Publ., 1975. 168 p.

7. Litavrin G.G., ed. *Kekavmen. Sovety i rasskazy. Pouchenie vizantiyskogo polkovodtsa XI v.* [Tips and Stories. The Teaching of the Byzantine Commander of 11th c.]. Saint Petersburg, Aletyaya Publ., 2003. 711 p.

8. Mokhov A.S. Vizaniyskaya armiya v pravlenii Romana IV Diogena (1068–1071) [Byzantine Army in the Reign of Roman IV Diogenes (1068–1071)]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2003, vol. 34, pp. 275-296.

9. Mokhov A.S. Mikrostruktury vizantiyskoy voenno-administrativnoy sistemy v X–XI vv. Fema Serviya [Microstructures of the Byzantine Military-Administrative System of the 10th–11th cc. The Themes of Serbion]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts], 2010, vol. 3 (79), pp. 19-30.

10. Yuzbashyan K.N., ed. *Povestvovanie vardapeta Aristakesa Lastiverttsi* [Narrative by Vardapet Aristakes Lastivertzi]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 194 p. (Pamyatniki pismennosti Vostoka. T. XV [Written Sources of the East; vol. XV]).

11. Radić R. Oblasni gospodari u Vizantiji krajem XII i u prvim decenijama XIII veka [Local Rulers in Byzantium at the End of the Twelfth Century and in the First Decades of the Thirteenth]. *Zbornik radova vizantološki institut* [Proceedings of the Byzantine Institute], 1986, vol. 24-25, pp. 151-289.

12. Stepanenko V.P. Eshche raz o gruzinskom posolstve v Ani v 1045 g. (K genealogii gruzinskikh i armyanskikh Bagratidov i Artsrunidov Vaspurakana

[Once Again About the Georgian Embassy at Ani in 1045 (On the Genealogy of the Georgian and Armenian Bagratids and Artzrunids of Vaspurakan)]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2003, vol. 34, pp. 265-274.

13. Shandrovskaia V.S. Neizvestnyy pravitel femy Servii [Unknown Ruler of the Themes of Serbion]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2009, vol. 39, pp. 208-218.

14. Shandrovskaia V.S. Pechat s portretom Grigoriya Prosvetitelya (Lusovoricha) XI v. [A Seal with a Portrait of Gregory the Illuminator (Lusovorich) of the 11th c.]. *Problemy sotsialnoy istorii i kultury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni* [Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture], 2010, vol. 8, pp. 144-160.

15. Yuzbashyan K.N. *Armyanskie gosudarstva epokhi Bagratidov i Vizantiya v IX–XI vv.* [The Armenian States of the Era of the Bagratids and Byzantium in 9th–11th cc.]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 304 p.

16. Petit L., ed. Actes de L'Athos. I. Actes de Xenophon. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina Xronika], 1903, vol. X, no. 1-2, pp. 1-103.

17. Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. *Sceaux de la collection Georges Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève*. Genève, Genève Musée d'art et d'histoire, 2016. 521 p.

18. Bekker I., ed. *Cedreni. Historiarum Compendium. T. II*. Bonnae, Impensis Ed. Weberi, 1839. 1008 p.

19. Cheynet J.-Cl. De Tziliapert à Sébastè. *Studies in Byzantine Sigillography*, 2006, vol. 9, pp. 213-226.

20. Cheynet J.-Cl., Gokylidirim T., Bulgurlu V. *Les sceaux byzantins du Musée archéologique d'Istanbul*. İstanbul, Araştırmaları Estitüsü, 2012. 1095 p.

21. Dédéyan G. *Les Arméniens entre Grecs, musulmans et croisés. Étude sur les pouvoirs arméniens dans le Proche-Orient méditerranéen (1068–1150). Vol. II*. Lisbonne, Bibliothèque arménologique de la Fondation Calouste Gulbenkian, 2003. 1540 p.

22. Diehl Ch. La signification du titre de proèdre à Byzance. *Mélanges G. Schlumberger*, 1924, vol. I, pp. 105-117.

23. Dölger F. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453. T. I, 2 Halb*. München, Verlag C.H. Beck, 2003. 248 p.

24. Ioannis Scylitzae. Synopsis historiarum. Beck H.-G. et al., eds. *Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. V*. Berolini et Movi Eboraci, A.W. de Gruyter et Socios, 1973. 580 p.

25. Jordanov I. *Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 2. Byzantine Seals with Family Names*. Sofia, Archaeological Institute with Museum of Bulgarian Academy of Science, 2006. 546 p.

26. Laurent V. *Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. T. V: L'Église*. Paris, Éditions du centre national de la recherche scientifique, 1965. 538 p.

27. Bekker I., ed. *Michaelis Attaliothae. Historia*. Bonnae, Impensis Ed. Weberi, 1853. 336 p.

28. Oikonomides N. *A Collection of Dated Byzantine Lead Seals*. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1986. 175 p.

29. Seibt W. Arsakidēs/Aršakuni – Armenische Aristokraten in Byzantinischen Diensten. *Jahrbuch*

der Österreichischen Byzantinistik, 1994, vol. 44, pp. 349-359.

30. Seibt W. Armenische personlichkeiten auf byzantinischen Siegeln. Awde N., ed. *Armenian perspectives. 10th Anniversary Conference of the Association Internationale des Etudes Armeniennes*. Richmond, Curzon Press., 1997, pp. 269-272.

31. Verpaux J. Les oikēoi. Notes d'histoire institutionnelle et sociale. *Revue des Études Byzantines*, 1965, vol. XXIII, pp. 89-99.

Information About the Authors

Nikolay A. Alekseienko, Dr. Études médiévales (Paris IV-Sorbonne), Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Department of Medieval Archaeology, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. V.I. Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, alekseyenkonikolaj@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1992-680X>

Valery P. Stepanenko, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Ancient and Medieval History, Ural Federal University, Prosp. Lenina, 51, 620000 Yekaterinburg, Russian Federation, v.stepanenko49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8399-5530>

Информация об авторах

Николай Александрович Алексеенко, Dr. Études médiévales (Paris IV-Sorbonne), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика В.И. Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, alekseyenkonikolaj@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1992-680X>

Валерий Павлович Степаненко, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков, Уральский федеральный университет, просп. Ленина, 51, 620000 г. Екатеринбург, Российская Федерация, v.stepanenko49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8399-5530>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.11>

UDC 94“04/14”:929.651
LBC 63.3(0)4-92

Submitted: 26.06.2020
Accepted: 23.11.2020

TURKELS – A TURKIC FAMILY IN THE BYZANTINE CIVIL SERVICE

Andrey Yu. Vinogradov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Denis V. Kashtanov

Independent Researcher, Moscow, Russian Federation

Viktor N. Chkhaidze

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper considers the two Byzantine lead seals of the second half of the 11th century, the owner of which was a translator (*ermeneutes*) with a non-Christian name Turkeles. *Analysis.* The correct reading of the owner's name was possible by comparing the sigillographic texts with the inscription on a silver bucket found in Perm region (Russia). This richly ornamented vessel made in the last third of the 11th – 12th c., belonged, according to the inscription, to a Christian person called Theodore Turkeles. The most probable etymology of this very rare name is Turkic. Because both seals originate from the territory of the Old Rus, we can suppose that he was involved in the northern policy of Byzantium. *Results.* It can be assumed that the owner of the seal, Turkeles, became the first *Rhomaïos* in his family, entering the service of the Emperor as a translator from Turkic languages. The owner of the bucket, Theodore was called by the second name Turkeles, either from his father or as a family name. Since no other Turkeles is attested in the Byzantine sources, the bearers of this name were not very successful in cultivating their family tree, and the patronymic could simply not have time to turn into a family nickname.

Key words: history of Byzantium, Byzantine families, Byzantine seals, iconography, prosopography.

Citation. Vinogradov A. Yu., Kashtanov D. V., Chkhaidze V. N. Turkels – a Turkic Family in the Byzantine Civil Service. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 150-159. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.11>

УДК 94“04/14”:929.651
ББК 63.3(0)4-92

Дата поступления статьи: 26.06.2020
Дата принятия статьи: 23.11.2020

ТУРКЕЛЫ – ТЮРКСКАЯ СЕМЬЯ НА ВИЗАНТИЙСКОЙ СЛУЖБЕ

Андрей Юрьевич Виноградов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация

Денис Викторович Каштанов

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация

Виктор Николаевич Чхаидзе

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматриваются две византийские печати второй половины XI в., владельцем которых являлся переводчик (*ерминевт*) Туркел. Правильно прочитав имя владельца позволило обращение к найденному в Пермской области серебряному ковшу последней трети XI – XII в., владельцем которого был

Феодор Туркел. Наиболее вероятная этимология имени – тюркская. Находка обеих печатей Туркела на территории Древней Руси говорит в пользу его работы на северном направлении византийской политики. Можно полагать, что Туркел стал ромеем в первом поколении, поступив на службу императору в качестве переводчика именно с тюркских языков. Владелец ковша Феодор именовался вторым именем Туркел, которое либо принадлежало отцу, либо являлось фамильным. Так как никаких других Туркелов в византийских источниках найти не удалось, носители этого имени были не слишком успешны во возвращении своего фамильного древа – семейное имя быстро сошло с исторической сцены.

Ключевые слова: история Византии, византийские фамилии, византийские печати, иконография, просопография.

Цитирование. Виноградов А. Ю., Каштанов Д. В., Чхаидзе В. Н. Туркелы – тюркская семья на византийской службе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 150–159. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.11>

Первое поколение все еще имеет нравы жизни на открытом пространстве с ее суровостью и дикостью: эти люди испытывают лишения, отважны, хищны, участвуют в общей славе... Второе поколение благодаря владению и благополучию живет не на открытом, а на огороженном пространстве, не в лишениях, а в роскоши и избытке, оно не соучаствует в общей славе... А третье поколение забывает эпоху жизни на открытом пространстве, как будто той и не было [9, с. 210].

Введение. Изучение родов и фамилий – одно из самых перспективных направлений византийской просопографии. Благодаря введению в научный оборот большого количества нового материала, прежде всего сфрагистического и эпиграфического, становится возможным проследить судьбу многих византийских семей, как крупных и знатных, так и мелких и малоизвестных. Такого рода исследования опираются на материал различных дисциплин, и именно на их пересечении проступают следы прежде неизвестных родов, одному из которых и посвящена эта статья.

Методы. Не так давно был опубликован византийский моливдовул [16, с. 124–125, рис. 1], найденный в 2016 г. близ с. Григорово Юрьев-Польского района Владимирской области (хранится в Новгородском музее-заповеднике) (рис. 1, а). Однако первоначальное прочтение имени его владельца (Ἰκελίης – «Икелий») оказалось неверным. Кроме того, стало известно, что в частной коллекции хранится другой экземпляр печати (рис. 1, б), которая происходит, по всей видимости, с территории Украины.

По этой причине возникла необходимость вновь вернуться к указанному памятнику с учетом новых данных и поставить его в более ши-

рокий контекст. Методологической основой для этого является междисциплинарный комплексный подход, предусматривающий использование сравнительного анализа сфрагистических, иконографических, эпиграфических и иных категорий памятников. Надеемся, что наши наблюдения послужат небольшим, но полезным дополнением к уже имеющимся данным по целому ряду сторон византийской жизни.

Анализ. Оба экземпляра исполнены одной парой матриц, поэтому описываем их суммарно. Печати (рис. 1, а–б) несут на аверсе погрудное изображение Богородицы, которая держит обеими руками диск с изображением Христа – тип Никопеи. Ее лицо – грубое, одутловатое, совершенно лишено изящества. По сторонам – колончатая легенда:

+MHP – ΘV || ΘΕ | ΟC | ΚΕ – ΠΑ | CΤ | ΟC =
† Μητήρ Θεοῦ Θεοσκεπάστος – † Матерь Божия Феоскепастос.

На реверсе печати читается заключенная в ободок пятистрочная надпись:

+ΘΚΕΡΟ | ΤΩCΩΔΗ | ΤΥΡΚΕΛΗ | ΕΡΜΗΝΕ |
ΦΤΗ = † Θεοτόκε βο(ήθει) τῷ σῶ δού(λω)
Τουρκέλη ἑρμηνεφτῆ – † Богородица, помоги своему рабу Туркелу переводчику.

Размеры печати – вполне рядовые (диаметр – около 16 мм, толщина – 3 мм, вес – 6 г).

Изображение Богородицы Никопеи на печатях стало особенно популярным во второй половине XI века [30, S. 549–564; 31, S. 41–43]. С такой датировкой полностью согласуется палеография надписи – начертания отдельных литер (Ϡ, Κ, Δ) также заставляют относить моливдовул к тому же времени [28, p. 167, 169, № 31, 44, 59].

Эту печать выделяют на общем фоне две интересные детали.

Во-первых, насколько мы можем судить, она демонстрирует самое раннее употребление весьма редкого эпитета «Феоскепастос». Судя по изображениям поздне- и поствизантийского времени, он мог прилагаться к любому из основных иконографических типов Богородицы [20, р. 121–224]; Оранта [22, р. 212–213, № 1295], Одигитрия [13, с. 23–29; 14, с. 126–127; 37, с. 395, 405], Умиление [26, с. 160, № 38].

Вторая особенность – написание должности $\xi\rho\mu\eta\nu\epsilon\upsilon\tau\acute{\eta}\varsigma$ с Φ вместо Υ , которое отражает завершение консонантизации дифтонга $\epsilon\upsilon$ [35, р. 22–24]. Несколько неожиданно видеть такое орфографическое отклонение на печати переводчика, однако следует помнить, что все переводчики – $\xi\rho\mu\eta\nu\epsilon\upsilon\tau\acute{\alpha}\iota$ в средневизантийских источниках упоминаются в контексте устного, а не письменного перевода. Примечательно, что черты обиходной речи проступают и на печати коллеги Туркела, Иоанна [22, р. 232, № 470].

Корпус переводчиков, входивший в ведомство *логофета дрома*, играл важную роль в византийской дипломатии [5, с. 54–58; 24, р. 8–10; 16, с. 125–126; 17, с. 56–57; 18, с. 111–112]. Переводчики (*ерминевты* и *диерминевты*) выполняли разнообразные задачи: устный и письменный перевод, сопровождение посольств в империи и за рубежом. Помимо греков и латинян, нам известны скандинавские, арабские и – что особенно важно для нас – тюркские переводчики [23, р. 230]. Впрочем, источники о деятельности переводчиков в Империи крайне фрагментарны. Если брать только сфрагистические свидетельства, то до настоящего времени для огромного периода VI–XIII вв. было известно всего 13 печатей переводчиков [5, с. 54–58; 15, с. 8–10; 16, с. 125–126; 17, с. 56–57; 18, с. 111–112]. Поэтому каждая новая находка представляет исключительный интерес.

Второй раз имя «Туркел» встречается на серебряном ковше из Эрмитажа (инв. № ω 1207) (рис. 2). Он был найден до 1949 г. около деревни Пеняхино Соликамского района Пермской области [1, л. 46–47, фото 26; 2, с. 94, рис. 26, 1–7] (ныне не существующая деревня находилась на левом берегу рек Камы и Вишеры недалеко от их слияния) и вошел в состав открывшейся в 1956 г. византийской экспозиции Эрмитажа [3, с. 344].

Ковш изготовлен в виде плоской чаши, ручка и ножка утрачены. Диаметр – 14 см, высота – 5,2 см. На стенках ковша, снаружи, присутствуют чеканные и гравированные сцены с участием реальных и фантастических животных. На дне ковша, в медальоне, – чеканное погрудное изображение святого воина Федора в доспехах, с копьем в правой руке и мечем в левой. По сторонам от Святого надпись: $\Theta | \Theta\epsilon - \omicron | \Delta\omicron | \rho\omicron | \varsigma = \omicron \alpha(\gamma\iota\omicron\varsigma) \Theta\epsilon\delta\omicron\rho\omicron\varsigma$ (рис. 2).

Будучи выдающимся произведением византийского ювелира, этот ковш неоднократно привлекал внимание исследователей, как отечественных [4, с. 314, ил. 205–207; 7, с. 197, 201, 262–263, ил. 310, 316, 375; 8, с. 119, 123, № 23; 10, с. 88, № 551; 34, р. 80] (нельзя не отметить, что все это работы каталожного типа), так и, в последнее время, зарубежных [21, р. 26–29, fig. 1–3; 24, р. 16–17; 25, р. 193, fig. 11–12; 32, р. 130–132, fig. 14–15] (это основные публикации, но список не исчерпывающий). Их интересовала преимущественно художественная составляющая, однако смысл и значение ансамбля изображений чудищ, животных, рыб и голых людей так и остались загадкой, несмотря на полные учености гипотезы и тонкие аналогии. Уникальный характер этого памятника также породил разнообразные мнения относительно его датировки и географической привязки, однако и в них больше категоричности, нежели обоснованности. Тем удивительнее, что имеющаяся на венчике ковша надпись не вызвала особого интереса, хотя и была неоднократно опубликована (не всегда без ошибок, несмотря на краткость и четкость) и переведена на русский и английский языки.

Вырезанная по кругу на вертикальном, чуть загибающемся наружу, плоском венчике надпись (рис. 2) гласит:

$+ΚΕΒΟΝΘΙΤΟΝΔΟΥΛΟΝΣΟΥΘΕΟΔΟΡΟΝΤΟΥΡΚΕΛΗΝ+ = + Κ(ύρι)ε, βοήθη τὸν δοῦλόν σου Θεόδωρον Τουρκέλην + - †$ Господи, помоги рабу твоему Феодору Туркелу †.

Формула надписи и ее орфографические особенности (итацизм, смешение Ω и \omicron , впрочем, весьма умеренные) не выходят за обычные рамки средневизантийской эпиграфики. А вот ее палеография очень интересна. Все мачты, петли и многие диагональные элемен-

ты выполнены двойными линиями, что типично для надписей на металле с ранневизантийского времени¹ и восходит к александрийскому (или библейскому) унциалу. При этом формы отдельных букв маньеризованы. В одних (Є, Θ, Ο, С) вторые линии волнообразные, в других (Н, Ν) переключательная дополнена ромбиком или заостренной разомкнутой петелькой.

Такая маньеризация букв встречается на «Филофеевской ставропекте» XI–XII вв. [4, с. 312, № 195; 6, с. 120–123, № 8; 10, с. 87, № 549], однако там вторые линии изогнутые, а не волнообразные, а засечки на переключателях еще не обрели объем. Ту же типологию букв демонстрируют и надписи на точно не датированных венцах *снафарокандидата* Романа и его супруги из Византийского музея в Афинах [36, р. 270–271, № 242], однако здесь засечки уже имеют форму ромбика или миндалины, правда на вертикальных гостах. Датировать такую маньеризацию сложно, однако, например, на относящемся к правлению Михаила VII Дуки (1057–1069) «кивории» св. Димитрия Солунского [6, с. 114–119, № 7; 10, с. 85, № 547; 12, с. 308–310, табл. LXXXIII] в аналогичном шрифте с двойными линиями ее признаков еще нет. Поэтому надпись на ковше Феодора Туркела можно с осторожностью отнести к последней трети XI или XII веку.

Естественно, встает вопрос о том, кем друг другу приходятся оба Туркела.

Результаты. Датировки и печати, и ковша весьма широки и поэтому не могут способствовать разъяснению вопроса. Здесь мы неизбежно ступаем на зыбкую почву догадок и гипотетических построений.

Одно несомненно, что Туркел – это личное имя переводчика. В этом убеждает печать его коллеги – *патрикия* Сфена [33, р. 193–198, fig. 1]. Очевидно, что сочетание чуждого, необычного для византийца имени и должности гарантировало безошибочную идентификацию.

А вот владелец ковша Феодор именовался вторым именем Туркел как фамильным (форма Τουρκέλην в аккумулятиве не может быть патронимиком). Таким образом, перед нами – еще один пример хорошо известного и повсеместно распространенного явления трансформации иностранных личных имен в

родовые прозвища (на византийском материале изучено [19, р. 57–66]). Впрочем, судя по тому, что никаких других Туркелов в доступных нам византийских источниках, а также литературе и базах данных найти не удалось (такими сведениями не располагал, к примеру, и Дьюла Моравчик [27, р. 327]), носители этого имени были не слишком успешны во возвращении своего фамильного древа, а родовое имя, судя по датам памятников, могло не выйти за пределы второго поколения.

Наиболее вероятная этимология имени – тюркская, его смысл – благожелание (уже третье в нашем небольшом исследовании): «живи, новорожденный!» [29, р. 359, 794]².

Не выглядит невозможным предположение, что Туркел стал ромеем в первом поколении. Находка двух его печатей в разных уголках Руси подталкивает к мысли о том, что его профессиональные обязанности были связаны именно с русским направлением политики Константинополя.

Что касается Феодора Туркела, можно предположить, что он был достаточно богат или занимал весомое положение в обществе, чтобы заказать или получить в подарок столь изящный и дорогой ковш. А то, что изображения на нем не поддаются расшифровке, скорее говорит в пользу того, что их смысл был понятен только самому владельцу и, возможно, узкому кругу близких людей. Поэтому вряд ли у него возникло бы желание расстаться со своим ковшом по доброй воле. Возьмем на себя смелость предположить, что он попал в Прикамье в результате каких-то чрезвычайных событий, возможно годы или даже века спустя после смерти владельца.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Такой способ написания следует отличать от выполнения всех форм двойной линией, восходящего к рельефному шрифту.

² Версия грузинского посредства, которую выдвинул В.С. Кулешов [11, с. 364], больше отражает обширные лингвистические познания автора, нежели реальность, а утверждение о происхождении ковша из «области византийско-багратидско-сельджукидского пограничья» переносит в область догадок, которые невозможно проверить.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Печати Туркела, переводчика (вторая половина XI в.)
Fig. 1. Seal of Turkel, translator (second half of the 11th century)

†ΚΕΒΟΗΘΙΤΟΝΔΟΥΛΟΝΣΟΥΘΕΟΔΩΡΟΝΤΟΥΡΚΕΛΗ†

Рис. 2. Ковш Феодора Туркела и прорисовка надписи на нем (последняя треть XI – XII в.)
Fig. 2. The bucket of Theodore Turkel and the drawing of the inscription on it (last third of the 11th–12th centuries)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадер, О. Н. Отчет об археологических раскопках и разведках, произведенных Камской археологической экспедицией Молотовского Госуниверситета в 1949 г. / О. Н. Бадер // Архив ИА РАН. – Р-1. – № 384. – 78 л.
2. Бадер, О. Н. Камская археологическая экспедиция в 1949 г. / О. Н. Бадер // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1951. – Вып. 39. – С. 89–95.
3. Банк, А. В. Выставка византийских материалов в Государственном Эрмитаже / А. В. Банк // Византийский временник. – 1956. – Т. 11. – С. 340–348.
4. Банк, А. В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза / А. В. Банк. – Л. ; М. : Сов. художник, 1966. – 392 с.
5. Византийская сфрагистика в трудах В. С. Шандровской / под ред. Е. В. Степановой. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. – 526 с.
6. Византийские древности. Произведения искусства IV–XV веков в собрании Музеев Московского Кремля : Каталог / отв. ред.-сост. И. А. Стерлигова. – М. : Пинакотека, 2012. – 608 с.
7. Даркевич, В. П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века / В. П. Даркевич. – М. : Искусство, 1975. – 352 с.
8. Дьяконова, И. В. Искусство народов зарубежного Востока в Эрмитаже / И. В. Дьяконова. – Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 128 с.
9. Ибн Халдун. Введение (ал-Мукаддима) / Ибн Халдун ; сост., пер. с араб. и примеч. А. В. Смирнова // Историко-философский ежегодник. – 2007–2008. – № 1. – С. 187–217.
10. Искусство Византии в собраниях СССР. 2. Каталог выставки. Искусство эпохи иконоборчества. Искусство IX–XII веков / под ред. А. В. Банк и О. С. Поповой. – М. : Сов. художник, 1977. – 156 с.
11. Кулешов, Вяч. С. Серебро за меха из страны мрака: памятники византийской, восточной и западной торевтики и нумизматики в сакральной экономике югорского общества V–XV вв. / Вяч. С. Кулешов // Византия в контексте мировой культуры : материалы конф., посвящ. памяти Алисы Владимировны Банк (1906–1984) / науч. ред. В. Н. Залеская. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. – С. 363–372. – (Труды Государственного Эрмитажа ; Т. LXXXIX).
12. Лихачев, Н. П. Моливдовулы греческого Востока / Н. П. Лихачев. – М. : Наука, 1991. – 359 с. – (Научное наследие ; Т. 19).
13. Соколова, И. М. Богоматерь Одигитрия Влахернская из Успенского собора Московского Кремля / И. М. Соколова // Многоценное сокровище. Иконы Богоматери Одигитрии Влахернской в России / авт.-

- сост.: С. В. Гнутова, Г. В. Сидоренко, И. М. Соколова. – М. : Полиграф. центр «Декарт», 2005. – С. 23–29.
14. Трифонова, А. Иконы от църквата «Преображение Господне» в Поморие (XV–XX в.). / А. Трифонова. – [Б. м.] : Рива, [б. д.]. – 248 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.academia.edu/25864375>. – Загл. с экрана.
15. Филипчук, О. М. Печатка Михаїла, «пансєваста і великого перекладача варягів» / О. М. Филипчук // Сфрагістичний щорічник. – 2012. – Вип. III. – С. 5–16.
16. Чхаидзе, В. Н. Византийская печать переводчика Икелия (вторая половина XI в.) / В. Н. Чхаидзе // IX Международный Византийский семинар Χερσόνοσ θέματα : «Империя» и «полис»: материалы науч. конф. / отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Севастополь : ООО «Колорит», 2017. – С. 124–127.
17. Шандровская, В. С. Византийские печати переводчиков / В. С. Шандровская // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция : тез. докл. и сообщ. / отв. ред. А. С. Мельникова. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – С. 56–57.
18. Шандровская, В. С. Византийские печати переводчиков / В. С. Шандровская // *Albo dies notanda lapillo* : Коллеги и ученики – Г. Е. Лебедевой / отв. ред. В. А. Якубский. – СПб. : Алетейя, 2005. – С. 109–115.
19. Cheynet, J. C. Du prénom au patronyme: les étrangers à Byzance (X^e–XIIe siècles) / J. C. Cheynet // *Studies in Byzantine Sigillography*. – 1987. – Vol. 1. – P. 57–66.
20. Cotsonis, J. The Religious Figural Imagery of Byzantine Lead Seals. I. Studies on the Image of Christ, Virgin and Narrative Scenes / J. Cotsonis. – London ; New York : Taylor & Francis Group, 2020. – xxvi, 314 p.
21. Frentrop, L. Protection and salvation : An eleventh-century silver vessel, its imagery, and its function / L. Frentrop // *Byzantine and Modern Greek Studies*. – 2018. – Vol. 42 (1). – P. 26–44.
22. Laurent, V. Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. Tome V, 2 : L'Église / V. Laurent. – Paris : Centre National de la Recherche Scientifique, 1965. – 538 p.
23. Laurent, V. Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. Tome II: L'administration central / V. Laurent. – Paris : Centre National de la Recherche Scientifique, 1981. – 740 p.
24. Maguire, E. D. Other icons. Art and power in Byzantine secular culture / E. D. Maguire, H. Maguire. – Princeton : University Press, 2007. – xxii, 201 p.
25. Maguire, H. The prophane aesthetic in Byzantine art and literature / H. Maguire // *Dumbarton Oaks Papers*. – 1999. – Vol. 53. – P. 189–205.
26. $\text{Μπαλτογιάννη, Χ. Εικόνες. Μήτηρ Θεού / Χ. Μπαλτογιάννη. – Αθήνα: Αδάμ, 1994. – 382 σ.$

27. Moravcsik, G. *Byzantinoturcica. 2. Sprachreste der Türkvölker in den Byzantinischen Quellen* / G. Moravcsik. – Leiden : E.J. Brill, 1983. – 375 p.
28. Oikonomides, N. A. *Collection of Dated Byzantine Lead Seals* / N. A. Oikonomides. – Washington : Dumbarton Oaks, 1986. – 175 p.
29. Rásonyi, L. *Onomasticon Turcicum. Turkic personal names* / L. Rásonyi, I. Baski. – Bloomington : Institute of Inner Asian Studies, 2007. – 836 p.
30. Seibt, W. *Der Bildtypus der Theotokos Nikopoios. Zur Iconographie der Gottermutterikone, die 1030/31 in der Blachemenkirche wiederaufgefunden wurde* / W. Seibt // *Βυζαντινά*. – 1985. – Т. 13. – P. 549–565.
31. Seibt, W. *Die Darstellung der Theotokos auf byzantinischen Bleisiegeln, besonders im 11. Jahrhundert* / W. Seibt // *Studies in Byzantine Sigillography*. – 1987. – Vol. 1. – P. 35–56.
32. Ševčenko, N. P. *Eaten alive : Animal attacks in the Venice Cynegetica* / N. P. Ševčenko // *Ζώα και περιβάλλον στο Βυζάντιο (7ος–12ος αι.) / επιστημονική επιμέλεια : εκδ. Η. Ανταγωνιστάκης, Τ. Γ. Κόλιας, Ε. Παπαδοπούλου*. – Αθήνα : Εθνικό Ίδρυμα Ερευνών Ινστιτούτο Βυζαντινών Ερευνών Βασιλέως Κωνσταντίνου, 2011. – P. 115–135. – (Διεθνής συμπόσια; 21).
33. Shchhavelev, A. *A Seal of Byzantine “Translator of the English” Patrikios Sphen : Its Date and Socio-Cultural Context* / A. Shchhavelev // *Byzantine and Rus’ Seals. Proceedings of the International Colloquium on Rus’-Byzantine Sigillography* / eds. H. Ivakin, N. Khrapunov, W. Seibt. – Kyiv : Sheremetievs’ Museum, 2015. – P. 193–200.
34. Sinai. *Byzantium. Russia. Orthodox art from the sixth to the twentieth century* / Ed. by Yu. Piatnitsky. – London ; St. Petersburg : Saint Catherine Foundation, 2000. – 488 p.
35. *The Cambridge Grammar of Medieval and Early Modern Greek. Vol. 1. General Introduction and Phonology* / D. Holton, G. Horrocks, M. Janssen, T. Lendari, I. Manolessou, N. Toufexis. – Cambridge : Arts and Humanities Research Council; Cambridge University Press, 2019. – clxx, 237 p.
36. *The World of the Byzantine Museum* / ed. by F. Boubouli. – Athens : Byzantine and Christian Museum Publ., 2004. – 509 p.
37. Weyl Carr, A. *Taking place: the shrine of the Virgin veiled by God in Kalopanagiotis, Cyprus* / A. Weyl Carr // *Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси* / под ред. А. М. Лидова. – М. : Прогресс-Традиция, 2006. – С. 388–408.
27. Gosuniversiteta v 1949 g. [Report on the archaeological excavations and explorations made by the Kama archaeological expedition of Molotov state University in 1949]. *Archive IA RAS*, R-1, № 384. 78 l.
2. Bader O.N. *Kamskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya v 1949 g.* [Kama archaeological expedition in 1949 year]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury* [Brief reports of the Institute of the history of material culture], 1951, vol. 39, pp. 89–95.
3. Bank A.V. *Vystavka vizantiyskikh materialov v Gosudarstvennom Ermitazhe* [Exhibition of Byzantine materials in the State Hermitage]. *Vizantiiskii vremennik*, 1956, vol. 11, pp. 340–348.
4. Bank A.V. *Vizantiyskoe iskusstvo v sobraniyakh Sovetskogo Soyuz* [Byzantine art in the collections of the Soviet Union]. Leningrad; Moscow, Sovetskiy khudozhnik Publ., 1966. 392 p.
5. Stepanova E.V., ed. *Vizantiyskaya sfragistika v trudakh V.S. Shandrovskoy* [Byzantine sphragistics in the works of V.S. Shandrovskaya]. St. Petersburg, State Hermitage Publ., 2019. 526 p.
6. Sterligova I.A., ed. *Vizantiyskie drevnosti. Proizvedeniya iskusstva IV–XV vekov v sobranii Muzeev Moskovskogo Kremlya: Katalog* [Byzantine antiquities. Works of art of the IV–XV centuries in the collection of the Moscow Kremlin Museums: Catalog]. Moscow, Pinakoteka Publ., 2012. 608 p.
7. Darkevich V.P. *Svetское iskusstvo Vizantii. Proizvedeniya vizantiyskogo khudozhestvennogo remesla v Vostochnoy Evrope X–XIII veka* [Secular art of Byzantium. Works of Byzantine art craft in Eastern Europe of the X–XIII century]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975. 352 p.
8. Dyakonova I.V. *Iskusstvo narodov zarubezhnogo Vostoka v Ermitazhe* [Art of the peoples of the foreign East in the Hermitage]. Leningrad, Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 1962. 128 p.
9. Smirnova A.V., ed. *Ibn Haldun. Vvedenie (al-Mukaddima)* [Introduction (al-Muqaddimah)]. *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik* [Historical and philosophical Yearbook], 2007–2008, no. 1, pp. 187–217.
10. Bank A.V., Popova O.S., eds. *Iskusstvo Vizantii v sobraniyakh SSSR. 2. Katalog vystavki. Iskusstvo epokhi ikonoborchestva. Iskusstvo IX–XII vekov* [Art of Byzantium in the collections of the USSR. 2. Catalogue of the exhibition. Art of the iconoclastic era. The art of the IX–XII centuries]. Moscow, Sovetskiy khudozhnik Publ., 1977. 156 p.
11. Kuleshov V. S. *Srebro za mekha iz strany mraka: pamyatniki vizantiyskoy, vostochnoy i zapadnoyorevtiki i numizmatiki v sakralnoy ekonomike yugorskogo obshchestva V–XV vv.* [Silver for furs from the land of darkness: monuments of Byzantine, Eastern and Western torevtics and numismatics in the sacred economy of the Yugor society of the V–

REFERENCES

1. Bader O.N. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh i razvedkakh, proizvedennykh Kamskoy arkheologicheskoy ekspeditsiyey Molotovskogo*

XV centuries]. Zaleskaya V. N., ed. *Vizantiya v kontekste mirovoy kultury. Materialy konferentsii, posvyashchennoy pamyati Alisy Vladimirovny Bank (1906–1984)* [Byzantium in the context of world culture. Materials of the conference dedicated to the memory of Alice Vladimirovna Bank (1906–1984)]. St. Petersburg, Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2017, pp. 363–372. (*Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Works of the State Hermitage Museum]; vol. 89).

12. Likhachev N.P. *Molivdovuly grecheskogo Vostoka* [Molyvdovoula the Greek East]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 359 p. (Nauchnoe nasledstvo [The Scientific legacy]; vol. 19).

13. Sokolova I.M. Bogomater Odigitriya Vlahernskaya iz Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlya [Our lady Odigitria of Blachernae from the assumption Cathedral of the Moscow Kremlin]. Gnutova S.V., Sidorenko G.V., Sokolova I.M., eds. *Mnogotsennoe sokrovishche. Ikony Bogomateri Odigitrii Vlahernskoy v Rossii* [A valuable treasure. Icons of our lady of Odigitria of Blachernae in Russia]. Moscow, Poligraficheskiy tsentr «Dekart» Publ., 2005, pp. 23–29.

14. Trifonova A. *Ikoni ot crkvata «Preobrazhenie Gospodne» v Pomorie (XV–XX v.)* [Icons from the Church “Transfiguration of the Lord” in Pomorie (XV–XX-century)]. S.l., Izdatelstvo “Riva” Publ., s.a. 248 p. URL: <https://www.academia.edu/25864375>.

15. Filipchuk O.M. Pechatka Mihaïla, “pansevasta i velikogo perekladacha varjagiv” [Seal of Michael, “pansebastos and great translator of varangs”]. *Sfragistichnij shhorichnik* [Shragistics yearbook], 2012, vol. III, pp. 5–16.

16. Chkhaidze V.N. Vizantiyskaya pechat perevodchika Ikeliya (vtoraya polovina XI v.) [The Byzantine seal of the translator Ikeliya (the second half of the XI century)]. Alekseenko N. A., ed. *IX Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy seminar Chersōnos themata: «imperiya» i «polis»*. *Materialy nauchnoy konferentsii* [IX International Byzantine seminar Chersōnos themata: “Empire” and “Polis”. Materials of the scientific conference]. Sevastopol, OOO Kolorit Publ., 2017, pp. 124–127.

17. Shandrovskaya V.S. Vizantiyskie pečati perevodchikov [Byzantine seals of translators]. Melnikova A. S., ed. *Odinnadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Tezisy dokladov i soobshcheniy* [Eleventh All-Russian numismatic conference. Abstracts of reports and messages]. Saint Petersburg, Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2003, pp. 56–57.

18. Shandrovskaya V.S. Vizantiyskie pečati perevodchikov [Byzantine seals of translators]. Yakubskiy V.A., ed. *Albo dies notanda lapillo: kollegi i ucheniki – G.E. Lebedevoy* [Albo dies

notanda lapillo: colleagues and students – G.E. Lebedeva]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2005, pp. 109–115.

19. Cheynet J.C. Du prénom au patronyme: les étrangers à Byzance (X^e–XIIe siècles). *Studies in Byzantine Sigillography*, 1987, vol. 1, pp. 57–66.

20. Cotsonis J. *The Religious Figural Imagery of Byzantine Lead Seals I. Studies on the Image of Christ, Virgin and Narrative Scenes*. London; New York, Taylor & Francis Group, 2020. xxvi, 314 p.

21. Frentrup L. Protection and salvation: an eleventh-century silver vessel, its imagery, and its function. *Byzantine and Modern Greek Studies*, 2018, vol. 42 (1), pp. 26–44.

22. Laurent V. *Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin*. T. V, 2: *L'Église*. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, 1965. 538 p.

23. Laurent V. *Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin*. T. II: *L'administration central*. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, 1981. 740 p.

24. Maguire E. D., Maguire H. *Other icons. Art and power in Byzantine secular culture*. Princeton, University Press, 2007. xxii, 201 p.

25. Maguire H. The prophane aesthetic in Byzantine art and literature. *Dumbarton Oaks Papers*, 1999, vol. 53, pp. 189–205.

26. Mpaltogiannē Ch. *Eikones. Mētēr Theou* [Icons. Mother of God]. Athens, Adam Publ., 1994. 382 p.

27. Moravcsik G. *Byzantinoturcica. 2. Sprachreste der Türkvölker in den Byzantinischen Quellen*. Leiden, E.J. Brill, 1983. 375 p.

28. Oikonomides N. A. *Collection of Dated Byzantine Lead Seals*. Washington, Dumbarton Oaks, 1986. 175 p.

29. Rásonyi L., Baski I. *Onomasticon Turcicum. Turkic personal names*. Bloomington, Institute of Inner Asian Studies, 2007. 836 p.

30. Seibt W. Der Bildtypus der Theotokos Nikopoios. Zur Iconographie der Gottermutterikone, die 1030/31 in der Blachemenkirche wiederaufgefunden wurde. *Byzantina*, 1985, vol. 13, pp. 549–565.

31. Seibt W. Die Darstellung der Theotokos auf byzantinischen Bleisiegeln, besonders im 11. Jahrhundert. *Studies in Byzantine Sigillography*, 1987, vol. 1, pp. 35–56.

32. Ševčenko N. P. Eaten alive: animal attacks in the Venice Cynegetica. Anagnōstakēs Ē., Kolias T.G., Papadopoulou E., eds. *Zōa kai periballon sto Byzantio (7os – 12os ai)* [Animals and environment in Byzantium (7th–12th c.)]. Athens, Ethniko Idryma Ereunōn Institouto Byzantinōn Ereunōn Basileōs Kōnstantinou Publ., 2011, pp. 115–135. (Diethnē symposia [International symposia]; vol. 21).

33. Shchhavelev A. A Seal of Byzantine “Translator of the English” Patrikios Sphe: Its Date and Socio-

Cultural Context. Ivakin H., Khrapunov N., Seibt W., eds. *Byzantine and Rus' Seals. Proceedings of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography*. Kyiv, Sheremetievs' Museum, 2015, pp. 193-200.

34. Piatnitsky Yu., ed. *Sinai. Byzantium. Russia. Orthodox art from the sixth to the twentieth century*. London, St. Petersburg, Saint Catherine Foundation, 2000. 488 p.

35. Holton D, Horrocks G, Janssen M., Lendari T., Manolessou I., Toufexis N., eds. *The Cambridge Grammar of Medieval and Early Modern Greek. Vol. 1. General Introduction and Phonology*.

Cambridge, Arts and Humanities Research Council; Cambridge University Press, 2019. clxx, 237 p.

36. Boubouli F., ed. *The World of the Byzantine Museum*. Athens, Byzantine and Christian Museum Publ., 2004. 509 p.

37. Weyl Carr A. Taking place: the shrine of the Virgin veiled by God in Kalopanagiotis, Cyprus. Lidov A.M., ed. *Ierotopiya. Sozdanie sakralnykh prostranstv v Vizantii i Drevney Rusi* [Eurotopia. Creating sacred spaces in Byzantium and Ancient Russia]. Moscow, «Progress-Traditsiya» Publ., 2006, pp. 388-408.

Information About the Authors

Andrey Yu. Vinogradov, Candidate of Sciences (History), Doctor of Sciences (Philology and Linguistics), Associate Professor, Senior Researcher, National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmanaya St, 21/4, Bld. 3, 105066 Moscow, Russian Federation, auvinogradov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9516-6534>

Denis V. Kashtanov, Independent Researcher, Moscow, Russian Federation, kastanon@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7273-5717>

Viktor N. Chkhaidze, Candidate of Sciences (History), Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117036 Moscow, Russian Federation, chkhaidze@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0806-6218>

Информация об авторах

Андрей Юрьевич Виноградов, кандидат исторических наук, доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 3, 105066 г. Москва, Российская Федерация, auvinogradov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9516-6534>

Денис Викторович Каштанов, независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация, kastanon@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7273-5717>

Виктор Николаевич Чхаидзе, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация, chkhaidze@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0806-6218>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.12>

UDC 94“04/14”:929.651
LBC 63.3(0)4-9

Submitted: 12.08.2020
Accepted: 02.12.2020

**THREE UNPUBLISHED BYZANTINE LEAD SEALS
FROM WESTERN ASIA MINOR
(WITH AN APPENDIX ON AN AMULET FROM IZMIR)**

Ergün Laflı

Dokuz Eylül Üniversitesi, İzmir, Turkey

Maurizio Buora

Societa Friulana di Archeologia odv, Udine, Italy

Abstract. This paper presents three formerly unpublished Byzantine lead seals and an amulet that were examined in the archaeological museum of İzmir (nos. 1, 3 and figs. 5a–b) and Akhisar (no. 2) in western Turkey. They date from the 7th to the 13th century AD. The seal of a Manuel *apo hypaton* (no. 1) reveals the relations between the court of Constantinople and the city of Smyrna in the 7th century AD. Another one of Ioannes *hypatos spatharios* (no. 2) comes from Akhisar (8th century AD). No. 3 is dated to the 11th and 12th centuries AD. A lead amulet at the appendix part (figs. 5a–b), which perhaps originates from the Early Byzantine period, bears the name of Sabaōth.

Key words: Byzantine lead seals, amulet, *apo hypaton*, hypatos and imperial spatharios, Sabaōth, sigillography, Byzantine period, İzmir, Akhisar, Western Asia Minor, Turkey.

Citation. Laflı E., Buora M. Three Unpublished Byzantine Lead Seals from Western Asia Minor (With an Appendix on an Amulet from İzmir). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 160-167. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.12>

УДК 94“04/14”:929.651
ББК 63.3(0)4-9

Дата поступления статьи: 12.08.2020
Дата принятия статьи: 02.12.2020

**ТРИ НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ВИЗАНТИЙСКИЕ СВИНЦОВЫЕ ПЕЧАТИ
ИЗ ЗАПАДНОЙ МАЛОЙ АЗИИ
(С ПРИЛОЖЕНИЕМ, ВКЛЮЧАЮЩИМ АМУЛЕТ ИЗ ИЗМИРА)**

Эргюн Лафлы

Университет Докуз Эйлюль, г. Измир, Турция

Маурицио Буора

Фриульское археологическое общество, г. Удине, Италия

Аннотация. В статье представлены три ранее не опубликованные свинцовые печати и амулет, которые были изучены в Археологическом музее Измира (№ 1, 3 и рис. 5a–b) и Акхисара (№ 2) в Западной Турции. Они датируются VII–XIII веками. Печать Мануила, апоипата, (№ 1) раскрывает отношения между константинопольским двором и Смирной в VII веке. Еще одна печать – Иоанна, ипата и императорского спафария (№ 2), – происходит из Акхисара (VIII в.). Печать № 3 датируется XI–XII веками. Свинцовый амулет в приложении (рис. 5a–b), который, вероятно, относится к ранневизантийскому времени, носит на себе имя Саваоф. Э. Лафлы провел анализ и критику печатей, в то время как М. Буора разработал каталог.

Ключевые слова: византийские свинцовые печати, амулет, апоипат, ипат и императорский спафарий, Саваоф, сфрагистика, византийский период, Измир, Акхисар, Западная Малая Азия, Турция.

Цитирование. Лафлы Э., Буора М. Три неопубликованные византийские свинцовые печати из Западной Малой Азии (с приложением, включающим амулет из Измира) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 160–167. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.12>

Introduction

The number of lead seals in the eastern world is estimated at about 80,000, most of which remain as unpublished [11, p. 150]. Our contribution is to present three of these unpublished ones in two Turkish museums (fig. 1). Only few seals of the archaeological museum of Izmir have already been published and the ones in the depot of courtial antiquities are not known in scholarly literature. Their dating varies mostly from the seventh to the 13th centuries A.D. Most of these seals do not have good conservation conditions. They include the names of dignitaries of the Byzantine Empire (*apo eparkhon, patrikios* and *strategos* etc.) and also of an empress. In the collection of the archaeological museum of Izmir there is a lead amulet of particular interest which was inserted in an appendix part and bears the name of Sabaōth, one among the different names of the Hebrew god.

Catalogue ¹

No. 1

The lead seal of Manuel *apo hypaton* (figs. 2a–b).

Depository and provenance: Archaeological museum of Izmir, in the depot of courtial antiquities, accession no. 2016.861.4. It was given to the museum by the Second Civil Court of First Instance in Izmir in 2016 before of which it was belonging to a private collection in the surrounding of Izmir.

State of preservation: Damaged on border. Corrosion.

Measurements: Diameter 20 mm and field diameter 15 mm.

Transcription – Obverse: Wreath border.

+ M-
2 ANOY-
HA

Reverse: Wreath border.

A P O
2 YPAT-
ON

Transliteration: + Μανουήλ ἀπὸ ὑπάτων.

Translation: *Of Manouel(ou), one of the hypatoi.*

Sigillographical comments: Ἀπὸ ὑπάτων corresponds to the rank class of the former consuls, *consularis* in Latin, later occasionally also *exconsul* or similar². It was also a name for certain senatorial provincial governors of *provinciae inermes*, as in *Notitia Dignitatum* well attested in the fourth and fifth centuries A.D. But it also became more and more a title, especially in the seventh century A.D., from which our seal originates. In this specific case of the seal from Izmir, it is uncertain whether it is an office or a title.

Comparandum: There are a number of seals of *apo hypaton* in the Dumbarton Oaks and Fogg Collections, mostly dating to the seventh century A.D. [14, p. 110], but a Manuel with the title ἀπὸ ὑπάτων is so far unknown otherwise. In the Dumbarton Oaks Collection a very similar unpublished lead seal with the accession no. DO 58.106.1622 is housed³.

Dating: Seventh century A.D.

No. 2

The lead seal of Ioannes *hypatos* and imperial *spatharios* (fig. 3).

Depository: Museum of Akhisar, Byzantine Thyatira, in a display case in the hall of small finds.

State of preservation: Damaged on border. Corrosion.

Measurements: Diameter 22 mm and field diameter 16 mm.

Transcription – Obverse: Cruciform invocative monogram with inscription in the quarters; wreath border.

Θεοτόκε βοήθει τῷ σῷ δούλω.

Reverse: Inscription in four lines, with cross above and below.

+ΙΩ-
2 ANNH VΠ-
ΑΤΩ C ΒΑΣ-
4 ΙΛΙΚΩ CΠ-
ΑΘΑΡΙΩ

+ Ἰωάννη ὑπάτω ς (καὶ) βασιλικῶ
σπαθαρῶ

Translation: *Mother of God, help your servant John, hypatos and imperial spatharios.*

Sigillographical remarks: Ὑπατος, consul, was a senatorial dignity and σπαθᾶριος was an imperial title, as there were also active *spatharioi* at the imperial court in Constantinople⁴. Throughout the sixth to the ninth centuries A.D. there is an ample sigillographical evidence of functionaries bearing this the title, usually attached to mid-level administrative and fiscal posts, but the title *hypatos* lost its importance over time. Both in imperial and ecclesiastical administration many dignitaries named with the common name John (properly Ioannes) are known by the Byzantine world.

Comparandum: A very similar lead seal with the accession no. DO 47.2.873 in the Dumbarton Oaks Collection in Washington, DC and a further one in the private collection of Yavuz Tatiş in Izmir [5, no. 5.46] are housed (*cf.* the latter publication also for the reference of a similar seal in the corpus of Zacos – Veglery, *i.e.* [16]).

Dating: It is noteworthy that in the seventh century A.D. we often find the title of *hypatos* and *spatharios* combined [4, p. 23]⁵. The type of invocation of the obverse and the titling, however, correspond to the examples of the eighth-ninth century A.D.

No. 3

The lead seal of Romanos IV, Eudokia, Michael VII, Constantios and Andronikos (figs. 4a–b).

Depository and provenance: Archaeological museum of Izmir, in the depot of courtial antiquities, accession no. 2017.33.123.1. It was given to the museum by the 33. Civil Court of First Instance in Izmir in 2018 before of which it was belonging to a private collection in Izmir.

State of preservation: Corrosion. Otherwise well preserved.

Measurements: Diameter 30 mm and field diameter 28 mm.

Transcription – Obverse: Three full-length figures: in the center, Christ bearded wearing a tunic and himation and standing on a dais. He has a nimbus cruciger. With uplifted arms he places a cross-topped crown on the bearded head of the emperor Romanos on the left and a crown with three triangular projections on the head of Eudokia on the right. Romanos wears a loros and holds his right hand before his chest and a globus cruciger in his left hand. Eudokia wears a loros and holds her left hand before her chest and a globus cruciger in her right hand. At left and right of Christ's head, sigla: IC-XC: Ἰ(ησοῦ)ς Χ(ριστό)ς. Circular inscription. Border of dots.

ΡΩΜΑΝ ΕΥΔΟΚΙΑ

Ῥωμαν(ός) (καὶ) Εὐδοκία.

Reverse: Three full-length figures, all of whom stand on daises. In center, Michael VII, taller than his brothers, standing, wearing a crown with a cross and a loros, and holding a labarum in his right hand and an akakia in his left. He is flanked by the shorter, beardless figures of Constantios on the left and Andronikos on the right. Each wears a crown with a cross and a loros. Constantios holds a globus surmounted by a trefoil ornament in his right hand and an akakia in his left. Andronikos holds an akakia in his right hand and a globus surmounted by a trefoil ornament in his left. Circular inscription. Border of dots.

Ῥωμανός καὶ Εὐδοκία.

2 Κων(σταντιος). Μ(ι)χ(αήλ).
[Ἄνδ(ρόνικος).]

Translations: *Romanos and Eudokia. Constantios. Michael. Andronikos.*

Sigillographical remarks: On coins, Michael VII and his brothers appear on the obverse, convex side, while Christ, Romanos, and Eudokia are portrayed on the reverse, concave side. On the seals, lacking any indicator of which side is which, it is conventional to reverse the order, placing the figure of Christ on the obverse. Perhaps forgery (?).

The seals and coins of Romanos's reign are the most cluttered examples from the whole Byzantine period. During Romanos's reign, Constantine's third son, Andronikos, was associated in rule, and on his seals and coins the nominal senior emperor appears vastly outnumbered by the family of Constantine X. Romanos and Eudokia appear either side of Christ, who blesses them. On the reverse the three sons of Constantine X are shown

in their imperial regalia. Although interpretation of the seals follows the convention of placing the senior emperor on the obverse, the sides are reversed when considering the coins, the concavity of which allows us to determine which was the top die.

Comparanda: [9, no. 82.3; 1, p. 72–75, nos. 128–136; 16, no. 93a].

Dating: The era of Romanos IV Diogenes, *i.e.* A.D. 1068–1071.

Appendix

A lead amulet for Sabaōth from Izmir (figs. 5a–b).

Depository and provenance: Archaeological museum of Izmir, in the depot of courtial antiquities, accession no. 2016.861.3. It was given to the museum by the Second Civil Court of First Instance in Izmir in 2016 before of which it was belonging to a private collection in the surrounding of Izmir.

State of preservation: Damaged on border. Corrosion.

Measurements: Max. diameter 13 mm.

Description: The lead object was an amulet and there was a loop for hanging on neck or somewhere else. Such amulets were worn by Christians of different beliefs, not necessarily gnostics.

Transcription: On the obverse side CABAΩ(Θ) (Σαβαώθ; Sabaōth / zebaot) in the centre and on the reverse side IAΩ (Ἰαώ) in the lower part.

Sigillographical comments: This amulet belongs to the circle Ἰαώ, Σαβαώθ (in Hebrew צבאות, plural of צבא), which is one of the archontic powers (CG II, I ApocJohn 11.30; 12.20). These names are multitudinously attested and invoked in magical literature, especially on amulets [8, p. 105–106]. Sabaōth was an epithet of Jewish god in his role as protector of the Israelite army, usually translated (alongside YHWH or Elohim) as “the lord of hosts” [6, p. 186]. It also means hosts or armies. In the gnosticism it is the name of one of the seven chief archons in the Ophite cosmogony.

Comparanda: This category of small amulets is scarcely studied. Campbell Bonner published a book (1951) and two additional articles (1951 and 1954) on magical amulets, with particular reference to the British Museum collections [2; 3]. Twenty-five years ago, Jeffrey Spier wrote a paper on the amulets recognizing that a large number of pendant-amulets are

attributable to the Early Byzantine period. Sometimes the names Ἰαώ Σαβαώθ are associated with the image of the οὐροβόρος, a symbolic depiction of a serpent or dragon eating its own tail [3, p. 150]. The mention of Ἰαώ, Σαβαώθ appears first time on a face of a bronze pendant-amulet which is now housed in the Bible Lands Museum Jerusalem [12, p. 46, fig. 1]. The invocation of divine and angelic names such as Iao, Sabaōth, Adonai or archangels was already an ancient tradition in pagan magic, ultimately derived from a former Jewish practice [13, p. 49].

Dating: Possibly Early Byzantine period.

Conclusion

These three seals presented above range from the seventh to the 13th century A.D. and provide even just a bit evidence on the Byzantine dignitaries in Asia Minor. The lead amulet at the appendix part (figs. 5a–b), which originates perhaps from the Early Byzantine period, bears the name of Sabaōth that remains as a unique evidence for western Asia Minor.

ENDNOTES

¹ Nos. 1, 3 and figs. 5a–b from the Archaeological Museum of Izmir were studied with an authorization granted by the Turkish Ministry of Culture and Tourism, Directorate of the Monuments and Museums on April 13, 2010 and enumerated as B.16.0.KVM.0.13.04.00-155.01.(TA10.B81)-77614. The necessary documentation was assembled between June 2010 and May 2017. We would like to thank to Mrs Zuhar Küçükgüney and Ms Necla Okan (both from the Archaeological Museum of Izmir) for their assistance during the study of these objects.

No. 2 from the Museum of Akhisar was studied with an authorization granted by the Turkish Ministry of Culture and Tourism, Directorate of the Monuments and Museums on June 4, 2007 and enumerated as B.16.0.KVM.200.11.02.02.14.01.222.11.(TA07.40/A)-116546. The necessary documentation was assembled between August 2007 and May 2016.

² *On ἀπὸ ὑπάρτων* *cf.*: [7, p. 395].

³ We would like to thank to Professor Werner Seibt (Vienna) who kindly provided this information.

⁴ *Cf.* for these titles: [10, p. 297–298].

⁵ Furthermore, in the auction made by Μὲνζ Zentrum, sale no. 96 (10–12 September 1998) a lead seal of an Ioannes *hypatos* and protospatharios was sold, *cf.* [15, p. 184, no. 1340].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Fig. 1. Places in Asia Minor and elsewhere referred to in the text (by S. Pataci, 2018)

Figs. 2a–b. The lead seal of Manuel *apō hypaton*. Archaeological museum of Izmir, accession no. 2016.861.4

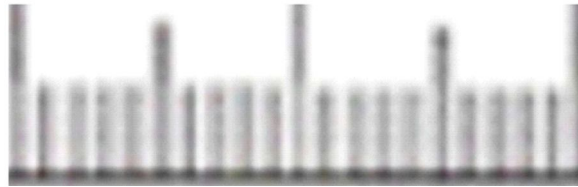
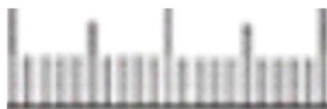
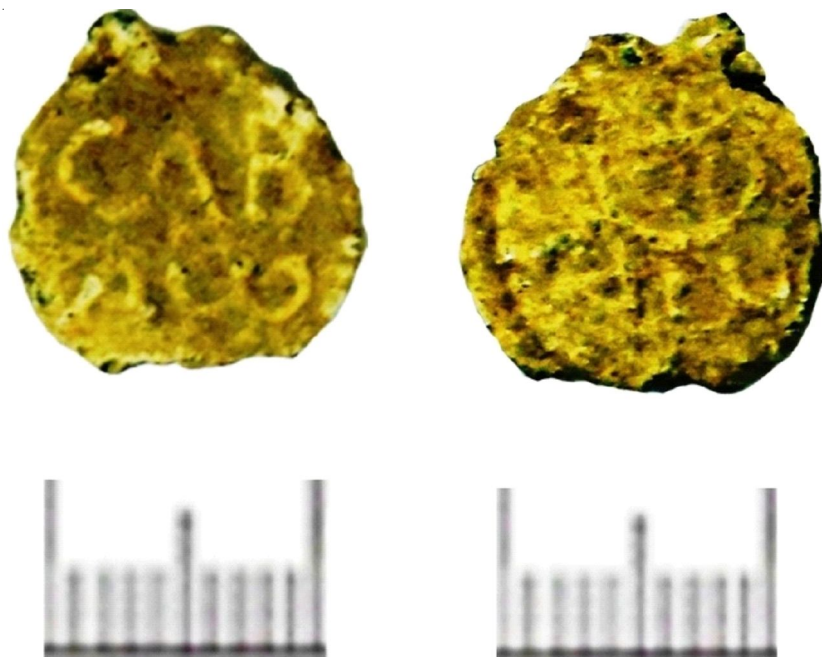

Fig. 3. The lead seal of Ioannes *hypatos* and imperial *spatharios*. Museum of Akhisar

Figs. 4a–b. The lead seal of Romanos IV, Eudokia, Michael VII, Constantios, and Andronikos. Archaeological museum of Izmir, accession no. 2017.33.123.1

Figs. 5a–b. A lead amulet for Sabaōth. Archaeological museum of Izmir, accession no. 2016.861.3

REFERENCES

1. Sokolova I.V. *Gosudarstvennyy Ermitazh. Pechati vizantiyskikh imperatorov. Katalog kollektsii* [The State Hermitage Museum. Byzantine Imperial Seals. The Catalogue of the Collection]. Saint Petersburg, Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2007. 120 p.
2. Bonner C. Amulets Chiefly in the British Museum. *Hesperia. The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*, 1951, vol. 20, no. 4, pp. 301-345. URL: <http://www.jstor.org/stable/146801> (accessed 1 November 2020).
3. Bonner C. A Miscellany of Engraved Stones. *Hesperia. The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*, 1954, vol. 23, no. 2, pp. 138-157. URL: <http://www.jstor.org/stable/146693> (accessed 1 November 2020).
4. Bury J.B. *The Imperial Administrative System in the Ninth Century: with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos*. Cambridge, Cambridge University Press, 2015. 186 p.
5. Cheynet J.-C. *Les sceaux byzantins de la collection Yavuz Tatlıs*. Izmir, Private edition, 2019. 464 p.
6. Erharter H. Sabaoth. Buchberger M., ed. *Das Lexikon für Theologie und Kirche (LThK)*. Vol. 9: *Pearson bis Samuel*. Freiburg im Breisgau, Verlag Herder, 1999. P. 186.
7. Haldon J.F. *Byzantium in the Seventh Century. The Transformation of a Culture*. Cambridge; New York, NY, Cambridge University Press, 1990. xxviii, 486 p.
8. Mastrocinque A. Perseus and Sabaoth in magic arts and oriental beliefs. Suárez de la Torre E., Pérez Jiménez A., eds. *Mito y Magia en Grecia y Roma*. Barcelona, Universitat Pompeu Fabra, Libros Pórtico, 2013, pp. 103-116. (Supplementa MHNH, Estudios de astrología, magia y religión antiguas; vol. 1).
9. Nesbitt J., Morrison C. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 6: Emperors, Patriarchs of Constantinople, Addenda*. Washington, DC, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2009. xii, 234 p. (Dumbarton Oaks Collection Series).
10. Oikonomidès N. *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Introduction, texte et commentaire*. Paris, Centre national de la recherche scientifique, 1972. 403 p. (Le monde byzantin).
11. Seibt W. The Civil Administration of Byzantine Iberia According to the Seals. **ისტორიანი / Istoriani (Festschrift Roin Metreveli)**. Tbilisi, გამომცემლობა არტანუჯი (Gamomcemloba Artanuji), 2009, pp. 150-157.
12. Spier J. Medieval Byzantine magical amulets and their tradition. *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 1993, vol. 56, pp. 25-62. URL: <http://www.jstor.org/stable/751363> (accessed 1 November 2020).
13. Spier J. An antique magical book used for making sixth-century amulets? Dasen V., Spieser J.-M., eds. *Les savoirs magiques et leur transmission de l'Antiquité à la Renaissance*. Florence, Sismel – Edizioni del Galluzzo, 2014, pp. 43-66. (Micrologus' Library; vol. 60).
14. Stephenson P. The Serpent Column Fountain. Shilling B., Stephenson P., eds. *Fountains and Water Culture in Byzantium*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2016, pp. 103-129.
15. Wassiliou-Seibt A.-K. Catalogue of Auctions (2002–2006). *Studies in Byzantine Sigillography*, 2010, vol. 10, pp. 155-196.
16. Zacos G., Veglery A. *Byzantine Lead Seals. Vol. 1, pt. 1, nos. 1–1095. Imperial Seals, Vth to XVth Centuries; Non-imperial Seals, VIth to IXth centuries*. Basel, J.J. Augustin, 1972. xxxiv, 704 p.

Information About the Authors

Ergün Laflı, Doctor, Professor, Edebiyat Fakültesi, Arkeoloji Bölümü, Dokuz Eylül Üniversitesi, Oda No A-418, Tınaztepe/Kaynaklar Yerleşkesi, Buca, TR-35160 Izmir, Turkey, elaflı@yahoo.ca, <http://deu.academia.edu/ErgunLAFLI>, <https://orcid.org/0000-0002-4722-5018>

Maurizio Buora, Doctor, Societa Friulana di Archeologia odv, Via Micesio 2, Torre di Porta Villalta, I-33100 Udine, Italy, mbuora@libero.it, <https://independent.academia.edu/MBuora>, <https://orcid.org/0000-0002-5746-8312>

Информация об авторах

Dr Эргюн Лафлы, профессор классической археологии, факультет литературы, кафедра археологии, Университет Докуз Эйлюль, Oda No A-418, Tınaztepe/Kaynaklar Yerleşkesi, Buca, TR-35160 г. Измир, Турция, elaflı@yahoo.ca, <http://deu.academia.edu/ErgunLAFLI>, <https://orcid.org/0000-0002-4722-5018>

Dr Маурицио Буора, Фриульское археологическое общество, Via Micesio 2, Torre di Porta Villalta, I-33100 г. Удине, Италия, mbuora@libero.it, <https://independent.academia.edu/MBuora>, <https://orcid.org/0000-0002-5746-8312>

www.volsu.ru

ВИЗАНТИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.13>

UDC 340.12:347.23

LBC 67.1(0)4

Submitted: 24.06.2020

Accepted: 04.09.2020

RIGHTS OVER “THE PROPERTY OF ANOTHER” (*Jura in re aliena*) IN BYZANTINE AND MEDIAEVAL SERBIAN LAW ¹

Srdan Šarkić

University of Novi Sad, Novi Sad, Serbia

Abstract. In some cases, when a person owned property, his rights over such property might be limited. The most important rights over another’s property, mentioned by Byzantine law and accepted in mediaeval Serbian legal sources are servitudes, pledge and emphyteusis. The rules on servitudes (δουλεία – равогта) penetrated in Serbian law at the beginning of 13th century, when Saint Sabba (Свети Сава) incorporated in his “Nomokanon” the whole Byzantine “Procheiron”. Its chapter XXXVIII, under the title “On novelties” (Περὶ καινοτομιῶν), contains different provisions, concerning the servitudes, mixed with administrative rules on building the new houses. That was the reason why Serbian translators of “Procheiron” entitled this chapter as “On building of new houses, reconstruction of the old and other things”. While the chapter XXXVIII of “Procheiron” contains 64 provisions, Matheas Blastares took in his “Syntagma” only 18, and created a short Chapter K-3 under the same title “On novelties” (“О новотвореныхъ” in Serbian translation). It contains, beside different decrees and prohibitions by administrative authorities, some urban servitudes, that could be changed by special agreements (συμφώνον – сыгласиѣ). Byzantine legal miscellanies always put together the rules on pledge in the same chapter with the provisions on loan, although modern legal science treats pledge as a part of the law of property and loan as a real contract and the part of the law of obligation. The chapter X of “Ecloga” has a title “On literal and unliteral loans and for them given pledges”; the chapter XVI of “Procheiron” is known under the title “On loan and pledge” and the chapter XXVIII of “Epanagoge” entitled “On loans and pledges”. For this reason, Matheas Blastares included the chapter Δ-2 under the title “On lenders, and loan, and pledges” in his “Syntagma”. Among Serbian legal sources, pledge was mentioned only in a few documents: these are so called “Justinian’s Law” (art. 26 and 27); King Milutin’s chrysobull, granted to the Hilandar’s pyrgos in Chrousija; King Dušan’s chrysobull, giving the church of Most Holy Virgin in Lipljan to the Hilandar’s pyrgos in Chrousija; and Dušan’s “Law Code” (art. 90). The chapter XV of the “Procheiron” has the title “On emphyteusis” and contains six provisions, speaking on emphyteusis of Church estates. Matheas Blastares introduced a short Chapter E-8, entitled “On emphyteusis” (“О насажденіи” in Serbian translation), in his “Syntagma”. Its chapter represents an interpretation of Justinian’s Novella CXX, chapters 2 and 8. In Serbian legal sources we can not find any information on emphyteusis.

Key words: servitudes, pledge, emphyteusis, “Procheiron”, “Ecloga”, “Syntagma” of Matheas Blastares, Dušan’s Law Code, charters.

Citation. Šarkić S. Rights over “The Property of Another” (*Jura in re aliena*) in Byzantine and Mediaeval Serbian Law. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 168-179. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.13>

ПРАВА НА «ЧУЖУЮ СОБСТВЕННОСТЬ» (*Iura in re aliena*) В ВИЗАНТИЙСКОМ И СРЕДНЕВЕКОВОМ СЕРБСКОМ ПРАВЕ ¹

Срджан Шаркич

Университет в Нови Сад, г. Нови Сад, Сербия

Аннотация. В некоторых случаях, когда некое лицо обладало частной собственностью, его права над собственностью должны были быть ограничены. Наиболее важными правами над чужой собственностью, упоминаемыми в византийском праве и принятыми в средневековых сербских законодательных источниках, являлись сервитуты, залог (заклад) и эмфитевсис. Нормы сервитутов (δουλεία – равоѣта) проникли в сербское право в начале XIII в., когда Св. Савва (Свети Сава) включил в свой «Номоканон» целый византийский «Прохирон». Его глава XXXVIII, под титулом «О новшествах», содержит различные положения, посвященные сервитутам, которые касаются административных правил строительства новых зданий. Такова причина, почему эту главу сербские переводчики «Прохирона» озаглавили «О строительстве новых домов, реконструкции старых и иных вещах». В то время как глава XXXVIII «Прохирона» содержит 64 статьи, Матфей Властарь включил в свою «Синтагму» только 18 и создал краткую Главу К-3 под тем же самым заглавием «О новшествах» («О новотвореныхъ» в сербском переводе). Она содержит, помимо различных декретов и запретов административных авторитетов, описание некоторых городских сервитутов, которые могли бы применяться по специальным соглашениям (συμφώνον – сыгласиѣ). Хотя современная правовая наука трактует залог как часть права собственности и заем как реальный контракт и часть обязательственного права, византийские правовые сборники всегда помещают правила о залоге (закладе) в той же самой главе вместе со статьями о займе. Глава X «Эклоги» имеет название «О займах письменных и неписьменных и дающих ради них заклад»; глава XVI «Прохирона» известна под титулом «О займе и закладе», и глава XXVIII «Эпанагоги» озаглавлена «О займах и закладах». По этой причине Матфей Властарь включил в свою «Синтагму» Главу Δ-2 под названием «О заимодавцах [кредиторах], и займе, и закладах». Среди сербских правовых источников залог упоминается только в нескольких документах: это так называемый «Юстинианов закон» (ст. 26 и 27); хрисовул краля Милутина, пожалованный Хиландарскому пиргу в Хрусии; хрисовул краля Стефана Душана, данный церкви Пресвятой Богородицы в Липлянах о Хиландарском пирге в Хрусии; и Душанов «Законник» (ст. 90). Глава XV «Прохирона» названа «Об эмфитевсисе» и содержит шесть статей, рассказывающих об эмфитевсисе в церковных имениях. Матфей Властарь ввел в свою «Синтагму» краткую Главу E-8 под названием «Об эмфитевсисе» («О насаждений» в сербском переводе). Она представляет интерпретацию юстиниановой новеллы CXX (главы 2 и 3). В сербских правовых источниках мы не можем найти сведений об эмфитевсисе.

Ключевые слова: сервитуты, залог, эмфитевсис, «Прохирон», «Эклога», «Синтагма» Матфея Властаря, Душанов «Законник», акты.

Цитирование. Шаркич С. Права на «чужую собственность» (*Iura in re aliena*) в византийском и средневековом сербском праве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 168–179. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.13>

Introduction

The task of this paper is to examine rights over “the property of another” (*iura in re aliena*) in Serbian mediaeval law. These rights were represented in Byzantine law by legal sources translated from Greek language into Old Serbo-Slavonic language of Serbian legal miscellanies.

In some cases, when a person owned property, his rights over such property might be limited. The most important rights over another’s

property of Byzantine law, accepted in mediaeval Serbian legal sources, are “servitudes”, “pledge” and “emphyteusis”.

Servitudes

“Servitudes” (*servitutes* – δουλεία – равоѣте) was said to exist where X possessed rights “in rem” over the property of Y. According to the interpretations of Roman iurists servitudes might be praedial or personal. Praedial servitudes could

be rustic (“iura praediorum rusticorum”) or urban (“iura praediorum urbanorum”). Praedial servitudes were rights over immovables. These rights were exerted by the owner of a “praedium dominans” (dominant tenement) over a “praedium serviens” (servient tenement). Such “servitudes” were of two types: rural or rustic and urban. Praedial servitudes were held by virtue of the ownership of a house or land; personal servitudes did not depend on such ownership. The most important personal servitudes were: “ususfructus”, “usus”, “operae servorum vel animalium”, “habitation” (D. VII.1–9; XXXIII.2–3; VIII.1–6 [29]; IJ. II.3–5 [30]; CJ. III.33–34 [31]; Gai. Inst. II [3]; Paul. Sent. I.17 [35]; Ulp. Reg. Lib. sing. XV.1; XIX.1 [37]).

Roman terms “servitudes” were translated in Byzantine legal sources as “δουλεία”, although this word means slavery and hard (slavish) work, as well, for example: Δουλεία ἐστὶν ἔθνικοῦ νόμου διατύπωσις [34, p. 171]. This definition is the translation of Roman “iuristconsultus” (lawyer) Florentinus, who wrote: “Servitus est constitutio iuris gentium” (D. I, 5,4). In their translation from Greek the redactors of Serbian legal miscellanies used the word “rabota” (работа), which has also different meanings. In any case, “rabota” (“рабо̀та”, id est “service”) is the general Slavonic word for customary “labour service”, corresponding to the Greek word “ἀγγαρεία” [1, p. 609]².

The rules on servitudes penetrated in Serbian law at the beginning of 13th century, when Saint Sabba incorporated in his “Nomokanon” the whole “Procheiron” (word by word “Πρόχειρος Νόμος”, lit. “Handbook” or “The Law Ready at Hand”). The chapter XXXVIII of “Procheiron”, under the title “On novelties” (“Περὶ καινοτομιῶν”), contains different provisions, concerning the servitudes, mixed with administrative rules on building the new houses [36, pp. 206–216]. That was the reason why Serbian translators entitled this chapter of “Procheiron” as “On building of new houses, reconstruction of the old and other things” (“О зданыи новыхъ домовъ, и о поставьленіи ветхыхъ, и униѣхъ вѣщехъ”) [17, pp. 380–397; 4, pp. 315b–321b]. There is an analogy in “Syntagma” of Matheas Blastares, the monk from Thessaloniki, who puts together 24 titles in his alphabetical miscellany, where each title has a sign of the letter in the order of Greek

alphabet; this nomocanonical “Syntagma” (further – Synt.) is known in Serbia in two translations (further – Synt.Se), a full version and an abridged one. While the chapter XXXVIII of “Procheiron” contains 64 provisions, Serbian compiler took in his “Syntagma” only 18 provisions, and created a short chapter (Synt. K-3) under the same title “On novelties” (“Περὶ καινοτομιῶν” [38, pp. 312–314] – “О новотвореныхъ” in Serbian translation [5, pp. 330–332]). It contains, beside different decrees and prohibitions by administrative authorities, some urban servitudes (рабо̀те), that could be instituted and changed by special agreements (συμφώνον – съгласиѣ). Those are the following rules:

A house in a town (i. e. Constantinople) can not cover the view on the sea (Proch. XXXVIII.5 [36, p. 206]; Hexabibl. II.4.46 [28]; Synt. K-3.4 [38, p. 312]; Synt.Se.K.3 [5, c. 330–331]). This is very well-known urban servitude, called by Roman iurists “ne luminibus, ne prospectui officiator” or shorter “servitus prospectus” (“right to light”: δουλεία ἀπόψεως – рабо̀та отъ видѣніа). However, the stated prohibition does not refer to gardens, if the distance between the buildings is larger than hundred feet: ἐὰν δὲ ῥ’ ποδῶν ἐν μέσῳ τῶν δύο οἰκῶν εἴη διάστημα (Synt. K-3.4) [38, p. 312] – аще ли же стомаь нотамаь мѣждоу двѣма храмова ксть растоіаніе (Synt.Se. K-3) [5, p. 331].

It is forbidden to let the smoke out of stoves, except if someone does not dispose with special right to do that: εἰ μὴ ἄρα δίκαιον εἶχεν ἐκεῖσε τὸν καπνὸν εἰσπέμπειν (Synt. K-3.12 [38, p. 313] – развѣ оубо аще правиноу имѣль ксть тамо дымь испогнати (Synt.Se. K-3) [5, p. 332]. It corresponds to “Procheiron” (Proch. XXXVIII.18) [36, p. 208] and goes back to “Digesta” (Ulpianus libro septimo decimo ad edictum): ...Aristo Cerellio Vitali respondit non putare se ex taberna casiaria fumum in superiora aedificia iure immitti posse, nisi ei rei servitutem talem admittit (D. VIII, 5, 8, 5).

Nobody can throw trash under a neighbour’s wall, except if somebody does not dispose with a corresponding servitude: Οὐδεὶς δύναται κόπρον πλησίον τοῦ ἀλλοτρίου τοίχου ῥίπτειν, εἰ μὴ τοιαύτην ἔχει δουλείαν (Synt. K-3.14) [38, p. 332] – никтоже можетъ гнои влизь тоуждек стѣны помѣтати, развѣ аще таковоу имать рабо̀тоу (Synt.Se. K-3) [5, p. 314], according to “Procheiron” (Proch. XXXVIII, 22)

[36, p. 209]. It is a case of “servitus sterquilini” or “latrinae sive sterculini” (right to have a dung heap against a neighbour’s wall) of Roman law (D. VIII, 5, 17, 2).

On the occasion of building a new house, it was forbidden to brick up a window to a neighbour, except if the agreement did not institute a corresponding servitude: εἰ μὴ ἄρα δουλείαν ἔχοι κατὰ συμφωνίαν (Synt. K-3.2) [38, p. 330] – развѣ аще работоу имать по съгласию [5, p. 312]. It corresponds to “Procheiron” (Proch. XXXVIII, 4) [36, p. 206]. This question was minutely regulated by a law from the reign of Emperor Zeno, without any mentioning of promulgation year (so, between 474 and 491), according to Iustiniani Codex (the chapter under the title “De aedificiis privatae”) (CJ. VIII.10.12).

Among rural or rustic servitudes Matheas Blastares mentioned only two rules. He classified them into the chapter of his “Syntagma” (Synt. N-8) under the title “On pasture” (“Περὶ νομῆς” – “О паствѣ”):

1) The first rule touches on someone, who has right to water, e. g. “aquaeductus” (leading water in pipes, or in stone channels), as well as right of pasture of sheep on another man’s land (servitus pecoris pascendi). It can be raised a hut on that land: Ὁ ἔχων δουλείαν τοῦ πατίζειν καὶ βόσκειν ἐν τῷ ἀγρῷ σου θρέμματα, δύναται τοῦ ἐν αὐτῷ ποιεῖν καλύβην (Synt. N-8) [38, p. 401] – Имѣки работоу иже напати и пастн на селѣ твоимъ овце, можетъ стежати работоу иже въ немъ творити коуцмоу (Synt. Se. N-8) [5, p. 422];

2) If someone, with a knowledge of owner, leads water over another man’s land, after three years he acquires this servitude, and the owner of the land can not disturb him: Ὁ δι’ ἀλλοτρίου ἀγροῦ ἔλκων ὕδωρ, εἰδότης τοῦ δεσπότη τοῦ ἀγροῦ, κτᾶται κατὰ τοῦ ἀγροῦ δουλείαν, ἐν τῷ νενομισμένῳ τριετίας χρόνῳ, μὴ κωλύσαντος αὐτὸν τοῦ δεσπότη τοῦ ἀγροῦ (Synt. N-8) [38, p. 401] – Иже по тоуждемоу селоу веды водоу, ведоущоу господиноу села, стежавакть на селѣ работоу въ оузаконкннѣмъ трилѣтїа врѣмени, не възвранившоу кмоу господиноу села (Synt. Se. N-8) [5, p. 422]. This rule goes supposedly back to “Basilika” (τὰ Βασιλικὰ, lit. “Libri LX Basilicorum”, to put it more precisely the tituli B. T. LVIII. 7.2) [24, p. 2645.12–16].

Serbian legal sources mention only a few rural servitudes: “aquaeductus” (right to water),

“silva caedua” (right to cut the trees), “pecoris ad aquam apulsus” (right to watering one’s cattle on another’s land), “iter” (right of way), “actus” (right to drive a carriage or animal) and “pecoris pascendi” (right of pasture). Among personal servitudes we can find only “ususfructus” (a right to use and enjoy the fruits of another’s property) and “usus” (use – a usufruct, but without a right to take the fruits) [19, p. 98; 20, p. 638].

King Milutin’s charter to the monastery of Saint George mentions “right to water” (aquaeductus – водоващина – водоважда – водоваге – водовагк). Text say that everyone who leads a water from the church’s place called “head”, has to pay two dinars to the church. If someone leads a water without a permission of hegoumenos, he has to pay twelve perpers (monetary units) to the King’s treasury and double to the church. And, if someone leads a water with a consent of hegoumenos, he has to pay three perpers (И кто вади водоу коу се изводи ут црковна мѣста главе, да подасть цркви ут рала кѣв’ль водоващиноу, и ут врьта .В. динара. Ако ли безъ игоуминоу благословакниа поведе кто ут црковне главе водоу да плати .ВІ. перьперь оу цариноу, а цркви двоиноу да дасть. Ако ли съ оупросомъ водоу поведе а водоващиноу оудржи, да плати .Г. перьпере) [11, p. 237]³.

Cutting of threes was mentioned in the same charter, next sentence: “Who cuts the trees on the mountains belonging to the church, has to give every fourth three to the church. If someone cuts without a permission of hegoumenos, he has to pay twelve perpers to the King, and the church will take him every cut down tree” (И кто лѣсъ сѣуе или дръва оу црковномъ врьдѣ, да дак цркви уетврѣто дръво. Ако ли безоу игоуминоу благословакниа сѣуе цю любо да плати .ВІ. перьперь, а цркви лѣсъ вьсь да моу оузме) [11, p. 237].

Right to watering one’s cattle on another’s land (pecoris ad aquam apulsus) we can find in the Tsar Dušan’s chrysobull to the monastery of Saint Archangels Michael and Gabriel. The text says, that Emperor did not deprive hamlet of Golubovci of servitude to watering the cattle (И напоища Голоубов’цем не ѿнесмо оу Бодиславицѣ коукъ...) [16, p. 103]. The same chrysobull gives to the village of Lubižnjane right to drive a carriage or animal (actus) and right to put cattle to graze on another man’s land (ius

pascendi): ...и долѣ опять до мекѣ Коришке и до Светога Петра, да си имаю Лювиж'ниане съ Скоровици како соу и прѣгкѣ пасли [16, p. 91].

Right of way or right to pass (servitus itineris ac viae) was mentioned in a sale contract (emptio venditio), in which a certain Dobroslava with her children sells her house in the city of Prizren to a certain Mano, brother of Dragitza. In the text of contract we read that the road, leading to the house, will be free for everyone (ПѢТЬ ДВОРА ТОГА СВОБОДНЬ С КОЛОВОЗОМЬ) [2, p. 250].

Right to put cattle to graze on pastures belonging to the counties (župa), was regulated by the article 74 of Dušan's Law Code: "Let village pasture with village, where one village, there also the other. Only legal enclosure and meadows may not be graze" (Село селом да пасе; коудѣ едно село тоудѣ и друго; развѣ забѣла законитыхъ и ливадъ законитыхъ никто да не пасе) [26, p. 212⁴; 9, p. 59; 8, p. 118; 6, p. 89]. Similar says the article 75: "No district may graze its stock within another district. And if in the district there be a separate village which belongs to any lord, or to my Majesty, or is a Church village, or belongs to a gentleman, that village shall graze with the rest of the county district and no man shall forbid it to so graze" (Жоупа жоупѣ да не попаса довит'комъ ница; ако ли се наиде едно село ѿ този ждпѣ, оу кога люво властѣлина, или ксть царства ми, или ксть црьковно село, или властѣличикѣ; шномѿзи селѿ никто да не забрани пасти; да пасе коудѣ и жоупа) [26, p. 212; 9, p. 60; 8, pp. 118, 120; 6, p. 90]. It seems that the "legal enclosures and meadows" (забѣлау законитыхъ и ливадъ законитыхъ) were Crown lands and excluded, but the rest of the pasture land in the county was common land for grazing of all the villages in the county, regardless of ownership.

Among personal servitudes is famous well the "usus" or "ususfructus" (right to use another's property). We find it mostly in the charters presented in favour for churches and monasteries. So, the monarch or any other individual gives a land, instituted a lifelong use for certain natural person, to the monasteries or churches, expressing that with the terms "that he uses lifelong" (да си овлада до негова живота), "let him store it until his death, and after his death let it belong to the church" (свое все да дръжи до смърти, а по смърти кго да ксть црьковно), "till the end of his life" (ако до живота свога), and similar (Cf. [19,

p. 96–98; 20, p. 635–638]). We will quote two interesting examples:

1) King Milutin gave as a present to a certain squire's wife with a name Radoslava, wife of certain Milša, monastery of Saint George and a village of Ulitišta, and the gift was confirmed by the Kings Stefan Dečanski and Dušan. However, King Dušan, for the unknown reasons, decided between 1336 and 1337, to give Radoslava's estate to the monastery of Hilandar. He left to the squire's wife only a right to use and enjoy the fruits of her property, but her descendants were deprived of the right of succession (И да се храни Радослава, Мил'шина жена, до не съмр'ти, а по не съмр'ти да не овлада мѣствомъ тѣмъ ни сынъ, ни дьщти, ни кто от рода...) [7, p. 65];

2) In the sale contract by which a certain Radoslava Mirković sells her house in Trepča⁵ to the monastery of Saint Paul (19 January 1438), a right of use was established: Radoslava will keep a small room in the house, where she and her sister will find a shelter until the end of their lives (Я за мога живота... да имамъ от кѣкѣ ед'нь ккларь где кю привѣгидѣт с' сестромъ) (cited from: [2, p. 260, Append. 6]). In this case a right of lifelong use of a small room was instituted by a sale contract [22].

Pledge

"Pledge" (pignus – ἐνέχυρον – залoга) is a transfer of possession under which the creditor obtained possession of the property pledged, but ownership remained with the debtor. The expression was sometimes used as a general one for any form of real security, including "pignus" and "hypotheca" (Cf. D. XIII.7. "De pigneraticia actione vel contra").

Although modern legal science treats pledge as a part of the law of property and loan as a real contract and the part of the law of obligations, byzantine legal miscellanies always put together the rules on pledge in the same chapter with the provisions on loan. The chapter X of "Ecloga" (word for word "Ἐκλογὴ τῶν νόμων", lit. "Selection of the Laws") has a title "Περὶ δανείου ἐγγράφου καὶ ἀγράφου καὶ τῶν διδομένων ἐπ' αὐτοῖς ἐνεχύρων" ("On literal and unliteral loans and for them given pledges") [33, p. 204]; the chapter XVI of "Procheiron" is known under the title "Περὶ δανείου καὶ ἐνεχύρου" ("On loan

and pledge”), and the chapter XXVIII of “Epanagoge” entitled “Περὶ χρέους καὶ ἐνεχύρων” (“On loans and pledges”) [36, p. 155, 320]. For this reason, Matheas Blastares included the chapter under the title “On lenders, and loan, and pledges” in his “Syntagma” (Synt. Δ-2): in the Greek text “Περὶ δανεισῶν, καὶ δανείου, καὶ ἐνεχύρων” [38, p. 204] and in the Serbian translation (Synt.Se. D-2) “О закѣнницѣхъ и заемѣхъ и залозѣхъ” [5, p. 214]. The rules, concerning the pledge, are the following:

1) The fruits from property pledged will be add up to the debt and if the whole amount of debt was that way discharged, pledge will be given back to the pledgor. If the value of the fruits is bigger than a debt, surplus has to be returned (Οἱ ἐκ τοῦ ἐνεχύρου ληφθέντες καρποὶ ψηφίζονται εἰς τὸ χρέος · καὶ ἐὰν ἴκανοὶ γένωνται πρὸς τὸ ὅλον χρέος, λύεται ἡ ἀγωγή, καὶ ἀποδίδεται τὸ ἐνέχυρον · εἰ δὲ καὶ πλεονέξ εἰσι τοῦ χρέους οἱ καρποὶ, ἀποδίδονται οἱ περιττεύοντες [38, p. 205] – Иже отъ залоза прикѣи бывше плодове приуитають се въ долгъ, и аще доволъны будутъ къ в’семоу долгу, раздрѣшакъ се вина и въздавакъ се залозъ; аще ли же и множанши соуть долгъ плодове, въздавають се излишествоуштіи [5, p. 215]). It goes back to “Procheiron” (Proch. XVI, 3) [36, p. 155];

2) If the lender, not by his own negligence (*culpa*), similar to a case of gross fault or neglect, “*culpa lata*” of Roman law, has lost property pledged, he will be not responsible. But the lender has to explain, what happened to him (Ἐὰν ὁ δανειστής μὴ παρ’ ἰδίων αἰτίαν ἀπωλέσῃ τὸ ἐνέχυρον, οὐκ ἐγκαλεῖται · χρὴ δὲ αὐτὸν ἀποδείξαι ὅτι ἀπώλεσε [38, p. 205] – аще займаваши не отъ своихъ вины погубить залоза, несоудимъ ксть; подовакъ же кмоу оуказати тако погуби [5, p. 215]). It is correspondent to “Procheiron” (Proch. XVI, 5) [36, p. 155–156];

3) If the lender explains how he has lost property pledged, he acquires a right to request a payment of a debt (τὰ γὰρ τυχηρὰ οὐ κινδυνεύεται τῷ δανειστῇ, ἀλλὰ δήνασται κατὰ τύχην ἀπωλέσας τὸ πρᾶγμα, ἀπαιτεῖν τὸ αὐτῷ κεχρεωσθημένον [38, p. 205] – приключаша во не вѣдствоуять займава’шомоу, нь можетъ по прилучаю погубивъ вещь истезати должнок [5, p. 215]). If the parties to the contract had an agreement, that the loss of pledge absolves debtor from

responsibility, this decision becomes effective (εἰ δὲ μεταξὺ τῶν συναλλασσόντων ἤρεσεν, ἵνα ἡ ἀπώλεια τῶν ἐνεχύρων ἐλευθερώσῃ τὸν χρεώστην, τοῦτο ἰσχύει [38, p. 205] – аще ли по срѣдѣхъ заемѣноуицихъ се оугодно бысть да погубивъ залозъ своводить должника, се крѣп’ко ксть [5, p. 215]).

So called “Justinian’s Law”, which represents original work by Serbian lawyers⁶, contains two articles concerning the pledge. The article 26, under the title “On pledges” (“Ἐ Ζαλογαχъ”) says: “If someone gives a pledge, and tells [to the pledgee. – S. Š.]: Take this pledge until the fixed day [and the pledgee says to him. – S. Š.]. If you do not redeem a pledge [till the determined term. – S. Š.], do not ask it any more’. The judge will not approve that, and [the pledgee. – S. Š.] has to wait until the third time limit. If [the pledgor. – S. Š.] does not redeem [a pledge. – S. Š.] till the third term, after that he can not ask it [property pledged. – S. Š.]” (аще кто заложитъ кою любо вещь. и речеть прикѣи залозъ. во то до коко дне, аще си не откупшишь залозъ. да га векъ не иштеши. да га соудѣа не чюкть за тои нь да га чека то третѣга рока. да аще мѡ до третѣга рока не откупить. да га потым не ище) [15, p. 59]. The article 27, entitled simply “Law” (“Закон”) is similar with the rules of “Syntagma”, treating the cases of pledge lost: “If any [pledgee. – S. Š.] loses a pledge, he has to pay it, and to request a debt. If [the thing pledged. – S. Š.] was destroyed by fire or seized by brigands, the indolence and negligence of pledgee has to be examined. If he has saved his own property, and lost another’s, he is culpable” (аще кто залозъ загубить, да га плати, а долгъ да си оузмет. аще ли га огнь въ незапоу пожежетъ. или разбоиници възхитеть. подовакъ изнати лѣность и нераждение прикѣшомѡ. аще ли кст своя съхраниль, а вина погубивъ повиннь кст) [15, p. 59]. It is interesting to note, that neither “Farmer’s Law”, the main source of so-called “Justinian’s Law”, nor “Procheiron” and “Basilika”, contain such provisions. However, both articles are completely in the genius of Byzantine law.

Serbian charters, promulgated before the Law Code of Stefan Dušan, mention pledge (залоза) only two times. In the King Milutin’s chrysobull, granted to the Hilandar’s pyrgos in Chrousija (1313–1316), Serbian monarch says, that nobody is allowed to take anything given to

the monastery tower (πύργος), and he forbids, that the property, belonging to the Hilandar, could be sold or obtained as a pledge (...ни оу коупно име, ни оу залогоу никонимъ вбразомъ) [11, p. 443]. The same formula was repeated in King Dušan's chrysobull, giving the church of Most Holy Virgin in Lipljan⁷, to the Hilandar's pyrgos in Chrousija [12, p. 43]. It is evident, that a pledge, beside purchase, was considered as one of the ways of alienation of property.

In Dušan's Law Code only the short article 90 treats the pledge: "Pledges, wherever they be, shall be redeemed" (Залогѣ коудѣ се вврѣтаю да се вткоупиѣ) [26, p. 215; 9, p. 70; 8, p. 124; 6, p. 92]. The legislator institutes the right of pledgor to redeem the property, pledged everywhere, he finds it. Above mentioned provision was promulgated to the benefit of debtors (very often Serbs), who delivered precious goods to their creditors (with great frequency Ragusans) and often lost them for ever⁸. That was the reason why Tsar Dušan, in his famous treaty with Dubrovnik (20 September 1349, i.e. only four months after the promulgation of the Code) forbids to the Ragusans to receive pledges from Serbs: "From now and furthermore nobody can take or receive pledges, neither from my imperial or royal nobleman, nor from anyone else who has the power according to my imperial or royal authorization. If someone took it, he has to return the pledge, and if he has given [property pledged. – S. Š.] to the third person, a transaction will be without legal strength" (И вѣ сели напрѣда да не прѣимѣ ни ѡземѣ ник'то залогѣ ни вѣ властелина царьства ми ни краккѣ, ни когалюво дръжаниа царьства ми и краккѣ, к'то ли се вврѣте ѡземѣ да залогѣ тѣзи поврати вптѣть, а за цю к прикль да мѡ се тази кѡпла ѡпад'нѣ) [13, p. 40]. However, at the end of the treaty, after the date and before the signature, was added that already existing pledges will be on legal force, and that they will enjoy the judicial protection (И вще такози ш ними ѡглави царьство ми, цю сѡ залогѣ заложѣнѣ кога люво мала и голѣма иземлѣ царьства ми и краккѣ да се ицѡ сѡдомѣ а прав'домѣ) [13, p. 40]. The same provisions were repeated in the Tsar Uroš's treaty with Dubrovnik (1357, April 25) [21, p. 83].

The pledges were completely abolished in treaty, concluded by city of Dubrovnik (Ragusa) with Kotor (Cataro) 20 September 1181: "Ut

pignora non sint inter Ragusium et Catarum" [10, p. 22].

The special attention is to be paid to the charter of Despot Đurađ Branković, issued in the city of Smederevo on May 10, 1450. This charter was written in Latin and granted in favour of John Hunyadi (c. 1406–1456)⁹, Governor of the Kingdom of Hungary ("Johannes de Hwnyad, regni Hungarie gubernator"). Serbian Despot, as well as his wife Irene (Jerina) and his sons Grgur, Stefan and Lazar, agreed that he (John Hunyadi) and his sons Mathias and Ladislaus (Ladislaus) hold the Despot's property in Hungary, towns of Mukachevo (Mwnkach¹⁰), Baia Mare (Rivulidominarum¹¹), Satu Mare (Zathmar¹²), Nemethy¹³, Debrecen (Debreczen¹⁴), and the villages of Bezermen¹⁵, Dada¹⁶ and belonging manors ("possession"), as a pledge ("in pignoraticie") to ensure security for the debt of 155.000 ducats. This debt will be discharged from the annual revenues of Despot's property, estimated on 6.700 ducats. The property had to be delivered up to the debtor after payment of principal [14, pp. 151–174]. Although this document mentions a "contract of pledge", it cannot be considered as a source of Serbian mediaeval law. All rules, concerning the pledge were accomplished in accordance with the customary law of the Kingdom of Hungary (regni consuetudinem pignori) [14, p. 155].

Emphyteusis

Emphyteusis ("ἐμφυτεύσις", from verb "ἐμφυτεύω", word by word "I implant", "I inculcate", "I instill") is a real right over the property of another, consisting in a grant of land by the State or local authority on a long lease or in perpetuity for a ground rent (Cf. D. VI.3).

The chapter XV of the "Procheiron" has a title "Περὶ ἐμφυτεύσεως" [36, pp. 154–155], and contains six provisions, speaking on "emphyteusis" of Church estates. Serbian translator of "Procheiron", i. d. "Zakon gradski", used a word "nasaždenije" ("насажденик", word by word "planting", "implanting")¹⁷ for the title of this chapter in Serbian translation (lit. "О насаждѣнии") [17, p. 302; 4, p. 287a.]. Matheas Blastares introduced a short chapter, entitled "Περὶ ἐμφυτεύσεως" in his "Syntagma" (Synt.E-8) [38, pp. 250–251]. In Serbian translation its correspondence is the

Chapter “Ο *насажденіи*” (Synt.Se.E-8) [5, pp. 263–264]. This chapter represents an interpretation of Justinian’s Novella CXX, chapters 2 and 8 “ΠΕΡΙ ΕΚΠΟΙΗΣΕΩΣ ΚΑΙ ΕΜΦΥΤΕΥΣΕΩΣ ΕΚΚΛΗΣΙΑΣΤΙΚΩΝ ΠΡΑΓΜΑΤΩΝ” (“De alienatione et emphyteosi et locatione et hypothecis et aliis diversis contractibus in universis locis rerum sacrarum”) [32].

In Serbian legal sources we can not find any information on “emphyteusis”.

Conclusion

On the basis of the available legal document we can conclude that the following rights over the property of another were present in Serbian medieval law: servitudes, pledge and emphyteusis. Emphyteusis was mentioned only in the Serbian sources, translated from Greek language, i. e. receptions of Byzantine prototypes, for example: “Procheiron”, to wit “Zakon gradski” and the “Syntagma” of Matheas Blastares; while servitudes and pledge were known in Serbian legal documents as well. However, we are not sure whether all those provisions were applied: the problem lies in the lack of additional, relevant legal sources (verdicts), which could serve as evidence of their application.

NOTES

¹ The scientific editing of the article is realized by Yury Vin.

² Among the different meanings of the term “*работѣ*”, i. e. “works” in plural, Miloš Blagojević did not mention “servitudes” [1, p. 609].

³ Right of leading water over another’s land was mentioned in one Byzantine document of 1373: Anna Palaiologina, with the consent of her consort, sells her estate called Marianna in Kalamaii, which was part of her dowry, to the monastery of Docheiariou. Document says that all rights that seller used, will be transferred to the buyer, including servitude of “*aquaeductus*”, probably from some river [23, no. 42, pp. 235–239]. Cf. [25, p. 253, n. 56].

⁴ As to the translation and the explanatory comments to the Dushan’s Code, made by M. Burr, see also the second part of his publication [27].

⁵ The Trepča Mines (Serbian Cyrillic “*Рудник Трѣпча*”, Albanian “*Miniera e Trepçës*”) is a large industrial complex in Kosovo, located 9 km northeast of Kosovska Mitrovitza. It is one of Europe’s largest lead-zinc and silver ore mine. The enterprise known as Trepča was a conglomerate of 40 mines and factories.

The oldest mine called Stari Trg (Стари Трг, word for word “The Old Market-town”) is one of the rare mines, which was operational from the Roman period. Saxon miners, who came in Serbia in 13th century, built settlements and churches around the mines.

⁶ So called “Justinian’s Law” was a short compilation of 33 articles regulating agrarian relations. The majority of these articles were taken from the famous “Farmer’s Law” (Νόμος Γεωργικός), issued at the end of 7th– the beginning of 8th centuries. This law had been completely translated into the Old Serbian language. Further articles were culled from the “Ecloga”, the “Procheiron” and the “Basilika”. This collection (“Justinian’s Law”) does not exist in a Greek version.

⁷ Lipjlan (Serbian Cyrillic “*Липљан*”, Albanian “*Lipjani*”) is a town and municipality located in the Priština district of Kosovo. According to the census of 2011, the town of Lipjlan has 6.870 inhabitants, while the municipality has 57.605 inhabitants.

⁸ It seems that it was very difficult to a pledgor to redeem his pledge from a pledgee. Maybe, the best evidence is the letter of Tsar Dušan to the Ragusans, dating 30 March 1352: Emperor himself intervenes with Ragusans, that they get back to Prince (“*knez*”) Vratko the precious girdle, pledged for 118 perpers by Marin Bunić [18, p. 20].

⁹ Hungarian “*Hunyadi János*”, Romanian “*Ioan*” or “*Tancu de Hunedoara*”, Serbian “*Sibinjanin Janko*” (Сибињанин Јанко), famous Hungarian military commander and statesman (esp. 1441–1456).

¹⁰ Modern “*Mukachevo*” (Ukrainian and Russian “*Мукачево*”, Hungarian “*Munkács*”), a city located in the valley of the Latorica river in Zakarpattia Oblast (Province) in Western Ukraine. The population is 86.339.

¹¹ Today “*Baia Mare*”, municipality along the Săsar River in northwestern Romania (Hungarian “*Nagybánya*”, German “*Frauenbach*”, Ukrainian “*Бая-Маре*”). The population is 140.738

¹² In present-day “*Satu Mare*”, a city with a population of 102.400 in northwest Romania (Hungarian “*Szathmárnémeti*”, German “*Sathmar*”).

¹³ Hungarian “*Németi*”, Serbian “*Nemci*” (Немци), i. e. “*Germans*”, small city close to Satu Mare.

¹⁴ Hungarian “*Debrecen*”, Romanian “*Debrețin*”, German “*Debrezin*”, Czech and Slovak “*Debrecin*”, Serbian “*Дебрецин*”, Hungary’s second largest town. The population is 213.700.

¹⁵ Modern “*Hajdúböszörmény*”, a town in northeastern Hungary with a population of approximately 30.000 people.

¹⁶ Modern “*Tiszadada*”, a village in Szabolcs-Szatmár-Bereg county in the Northern Great Plain region of Eastern Hungary. The population is 2.247.

¹⁷ The word “*насажденик*” is obsolete in modern Serbian language, where is used the word “*zasadivanje*” (засађивање).

BIBLIOGRAPHY

1. Благојевић, М. Работе велике и мале / М. Благојевић // Лексикон српског средњег века / приред. С. Ћирковић, Р. Михалчић. – Београд : Knowledge, 1999. – С. 609.
2. Бубало, Ђ. Српски номици: номици и номичке књиге / Ђ. Бубало. – Београд : Византолошки институт САНУ, 2004. – 306 [10] с.
3. Гај, Институције / прев. и предг. О. Станојевић. – Београд : Завод за уџбенике, 2009. – 375 с.
4. Законоправило или Номоканон Светога Саве, Иловички препис 1262. година, фототипија / приред. и прил. М. М. Петровић. – Горњи Милановац : Дечје Новине, 1991. – 800, XLIX [Лл. 1–400 об., Л] с.
5. Матије Властара Синтагмат. Азбучни зборник византијских црквених и државних закона и правила, словенски превод времена Душанова / уред. Ст. Новаковић. – Београд : Српска Краљевска Академија ; Н. Кристић, 1907. – LXXXVIII, 621 с.
6. Душанов Законик / приред. Ђ. Бубало. – Београд : Завод за уџбенике; Службени гласник, 2010. – 243 с.
7. Марјановић-Душанић, С. Повеља краља Стефана Душана манастиру Хиландару, 1336/1337 / С. Марјановић-Душанић, Т. Суботин-Голубовић // Стари српски архив. – 2010. – Књ. 9. – С. 63–73.
8. Законик цара Стефана Душана. В 4 тт. / уредн. М. Пешикан, И. Грицкат-Радуловић, М. Јовичић. У 4 књ. Књ. 3: Барањски, Призренски, Шишатовачки, Раковачки, Раванички и Софијски рукопис. – Београд : САНУ ; Завод за уџбенике и наставна средства, 1997. – XII, 497 с.
9. Законик Стефана Душана цара српског, 1349 и 1354 / изд. Ст. Новаковић; уред. Р. Михалчић. – Београд : Лирика, 2004. – 13, CLIII, 316 с.
10. Законски споменици српских држава средњег века / прикуп. и уред. С. Новаковић. – Београд : Српска Краљевска Академија, 1912. – XVII, 912 с.
11. Зборник средњовековних ћириличких повеља и писама Србије, Босне и Дубровника. Књ. 1 : 1186–1321 / ред. Д. Синдик; приред. В. Мошин, С. Ћирковић, Д. Синдик. – Београд : Историјски институт, 2011. – 652 с.
12. Ивановић, М. Хрисовуља краља Стефана Душана којом Хиландарском пиргу у Хрусији поклања цркву Св. Богородице у Липљану / М. Ивановић // Стари српски архив. – 2014. – Књ. 13. – С. 33–64.
13. Јечменица, Д. Хрисовуља цара Стефана Душана Дубровчанима са два пратећа акта / Д. Јечменица // Стари српски архив. – 2012. – Књ. 11. – С. 33–58.
14. Крстић, А. Повеља деспота Ђурђа Бранковића о давању у залог поседа у Угарској Јовану Хуњадију / А. Крстић // Стари српски архив. – 2012. – Књ. 11. – С. 151–174.
15. Марковић, Б. Јустинијанов закон. Средњовековна византијско-српска правна компилација / Б. Марковић. – Београд : САНУ, 2007. – 276 с.
16. Мишић, С. Светоарханђеловска хрисовуља / С. Мишић; Т. Суботин-Голубовић. – Београд : Историјски институт, 2003. – 239, [3] с.
17. Морачка Крмчија / изд. Н. Дучић // Дучић, Н. Књижевни радови Нићифора Дучића: (с две слике). У 4 књ. Књ. 4 / Н. Дучић. – Београд : Државна штампарија Краљевине Србије, 1895. – С. 200–467.
18. Споменици србски. У 2 књ. Књ. 2 / препис. М. Пуцић. – Београд : Друштво Србске Слоvesности, 1862. – 178 с.
19. Тарановски, Т. Историја српског права у немањихкој држави. У 4 део. Д. 3 / Т. Тарановски. – Београд : Изд. књижарница Г. Кон, 1935. – VIII, 232 с.
20. Тарановски, Т. Историја српског права у немањихкој држави / Т. Тарановски // Класици југословенског права. У 17 књ. Књ. 12 / приред. С. Аврамовић. – Београд : Службени лист СР, 1996. – 805 с.
21. Чернова, М. А. Хрисовул цара Стефана Уроша Дубровчанам 1357, 25 априла / М. А. Чернова // Стари српски архив. – 2013. – Књ. 12. – С. 79–90.
22. Шаркић, С. Службености у византијском и српском средњовековном праву / С. Шаркић // Зборник радова Византолошког института. – 2013. – Т. 50, Књ. 2. – С. 1003–1012.
23. Actes de Docheiariou. Texte / Ed. dipl. par N. Oikonomidès. – Paris : P. Lethielleux, 1984. – XIV, 397 p.
24. Basilicorum Libri LX. Series A. Text. In 8 vols. Vol. 7 / Ed. H. J. Scheltema, N. Van der Wal. – Groningen : H. D. Tjeenk Willink B.V.; Martinus Nijhoff B.V., 1974. – XXVII, 2435–2733 pp.
25. Bénou, L. Pour une nouvelle histoire du droit byzantine. Théorie et pratique juridiques au XIVe siècle / L. Bénou. – Paris : Éditions de l'Association Pierre Belon, 2011. – XVIII, 395 p.
26. Burr, M. The Code of Stephan Dušan: Tsar and Autocrat of the Serbs and Greeks / M. Burr // The Slavonic and East European Review. – 1949. – Vol. 28, № 70. – P. 198–217.
27. Burr, M. The Code of Stephan Dušan: Part 2. Notes / M. Burr // The Slavonic and East European Review. – 1950. – Vol. 28, № 71. – P. 516–539.
28. Constantini Harmenopuli Manuale legum sive Hexabiblos cum appendicibus et legibus agrariis / III. G.E. Heimbach. – Aalen : Scientia, 1969. – [Repr. Lipsiae : T.O.Weigel, 1851]. – XXXII, 1003 p.
29. Corpus Iuris Civilis / Op. R. Schoell, abs. G. Kroll, P. Krueger, Th. Mommsen. Ed. stereot. 7. In 3 vols. Vol. 1: Digesta / recogn. Th. Mommsen. – Clark, New Jersey : The Lawbook Exchange LTD, 2010. – [Repr. Berolini : apud Weidmannos, 1895]. – P. 1–882.

30. Corpus Iuris Civilis. Vol. 1 : Institutiones / Op. R. Schoell, abs. G. Kroll, P. Krueger, Th. Mommsen ; recogn. P. Krueger. – Ed. stereot. 7. – Clark, New Jersey : The Lawbook Exchange LTD, 2010. – [Pepr. Berolini : apud Weidmannos, 1895]. – P. 1–56, XXXVIII.

31. Corpus Iuris Civilis. In 3 vols. Vol. 2 : Codex Iustinianus / Op. R. Schoell, abs. G. Kroll, P. Krueger, Th. Mommsen ; recogn. P. Krueger. – Ed. stereot. 7. – Clark, New Jersey : The Lawbook Exchange LTD, 2010. – [Repr. Berolini : apud Weidmannos, 1895]. – P. 1–513.

32. Corpus Iuris Civilis. In 3 vols. Vol. 3 : Novellae / Op. R. Schoell, abs. G. Kroll, P. Krueger, Th. Mommsen ; recogn. R. Schoell, abs. G. Kroll. – Ed. stereot. 7. – Clark, New Jersey : The Lawbook Exchange LTD, 2010. – [Repr. Berolini : apud Weidmannos, 1895]. – P. 1–808.

33. Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos' V / hrsg. v. L. Burgmann. – Frankfurt a/Main : Löwenklau-Gesellschaft E. V., 1983. – XVII, 282 S.

34. Fögen, M. Th. Das Lexikon zur Hexabiblos aucta / M. Th. Fögen // Fontes minores. Bd. 8: Lexica iuridica byzantina / hrsg. v. L. Burgmann, M. Th. Fögen, R. Meijering, B. H. Stolte. – Frankfurt a/Main : Löwenklau-Gesellschaft E. V., 1990. – S. 153–214. – (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte ; Bd. 17 / hrsg. v. D. Simon).

35. Iulije Paulo, Sententiae / prered. i prev. A. Romac. – Zagreb : Latina et Graeca, 1989. – 291 p.

36. Jus Graecoromanum. In 8 vols. Vol. 2 / cura J. Zepos, P. Zepos. – Aalen : Scientia, 1962. – [Repr. Ἀθήνα : Γεώργιος Φέξης, 1931]. – XV, 427 p.

37. Ulpijan, Knjiga regula / prered. i prev. A. Romac. – Zagreb : VPA, 1987. – 116 p.

38. Σύνταγμα τῶν Θείων καὶ Ἱερῶν Κανόνων. In 6 T. T. 6. Ματθαίου τοῦ Βλασταρέως Σύνταγμα κατὰ στοιχείον / Ἐκδ. Γ.Α. Ῥάλλη, Μ. Ποτλῆ. – Ἀθήνα : Κ. Μ. Γρηγόρης, 1966. – [Repr. Ἀθήνησιν : ἐκ τῆς τυπογράφ. Γ. Χαρτοφύλακος, 1859]. – I', 620 σ.

REFERENCES

1. Blagojević M. Rabote velike i male [The Services Great and Small]. Ćirković S., Mihaljčić R., ed. *Leksikon srpskog srednjeg verka* [Ćirković S., Mihaljčić R., ed. The Lexicon of Serbian Middle Ages]. Belgrade, Knowledge, 1999, p. 609.

2. Bubalo Đ. *Srpski nomitsi: nomits i nomichke knjigi* [The Serbian Nomiks: nomiks and nomik's books]. Belgrade, Institute for Byzantine Studies, Serbian Academy of Sciences and Arts, 2004. 306 [10] p.

3. Stanojević O., ed. *Gaj. Institucije* [Gai, Institutiones]. Beograd, Zavod za udžbenike Publ., 2009. 375 p.

4. Petrović M. M., ed. *Zakonopravilo ili Nomokanon Svetoga Save, Ilovichki prepis*

1262. godina. Fototipija [The Zakonopravilo or Nomocanon of Saint Sava, The Ilovica Manuscript from 1262. Photoprint reproduction]. Gornji Milanovats, Dechje Novine Publ., 1991. 800, XLIX [Ll. 1–400 ob., LI] p.

5. Novaković St., ed. *Matije Vlastara, Sintagmat. Azbuchni zbornik vizantijskikh tsrkvenikh i drzhavnikh zakona i pravila, slovenski prevod vremena Dushanova* [The Syntagma of Matheas Blastares, Alphabetical Collection of Byzantine Canons and Secular Laws, Slavonic Translation from the Epoch of Tsar Dušan]. Beograd, Srpska Kraljevska Akademija Publ., 1907. LXXXVIII, 621 p.

6. Bubalo Đ., ed. *Dushanov zakonik* [The Dušan's Law Code]. Beograd, Zavod za udžbenike, Sluzhbeni glasnik Publ., 2010. 243 p.

7. Marjanović-Dušanić S., Subotin-Golubović T. Povelja kralja Stefana Dushana manastyru Khilandaru, 1336/1337 [The King Dušan's Charters to the Monastery of Hilandar, 1336/1337]. *Stari srpski arhiv* [Old Serbian Archive], 2010, vol. 9, pp. 63–73.

8. Pešikan M., Gricat-Radulović I., Jovičić M., eds. *Zakonik tsara Stefana Dushana* [Codex imperatoris Stephani Dušan]. In 4 vols. Vol. 3: *Codd. Mss. Baraniensis, Prizrensis, Šišatovacensis, Rakovacensis, Ravanicensis et Sofiensis*. Beograd, SANU, Zavod za udžbenike Publ., 1997. XII, 497 p.

9. Novaković S., Mihaljčić R., eds. *Zakonik Stefana Dushana Tsara srbskog, 1349 i 1354* [The Code of Stefan Dušan, Tsar of the Serbs, 1349 and 1354]. Beograd, Lirika Publ., 2004. 13, CLIII, 316 p.

10. Novaković S., ed. *Zakonski spomenitsi srpskikh drzhava srednjego veka* [The Legal Sources of Mediaeval Serbian States]. Beograd, Srpska Kraljevska Akademija Publ., 1912. XVII, 912 p.

11. Mošin V., Ćirković S., Sindik D., eds. *Zbornik srednjovekovnikh ćirilichkikh povelja I picama Srbije, Bosne i Dubrovnika* [The Collection of Mediaeval Cyrillic Charters and Letters of Serbia, Bosnia and Dubrovnik]. Vol. 1, *1186–1321*, Beograd, Istorijski institute Publ., 652 p.

12. Ivanović M. Khisovulja kralja Stefana Dushana kojom Khilandarskom pirgu u Khrusiji poklanja tsrkvu Sv. Bogoroditse u Lipljanu [The Chrysobull of King Stefan Dušan in Which He Donated to Hilandar Pyrgos in Chroussia the Church of Saint Virgin Mary in Lipljan]. *Stari srpski arhiv* [Old Serbian Archive], 2014, vol. 13, pp. 33–64.

13. Ječmenica D. Khisovulja tsara Stefana Dushana Dubrovchanima sa dva prateća akta [The Tsar Dušan's Chrysobull to Ragusans with Two Following Acts]. *Stari srpski arhiv* [Old Serbian Archive], 2012, vol. 11, pp. 33–58.

14. Krstić A. Povelja despota Đurđa Brankovića o davanju u zalog poseda u Ugarskoj Jovanu Khunjadiju [The Charter of Despot Đurađ Branković

on the Giving Some Estates in Hungary as a Pledge to John Hunyadi]. *Stari srpski arhiv* [Old Serbian Archive], 2012, vol. 11, pp. 151-174.

15. Marković B. *Justinijanov zakon. Srednjovekovna vizantijsko-srpska pravna kompilatsija* [The Justinian's Law. Byzanto-Serbian Medieval Legal Compilation]. Belgrade, SANU Publ., 2007. 276 p.

16. Mišić S., Subotin-Golubović T. *Svetoarkhandelovska khrisovulja* [The St. Archangels' Chrysobull]. Belgrade, Institute of History, 2003. 239, [3] p.

17. Dučića N., ed. Morača Kormčaya [The Morachka Kormchaya]. Dučić N. *Književni radovi Ničifora Dučića: (s dve slike)* [The Book's Works of N. Dučić: (with two pictures)]. In 4 vols. Vol. 4. Beograd, Državna štamparija Kraljevine Srbije, 1895, pp. 200-467.

18. Pucić M., ed. *Spomenitsi srpski* [Serbian Monuments]. In 2 vols. Vol. 2, Beograd, Drushstvo Srpske Slovesnosti Publ., 1862.

19. Taranovski T. *Istorija srpskog prava u nemanjičkoj drzhavi* [History of Serbian Law in Nemanjić's State]. In 4 vols. Vol. 3, Beograd, Izd. knizharnitsa G. Kon Publ., 1935. VIII, 232 p.

20. Taranovski T. *Istorija srpskog prava u nemanjičkoj drzhavi* [The History of Serbian Law in Nemanjić's State]. *Classics of Yugoslav Law*. In 17 vols. Vol. 12. Beograd, Sluzhebni list SR Publ., 1996. 805 p.

21. Tschernova M. A., Khisobul tsarja Urosha Dubrovchanam [The Chrysobull of Emperor Stefan Uroš to the Ragusans, 1357, April 25th]. *Stari srpski arhiv* [Old Serbian Archive], 2013, vol. 12, pp. 79-90.

22. Šarkić S. *Sluzhebnosti u vizantijskov i srpskom srednjovekovnom pravu* [Servitudes in Byzantine and Serbian Medieval Law]. *Zbornik radova Vizantološkog instituta* [Recueil de travaux de l'Institut d'études byzantines], 2013, vol. 50, pt. 2, pp. 1003-1012.

23. Oikonomidès N., ed. *Actes de Docheiariou*. Texte. Paris, P. Lethielleux, 1984. XIV, 397 p.

24. Scheltema H.J., Wal N. van der, eds. *Basilicorum Libri LX. Series A. Text*. In 8 vols. Vol. 7. Groningen, Tjeenk Willink B.V.; Martinus Nijhoff B.V., 1974. XIII, 3021-3476 pp.

25. Bénou L. *Pour une nouvelle histoire du droit byzantin, Théorie et pratique juridiques au XIVe siècle*. Paris, Éditions de l'Association Pierre Belon, 2011. XVIII, 395 p.

26. Burr M. The Code of Stephan Dušan: Tsar and Autocrat of the Serbs and Greeks, *The Slavonic and East European Review*, 1949, Vol. 28, no 70, pp. 198-217.

27. Burr M. The Code of Stephan Dušan: Pt. 2. Notes. *The Slavonic and East European Review*, 1950, vol. 28, no. 71, pp. 516-539.

28. Heimbach G.E., ed., *Constantini Harmenopuli Manuale legum sive Hexabiblos cum appendicibus et legibus agrariis*, Aalen, Scientia, 1969. [Repr. Lipsiae, T.O. Weigel, 1851]. XXXII, 1003 p.

29. Schoell R., Kroll G., Krueger P., Mommsen Th., eds. *Corpus Iuris Civilis*. In 3 vols. Vol. 1, Mommsen Th., ed. *Digesta*. Ed. stereot. 7. Clark, New Jersey, The Lawbook Exchange LTD, 2010, [Repr. Berolini, apud Weidmannos, 1895], pp. 1-882.

30. Schoell R., Kroll G., Krueger P., Mommsen Th., eds. *Corpus Iuris Civilis*. In 3 vols. Vol. 1, Krueger P., ed. *Institutiones*. Ed. stereot. 7. Clark, New Jersey, The Lawbook Exchange LTD, 2010, [Repr. Berolini, apud Weidmannos, 1895], pp. 1-56, XXXVIII.

31. Schoell R., Kroll G., Krueger P., Mommsen Th., eds. *Corpus Iuris Civilis*. In 3 vols. Vol. 2, Krueger P., ed. *Codex Iustinianus*. Ed. stereot. 7. Clark, New Jersey, The Lawbook Exchange LTD, 2010, [Repr. Berolini, apud Weidmannos, 1895], pp. 1-513.

32. Schoell R., Kroll G., Krueger P., Mommsen Th., eds. *Corpus Iuris Civilis*. In 3 vols. Vol. 3, Schoell R., Kroll G., eds. *Novellae*. Ed. stereot. 7. Clark, New Jersey, The Lawbook Exchange LTD, 2010, [Repr. Berolini, apud Weidmannos, 1895], pp. 1-808.

33. Burgmann L., Hrsg. *Ecloga, das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos' V*. Frankfurt a/Main 1983. 282 p.

34. Fögen M. Th., ed. *Das Lexikon zur Hexabiblos aucta, Fontes minores*. Vol. 8, Burgmann L., Fögen M. Th., Meijering R., Stolte B.H., eds. *Lexica iuridica byzantine*. Frankfurt a/Main, Löwenklau-Gesellschaft E. V, 1990, pp. 153-214. (Simon D., ed. *Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte*; vol. 17).

35. Romac A., ed. *Iulii Pauli, Sententiae ad filium*. Zagreb, Latina et Graeca, 1989. 291 p.

36. Zepos J., Zepos P., eds. *Jus Graecoromanum*. In 8 vols. Vol. 2. Aalen, Scientia, 1962, [Repr. Athens, Geörgios Pheksēs Publ., 1931]. XV, 427 p.

37. Romac A., ed. *Ulpiani, Regularum liber singularis*. Zagreb, VPA, 1987. 116 p.

38. Rallēs G.A., Potlēs M., eds. *Syntagma tōn Theiōn kai Ierōn Kanonōn* [Syntagma of the Divine and Sacred Canons]. In 6 vol. Vol. 6. Matthaïou tou Blastarēs Syntagma kata stoicheion [The Alphabetical Syntagma of Matthaïos Blastares]. Athens, K.M. Grēgorēs Publ., 1966 [Repr. Athens, ek tēs typograph. G. Chartophylakos, 1859]. X, 620 p.

Information About the Author

Srđan Šarkić, Doctor of Legal History, Professor, Faculty of Law, University of Novi Sad, Dositeja Obradovića Sq., 1, 21000 Novi Sad, Serbia, srdjansarkic@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4899-4126>

Информация об авторе

Срджан Шаркич, доктор истории права, профессор, юридический факультет, Университет в Нови Сад, пл. Досифея Обрадовича, 1, 21000 г. Нови Сад, Сербия, srdjansarkic@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4899-4126>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.14>

UDC 94“12/13”:321
LBC 63.3(0)4-93

Submitted: 01.07.2020
Accepted: 23.12.2020

**DIARCHY? THE SYSTEM OF CO-RULERSHIP IN BYZANTIUM
AT THE TURN OF THE 13th – 14th CENTURIES
AND ITS IMPACT ON THE SITUATION IN THE STATE**

Pavel I. Lysikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The study is dedicated to the system of co-rulership in Byzantium in the early Palaiologan period. Our goal is to determine the role of the Byzantine emperor, the son and co-ruler of his father, the emperor Andronikos II Palaiologos (1282–1328), Michael IX (1294–1320) in the political destabilization of the empire at the turn of the 13th – 14th centuries by identifying the specific nature of power relations in the state at the time under study. *Methods.* The methodological basis of the study is a systematic approach. The power relations in Byzantium at the turn of the 13th – 14th c. are considered as a system of interconnected elements that perform certain functions in relation to each other and to the system as a whole. The principles of the hermeneutic method allow us to give a holistic interpretation of the sources that form our understanding of the subject under study. *Analysis and Results.* As a result of the study, we found out that the specific nature of power relations in Byzantium at that time was determined by two circumstances. First, by the institutionalization of the co-rulership that occurred during the reign of the first Palaiologoi. It was mostly due to the publication of the prostagma by Michael VIII (1259–1282) in 1272, an important document, many provisions of which, in our opinion, were fully implemented (and, to some extent, even expanded) during the reign of his son Andronikos II. Second, by the division of managerial functions within the ruling family. While Andronikos II dealt with a whole range of issues related to various state activities (fiscal, socio-economic, administrative, political and legal, foreign policy, etc.), the younger basileus concentrated in his hands mainly the command of the army. The isolated position of Michael IX which consisted in his constant stay outside Constantinople and the presence of significant military contingents under his control provided a certain degree of independence for the younger basileus in his military and political decisions which often contradicted those of his father. At the same time, this separate co-existence of two imperial courts in the state with their own staff of courtiers disrupted the unity within a narrow group of the Byzantine elite, led to its disengagement and the appearance of people who associated with the younger emperor their further acquisition of high ranks and broader powers in Byzantium. After the death of Michael IX (1320) this circumstance will have a significant impact on the outbreak of the civil war in the empire (1321–1328).

Key words: Byzantium, Early Palaiologan period, system of co-rulership, Michael VIII Palaiologos, Andronikos II Palaiologos, Michael IX Palaiologos, Catalan revolt.

Citation. Lysikov P.I. Diarchy? The System of Co-Rulership in Byzantium at the Turn of the 13th – 14th Centuries and Its Impact on the Situation in the State. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 180-200. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.14>

УДК 94“12/13”:321
ББК 63.3(0)4-93

Дата поступления статьи: 01.07.2020
Дата принятия статьи: 23.12.2020

**ДВОЕВЛАСТИЕ? СПЕЦИФИКА СИСТЕМЫ СОПРАВИТЕЛЬСТВА
В ВИЗАНТИИ НА РУБЕЖЕ XIII–XIV ВВ.
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СИТУАЦИЮ В ГОСУДАРСТВЕ**

Павел Иванович Лысков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Настоящее исследование посвящено теме соправительства в Византии в период правления ранних Палеологов. Его задача заключается в определении роли византийского императора Михаила IX (1294–1320) – сына и соправителя отца Андроника II Палеолога (1282–1328) – в политической дестабилизации империи на рубеже XIII–XIV вв. посредством выявления специфики системы властных отношений в государстве в изучаемое время. В результате исследования было выяснено, что указанная специфика определялась двумя обстоятельствами: 1) институционализацией системы соправительства, произошедшей в период правления первых представителей палеологовской династии, что было сопряжено в значительной мере с изданием Михаилом VIII (1259–1282) по случаю коронации его сына Андроника (II) (1272) простагмы – важного документа, положения которого, на наш взгляд, были в полной мере реализованы (и в какой-то мере даже расширены) в правление последнего; 2) разделением управленческих функций внутри правящей семьи. В то время как Андроник II занимался решением целого спектра вопросов, связанных с различными сферами жизнедеятельности государства (фискальной, социально-экономической, административной, политико-правовой, внешнеполитической и др.), младший василевс сосредоточил в своих руках главным образом функции командования вооруженными силами империи. Обособленное положение младшего императора, заключающееся в его постоянном пребывании вне столицы, и наличие под его контролем значительных воинских контингентов обеспечивали известную степень самостоятельности Михаила IX в принимаемых им военно-политических решениях, в которых он зачастую вступал в противоречие со своим отцом. В то же время специфически разрозненное существование в Византии двух императорских дворов со своим штатом придворных нарушало единство внутри узкой прослойки византийской элиты, приводило к ее размежеванию и выделению из ее числа определенной группы людей, связывавших с младшим василевсом дальнейшее обретение ими высоких чинов и широких властных полномочий в государстве. После смерти Михаила IX (1320) указанное обстоятельство окажет значительное влияние на начало гражданской войны в империи (1321–1328).

Ключевые слова: Византия, раннепалеологовский период, система соправительства, Михаил VIII Палеолог, Андроник II Палеолог, Михаил IX Палеолог, каталонское восстание.

Цитирование. Лысиков П. И. Двоевластие? Специфика системы соправительства в Византии на рубеже XIII–XIV вв. и ее влияние на ситуацию в государстве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 180–200. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.14>

Введение. Отношения императора Андроника II Палеолога (1282–1328) со своим сыном и соправителем¹ Михаилом IX (1294–1320) на всем протяжении политической карьеры последнего имели достаточно противоречивый характер. Несмотря на то, что в доступных нам источниках не отмечено ни одного открытого конфликта между двумя императорами, отсутствие согласованности в некоторых из принимаемых ими решений так или иначе оказало определенное воздействие на внутри- и внешнеполитическое состояние византийского государства. Задача настоящего исследования, таким образом, заключается в выяснении роли Михаила IX в политической дестабилизации Византии на рубеже XIII–XIV вв. посредством выявления специфики системы властных отношений в империи в указанный период времени.

Общий обзор историографии темы. Поскольку достижение поставленной цели невозможно без выявления особенностей положения Михаила IX в империи как соправите-

ля отца и старшего императора Андроника II, необходимо в первую очередь рассмотреть круг вопросов, связанных с данным политическим феноменом. В целом в специальной литературе, посвященной соправительству, сложилось устойчивое представление о том, что именно в раннепалеологовский период произошла его институционализация, а соправители получили широкие права, которые они не имели в ранне- и средневизантийское время (см.: [11, с. 314; 50, с. 600]). Согласно мнению ряда исследователей, к примеру, Л.-П. Рэйбо, Т.В. Куш, императоры из династии Палеологов (начиная с ее основателя Михаила VIII) воспользовались указанной системой передачи прав на престол, известной еще со времени принципата (о последнем подробнее: [40]), для укрепления династического принципа наследования власти в империи [55, р. 58–60; 3, с. 122сл.]. В этом контексте в качестве наиболее яркого примера для констатации факта изменений, произошедших в положении соправителя в раннепалеологов-

ское время, приводилась именно фигура Михаила IX (см., к примеру: [11, с. 329; 5, с. 581]). В двух специальных трудах, посвященных исследованию личности и различных аспектов государственной деятельности последнего, Б. Ферьянчич и Х. Гиклер пришли к выводу о том, что роль этого соправителя в византийском государстве была беспрецедентна: он обладал титулом, аналогичным титулу императора-отца, имел весьма широкие полномочия (в частности, право на издание императорских актов – грамот привилегий и простагм), командовал вооруженными силами и осуществлял управление целыми областями в европейской части империи [10, с. 347, 353; 35, S. 66] (см. также: [61, σ. 3]).

В то же время некоторые ученые (среди них Ф. Дельгер, Ф. Баришич и Т.В. Куш) заняли более умеренную позицию, указав на чреватость переоценки роли соправителей (в частности, упомянутого Михаила IX) в палеологовское время: по-прежнему «старший» император единственный обладал всей полнотой власти в государстве, тогда как «младший» замещал его на время отсутствия в столице, а также реализовывал административные функции в провинции. В любом случае, окончательное решение по наиболее важным государственным вопросам всегда оставалось за «старшим» василевсом. Что касается права соправителя на издание самостоятельных грамот и распоряжений, оно было достаточно ограниченным (см. об этом: [31, Nr. 26, col. 34; 1, с. 54сл., прим. 25; 3, с. 123–125]). В целом же следует отметить, что, несмотря на разницу в оценках, все исследователи вопроса так или иначе обратили внимание на значительные изменения, коснувшиеся в изучаемое время практики соправительства в Византии. Положение и круг полномочий Михаила IX в империи могут быть поняты только посредством исследования его деятельности, отраженной в доступном для исследования источниковом материале.

Общий обзор источников. Основными источниками для настоящего исследования являются нарративные сочинения (труды византийских историков, церковных и государственных деятелей Георгия Пахимера [34], Никифора Григоры [46], Иоанна Кантакузина

[38], каталонского хрониста Рамона Мунтнера [26] (английский перевод: [58]), кроме того, краткие (малые) хроники (по изданию: [57]), делопроизводственные источники (официальные письма (по изданию: [45]), в том числе западного происхождения (по изданию: [27])), актовые материалы (императорские грамоты привилегий и простагмы (по изданиям: [2; 12; 13; 14; 15; 19; 25; 37; 44]), а также международные договоры (по изданию: [52])), политические сочинения (трактат Псевдо-Кодина [54]) и данные нумизматики (введенные в научный оборот усилиями специалистов американского византиноведческого центра *Dumbarton Oaks* (по каталогам: [24; 16; 17; 18])).

Анализ. Михаил IX Палеолог родился в 1278 г. от первого брака Андроника II с венгерской принцессой Анной [53, Nr. 21529]. Уже через три года (1281) он был провозглашен своим дедом, императором Михаилом VIII, василевсом (ὁ πάπλος αὐτοῦ Μιχαὴλ ... ὡς βασιλέα παρεῖχε κηρύττεσθαι) [34, vol. 3, p. 99^{28–30}] (о дате: [34, vol. 3, p. 98, note 29]). Последний, стремясь упрочить положение новой правящей династии, постарался обеспечить последовательный переход власти в империи на два поколения вперед. О ранних годах жизни Михаила Палеолога сохранилось крайне незначительное количество информации. В 1290 г. (датировка: [33, p. 16sq.]) его отец, император Андроник II, отправившись в восточные области империи, по словам Пахимера, занялся среди прочего устройством брака старшего сына с титулярной императрицей Константинополя Катериной де Куртене [34, vol. 3, p. 171^{7–13}] (без успеха: [43, p. 48–54]). Следующее упоминание его историком относится уже к церемонии коронации, и на этом важном эпизоде следует остановиться подробнее.

21 мая 1294 г. [34, vol. 3, p. 219¹⁰ (без указания года)] (ср.: [57, Nr. 8, S. 76¹⁰]) в соборе Святой Софии Михаил Палеолог был коронован патриархом Иоанном XII императором и соправителем своего отца Андроника II. На следующий день, то есть 22 мая, последний при участии старшего сына пожаловал титул деспота своему младшему сыну Иоанну (от второго брака с Ириной Монферратской). В этом эпизоде Пахимер назвал Михаи-

ла IX βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ [34, vol. 3, p. 221^{18–24}], и это, очевидно, означает, что 21 мая тот в дополнение к титулу βασιλεὺς, который он получил в 1281 г. от своего деда, приобрел новое обозначение – αὐτοκράτωρ, которое до палеологовского времени могло прилагаться только к старшему императору (об этом: [29, S. 136sq.; 49, с. 182сл.; 55, p. 57]). В дальнейшем повествовании историк еще раз касается этой темы, предвзяв рассказ о событиях, имевших место после битвы при Апросе (середина 1305 г.), сообщением, что «обойм самодержавно правящим (αὐτοκρατοροῦσι) василевсам, таким образом, уже шел: одному – 23-й, а другому – 12-й год (с начала правления. – П. Л.)» [34, vol. 4, p. 615^{3–4}]². Отсюда следует, что, с точки зрения Пахимера, положение Михаила IX как соправителя с мая 1294 г. было формально идентичным положению старшего императора. Этот факт в числе прочих, как уже было сказано выше, дал исследователям его биографии основание утверждать, что именно в этот период соправительство в Византии претерпело некоторые, достаточно значимые, изменения. В то же время они отмечали, что уже Андронику II его отцом во время коронации были предоставлены исключительные полномочия, которые впоследствии им же были расширены и переданы старшему сыну [10, с. 337; 35, S. 55–57].

Для понимания сути вопроса следует обратиться к эпизоду коронации Андроника II, имевшей место 8 ноября 1272 года³. Несмотря на прерогативы, которыми, согласно изданной Михаилом VIII по этому случаю простагме, он наделял соправителя, и относительное формальное уравнивание со старшим императором, положение первого достаточно определенно формулировалось как второстепенное относительно положения отца. Младший император в присутствии старшего императора фактически лишался права на осуществление своих полномочий, среди которых следует особо выделить: председательство в суде [37, S. 41^{59–73}], организацию и проведение военных экспедиций [37, S. 38^{22–39}, 40^{73–78}], рассмотрение жалоб жителей областей и городов на налоговых чиновников (κατὰ τοῦ ἐνεργούντος) и вынесение по ним решений (вплоть до их смещения и замены) [37, S. 41^{95–105}]. Кроме того, соправитель имел прерогативу на-

граждать отличившихся и наказывать провинившихся солдат посредством увеличения или изъятия их проний [37, S. 40^{78–41}⁹⁵]⁴. Все вышеперечисленные полномочия младший василевс мог осуществлять исключительно *вдали от* старшего императора, что выражено в источнике следующими сочетаниями: ἀπὸν αὐτῆς (находясь вдали от нее (моей царственности. – П.Л.)) [37, S. 37³], ἐν τῷ ἀποδημεῖν σε τῆς βασιλείας μου (в то время, когда ты находишься вдали от моей царственности) [37, S. 38^{6–7.14}], ἐκτὸς τῆς βασιλείας μου (вдали от моей царственности) [37, S. 39³²], εἰ δὲ ἀποδημεῖς (если же ты находишься вдали (от моей царственности. – П.Л.)) [37, S. 39⁴³], ἀποδημῶν τῆς βασιλείας μου (находясь вдали моей царственности) [37, S. 40^{59–60}, 41¹⁰⁶]. Обо всех самостоятельно принятых решениях соправитель был обязан отчитываться перед отцом, что отражено во фразе: ταῦτα δὲ πάντα ποιήσεις τῆς βασιλείας μου ἀποδημῶν, ὀφείλων δίδόναι ἐπὶ πᾶσιν εἰδήσεις τῇ βασιλείᾳ μου, κἂν ὅπου ἂν ἡ βασιλεία μου τύχη διάγουσα (все же это ты будешь делать, находясь вдали от моей царственности, будучи обязанным давать обо всем знать моей царственности, где бы моя царственность волею обстоятельств ни находилась) [37, S. 41^{105–108}]. Особо отметим, что решения по ряду важных вопросов могли приниматься младшим императором только с согласия отца [37, S. 40^{68–73}, 41^{81–84}]⁵. В то же время в простагме вроде бы ясно проводится идея формального равенства обоих императоров в сфере презентации императорской власти, но даже и здесь Михаил VIII не избежал важных уточнений, которые помогают скорректировать наше представление о положении соправителя в раннепалеологовский период⁶.

Таким образом, на основании данных простагмы допустимо сделать следующий предварительный вывод. С точки зрения издателя акта (старшего императора), младший император приобретал право на осуществление своих властных функций, лишь находясь вдали от отца (в провинции, во время совершения военных походов, а также, возможно, в Константинополе, когда старший император отсутствовал в столице) (ср.: [37, S. 57; 55, p. 59; 54, p. 428sq.]). Исходя из этого, положение соправителя можно охарактеризовать сле-

дующим образом: заместитель старшего василевса во время его отсутствия в столице и в то же время носитель императорской власти за ее пределами с достаточно ограниченным – следует признать – кругом полномочий. При этом ввиду особого порядка их осуществления младший император был всецело подконтролен старшему, в ряде случаев не имея права действовать без санкции последнего. Безусловно, все вышеперечисленные доводы не позволяют нам признать соправителя равным отцу по положению и месту в империи.

Обратимся к нарративным данным. В эпизоде коронации Андроника II Пахимер отмечает, что соправитель получил от отца право издавать распоряжения и подписывать их как император, но без использования менологемы (προστάσσειν καὶ ὑπογράφειν βασιλικῶς, πλὴν οὐ μηνολογεῖν) [34, vol. 2, p. 415³⁻⁶], то есть заключительной формулы документа, состоящей из указания месяца и индиктиона⁷. Наконец, император, по словам историка, предоставил сыну для подписи императорских грамот необычную формулу, которая приводится в тексте как Ἀνδρόνικος Χριστοῦ χάριτι βασιλεὺς Ῥωμαίων [34, vol. 2, p. 415⁵⁻⁶] (ср.: [46, p. 109²⁰⁻²³]), отличную от стандартной императорской формулы, неизменной с конца XI в. (*преномен ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων номен*) (об этом: [30, S. 123]). Кроме того, Михаил VIII обязал сына поклясться в том, что он не будет втайне устраивать заговоры против старшего императора, но станет подчиняться ему (μη ἐπιβουλεύοι, ἀλλ' ὑποτάττοιτο) [34, vol. 2, p. 415⁶⁻⁸].

Следует обратить внимание на то, что ряд свидетельств Пахимера, как правило, достаточно точного в изложении материала и заслуживающего доверия автора, не подтверждаются дошедшими до нас свидетельствами делопроизводственных и актовых источников. Так, формула, которую употребил Андроник II, подписав официальное письмо к папе Иоанну XXI, относящееся к апрелю 1277 г. (Ἀνδρόνικος ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων, Δούκας Ἀγγελοῦ Κομνηνὸς ὁ Παλαιολόγος) [45, пг. 6, p. 21¹⁹⁸⁻²⁰⁰], как мы видим, ничем не отличается от стандартной императорской

формулы⁸. Согласно другому документу, а именно хрисовулу сигиллию от ноября 1281 г.⁹, соправитель уже к этому времени приобрел право подписывать издаваемые им документы менологемой [13, no. 27, p. 200³⁴], тогда как Пахимер даже специально подчеркнул указанное обстоятельство в своем сочинении: после смерти отца (1282) новый василевс «отправил патриарху простагму, *впервые* поставив менологему» (πρώτως μηνολογησάμενος) [34, vol. 3, p. 21¹⁰⁻¹¹].

В историографии вопроса эти противоречия в источниках также не остались незамеченными. Ф. Дельгер и поддержавший его Г.А. Острогорский предположили, что право обозначаться как автократор Андроник II, приобрел, вероятно, в 1272 г. и утерянное начало вышеупомянутой простагмы содержало в себе указание на этот факт [28, S. 141; 49, с. 183]. Е. Христофилопулу посчитала, что указанное письмо соправителя должно свидетельствовать о присвоении ему обозначения αὐτοκράτωρ в период с ноября 1272 и не позднее апреля 1277 г. (дата составления письма). До этого момента он обозначался лишь как василевс, и его положение было идентично (ὄμοιο) положению Михаила IX, которое тот занимал до своей коронации, с 1281 по 1294 гг. [62, σ. 186–188]. Наконец, А. Файе опроверг доводы своей греческой коллеги, заключив (на основании содержания двух стихотворений придворного поэта Мануила Оловола), что уже по случаю коронации 1272 г. младший император получил право использовать обозначение βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ и что Пахимер по каким-то причинам в своих расчетах не прибавил годы соправительства Андроника II к периоду его самодержавной власти [32, p. 247–251]¹⁰. Б. Ферьянчич примкнул к мнению французского исследователя [11, с. 323сл.]. Следует заключить, что подобную коллизию объяснить достаточно не просто, поскольку (если приобретение Андроником II права именоваться автократором произошло все же во время коронации) младший император должен был впервые использовать указанную императорскую формулу уже в преамбуле собственноручно составленного им символа веры, который он вручал патриарху в самом начале церемонии (об этом: [7, с. 102–104])¹¹. Этот факт, полагаем, не избежал бы

внимания Пахимера, хотя в это время он еще не занимал важных церковных и государственных должностей. Оставляем вопрос открытым.

Итак, исходя из сведений источников, следует отметить, что уже в правление Михаила VIII (1259–1282) положение соправителя начинает формально уравниваться с положением его отца и старшего императора. Это выражалось как в официальной терминологии, так и в дворцовом церемониале и служило цели презентации власти Палеологов и продвижения и закрепления в византийском обществе определенной «династической идеи» (см: [3, с. 122–125]). В то же время фактическое положение соправителя в системе государственного управления в указанное время, конечно, нельзя охарактеризовать как сколько-нибудь равное положению старшего императора. Как уже ранее отмечалось, полномочия младшего василевса, закрепленные юридически простагмой 1272 г., были достаточно ограничены, а порядок их осуществления строго регламентировался. При жизни отца Андроник II практически не покидал столицу (за исключением, пожалуй, экспедиции на восток (1280): [34, vol. 2, p. 591²⁷–595¹¹, 599^{15–16}, 627^{14–15}]); в целом же о его деятельности в 1272–1282 гг. сохранилось незначительное количество информации. Официальные документы за его подписью практически отсутствуют и представлены главным образом несколькими посланиями римским папам¹², дублирующими аналогичные по содержанию письма Михаила VIII. Все это позволяет сделать вывод об ограниченном характере участия соправителя в государственных делах.

О деятельности Михаила IX в период его соправительства имеется гораздо больше сведений, что, с одной стороны, может свидетельствовать в пользу наличия у него более широких полномочий, предоставленных ему Андроником II со времени коронации (см. об этом: [10, с. 337]). Тем не менее указанное событие не сопровождалось в этот раз изданием какого-либо официального документа (по крайней мере, нам таковой неизвестен), и потому указанный вывод основывается главным образом на исследовании карьеры Михаила IX и анализа актового материала, к составлению которого он был причастен. Пола-

гаем, зафиксированное источниками участие этого соправителя в социально-экономической, военной и политической жизни византийского государства в изучаемый период времени должно объясняться прежде всего позицией старшего императора и характером отношений внутри императорской семьи. Так, если Андроник II находился в тени отца и действовал всецело согласно его воле¹³, то Михаил IX вел себя в значительной степени более самостоятельно, особенно в военных вопросах, иногда идя наперекор решениям старшего василевса (об этом речь пойдет ниже).

Помимо нарративных данных, к которым мы еще вернемся, нам известно значительное количество актов, изданных этим императором. Бульшая часть из них относится к типу χρυσόβουλλοι λόγοι и имеет стандартную подпись Μιχαήλ ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων (Δούκας Ἄγγελος Κομνηνός) ὁ Παλαιολόγος, аналогичную подписи старшего императора. Всего сохранилось шесть хрисовулов, изданных Михаилом IX за все время его (со)правления, которые завершаются подобной формулой¹⁴. Большинство этих грамот (пять) представляет собой акты, подтверждающие хрисовулы Андроника II, поэтому их нельзя назвать самостоятельными.

Так, хрисовул, датированный июлем 1300 г. [13, no. 20, p. 179sq.], посредством которого сербскому кралю Стефану Урошу II Милутину даровалась деревня Кастрион в феме Фессалоники вкупе со всей округой, выгонами и правами (μετὰ λάσης τῆς περιοχῆς καὶ νομῆς καὶ τῶν δικαίων αὐτοῦ) для последующей передачи монастырю Хиландар, подтверждает грамоту аналогичного содержания, изданную старшим императором месяцем ранее [13, no. 19, p. 177]. Этот факт прямо указывается в тексте: [13, no. 20, p. 179^{9–10}]. Документ от декабря 1316 г. [25, p. 46sq.], которым недвижимое имущество (τὰ οἰκίματα) в Константинополе после смерти его владельца, сына Андроника II от второго брака Иоанна [53, Nr. 21475], передавалось брату последнего Феодору Палеологу, маркизу Монферратскому [53, Nr. 21465], также повторяет изданный ранее (несохранившийся) хрисовул старшего императора аналогичного содержания, на что присутствует указание в тексте: [25, p. 46^{1–3}].

Грамота привилегий Михаила IX от августа 1318 г. [44, р. 106–112] в пользу монастыря Вронтохия в Мистре, которая в основной части подтверждала его имущество и устанавливала в отношении последнего особый правовой режим (ἐλευθέρων παντάλασιν εἶναι καὶ ἀνενόχλητον), следует аналогичным в содержательном плане актам Андроника II¹⁵, неоднократно упоминаемым в тексте [44, р. 108^{20–22}, 23–24, 109²⁸]. Хрисовул, изданный в марте 1319 г. [13, no. 43, р. 272sq.], посредством которого подтверждалось имущество монастыря Хиландар, полученное им от Андроника II по просьбе Стефана Милутина, созвучен акту старшего императора [13, no. 42, р. 267–270], о чем напрямую сообщается в *narratio* документа [13, no. 43, р. 272^{1–17}]. Наконец, акт Михаила IX от октября того же года [13, no. 46, р. 281–283], с подачи сербского крля подтверждавший различное имущество и доходы указанного монастыря, кроме того, имущество, полученное в результате императорских дарений и приобретенное посредством покупок (ἀπὸ ἀγορασιῶν), практически слово в слово повторяет хрисовул его отца [13, no. 45, р. 278–280] (этот факт непосредственно отражен в документе: [13, no. 46, р. 281^{1–3}]).

Таким образом, Михаил IX действительно имел право обозначаться как βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ, что мы видим на примере изданных им императорских актов¹⁶. С точки зрения официальной терминологии, положение старшего и младшего императоров в государстве было идентичным. Впрочем, на что уже обращалось внимание, сохранившиеся хрисовулы Михаила IX в большинстве своем носят подтверждающий характер. Как заметил Б. Ферьянчич, в Византии в начале XIV в. утверждается традиция, в соответствии с которой акты старшего василевса должны были подтверждаться непосредственно (или в какое-то время) после их издания аналогичными по содержанию грамотами его соправителя (и даже второго соправителя, то есть внука Андроника II, также Андроника, с того времени как он был провозглашен василевсом¹⁷ (не позднее февраля 1313 г. [8])) [10, с. 354].

Подобная практика, на наш взгляд, была связана со стремлением императоров-Палеологов укрепить порядок престолонаследия

путем вовлечения в имперское делопроизводство соправителей и подтвердить таким образом в глазах получателей жалованных грамот статус своих детей и внуков как наследников трона и будущих самостоятельных правителей. Кроме того, посредством издания этих актов гарантировалось сохранение права собственности за теми или иными частными лицами и монастырями на конкретное – пожалованное или подтвержденное ранее – имущество в случае смены правителя в результате передачи власти по наследству. Таким образом, для получателей таких грамот непрерывность правящей династии выступала залогом стабильности их собственного материального положения.

Особого же внимания заслуживают так называемые самостоятельные акты, то есть не изданные после идентичных по содержанию грамот старшего императора с целью их подтверждения. Среди сохранившихся оригиналов присутствуют один хрисовул и две простагмы¹⁸. Единственный самостоятельный хрисовул логос Михаила IX, изданный в августе 1310 г. по просьбе обратившихся непосредственно к нему монахов Ивилона (τῆ βασιλείᾳ (sic) μου προσελθόντ(ας) καὶ παρ' αὐτῆς ἐπιζητοῦντας ὁμοίως χρυσοβούλλου τυχεῖν [15, no. 72, р. 184^{37–38}]), подтверждал право собственности монастыря на определенное имущество, а также гарантировал особый правовой режим в отношении последнего и обеспечивал его защиту от посягательств со стороны налоговых агентов (παρὰ τῶν ἐνεργοῦντων) в фемах Фессалоники и Серры, местных епископов и архонтов. В тексте несколько раз упоминаются хрисовулы, которые были изданы ἐν διαφόροις χρόνοις τὲ (καὶ) καιροῖς дедом и подтверждены отцом Михаила IX, то есть Михаилом VIII и Андроником II соответственно (документы №№ 58 (январь 1259) [15, no. 58, р. 90–92] и 62 (июнь 1283) [15, no. 62, р. 114sq.] этого же издания): [15, no. 72, р. 184^{30–33}, 54–57]. Как определил еще Б. Ферьянчич, представленная грамота, в отличие от остальных сохранившихся хрисовулов этого соправителя, имеет все признаки самостоятельного документа, которые издавались и старшими императорами [10, с. 349]. Как и Андроник II (актом от 1283 г.), Михаил IX подтверждал все пожалования, сделанные до него, а так-

же – что имеет в данном контексте определяющее значение – гарантировал новые, которые были добавлены в этот хрисовул по просьбе монахов Ивилона (ἐπεὶ δὲ παρεκλήτευσαν οἱ τοιοῦτοι μοναχοὶ ἵνα προεθεῶσιν ἐν τῷ παρόντι χρυσοβούλλῳ (sic) λόγῳ τῆς βασιλείας μου ...) [15, no. 72, p. 185¹¹⁵–186¹⁴⁵]. Безусловно, отец младшего императора был в курсе дел, на что указывает фраза ἐπεὶ ... π(α)τὴρ βούλεται τοῦτο καὶ διορίζεται βασιλεύς, μᾶλλον δ' εὐεργετεῖ καὶ ἐκχωρεῖ περᾶναι τὴν αὐτῶν αἴτησιν, ἅγει τε πρὸς ἔργον ταύτην ἡ βασιλεία μου καὶ τὸν παρόντα χρυσοβούλλον λόγον ἐπιβραβεύει αὐτοῖς (поскольку ... отец и василевс желает этого и определяет, скорее же оказывает милость и уступает в выполнении их (монахов. – П. Л.) просьбы, моя царственность приступает к ее исполнению и жалует им настоящий хрисовул логос) [15, no. 72, p. 184^{50–52}], и, по всей видимости, с его согласия рассматриваемый документ и увидел свет. Тем не менее факт того, что монахи Ивилона обратились с этой целью именно к Михаилу IX, а не к его отцу, может свидетельствовать о том, что к этому времени в сознании определенных категорий византийского населения (в данном случае афонского монашества) уже закрепились активно продвигаемая первыми Палеологами идея равенства двух императоров.

Две простагмы указанного соправителя также являются по своему содержанию самостоятельными распоряжениями. Одна из них, изданная для урегулирования имущественного спора между монастырями Зограф и Лавра, своим издателем Ф. Дельгером была поначалу отнесена к сентябрю 1333 г., следовательно, приписана авторству сына Михаила IX Андроника III (1328–1341) [19, Nr. 18, S. 60–62; 56, T. 4, S. 152sq., Nr. 2795], но затем посредством глубокой внешней и внутренней критики передатирована и заново атрибутирована Н. Икономидисом: сентябрь 1318 г., составлена Михаилом IX [47]. На данный момент точка зрения последнего признается более аргументированной (см.: [35, S. 60]). Вторая простагма младшего императора [12, no. 52, p. 127sq.], которая была издана по просьбе кафигумена Хиландара Гервасия в январе 1320 г. с целью урегулирования процесса передачи (частично – в виде пожертвования, частично – через продажу) неким Васи-

лием Моудином своей земельной собственности указанному монастырю, содержит ссылку на хрисовул Андроника II¹⁹, но в содержательном отношении представляет собой самостоятельный документ.

Существование подобных актов может свидетельствовать о том, что соправитель в рассматриваемый период времени был вправе самостоятельно участвовать в решении некоторых вопросов юридического характера без обязательного обращения к старшему императору. Так или иначе, их количество совсем невелико, что не позволяет сделать далеко идущий вывод о степени этого участия. Заключение исследователей биографии Михаила IX о его особых прерогативах (конкретно) в европейской части империи, где он провел большую часть своего правления [10, с. 347, 353; 35, S. 65], отсылает нас к простагме 1272 г. Обратим внимание на то, что все так называемые самостоятельные акты соправителя были изданы в период его практически непрерывного пребывания в провинции, который с небольшими пропусками можно ограничить 1304–1320 гг. (об этом ниже). Кроме того, адресатом обращения получателей этих грамот, как можно заключить их содержания, выступал именно младший император. Очевидно, издание двух административных актов, регулировавших частные случаи в сфере имущественных отношений, Михаил IX осуществил даже без получения на то согласия старшего василевса, тогда как на составление такого значительного документа, как хрисовул логос, судя по всему, потребовалась санкция Андроника II. На основании этого можно предположить, что младший император в изучаемое время действительно имел право на осуществление некоторых властных полномочий *вне* столицы. Они были в значительной степени ограничены старшим императором, который тем не менее постепенно приобщал сына к государственному управлению, при этом вполне определенно расценивая его положение как второстепенное относительно своего собственного. Данные других источников должны дополнить или скорректировать наше представление о месте Михаила IX в системе властных отношений в империи в рассматриваемый период времени²⁰.

Из двух исследователей биографии Михаила IX Палеолога лишь Х. Гиклер уделила внимание важным нумизматическим свидетельствам [35, S. 191–193]. Действительно, еще один из крупнейших специалистов в области византийской нумизматики Ф. Грирсон заметил, что Андроник II нарушил двухсотлетнюю традицию, начатую Алексеем I Комнином (1081–1118) и продолженную Михаилом VIII, согласно которой соправитель изображался на монетах нерегулярно и по особым случаям (к которым относилась, в частности, коронация последнего). Со времени коронации и до его смерти изображение Михаила IX прочно закрепилось в имперской чеканке [36, p. 284, 286]. Монеты некоторых видов с изображением обоих василевсов на реверсе (с огромным числом вариаций) зачастую окаймлялись круговой легендой ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΕΣ ΡΩΜΑΙΩΝ (в редких случаях она присутствовала также на аверсе), что, вероятно, отражало стремление Андроника II к публичной демонстрации внешнего равенства императоров (см., к примеру: [24, vol. 5, pt. 1, p. 143]): иперпиры (нечасто, см.: [16; 17; 18]), василиконы [24, vol. 5, pt. 2, pl. 31, nos. 513–527, pl. 32, nos. 528–540], ассарии [24, vol. 5, pt. 2, pl. 39, nos. 677–692, pl. 40, nos. 694–711]. Таким образом, чеканка в рассматриваемое время зафиксировала некоторые изменения в презентации власти младшего василевса.

Так или иначе, несмотря на то, что первые Палеологи активно продвигали концепцию двоевластия в империи, всячески стирая различия в образах обоих императоров в том числе и в глазах иностранцев (на что указывают доступные нам источники), актовый материал исследуемого времени, связанный с международными контактами Византии, отражает явный диссонанс между имперской идеологией и реальным положением вещей. Во всех известных нам документах подобного рода, относящихся ко времени соправительства Михаила IX, всегда упоминается лишь один византийский император. Имя младшего василевса не фигурирует ни в одном договоре, как нет и международных актов, составленных от его имени (об этом с примерами: [10, с. 343, прим. 47]) (см. также договоры с генуэзцами Перы: [52, no. 9, p. 103sq. (май 1303), no. 10, p. 105–110 (март 1304), no. 12,

p. 110–115 (март 1308)]). Всей полнотой внешнеполитических полномочий обладал единственно Андроник II, тогда как его сын и соправитель сосредоточился в первую очередь на непосредственном осуществлении военных функций (об этом ниже).

Теперь вернемся к нарративным данным, на основании которых мы попробуем проследить *cursus honorum* Михаила IX. Первый эпизод с участием младшего императора в военно-политической жизни империи относится к началу XIV в. В апреле 1302 г. он отправился на восток, чтобы возглавить запланированное наступление против турок, усиливших военный натиск на Византию. Кампания завершилась без успеха: войско соправителя, усиленное наемниками-аланами, незадолго до того перешедшими на службу в империю, отступило без боя, а Михаилу IX пришлось запереться в Магнисии у Сипила [34, vol. 4, p. 341^{16–35}, 343²–345¹⁰] (ср.: [46, p. 205²¹–207⁶]). В столицу последний вернулся лишь 24 января 1304 г. Вероятно, опасаясь, как бы бесславный поход младшего василевса не отразился на его авторитете, Андроник II устроил для сына и соправителя церемониальный вход в город «словно какому-нибудь триумфатору под многие славословия» (ὡσπερ τις τροπαιοῦχος ὑπὸ πολλαῖς ταῖς εὐφημίαις) [34, vol. 4, p. 427^{13–16}, 445^{2–18}] (датировка: [33, p. 44–53]).

Неудача первого самостоятельного похода Михаила IX была связана, очевидно, с отсутствием у него достаточного боевого опыта для руководства крупномасштабными военными операциями. Тем не менее его поражение весьма симптоматично: большая часть из известных нам по источникам вооруженных акций, когда-либо предпринимавшихся Михаилом в наступательных или оборонительных целях, не была успешна, что демонстрирует слабость его как военачальника, тактика, стратега. Отступление войска младшего василевса (в совокупности с последовавшим вскоре поражением византийцев в битве при Вафии [34, vol. 4, p. 359^{3–7}, 367^{3–26}]) вынудило Андроника II принять неожиданную помощь со стороны [34, vol. 4, p. 433^{12–22}] (ср.: [26, p. 379sq. = 58, p. 481sq.]). Прибытие в империю наемного каталонского войска во главе с Рожером де Флором оказалось сопря-

жено со значительными расходами казны и имело далеко идущие последствия для Византии. В том числе, оно внесло разлад в отношения между старшим императором и его соправителем.

Еще во время своего пребывания в Малой Азии Михаил IX узнал, что его отец принял каталонцев в Константинополе, пожаловал их лидеру титул великого дуки и отправил на восток для проведения военных операций против турок. В октябре 1303 г. они достигли Кизика, нанесли поражение турецкому отряду, грабившему окрестности города, и расположились там на зимовку [34, vol. 4, p. 437²⁵–439⁷, 457²³–461⁸; 26, p. 385–389 = 58, p. 489–493] (датировка: [33, p. 54sq.]). Младший император, будучи в курсе дел каталонской дружины, которая подвергла кизикийцев грабежу и насилию, отказался впустить в малоазийскую крепость Пегги, где он тогда находился, прибывшего поприветствовать его Рожера де Флора [34, vol. 4, p. 445^{3–8}]. Возвратившись в Константинополь, он предпринял еще более твердые меры, взыскав крупную сумму денег с жителей Пегги, чтобы они не достались каталонцам [34, vol. 4, p. 457^{16–22}]. Два этих эпизода показывают, что Михаил IX с самого начала разошелся с отцом во взглядах в вопросе целесообразности найма каталонцев, осуществленного, по всей видимости, вопреки его мнению и к тому же последовавшего как бы в ответ на унижительное отступление войска младшего василевса. Данными и последующими действиями он открыто демонстрировал свое неприятие тех решений старшего императора, которые ему лично представлялись ошибочными и претворению которых – в силу ограниченности своего положения – он не мог оказать необходимого противодействия.

Длительное пребывание каталонцев в империи в условиях практически полного отсутствия контроля над ними в конечном итоге привело к открытому конфликту между наемниками и византийским населением. Старшему императору с большим трудом удалось убедить великого дуку оставить Малую Азию и переправиться в Галлиполи (осень 1304 г.), но это лишь усугубило ситуацию. У каталонцев закончились деньги, которые они получали в виде жалованья, вследствие чего «компания» приступила к разорению со-

предельных с городом территорий (об этом: [34, vol. 4, p. 527²⁰–529²⁸], ср.: [26, p. 396–398 = 58, p. 503–505]).

Михаил IX в это время находился в Адрианополе, откуда он вел в целом успешно складывавшуюся для византийцев войну с болгарами, ранее опустошившими области во Фракии и тем самым спровоцировавшими конфликт с империей. Согласно Пахимеру, вести о грабительских рейдах каталонцев вызвали возмущение в войске младшего василевса. Узнав о том, что Андроник II собирался отправить к нему каталонский отряд, чтобы таким образом отвести угрозу от византийских территорий и поставить наемников под контроль войска соправителя, Михаил IX письмом предупредил отца о недопустимости подобной меры. Свои опасения он объяснил тем, что «кроме тотчас сразятся с ними и вступят в междоусобные битвы» (ὡς μαχομένων αὐτίκα σφίσι Ῥωμαίων καὶ εἰς ἐμφυλίους καθεστηξόντων μάχας) [34, vol. 4, p. 529²⁹–531²] (об отнесении каталонского восстания к внутренним конфликтам, см.: [42, p. 245]). Кроме того, младший император поставил старшего василевса перед фактом, сообщив, что ему пришлось вручить «клятвенные хрисовулы» (χρυσοβούλλειοι ὄρκοι) своим солдатам, содержание которых, со слов историка, включало в себя два основных положения: 1) обещание солдатам возвращения домой по истечении условленного срока их службы, чтобы они могли позаботиться о своих близких, находившихся в опасности в связи с непрерывными набегами каталонцев; 2) обязательство не принимать в войско каталонцев [34, vol. 4, p. 531^{2–7}]²¹. Данные, очевидно самостоятельные, акты соправителя, значение которых оценено Х. Гиклер достаточно высоко [35, S. 61 (в ед.ч.: ein Chrysobull)], подтверждают то, что нам уже и так было известно: младший василевс имел право издавать собственные акты, не дублировавшие грамоты и распоряжения старшего императора. В этом случае Андроник II лишь *post factum* был извещен о действиях своего сына, более того, они прямо противоречили его собственной позиции в урегулировании отношений с «компанией». Михаил IX, удалившись от столицы, находясь к тому же под влиянием недавно добытых в сражениях с болгарами успехов, на-

чал проявлять очевидно бóльшую самостоятельность в военных вопросах и особенно в том, что касалось войска под его управлением.

Отметим, что, по словам историка, существование крупных византийских воинских контингентов во Фракии являлось для каталонцев значительным сдерживающим фактором, не позволявшим им подвергнуть опустошению более обширную территорию империи [34, vol. 4, p. 549⁸⁻¹²]. Рожер де Флор демагогически называл Михаила IX главной угрозой для каталонцев и письменно благодарил старшего императора за то, что тот удерживал своего сына от нападения на них [34, vol. 4, p. 559²⁷⁻³³, 561⁵⁻⁸]. Так или иначе, после заключения едва достигнутого соглашения со старшим императором о возвращении каталонской дружины обратно на восток и провозглашения кесарем (10 апреля 1305 г.) [34, vol. 4, p. 571²⁻¹⁰ (дата: p. 570, note 82); 26, p. 400sq. = 58, p. 507–509] ее лидер принял труднообъяснимое решение отправиться к младшему василевсу в Адрианополь. Единственная причина, по которой опытный военачальник мог решиться поставить под угрозу свою жизнь и успех экспедиции в целом, на наш взгляд, должна была быть гораздо существенней, нежели, как посчитали некоторые исследователи [43, p. 145sq.; 35, S. 145sq.], простое желание нанести Михаилу IX, с которым он пересекался всего один раз, будучи в Малой Азии, публичное оскорбление. Несмотря на то, что каталонец едва ли вдавался в тонкости византийского соправительства²², он все же не мог не принимать во внимание исключительно высокое положение, которое занимал в империи старший сын Андроника II. Соглашение с императором было для Рожера де Флора достаточно выгодным, однако требования наемников (прежде всего, финансовые) оно удовлетворило лишь частично, поставив перед кесарем задачу поиска альтернативных источников содержания «компании», в русле решения которой каталонец и решил обратиться к «старшему сыну императора Андроника», все это время не принимавшему непосредственного участия в разгоравшемся конфликте (об этом также: [46, p. 224¹⁻⁶; 10, с. 345]).

Во всяком случае, расчет де Флора на младшего василевса не оправдался. Мы предполагаем, что по прибытию каталонцев в Ад-

рианополь в окружении Михаила IX сформировался антикаталонский заговор. Прямых доказательств непосредственного участия последнего в убийстве кесаря, впрочем, у нас нет, однако и Мунтанер [26, p. 404 = 58, p. 513], и Григора [46, p. 224⁶⁻¹⁰] указывают на это со всей определенностью (ср.: [34, vol. 4, p. 575¹⁷⁻¹⁹]). Оно было осуществлено руками аланов, вождем которых, названный Пахимером Георгусом (Γεωργουῦς), а Мунтанером – Гирконом (Gircon), лишился сына в столкновении с каталонцами в ходе малоазийской кампании 1304 г. [34, vol. 4, p. 575⁶⁻¹³] (личный мотив убийства Мунтанером опущен). Не подлежит сомнению, что все эти события (начиная с решения де Флора отправиться к Михаилу IX) происходили вне ведома Андроника II, несмотря на то, что один из каталонских рыцарей – Беренгер д’Энтенса – прямо обвинил его в содеянном в письме к венецианскому дожу Пьетро Градениго²³. Итак, 30 апреля 1305 г. (датировка: [43, p. 146; 33, p. 66sq.]) лидер каталонской дружины был убит во дворце младшего императора в Адрианополе, и практически всех сопровождавших его наемников перебили солдаты младшего императора [34, vol. 4, p. 575⁶⁻⁵⁷⁷] (ср.: [26, p. 404 = 58, p. 513]).

Убийство де Флора – ключевой эпизод византийско-каталонских отношений, до предела обостривший ситуацию в государстве. В целом факт участия в нем Михаила IX не имеет большого значения, поскольку ответственность за последующие события, так или иначе, должна быть возложена на него: смерть каталонского вождя в сложившихся обстоятельствах была недопустима. Младший император, очевидно, не до конца осознавал реальные последствия такой радикальной меры для ослабленного византийского государства. Если Андроник II пытался дипломатическими методами отвести угрозу от империи и направить усилия наемников в нужное русло, то его сын и соправитель продемонстрировал свою политическую недалекость, окончательно развязав руки каталонцам для борьбы с Византией. Последовавшее за этим открытое каталонское восстание на шесть лет (1305–1311) фактически парализовало жизнедеятельность государства и повлекло за собой значительную дестабилизацию его внутривнутриполитического положения.

Попытка противостоять каталонцам в открытом поле, предпринятая Михаилом IX вскоре после убийства де Флора, была обречена на неудачу. Генеральное сражение между противоборствующими сторонами произошло во второй половине июня 1305 г. при Апросе, или Имере (Ἰμέρη). Здесь войско под общим руководством младшего императора потерпело сокрушительное поражение от латинян, а сам Михаил IX едва не погиб в бою [34, vol. 4, p. 599¹⁰–603¹⁶] (ср.: [26, p. 413–415 = 58, p. 523–526; 46, p. 229⁵–232¹] (датировка: [33, p. 71–73]). Поражение при Апросе обусловило в дальнейшем локальный пассивно-оборонительный характер военных действий со стороны императоров в условиях острой нехватки финансовых и людских ресурсов для проведения полномасштабной наступательной операции против каталонцев.

Деятельность Михаила IX в ходе войны с болгарями и восстания каталонцев позволяют несколько прояснить его положение в системе государственного управления. Б. Ферьянчич утверждал, что младший император самостоятельно управлял сначала Фракией, а затем Македонией, что, по его мнению, доказывает ряд фактов, отмеченных в источниках [10, с. 342, 345, 347, 353 сл.]. Тем не менее полномочия соправителя, судя по всему, не ограничивались территорией региона, где он находился в конкретный момент времени, на что указывают данные актовых материалов. Напротив, Михаил IX как василевс имел право решать вопросы различного характера на всей территории империи, исключая Константинополь, где постоянно пребывал старший император. Известно, что Михаил IX сознательно держался подальше от столицы, практически там не бывая. Он устроил свой двор в Адрианополе, одновременно этот город служил ставкой и сборным пунктом, где весной по его приказу собиралось войско [34, vol. 4, p. 565^{16–19}]. То есть пребывание Михаила IX во Фракии (а затем и в Македонии) было сопряжено прежде всего с военной необходимостью. В этом отношении младший император был, по всей видимости, достаточно независим: он самостоятельно вел войну с болгарями и устанавливал перемирие (τὰ τῶν Βουλγάρων ἐν ἄνωκοῦχαῖς θέμενος), отчитываясь отцу о своих действиях *post factum* [34, vol. 4, p. 491¹⁹–

493¹¹, 577^{20–21}]. Он на собственные (личные) средства экипировал солдат, бежавших с востока, восстановив их боеспособность для дальнейшего использования в военных действиях [34, vol. 4, p. 491^{13–17}]²⁴. В своей работе сербский ученый дважды охарактеризовал войско младшего василевса как «лична (сопствена) најамничка војска» [10, с. 342, 343], однако для такого утверждения у нас нет достаточных оснований. Экипировка части войска Михаила IX, которую он осуществил за собственный счет, еще не говорит в пользу того, что его общее содержание (в том числе наемных подразделений) обеспечивалось из личных доходов соправителя, а не централизованно, их доходов фиска. Кроме того, мы не можем утверждать, что в руках младшего императора оседала какая-то часть налоговых сборов с определенной территории, где он пребывал (за исключением посотиса проний, находившихся в его пользовании²⁵), которой он имел бы право распоряжаться по своему усмотрению (= расходовать на нужды армии)²⁶. По всей вероятности, особые права младшего Михаила IX в военном отношении были обусловлены тем, что Андроник II был «невоенным» императором, проводившим большую часть времени в столице, занимаясь решением вопросов, обеспечивавших функционирование государственной системы в целом, и поэтому делегировавшим управление византийскими вооруженными силами своему сыну и соправителю, постоянно находившемуся при войске в провинции.

Напомним, что (территориально) раздельное правление двух императоров предусматривалось еще в простагме Михаила VIII, но по объективным причинам реализация ее положений стала возможна лишь при его сыне и была связана с разделением властных функций внутри императорской семьи. Тем не менее, как мы уже выяснили из содержания указанного акта, соправитель занимал в системе государственного управления очевидно подчиненное положение относительно положения старшего василевса и, полагаем, в правление Андроника II не произошло значительных изменений в данной концепции. Иными словами, Михаил IX неоднократно нарушал установившийся баланс отношений «старший император – младший император», что, отме-

тим, повлекло за собой неизбежные последствия: Андроник II на длительное время лишил сына возможности выполнения важных военных миссий²⁷.

Двор младшего василевса в Адрианопле включал в себя значительное число военачальников различного ранга, среди которых в сочинении Пахимера упоминаются: великий приммикирий Кассиан [34, vol. 4, p. 573⁷⁻⁸, 577²¹⁻²³, 599¹⁸⁻¹⁹]²⁸, пинкертн Сенахирим Ангел [34, vol. 4, p. 599²³-601², 601³¹-603³]²⁹, великий этериарх Ностонг Дука [34, vol. 4, p. 573⁸⁻⁹, 593³⁻⁴, 599²⁰⁻²²]³⁰, великий цаусий (чауш, μέγας τζαούσιος) Умбертопул [34, vol. 4, p. 593⁴⁻⁵]³¹, скутерий Хумн³², Войсил [34, vol. 4, p. 573⁶⁻⁷, 593⁵, 599¹⁷⁻¹⁸]³³. Кроме того, при Михаиле IX находились также его дядя Феодор [34, vol. 4, p. 491²⁶⁻²⁷, 577³⁻⁴, 599²⁰]³⁴ и младший брат, деспот Константин [34, vol. 4, p. 599²²-601²]³⁵. Вместе с ними он вел войну против болгар и попытался дать отпор каталонцам весной/летом 1305 г. Многие из них впоследствии приняли участие в оборонительных действиях во Фракии (в частности, Сенахирим, Хумн, Умбертопул³⁶), вероятно, распределенные Михаилом IX по городам после его бегства от каталонских отрядов на запад (как он уже это делал и ранее, накануне конфликта: [34, vol. 4, p. 573⁴⁻¹³]). В отсутствие в руках младшего василевса достаточных воинских контингентов тот уже не играл значимой политической роли в ходе восстания каталонцев, и некоторые из его бывших полководцев (Ностонг, Кассиан³⁷) перешли в прямое распоряжение старшего императора. С этого момента следы их связи с Михаилом IX в источниках не фиксируются.

После ухода каталонских отрядов из Фракии (лето 1307 г.) младший император через какое-то время, по всей видимости, перебрался обратно в Адрианополь³⁸. Его двор вновь стал центром притяжения молодой военной элиты. В данном отношении интересен один эпизод, относящийся к лету 1311 г. (о дате: [48, p. 163]), который содержится в сочинении Никифора Григоры. Возвращаясь после грабежа византийских территорий на родину, турки, ранее сражавшиеся бок о бок с каталонцами (еще в битве при Апросе: [34, vol. 4, p. 601⁴⁻⁶]), во главе со своим военачальником Халилом [53, Nr. 30401] обратились к

Андронику II с ультимативным требованием сопроводить их до Галлиполи и переправить на другую сторону Геллеспонта. Старший император, не желая вновь подвергать разорению европейские области империи, подчинился и отправил для удовлетворения этого требования упомянутого выше Сенахирима Ангела, получившего к этому времени титул великого стратопедарха (9-я позиция в таблице: [54, p. 28¹⁰]). В конечном итоге между сторонами развязался конфликт, в результате которого турецкий отряд занял неназванную византийскую крепость (вероятно, на Галлипольском полуострове) и приступил к грабежу окрестных территорий. В сложившихся обстоятельствах Михаил IX, вокруг которого собралось достаточное количество военачальников (οἱ τῶν Ῥωμαϊκῶν στρατευμάτων ἡγεμόνες, στρατηγοί), решил, по всей видимости, самостоятельно, организовать поход против Халила³⁹. В сражении с турками наспех собранное, плохо подготовленное войско соправителя потерпело сокрушительное поражение [46, p. 254³-258¹⁴], которое обрело весь полуостров (περὶ τὴν Θράκην χώραν) на тотальное опустошение, продолжавшееся, по словам историка, «на протяжении без малого двух полных лет» (ἐφ' ὅλοις ἔτεσι παρὰ βραχὺ δυοῖ) (1311-1313) [46, p. 262²⁰⁻²⁴]. Ситуация была разрешена не без труда усилиями старшего императора при поддержке сербского короля и генуэзцев [46, p. 263¹⁰-269²²]⁴⁰.

Косвенные сведения источников позволяют со значительной долей вероятности выявить представителей окружения Михаила IX во время после окончания «каталонского кризиса». К примеру, под 1321 г. Григорой отмечено, что один из организаторов вооруженного выступления внука Андроника II, также Андроника (III), Феодор Синадин [53, Nr. 27120] был близким другом отца последнего [46, p. 301¹⁵⁻¹⁹]. На этот счет у Кантакузина сказано: καὶ φιλίως πρὸς αὐτοὺς διέκειτο καὶ πρότερον ὁ πρωτοστράτωρ, τῷ μεγάλῳ δὲ μάλιστα δομεστικῷ ἐκ τῆς πρὸς Ἀδριανοῦ πόλιν παρὰ τῷ βασιλεῖ Μιχαῆλ διατριβῆς, χρόνῳ πολλῷ τῆς φιλίας αὐτοῖς ἰσχυρᾶς γενομένης (протостратор (Синадин. – П. Л.) также был и ранее дружески к ним (Андронику и Кантакузину. – П. Л.) расположен, в особенности же к великому domestiку (Канта-

кузину. – П. Л.) со времени (их) пребывания при василевсе Михаиле в Адрианополе, когда у них на долгое время завязалась крепкая дружба) [38, р. 38^{5–8}].

Таким образом, посредством фигуры Михаила IX оказываются связаны друг с другом два заговорщика и инициатора так называемой первой гражданской войны (1321–1328), после смерти своего покровителя объединившиеся вокруг его сына под предлогом защиты прав последнего на престол, которых он оказался лишен решением деда, императора Андроника II. Еще одно указание проясняет это обстоятельство. В процессе обсуждения базы предстоявшего выступления против Константинополя Кантакузин предложил Адрианополь, ἄτε μεγάλην οὖσαν καὶ πολυάνθρωπον καὶ στρατίαν οὐκ εὐκαταφρόνητον ἔχουσαν ἰδρυμένην ἐν ἑαυτῇ, ἄλλως θ' ὅτι καὶ τοῦ βασιλέως Μιχαὴλ τοῦ πατρὸς αὐτῶ χρόνον ἐκεῖ διατρίψαντος μάλα συχνόν, πολλοὶ προσεγένοντο αὐτῶ οἰκεῖοι καὶ φίλοι καὶ βουλευσόμενοι μάλα προθύμως ὑπὲρ τοῦ παιδὸς αὐτοῦ διακινδυνεύειν (так как он является большим и густонаселенным (городом) и располагает значительным войском, размещенным в нем, кроме того, потому что когда его (Андроника. – П. Л.) отец, василевс Михаил, жил там весьма долгое время, многие близкие и друзья присоединились к нему, которые также захотят ради его сына с большим усердием пойти на риск) [38, р. 23^{21–24}]. На основании имеющихся данных можно утверждать, что при дворе Михаила IX, который в течение долгого времени жил вдали от отца во Фракии, сформировался определенный круг лиц, вероятно, из числа его собственных военачальников, представителей крупных аристократических семей (Кантакузины, Синадины), связывавших свое будущее с младшим императором, который в конечном итоге так или иначе должен был занять его место⁴¹. Возможно, еще один организатор гражданской войны Сиргианн Палеолог [53, Nr. 27167] также был связан с Михаилом IX, хотя точная информация в этом отношении в доступных для исследования источниках отсутствует⁴². Таким образом, раздельное правление двух василевсов обусловило то обстоятельство, что вокруг младшего василевса группи-

ровались молодые представители военной элиты, вероятно, рассчитывавшие с обретением им всей полноты власти добиться высоких титулов и положения в системе государственного управления, ключевые посты в которой были прочно заняты приближенными старшего императора⁴³.

В октябре 1319 г.⁴⁴ в связи с внутривосточным кризисом в соседней Фессалии, предвещавшим Византии территориальные приобретения, Михаил IX по приказу отца был вынужден оставить Адрианополь и перебраться в Фессалонику [46, р. 277^{19–278}, 278^{18–279}]⁴⁵ (об этом: [43, р. 258sq.]). В этом городе он и умер 12 октября 1320 г., получив известие о трагической гибели младшего сына от рук телохранителей старшего [46, р. 277^{21–278}, 285^{12–286}]⁴⁵. Смерть Михаила IX, заставившая его приближенных искать опору (которую они в конечном счете обрели в виде внука Андроника II, будущего императора Андроника III), обусловила собой начало мощного внутривосточного конфликта, завершившегося насильственной сменой власти в империи.

Результаты. Итак, мы выяснили, что специфика властных отношений в Византии на рубеже XIII–XIV вв. определялась двумя обстоятельствами: 1) институционализацией такого политического феномена, как соправительство, произошедшей в период правления первых представителей династии Палеологов; 2) разделением управленческих функций внутри правящей семьи. Первое обстоятельство было во многом сопряжено с изданием Михаилом VIII по случаю коронации сына простагмы (1272) – важного документа, положения которого, на наш взгляд, были в полной мере реализованы (и в какой-то мере даже расширены) в правление Андроника II. Помимо формального уравнивания положения старшего и младшего императоров в сфере презентации власти (церемониал, чеканка, императорская формула), последний приобретал в ограниченном виде также судебные и некоторые управленческие полномочия (председательство в суде, смещение с должностей налоговых агентов и замену их выбранными им чиновниками, увеличение посотиса проний и их перераспределение между солдатами), право на самостоятельное издание император-

ских грамот и осуществление определенных внешнеполитических функций (переговоры с иностранными послами). Все это – исключительно вне стен Константинополя и под контролем старшего василевса. Тем не менее ввиду недостатка репрезентативных источников данных сложно утверждать, что вышеперечисленные полномочия (кроме издания актов) действительно входили в компетенцию Михаила IX. Его реальные полномочия по большей части носили военный характер. Это составляет содержание второго обстоятельства: в то время как Андроник II занимался решением целого спектра вопросов, связанных с различными сферами жизнедеятельности государства (фискальной, социально-экономической, административной, политико-правовой, внешнеполитической и др.), младший василевс сосредоточил в своих руках главным образом функции командования вооруженными силами империи. Такое специфическое разграничение властных полномочий в Византии в условиях территориально раздельного правления двух императоров, которое, отметим, предусматривалось еще указанной прагмой, можно было бы охарактеризовать как двоевластие, если бы не один важный нюанс: последнее слово должно было всегда оставаться за Андроником II. Второстепенное положение соправителя по отношению к старшему императору опять же регламентировалось актом Михаила VIII, однако в период правления его сына баланс отношений в сфере высшего управления неоднократно нарушался вследствие расхождения во взглядах двух василевсов.

Обособленное положение младшего императора, заключавшееся в его постоянном пребывании вне столицы, и наличие под его контролем значительных воинских контингентов обеспечивали известную степень самостоятельности Михаила IX в принимаемых им военно-политических решениях, в которых он зачастую вступал в противоречие со своим отцом. Соправитель Андроника II вел войну, фактически не оглядываясь на Константинополь, комплектовал и отчасти экипировал войско, планировал боевые операции, заключал перемирие. Его окружение включало в себя большое число видных военачальников из представителей крупных

аристократических семей. Отметим, что некоторые из решений Михаила имели крайне неблагоприятные последствия для империи: к примеру, антикаталонский заговор, созревший в окружении младшего василевса и завершившийся ликвидацией лидера наемников Рожера де Флора (1305) привел к открытой конфронтации между Византией и каталонцами и опустошению европейских регионов империи. Кроме того, специфическое разрозненное существование в империи двух императорских дворов со своим штатом придворных нарушало единство внутри узкой прослойки византийской элиты, приводило к ее размежеванию и выделению из ее числа определенной группы людей, связывавших с младшим василевсом дальнейшее обретение ими высоких чинов и широких властных полномочий в государстве. Указанная тенденция стала особенно явной после смерти Михаила IX, когда приближенные последнего, лишившись покровителя, объединились вокруг его сына Андроника (III) в борьбе за власть в империи и место в придворной иерархии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поскольку византийские источники не зафиксировали разницу в терминологическом обозначении императоров и их соправителей, чаще всего употребляя в отношении обоих лексему βασιλεύς, используемые нами термины «старший император», «младший император», «соправитель» и др. условны и имеют целью провести различие между двумя императорами во избежание путаницы. Об этом см.: [35, S. 48–51; 3, с. 123сл.].

² А. Файе относит это указание к периоду с 6 июля по 17 сентября 1305 г.: [34, vol. 4, p. 614, note 1].

³ Дата восстанавливается по сообщениям двух источников: [34, vol. 2, p. 413^{15–18} (указаны число и месяц); 37, S. 41^{111–112} (указаны месяц и индиктион)]. См. также: [46, p. 109^{7–23}; 57, Nr. 8, S. 75^{7b} (без указания даты)].

⁴ Об этом месте прагмы: [20; 21, p. 266–268].

⁵ К примеру, согласие старшего императора требовалось в случае, если бы его соправитель решил увеличить посотис пронии отличившегося в бою солдата на сумму, превышавшую 36 иперпиров: [37, S. 50^{81–84}].

⁶ Например, соправитель (в присутствии старшего василевса, так и вдали от него) имел право сидеть на троне, украшенном красным орлом, при аккламациях, во время приема послов и торжествен-

ных застолий [37, S. 37²–38⁶], а также, как и старший император, не был обязан вставать с него ни перед родственниками, ни перед вельможами (τῶν μεγάλων ἀνθρώπων τῆς καθέδρας) [37, S. 39⁵²–56]. С другой стороны, в ходе совместного выезда обоих василевсов горны и трубы, извещавшие тех, кто подвергся несправедливому обращению, о возможности приблизиться к императору, должны были звучать во время кавалькады (ἐν τῷ κοβολκεύματι) только старшего василевса, тогда как младший император был в праве воспользоваться данной привилегией лишь в его отсутствие [37, S. 39²⁹–44] (о содержании и значении подобных парадных императорских выездов см.: [7, с. 234–244]).

⁷ Достаточно сложный для понимания отрывок текста источника. Не совсем ясно, что Пахимер имеет в виду под глаголом προστάσσειν (praes. inf. act. от προστάσσω: распоряжаться, приказывать, предписывать). А. Файе перевел его как émettre des prostagmata (издавать простагмы), при этом в комментарии уточнив, что эта мера фактически лишала Андроника II права на подписание имперских документов, формуляр которых непременно включал в себя использование менологемы (то есть простагм (кроме того, также (хрисовулов) сигиллиев, о которых французский византинист не упоминает)), см.: [34, vol. 2, p. 414, note 1]. Если переводить προστάσσειν букв. как «издавать простагмы», то мы получаем буквально сочетание несочетаемых понятий: простагма в рассматриваемое время – это имперский документ, который имел юридическую силу, будучи собственноручно подписанный императором красными чернилами в виде указания менологемы в конце текста, а затем сложенный и скрепленный императорской печатью (см.: [30, S. 110sq.]). Впрочем, далее Пахимер еще более усложняет картину (см. в тексте).

⁸ Известно также более раннее письмо Андроника II папе Григорию X, датированное мартом 1274 г. и сохранившееся только в латинском варианте [56, T. 3, S. 76, Nr. 2072]. Оно завершается формулой rex et imperator Romaeorum, которая в переводе на греческий язык звучала бы как βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων [32, p. 248].

⁹ См. аргументацию атрибуции и датировки документа: [13, p. 304].

¹⁰ Речь идет об упомянутом выше отрывке из сочинения Пахимера: [34, vol. 4, p. 615^{3–4}], из которого получается: 1305–23=1282. Ср.: [46, p. 472^{15–18}]: на момент смерти Андроника (1332) со времени принятия им самодержавной власти (τὰ ὀκτῆτρα τῆς αὐτοκρατορίας) прошло 50 лет (1332–50=1282).

¹¹ Согласно трактату Псевдо-Кодина, старший император, если желал, мог позволить сыну по случаю его коронации использовать обозначение

βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ в его символе веры [54, p. 212^{2–4} и 213, note 607].

¹² Известны четыре таких письма, написанные в период 1274–1279 гг.: [56, T. 3, S. 75sq., Nr. 2072–2075].

¹³ Яркой иллюстрацией этого может выступить то обстоятельство, что в годы правления Михаила VIII Андроник II безропотно принимал унию церквей, подтверждением чему служит, к примеру, уже упомянутое письмо последнего к Иоанну XXI (1277): ἐγὼ Ἀνδρόνικος, ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς Κωνσταντινουπόλεως ... πᾶν σχίσμα παντελῶς ἀπομύω... ἀληθῆ, ἀγίαν, καθολικὴν καὶ ὀρθόδοξον πίστιν εἶναι γινώσκω, ταύτην ἀποδέχομαι καὶ καρδίᾳ καὶ στόματι ὁμολογῶ (я, Андроник, во Христе Боге верный василевс Константинополя ... всецело клятвенно отрицаю всякую схизму и знаю, что есть ... истинная, святая, всеобщая и православная вера, ее я принимаю и исповедую сердцем и устами) [45, nr. 6, p. 20^{165–173}]. Ликвидация унии было одним из первых самостоятельных решений Андроника II, когда после смерти отца он сделался единственным императором: [43, p. 33].

¹⁴ Кроме того, сохранился еще один хрисовул Михаила IX, заключительная часть которого (вместе с эсхатоколом) испорчена, следовательно, его датировка затруднена (что касается атрибуции, она надежна ввиду внутренних указаний источника). Первые издатели акта определили время его создания ок. 1320 г.: [12, no. 51, p. 125–127]. Ф. Дельгер датировал документ маем 1308 г.: [56, T. 4, S. 118, Nr. 2624]. Наконец, последние на данный момент издатели хрисовула в качестве даты его составления указали 1299/1300 г.: [13, no. 18, p. 172–175] (аргументация: [13, no. 18, p. 173]). Указанный акт – также дублирующий: соправитель вслед за ранее изданным хрисовулом Андроника II подтверждал по просьбе Стефана Милутина сделанные последним дарения монастырю св. великомученика Никиты, расположенному близ Скопье. Датировка документа, таким образом, зависит от времени издания акта Андроника II, который, к слову, утрачен. Впрочем, до нашего времени дошел сербский перевод еще одного хрисовула старшего императора [2, с. 24–26]: в нем также упоминается его утраченная грамота [2, с. 24], а сам документ подписан маем 1308 г. [2, с. 26]. Это факт позволил Ф. Дельгеру предложить в качестве варианта датировки утерянного хрисовула время до 1308 г. [56, T. 4, S. 118, Nr. 2312], что вполне соотносится с мнением вторых издателей хиландарского архива.

¹⁵ В тексте упоминаются хрисовулы (во мн.ч.) и хорисмос (простагма) Андроника II, из которых известен один документ: хрисовул от 1314/1315 г. (месяц не сохранился) [44, no. 2, p. 100–106], или от 1312/1313 г., согласно: [56, T. 4, S. 58sq., Nr. 2341].

¹⁶ Кроме того, в сохранившемся частнопроводном акте (дарственной, составленной от лица монаха монастыря Пантократора в Константинополе Космы), датированном февралем 1313 г., среди упомянутых императоров фигурирует и имя Михаила IX вместе с обозначением «благочестивейший василевс и самодержец ромеев» (τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως καὶ αὐτοκράτορος Ῥωμαίων): [14, no. 8, p. 51⁴]. При этом Андроник II здесь же назван «старшим василевсом и самодержцем» (μεγάλου βασιλέως καὶ αὐτοκράτορος Ῥωμαίων) [14, no. 8, p. 51³⁻⁴]. Очевидно, составитель акта таким образом искусственно разграничил положение двух императоров, поскольку официальная палеологовская титулатура, в отличие от более ранних периодов византийской истории (опционально, см.: [60, p. 878–885]), никогда не включала в себя подобную формулу.

¹⁷ В этом отношении привлекают внимание две серии хиландарских хрисовулов, опубликованные в т. 20 «Архивов Афона» под номерами 42, 43, 44 (март 1319 г.) и 45, 46, 47 (октябрь 1319 г.): первый в последовательности является оригинальным актом, изданным старшим императором Андроником II, а два других – актами, подтверждающими первый, изданными в том же месяце того же года его соправителями – Михаилом IX (βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ) и Андроником III (βασιλεὺς) соответственно, см.: [13, p. 265–286].

¹⁸ Также сохранился один дублирующий хрисмос Михаила IX, датированный его последними на текущий момент издателями 1305 или 1320 г. [13, no. 23, p. 189]. Он был издан по просьбе монахов монастыря св. Николая Чудотворца близ Серр в подтверждение простагмы Андроника II от 1294 или 1309 г. [13, no. 13, p. 149sq.].

¹⁹ Хрисовул сигиллий от 1281 г., который ранее приписывался авторству Михаила IX (см. прим. 9) [13, no. 27, p. 200].

²⁰ Обратим внимание на то, что ряд документов, изданных за время своего соправительства Михаилом IX, дошел до наших дней лишь в виде их упоминаний в актах XIV в. (об этом: [10, с. 351–353]).

²¹ Акты не сохранились. Ф. Дельгер приблизительно датировал их октябрём 1304 г.: [56, Т. 4, S. 118, Nr. 2618].

²² Подтверждением этих слов может служить тот факт, что Мунтанер в своем сочинении ни разу не называет Михаила IX императором. Для каталонского хрониста единственным носителем власти в государстве являлся *Imperador Andrinoco*, тогда как его соправитель обыкновенно называется *son fill major* с прибавлением приставки *Xog*, то есть «господин» (от греч. κύρ), равнозначной приставке *En*, которую хронист использует для обозначения представителей каталонской знати.

²³ «О нашем положении и вероломном убийстве, совершенном по приказу того же господина императора (Андроника. – П. Л.) посредством сына (курсив наш; см. прим. 22. – П. Л.) того же Михаила, посланец ... сообщит» (*de statu nostro et homicidio infideliter facto de mandato eiusdem domini imperatoris per Michaellem filium eiusdem, lator ... informabit*): [27, no. 14, p. 15¹⁸⁻¹⁹] (письмо от 10 мая 1304 г.).

²⁴ Младшему императору пришлось перечислять в деньгах собственную золотую и серебряную утварь (πολλὰ τῶν ἰδῶν σκευῶν), большую часть которой составляло приданое супруги Михаила IX, августы Марии [34, vol. 4, p. 491¹³⁻¹⁷].

²⁵ Михаил IX владел определенным, судя по всему, достаточно обширным, имуществом [34, vol. 4, p. 449¹³⁻¹⁴], а также имел в пользовании «императорские» (βασιλικῶς) пронии [34, vol. 4, p. 447¹³⁻¹⁴].

²⁶ Здесь нелишним будет отметить тот факт, что простагмой 1272 г. предусматривалось увеличение содержания отличившихся солдат во время походов соправителя, но последнему запрещалось делать это за счет βασιλικῶν κεφαλαίων, имперских налогов, что фактически лишало его возможности распоряжаться доходами фиска: [37, S. 40⁷⁷⁻⁸⁹].

²⁷ Младший василевс, лишившись войска вскоре после поражения при Апросе, сначала просил отца, чтобы тот самостоятельно организовал антикаталонский поход (лето 1305 г.): [34, vol. 4, p. 629¹⁰⁻¹⁹], а затем обратился к нему за позволением выступить против наемников во главе конницы Андроника II (июль 1306 г.): [34, vol. 4, p. 667⁴⁻⁵]. Оба раза он получил отказ.

²⁸ Командовал «ромейским» корпусом, составленным из македонских отрядов. О нем: [53, no. 11346]. Великий приммикирий – достаточно высокий титул в придворной иерархии, 10-е место в табели Псевдо-Кодина: [54, p. 28¹¹]. Имел техническое значение: его носитель являлся начальником императорского эскорта (ἡ τοῦ βασιλέως σύντοξίς): [54, p. 108⁸⁻¹⁴]. См. также: [6, с. 199].

²⁹ В битве при Апросе отвечал за безопасность Михаила IX и фактически спас ему жизнь. О нем: [53, Nr. 25146]. Пинкерн – относительно высокий титул в поздневизантийской табели о рангах (14-я позиция): [54, p. 137¹⁵]. Согласно трактату Псевдо-Кодина, имел техническое содержание: его носитель прислуживал василевсу в качестве виночерпия «не только на праздниках, но и всегда» (πάντοτε): [54, p. 156⁹⁻¹¹].

³⁰ В битве при Апросе командовал «влахиконном» и подразделением, составленным из «добровольцев» (θεληματορίων). О нем: [51, p. 152, nr. 133; 53, Nr. 20725]. Титул великого этериарха занимал в это время 25-е место в перечне титулов: [54, p. 28²⁹]. Техническое значение командира иностранной стражи императора (так называемой этерии) к изучаемому периоду времени утрачено,

см.: [39, p. 138]. Согласно Псевдо-Кодину, указанный титул имел техническое содержание: его носитель принимал «беженцев, прибывавших отовсюду» (τοὺς προσερχομένους πανταχοῦθεν φυγάδας): [54, p. 94^{3–6}].

³¹ Командовал одним из подразделений византийского войска в столкновении с каталонцами при Вранхиалионе (июнь 1305 г.). Титул великого чауша занимал в это время 37-ю позицию в придворной иерархии: [54, p. 30⁶]. Имел техническое содержание: его носитель занимался организацией императорского эскорта. Находился в подчинении у великого приммикирия (см. прим. 28): [54, p. 104^{1–2}].

³² О нем: [53, Nr. 21164]. Вместе с Сенахиримом Ангелом оборонял Адрианополь от каталонцев (лето 1306 г.): [34, vol. 4, p. 665⁵–667²]. Прямо не упомянут среди военачальников Михаила IX, но мы предполагаем его присутствие в окружении последнего. На это косвенно указывает простагма 1272 г., в которой Михаил VIII наставляет своего соправителя: [Ἴνα ἔχῃς τὸν ἐπὶ τῆς τραπέζης σου καὶ ἐπὶ τοῦ [τῶν ἐκστρατειῶν καιροῦ] δὴ καὶ σκουτέριον ... [ὁ δὲ] σκουτέριός σου ἴνα ἐπιφέρῃται τὸ δόρυ καὶ τὴν ἀσπίδα σου, εἴτε τῇ βασιλείᾳ μου συνεκοτρατεύεις, εἴτε καθ' αὐτὸν ἐν ἐκστρατεία διαύγεις ([Чтобы ты имел] своего эпископа трапезис (стольника. – П. Л.), а также скутерия во [время походов] ... скутерий же твой чтоб нес твои копье и щит, выступаешь ли ты поход вместе с моей царственностью или совершаешь его самостоятельно): [37, S. 38²²–39²]. Функция скутерия как оруженосца (или «щитоносца», от лат. scutarius – щит) отмечена и у Псевдо-Кодина: [54, p. 104^{11–13}]. Достаточно скромный титул в иерархии чинов, занимал в это время 42-ю позицию: [54, p. 30¹¹].

³³ В битве при Апросе командовал подразделением из аланов и туркопулов. Болгарин по происхождению, брат болгарского царя Смилеца (1292–1298), о нем: [53, Nr. 2926].

³⁴ В битве при Апросе командовал подразделением, составленным из беженцев с востока. О нем: [53, Nr. 21464].

³⁵ В битве при Апросе вместе с Сенахиримом Ангелом обеспечивал безопасность Михаила IX. О нем: [53, Nr. 21499]. Титула деспота, носитель которого занимал высшее положение в придворной чиновной иерархии [54, p. 26⁵], традиционно удостоивались младшие сыновья императора.

³⁶ Сенахирим и Хумн летом 1306 г. обороняли Адрианополь от каталонцев: [34, vol. 4, p. 665⁵–667²]. Умбертопул защищал крупный фракийский город Визию во время нападения на него каталонского отряда (весна 1307 г.): [34, vol. 4, p. 693^{2–26}].

³⁷ Ностонг Дука по приказу Андроника II совершал нападения на каталонские отряды, гравив-

шие фракийскую территорию (осень 1306 г.): [34, vol. 4, p. 689^{20–23}]. О Кассиане см.: [4, с. 220–223].

³⁸ На это прямо и косвенно указывают несколько коротких упоминаний, содержащихся в труде Иоанна Кантакузина. В первой главе автор сообщил, что после возвращения с востока Михаил IX был послан отцом в Адрианополь, где прожил долгое время (χρόνον τινὰ συχρόν). После этого Андроник II приказал сыну уехать в Фессалонику (1319): [38, p. 13^{11–16}]. Кантакузин опускает события каталонского мятежа и тот факт, что Михаил IX после поражения при Апросе жил сначала в Дидимотихоне: [34, vol. 4, p. 603^{26–28}], а затем в Морре: [34, vol. 4, p. 667^{4–5}], очевидно, объединяя два периода пребывания младшего императора в Адрианополе: до Апроса и какое-то время после ухода каталонцев из Фракии. Иначе сложно объяснить, почему год (1304/5) его проживания в центральном фракийском городе историк обозначил как длительный срок, в то время как два года (1302/4), проведенные Михаилом IX на востоке, он чуть выше назвал недолгими (ὀλίγον ... τινὰ χρόνον): [38, p. 13^{11–12}].

³⁹ Предполагаем, что о ситуации с турками Михаил IX узнал от Сенахирима, который обратился к нему за помощью. В источнике вмешательство соправителя в конфликт обусловлено настоящим воззванием к нему «всех военачальников и всех войск», в результате чего данный поход у Григоры приобретает черты общевизантийской реакции [46, p. 256^{10–11}].

⁴⁰ В хрисовуле, изданном Андроником II по просьбе Стефана Милутина для афонского монастыря Хиландар в октябре 1313 г., также упоминаются события этого конфликта, впрочем, в достаточно искаженном виде [13, no. 29, p. 206³³–207¹⁰⁹]. См. также (с исчерпывающим указанием всех имеющих источники византийского, сербского и турецкого происхождения): [48].

⁴¹ Подобное предположение в том или ином смысле уже высказывалось ранее, см.: [9, с. 548; 23, S. 9; 59, S. 23; 41, p. 46sq.]. Дополняем и развиваем представленную точку зрения.

⁴² В начале второй книги историк пишет про него и Сиргианна: ὅφ' ἐνὶ γὰρ καθηγεμόνι τῷ ἡμετέρῳ θεῖῳ Ἀγγέλῳ τῷ μεγάλῳ στρατοπεδάρῃ τὰ πολέμια ἐδιδασκόμεθα (ведь мы обучались военному искусству под руководством одного учителя, нашего дяди, великого стратопедарха Ангела): [38, p. 334^{5–9}] (о многозначности лексемы θεῖος: [22, p. 146–155]). Имеется в виду уже упомянутый несколько раз выше сначала пинкертн, а затем великий стратопедарх Сенахирим Ангел (очевидно, он получил этот титул после героической обороны Адрианополя), военачальник и, судя по всему, близкий друг Михаила IX. Вполне возможно, он и свел Кантакузина (и Сиргианна?) с последним. Оба

молодых полководца приняли боевое крещение в один и тот же день в бою с турками (Πέρσαι δὲ ἤσαν): [38, p. 334⁹⁻¹⁰], возможно, в боестолкновениях с Халилом (1311–1313) или в предполагаемой совместной византийско-сербской экспедиции в Малую Азию (1313), реконструкцию которой предложил Н. Икономидис в уже упоминавшейся работе: [48, p. 162–168].

⁴³ Накануне гражданской войны, вспыхнувшей после смерти Михаила IX, Феодор Синадин и Иоанн Кантакузин, судя по всему, носили достаточно скромные титулы: первый был облечен достоинством «доместика при императорском столе» (δομέστικός ἐπὶ τῆς τροπῆς τῆς βασιλικῆς), или просто «доместика стола» (δομέστικός τῆς τροπῆς): [46, p. 301^{8,9-10}; 53, Nr. 27120] (20-я позиция в табели Псевдо-Кодина: [54, p. 28²⁴]), а второй – великого папия: [46, p. 301^{7,8}; 53, Nr. 10973], который в это время занимал 22-е место в придворной иерархии чинов: [54, p. 28²⁶]. Носители обоих титулов, согласно делению поздневизантийских служащих, предложенному М.А. Поляковской, входили лишь в третью группу первого разряда архонтов: [6, с. 200].

⁴⁴ Датировка сопряжена с определенными трудностями. Переезд Михаила IX в Фессалонику у Григоры отмечен как событие, непосредственно следующее (μετὰ ταῦτα) за свадьбой его сына Андроника: [46, p. 277¹⁷⁻²¹]. Согласно сообщению одной малой хроники, указанная церемония состоялась 23 октября 1317 г. [57, Nr. 8, S. 76^{11b}]. Тем не менее, по словам все того же Григоры, смерть младшего василевса (октябрь 1320 г., см. прим. 45) имела место «по истечении *ровно года*» (μεθ' ὅλον ἐνιαυτόν) с момента его переезда в этот город [46, p. 277²¹⁻²²]. Следовательно, историком все же имеется в виду октябрь 1319 г., что противоречит свидетельству достаточно точной малой хроники и образует временную лауну величиной в два года. Налицо путаница, которая, впрочем, характерна для первых книг сочинения византийского интеллектуала. См. об этом также: [47, p. 210sq.].

⁴⁵ Дата смерти Михаила IX надежно устанавливается на основе сообщений двух малых хроник: [57, Nr. 9, S. 92², Nr. 49, S. 351²], а также Кантакузина: [38, p. 13²⁰⁻¹⁴]. Еще одна хроника отмечает лишь месяц, год и индиктион без указания числа: [57, Nr. 8, S. 76^{11c}].

REFERENCES

1. Barišić F. Konstantin Porfirogenet Paleolog [Constantin Porphyrogénète Paléologue]. *Zbornik radova Vizantološkog instituta* [Recueil des travaux

de l'Institut d'études byzantines], 1983, vol. 22, pp. 43–58.

2. Gruić R.M. Tri hilendarske povelje [Three Acts of Chilandar]. *Zbornik za istoriju Južne Srbije i susednih oblasti* [Recueil pour l'histoire de la Serbie du sud et des régions voisines], 1936, vol. 1, pp. 1–26.

3. Kushch T.V. Sopravitelstvo i problema prestolonaslediya v kontekste dinasticheskoj borby v Vizantii v XIV v. [The Co-Rulership and the Problem of the Succession to the Throne in the Context of Dynastic Struggle in Fourteenth-Century Byzantium]. Karpov S.P. et al., eds. *Vizantiyskie ocherki. Trudy rossiyskikh uchenykh k XXIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov* [Byzantine Essays. Proceedings of Russian Scientists for the 23rd International Congress of Byzantinists]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2016, pp. 121–133.

4. Lysikov P.I. Social and Political Destabilization in Byzantium in the Early 14th Century: Causes and Consequences. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 206–230. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.17>.

5. Kuzenkov P.V., Gratsianskiy M.V., eds. Ostrogorskiy G.A. *Istorija Vizantiyskogo gosudarstva* [Geschichte des Byzantinischen Staates]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2011. 896 p.

6. Polyakovskaya M.A. Vizantiyskaya chinovnaya lestnitsa v epokhu Paleologov [Die byzantinische Beamtenleiter in der Palaiologenzeit]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2001, vol. 32, pp. 193–212.

7. Kushch T.V., ed. Polyakovskaya M.A. *Vizantiyskiy dvorzovyy zeremonial XIV v.: "teatr vlasti"* [The Byzantine Court Ceremonial of the 14th Century: "the Theatre of the Power"]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2011. 334 p., 14 il.

8. Maksimović L. O vremenu proglašenja Andronika III Paleologa za cara [Sur l'époque de la proclamation de l'empereur Andronic III Paléologue]. *Zbornik radova Vizantološkog instituta* [Recueil des travaux de l'Institut d'études byzantines], 1975, vol. 16, pp. 119–122.

9. Uspenskiy F.I. *Istorija Vizantiyskoy imperii* [History of the Byzantine Empire]. Vol. 3. Pt. 6. *Komniny* [The Komnenoi]. Pt. 7. *Raschlenenie imperii* [The Dismemberment of the Empire]. Pt. 8. *Laskari i Paleologi*. *Vostochnyy vopros* [The Laskarids and the Palaiologi. Eastern Question]. Moscow, Mysl Publ., 1997. 829 p.

10. Ferjančić B. Mihajlo IX Paleolog [Michael IX Palaiologos]. *Zbornik Filozofskog fakulteta* [Recueil des travaux de la Faculté de philosophie], 1974, vol. 12, no. 1, pp. 333–354.

11. Ferjančić B. Savladarstvo u doba Paleologa [La co-souveraineté sous les Paléologues]. *Zbornik radova Vizantološkog instituta* [Recueil des travaux de l'Institut d'études byzantines], 1986, vols. 24–25, pp. 307–384.
12. Petit, R.P.L., Korablev B., eds. *Actes de Chilandar*. Vol. I. *Actes grecs*. St. Petersburg, Tip. IAN Publ., 1911. iii, 368 p.
13. Živojinović M., Kravari V., Giros C., eds. *Actes de Chilandar*. Vol. I. *Des origines à 1319*. Paris, P. Lethielleux, 1998. xix, 363 p.
14. Lemerle P., ed. *Actes de Kutlumus*. Paris, P. Lethielleux, 1988. viii, 478 p.
15. Lefort J. et al. *Actes d'Iviron*. Vol. III. *De 1204 à 1328*. Paris, P. Lethielleux, 1994. xiii, 412 p.
16. *Andronikos II Palaiologos, Gold, Nomisma Hyperpyron, Constantinople, 1294–1320*. URL: <https://www.doaks.org/resources/coins/catalogue/BZC.2004.2/view> (accessed 25 June 2020).
17. *Andronikos II Palaiologos, Gold, Nomisma Hyperpyron, Constantinople, 1303–1320*. URL: <https://www.doaks.org/resources/coins/catalogue/BZC.2001.4/view> (accessed 25 June 2020).
18. *Andronikos II Palaiologos, Gold, Nomisma Hyperpyron, Constantinople, circa 1303–1320*. URL: <https://www.doaks.org/resources/coins/catalogue/BZC.2002.17/view> (accessed 25 June 2020).
19. Dölger F., ed. *Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges: 115 Urkunden und 50 Urkundensiegel aus 10 Jahrhunderten. Textband*. München, Münchner Verl., 1948. 363 p.
20. Bartusis M.C. A Note on Michael VIII's 1272 Prostagma for His Son Andronikos. *Byzantinische Zeitschrift*, 1988, vol. 81, pp. 268–271.
21. Bartusis M.C. *Land and Privilege in Byzantium: the Institution of Pronoia*. New York, Cambridge Univ. Pr., 2012. xlv, 697 p.
22. Binon S. A propos d'un prostagma inédit d'Andronic III Paléologue. *Byzantinische Zeitschrift*, 1938, vol. 38, pp. 133–155, 377–407.
23. Bosch U.V. *Kaiser Andronikos III. Palaiologos: Versuch einer Darstellung der byzantinischen Geschichte in den Jahren 1321–1341*. Amsterdam, Verl. A.M. Hakkert, 1965. xi, 216 p.
24. Grierson Ph., ed. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. 5, pt. 1. *Michael VIII to Constantine XI, 1258–1453*. Introduction, Appendices, and Bibliography. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1999. xvi, 286 p.; Vol. 5, pt. 2. *Michael VIII to Constantine XI, 1258–1453*. Catalogue, Concordances, and Index, pp. x, 287–612.
25. Cognasso F. Una crisobolla di Michele IX Paleologo per Teodoro I di Monferrato. *Studi bizantini*, 1927, vol. 2, pp. 37–47.
26. Bofarull A. de, ed. *Crònica catalana de Ramon Muntaner*. Barcelona, Impr. de J. Jepsús, 1860. 612 p.
27. Rubió i Lluch, A., Ferrer i Mallol, M.T., eds. *Diplomatari de l'Orient Català (1301–1409): col·lecció de documents per a la història de l'expedició catalana a Orient i dels ducats d'Atenes i Neopàtria*. Barcelona, Inst. d'Estudis Catalans, 2001. lxxv, 798 p.
28. Dölger F. Rez.: E. Kornemann, Doppelprinzipat und Reichsteilung im Imperium Romanum (mit einem Kapitel: Das Mitkaisertum im mittelalterlichen Byzanz von G. Ostrogorsky, S. 166–178). Leipzig u. Berlin, B.G. Teubner, 1930. 209 S. 8°. *Byzantinische Zeitschrift*, 1933, vol. 33, pp. 136–144.
29. Dölger F. Rez.: Stein E. Postkonsulat et autokratoria. *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales 2 (Mélanges Bidez) (1933/4)* 869–912. *Byzantinische Zeitschrift*, 1936, vol. 36, pp. 123–145.
30. Dölger F., Karayannopoulos J. *Byzantinische Urkundenlehre*. Vol. 1. *Die Kaiserurkunden*. München, C.H. Beck'sche Verl.-Buchh., 1968. xxxiii, 203 p., 41 pl.
31. Dölger F., ed. *Facsimiles byzantinischer Kaiserurkunde: 67 Abbildungen auf 25 Lichtdrucktafeln*. München, Mittel- und neugriechisches Seminar der Universität, 1931. vi, 68 col., xxv pl.
32. Failler A. La proclamation impériale de Michel VIII et d'Andronic II. *Revue des études byzantines*, 1986, vol. 44, pp. 237–251.
33. Failler A. Chronologie et composition dans l'Histoire de Georges Pachymérès (livres VII–XIII). *Revue des études byzantines*, 1990, vol. 48, pp. 5–87.
34. Failler A., Laurent V., eds. *Georges Pachymérès. Relations historiques*. Vol. 2. *Liv. IV–VIII*. Paris, Soc. d'éd. "Les belles lettres", 1984, pp. 327–667; Vol. 3. *Liv. VII–IX*. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1999. xxiv, 305 p.; Vol. 4. *Liv. X–XIII*. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1999, pp. 306–727.
35. Gickler H. *Kaiser Michael IX. Palaiologos: sein Leben und Wirken (1278 bis 1320). Eine biographische Annäherung*. Frankfurt am Main, P. Lang, 2015. 224 p.
36. Grierson Ph. *Byzantine Coins*. London, Methuen & Co. Ltd., 1982. xiii, 411 p., 95 pl.
37. Heisenberg A. Ein prostagma des Kaisers Michael VIII. Palaiologos. Heisenberg A. *Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit*. München, Verl. d. Bayer. Akad. d. Wiss., 1920, pp. 33–81.
38. Schopen L., ed. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV*. Vol. I. Bonna, Weber, 1828. xxxvi, 560 p.
39. Karlin-Hayter P. L'hétériarque. L'évolution de son rôle du De Ceremoniis au Traité des Offices. *Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*, 1974, vol. 23, pp. 101–143.
40. Kornemann E. *Doppelprinzipat und Reichsteilung im Imperium Romanum*. Leipzig; Berlin, B.G. Teubner, 1930. 209 p.
41. Kyriakidis S. *Warfare in Late Byzantium, 1204–1453*. Leiden; Boston, Brill, 2011. 254 p.

42. Kyriakidis S. The Idea of Civil War in Thirteenth and Fourteenth-Century – Byzantium. *Zbornik radova Vizantološkog instituta* [Recueil des travaux de l'Institut d'études byzantines], 2012, vol. 49, pp. 243–256.
43. Laiou A.E. *Constantinople and the Latins: the Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328*. Cambridge, Harvard Univ. Pr., 1972. xii, 390 p.
44. Millet G. Inscriptions byzantines de Mistra (Pl. XIV–XXIII). *Bulletin de la correspondance hellénique*, 1899, vol. 23, pp. 97–156.
45. Theiner A., Miklosich F., eds. *Monumenta spectantia ad unionem ecclesiarum graecae et romanae, maiorem partem e sanctioribus Vaticanis tabulariis*. Vindobona, G. Braumueller, 1872. 64 p.
46. Schopen L., ed. *Nicephori Gregorae Byzantina historia*. Vol. I. Bonna, Weber, 1829. c. 568 p.
47. Oikonomides N. Theodora despoina tōn Boulgarōn in a Prostagma of Michael IX (September 1318). *Byzantine Studies / Études byzantines*, 1978, vol. 5, pts. 1–2, pp. 201–211.
48. Oikonomides N. The Turks in Europe (1305–13) and the Serbs in Asia Minor (1313). Zachariadou E., ed. *The Ottoman emirate (1300–1389)*. Rethymnon, Crete Univ. Pr., 1993, pp. 159–168.
49. Ostrogorsky G.A. Autokrator Iohannes II. und Basileus Alexios. *Seminarium Kondakovianum*, 1938, vol. 10, pp. 179–183.
50. Pavlović B. Theodore II Lascaris as Co-Emperor: Reality and Misapprehensions in Byzantine Historiography. *Zbornik radova Vizantološkog instituta* [Recueil des travaux de l'Institut d'études byzantines], 2013, vol. 50, no. 2, pp. 587–607.
51. Polemis D.I. *The Doukai: a Contribution to Byzantine Prosopography*. London, The Athlone Pr., 1968. xvi, 228 p.
52. Belgrano L.T., ed. Prima serie di documenti riguardanti la colonia di Pera. *Atti della Società Ligure di storia patria*, 1877, vol. 13, pp. 97–336.
53. Trapp E. et al., eds. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit: CD-ROM Version*. Wien, Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 2001. 1 CD-ROM.
54. Macrides R., Munitiz J.A., Angelov D., eds. *Pseudo-Kodinos and the Constantinopolitan Court: Offices and Ceremonies*. Farnham, Ashgate Publ. Ltd., 2013. xxii, 540 p.
55. Raybaud L.-P. *Le gouvernement et l'administration central de l'empire byzantin sous les premiers Paléologues (1258–1354)*. Paris, Eds. Sirey, 1968. 293 p.
56. Dölger F., ed. *Regesten der Kaiserurkunden des Östlichen Reiches von 565–1453*. Vol. 3. *Regesten von 1204–1382*. München; Berlin, Druck u. Verl. von R. Oldenbourg, 1932. xx, 77 p.; Vol. 4. *Regesten von 1282–1341*. München; Berlin, Verl. C.H. Beck, 1960. xxx, 165 p.
57. Schreiner P. *Die Byzantinischen Kleinchroniken*. Vol. 1. *Einleitung und Text*. Wien, Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 1975, 688 p.
58. Goodenough L., ed. *The Chronicle of Muntaner*. Vol. 2. London, The Hakluyt Soc., 1921, pp. xxiv, 371–760.
59. Weiss G. *Joannes Kantakuzenos – Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch – in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert*. Wiesbaden, O. Harrassowitz, 1969. xii, 174 p.
60. Zuckerman K. On the Title and Office of the Byzantine basileus. *Travaux et mémoires*, 2010, vol. 16, pp. 865–890.
61. Kyrris K.P. *To Byzantion kata ton 14 aiōna* [Byzantium in the 14th Century]. Vol. I. *Ē prōtē phasis tou emphiliou polemou kai ē prōtē syndiallagē tōn dyo Andronikōn (20.IV – phthinopōron 1321): esōterika kai eksōterika problēmata* [The First Phase of the Civil War and the First Reconciliation of Two Andronikoi (20/4 – Autumn of 1321): Internal and External Problems]. Lefkosia, Ekd. Lampousa Publ., 1982. xi, 229 p.
62. Christophilopoulou A. *Eklogē, anagoreusis kai stepsis tou byzantinou autokratoros* [Election, Proclamation, and Coronation of Byzantine Emperors]. Athens, Grapheion dēmosieumatōn tēs Akadēmias Athēnōn Publ., 1956. vii, 230 p.

Information About the Author

Pavel I. Lysikov, Senior Lecturer, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, blademaster18@mail.ru, lysikov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7484-798X>

Информация об авторе

Павел Иванович Лысиков, старший преподаватель кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, blademaster18@mail.ru, lysikov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7484-798X>

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.15>

UDC 94“04/14”:355.1

LBC 63.3(0)4-91

Submitted: 12.04.2019

Accepted: 28.06.2019

PERSIAN IMMIGRANTS IN THE ARMED FORCES OF EARLY BYZANTIUM

Andrey D. Nazarov

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to Persians who served in the Early Byzantine armed forces. Even during the Principate period, alae and cohortes which were originally recruited from Parthians were part of the Roman imperial army. Units from Persian defectors and prisoners were also created from the 4th to the 6th century. *Methods.* Using tools of the positivist methodology makes it possible to provide a critical analysis of information from the sources. At the same time, the prosopographical method allows to study mechanisms of integration of immigrants from neighboring realms into the Early Byzantine society using examples of individual fates. *Analysis.* According to “Notitia Dignitatum”, a significant part of military units of Persian origin served in eastern provinces of the empire. It is also known that cavalry vexillationes which consisted of immigrants from Iran were included in mobile armies. Some numeri with Persian prisoners were transferred to Italy in the 6th century. These units consisted mainly of heavily armed horsemen who were famous for eastern neighbors of Rome and Byzantium. In the framework of the presented article, the author refers to individual personalities who held commanding posts in the imperial armed forces. It is important to note that among them there were representatives of the Sasanian family. Ormizdas, the son of Hormizd II, Kavad, the grandson of Kavad I, and Khosrow II sought to find salvation from Iranian strifes at the court of the emperors. These individuals were considered as completely loyal to Byzantium candidates for the Shahanshah’s throne. However, only Khosrow II managed to return victorious to Iran in 591 with the support of the eastern Roman emperor Maurice. *Results.* The author concludes that military service was the main channel of integration into the society of the empire for Persian immigrants as well as other foreigners in the Late Antique period.

Key words: Late Roman empire, Byzantine empire, Late Roman army, Byzantine army, Persia, Sasanians.

Citation. Nazarov A.D. Persian Immigrants in the Armed Forces of Early Byzantium. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 201-210. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.15>

УДК 94“04/14”:355.1

ББК 63.3(0)4-91

Дата поступления статьи: 12.04.2019

Дата принятия статьи: 28.06.2019

ПЕРСИДСКИЕ ИММИГРАНТЫ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

Андрей Дмитриевич Назаров

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена персам, служившим в вооруженных силах ранней Византии. Еще в период Принципата в состав римской императорской армии входили алы и когорты, которые первоначально

были набраны из парфян. Подразделения из персидских перебежчиков и военнопленных создавались также в IV–VI веках. Использование инструментальной позитивистской методологии в ходе исследования дает возможность обеспечить критический анализ сведений источников. Вместе с тем значительную ценность имеет просопографический метод, позволяющий на примерах судеб отдельных персоналий изучить механизмы интеграции выходцев из сопредельных государственных образований в общество ранней Византии. Согласно сведениям *Notitia dignitatum*, большая часть войсковых подразделений персидского происхождения несла службу в восточных провинциях империи. Известно также, что кавалерийские вексиляции, в которых числились выходцы из Ирана, были включены в состав мобильных армий (*comitatenses*). Кроме того, нумеры (*numeri*), сформированные из персидских военнопленных, в VI в. переводились в Италию. Эти подразделения состояли преимущественно из тяжеловооруженных всадников, которыми славились восточные соседи Рима и Византии. Вместе с тем в рамках представленной статьи автор обращается к отдельным персоналиям, занимавшим командные посты в вооруженных силах империи. Важно отметить, что среди их числа были представители семейства Сасанидов. Ормизда, сын Ормизда II, Кавад, внук Кавада I, и Хосров II, стремившиеся обрести при дворе императоров спасение от междоусобиц в Иране, рассматривались как полностью лояльные империи кандидаты на трон шаханшахов. Впрочем, вернуться в Иран с победой удалось лишь Хосрову II в 591 г., которому оказал поддержку император Маврикий. В заключении автор приходит к выводу, что военная служба была основным каналом интеграции персидских переселенцев, как и прочих чужеземцев, в общество империи.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, Византийская империя, позднеримская армия, византийская армия, Персия, Сасаниды.

Цитирование. Назаров А. Д. Персидские иммигранты в вооруженных силах ранней Византии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 201–210. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.15>

Введение. Миграции иноэтничных групп в империю стали одним из факторов, обусловивших политические сдвиги и социокультурные трансформации в пределах *Pax Romana* в позднеантичный период. Исследователи традиционно уделяют большее внимание варварам, переселявшимся на римские земли из-за Дуная и Рейна. Между тем на службу августам поступало немало выходцев с территорий, подвластных Сасанидам. Не подлежит сомнению, что обширные контакты с Ираном оказали значительное влияние на римскую культуру, равно как и византийскую [17]. При этом известны примеры не только политической конфронтации между Римом и Персией, но и сотрудничества. Так, восточно-римский правитель Аркадий незадолго до своей смерти в 408 г. завещал, чтобы шаханшах Йездегерд I (399–420) стал опекуном его сына Феодосия II (408–450). Более того, после кончины Аркадия воспитателем его наследника стал кувикулярный персидского происхождения Антиох [16]. Значительное число выходцев из Ирана состояло на службе в византийской армии. Однако этот аспект ранее не удостоивался специального исследования.

Необходимо отметить, что группы переселенцев на римско-персидском пограничье направлялись не только в пределы империи,

но и в противоположном направлении. В частности, после успешных кампаний персидских армий на византийском Востоке в неволю уводились мирные жители и военные. Известны случаи, когда римляне бежали в Иран по своему желанию, находясь под давлением неблагоприятных обстоятельств. Так, Аммиан Марцелин писал, что в 359 г. протектор Антонин, задолжавший крупную сумму неким влиятельным лицам и опасавшийся несправедливого суда, тайно перебрался через Евфрат и поступил на службу Шапуру II (309–379) (*Amm. Marc. XVIII. 5. 1–3*) (по изд.: [8]). Кроме того, во время отступления римской армии через Кордуену в 363 г. к персам переметнулся сигнифер легиона *Ioviani*, страшившийся преследования со стороны новоизбранного императора Иовиана (*Amm. Marc. XXV. 5. 7*). Известны также случаи, когда под иранские знамена становились гарнизоны сдавшихся восточно-римских крепостей (*Proc. VP. II. 6. 37; 27. 28*) (по изд.: [30]).

Методы. Использование инструментальной позитивистской методологии в ходе исследования позволяет обеспечить критический подход к сведениям источников. Вместе с тем при изучении процессов интеграции чужеземцев в состав византийского общества представляется перспективным обращение к

просопографическому методу. Его ценность заключается в том, что он дает возможность изучить механизмы инкорпорации выходцев из сопредельных государственных образований в новую социальную среду на примерах судеб отдельных персоналий.

Анализ. Подразделения, сформированные из парфян, числились в императорской армии в период Принципата. В ней состояли алы *Parthorum veterana*, *Parthorum et Araborum*, *Parthorum*, *I Augusta Parthorum*, *I Parthorum*, *Parthorum sagittariorum*, а также когорта *Parthorum*. Практически все они базировались вдали от восточных границ империи [22, p. 522–527]. Исключение составляет *ala I Parthorum*, которая, судя по сведениям *Notitia dignitatum*, дислоцировалась в Ресайне (совр. Рас-эль-Айн) в Осроене. Из всех упомянутых подразделений в данном источнике фигурирует только последнее (ND. Or. XXXV. 30) (по изд.: [27]). Представляется вероятным, что эта ала была сформирована не в эпоху Принципата, а при Диоклетиане (284–305). В связи с этим нужно отметить, что позднеантичные писатели в некоторых случаях называли подданных шаханшахов не «персами» (*Persae*, Πέρσαι), а «парфянами» (*Parthi*, Πάρθοι) (Eutrop. IX. 8. 1; 19. 1; X. 8. 2; 15. 1; Amm. Marc. XV. 1. 2; XX. 4. 2) (по изд.: [14]). Следует к тому же учитывать, что парфянские аристократические семейства занимали важное положение в политической системе государства Сасанидов [29, p. 56–118].

В IV в. также было создано подразделение конных лучников – *equites sagittarii Parthi*. Позднее его разделили на две воинские части: *seniores* и *iuniores* (ND. Осс. VI. 25 = 68 = VII. 186; Осс. VI. 30 = 73 = VII. 192). Вместе с тем Евтропий писал, что цезарь Галерий нанес поражение шаханшаху Нарсе (293–302) в битве при Сатале (совр. Садак) в 298 г., захватив множество пленных, которые были поселены на римской земле (Eutrop. IX. 25. 2. Cf.: Фавстос Бузанд. III. 21) (по изд.: [3]). По мнению К. Цукермана, из персов, которые сдались римлянам, была сформирована ала *III Assyriorum*, передислоцированная затем в Фиваиду [41]. В *Notitia dignitatum* она фигурирует под вторым номером, что является ошибкой переписчика (ND. Or. XXVIII. 33).

Представляют интерес сведения анонимной биографии Константина I, написанной в

IX веке. В ней сообщается, что в распоряжении императора имелась «тысяча персидских стражников, названных истинно святым Константином Περσοκόμητες» (цит. по: [38, p. 89]). Д. Вудс считал, что речь шла о дворцовой вексилляции *equites Persae clibanarii*, созданной Констанцием II до 344 г. [38, p. 92]. Однако вполне вероятно, что тысяча персов была зачислена не в одно подразделение, а сразу в несколько. Так, в *Notitia dignitatum* в составе первой презентальной армии была указана дворцовая вексилляция *equites primi clibanarii Parthi*, тогда как во второй презентальной армии находились *equites secundi clibanarii Parthi*, а под началом военного магистра Востока – *equites quarti clibanarii Parthi* (ND. Or. V. 40; VI. 40; VII. 32).

Последняя вексилляция упомянута также ранневизантийским писателем Феофилактом Симокаттой под названием ὁ καταλόγος τῶν Κουαρτοπάρθων. Лагерь этого армейского подразделения в последней четверти VI в. находился в Берое Сирийской (совр. Халеб, Алеппо) (Theoph. Sim. II. 6. 9) (по изд.: [37]). Восточные соседи империи славились катафрактариями и клибанариями, в то время как у римлян традиция подготовки такого рода воинов не получила достаточного развития. Поэтому вполне возможно, что власти империи устранили этот дефицит, сформировав вексилляции тяжеловооруженных всадников из персидских военнопленных и перебежчиков.

В империи к тому же стремились обрести убежище представители дома Сасанидов, искавшие спасение от внутрисемейных распрей. Так, в 324 г. от брата Шапура II к Константину I (306–337) бежал Ормизда (*Ormizdas*, Ὀρμίσδης), сын шаханшаха Ормизда II (Zos. II. 27; III. 13. 4) (по изд.: [40]) (ср.: [25, S. 74–94]). Известно, что впоследствии он принял христианство [34, vol. 1, p. 443]. Ормизда пользовался расположением августа Констанция II (337–361). В армии представитель семейства Сасанидов служил кавалерийским командиром (Amm. Marc. XVI. 10. 16). При Юлиане (361–363) перс был назначен военным магистром (вероятно, *magister equitum*) (Zos. III. 11. 3). По-видимому, перед вторжением в Асуристан (Ассирию) в 363 г. император планировал возвести Ормизду на трон шаханшахов (Lib. Ep. 1402) (по изд.:

[23]). Кроме того, Юлиан назначил его вместе с Аринфеем командующим кавалерией в экспедиционной армии (Zos. III. 13. 3. Cf.: Amm. Marc. XXIV. 1. 2).

В ходе кампании Ормизда убедил гарнизон Анафы капитулировать перед римской армией (Amm. Marc. XXIV. 1. 8). Следом командовавший отрядами, защищавшими крепость, Пусей (*Pusaеus*, Πουσαίος) стал трибуном и «доверенным лицом» Юлиана. Позднее он получил назначение на должность дукса Египта. Остальные обитатели Анафы были отправлены в Халкиду (Amm. Marc. XXIV. 1. 9. Cf.: Zos. III. 14. 4). «Поскольку он (Ормизда. – А. Н.) обладал весьма обстоятельными знаниями о персах», император однажды отправил его в разведку, во время которой этот военачальник со спутниками был атакован неприятелем и едва не погиб (Zos. III. 14. 4–5. Cf.: Amm. Marc. XXIV. 2. 4). Позднее, когда Юлиан осадил крепость Пероз-Шапур (*Pirisabora*, Πηροσαβῶρα), ее защитники отвечали Ормизде бранью на предложение сдаться римлянам и поносили его за предательство (Amm. Marc. XXIV. 2. 11; 5. 4; Zos. III. 18. 1; 23. 4). Кроме того, Зосим сообщил, что люди этого полководца из рода Сасанидов бились с персами в сражении при Туммаре, в ходе которого был смертельно ранен Юлиан (Zos. III. 29. 2).

В римской армии к тому же служил сын Ормизды, которого точно так же звали Ормизда. В 365 г. он примкнул к узурпатору Прокопию, став проконсулом Азии с гражданскими и военными полномочиями. Под знаменами мятежников он воевал против законного восточно-римского императора Валента (364–378). После подавления восстания Ормизда избежал серьезного наказания благодаря заступничеству своей жены, о которой Аммиан Марцеллин писал, что она была «богатой и знатной» (Amm. Marc. XXVI. 8. 12. Cf.: Zos. IV. 8. 1; 30. 5). Вновь Ормизда упоминается в сочинении Зосима в связи с событиями 379 г., когда Феодосий I (379–395) поручил ему возглавить отряд готов, направлявшийся из Фракии в Египет (Zos. IV. 30. 5). По утверждению составителей «Просопографии Поздней Римской империи», он владел недвижимостью в Сирии и Константинополе [34, vol. 1, p. 443–444].

Персом, вероятно, был еще один римский военачальник, которого звали Варан (*Varanes*, Οὐαράνης, Οὐαράνᾱς). Сохранилось адресованное ему письмо Либания, судя по которому отец Варана, чье имя неизвестно, был влиятельным человеком (Lib. Ep. 1104). По предположению Дж. Мартиндейла, последний мог быть одним из подданных шаханшахов, перешедших на сторону римлян [34, vol. 2, p. 1149]. В 393 г. Варан находился при дворе Феодосия I. С высокой степенью уверенности можно утверждать, что он принял участие в кампании против узурпатора Евгения в 394 году. Впоследствии Варан остался на службе западно-римского императора Гонория (395–423). После убийства Стилихона в 408 г. он выполнял обязанности магистра пехоты, однако вскоре вернулся в Константинополь (Zos. V. 36. 3). В столице Восточной Римской империи в 409 г. Варан сумел успокоить разгневанную толпу, недовольную нехваткой продовольствия. Впоследствии он стал презентальным магистром, а также консулом (Chron. Pasch. 571) (по изд.: [10]). В источниках к тому же упоминается военный магистр Востока в 378–381 гг. Сапор (Σαπῶρης), который так же мог быть выходцем из Ирана (Lib. Or. II. 9; Idem. Ep. 957) [34, vol. 1, p. 1149].

Под началом Феодосия I, по словам ритора Фемистия, в начале 380-х гг. состояли ассирийцы (Them. Or. XVI. 207) (по изд.: [35]). Кроме того, латинский поэт-панегирист Клавдиан упомянул, что среди солдат Стилихона в 395 г. были «пестрый сак и разукрашенный мидиец» (Claud. De cons. Stil. I. 158) (по изд.: [12]). Не вызывает сомнений, что эти воины находились в армии Феодосия I, который в 394 г. вел в Италии междоусобную войну против Евгения. После смерти императора в Медиолане (совр. Милан) в 395 г. римские силы, находившиеся в Италии, возглавил Стилихон, один из его военачальников [4, с. 102]. Однако сложно утверждать, при каких обстоятельствах «ассирийцы», «мидийцы» и «саки» были зачислены в императорскую армию.

Псевдо-Иешу Стилит писал о заключенном между Византией и Ираном договоре о взаимопомощи, согласно которому стороны обязывались в случае необходимости отправлять друг другу 300 конных бойцов либо выплачивать 300 статеров. Впрочем, сирийский

автор сообщил, что императоры ни разу не прибегали к помощи соседей, а шаханшахи обращались только за денежными выплатами (Иешу. 8) (по изд.: [7]). Псевдо-Иешу Стилит к тому же не назвал год подписания этого договора. Можно только предположить, что Феодосий I, испытывавший дефицит военных сил после поражения восточно-римской армии в битве при Адрианополе в 378 г., все же воспользовался иранской помощью, пригласив к себе персидских воинов. Не исключено, что из этих бойцов была сформирована вексиляция *equites Persae clibanarii* (ND. Or. VI. 32).

Скудость источникового материала не дает возможности утверждать о присутствии персидских воинов в византийской армии в V веке. В литературных сочинениях VI в. данный аспект, напротив, освещен достаточно подробно. С учетом того, что в VI столетии между Византией и Ираном шли постоянные войны, вероятнее всего, эти бойцы до зачисления в восточно-римские армейские ряды были перебежчиками или военнопленными. Так, Прокопием Кесарийским упомянут перс Арташир (Ἀρτασίωρης), дорифор при Велисарии, который принимал участие в войне с остготами на Апеннингах (Proc. BG. II. 2. 10; III. 11. 37) [34, vol. 3A, p. 131]. Еще один Арташир, также, предположительно, перс, входил в состав дорифоров византийского командира армянского происхождения Артабана (Proc. BV. II. 27. 10; 28. 7–32) [34, vol. 3A, p. 132]. Кроме того, в поэме Крескония Кориппа «Иоаннида» идет речь о находившемся под началом Иоанна Троглиты воине Орне (*Ornus*), который «не из рода Ромула происходил, Персия была ему родиной» (Cοripp. Iohan. IV. 892–893) (по изд.: [15]) [31, p. 253–254].

Прокопий Кесарийский также писал, что в 541 г. Велисарий без боя захватил в Кордуене крепость Сисавран, гарнизоном которой командовал Блесхам (Βλεσχήμης) (см. также: [24, p. 68, 70]). 800 сдавшихся персидских воинов Велисарий отослал Юстиниану I. Император принял решение зачислить этих пленных в армию и отправил их в Италию (Proc. BP. II. 19. 24–25; Idem. BG. III. 3. 11). Вероятно, некоторые из сдавшихся защитников Сисаврана находились в номере *equites PersoJustiniani*, упомянутом в латинской надписи из Аквилеи (CIL V 1591 = ILS 2810) (по

изд.: [13; 20]). Известна еще одна надпись из того же города, датируемая второй половиной VI века. Из ее текста следует, что в Италии был размещен номер *Cadisiani* (CIL V 1590 = ILS 2808). Название данной воинской части свидетельствует, что первоначально в ней числились кадисены (Καδισηνοί, Καδασηνοί), которые у Псевдо-Иешу Стилита именовались «кудишайе» (Иешу. 22, 24. Cf.: Proc. BP. I. 14. 38–39; Theoph. Sim. III. 5. 5). Представители этого племени, обитавшего в Месопотамии близ Нисибиса (совр. Нусайбин), призывались на службу персами. Вполне возможно, что некоторые из них были захвачены в плен византийской армией, а затем пополнили ее ряды.

При Юстиниане I (527–565) в империи обрел убежище Кавад (Καβάδης), сын Зама и внук шаханшаха Кавада I (488–496, 499–531). Его появление в Византии, как и в случае с Ормиздой, стало следствием распрей в семье Сасанидов. Представители знати, недовольные политикой Хосрова I (531–579), планировали возвести на трон его племянника Кавада, еще не достигшего совершеннолетнего возраста. После раскрытия заговора шаханшах велел ханарангу Адергудунбаду, воспитателю мальчика, убить подопечного. Однако Адергудунбад пощадил Кавада и долгие годы скрывал его от правителя. После того как воспитанник повзрослел, ханаранг посоветовал ему бежать, вслед за чем Кавад перебрался в Византию (Proc. BP. I. 23. 1–11).

Согласно словам Прокопия, Юстиниан I не был уверен, являлся ли перебежчик внуком Кавада I или все же был самозванцем, однако с почетом принял чужеземца, который «на царя (*sic!*) Кавада внешне был похож» (Proc. BP. I. 23. 23–24). Император, вероятно, рассматривал его как потенциального кандидата на иранский трон. В 552 г. Кавад с другими персами служил в Италии под началом Нарсеса (Proc. BG. IV. 26. 13) [34, vol. 3A, p. 276]. Следует отметить отдельно, что повествование Прокопия о детстве и юности этого представителя семейства Сасанидов во многом пересекается с рассказом Геродота о попытке властителя Мидии Астиага умертвить своего внука Кира, будущего персидского правителя (Herodot. I. 108–116) (по изд.: [18]). Сомнения Прокопия в достоверности информации о спасении Кавада от Хосрова I позволяют предположить, что

эта легенда являла собой пропагандистский конструкт, имевший целью упрочить легитимность притязаний Кавада на трон шаханшахов (ср.: [9, S. 54, Anm. 2]).

В 562 г. между Византией и Ираном был заключен пятидесятилетний мир, по условиям которого стороны обязались в том числе выдавать друг другу перебежчиков. Лица, которые переселились во враждебное государство во время войны, имели право вернуться на прежнее место обитания (Menand. fr. 6. 1) (по изд.: [19]). По всей видимости, речь шла о тех, кто был насильно уведен на чужбину. Тем не менее в 572 г. между империей и державой Сасанидов началась новая война, длившаяся до 591 года. В источниках неоднократно сообщалось о захвате византийской армией пленных, однако, как правило, не уточнялось, какова была их дальнейшая судьба. Некоторые из них могли быть отпущены на волю на определенных условиях, другие же – приняты в ряды императорской армии. Например, в 578 г. в результате кампании в Арзанене, Забдиене и Кордуене армия под началом военного магистра Востока Маврикия захватила множество пленных. Евагрий писал, что «отряды составлены были из них многочисленные, против других племен чрезвычайно отважно и мужественно сражавшиеся» (Evaogr. V. 19. Cf.: Theoph. Sim. III. 15; Иоанн Эфесский. VI. 27) (по изд.: [32; 1]).

Более того, спасаясь от узурпатора Бахрама Чубина, в 590 г. в империю бежал шаханшах Хосров II (590–628). Император Маврикий (582–602) согласился помочь ему вернуть власть в Иране. Византийский правитель также усыновил Хосрова II (Theoph. Sim. V. 3. 11; Theoph. AM 6081) (по изд.: [36]). Кроме того, анонимный составитель сирийской «Хроники 1234 г.», ат-Табари и Фирдоуси сообщали, что Маврикий выдал за него замуж свою дочь Марию (Хроника 1234 г. 81; al-Ṭabarī. V. 999; Фирдоуси. VI. 17605–17610) (по изд.: [2; 6; 33]). Следует отметить отдельно, что двое последних авторов опирались на сведения не дошедшего до наших дней свода придворных хроник и сказаний об иранских правителях «Хвадай-намак» [29, p. 13–14]. Тем не менее Н.В. Пигулевская считала, что Мария была не дочерью Маврикия, но, возможно, его родственницей [5, с. 241]. Так или иначе, были предприняты меры, направленные на

обеспечение лояльности шаханшаха восточно-римскому правителю. Кроме того, Хосров II обязался передать Византии часть территорий державы Сасанидов. После убийства Маврикия и прихода к власти Фоки в 602 г. шаханшах начал войну с империей.

В ходе кампании против Бахрама Чубина в 591 г. к византийско-иранской армии примкнули другие сторонники законного персидского правителя, в том числе полководец Ромизан (в византийских источниках Ρουσμιάζαν, Ρασμιόζαν) с 10-тысячным войском. После победы над узурпатором Хосров II нарек Ромизана Шахрваразом (в византийских источниках Σαλβάρας, Σαοβάρος, Σαοβαραζᾶς) (Хроника 1234 г. 81, 86; Mich. Syr. X. 23, 25) (по изд.: [11]) [34, vol. 3B, p. 1141–1144]. Впоследствии он неоднократно руководил кампаниями против империи на Ближнем Востоке, однако в 626 г. поднял мятеж против Хосрова II. При этом версии византийских, сирийских, персидских авторов о причинах бунта не согласуются между собой. Как отметил У.Э. Кэги, «истина была утрачена среди множества позднейших рассказов на разных языках о коварстве Ираклия и Шахрвараза» [21, p. 148–152]. П. Пуршариати же видит причину восстания в разногласиях между последними Сасанидами и парфянским аристократическим кланом Михранов, к которому принадлежал сам Шахрвараз [29, p. 102, 142–143].

Во время вторжения Ираклия (610–641) в пределы державы Сасанидов в 626 г. в его войске состояли персы (Хроника 1234 г. 99). Шахрвараз не принимал участия в этом походе, удалившись в Северную Сирию. Возможно, часть бойцов, находившихся под его командованием, примкнула к византийской армии. Кроме того, Феофан Исповедник сообщал о некоем персе, который в ходе кампании Ираклия в Армении в 620/621 г. перешел на сторону византийцев. Спустя некоторое время тот воин принял решение вернуться в иранское войско. После этого он, став свидетелем упадка боевого духа в армии шаханшаха, снова бежал к Ираклию (Theoph. AM 6113). Сам Шахрвараз в 630 г. стал правителем Ирана и во внутренних смутах стремился опереться на поддержку Византии. Более того, «Ираклий Никиту, сына Сарвара (Шахрвараза. – А. Н.), достоинством

патрикия почтил, а Нику, дочь его, за Феодосия, сына своего от жены Мартины, замуж выдал» (Nic. Breu. 17) (по изд.: [26]). Однако Шахвараз продержался на троне лишь два месяца и был убит (Theoph. AM 6120; Mich. Syr. XI. 3; Хроника 1234 г. 103–104).

Напоследок можно предположить, что некоторые персы бежали в Византию в ходе завоевания Ирана арабами. Вероятно, одним из таких иммигрантов являлся Саборий Персородный (Σαβώριος Περσογενής), возглавлявший армию Армениак (ὁ τῶν Ἀρμενιάκων στρατηγός) в 666/667 г. (Theoph. AM 6159; Mich. Syr. XI. 2) (ср.: [28, р. 421–422]). Не исключено, что он был хозяином печати со следующей легендой: Σαβούρ δούλου τοῦ Θεοῦ («Сабура, раба Божьего») [39, р. 657, no. 979a]. Также сохранился моливдовул апоипата Хосрова с надписью: Κοσορόου ἀπὸ ὑπάτων, δούλου τῆς Θεοτόκου («Апоипата Хосрова, раба Богородицы») [39, р. 1645, no. 2891]. Кроме того, известна печать, принадлежавшая Шахперозу, несомненно, обладателю персидского имени. Выглядит легенда моливдовула таким образом: Θεοτόκε, βοήθει Σαχπεροζάν («Богородица, помоги Шахперозу») [39, р. 528, no. 684] (см. также: [39, р. 528, no. 684a]).

Выводы. В позднеантичный период в императорской армии служили не только уроженцы римского государства, но и чужеземцы. Среди их числа были также персы, которые находились в кавалерии. Кроме того, в IV–VI вв. в империю бежали некоторые представители семейства Сасанидов. И Ормизда, и Кавад были вынуждены спастись от преследования шаханшахов. Императоры рассматривали этих беглецов как потенциальных кандидатов на иранский трон. Хосров II, в свою очередь, искал у Маврикия поддержки в противостоянии с узурпатором Бахрамом Чубином. Из всех Сасанидов только ему удалось вернуться из Византии в Персию с победой. Ормизда и Кавад же получили назначения на командные посты в императорской армии. Кроме того, их примеры указывают на то, что для персов, равно как и прочих иммигрантов в лице германцев или гуннов, основным каналом интеграции в византийское общество была армейская служба.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Главы из «Церковной истории» Иоанна Эфесского // Пигулевская, Н. В. Сирийская средневековая историография: Исследования и переводы / Н. В. Пигулевская. – СПб. : Д. Буланин, 2000. – С. 477–543.
2. Из анонимной сирийской хроники 1234 г. // Пигулевская, Н. В. Сирийская средневековая историография: Исследования и переводы / Н. В. Пигулевская. – СПб. : Д. Буланин, 2000. – С. 642–676.
3. История Армении Фавстоса Бузанда / пер. с др.-арм. и коммент. М. А. Геворгяна ; под ред. С. Т. Еремяна. – Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1953. – 256 с.
4. Мехмадиев, Е. А. Армянские войсковые подразделения в ранневизантийской армии (IV–VII вв.) / Е. А. Мехмадиев. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2014. – 256 с.
5. Пигулевская, Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков / Н. В. Пигулевская. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. – 290 с.
6. Фирдоуси Абулькасим. Шахнаме. Т. 6 / пер. Ц. Б. Бану-Лахути, В. Г. Берзнева. – М. : Изд-во АН СССР, 1989. – 655 с.
7. Хроника Иешу Стилита // Пигулевская, Н. В. Месопотамия на рубеже V–VI вв. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник / Н. В. Пигулевская. – М. : Изд-во АН СССР, 1940. – С. 130–170.
8. Ammianus Marcellinus. History. In 3 vols. Vol. 1 / ed. by J. C. Rolfe. – L. : W. Heinemann, 1935. – 633 p. ; Vol. 2 / ed. by J. C. Rolfe. – L. : W. Heinemann, 1940. – 696 p.
9. Börm, H. Prokop und die Perser: Untersuchungen zu den römisch-sasanidischen Kontakten in der ausgehenden Spätantike / H. Börm. – Stuttgart : F. Steiner, 2007. – 382 S.
10. Chronicon Paschale ad exemplar Vaticanum. Vol. 1 / rec. L. Dindorf. – Bonnæ : Ed. Weber, 1832. – 744 p.
11. Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166–1199). T. 2 / éd. et trad. en français par J.-B. Chabot. – Paris : E. Leroux, 1901. – 547 p.
12. Claudian. In 2 vols. Vol. 1 / ed. by M. Platnauer. – Cambridge (Mass.) : Harvard Univ. Press, 1922. – 432 p.
13. Corpus inscriptionum latinarum. In 16 vols. Vol. 5, Pars 1 / ed. Th. Mommsen. – Berolini : G. Reimer, 1872. – 672 p.
14. Eutropi Breviarium ab urbe condita cum versionibus Graecis et Pauli Landolfique additamentis / rec. H. Droysen. – Berolini : Weidmann, 1879. – 502 p.

15. Flavii Cresconii Corippi Africani Grammatici Ioannidos seu de bellis Libycus libri septem // Merobaudes et Corippus / rec. I. Bekker. – Bonnae : Ed. Weber, 1836. – P. 21–162.
16. Greatrex, G. Antiochus the Praepositus: A Persian Eunuch at the Court of Theodosius II / G. Greatrex, J. Bardill // *Dumbarton Oaks Papers*. – 1996. – Vol. 50. – P. 171–197.
17. Greatrex, G. L'influence byzantine sur la Perse sassanide / G. Greatrex // *Byzantine Culture : Papers from the Conference "Byzantine days of Istanbul" held on the Occasion of Istanbul being European Cultural Capital 2010, Istanbul, May 21–23 2010* / ed. by D. Sakel. – Ankara : Türk Tarih Kurumu, 2014. – P. 163–174.
18. Herodotus. The Persian Wars. In 4 vols. Vol. 1 / ed. by A. D. Godley. – Cambridge (Mass.) : Harvard Univ. Press, 1920. – 528 p.
19. History of Menander the Guardsman / introd., text, transl. and historiographical notes by R. C. Blockley. – Liverpool : F. Cairns, 1985. – 314 p.
20. Inscriptiones latinae selectae. In 3 vols. Vol. 1 / ed. H. Dessau. – Berolini : Weidmann, 1892. – 598 p.
21. Kaegi, W. E. Heraclius: Emperor of Byzantium / W. E. Kaegi. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. – 359 p.
22. Kennedy, D. L. Parthian Regiments in the Roman Army / D. L. Kennedy // *Limes. Akten des XI. Internationalen Limeskongresses (Budapest, 1977)* / hrsg. von J. Fitz. – Budapest : Akad. Kiadó, 1977. – P. 522–527.
23. Libanii Opera. In 12 vols. Vol. 1, Fasc. 1 / rec. R. Foerster. – Lipsiae : B.G. Teubner, 1903. – 544 p. ; Vol. 11 / rec. R. Foerster. – Lipsiae : B.G. Teubner, 1915. – 682 p.
24. Maksymiuk, K. Geography of Roman-Iranian Wars. Military Operations of Rome and Sasanian Iran / K. Maksymiuk. – Siedlce : Uniw. Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2015. – 143 p.
25. Mosig-Walburg, K. Die Flucht des persischen Prinzen Hormizd und sein Exil im Römischen Reich – Eine Untersuchung der Quellen / K. Mosig-Walburg // *Iranica Antiqua*. – 2000. – Vol. 35. – S. 69–109.
26. Nikephoros, Patriarch of Constantinople. Short History / text, transl., and comment. by C. Mango. – Washington : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1990. – 247 p.
27. Notitia dignitatum accedunt notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi provinciarum / ed. O. Seeck. – Berolini : Weidmann, 1876. – 339 p.
28. Peeters, P. Πασαγνάθης – Περσογενής / P. Peeters // *Byzantion*. – 1933. – Vol. 8, no. 2. – P. 405–423.
29. Pourshariati, P. Decline and Fall of the Sasanian Empire: The Sasanian-Parthian Confederacy and the Arab Conquest of Iran / P. Pourshariati. – L. ; N. Y. : I.B. Tauris, 2008. – 554 p.
30. Procopius. History of the Wars. In 5 vols. Vol. 1 / ed. by H. B. Dewing. – L. : W. Heinemann, 1914. – 600 p. ; Vol. 2 / ed. by H. B. Dewing. – L. : W. Heinemann, 1916. – 496 p. ; Vol. 3 / ed. by H. B. Dewing. – L. : W. Heinemann, 1919. – 458 p. ; Vol. 4 / ed. by H. B. Dewing. – L. : W. Heinemann, 1924. – 496 p. ; Vol. 5 / ed. by H. B. Dewing. – L. : W. Heinemann, 1928. – 456 p.
31. Riedlberger, P. Recherches onomastiques relatives à la composition ethnique du personnel militaire en Afrique byzantine (546–548) / P. Riedlberger // *Commutatio et contentio: Studies in the Late Roman, Sasanian, and Early Islamic Near East in Memory of Zeev Rubin* / ed. by H. Börm, J. Wiesehöfer. – Düsseldorf : Willem, 2010. – P. 253–271.
32. The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia / ed. by J. Bidez, L. Parmentier. – L. : Methuen & Co., 1898. – 358 p.
33. The History of al-Ṭabarī. In 40 vols. Vol. 5 / transl. by C. E. Bosworth. – N. Y. : State of Univ. New York Press, 1999. – 493 p.
34. The Prosopography of the Later Roman Empire. In 3 vols. Vol. 1 / ed. by A. H. M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1971. – 1174 p. ; Vol. 2 / ed. by J. R. Martindale. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1980. – 1342 p. ; Vol. 3A / ed. by J. R. Martindale. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1992. – P. xlvii, 1–760 ; Vol. 3B / ed. by J. R. Martindale. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1992. – P. vi, 761–1575.
35. Themistii Orationes ex codice Mediolanensi / ed. G. Dindorf. – Lipsiae : C. Knobloch, 1832. – 778 p.
36. Theophanis Chronographia. In 2 vols. Vol. 1 / rec. C. de Boor. – Lipsiae : B.G. Teubner, 1883. – 510 p.
37. Theophylacti Simocattae Historiae / ed. C. de Boor. – Lipsiae : B.G. Teubner, 1887. – 452 p.
38. Woods, D. Some Eunapiana / D. Woods // *Eklogai: Studies in Honour of Thomas Finan and Gerard Watson* / ed. by K. McGroarty. – Maynooth : Dept. of Classics, NUIM, 2001. – P. 85–132.
39. Zacos, G. Byzantine Lead Seals. In 2 vols. Vol. 1, Pt. 1. / G. Zacos, A. Vegleri. – Basel : J.J. Augustin, 1972. – P. xxxiv, 1–704 ; Vol. 1, Pt. 3. / G. Zacos, A. Vegleri. – Basel : J.J. Augustin, 1972. – P. 1437–1965.
40. Zosime. Histoire nouvelle. In 3 vols. Vol. 1 / ed. par F. Paschoud. – Paris : Les Belles Lettres, 2000. – 431 p. ; Vol. 2. Pt. 1 / ed. par F. Paschoud. – Paris : Les Belles Lettres, 1979. – P. xxxviii, 1–250 ; Vol. 2. Pt. 2 / ed. par F. Paschoud. – Paris : Les Belles Lettres, 1979. – P. 251–504 ; Vol. 3. Pt. 1 / ed. par

F. Paschoud. – Paris : Les Belles Lettres, 1986. – 365 p.

41. Zuckerman, C. Le camp de ΨΩβθις / Sosteos et les catafractarii / C. Zuckerman // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. – 1994. – Bd. 100. – P. 199–202.

REFERENCES

1. Glavy iz “Tserkovnoy istorii” Ioanna Efesskogo [Chapters from the Ecclesiastical History by John of Ephesus]. Pigulevskaya N.V. *Siriyskaya srednevekovaya istoriografiya: Issledovaniya i perevody* [Syrian Medieval Historiography: Studies and Translations]. Saint Petersburg, D. Bulanin Publ., 2000, pp. 477-543.

2. Iz anonimnoy siriyskoy khroniki 1234 g. [From the Anonymous Syrian Chronicle of 1234]. Pigulevskaya N.V. *Siriyskaya srednevekovaya istoriografiya: Issledovaniya i perevody* [Syrian Medieval Historiography: Studies and Translations]. St. Petersburg, D. Bulanin Publ., 2000, pp. 642-676.

3. Gevorgyan M.A., Eremyan S.T., eds. *Istoriya Armenii Favstosa Buzanda* [History of Armenia by Faustus of Byzantium]. Erevan, Academy of Sciences of Armenian SSR Publ., 1953. 256 p.

4. Mehamadiev E.A. *Armyanskie voyskovye podrazdeleniya v rannevizantiyskoy armii* (IV-VII vv.) [Armenian Military Units in the Early Byzantine Army (4th to 7th Century)]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2014. 256 p.

5. Pigulevskaya N.V. *Vizantiya i Iran na rubezhe VI i VII vekov* [Byzantium and Iran at the Turn of the 6th into 7th Century]. Moscow ; Leningrad, Academy of Sciences of USSR Publ., 1946. 290 p.

6. Banu-Lakhuti C.B., Berznev V.G., eds. *Firdousi Abulkasim. Shakhname* [Ferdowsi. Shahnameh]. Vol. 6. Moscow, Academy of Sciences of USSR Publ., 1989. 655 p.

7. Khronika Ieshu Stilita [The Chronicle by Joshua the Stylite]. Pigulevskaya N.V. *Mesopotamiya na rubezhe V-VI vv. Siriyskaya khronika Ieshu Stilita kak istoricheskiy istochnik* [Mesopotamia at the Turn of the 5th into 6th Century. The Chronicle by Joshua the Stylite as a Historian Source]. Moscow, Academy of Sciences of USSR Publ., 1940, pp. 130-170.

8. Rolfe J.C., ed. *Ammianus Marcellinus. History*. In 3 vols. Vol. 1. London, W. Heinemann, 1935. 633 p.; Rolfe J.C., ed. Vol. 2. London, W. Heinemann, 1940. 696 p.

9. Börm H. *Prokop und die Perser: Untersuchungen zu den römisch-sasanidischen Kontakten in der ausgehenden Spätantike*. Stuttgart, F. Steiner, 2007. 382 p.

10. Dindorf L., ed. *Chronicon Paschale ad exemplar Vaticanum*. Vol. 1. Bonnae, Ed. Weber, 1832. 744 p.

11. Chabot J.-B., ed. *Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166–1199)*. T. 2. Paris, E. Leroux, 1901. 547 p.

12. Platnauer M., ed. *Claudian*. In 2 vols. Vol. 1. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press, 1922. 432 p.

13. Mommsen Th., ed. *Corpus inscriptionum latinarum*. In 16 vols. Vol. 5, Pars 1. Berolini, G. Reimer, 1872. 672 p.

14. Droysen H., ed. *Eutropi Breviarium ab urbe condita cum versionibus Graecis et Pauli Landolfique additamentis*. Berolini, Weidmann, 1879. 502 p.

15. Flavii Cresconii Corippi Africani Grammatici Ioannidos seu de bellis Libycus libri septem. Bekker I., ed. *Merobaudes et Corippus*. Bonnae, Ed. Weber, 1836, pp. 21-162.

16. Greatrex G., Bardill J. Antiochus the Praepositus: A Persian Eunuch at the Court of Theodosius II. *Dumbarton Oaks Papers*, 1996, vol. 50, pp. 171-197.

17. Greatrex G. L'influence byzantine sur la Perse sassanide. Sakel D., ed. *Byzantine Culture : Papers from the Conference “Byzantine days of Istanbul” held on the Occasion of Istanbul being European Cultural Capital 2010, Istanbul, May 21–23 2010*. Ankara, Türk Tarih Kurumu, 2014, pp. 163-174.

18. Godley A.D., ed. *Herodotus. The Persian Wars*. In 4 vols. Vol. 1. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press, 1920. 528 p.

19. Blockley R.C., ed. *History of Menander the Guardsman*. Liverpool, F. Cairns, 1985. 314 p.

20. Dessau H., ed. *Inscriptiones Latinae selectae*. In 3 vols. Vol. 1. Berolini, Weidmann, 1892. 598 p.

21. Kaegi W.E. *Heraclius: Emperor of Byzantium*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2003. 359 p.

22. Kennedy D.L. Parthian Regiments in the Roman Army. Fitz J., ed. *Limes. Akten des XI. Internationalen Limeskongresses (Budapest, 1977)*. Budapest, Akad. Kiadó, 1977, pp. 522-527.

23. Foerster R., ed. *Libanii Opera*. Vol. 1, Fasc. 1. Lipsiae, B.G. Teubner, 1903. 544 p.; Foerster R., ed. Vol. 11. Lipsiae, B.G. Teubner, 1915. 682 p.

24. Maksymiuk K. *Geography of Roman-Iranian Wars. Military Operations of Rome and Sasanian Iran*. Siedlce, Uniw. Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2015. 143 p.

25. Mosig-Walburg K. Die Flucht des persischen Prinzen Hormizd und sein Exil im Römischen Reich – Eine Untersuchung der Quellen. *Iranica Antiqua*, 2000, vol. 35, pp. 69-109.

26. Mango C., ed. *Nikephoros, Patriarch of Constantinople. Short History*. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1990. 247 p.

27. Seeck O., ed. *Notitia dignitatum accedunt notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi provinciarum*. Berolini, Weidmann, 1876. 339 p.

28. Peeters P. Pasagnathēs – Persogenēs. *Byzantion*, 1933, vol. 8, no. 2, pp. 405-423.

29. Pourshariati P. *Decline and Fall of the Sasanian Empire: The Sasanian-Parthian Confederacy and the Arab Conquest of Iran*. London ; New York, I.B. Tauris, 2008. 554 p.
30. Dewing H.B., ed. *Procopius. History of the Wars. In 5 vols. Vol. 1*. London, W. Heinemann, 1914. 600 p.; Dewing H.B., ed. *Vol. 2*. London, W. Heinemann, 1916. 496 p.; Dewing H.B., ed. *Vol. 3*. London, W. Heinemann, 1919. 458 p.; Dewing H.B., ed. *Vol. 4*. London, W. Heinemann, 1924. 496 p.; Dewing H.B., ed. *Vol. 5*. London, W. Heinemann, 1928. 456 p.
31. Riedlberger P. Recherches onomastiques relatives à la composition ethnique du personnel militaire en Afrique byzantine (546–548). Börm H., Wiesehöfer J., eds. *Commutatio et contentio: Studies in the Late Roman, Sasanian, and Early Islamic Near East in Memory of Zeev Rubin*. Düsseldorf, Willem, 2010, pp. 253-271.
32. Bidez J., Parmentier L., eds. *The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia*. London, Methuen & Co., 1898. 358 p.
33. Bosworth C.E., ed. *The History of al-Ṭabarī. In 40 vols. Vol. 5*. New York, State of Univ. New York Press, 1999. 493 p.
34. Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J., eds. *The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1971. 1174 p.; Martindale J.R., ed. *Vol. 2*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1980. 1342 p.; Martindale J.R., ed. *Vol. 3A*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1992, pp. xlvi, 1-760; Martindale J.R., ed. *Vol. 3B*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1992, pp. vi, 761-1575.
35. Dindorf G., ed. *Themistii Orationes ex codice Mediolanensi*. Lipsiae, C. Knobloch, 1832. 778 p.
36. Boor de C., ed. *Theophanis Chronographia. In 2 vols. Vol. 1*. Lipsiae, B.G. Teubner, 1883. 510 p.
37. Boor de C., ed. *Theophylacti Simocatae Historiae*. Lipsiae, B.G. Teubner, 1887. 452 p.
38. Woods D. Some Eunapiana. McGroarty K., ed. *Eklogai: Studies in Honour of Thomas Finan and Gerard Watson*. Maynooth, Dept. of Classics, NUIM, 2001, pp. 85-132.
39. Zacos G., Vegleri A. *Byzantine Lead Seals. Vol. 1, Pt. 1*. Basel, J.J. Augustin, 1972, pp. xxxiv, 1-704; Zacos G., Vegleri A. *Vol. 1, Pt. 3*. Basel, J.J. Augustin, 1972, pp. 1437-1965.
40. Paschoud F., ed. *Zosime. Histoire nouvelle. Vol. 1*. Paris, Les Belles Lettres, 2000. 431 p.; Paschoud F., ed. *Vol. 2, Pt. 1*. Paris, Les Belles Lettres, 1979, pp. xxxviii, 1-250; Paschoud F., ed. *Vol. 2, Pt. 2*. Paris, Les Belles Lettres, 1979, pp. 251-504; Paschoud F., ed. *Vol. 3, Pt. 1*. Paris, Les Belles Lettres, 1986. 365 p.
41. Zuckerman C. Le camp de Psöbthis / Sosteos et les catafractarii. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 1994, vol. 100, pp. 199-202.

Information About the Author

Andrey D. Nazarov, Engineer Researcher, Laboratory of Comparative Studies of Tolerance and Recognition, Ural Federal University, Mira St, 19, 620002 Yekaterinburg, Russian Federation, andrey.nazarov451@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8519-9191>

Информация об авторе

Андрей Дмитриевич Назаров, инженер-исследователь лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания, Уральский федеральный университет, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Российская Федерация, andrey.nazarov451@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8519-9191>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.16>

UDC 94“833/840”:355.1

Submitted: 28.03.2020

LBC 63.3(0)4-92

Accepted: 16.11.2020

**PERSIANS-KHURRAMITES IN THE BYZANTINE MILITARY SERVICE
DURING 833–839/840: MILITARY RANK AND FUNCTIONS
OF PERSIAN MILITARY UNITS ¹**

Evgeniy A. Mekhamadiev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The scope of this paper is 1) to consider the forms of military service of the Persians within the Byzantine army during the first half of the 9th c., 2) to arrange the chronological order of events related to the involvement of the Persians in Byzantine military service as precisely as possible. The author means the Persians called Khurramites who were representatives of the anti-Islamic and anti-Arabic national movement at the north-west of Iran (territories of modern provinces of East Azerbaijan and Khamadan in the Republic of Iran). **Methods.** The author considers the single events (Byzantine military campaigns, in which the Persians took part, and also the facts of Persians' arriving in Byzantium) in a more or less strict chronological order. The researcher turns to an analysis of event history and makes a step-by step, consecutive representation of the process of Persians' arriving to Byzantine military service. The sources were works of Arabic, Armenian, Georgian and Greek authors (chroniclers, geographers, hagiographers) and seals (evidence of sigillography). **Analysis.** In 833/834 Byzantine Emperor Theophilos received a group of Persian refugees, who escaped from the Arabs and came to Byzantium. These Persians were headed by two chiefs, Theophobos and Naser, obviously, Naser was Theophobos' father. Part of the Persians with Naser as a chief located in the Byzantine theme (a military-administrative and territorial district) of Anatolikoi, while another part subordinated to Theophobos located in the theme of Armeniakoi. In 837 Theophilos hosted another group of the Persians, who were commanded by Babek. **Conclusions.** The analysis shows that both in 833/834 and 837 Theophilos established regular military units of the Persians called thourmai, while Persian leaders mentioned above became Byzantine military officials, that are tourmarchoi, i.e. that were those Persian leaders who commanded over Persian ethnic thourmai. These ethnic units continued their existence up to the mid-10th c.

Key words: Persians-Khurramites, Theophilos, Byzantium, Arabs, thourmai, tourmarchoi, seals, chronicles.

Citation. Mekhamadiev E.A. Persians-Khurramites in the Byzantine Military Service During 833–839/840: Military Rank and Functions of Persian Military Units. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 211-221. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.16>

УДК 94“833/840”:355.1

Дата поступления статьи: 28.03.2020

ББК 63.3(0)4-92

Дата принятия статьи: 16.11.2020

**ПЕРСЫ-ХУРРАМИТЫ НА СЛУЖБЕ В ВИЗАНТИЙСКОЙ АРМИИ
В 833–839/840 ГГ.: ВОЕННЫЙ РАНГ И ФУНКЦИИ
ПЕРСИДСКИХ ВОЙСКОВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ¹**

Евгений Александрович Мехмадиев

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Цель данной статьи состоит в том, чтобы 1) рассмотреть формы военной службы персов в византийской армии в первой половине IX в. и 2) установить более или менее точную хронологию событий, связанных с привлечением персов на византийскую военную службу. Автор имеет в виду персов-хуррамитов – представителей антиисламского и антиарабского движения в северо-западных регионах Ирана (территория современных провинций Восточный Азербайджан и Хамадан в Республике Иран). **Методы.** Автор рассматривает события (те византийские военные кампании, в которых принимали участие персы,

а также сами факты прибытия персов на территорию Византии) в хронологической последовательности, он обратился к анализу именно событийной истории и поэтапно восстановил процесс перехода различных групп персов-хуррамитов на византийскую военную службу. Источниковой базой исследования послужили труды арабских, армянских, греческих и грузинских авторов (хронистов, географов, агиографов), а также печати (сведения сфрагистики). *Анализ.* В 833/834 гг. византийский император Феофил принял на военную службу в империю группу персов-хуррамитов, бежавших из Ирана от арабов. Этим персов возглавляли два лидера, Феофоб и Наср, скорее всего, Наср был отцом Феофоба. Часть персов во главе с Насром разместилась в пределах византийской фемы (военно-территориального административного округа) Анатолик, тогда как другая часть, подчинявшаяся Феофобу, разместилась в пределах фемы Армениак. В 837 г. Феофил принял в империю еще одну группировку персов, подчинявшуюся Бабеку. *Выводы.* Анализ источников показал, что и в 833/834 гг., и в 837 г. Феофил сформировал из персидских групп регулярные войсковые подразделения – турмы, в то время как лидеры персов, Наср, Феофоб и Бабек, получили должности турмархов, то есть они же и командовали этими этническими турмами. Данные турмы продолжали существовать вплоть до середины X века.

Ключевые слова: персы-хуррамиты, Феофил, Византия, арабы, турмы, турмархи, печати, хроники.

Цитирование. Мехмадиев Е. А. Персы-хуррамиты на службе в византийской армии в 833–839/840 гг.: военный ранг и функции персидских войсковых подразделений // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 211–221. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.16>

Введение. Одним из аспектов взаимоотношений Византии и Арабского халифата в первой половине IX в. было активное привлечение на византийскую военную службу персов, которые поднимали восстание против власти арабов в иранских землях. Соответственно цель данной статьи состоит в том, чтобы определить формы военной службы этнических персидских отрядов в византийской армии в указанный период. В рамках изучения данного сюжета необходимо установить более точную хронологию византийских военных кампаний, в которых участвовали персы, а также этапы самого привлечения персов на византийскую военную службу. Актуальность и новизна темы статьи заключаются в том, что в предшествующей историографии вопроса (Дж. Россер, М. Рекайя, Ж.-Кл. Шене, Х. Синес Кодоньер, К. Цукерман) не предпринимались попытки четко и системно выявить административный статус персидских отрядов, то есть формы их военной службы и их военный ранг. Также предшествующие исследователи не ставили вопрос о связи между изменениями этого статуса и хронологией византийско-арабо-персидских взаимоотношений в первой половине IX века.

Методы. В качестве метода исследования мы обратимся к анализу событийной истории, то есть попытаемся выстроить хронологическую последовательность событий, связанных с военной службой персов в византийской

армии. С помощью перечисления и обзора событий во временной последовательности мы хотели бы поставить три вопроса: 1) сколько раз центральная администрация империи принимала персов на византийскую военную службу; 2) какие причины вызвали эти процессы и 3) как менялись формы военной службы персов от одного периода к другому. Источниками исследования послужили исторические хроники и трактаты арабоязычных и армянских авторов в переводах на современные западноевропейские языки (ат-Табари, ал-Масуди, Степанос Таронечи), византийских авторов («Продолжатель Феофана», Иосиф Генесий, Симеон Магистр, псевдо-Симеон), грузинские источники в русском переводе («Летопись Картли», «Житие Григория Хандзтийского»), а также сведения византийских грекоязычных печатей (сфрагистики).

Анализ. Арабоязычный историк персидского происхождения ат-Табари (838–923 гг.), «отец» арабской историографии, сообщает в своем монументальном многотомном труде «История пророков и царей» множество ценных сведений о взаимоотношениях Византии и окружавших ее народов, конечно же, основное внимание историк уделяет византийско-арабским войнам и в целом – различным формам византийско-арабского противостояния. Одной из форм этого противостояния было движение хуррамитов – персов, проживавших в основном на территории современных

иранских провинций Восточный Азербайджан и Хамадан. С 780 по 833/834 гг. эти персы неоднократно поднимали восстания против власти Халифата в иранских землях, наиболее крупное восстание вспыхнуло в 833/834 гг., его возглавили два перса – Бабек и Наср [3, С. 115, 117].

Потерпев поражение от арабских войск, один из лидеров восставших, Наср, бежал в пределы Византийской империи, где он перешел на службу к византийскому императору Феофилу (правил в 829–842 гг.). Как сообщает об этих сюжетах ат-Табари, в 833 г. арабский халиф ал-Мутасим, только недавно взошедший на престол, разгромил войска Насра в области Хамадан, и в результате своей победоносной экспедиции он уничтожил 60 000 человек, а «остальные (хуррамнты. – *Е. М.*) бежали на территорию Византии»². По словам ат-Табари, уже через четыре года, в 837 г., когда Феофил подверг осаде и захватил крепость Созопетра в Каппадокии, находившуюся к тому времени в руках арабов, его сопровождала «группа одетых в красное (*Muhammirah*, то есть хуррамнты. – *Е. М.*), которые... присоединились к Византийцам... их лидером был Барсис (то есть Наср. – *Е. М.*). Византийский царь выдал им жалованье, предоставил им жен и зачислил их (в армию) как регулярно оплачиваемых воинов» [24, р. 95]³.

Согласно другому арабоязычному автору, географу ал-Масуди (896–956 гг.), уже через год, в 838 г., сами хуррамнты вместе с Феофилом потерпели тяжелое поражение от войск ал-Мутасима в битве при городе Анзен (Дазимон) (современная Дазмана в Турции). Как сообщает ал-Масуди, во время битвы императора «защищали одетые в красное и Хорремнты, которые сопровождали его»⁴. Более того, географ прямо уточняет, что Феофил сохранил жизнь только благодаря «новообращенному христианину по имени Носер, которому помогали некоторые из его спутников»⁵. Наконец, еще один восточный автор – антиохийский патриарх Михаил Сириец (жил в 1126–1199 гг.) – в своей «Хронике» сообщает, что Феофил «вместе с 2000 человек был окружен в стороне (от лагеря)»⁶, под этими 2000 человек сирийский хронист имеет в виду хуррамнтов, которых возглавлял Наср.

Тем не менее византийские хроники, повествующие о времени правления Феофила, сообщают о другом персе по имени Феофоб, а также о его отце, которого они не называют по имени. Хроника, известная под условным названием «Продолжатель Феофана», сообщает, что «Феофил причислил Феофоба к званию патрикиев» (τὸν τε Θεόφοβον ὁ Θεόφιλος τιμῇ τῇ πατρικίων ἐναριθμεῖ), а персов, которые бежали в Византию, «зачислил в военные книги и создал так называемый Персидский отряд» (κώδιξι στρατιωτικοῖς αὐτοὺς ἀναγράφεται, καὶ τάγμα οὕτως καλούμενον Περσικὸν ἐγκατέστησε – *Theoph. Cont. III. 21* [6, р. 162, l. 6, 10–11]). Более того, согласно хронисту, Феофоб принял участие и в битве при Анзене (Дазимоне) вместе с 2000 персов: «и двух тысяч Персов, среди них присутствовал и Феофоб» (καὶ δύο χιλιάδων Περσῶν, προσόντος τοῦτοισ καὶ τοῦ Θεόφοβου – *Theoph. Cont. III. 21* [6, р. 164, l. 19–20]). Другой текст – хроника Симеона Логофета, написанная предположительно в 968 г. и, скорее всего, принадлежащая авторству чиновника по имени Симеон, который занимал должность логофета при императорах Никифоре II Фоке (963–969 гг.) и Иоанне Цимисхии (969–976 гг.) [14, р. 120] – прямо сообщает, что «Перс Феофоб бежал к Феофилу вместе со своим отцом (и) вместе с 14 000 Персов» (τῷ Θεοφίλῳ προσέφυγε Θεόφοβος ὁ Πέρσης ἄμα τῷ πατρὶ αὐτοῦ μετὰ Περσῶν χιλιάδων δεκατεσσάρων – [23, р. 218, l. 39–41])⁷.

Вплоть до недавнего времени практически вся историография, посвященная вопросу о хуррамнтах, придерживалась мнения, что Феофоб греческих текстов и Наср, упоминаемый в восточных источниках, – один и тот же персонаж. По мнению М. Рекайи, Дж. Россера, Х. Бартияна и Ж.-К. Шене, Наср, бежавший в Византию, просто принял христианское имя «Феофоб» («богобоязненный») и перешел на службу к византийскому императору, под своим новым (христианским) именем лидер восставших персов как раз и получил известность среди византийских авторов [21, р. 267; 20, р. 47, 66; 3, С. 120, 125; 4, р. 40].

В 2014 г. Х. Синес Кодоньер предположил, что Феофоб был сыном Насра, соответственно, по мнению исследователя, Наср

непосредственно командовал персидскими войсковыми контингентами, служившими в византийской армии, в то время как Феофоб находился при дворе императора, входил в состав его ближайшего окружения и обладал рядом почетных титулов, но не занимал какую-либо официальную военную или гражданскую должность [22, p. 161–163, 171]. С некоторыми разночтениями позицию Х. Синес Кодоньера поддержал К. Цукерман [30, p. 137–139, 144], мы же поддерживаем идею исследователя в отношении родственных связей между Насром и Феофобом, но, тем не менее, полагаем, что Феофоб, как и Наср, тоже выполнял функции военного командования. На наш взгляд, те персидские контингенты, которые находились под командованием Феофоба, размещались в феме (военно-административном округе) Армениак и входили в состав одноименной армии, тогда как персидские отряды, подчинявшиеся Насру, располагались и служили в феме Анатолик.

1. Сведения Иосифа Генесия и печати.

Прежде всего начнем с византийской печати из коллекции Г. Закоса, которая упоминает Насира, турмарха федератов. На наш взгляд, эта печать позволяет более точно определить статус тех персов, которые подчинялись Насру, отцу Феофоба: Θεοτόκε, βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Νασίρ(ο) βασιλικῷ σπαθαρίῳ καὶ τουρμάρχῃ τ(ῶ)ν Φοιδεράτων («Богородица, помоги своему рабу Насиру, царскому спарфарии и турмарху Федератов» – [29, p. 1760, no. 3148]). В данном случае турма федератов представляла собой войсковой корпус (отряд), который, как мы полагаем, размещался в пределах фемы Анатолик. Основанием для нашего вывода о локализации турмы федератов служат сведения византийского административного справочника «Тактикон Успенского», написанного в 842/843 гг. [15, p. 47]. Этот справочник упоминает турмарха федератов перед турмархом Ликаонии – области (провинции), входившей в состав фемы Анатолик [17, p. 1258, s.v. Lykaonia]: ὁ τουρμάρχης τῶν φιβεράτων / ὁ τουρμάρχης Λυκαονίας [15, p. 55, l. 7–8].

Вместе с тем непосредственно перед должностью турмарха федератов «Тактикон Успенского» упоминает должность клисурарха Созополя (ὁ κλεισουράρχης {ὁ} Σωζοπόλεως – [15, p. 55, l. 6]), и этот факт

дополнительно подтверждает размещение турмы федератов именно в феме Анатолик. Как известно, почти все военно-территориальные единицы империи в статусе клисуры находились в пределах византийской Малой Азии, из западных же владений Византии только регион под названием «Стримон», располагавшийся на севере современной Греции (в основном территория города Сера и соседние с ним земли), предположительно обладал таким статусом [17, p. 1132, s.v. Kleisoura; 18, p. 1968, s.v. Strymon]. Следовательно, под городом Созополь, о котором говорит составитель «Тактикона», можно понимать только тот город, который располагался в пределах провинции Писидия, а эта провинция, в свою очередь, входила в состав фемы Анатолик, так же как и провинция Ликаония [18, p. 1933, s.v. Sozopolis, 1680, s.v. Pisidia; 26, p. 1198–1199, s.v. Pisidia].

Сами турмархи представляли собой византийских военных чиновников, которые командовали турмой (подразделением, насчитывавшим в среднем от 600/800 до 5000/6000 человек) и подчинялись стратигу, верховному командующему той или иной региональной армией и по совместительству – наместнику той или иной фемы [8, p. 95–96, 164]. Х. Синес Кодоньер отождествил Насира печати с Насром, отцом Феофоба, и предположил, что персы, подчинявшиеся Насру, вошли в состав турмы федератов [22, p. 34, 36–40, 150–151].

В таком случае можно предположить, что, во-первых, Наср и его персидские отряды размещались в феме Анатолик, а во-вторых, они служили в регулярном войсковом подразделении византийской армии. На наш взгляд, сведения печати достаточно четко согласуются со сведениями ат-Табари, который утверждает, что персы Барсиса (то есть Насра) получали жалованье и были зачислены в византийские войска. Печать, цитированная выше, позволяет уточнить, что персы Насра вошли в состав турмы федератов. Судя по сообщениям ал-Масуди и Михаила Сирийского, турма федератов, которой командовал Наср, насчитывала 2000 человек, эта турма приняла участие в битве с арабами у Анзены (Дазимона) и спасла императора Феофила от неминуемой гибели.

Вместе с тем, как сообщает византийский хронист Иосиф Генесий, живший в X в., еще один лидер персов-хуррамнтов – Бабек, – потерпел тяжелое поражение от арабов, «устремился вместе с 7000 (человек) в царство Ромеев, разыскивая в городе Синоп отца Феофоба, очень почитаемого Персами, пребывающего в войсках Ромеев... он сам (то есть Бабек. – *Е. М.*) и подвластный ему народ стали подданными царя (то есть императора Феофила. – *Е. М.*)» (ὁ Βάβεκ εἰσῆει ἐν χιλιάσιν ἑπτὰ πρὸς τὴν Ῥωμαϊκὴν ἐπικράτειαν, κατὰ πόλιν Σινώπην ἀνερευνῶν τὸν Θεοφόβου πατέρα, παρὰ Πέρσαις πάνυ τιμώμενον, Ῥωμαίων ὄντα τοῖς καταλόγοις... τὸν ὑπ' αὐτόν γε λαὸν καὶ ἑαυτὸν τῷ βασιλεῖ ὑπήκοον τέθεικεν – [9, p. 38, l. 51–56]). В результате, как сообщает Иосиф Генесий, Феофил «записал Персов... в военные книги, сформировал из них Персидский отряд и приказал, чтобы они (то есть Персы. – *Е. М.*) числились среди Ромейских войск» (τοὺς Πέρσας... τοῖς στρατιωτικοῖς ἀναγράφεται κώδιξιν, καὶ τούτοις Περσικὸν σύλλογον ἐγκατέστησεν, καὶ αὐτοὺς ταῖς Ῥωμαϊκαῖς στρατοπεδαρχίαις συνηριθμησθαι προσέταξεν – [9, p. 40, l. 11–14]).

На наш взгляд, из сведений Иосифа Генесия можно сделать вывод, что персы, подчинившиеся Феофобу, размещались в городе Синоп, а этот город находился на территории фемы Армениак [26, p. 1390–1391, s.v. Sinope]. Следовательно, персы, которыми командовал Феофоб, располагались в пределах фемы Армениак. С учетом сведений ат-Табари, цитированного в начале статьи, мы можем предположить, что персидские отряды, находившиеся под властью Феофоба, так же как и персы Насра, были объединены в специальную турму, а эта турма, в свою очередь, вошла в состав армии Армениак. Очевидно, местом гарнизона турмы Феофоба служил город Синоп на побережье Черного моря.

Судя по всему, персы, прибывшие в империю вместе с Бабеком, значительно пополнили численность персидских войск, находившихся на службе в византийской армии. Если Х. Синес Кодоньер отверг достоверность сведений Иосифа Генесия о прибытии Бабека в Синоп, то М. Рекайя, наоборот, предположил, что Бабек бежал в Византию в 837 г., незадолго

до кампании Феофила против крепости Созопетра в Каппадокии (исследователь датировал эту кампанию мартом – апрелем 837 г.) [22, p. 162; 20, p. 57, 66]. Мы поддерживаем позицию М. Рекайи – в самом деле, согласно «Продолжателю Феофана», незадолго до смерти Феофоба, то есть либо к 839/840, либо к 842 гг. ([19, S. 657, no. 8237]), персы-хуррамнты, находившиеся на службе в византийской армии, «увеличились до 30 000 (человек)» (ἠϋξήσαν ὡς εἰς τρεῖς μυριάδας – Theoph. Cont. III. 29 [6, p. 180, l. 22]). Скорее всего, столь существенное увеличение численности персов-хуррамнтов (в 833/834 гг. их было 14 000) к рубежу 830–840-х гг. было связано именно с перемещением в Византию войск Бабека, в этом смысле не исключено, что группировка персов Бабека насчитывала намного больше, чем 7000 человек.

Как сообщает «Продолжатель Феофана», «немного времени спустя после того, как он (то есть император Феофил. – *Е. М.*) лишил жизни Феофоба» (император подозревал Феофоба в мятеже. – *Е. М.*) (τὸν Θεόφοβον μετ' οὐ πολὺ ἀπήγαγε τῆς ζωῆς), Феофил «отправил в каждую фему по 2000 человек, (поставив их) под власть тех, кто был назначен выполнять военное командование» (ἐκάστῳ θέματι χιλιάδας δύο ἀπέστειλεν, ὑπὸ χεῖρα τελεῖν τοῖς εἰς στρατηγίαν τεταγμένοις). Автор хроники уточняет, что император «принял решение поставить над ними турмархов, так что вплоть до наших дней турмы тех фем, где они были расселены, называются персидскими» (ἐφ' ὧν καὶ τουρμάρχας ἐπιστατεῖν ἐζέτιθετο. ὅθεν ἄχρις ἡμῶν τὴν προσηγορίαν Περσῶν αἱ τῶν θεμάτων τουρμαὶ κεκλήρονται, ἐφ' οἷς διεσπάρησαν – Theoph. Cont. III. 29 [6, p. 180, l. 24–27, 29–30]).

Мы полагаем, что составитель хроники «Продолжатель Феофана» выстроил ошибочную причинно-следственную связь и хронологию событий. В самом деле, если к моменту смерти Феофоба, то есть к 839/840 или 842 гг., персы-хуррамнты уже были зачислены в регулярные византийские войска и из них были образованы турмы, с какой целью император Феофил должен был заново создавать из этих персов некие новые турмы и ставить над ними новых турмархов? Иосиф Генесий четко со-

общает, что уже в 833/834 гг., а также в 837 г., когда Бабек прибыл в Византию, император Феофил зачислил персов в византийскую армию и сформировал из них регулярные военные отряды, те же сведения сообщает и ат-Табари. К тому же, каким образом Феофил мог заново распределить персидские войска по фемам, если во время битвы при Анзене (838 г.) многие персы, находившиеся под командованием Феофоба, бежали с поля боя и перешли на сторону арабов?⁸

Соответственно, мы считаем более достоверной другую историографическую традицию, представленную сведениями Симеона Логофета и псевдо-Симеона – по словам обоих хронистов, *сразу же* после того, как Феофоб вместе со своим отцом, Насром, бежали в Византию, «он (то есть император Феофил. – *Е. М.*) распределил их (то есть персов. – *Е. М.*) по фемам, разместил (там) в качестве гарнизонов и сформировал из них турмы, которые вплоть до сегодняшнего дня называются персидскими турмами» (οὗς διένειμεν οὗτος ἐν τοῖς θέμασι κατασκηνώσας καὶ εἰς τοῦρμας ἀποκαταστήσας, αἱ μέχρι τοῦ νῦν λέγονται τοῦρμαι Περσῶν – [23, р. 218, l. 41–42])⁹.

Сведения Симеона Логофета и псевдо-Симеона позволяют нам заключить, что *впервые* боевые отряды персов были преобразованы в регулярные византийские подразделения – турмы – еще в 833/834 гг., тогда как *новые турмы* были созданы в 837 г. из тех персов, которые прибыли в Византию вместе с Бабеком. На наш взгляд, численность персов Бабека составляла не 7000 человек, как утверждает Иосиф Генесий, а 16 000, в сумме с 14 000 воинов Насра и Феофоба все вместе они как раз и составили группировку численностью в 30 000 человек. Часть персидских турм (особенно те, которые подчинялись Насру) разместилась в феме Анатолик, другая часть находилась в феме Армениак.

М. Рекайя пришел к выводу, что войска Бабека, с которыми он прибыл в Византию, насчитывали не более 5000 человек, тогда как Ж.-Кл. Шене и К. Цукерман предположили, что к 838 г., когда произошла битва при Анзене (Дазимоне), общая численность всех хуррамитов, служивших в византийской армии, составляла не 30 000, а только 2000 человек [20, р. 50; 4, р. 42–43; 30, р. 146]. Мы не

согласны с подсчетами исследователей, весь рассмотренный выше материал показывает, что к 838 г. персов-хуррамитов, служивших в византийской армии (точнее – армиях), всего было именно 30 000 человек. Возникает вопрос – почему Феофил принял на византийскую военную службу тех персов, которые подчинялись Бабеку? Другими словами, что заставило его повысить численность персов-хуррамитов, которые прибыли в Византию ранее, в 833/834 годах? Для этого рассмотрим сведения «Продолжателя Феофана» и армянского хрониста Степаноса Таронечи (Асохика), жившего в XI веке.

2. Армянская экспедиция персов-хуррамитов под командованием Феофоба.

По словам составителя хроники «Продолжатель Феофана», «Феофоб и Варда, брат Феодоры (супруги императора Феофила. – *Е. М.*), вновь отправленные в Авастию вместе с войском, потерпели тяжелую неудачу, (и) совсем немногие вернулись оттуда» (Καὶ αὐθις ἐν Ἀβασγίᾳ ὁ τε Θεόφοβος καὶ ὁ τῆς Θεοδώρας ἀδελφὸς Βάρδας ἀποσταλέντες μετὰ στρατιᾶς ἰσχυρῶς ἐδυστύχησαν, ὀλίγων ἄγαν ἐκεῖθεν ὑποστρεψάντων – Theoph. Cont. III. 39 [6, р. 196, l. 16–18]). Как видно из представленного отрывка, речь в хронике идет о военной кампании, проведенной под командованием Феофоба (совместно с Вардой, братом императрицы Феодоры) на территории Авастии – царства, располагавшегося на северо-восточном побережье Черного моря. В основном исконные земли Авастии соответствовали современной Абхазии в Грузии и простирались от Пицунды на севере до Сухуми на юге. К концу VIII в. Авастия присоединила к себе и земли в бассейне реки Риони (знаменитый Фасис классических греческих авторов), то есть распространила свою власть на всю западную Грузию [25, р. 1–2, s.v. Abasgia].

К. Цукерман датировал эту экспедицию 840/841 гг. [30, р. 146–147], тем не менее, на основе сведений хроники Степаноса Таронечи, Х. Синес Кодоньер предположил, что экспедиция византийских войск, о которой рассказывает «Продолжатель Феофана», *во-первых*, произошла не на территории Авастии, а в армянских владениях Халифата, в данном случае – в районе городов Испир (Спер) и

Эрзерум (Карин, другое название – Феодосиополь) на территории современной восточной Турции, а во-вторых, данная экспедиция была лишь одной из целой серии военных походов, предпринятых Феофилом в 834–836 гг. [22, р. 248, 250, 255–256, 258–259]¹⁰.

Мы согласны с мнением исследователя, в таком случае необходимо обратить внимание на упоминание Феофоба в числе командующих византийскими войсками. Сведения «Продолжателя Феофана» явно подсказывают, что главную боевую силу византийских войск в реальности составляли именно персы-хуррамнты, точнее – те из них, которые подчинялись Феофобу и, следовательно, в основном размещались в пределах фемы Армениак. Сведения же Степаноса Таронеци в значительной мере позволяют уточнить характер территориальных перемещений персов-хуррамнтов, цель самой экспедиции и географию размещения персидских турм в тот период. Согласно Степаносу Таронеци, «в его (то есть императора Феофила. – Е. М.) дни произошло вторжение Хоромидов в округ Басен... В то время Феофил отправился в Халдию, прибыл к берегу по мосту и захватил в плен множество Армян вместе с их семьями... И в то время люди из Хоромидов прибыли в Вананд, к деревне Катчакар, они были полностью разбиты Сахаком, сыном Исмаила»¹¹.

Х. Бартикян первым отождествил Хоромитов, упоминаемых в хронике Степаноса Таронеци, с персами-хуррамнтами, находившимися под командованием Феофоба [3, С. 126–128, 131–132], соответственно, с учетом вывода исследователя, мы хотели бы обратить внимание на сведения армянского хрониста о Халдии. Дело в том, что эта фема со столицей в знаменитом городе Трапезунд располагалась на северо-востоке византийской Малой Азии и непосредственно граничила с Авагией [16, р. 404–405, s.v. Chaldia]. Скорее всего, именно этот географический фактор объясняет топографическую ошибку «Продолжателя Феофана» – греческий хронист посчитал, что Феофоб в составе войск Феофила отправился в Авагиею, тогда как в реальности экспедиция состоялась в землях бывшего Армянского княжества. Вместе с тем первоначальное пребывание Феофила в Халдии, откуда он направился уже в армянские владения Халифата,

было далеко не случайным. Скорее всего, в Халдии, как и в соседней феме Армениак, тоже размещались турмы персов-хуррамнтов, во всяком случае, Степанос Таронеци определенно говорит именно о хуррамнтах как основной боевой силе в войсках Феофила.

Сведения же о Сахаке, сыне Исмаила, служат дополнительным подтверждением в пользу того, что персы-хуррамнты во главе с Феофобом вторглись не в Авагиею, а в армянские земли Халифата. Сахак, сын Исмаила, упоминаемый Степаносом Таронеци, – не кто иной, как Сахак ибн Исмаил, арабский эмир Тбилиси, управлявший данными землями с 833 по 853 г. [12, р. 9], он весьма активно упоминается и в грузинских источниках – хрониках и житиях святых. Хроника, известная под названием «Летопись Картли», сообщает, что после того, как в ходе различных междоусобных войн правитель (князь – эристав) княжества Тао-Кларджети (располагалось на северо-востоке современной Турции и на юго-западе современной Грузии с центром в городе Артануджи, современный Ардануч в Турции) Ашот из династии Багратидов был убит, «*вновь заняли сарацины Картли* (восточную Грузию, бассейн реки Кура. – Е. М.)... *Вновь сел эмиром в Тбилиси Сахак, сын Исмаила*»¹².

По подсчетам Б. Мартен-Исар, Ашот правил в Тао-Кларджети примерно с 801 по 827 г. [13, р. 59–60], соответственно, вплоть до смерти Ашота эмир Тбилиси, судя по всему, ограничивался только этим городом и землями в его ближайшей округе, поддерживая более или менее мирные отношения с Ашотом. Об этом свидетельствуют и сведения «Жизни Григория Хандзтийского», грузинского святого, монаха, жившего в 759–861 годах. Согласно житию, диакон из города Сарцеба по имени Цкир, «*воспитанный в Тифлисе эмиром Сахаком, сыном Исмаила... просил себе через эмира Сахака анчскую кафедру у куропалата Ашота* (то есть епископскую кафедру в городе Артануджи, где размещался и сам Ашот; как известно, Ашот получил от византийского императора почетный титул куропалата. – Е. М.)»¹³. Следовательно, из текста видно, что Сахак ибн Исмаил признавал границы владений куропалата Ашота и не пытался их нарушить – между двумя правителями установились относительно мирные отношения,

заключившиеся в разграничении сфер влияния и взаимном признании владений друг друга. Именно поэтому Сахак ибн Исмаил даже обратился к Ашоту с просьбой о предоставлении епископской кафедры диакону из земель Тбилисского эмирата.

Более того, сведения жития косвенно подсказывают, что у Ашота установились относительно мирные отношения и с царем Абхазии (то есть Аваггии) Деметрием II, правившим с 825 или 836/837 по 861 или 871/872 гг. [12, р. 13]. Согласно житию, уже после того, как Ашот был убит («куропалат Ашот убит, и вместо него властвуют его сыновья»), «они (то есть Григорий Хандзтийский и его ученики. – Е. М.) отправились в Абхазию, царь же Абхазии Деметрий почтил их великою почестью и поселил на хорошем месте» [1, с. 98, 100]. Сведения жития позволяют сделать вывод, что Деметрий II не претендовал на владения куропалата Ашота даже после его смерти, наоборот, царь Абхазии благосклонно принял монахов, пользовавшихся покровительством со стороны Ашота.

Выводы. Следовательно, после смерти Ашота баланс сил в регионах Западного Кавказа и Армянского нагорья нарушился в пользу эмира Тбилиси. Судя по всему, воспользовавшись смертью Ашота, Сахак ибн Исмаил вторгся не только в земли Тао-Кларджети, но и в пределы армянских владений халифата, намереваясь подчинить их своей власти. Как видно из сведений Степаноса Таронечи, Сахаку ибн Исмаилу удалось достичь своей цели – очевидно, он захватил часть территории Тао-Кларджети, а также присоединил к своим владениям несколько армянских регионов, поэтому теперь владения эмира Тбилиси простирались вплоть до границ византийской Халдии. Естественно, такое усиление эмира Тбилиси угрожало безопасности соседних с ним византийских провинций, поэтому в период между 834 и 836 гг. император Феофил отправил против эмира Тбилиси Феофоба и его персов-хуррамитов, которые только недавно, в 833/834 гг., были зачислены на службу в византийские войска в качестве регулярных подразделений – турм, персидские турмы Феофоба выполняли свою службу в фемах Армении и Халдия. Экспедиция Феофоба прошла на территории армянских регионов и закончилась

неудачно, поскольку персы-хуррамиты потерпели от войск эмира Тбилиси поражение. Соответственно, с целью восполнить понесенные потери и пополнить численность хуррамитов, в 837 г. Феофил принял в свое подданство еще одну группировку персов, находившуюся под властью Бабека. Из персов Бабека тоже были сформированы турмы, и, судя по сообщениям византийских хроник, турмы Бабека вместе с турмами, подчинявшимися Феофобу, продолжали существовать и размещаться в империи вплоть до середины или второй половины X в., когда жили сами авторы этих хроник.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00010.

The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00010.

² Здесь и далее цитируем текст по английскому переводу К. Босуорта [24, р. 3]: and the rest fled to Byzantine territory.

³ He had with him a group of the Muhammira who... joined up with the Byzantines... The Byzantine king had assigned stipends to them, had provided them with wives, and had enrolled them as [regularly paid] warriors.

⁴ Цитируем текст по французскому переводу Б. Каппа де Во [11, р. 231]: fut défendu par les Mohammira et les Khorremites qui l'accompagnaient.

⁵ Цитируем текст по французскому переводу Г. Барбье де Менара [10, р. 136]: d'un néo-chrétien, nommé Noçair, aidé de quelques-uns de ses compagnons.

⁶ Цитируем текст по французскому переводу Ж.-Б. Шабо [5, р. 95]: Theophilus s'était séparé d'un côté, avec 2 mille hommes.

⁷ Эти сведения практически дословно повторяет еще один текст – хроника псевдо-Симеона, написанная предположительно при императоре Василии II (976–1025 гг.). См.: [28, р. 625, л. 22–23]; в вопросе о датировке хроники псевдо-Симеона следуем позиции К. Цукермана: [30, р. 102].

⁸ См. обзор источников по данному сюжету: [19, S. 657, no. 8237].

⁹ Сведения псевдо-Симеона, который почти дословно повторяет Симеона Логофета, см.: [28, р. 626, л. 1–2].

¹⁰ Т. Гринвуд полагает, что все боевые действия произошли в 837 г., то есть в тот же год, когда Феофил захватил и разграбил крепость Созопетра в Каппадокии: [7, р. 348].

¹¹ Цитируем текст по новейшему английскому переводу Т. Гринвуда [27, p. 205]: In his days there occurred the coming of the Hořomider to the district of Basean... Then Theophilos went to Chaldea and went ashore [using] a bridge and captured many of the Armenians with their families... And then the men of Hořomid came to Vanand, to the village of Kařkak'ar; they were destroyed by Sahak, son of Ismayel.

¹² Цитируем текст по русскому переводу Г. Цулая: [2, с. 49].

¹³ Цитируем текст по русскому переводу Н. Марра: [1, с. 137].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорий Мерчуле. Житие св. Григория Хандзтийского / изд. и пер. Н. Марр. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского императорского университета, 1911. – 151 с.
2. Летопись Картли / пер. Г. Цулая. – Тбилиси : Мецниереба, 1982. – 112 с.
3. Bartikian, H. Οί «Βυζαντινοί» Χουρραμίτες καὶ ἡ Ἀρμενία / H. Bartikian // Βυζαντινὰ Σύμμεικτα. – 1994. – Τ. 9. – Σ. 115–132. – DOI: <https://doi.org/10.12681/byzsym.763>.
4. Cheynet, J.-Cl. Théophile, Théophobe et les Perses / J.-Cl. Cheynet // Byzantine Asia Minor (6th–12th C.) / ed. by S. Lampakis. – Athens : National Hellenic Research Foundation, 1998. – P. 39–50.
5. Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche (1166–1199). Tome 3 / trad. par J.-B. Chabot. – Paris : Ernest Leroux, 1905. – 525 p.
6. Chronographiae quae Theophanis Continuati nomine fertur libri I–IV / ed. M. Featherstone et J. Signes Codoñer. – Berolini : De Gruyter, 2015. – 358 p. – (Corpus Fontium Historiae Byzantinae ; Vol. 53).
7. Greenwood, T. Armenian Neighbours (600–1045) / T. Greenwood // The Cambridge History of the Byzantine Empire (c. 500–1492) / ed. by J. Shepard. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – P. 333–364.
8. Haldon, J. A Critical Commentary on the Taktika of Leo VI / J. Haldon. – Washington D.C. : Dumbarton Oaks Research Library, 2014. – 542 p.
9. Iosephi Genesii Regum Libri Quattuor / ed. A. Lesmueller-Werner et I. Thurn. – Berolini : De Gruyter, 1978. – 142 p. – (Corpus Fontium Historiae Byzantinae ; Vol. 14).
10. Maçoudi. Les prairies d'or. T. VII / texte et trad. par G. Barbier de Meynard. – Paris : L'imprimerie nationale, 1873. – 438 p.
11. Maçoudi. Le livre de l'avertissement et de la revision / trad. par B. Carra de Vaux. – Paris : L'imprimerie nationale, 1897. – 570 p.
12. Martin-Hisard, B. Moines et monasteries géorgiens du 9e siècle : La Vie de saint Grigol Xancta / B. Martin-Hisard // Revue des Études Byzantines. – 2001. – Vol. 59. – P. 5–94.
13. Martin-Hisard, B. Moines et monasteries géorgiens du 9e siècle : La Vie de saint Grigol Xancta. Deuxième partie : Une mise en perspective historique / B. Martin-Hisard // Revue des Études Byzantines. – 2002. – Vol. 60. – P. 5–64.
14. Neville, L. Guide to Byzantine Historical Writing / L. Neville. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018. – 322 p.
15. Oikonomidès, N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles / N. Oikonomidès. – Paris : Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1972. – 403 p.
16. Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 1 : Aaro–Esko / ed. by A. Kazhdan. – Oxford : Oxford University Press, 1991. – 728 p.
17. Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 2 : Esot–Nika / ed. by A. Kazhdan. – Oxford : Oxford University Press, 1991. – P. 729–1474.
18. Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 3 : Nike–Zygo / ed. by A. Kazhdan. – Oxford : Oxford University Press, 1991. – P. 1475–2232.
19. Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Bd. IV (№ 6266–8345) / hrsg. von R.-J. Lilie. – Berlin : De Gruyter, 2001. – 687 S.
20. Rekaya, M. Mise au point sur Théophobe et l'alliance de Bâbek avec Théophile. (833/34 – 839/40) / M. Rekaya // Byzantion. – 1974. – Vol. 44. – P. 43–67.
21. Rosser, J. Theophilus' Khurramite Policy and its Final : The Revolt of Theophobus' Persian Troops in 838 / J. Rosser // Βυζαντινὰ. – 1974. – Τ. 6. – P. 265–271.
22. Signes Codoñer, J. The Emperor Theophilos and the East, 829–842 : Court and Frontier in Byzantium during the Last Phase of Iconoclasm / J. Signes Codoñer. – Farnham : Routledge, 2014. – 518 p.
23. Symeonis Magistri et Logothetae Chronicon / ed. St. Wahlgren. – Berolini : De Gruyter, 2006. – 431 p. – (Corpus Fontium Historiae Byzantinae ; Vol. 44/1).
24. The History of al-Tabari. Vol. 33 : Storm and Stress along the Northern Frontiers of the 'Abbāsid Caliphate / transl. by C.E. Bosworth. – N. Y. : State University of New York Press, 1991. – 239 p.
25. The Oxford Dictionary of Late Antiquity. Vol. 1 : A–I / ed. by O. Nicholson. – Oxford : Oxford University Press, 2018. – 800 p.
26. The Oxford Dictionary of Late Antiquity. Vol. 2 : J–Z / ed. by O. Nicholson. – Oxford : Oxford University Press, 2018. – pp. 801–1637.
27. The Universal History of Step'anos Tarōnec'i / introd., transl. and comment. by T. Greenwood. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – 358 p.
28. Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / ed. I. Bekker. – Bonnae : Impensis Ed. Weberi, 1838. – 950 p.

29. Zacos, G. *Byzantine Lead Seals*. Vol. I, Pt. 3 / G. Zacos, A. Veglery. – Basel : J.J. Augustin, 1972. – P. 1439–1965.

30. Zuckerman, C. *Emperor Theophilus and Theophobos in Three Tenth-Century Chronicles: Discovering the “Common Source”* / C. Zuckerman // *Revue des Études Byzantines*. – 2017. – Vol. 75. – P. 101–150.

REFERENCES

1. Marr N., ed. *Grigoriy Merchule. Zhitie sv. Grigoriya Khandztiyskogo* [The Life of Gregorius of Khandzta]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo imperatorskogo universiteta Publ., 1911. 151 p.

2. Tsulay G., ed. *Letopis Kartli* [The Chronicle of Kartli]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1982. 112 p.

3. Bartikian H. Oi «Byzantinoi» Chourammites kai ē Armenia [The “Byzantine” Khurramites and Armenia]. *Byzantina Symmeikta*, 1994, vol. 9, pp. 115–132. DOI: <https://doi.org/10.12681/byzsym.763>.

4. Cheynet J.-Cl. Théophile, Théophobe et les Perses. Lampakis S., ed. *Byzantine Asia Minor (6th–12th C.)*. Athens, National Hellenic Research Foundation, 1998, pp. 39–50.

5. Chabot J.-B., ed. *Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche (1166–1199)*. Vol. III. Paris, Ernest Leroux, 1905. 525 p.

6. Featherstone M., Signes Codoñer J., eds. *Chronographiae quae Theophanis Continuati nomine fertur libri I–IV*. Berolini, De Gruyter, 2015. 358 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; vol. 53).

7. Greenwood T. Armenian Neighbours (600–1045). Shepard J., ed. *The Cambridge History of the Byzantine Empire (c. 500–1492)*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008, pp. 333–364.

8. Haldon J. *A Critical Commentary on the Taktika of Leo VI*. Washington D.C., Dumbarton Oaks Research Library, 2014. 542 p.

9. Lesmueller-Werner A., Thurn I., eds. *Iosephi Genesii Regum Libri Quattuor*. Berolini, De Gruyter, 1978. 142 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; vol. 14).

10. Barbier de Meynard G., ed. *Maçoudi. Les prairies d'or*. Vol. VII. Paris, L'imprimerie nationale, 1873. 438 p.

11. Carra de Vaux B., ed. *Maçoudi. Le livre de l'avertissement et de la revision*. Paris, L'imprimerie nationale, 1897. 570 p.

12. Martin-Hisard B. Moines et monasteries géorgiens du 9e siècle: la Vie de saint Grigol Xancta. *Revue des Études Byzantines*, 2001, vol. 59, pp. 5–94.

13. Martin-Hisard B. Moines et monasteries géorgiens du 9e siècle: la Vie de saint Grigol

Xancta. Deuxième partie: une mise en perspective historique. *Revue des Études Byzantines*, 2002, vol. 60, pp. 5–64.

14. Neville L. *Guide to Byzantine Historical Writing*. Cambridge, Cambridge University Press, 2018. 322 p.

15. Oikonomidès N. *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles*. Paris, Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1972. 403 p.

16. Kazhdan A., ed. *Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 1: Aaro–Esko. Oxford, Oxford University Press, 1991. 728 p.

17. Kazhdan A., ed. *Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 2: Esot–Nika. Oxford, Oxford University Press, 1991, pp. 729–1474.

18. Kazhdan A., ed. *Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 3: Nike–Zygo. Oxford, Oxford University Press, 1991, pp. 1475–2232.

19. Lilie R.-J., ed. *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit*. Vol. IV (no. 6266–8345). Berlin, De Gruyter, 2001. 687 p.

20. Rekaya M. Mise au point sur Théophobe et l'alliance de Bâbek avec Théophile. (833/34–839/40). *Byzantion*, 1974, vol. 44, pp. 43–67.

21. Rosser J. Theophilus' Khurramite Policy and its Final: the Revolt of Theophobos' Persian Troops in 838. *Byzantina*, 1974, vol. 6, pp. 265–271.

22. Signes Codoñer, J. *The Emperor Theophilus and the East, 829–842: Court and Frontier in Byzantium during the Last Phase of Iconoclasm*. Farnham, Routledge, 2014. 518 p.

23. Wahlgren St., ed. *Symeonis Magistri et Logothetae Chronicon*. Berolini, De Gruyter, 2006. 431 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; vol. 44/1).

24. Bosworth C.E., ed. *The History of al-Tabari*. Vol. 33: Storm and Stress along the Northern Frontiers of the 'Abbāsīd Caliphate. N. Y., State University of New York Press, 1991. 239 p.

25. Nicholson O., ed. *The Oxford Dictionary of Late Antiquity*. Vol. 1: A–I. Oxford, Oxford University Press, 2018. 800 p.

26. Nicholson O., ed. *The Oxford Dictionary of Late Antiquity*. Vol. 2: J–Z. Oxford, Oxford University Press, 2018, pp. 801–1637.

27. Greenwood T., ed. *The Universal History of Step'anos Tarōnec'i*. Oxford, University Press, 2017. 358 p.

28. Bekker I., ed. *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus*. Bonnae, Impensis Ed. Weberi, 1838. 950 p.

29. Zacos G., Veglery A. *Byzantine Lead Seals*. Vol. I, Pt. 3. Basel, J.J. Augustin, 1972, pp. 1439–1965.

30. Zuckerman C. Emperor Theophilus and Theophobos in Three Tenth-Century Chronicles: Discovering the “Common Source”. *Revue des Études Byzantines*, 2017, vol. 75, pp. 101–150.

Information About the Author

Evgeniy A. Mekhamadiev, Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer, Medieval History Department, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, e.mehamadiev@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1823-4588>

Информация об авторе

Евгений Александрович Мехамадиев, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Средних веков, Санкт-Петербургский государственный университет, ул. Университетская набережная, 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e.mehamadiev@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1823-4588>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.17>

UDC 94(569.4).024
LBC 63.3(0)4

Submitted: 14.03.2019
Accepted: 19.06.2019

**FUSION OF ANCIENT HERITAGE AND CHRISTIAN DOCTRINE
IN THE POEM OF JOHN OF GAZA “DESCRIPTION OF THE COSMIC TABLE”**

Marina Yu. Lopatina

Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* John of Gaza is the only known grammarian poet who belongs to the cultural environment of the Gaza School. His work “Description of the Cosmic Table” is a unique extant poetic work that corresponds to the ancient literary genre. Despite the final Christianization of Gaza at the end of the 4th century, the classical elements did not outlive their usefulness. The poem by John of Gaza written in the genre of ekphrasis is a vivid example of this phenomenon. The author actively appealed to the works of ancient authors and to a lesser extent to the Christian works when he created his poem. Therefore, the main purpose of our study is to identify sources – exact quotes, expressions that can be identified in another work – paraphrased or repeated verbatim. *Methods.* The author conducts his research on the basis of the historical and comparative method, which allows to compare the work of John of Gaza with the works of other authors. Thus, it allows to reveal the sources used in the poem. *Analysis.* The author in his work divides conditionally cited authors into ancient and Christian, and also argues the thesis that the works of the former occupy an important place as a source of borrowings. *Results.* Based on the analysis, the author identified four main characteristics that clearly indicate the echoes of the cultural heritage of antiquity. Interpretation and understanding of allegorical and Christian images in Early Byzantium with the help of Homer, Nonne of Panopolis, Aristophanes, Menander, etc. still occupied an important place in the life of the Gazans. The citation of Christian authors, first of all John Chrysostom, is explained by the historical time associated with the transformation of religious consciousness. In general, it can be noted that the poem of the Byzantine poet John of Gaza is a “fusion” of ancient heritage and Christian doctrine.

Key words: John of Gaza, Description of the Cosmic Table, Gaza, ekphrasis, Early Byzantium, ancient heritage.

Citation. Lopatina M.Yu. Fusion of Ancient Heritage and Christian Doctrine in the Poem of John of Gaza “Description of the Cosmic Table”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 222-230. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.17>

УДК 94(569.4).024
ББК 63.3(0)4

Дата поступления статьи: 14.03.2019
Дата принятия статьи: 19.06.2019

**«СПЛАВ» АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ И ХРИСТИАНСКОГО ВЕРОУЧЕНИЯ
В ПОЭМЕ ИОАННА ГАЗСКОГО «ОПИСАНИЕ КАРТИНЫ МИРА»**

Марина Юрьевна Лопатина

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Иоанн Газский – единственный известный нам поэт-грамматик, принадлежащий к культурной среде Школы Газы. Его сочинение «*Описание картины мира*» является уникальным

дошедшим до нас поэтическим произведением, которое соответствует античному литературному жанру. Несмотря на окончательную христианизацию Газы в конце IV в., классические элементы не изжили себя. Яркий пример – поэма Иоанна Газского, написанная в жанре экфрасис. Автор рукописи при создании поэмы активно обращался к произведениям античных авторов и в меньшей степени – христианских. Поэтому главная цель нашего исследования состоит в выявлении источников – точных цитат, выражений, которые могут быть идентифицированы в другой работе, – перефразированных или повторяющихся дословно. *Методы.* Автор проводит свое исследование на основе историко-сравнительного метода, позволяющего сопоставить сочинение Иоанна Газского с произведениями других авторов. Таким образом, это позволяет выявить источники, используемые в поэме. *Анализ.* Автор в своей работе разделяет условно цитируемых авторов на античных и христианских, а также аргументирует тезис, что важное место в качестве источника заимствований занимают произведения первых. *Результаты.* На основе проведенного анализа автором были выявлены четыре основные характеристики, которые явно указывают на отголоски культурного наследия античности. Толкование и понимание аллегорических и христианских образов в ранней Византии с помощью Гомера, Нонна Панополитанского, Аристофана, Менандра и других занимало по-прежнему существенное место в жизни газийцев. Цитирование же христианских авторов, в первую очередь Иоанна Златоуста, объясняется историческим временем, связанным с трансформацией религиозного сознания. В целом можно отметить, что стихотворение византийского поэта Иоанна Газского является «сплавом» античного наследия и христианского вероучения.

Ключевые слова: Иоанн Газский, «Описание картины мира», Газа, экфрасис, ранняя Византия, античное наследие.

Цитирование. Лопатина М. Ю. «Сплав» античного наследия и христианского вероучения в поэме Иоанна Газского «Описание картины мира» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 222–230. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.17>

Введение. Газа Палестинская в ранневизантийское время – город высокой культуры, занимающий выдающееся положение в области красноречия. Славу этому городу принесли такие видные деятели, как риторы Прокопий и Хорикий, философ Эней, поэт Иоанн. Последний сыграл особую роль в распространении поэзии в рассматриваемом регионе, прежде всего созданием греческой поэмы «*Описание картины мира*» (*Descriptio Tabulae Mundi*).

На сегодняшний день *Tab.* Иоанна является уникальным дошедшим до нас поэтическим произведением, за исключением нескольких анакреонтических стихотворений, которое соответствует античному литературному жанру. Личность автора *Tab.* известна нам по названию единственной рукописи – «Экфрасис Иоанна Грамматика из Газы», в которой и сохранился текст. Манускрипт был обнаружен в Codex Palatinus 23 и Supplementum Graecum 384, хранящихся в Палатинской библиотеке Гейдельберга и Национальной библиотеке Франции соответственно. Supplementum Graecum 384 – это вторая часть кодекса Палатинской антологии (Codex Palatinus 23), имеющая обозначение как «Дополнение». Три элемента заголовка – имя (Иоанн), указание на деятельность

(грамматик) и место (Газа) – позволяют расположить поэта и его творчество в контексте, богатом событиями, а именно, в контексте Газской школы риторики, развивавшейся в Газе в христианской среде и пользующейся популярностью и известностью с последней четверти V в. до середины VI в. [7, р. 163–165]. Таким образом, цель нашей работы состоит в выявлении взаимосвязи между христианским автором Иоанном Газским и античным культурным наследием на примере поэмы «*Описание картины мира*» в историческом пространстве и времени.

Методы и материалы. Для решения поставленной задачи нами был использован историко-сравнительный метод, позволяющий сопоставить сочинение Иоанна Газского с произведениями других авторов, прежде всего античных. На основе проведенного сравнительного анализа мы можем установить точные цитаты, термины или выражения, которые были заимствованы и освоены поэтом из Газы.

В качестве основного источника выступает сочинение Иоанна Газского «Описание картины мира», изданное с переводом на французский язык Дельфин Лоритцен впер-

вые в 2015 г. (есть также латинский перевод Ф. Мореля (1619) и немецкий П. Фридендера (1912)). Также в качестве источников нами были использованы следующие произведения: Гомеровы гимны, «Теогония» Гесиода, лирика Тиртея, «Филоктет» Софокла, «Антология» Иоанна Стобея, «Облака», «Лисистрата» и «Птицы» Аристофана, «Взятие Илиона» Трифиодора, Гимны Прокла, отдельные сочинения Иоанна Златоуста.

В качестве теоретической базы исследования в первую очередь мы применяли научные подходы и выводы Д. Лоритцен, активно изучающей жизнь и творчество Иоанна Газского, а также работы П. Фридендера, К. Глюкер, Э. Амато, Д. Рено, А. Корселлы.

Анализ. Для начала стоит обратить внимание на личность автора поэмы и его происхождение. Согласно Codex Palatinus 23, нам известна формулировка «Экфрасис Иоанна Грамматика из Газы». В научном мире существует три точки зрения на топоним «Газа» применительно к данному случаю: происхождение автора, место, где он преподавал, либо же обе версии связаны между собой. Именно последний вариант, «Грамматик Иоанн Газский (происходящий из Газы и преподающий в ней)», играет преобладающую роль. На это указывает и тенденция, часто проявлявшаяся газийцами, оставаться верными своему городу. С этой точки зрения показательным является пример Прокопия Газского, который отказался от предложений преподавания в престижных школах (Кесарии Палестинской и др.) и продолжил деятельность на своей родине [17, р. 174–175].

Недавнее текстологическое открытие, сделанное Э. Амато, позволяет выдвинуть предположение об отождествлении Иоанна из Газы с отцом молодой невесты, которой Прокопий Газский посвящает эпиграмм [16, р. 353]. Следует также упомянуть интересный факт, указывающий на известность двух Иоаннов из Газы, которые, по-видимому, являлись современниками и жили в одном регионе. Однако поэта Иоанна Газского следует отличать от представителя монашеской традиции Иоанна Пророка [9, р. 299–301] – ученика и последователя «великого старца» египетского происхождения Варсануфия, отшельника монастыря Аввы Сериды, расположенного в

непосредственной близости от города Газа [2, р. 131]. Насколько нам известно, никакое прямое свидетельство не может сблизить этих двух людей. Это говорит лишь о популярности, которой пользовалось имя «Иоанн» в то время [8, р. XII].

Расцвет риторической деятельности в Газе начинается с эпохи правления Зенона (474–475, 476–491), затем эта деятельность еще более утверждается при Анастасии (491–518) и Юстине I (518–527) и продолжается до середины личного правления Юстиниана I (527–565). В этот шестидесятилетний период можно выделить три поколения авторов – Эней, Прокопий, Хорикий. Иоанна сложно отнести к какому-либо из этих периодов, поэтому его можно было бы назвать промежуточным в истории Школы Газы [4, р. 351], но указанная периодизация далеко не строга.

Сложно установить дату составления *Tab.* Сопоставление этого текста с описанием зимней бани, упомянутой в речи Хорикия Дуксу Аратию и архонту Стефану 535/536 гг. [5, р. 154–175], которое было предложено К. Зайтцем [18, S. 33–34], на данный момент считается нецелесообразным [1, р. 68–71]. Относительно датировки жизни Иоанна и его поэмы можно привести сведения об исследованиях по данной теме и различные даты, которые были для этого предложены. Например, Килиан Зайтц [18, S. 33] датировал деятельность Иоанна серединой V в. и связывал последнего с Нонном Панополитанским, а Герард Крамер перенес дату составления *Tab.* на VII в., утверждая, что поэт не понимал некоторые детали картины, так как сочинение было составлено позже, чем само произведение искусства [10, р. 64]. В 1608 г. ученый-гуманист Скалигер сравнил Иоанна с Нонном на основании цитаты «наш поэт, мы должны подчеркнуть» [8, р. XII]. Тот факт, что Иоанн обширно цитирует Нонна, позволяет установить относительную хронологию обоих авторов. С точки зрения абсолютной датировки ученые приходят к мнению, что Нонн является автором работ *Парафраза Евангелия и Дионисиака*, относящихся к третьей четверти V в., а точнее ко времени около 470 г. [8, р. XIII] (при этом, правда, следует учитывать резко обострившиеся в самые последние годы споры о датах жизни Нонна). В результате самый ранний

период, который может быть предложен для начала деятельности Иоанна, – это правление Зенона (474–491). Соответственно датировка расцвета деятельности Иоанна должна падать на 500–530 гг., и, следовательно, поэта можно сделать современником Прокопия Газского, не имея возможности указать точную дату составления его великой поэмы.

Итак, произведение Иоанна Газского представляет собой экфрасис в стихах, составленный приблизительно в начале VI века. Оно состоит из 703 гексаметров и 29 ямбических триметров, разделенных на два пролога. В сочинении Иоанн до мельчайших подробностей описывает утраченное для нас произведение искусства, память о котором, тем не менее, сохранилась благодаря ему. Эта космография, представляющая вселенную в иносказательной форме, собрала около шестидесяти персонализаций (среди которых Океан, Земля, Море, Ветры, Часы, Эон, Солнце и т. д.). Это было одно из украшений зимней бани города Газа. Таким образом, Иоанн Газский преуспевает в тонкой задаче интерпретации этой «классической» иконографии в перспективе, которая смешивает христианское и неоплатоническое влияния.

Одним из актуальных вопросов, интересующих научное сообщество, является система ссылок, используемая Иоанном Газским в *Tab.* Такое исследование предполагает обращение поэта к авторам более ранних периодов, а также к современникам. По мнению Д. Лоритцен, система ссылок в *Tab.* выглядит изоширенной, иногда сложной. Опираясь на ее исследование, мы можем установить источники – точные цитаты, то есть термины или выражения, которые могут быть точно идентифицированы в других сочинениях, – перефразированные или повторяющиеся дословно. Поскольку поэма является отражением картины мира самого автора, его идей и текстов, которые он знал, можно считать, что его произведение универсально, а анализ цитат и текстологических влияний на Иоанна – замечательный способ оценки его поэтического качества [8, р. XLIV]. Помимо ценности установления используемых источников в поэме, важно обратить внимание на степень его подражания кому-либо или его инноваций в лексическом плане, чтобы определить, что относится собственно к гению поэта из Газы.

Под последним понимается не только его способность к лексическому созиданию, но и логика, которая руководила таким процессом: подражая своим моделям, в первую очередь Нонну Панополитанскому, Иоанн раскрывает свою поэтическую идентичность, поскольку соединяет свое оригинальное с усвоенными им другими образами, смешивая их в одном сплаве и стиле [13, р. 424].

Цитируемых Иоанном авторов условно можно разделить на две группы: античные и христианские. Важное место в качестве источника заимствований, естественным образом, занимают произведения Гомера (VIII в. до н. э.). Упоминая, что его поэтическому идеалу способствует рука Музы Гомера [12, р. 227], именуемого как «истинный» или «предшественник» (Jo. Gaz., Tab. 560), Иоанн элиминирует два элемента этоса – гнев и ухищрение – обеих гомеровских поэм (Jo. Gaz., Tab. 105), что можно интерпретировать как новую мораль духовного порядка в контексте неоплатонических и христианских устремлений (Jo. Gaz., Tab. 106). Из 21-й цитаты из Гомера, которую мы смогли идентифицировать из всей *Tab.*, 15 происходят из «Илиады», 6 – из «Одиссеи». Больше половины (12) относятся к одному выражению, остальные – только к одному термину лексики. Цитаты Гомера встречаются в строках 27, 30, 43, 180, 204, 256, 294, 296(*2), 317, 322, 338, 353, 358, 365, 432, 475, 522, 545, 560, 703.

В начале гексаметрического пролога Иоанн ссылается на гомеровский гимн к Гермесу. Открывающая формула, которая знаменует собой переход от прозаической реальности к поэтическому введению, взята – не без юмора и пародийного намерения – из сцены из гомеровского гимна, в которой Аполлон достает из колыбели Гермеса-младенца; последний восклицает «Куда меня мчишь ты?», как, в свою очередь, поэт отправляется в небесную высь (Jo. Gaz., Tab. 26 πῆ φέρομαι ~ Hom., Merc. 307 πῆ με φέρεϊς). В этом гимне прилагательное λιγύφωνος (сладкогласный) также имеет гомеровское происхождение и применяется к кифаре (Jo. Gaz., Tab. 27 λιγύφωνος ~ Hom., Merc. 478 λιγύφωνον). Наконец, Иоанн использует синтагму αὐτὰρ Ἀπόλλων, которая трижды повторяется в гимне (Jo. Gaz., Tab. 30 ~ Hom., Merc. 185, 413, 523). Эти три ссылки,

сгруппированные в обращении к поэтическим силам, подчеркивают характер гимна гексаметрического пролога.

Переход от последней части предшествующего ему ямбического пролога, где поэт защищается от обвинений перед судьями, возможно, также проходит путем намека на гимн к Гермесу как покровителю риториков: поэт отказывается явиться тем, кем он является, а именно создателем *Tab.* В тех же условиях находится и младенец-Гермес, который не признает себя виновным в краже коров Аполлона (Jo. Gaz., Tab. 24 ἐγὼ γὰρ ἦλθον οὐ γραφεὺς τῆς εἰκόνης ~ Hom., Merc. 309 οὐ γὰρ ἐγὼ γε). Парадоксальность ситуации заключается в том, что именно Гермес украл стадо и лжет.

Две наиболее очевидные ссылки на известные мелодические темы были заимствованы Иоанном у Гесиода (VIII–VII вв. до н. э.). Речь идет о золотом роде, упоминаемом в мифе о пяти поколениях (Jo. Gaz., Tab. 64 χρυσοῖο γενέθλη ~ Hes., Op. 109 χρύσειον μὲν πρότιστα γένος), и об оскотлении Урана в «Теогонии» (Jo. Gaz., Tab. 74 ~ Hes., Th. 181).

От лирического поэта Тиртея (VII в. до н. э.) заимствована единственная формула (Jo. Gaz., Tab. 105 ἐνὶ στέροισι φυλάσσειν ~ Tyr., 21.1–2 ἐνὶ στέροισι φυλάσσω), которая используется весьма уместно в связи с определением этоса поэта, который выбирает добродетель, в отрывке, посвященном Совершенству [8, p. LV].

Введение трагической ссылки в прологе, для которого риторические заповеди требуют более комических цитат, указывает на конкретное намерение [3, p. 122–123]. Предположительная синтагма ὡς ἐκ βίας, взятая из *Филоклетта* (Jo. Gaz., Tab. 14 ~ Soph. Ph. 563, 945, 985) Софокла (496/5–406 гг. до н. э.), по-видимому, используется Иоанном для установления сходства между характером Неоптолема и им самим на тему зависимости: сыну Ахиллеса пришлось подчиниться воле Одиссея, как и поэту было предписано составить экфрасис картины в зимней бане Газы, причем в стихотворной форме.

Два фрагмента заимствованы у Еврипида (480–406 гг. до н. э.). Первый – метафора «наступающий день» (Jo. Gaz., Tab. 359 ἐπιστεῖχουσα ~ Eurip., 816.7, а также у Stob.

Anth. 4.53.10.8 ἐπιστεῖχουσαν), другой – лексический термин «с прекрасным шлейфом» (Jo. Gaz., 364 εὐλοφος ~ Eurip., 175.1, а также у Stob. Anth. 4.44.14.2 εὐλόφος). Обе цитаты также находятся в IV книге «Антологии» Иоанна Стобея.

Существует заметное несоответствие в использовании цитат между первым ямбическим прологом (Jo. Gaz., Tab. 1–25) и промежуточным ямбическим прологом (Jo. Gaz., Tab. 386–389). В то время как первый, очевидно, получил особую заботу от поэта из-за существенного места, которое он занимает в риторической логике произведения, второй имеет чисто формальную функцию. Здесь мы можем наблюдать возможный экспромт в момент создания поэмы или при редактировании, когда текст уже окончательно написан. Автор прерывает, а затем возобновляет декламацию где-то в середине и не включает никаких литературных ссылок.

В первом ямбическом прологе есть, по существу, два типа цитат. Первый касается упоминаний классических поэтов. Среди комедиографов выделим две великие фигуры: Аристофан (444–387/380 гг. до н. э.) как представитель древнеаттической комедии и Менандр (342–291 гг. до н. э.) как представитель новоаттической комедии. Однако условия их цитирования различаются.

Что касается Аристофана, то пять цитат, которые мы смогли идентифицировать, взяты из трех произведений: *Облака*, *Лисистрата*, *Птицы*. Две ссылки на *Облака* связаны с фигурой философа или того, кто утверждает, что таковым является: это Стрепсиад и Сократ (Jo. Gaz., Tab. 2 ἐκτόπως ἐπηρμένοι ~ Ar., Nue. 810 φανερώς ἐπηρμένου; Tab. 12 ἀεροβατεῖν ~ Nue. 225 ἀεροβατῶ). Иоанн берет на себя ответственность за репрезентацию «интеллектуала», чтобы установить дистанцию по отношению к роли, которую он получает от заказчиков поэмы: приходится толковать аллегорические фигуры эллинской традиции деликатно, а порой даже рискованно, в контексте Газы VI века. Вероятно, что Иоанн цитирует аристофановский глагол ἀεροβατεῖν в *Tab.* 12, чтобы предложить параллель между фигурой Сократа в комедии и собственным представлением о поэте, чье вдохновение, восходящее к высочайшим вершинам фило-

софского воодушевления, было на самом деле заказано другим человеком. Цитата из *Лисистраты* (Jo. Gaz., Tab. 14 ἐξωπλισμένον ~ Ar., Lys. 454 ἐξωπλισμένων) демонстрирует точное знание содержания и интерпретаций, которые могут быть заимствованы из комедии. Поэт действительно изображен в шуточной форме как женщина-воительница, с военной атрибутикой, которая ему мало подходит, – то есть переносит в терминах ямбического пролога пародию на автора, которому настоятельно была предложена тема и манера, к которой он не привык. С другой стороны, две цитаты из *Птиц* кажутся менее уместными: одна из них относится к термину (Jo. Gaz., Tab. 2 ἐκτόπως ~ Ar., Av. 1474 ἔκτοπον), а другая проходит через фильтр еще одного автора, формулировка которого повторяется Иоанном (Jo. Gaz., Tab. 4 δάκνουσι καὶ πλῆττουσι ~ Ar., Av. 353 τίλλειν καὶ δάκνειν, 1348 ἄγχειν καὶ δάκνειν). В последнем случае важно указать в источнике наложение двух ссылок, потому что отзвук Аристофана повторяется также Иоанном Златоустом, и, вероятно, именно по этой причине Иоанн Газский решил процитировать этот отрывок.

Две отсылки к Менандру следуют другой логике цитирования, которая проходит через «Антологию» Иоанна Стобея [14, р. 309–327]. Первый стих пролога, взятый из пьесы *Кифарист*, цитируется Иоанном через *Антологию*, материал которой был снабжен коллекцией фрагментов Менандра в виде изречений (Jo. Gaz., Tab. 1 Ἄρ' ἐστὶ συγγενές τι μόχθος καὶ λόγος ~ Men. Cith. 1.8 ~ Stob. Anth. 4.34.54.2 Ἄρ' ἐστὶ συγγενές τι λύπη καὶ βίος). Именно тогда Иоанн работал над этой книгой в поисках подходящего выражения и прочитал соседний отрывок. Это привело к тому, что он взял полустишие из другой части Менандра, находящейся сразу перед первым фрагментом в порядке, переданном Антологией (Jo. Gaz., Tab. 6 τὴν ταλαίπωρον φύσιν ~ Men. Syn. 5.1 ~ Stob. Anth. 4.34.53.1 καὶ ταλαίπωρον φύσει) [15, р. 127–135].

Единственная цитата Трифиодора (ок. V в.), уроженца Панополя, как и Нонн, заимствована из эпической поэмы «Взятие Илиона» (Triph., Alos. II. 515 οὐρανὸν αἰγλήεντα). Но существует предположение, что взята она у Квинта Смирнского из эпоса

Постгомерика на том основании, что цитируемое выражение в обоих случаях относится к Гесперу, вечерней звезде (Jo. Gaz., Tab. 208 οὐρανὸν αἰγλήεντα ~ Quint., Posthom. 5.131 οὐρανὸν αἰγλήεντα Ἐσπερος). Более того, поэма Трифиодора по содержанию близка к произведению Квинта. Другие параллельные места у Трифиодора и Иоанна не могут рассматриваться как цитаты, так как они встречаются также у Нонна (например, Jo. Gaz., Tab. 128 μοχθίζων ἀτέλεστα ~ Triph., Alos. II. 125 μοχθίζειν ἀτέλεστα, 435 μοχθίζεις ἀτέλεστα ~ Non., Dion. 33.224 μοχθίζων ἀτέλεστον; Tab. 243 φιλαγρούπνοιο ~ Alos. II. 597 φιλαγρούπνοιο ~ Dion. 4 раза).

Под большим вопросом рассматривается Квинт Смирнский (ок. IV в.) как «источник» для Иоанна Газского. Только в двух случаях можно установить, что цитирование действительно существует. Первый выражается в изменении формы слова (Jo. Gaz., Tab. 225 φαεσοφόρος Ἡριγενείης ~ Quint., Posthom. 2.186, 2.656 φαεσφόρου Ἡριγενείης), а второй – в уже упоминаемом выше цитировании по отношению к Трифиодору. Все остальные термины или выражения, присутствующие у Квинта и Иоанна, также есть у Нонна и других авторов.

Обозначение «вселенского могущества», похоже, заимствовано у Прокла (410–485 гг.) (Jo. Gaz., Tab. 13 κοσμικαῖς ἐξουσίαις ~ Procl., In Rem publ. 2.186.14 κοσμικῶν δυνάμεων). Иоанн ссылается на Гимны Прокла (Гимн к Музам, Гимн к Афине, Гимн к Афродите, Гимн к Солнцу) в первоначальном гексаметрическом прологе.

Отдельное место в работе Иоанна Газского занимает египетский поэт Нонн Панополитанский (третья четверть V в.), выступающий образцом для поэта. Подавляющее большинство цитат, используемых в *Tab.*, взято из «Дионисиаки» и в меньшей степени из Парафраза Евангелия. Д. Лоритцен была предпринята попытка суммировать цитаты, взятые из этих двух работ [13, р. 427]. А. Кэмерон по этому поводу отмечал: «Нонн <...>, чья “Дионисиака” повторяется практически в каждой строке стихотворения Иоанна» [4, р. 351], а П. Фридендер высказал предположение, что Иоанн – ученик Нонна [6, S. 110]. Это привело к тому, что Иоанн рассматривался

в тени своего учителя. Но если посмотреть с другой стороны, наш поэт сыграл важную роль в распространении произведений Нонна в Газе Палестинской [13, р. 432–433]. К тому же его работа является важной вехой для целой ветви энкомиастической поэзии византийского периода. Подробный список (ориентировочный) отрывков «Дионисиаки», использованных Иоанном, был составлен Д. Лоритцен в издании поэмы Иоанна 2015 г. [8, р. 251–254]. Отдельный раздел в книге, посвященный заимствованиям из «Дионисиаки», указывает на важность труда Нонна Панополитанского для газского поэта.

Второй тип ссылок, использованный Иоанном Газским в поэме в целом и в его ямбическом прологе в частности, состоит из цитат из Иоанна Златоуста (ок. 347–407 гг.). Мы определили восемь из семи разных работ. В отличие от цитат классических авторов, выбранных по значению, которое они несут в контексте *Tab.*, Иоанн принимает стиль Златоуста, будь то простые выражения или метафоры. Таким образом, последний представляется скорее риторической моделью, нежели источником богословских идей для газского поэта [19, р. 180–218]. Сначала мы встречаем парафраз аристофановского выражения, о котором уже упоминалось выше в *Толковании на послание к Евреям* (Jo. Gaz., Tab. 4 δάκνουσι καὶ πλήττουσι ~ Chrys., Hebr. 63.85.8 πλήττει καὶ δάκνει). Слово θυμηδία (радость) в *Толковании на послание к Колоссянам* (Chrys., Coloss. 62.391.5 ἐκεῖ θυμηδία, ἐνταῦθα φροντίς) понимается с точки зрения Хризостома как противоположность φροντίς (внимательность) в *Tab.* 11. Метафора «волнение сердца» из сочинения *О неясности пророчеств* (Jo. Gaz., Tab. 5 τῇ ζάλῃ τῆς καρδίας ~ Chrys., De prophet. obscurit. 56.164.32 οἶον ζάλῃ θυμοῦ κάτωθεν στρέφουσα τὴν καρδίαν) получила широкое распространение среди последователей и читателей Иоанна Златоуста. В строке 6, возможно, что причастие ἀνατρέποντες берет свое начало в проповеди на *Первое Послание к Коринфянам* (Chrys., I Cor. 61.102.58 ἀνατρέπεσθαι), причем это приближение предполагает возобновление выражения «быть уверенным в своих господах» несколькими дальнейшими строками (Jo. Gaz., Tab 11 δεσπότης πεπεισμένος ~

Chrys., I Cor. 61.101.24–25 ἀπὸ τῆς δόξης τῶν δεσποτῶν ἡμῶν πεπεισμένοι). Две другие формы речи также, по-видимому, были заимствованы у Златоуста: первая – из сочинения *Деяния Апостольские*, где указывается, что один составляет (план книги, план картины) до того, как приступить к выполнению произведения (Jo. Gaz., Tab. 17 ἔγραψε συνθείς ~ Chrys., Act. apostol. 60.13.12 ὁ γράψας αὐτὸ καὶ συνθείς), а вторая – из труда *Беседы на Книгу Бытия*, где говорится, что смелость должна быть «подогрета» (Jo. Gaz., Tab. 22 θερμὴν ποιῶντες... προθυμίαν ~ Chrys., Gen. 53.354.33–36 τῷ θερμῷ τῆς προθυμίας). Наконец, цитирование с изображения, которое часто встречается в библейских текстах, имитируя древнее судебное красноречие, то есть представление себя перед собранием как таковым, рассматривается Иоанном Газским в точной формулировке, использованной Иоанном Златоустом в *Первом послании к Тимофею* (Jo. Gaz., Tab. 24 ~ Chrys., 1 Tim. 62.537.31 ἐγὼ γὰρ ἦλθον), хотя можно увидеть и другие влияния. Последний момент касается использования термина φιάνθρωπος (филантроп) в *Tab.* 18. И идея, и термин «филантропия» Христа постоянно встречаются в строках Иоанна.

В строке 16 мы находим отголоски морали из нравственных стихотворений богослова Григория Назианзина (IV в.). На это указывает выражение «горячая смелость» (Jo. Gaz., Tab. 16 ζέων θράσει ~ Naz., Carm. 845.11 ζέων τε καὶ πνέων θράσος).

Обращался Иоанн и к произведениям таких авторов, как Феокрит (ок. 300–260 до н. э.) *Идиллии*, Каллимах Киренский (ок. 310–240 гг. до н. э.), Аполлоний Родосский (295–215 гг. до н. э.) *Аргонавтика* и др.

Результаты. С литературной точки зрения *Tab.* имеет четыре основные характеристики, которые явно указывают на отголоски культурного наследия античности. Во-первых, мы обращаем внимание на аллегорическое представление упорядоченного мира, Космоса, во всей его полноте, включающее около 60 персонификаций. В этом, несомненно, заслуга принадлежит художнику картины, а затем уже Иоанну. Во-вторых, усилиями поэта поэма принимает форму экфрасиса, сложного описания, выразительная сила которого на-

правлена на то, чтобы оказать живое воздействие на аудиторию. В-третьих, специфика текста заключается в том, что написан он в стихах. Поэтому, если правомерно оценивать поэзию Иоанна Газского в целом, ставя его даже в зависимость от Нонна Панополитанского, то можно сказать, что его «личность» и уникальность остаются не менее весомыми. Это оригинальное произведение, в котором насчитывается 732 строки, способствует формированию византийского литературного вкуса VI века [11, р. 61–79]. Наконец, поэма Иоанна Газского является сложным объектом, который включает описание визуального произведения искусства с помощью использования ссылок на литературные произведения как античных, так и христианских авторов. Используемые цитирования накладываются друг на друга, переплетаются, но не путаются и не сбивают с толку слушателя/читателя. Именно в этом заключается, на наш взгляд, гений поэта. Принимая во внимание историческое время, связанное с трансформацией религиозного сознания, толкование и понимание аллегорических и христианских образов в ранней Византии с помощью Гомера, Нонна Панополитанского, Аристофана, Менандра и других занимало по-прежнему существенное место в жизни газийцев. Сам автор так говорит в своем ямбическом прологе, заключительная часть которого посвящена различию между художником и поэтом: «последний несет ответственность за толкование, которое он дает произведению искусства, а не за то, что написано» (Jo. Gaz., Tab. 24–25). Таким образом, поэма Иоанна Газского стоит в финальной части живой жизни античной поэтической традиции, являя образец ранневизантийского культурного синтеза и символического переосмысления классических образов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bargellini, F. Questioni di cronologia nell'opera di Giovanni di Gaza / F. Bargellini // *Prometheus*. – 2008. – Vol. 34. – P. 65–86.
2. Bition-Ashkelony, B. Christian Gaza in Late Antiquity / B. Bition-Ashkelony, A. Kofsky. – Leiden ; Boston : Brill, 2004. – 248 p.
3. Cameron, Al. Pal. Ant. III. 115 and the Jambic Prologue in Late Greek Poetry / Al. Cameron // *The Classical Quarterly*. – 1970. – Vol. 20. – P. 119–129.
4. Cameron, Al. On the date of John of Gaza / Al. Cameron // *The Classical Quarterly*. – 1993. – Vol. 43. – P. 348–351.
5. Choricus of Gaza. Encomium to dux Aratius and archo Stephanus // *Choricus of Gaza, an approach to his work: introduction, translation, commentary* / ed. F. K. Litsas. – Chicago : University of Chicago, 1980. – P. 154–175.
6. Friedlander, P. Johannes von Gaza und Paulus Silentarius : Kunstbeschreibungen Justinianischer Zeit / P. Friedlander. – Berlin : B.G. Teubner, 1912. – 310 S.
7. Glucker, C. A. M. The city of Gaza in the Roman and Byzantine periods / C. A. M. Glucker. – Oxford : BAR International Series, 1987. – 172 p.
8. Jean de Gaza. Description du Tableau cosmique / ed. D. Lauritzen. – Paris : Les Belles Lettres, 2015. – ciii, 277 p.
9. Kaster, R. A. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity / R. A. Kaster. – London : University of California Press, 1988. – 551 p.
10. Kraemer, G. De tabula mundi ab Joanne Gazaeo descripta / G. Kraemer. – Halle : Ehrhardt Karras, 1920. – 64 p.
11. Lauritzen, D. Exegi monumentum: l'Ekphrasis autonome de Jean de Gaza / D. Lauritzen // *Byzantinoslavica*. – 2011. – Vol. 69, № 3. – P. 61–79.
12. Lauritzen, D. La Muse d'Homere dans la Description de Jean de Gaza / D. Lauritzen // *Il calamo della memoria. Riuso di testi e mestiere letterario nella tarda antichità* / ed. L. Cristante. – Trieste : Edizioni Università di Trieste, 2012. – P. 221–234.
13. Lauritzen, D. Nonnus in Gaza. The Expansion of Modern Poetry from Egypt to Palestine in the Early Sixth Century CE / D. Lauritzen // *Nonnus of Panopolis in Context: Poetry and Cultural Milieu in Late Antiquity* / ed. K. Spanoudakis. – Boston : De Gruyter, 2014. – P. 421–433.
14. Lauritzen, D. Ecrire en extraits. Comment Jean de Gaza fit son miel au bouquet de Stobee (Menandre, Bion, Euripide) / D. Lauritzen // *Lire en extraits – Lecture et production des textes, de l'Antiquité à la fin du Moyen Âge* / ed. S. Morlet. – Paris : PUPS, 2015. – P. 309–327.
15. Menander Rhetor / ed. D. A. Russell, N. G. Wilson. – Oxford : Clarendon Press, 1981. – 390 p.
16. Procopé de Gaza. Discours et fragments / ed. E. Amato, A. Corcella, G. Ventrella. – Paris : Les belles lettres, 2014. – 617 p.
17. Renaut, D. The Influence of Alexandria on the Intellectual Life of Gaza / D. Renaut // *Journal of Juristic Papyrology*. – 2007. – Suppl. VIII. – P. 169–175.
18. Seitz, K. Die Schule von Gaza. Eine litterargeschichtliche Untersuchung / K. Seitz. –

Heidelberg : Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1892. – 56 S.

19. Thuren, L. John Chrysostom as a Rhetorical Critic: The Hermeneutics of an Early Father / L. Thuren // *Bilical Interpretation*. – 2001. – Vol. 9, № 2. – P. 180–218.

REFERENCES

1. Bargellini F. Questioni di cronologia nell'opera di Giovanni di Gaza. *Prometheus*, 2008, vol. 34, pp. 65-86.

2. Bition-Ashkelony B., Kofsky A. *Christian Gaza in Lite Antiquity*. Leiden; Boston, Brill, 2004. 248 p.

3. Cameron Al. Pal. Ant. III. 115 and the Jambic Prologue in Late Greek Poetry. *The Classical Quarterly*, 1970, vol. 20, pp. 119-129.

4. Cameron Al. On the date of John of Gaza. *The Classical Quarterly*, 1993, vol. 43, pp. 348-351.

5. Choricus of Gaza. Encomium to dux Aratius and archo Stephanus. Litsas F.K., ed. *Choricus of Gaza, an approach to his work: introduction, translation, commentary*. Chicago, University of Chicago, 1980, pp. 154-175.

6. Friedlander P. *Johannes von Gaza und Paulus Silentiarius: Kunstbeschreibungen Justinianischer Zeit*. Berlin, B.G. Teubner, 1912. 310 p.

7. Glucker C.A.M. *The city of Gaza in the Roman and Byzantine periods*. Oxford, BAR International Series, 1987. 172 p.

8. Lauritzen D., ed. *Jean de Gaza. Description du Tableau cosmique*. Paris, Les Belles Lettres, 2015. 277 p.

9. Kaster R.A. *Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity*. London, University of California Press, 1988. 551 p.

10. Krahmer G. *De tabula mundi ab Joanne Gaza eo descripta*. Halle, Ehrhardt Karras, 1920. 64 p.

11. Lauritzen D. Exegi monumentum: l'Ekphrasis autonome de Jean de Gaza. *Byzantinoslavica*, 2011, vol. 69, no. 3, pp. 61-79.

12. Lauritzen D. La Muse d'Homere dans la Description de Jean de Gaza. Cristante L., ed. *Il calamo della memoria. Riuso di testi e mestiere letterario nella tarda antichità*. Trieste, Edizioni Università di Trieste, 2012, pp. 221-234.

13. Lauritzen D. Nonnus in Gaza. The Expansion of Modern Poetry from Egypt to Palestine in the Early Sixth Century CE. Spanoudakis K., ed. *Nonnus of Panopolis in Context: Poetry and Cultural Milieu in Late Antiquity*. Boston, De Gruyter, 2014, pp. 421-433.

14. Lauritzen D. Ecrire en extraits. Comment Jean de Gaza fit son miel au bouquet de Stobee (Menandre, Bion, Euripide). Morlet S., ed. *Lire en extraits – Lecture et production des textes, de l'Antiquité à la fin du Moyen Age*. Paris, PUPS, 2015, pp. 309-327.

15. Russell D.A., Wilson N.G., ed. *Menander Rhetor*. Oxford, Clarendon Press, 1981. 390 p.

16. Amato E., Corcella A., Ventrella G., eds. *Procopé de Gaza. Discours et fragments*. Paris, Les belles lettres, 2014. 617 p.

17. Renaut D. The Influence of Alexandria on the Intellectual Life of Gaza. *Journal of Juristic Papyrology*, 2007, suppl. VIII, pp. 169-175.

18. Seitz K. *Die Schule von Gaza. Eine litterargeschichtliche Untersuchung*. Heidelberg, Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1892. 56 p.

19. Thuren L. John Chrysostom as a Rhetorical Critic: The Hermeneutics of an Early Father. *Bilical Interpretation*, 2001, vol. 9, no. 2, pp. 180-218.

Information About the Author

Marina Yu. Lopatina, Postgraduate Student, Belgorod National Research University, Studencheskaya St, 14, 308007 Belgorod, Russian Federation, 820301@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2317-3273>

Информация об авторе

Марина Юрьевна Лопатина, аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Студенческая, 14, 308007 г. Белгород, Российская Федерация, 820301@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2317-3273>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.18>

UDC 94“04/14”:2-6
LBC 63.3(0)4-37

Submitted: 01.07.2020
Accepted: 18.11.2020

**“NOT FLOGGED FOR CHRIST”:
REPRESENTATION OF ANTI-ICONOCLASTIC RESISTANCE IN THE LIVES
OF ST. IOANNIKIOS THE GREAT AND ST. PETER OF ATROA**

Tatyana A. Senina (Nun Kassia)

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russian Federation;
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Branch of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article examines the representation of anti-iconoclastic resistance in the Lives of St. Ioannikios the Great and St. Peter of Atroa and its relation to the debate between the Bithynian monks and the Studites on the issue of Christian life and opposition to heresy. **Methods.** The methods employed in this article are source research, information analysis, comparative historical research. The sources on the subject include two Lives of St. Ioannikios, two versions of the Life of St. Peter of Atroa, the Live and Works of St. Theodore the Studite, and the Life of St. Eustratios of Agauron. **Analysis.** During the second iconoclastic period divergent views on Christian life emerged among the Orthodox opposition, namely the Bithynian monks and the Studites. Iconophiles such as Theodore the Studite believed that during periods of prevalence of heresy it was the duty of every Orthodox believer to openly resist it and endure persecutions; no one should stay silent out of fear or enter into agreements with heretics, even out of a desire to preserve monasteries and churches. Many Bithynian monks, however, chose to live quietly in remote monasteries and hermitages avoiding open conflicts with Iconoclasts. For instance, Ioannikios the Great, an influential Bithynian hermit, did not suffer any persecution for the icons, maintained contacts with Iconoclasts and was indulgent towards priest Joseph, who split Orthodox opposition during the persecutions of 815–820. Furthermore, Eustratios of Agauron, Ioannikios’ confidante, would have been stained with the statement given to Iconoclasts, and hermit Theoktistos, an acquaintance of Ioannikios, was accused of heresies and caused embarrassment among believers. All these things aroused doubts among Iconophiles concerning Ioannikios’ Orthodoxy. Theodore the Studite criticized Ioannikios and others like him for avoiding persecution and blamed Eustratios and Theoktistos; this position caused antipathy to the Bithynian monks, including Peter, the author of the first Life of Ioannikios. Hagiographers glorified Ioannikios first of all as a great ascetic, prophet and miracle-worker, but they also tried to describe him as an active participant in the resistance to heresy and to remove all possible doubts about his faith; they told about his anti-iconoclastic prophecies and denunciations of heretics, attributed a lengthy confession of faith to him, and depicted him as an adviser to Patriarch-Confessor Methodios. Monk Sabas, the author of the second Life of Ioannikios, removed Peter’s attacks on the Studites from the narrative. He also wrote two Lives of Peter of Atroa which presented a more nuanced model of Orthodox behaviour. He depicted the saint as a great ascetic and miracle-worker who, like Ioannikios, stayed away from active resistance to heresy, but did on one occasion confront the Iconoclasts directly and suffered beating; moreover, Peter’s miraculous healings were only effective for the Iconophiles, and, like Theodore the Studite, he urged his monks not to communicate with heretics at all. Peter of Atroa had friendly relations with Theodore, consulted with him and called for the Studite’s help when he had been slandered; at the same time Peter is depicted as a close and undisputed friend of Ioannikios. **Results.** The analysis of sources shows that monk Peter, the first biographer of Ioannikios, sought to present his life as an alternative model of Orthodox behaviour during persecutions, a model that is equal to the open confession of the Studites and their followers who had been flogged for worshipping the icons. In contrast, hagiographer Sabas tried to reconcile the positions of Bithynian monks and the Studites, making Peter of Atroa an intermediary figure standing between the two groups.

Key words: Byzantine hagiography, Byzantine history, Byzantine iconoclasm, Orthodoxy, Ioannikios the Great, Peter of Atroa, Eustratios of Agauron, Theodore the Studite.

Citation. Senina T.A. (Nun Kassia). “Not Flogged for Christ”: Representation of Anti-Iconoclastic Resistance in the Lives of St. Ioannikios the Great and St. Peter of Atroa. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 231-242. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.18>

**«НЕ ИЗБИТЫЕ ЗА ХРИСТА»:
ИЗОБРАЖЕНИЕ АНТИИКОНОБОРЧЕСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ
В ЖИТИЯХ СВ. ИОАННИКИЯ И СВ. ПЕТРА АТРОЙСКОГО**

Татьяна Анатольевна Сенина (монахиня Кассия)

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В эпоху второго иконоборчества в православной оппозиции существовали разногласия во взглядах на христианскую жизнь между вифинским и студитским монашеством. Исповедники иконопочитания, подобные Феодору Студиту, считали, что обязанность православного во время господства ереси – открыто противостоять ей, терпеть гонения и не идти на соглашение с еретиками из желания сохранить монастыри и храмы. Однако многие вифинские монахи предпочитали тихо жить в удаленных обителях и скитах, не вступая в конфликт с иконоборцами. Известный вифинский отшельник Иоанникий Великий не претерпел никаких гонений за иконы, поддерживал связь с некоторыми иконоборцами и снисходительно относился к эконому Иосифу, ответственному за раскол православной оппозиции во время гонений; наперсник Иоанникия Евстратий Агаврский мог быть запятнан данной иконоборцам подпиской, а знакомый отшельник Феоктист обвинялся в ряде ересей, что породило смущение среди православных. Все это вызывало у иконопочитателей сомнения в православии Иоанникия. Феодор Студит критиковал его и ему подобных за избегание гонений, обличал Евстратия и Феоктиста, чем вызвал антипатию вифинских монахов, в том числе Петра, автора первого жития Иоанникия. Агиографы, прославляя Иоанникия прежде всего как великого аскета, пророка и чудотворца, старались также сделать его участником сопротивления ереси и рассеять возможные подозрения в его неправославии: они рассказывают о его антииконоборческих пророчествах и обличениях еретиков через посредство третьих лиц, приписывают ему пространное исповедание веры и изображают его советником патриарха-исповедника Мефодия. Автор второго жития Иоанникия монах Савва убрал выпады своего предшественника против студитов, а в житии Петра Атройского, тоже строгого аскета и чудотворца, отчасти сместил акценты: в его изображении Петр, как и Иоанникий, оставаясь в стороне от активного сопротивления ереси, все же один раз сталкивается с иконоборцами напрямую и терпит избиение, его исцеления действительны только для иконопочитателей, а своих монахов он, как и Феодор Студит, учит не общаться с еретиками даже в быту. С Феодором его связывают дружеские отношения, Петр советуется с ним о монашеской жизни, а будучи оклеветанным, прибегает к его заступничеству; в то же время Петр изображен близким и единомышленным другом Иоанникия. Таким образом, агиограф попытался примирить позиции вифинского монашества и студитов, сделав Петра Атройского чем-то вроде посреднической фигуры, стоящей между обеими группами.

Ключевые слова: византийская агиография, история Византии, иконоборчество, православие, Иоанникий Великий, Петр Атройский, Евстратий Агаврский, Феодор Студит.

Цитирование. Сенина Т. А. (монахиня Кассия). «Не избитые за Христа»: изображение антииконоборческого сопротивления в житиях св. Иоанникия и св. Петра Атройского // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 231–242. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.18>

Введение. Иконоборческая эпоха вдохновила византийских агиографов на создание житий новых святых – в основном епископов и игуменов, которые активно защищали иконопочитание перед лицом ереси, терпя тюремные заключения, бичевания, ссылки и лишения. Но существует и другой тип житий, чьи

герои, аскеты и чудотворцы, не терпят гонений за веру, и их участие в антииконоборческом сопротивлении невелико: яркими образцами здесь являются два жития св. Иоанникия Великого, написанные монахами Петром и Саввой, и две версии жития св. Петра Атройского, созданные тем же Саввой. Цель насто-

ящего исследования – выяснить, каким образом авторы этих житий делали своих героев участниками православного сопротивления, несмотря на скудость подтверждающих фактов; выявить ряд обстоятельств, оставшихся за кулисами житийных сцен; заострить внимание на том, как монах Савва в житии Петра Атроевского стремился примирить позиции вифинского монашества в лице Иоанникия и студийского монашества в лице св. Феодора Студита, чьи взгляды на христианскую жизнь расходились.

Методы. В основу работы положен метод аналитического исследования источников, проясняющий их логику и содержание путем сопоставления содержащихся в них свидетельств о конкретных лицах и событиях.

Источники по теме включают жития Иоанникия Великого, Петра Атроевского и Евстратия Агаврского, житие, сочинения и письма Феодора Студита. При анализе источников использованы работы Д. Афиногенова, С. Евфимиадиса, В. Лорана, С. Мэнго, Т. Сениной и А. Тимотина, посвященные византийской агиографии и иконоборческой эпохе.

Исследователи отмечали, что в житиях Иоанникия и Петра слабо отражена тема антииконоборческого сопротивления – в частности, об этом упоминали В. Лоран [12, р. 51], Д. Афиногенов [2, с. 508], С. Евфимиадис [10, р. 111], А. Тимотин [17, р. 183]. Однако отдельных научных работ, где детально рассматривается данная проблема, в настоящее время нет.

Анализ. Иоанникий Великий (762–846; см. [14; 3]) имел крестьянское происхождение, был неграмотен, молодость провел на военной службе, которую самовольно покинул в 792 г., дезертировав с поля боя. Видимо, именно это побудило его пойти в монахи и удалиться подальше от столицы, в окрестности горы Олимп в Вифинии, где он жил в основном отшельником, периодически переходя с места на место (подробнее: [14; 2, с. 516–523 и примеч.]). Со временем к нему стали приходить монахи и миряне, которых он наставлял и помогал в бедах и болезнях; его связывали дружеские отношения со св. Мефодием, патриархом Константинопольским.

Первое житие Иоанникия (*BHG* 936¹ [6]; далее *ЖИ(н)*), цитируется в переводе Д. Афи-

ногенова [2, с. 513–595]) было написано в 846/847 г. монахом Петром; второе (*BHG* 935 [18]; далее *ЖИ(с)*), цитируется в переводе Д. Афиногенова [2, с. 595–656]) написано монахом Саввой в 850-х годах. Основным источником сведений для Петра послужили рассказы св. Евстратия Агаврского, которому Иоанникий, по словам агиографа, «все поверял» и с чьих слов написано житие (*ЖИ(н)*, § 12); Савва, видимо, использовал текст Петра и ряд других источников [2, с. 511–512]. Неизвестно, в какой степени агиографы приукрасили и дополнили рассказы Евстратия, но они явно предприняли усилия, чтобы сделать Иоанникия борцом с ересью, хотя фактически он таковым не являлся.

Автор *ЖИ(н)* вообще уделяет борьбе с иконоборчеством мало внимания; гораздо больше его волновал конфликт вифинского монашества, а затем патриарха Мефодия и его сторонников со студийскими монахами, учениками Феодора Студита. Конфликт особенно разросся после 843 г. на почве неприятия студитами ряда аспектов церковной политики Мефодия [8], но имел более долгую историю: он касался как споров о пределах церковной икономии (снисхождения к нарушениям правил), так и поведения православных в эпоху гонений на веру. Феодор Студит связывал одно с другим, указывая, что при иконоборцах легко отпали в ересь те, которые ранее привыкли закрывать глаза на нарушения канонов [4, с. 5–8, 45–58].

Вероятно, после смерти императора Льва V (820) имел место также некий конфликт между Феодором и Иоанникием и, соответственно, их почитателями. Феодор к тому времени был признанным лидером православной оппозиции, многие обращались к нему за советами, круг его общения и влияния был огромен [4, с. 70–74]. Иоанникий же был известен более всего в среде вифинских монахов, которые в целом не были затронуты гонениями, скрываясь в разных труднодоступных обителях и келлиях. Позиция Феодора была жесткой: монах, желающий во время господства ереси оставаться православным, должен не только не иметь молитвенного и бытового общения с иконоборцами, но и не жить в монастырях до окончательного торжества иконопочитания. В письме к игумену Евстра-

тию Феодор говорит, что поведение адресата породило молву, будто он дал подписку иконоборцам, поскольку при Льве V он, «будучи задержан царским чиновником, не подвергся мучениям, а был отпущен», ведь «никто из говоривших смело» в защиту икон «не остался без заключения в темницу или, по крайней мере, без ссылки или изгнания». Подобные люди в свое оправдание говорили, что путем соглашения с властью сохранили монастыри и храмы с иконами (чаще всего ценой этого была подписка с обещанием не выступать в защиту икон), но Феодор подчеркивает, что «все это не могло быть спасено иначе, как изменой истинному исповеданию». В сохранении храмов нет пользы, если верующие «из угождения еретикам забывают смелость» и не хотят страдать за православие: «Как? Одни умирают, другие отправляются в ссылку, иные подвергаются бичеванию, иные заключаются в темницу; горы, пустыни, скалы и пещеры населены блаженно гонимыми, – а мы остаемся дома и думаем, что не получаем вреда?» (*Письмо 448* [16, Pt. 2, p. 632–633]; здесь и далее перевод писем Феодора цитирую в основном по [5, т. III], где номера писем идентичны с изданием [16]).

Соблазнительно отождествить адресата письма с игуменом Агаврским Евстратием, наперсником Иоанникия. Правда, издатель писем Г. Фатурос считает, что это, «вероятно», другой Евстратий [16, Pt. 1, p. 416*, Anm. 825], а в житии самого Евстратия (*BHG* 645) сказано, что после начала гонений на иконы он, оставив свой монастырь, ушел к Иоанникию и возвратился в обитель только после торжества православия [19, p. 374–376, § 10 и 12]; но в этом житии о гонениях на иконы и о торжестве иконопочитания упомянуто вскользь, рассказ почти целиком посвящен чудотворениям героя, что само по себе может вызвать подозрения как попытка что-то скрыть, ведь на иконоборческую эпоху приходится целых 28 лет жизни святого. Очевидно, большего доверия заслуживает информация о Евстратии в *ЖИ(n)* и *ЖИ(c)*. *ЖИ(n)* сообщает, что он часто навещал Иоанникия, рассказывая о гонениях на иконопочитателей (§ 25, 30–31), но оставался вместе с отшельником лишь иногда, а в основном жил неподалеку (§ 14, 25, 30–31, 54, 56). Согласно *ЖИ(c)*,

после начала гонений Евстратий покинул свой монастырь и «долгое время жил и подвизался» вместе с Иоанникием (§ 21), но потом они снова оказались врозь и виделись только по временам (§ 24). Агиографы также сообщают, что во время гонений при императоре Феофиле Евстратий, подобно другим исповедникам, оставил монастырь и скитался, «а некоему Антонию из той же обители, согласившемуся с еретиками, предводители ереси вверили игуменство и владение тем монастырем» (*ЖИ(c)*, § 30; ср. *ЖИ(n)*, § 66); однако когда ок. 823 г. группа иконопочитателей пришла повидаться с Иоанникием, встреча состоялась «в Агаврском метохе, где читается всепочтенный храм Святого Илии», там же находился и Евстратий (*ЖИ(n)*, § 36; *ЖИ(c)*, § 28), который со своими монахами продолжал использовать и подворье Св. Агапия (*ЖИ(n)*, § 31). Из этих сведений трудно понять, что было в царствование Льва V с Агаврским монастырем, но его подворья, видимо, продолжали использоваться; при Михаиле II Евстратий снова вернулся в Агаврский монастырь, откуда опять ушел при Феофиле, а игуменом стал иконоборец Антоний. Интересно, что последний несколько раз приходил к Иоанникию каяться в общении с еретиками, но потом опять возвращался к прежнему, однако отшельник каждый раз принимал и увещевал его (*ЖИ(n)*, § 66; *ЖИ(c)*, § 36). Итак, сообщения источников не исключают вероятности, что до 821 г. Евстратий Агаврский в какой-то момент при своих перемещениях по Вифинии был схвачен имперским чиновником², но по неясной причине (дал подписку иконоборцам?) был отпущен без вреда.

Стоит отметить, что Иоанникий снисходительно относился к печально известному эконому Иосифу, с которым связаны серьезные конфликты в Константинопольской Церкви – сначала из-за отношения ко второму браку императора Константина VI и последующих спорах об икономии, затем из-за связанной с Иосифом иконоборческой уловки, в результате которой были завлечены в ересь многие иконопочитатели; Феодор Студит нещадно поносил Иосифа за раскол и соблазн, внесенный в ряды православной оппозиции [4, с. 5–8, 48–51, 56–57, 63–65]. Но мы обнаруживаем Иосифа в числе «избранных отцов» и

«благочестивых мужей», пришедших побеседовать с Иоанникием в 823 г., причем святой лично обращается к нему, предрекает скорую смерть и призывает подготовиться к ней (*ЖИ(н)*, § 36; *ЖИ(с)*, § 28). Автор *ЖИ(н)* утверждает, что студиты возмутились предсказанием Иоанникия (указывая, что время смерти каждого известно только Богу), и упрекает их в отсутствии смирения; но, думается, реальной причиной возмущения была любезность отшельника к столь одиозной личности. Агиограф очевидным образом хочет унижить неприятных ему студитов; он даже лишает Феодора почтительного эпитета, тогда как Иосифа величает «господином». Иоанникий в его описании крайне мягко обходится с Иосифом, туманно говоря о том, что их свидание до настоящего времени было, «наверное», неблагоприятным. Можно представить, как это должно было возмутить студитов, учитывая то, что Иосиф и сам присоединился к иконоборцам во время гонений, и увлек за собой массу людей, ослабив православную оппозицию. Неизвестно, когда именно он снова примкнул к православным, но это явно произошло после смерти Льва V, когда быть иконопочитателем стало достаточно безопасно. Разумеется, настоящие исповедники не могли уважать подобного человека. Но биографы Иоанникия фактически обеляют Иосифа, описывая там же и его благочестивую кончину. Конечно, мы не знаем, как в реальности, а не на страницах жития, отшельник относился к Иосифу, но данный эпизод показывает, что у почитателей Иоанникия и Феодора взгляды на христианскую жизнь и благочестие существенно расходились.

Феодор настаивал, что в эпоху гонений на веру «не только выдающиеся по своему положению или знаниям должны подвизаться, беседуя и наставляя в православном учении, но и занимающий место ученика обязан смело говорить истину», а если игумены хранят молчание или дают подписку не собираться вместе и не учить иконопочитанию, «то это – измена истине»; нельзя «Богу предпочитать монастыри и страданиям за благо – земное благополучие» (*Письмо 149* [16, Pt. 2, p. 265–266]). Студит подчеркивал, что обязанностью любого игумена было покинуть монастырь, чтобы терпеть гонения, и побудить

к тому же своих монахов, а пребывание в обители под предлогом сохранения храмов и налаженной монашеской жизни – отступничество (*Письмо 432* [16, Pt. 2, p. 606–608]); «не может быть общения у гонимых с негонимыми, и не только не гонимыми, но и платящими подать гонителям из управляемых ими монастырей» (*Письмо 495* [16, Pt. 2, p. 729]). Подвижники вроде Иоанникия формально могли не присоединяться к иконоборцам и не давать подписки, но они оставались «негонимыми», и тем самым в глазах Феодора их аскетические подвиги обесценивались: «Пусть отец Иоанникий с подобными ему имеет пустыню и гору – ты же возлюби послушание и гостеприимство. Он в настоящее время не терпит гонения – ты же гоним за правду. Он не заключен в темницу – ты же находишься в темнице ради Господа. Он не бит – ты же избит за Христа. Насколько это выше тех подвигов!» – проповедует Студит своим монахам (*Малое оглашение*, 38 [5, т. II, с. 91]).

Иоанникий, восхваляемый как «строгий хранитель и исполнитель неукоснительного соблюдения заповедей и непорочной и православной веры посредством благочестивого жития», «громогласно провозгласивший <...>, что Христос может изображаться, и несколько не побоявшийся и не постыдившийся» (*ЖИ(н)*, § 1, 2), узнав о начале гонений, бежит подальше в леса, что агиограф оправдывает так: «Но пусть никто, услышав о бегстве нашего преподобного отца, не подумает, что он испугался тирана или смерти, <...> но, услышав, как <...> Господь в божественных Евангелиях заповедует: *Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой* (Мф. 10:23), – он из-за этого бежал, одновременно и сдерживая в себе храбрость», – таким образом святой показал смирение и был сохранен Богом «во спасение многим и на пользу спасаемым» (*ЖИ(н)*, § 19; ср. *ЖИ(с)*, § 18). По мысли агиографа, это хорошо; не случайно, когда среди пришедших к Иоанникию православных возник спор о том, какая добродетель выше, тот ответил: «Нет другой добродетели выше смиренномудрия»; этому противопоставлено высокоумие студитов (*ЖИ(н)*, § 36).

Агиографы сделали Иоанникия своеобразным героем иконоборческого сопротивле-

ния: сам не терпя никаких преследований за веру, святой обличает еретиков через посредство других лиц и делает предсказания касательно иконоборческих императоров. Он предсказал отпадение в ересь Льва V и гонение на церковь (*ЖИ(n)*, § 16–17; *ЖИ(c)*, § 16), причем его пророчество якобы даже дошло до императора, но без всяких последствий (*ЖИ(n)*, § 17). Он обличил своего родственника-иконоборца, после чего тот, не раскаявшись, ослеп и вскоре умер (*ЖИ(n)*, § 35; *ЖИ(c)*, § 27). Иконоборческого митрополита Ингера он призывал раскаяться и оставить кафедру, предрекая ему скорую смерть, но тот не послушался и умер еретиком; судя по контексту, Иоанний был знаком с ним еще до того, как иконоборцы сманили его обещанием архиерейства (*ЖИ(n)*, § 38; *ЖИ(c)*, § 30). К Иоаннию якобы пришли посланцы императора Феофила, чтобы спросить, надо ли поклоняться иконам, на что отшельник произнес апологию иконопочитания, грозя иконоборцам вечными мучениями, однако Феофил «не исправился, <...> но остался в ереси» (*ЖИ(c)*, § 45). Наконец, Иоанний предрекает смерть Феофила, восстановление иконопочитания и патриаршество Мефодия (*ЖИ(n)*, § 69; *ЖИ(c)*, § 46), а затем внушает патриарху не принимать в священном сане иконоборческих епископов и клириков, но всех их низложить (*ЖИ(c)*, § 47). Таким образом, хотя увещания Иоанния пропадают все, и никто из иконоборцев не кается, святой получает ореол борца за православие и становится участником церковно-политических событий.

ЖИ(c) сообщает, что низложенные иконоборцы обвинили Иоанния в неправославии, и тогда он в присутствии многих верующих произнес православное исповедание (§ 48). Но, согласно раннему *ЖИ(n)*, святой сделал это не из-за нападков иконоборцев в 843 г., а раньше, когда некоторые стали спорить: «Вдобавок к дару знамений украшен ли великий Иоанний и словом веры? Или по простоте и неучености в чем-то ошибается?» – и «решили пойти к нему за молитвой и досконально исследовать» его веру (§ 55). Исповедание, вложенное агиографом в уста святого, заимствовано из сочинения св. патриарха Никифора [2, с. 565, примеч. 138]. Неученый монах едва ли когда-либо произносил по-

добную речь, но появление ее в житиях не случайно: о взглядах Иоанния в самом деле могли ходить нелестные слухи в православной среде, что подтверждается историей с отшельником Феоктистом, известной из переписки Иоанния с Феодором Студитом.

Об этом Феоктисте ходили слухи, что он проповедовал разные еретические взгляды. Феодор письменно убеждал его отстать от заблуждений, однако Феоктист не ответил, и смущение среди православных продолжалось. Тогда Феодор написал Иоаннию (*Письмо 461* [16, Pt. 2, p. 657–658]), прося вразумить Феоктиста, – отшельники, видимо, были знакомы и жили недалеко друг от друга. Затем Феодор снова написал Феоктисту (*Письмо 485* [16, Pt. 2, p. 712–713]), призывая покаяться, чтобы не «подвергнуться вечному осуждению» за смущение верующих: «Ибо я забочусь о твоём спасении и слышу, что между вами и другими братьями происходит раскольническое несогласие не малое, но весьма сильное, так что принадлежащий к пастве народ разделится на две противоположные части, из которых одна нападает на другую и удаляется от взаимного общения», – очевидно, что смущение среди верующих было сильным, а у Феоктиста нашлись единомышленники и защитники. На это письмо Феоктист ответил, уверяя игумена в своем православии, – мы узнаем об этом из следующего письма Феодора к нему, где Студит просит подтвердить отречение от конкретных еретических взглядов и передает привет Иоаннию (*Письмо 490* [16, Pt. 2, p. 722–724]). Вследствие этой истории, породившей соблазн и множество слухов, под подозрение в неправославии могли попасть и знакомые Феоктиста, в том числе Иоанний. Неизвестно, как последний отнесся к вмешательству Феодора в этот скандал, но его почитатели, судя по резким выпадам в *ЖИ(n)* против студитов, едва ли были этому рады.

А. Тимогин предполагает, что исповедание веры помещено в житие Иоанния, чтобы замаскировать действительные проблемы с православием отшельника, и считает, что рассказы об обличении еретиков Иоаннием могут быть попыткой скрыть его дружескую связь с иконоборцами: из житий видно, что он был знаком и поддерживал связь с не-

которыми иконоборческими епископами и игуменами, а также с рядом чиновников и придворных, которые едва ли остались незатронутыми ересью [17, р. 192–194]. Подобное поведение среди исповедников иконопочитания считалось предосудительным: Феодор Студит в одном из писем иконоборческого периода говорит, что «акривия (ἀκρίβεια, то есть строгая точность в соблюдении правил) совершенно возбраняет правомысленному иметь сопричастие с иноверными и сходиться с ними и для пищи, и для питья, и для общения» (*Письмо 507* [16, Pt. 2, р. 754]). Между прочим, в *ЖИ(с)* (§ 2, 4–5) упомянут интересный факт из молодости Иоанникия: в детстве и юности он, как и его родители, «был одержим иконоборческой ересью», от которой отстал только в 790 году. Если это правда, то Иоанникий действительно мог питать определенные симпатии к знакомым иконоборцам и относиться к ним с долей снисхождения, памятуя собственное прошлое.

«Святость Иоанникия, – замечает А. Тимотин, – сильно отличается от святости большинства святых, чьи жития были составлены после восстановления иконопочитания в 843 г. – патриархов, митрополитов и игуменов влиятельных монастырей, прославившихся особенно через терпение гонений во время второго иконоборчества. Напротив, Иоанникий – несмотря на усилия, приложенные в этом направлении его агиографами – не стал жертвой иконоборческой политики Льва V и Феофила и лишь с трудом мог сойти за сторонника икон» [17, р. 183]. Иоанникий в описании его биографов – это «богоносный Моисей нашего времени» (*ЖИ(с)*, § 29), «законодательствующий народу делами и выводящий его из житейского помрачения, то есть мирского моря» (*ЖИ(н)*, § 2). Таким образом, миссия отшельника состояла более в молитве и проповеди аскетических идеалов и добродетелей, в том числе посредством пророчеств и исцелений, чем в борьбе за православие.

Савва, второй агиограф Иоанникия, написал также житие св. Петра Атроейского, подвизавшегося в Вифинии в ту же эпоху (773–837, память 1/14 января)³. Петр родился в малоазийском селении под Пергамом, с детства прислуживал в местном храме, в возрасте 18 лет ушел в Вифинию к горе Олимп, где

и монашествовал всю жизнь, сначала под руководством отшельника Павла, потом будучи руководителем основанного последним монастыря Св. Захарии, а также нескольких других, созданных им самим, скитов и обителей. Савва был постриженником Петра, лично знал его, а также слышал рассказы о нем от других людей. Первое житие Петра (*ВНГ* 2364 [12, р. 65–225]; далее *ЖП*), судя по ряду выражений, написано после 846 г. [12, р. 14–15], но в нем мало отражены исторические события эпохи; основное содержание текста составляют рассказы об аскетических подвигах святого, о его руководстве монахами и о совершенных им многочисленных чудесах⁴. Спустя 14 лет, в 860–865 гг., Савва создал второй вариант жития (*ВНГ* 2365 [13, р. 77–171]; далее *ЖП(р)*), «чтобы открыть верным не внушающий зависти суший в нем дар Бога, нисколько не перестающий совершать таковые чудеса и после его преставления, и чтобы заградить уста еретичествующих иконоборцев, показывая, что Бог, простирающий чудодействующую руку, по слову апостола, удостоверяет нашу веру» (*ЖП(р)*, § 86b)⁵. Он отредактировал предыдущий текст, дополнив его некоторыми вставками, в том числе антииконоборческой направленности, и рассказами о посмертных чудесах Петра.

Житие Петра выглядит как попытка объединить две линии поведения – вифинских монахов, подобно Иоанникию избегавших вступать в открытый конфликт с иконоборцами и не терпевших гонений, и исповедников иконопочитания, подобных Феодору Студиту, активно боровшихся с ересью и гонимых. Когда в 815 г. начинаются гонения на иконы, Петр говорит своим монахам: «Божественные Писания повелевают нам не бросаться в искушения, но давайте, соединившись по двое или трое узами любви, уйдем в пустыню, чтобы и веру нашу сберечь неоскверненной, и не отступить от установлений нашего ангелоподобного общежития», – после чего «сообщество братьев удалилось в лесистые места» (*ЖП*, § 13). Так поступил со своими монахами и Феодор Студит: осужденный императором на ссылку, он заповедал всем братьям уйти из монастыря. Это считалось у исповедников за правило: «Мы узнали, что вы оставили монастырь и скрываетесь в горах во ис-

полнение заповеди, повелевающей это из-за христорборных гонителей», – пишет Феодор одному игумену после 816 г. (*Письмо 170* [16, Pt. 2, p. 291]). Студиты жили в разных местах небольшими группами; некоторые из них тоже были схвачены иконоборцами и бичеваны или посажены в тюрьму [1, с. 780–781, 785, 851, 857, 869–871]. Феодор все царствование Льва V провел в тюрьмах и был дважды бичеван за то, что вел обширную переписку, укрепляя иконопочитателей и обличая ересь [1, с. 761–778, 786–802]. В это время Петр отправился в Эфес и Хоны, где храмы, по утверждению агиографа, «еще не были тиранически захвачены злославными» (*ЖП*, § 13), затем провел почти год на Кипре и, возвратившись к Олимпу, поселился отшельником, наставляя приходящих к нему братьев в студитском духе: «не сходить с еретиками ни для еды, ни для питья, ни для молитвы, ни для псалмопения и не приветствовать их». Однако далее следует рассказ о том, как Петр служит в своем монастыре, хотя, казалось бы, он не должен был туда возвращаться (*ЖП*, § 14). В *ЖП(р)* в этом месте сделана вставка: Петр решает вместе с братьями вернуться в монастырь, узнав, что он не захвачен еретиками и стоит пустой. Затем описано чудо святого: когда во время литургии «пришел какой-то еретик-кровопиец с толпой людей, желая его схватить, окружил храм и сам встал у входных дверей», Петр окончил службу и «прошел среди них совершенно невидимый», так что иконоборец удалился ни с чем. Так агиограф, с одной стороны, делает Петра объектом преследования еретиков, но при этом святой чудесным образом избегает ареста. Впрочем, его монахи иконоборцев не интересуют: никого из них, в отличие от студитов, не хватают, не принуждают к отречению от икон и не бичуют – очевидно (хоть агиограф и молчит об этом), как не представляющих особой опасности для властей, в противоположность студитам, которые старались, подобно своему игумену, обличать еретиков и ободрять православных. Вторично Петр с братьями покинул монастырь только после начала гонений при императоре Феофиле (*ЖП*, § 63).

Упомянутое чудо с невидимостью не единственное у Петра: в другой раз он стал

невидим при встрече на дороге с епископами, «поскольку они держались ереси преступных иконоборцев» (*ЖП*, § 19). При этом своим спутникам-монахам он велел идти дальше и, по сути, отдуваться вместо него: они вступили в разговор с еретиками, которые расспрашивали их, куда делся Петр, который в это время стоял тут же на обочине, – несомненное чудо, но едва ли православные исповедники сочли бы эту историю непредвзвешенной. Однако здесь чудо по крайней мере увязано с нежеланием Петра общаться с еретиками, тогда как в похожей истории с Иоанником, когда он сделался невидим, причиной было просто желание, чтобы его не увидели случайные встречные (*ЖИ(п)*, § 61; *ЖИ(с)*, § 34).

Иногда Петр обличал иконоборцев: одного больного отказался исцелять, пока тот не поклонится иконе Христа, другому открыл, что причина его паралича – ересь, и тот выздоровел сразу после покаяния (*ЖП*, § 24); но подобные обличения лично для Петра опасности не представляли. Однако интересно отметить, что они приводят к покаянию и исцелению еретиков, тогда как обличения Иоанникия в адрес иконоборцев заканчиваются лишь их смертью без покаяния.

Кроме того, Петр со своим родным братом Павлом, который тоже стал монахом, однажды посетили заключенного в тюрьму за иконопочитание св. Афанасия Павлопетрского (*ЖП*, § 23), и на обратном пути в монастырь с ними произошла история, представляющая собой единственный в жизни Петра случай прямого исповедничества (*ЖП*, § 26). Монахи встретили некоего иконоборца, который спросил: «Откуда вы и куда держите путь? Вы не из раскольников-иконопоклонников?» В ответ Петр исповедал иконопочитание, после чего иконоборец избил его палкой и ногами, а потом отвел обоих братьев к иконоборческому экзарху Ламарису. Тот посадил их в тюрьму и попытался сманить Павла, обещая ему епископство в случае присоединения к иконоборцам, а после отказа велел бичевать его. Петр призывал не трогать Павла, угрожая Божией карой, но Ламарис не послушался и тут же умер от сильного носового кровотечения, после чего «его друзья-гонители, увидев это, охваченные великим страхом, немедленно освободили преподобных». Эта история едва

ли понравилась бы настоящим исповедникам, которые провели в заточении годы, пострадали от жестоких бичеваний, а некоторые, как Евфимий Сардский и Фаддей Студит, умерли после них. Но хотя попытка агиографа сделать из своего героя исповедника веры выглядит не слишком удачной и убедительной, она, тем не менее, отличает *ЖП* от житий Иоанникия.

Особенно ярко стремление *ЖП* примирить вифинскую и студийскую позиции отразилось в том, что Петр поддерживает прекрасные отношения как с Феодором Студитом, так и с Иоанникием. К Феодору Петр обращается, став жертвой клеветы в 820-е годы. Некие епископы и игумены позавидовали славе Петра как целителя-чудотворца и стали говорить, что он творит чудеса не Божией, а демонской силой. Петр пытался примириться с ними, «но они совсем не приняли его, но многие изгоняли его как колдуна». Тогда Петр «с великой скорбью отправляется к Феодору, во святых исповеднику, игумену Студийскому, находившемуся в изгнании с остальными отцами, <...> и со слезами открывает ему слухи, которые распространяют о нем злоревностные и завистливые люди». Студит попросил Петра честно рассказать о своей жизни и узнал о его чрезмерной аскезе: тот много лет не ел даже хлеба, питаясь одними овощами, носил вериги и ходил босым. «Услышав это, великий исповедник Феодор приказал своим послушникам предложить ему богатую трапезу и принудил преподобного вкусить всего вместе с ним, надел ему на ноги сандалии и покрыл накидкой его волосяной стихарь». Поскольку Петр смиренно принял это, Феодор убедился, что причина его подвигов не в тщеславии, и написал письмо к клеветникам, где сообщал, что «тщательно исследовал жизнь» Петра и нашел, «что он ни в чем не заблуждается, но, более того, превосходит многих подвижников нашего времени». После этого «восставшие против святого изменили поведение и приняли блаженного, пусть и против желания» (*ЖП*, § 37–38)⁶. Показательно, что Петр в такой ситуации ищет защиты не у патриарха или какого-либо епископа из числа исповедников, а у игумена Студийского, и что слово Феодора оказывается для остальных законом. В *ЖП(p)* добавлен еще один эпизод (§ 41 bis),

где Петр отправляется к Феодору, просто «чтобы навестить его. А тот, любезно приняв его и дружелюбно приветствовав, возрадовался духом. Посему отец советуется с ним обо всех своих делах, обсудив и то, что касалось братии». К сожалению, далее в тексте лакуна, и неизвестно, о чем беседовали оба игумена, но сама по себе история еще раз показывает, что Петр относился к Феодору с большим уважением.

В то же время *ЖП* рассказывает, как Петр в конце жизни навещает Иоанникия, чтобы пообщаться с ним, «ибо у этих двух отцов было такое богоблагодатнейшее единодушие, что в обоих виделся единый божественнейший образ действий и два мыслились одним богосоединенным человеком по характеру и по любви, которую они питали друг к другу» (§ 80). Когда же Петр скончался, Иоанникий имел видение, как ангелы относят его душу на небо, о чем впоследствии рассказал автору жития (*ЖП*, § 81). Перед смертью Петр завещает своим братьям жить непорочно и удаляться от любого общения с иконоборцами (*ЖП*, § 83).

Выводы. В эпоху второго иконоборчества в православной оппозиции существовало напряжение между вифинскими монахами и студитскими кругами, чьи взгляды на христианскую жизнь различались. Феодор Студит, чьи суждения поддерживали строгие исповедники иконопочитания, считал, что обязанность православного во время господства ереси – открыто противостоять ей, терпеть гонения и не идти на соглашение с еретиками из желания сохранить монастыри и храмы. Напротив, многие вифинские монахи предпочитали тихо жить в удаленных обителях и не вступать в конфликт с иконоборцами. Известный вифинский отшельник Иоанникий не терпел никаких гонений за иконы, поддерживал связь с некоторыми иконоборцами и снисходительно относился к эконому Иосифу, ответственному за раскол православной оппозиции во время гонений; наперсник Иоанникия Евстратий Агаврский, возможно, был запятнан данной иконоборцам подпиской, а знакомый отшельник Феоктист обвинялся в ряде ересей, что породило смущение в православных кругах. Все это вызывало у части иконопочитателей сомнения в православии Иоанникия. Феодор

Студит критиковал его и ему подобных за избегание гонений, обличал Евстратия и Феоктиста, чем вызвал антипатию и гнев у вифинских монахов, в том числе у Петра, автора первого жития Иоанникия. Агиографы, прославляя Иоанникия прежде всего как великого аскета, пророка и чудотворца, старались также сделать его участником сопротивления ереси и рассеять возможные подозрения в его неправославии, рассказывая о его антииконоборческих пророчествах и обличении еретиков, вложив в его уста пространное исповедание веры и изобразив его советником патриарха-исповедника Мефодия. Автор второго жития Иоанникия монах Савва убрал выпады своего предшественника против студитов, а в житии Петра Атройского отчасти сместил акценты: в его изображении Петр, как и Иоанникий, в целом остается в стороне от активного сопротивления ереси, однако один раз все же сталкивается с иконоборцами напрямую и терпит избиение, его исцеления действительны только для иконопочитателей, а своих монахов он, как и Феодор Студит, учит не общаться с еретиками даже в быту. С Феодором его связывают дружеские отношения, Петр советуется с ним о монашеской жизни и прибегает к его заступничеству, будучи оклеветанным; в то же время Петр изображен близким и единомышленным другом Иоанникия. Таким образом, Савва попытался примирить позиции вифинского монашества и студитов, сделав Петра Атройского чем-то вроде посреднической фигуры, стоящей между обеими группами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее номера житий по *Bibliotheca Hagiographica Graeca* [7].

² Подобный случай произошел с Петром Атройским и его братом, см. далее.

³ Новейшую библиографию можно найти в статье А. Маркопулоса [15, р. 295–396, note 3], посвященной лингвистическому сравнению двух версий жития Петра.

⁴ Чудеса в *ЖП* проанализировал С. Евтимиадис и составил их сводную таблицу [11, р. 160–170, 174–182].

⁵ Иконоборцы не исчезли после 843 г., но были достаточно влиятельны еще несколько десятилетий, так что соборные осуждения их неоднократно по-

вторялись и позднее, при патриархах Фотии и Игнатии [9, р. 76–97].

⁶ Эта история упомянута во всех трех житиях Феодора Студита (*Vita A*, § 59; *Vita B*, § 117; *Vita C*, § 119; рус. пер. см. в [5, т. I]). Однако в *ЖП* не сказано, что Феодор не просто принудил Петра вкусить пищи, которую тот много лет не ел, но посоветовал ему впредь не выделяться чрезмерными подвигами, питаться как обычные монахи и зимой ходить в обуви, чтобы не подавать повода к смущению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доброклонский, А. П. Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский. Ч. I : Его эпоха, жизнь и деятельность / А. П. Доброклонский. – Одесса : Экономическая тип., 1913. – 1100 с.

2. Иоанникий Великий, преподобный (762–846). [Жития] ВHG 936 и ВHG 935 / предисл. и пер. с древнегреч. Д. Е. Афиногенова ; коммент. Д. Е. Афиногенова и Т. А. Сениной // Жития византийских святых эпохи иконоборчества. Т. I / ред. Т. А. Сениной. – СПб. : Квадриум : Алетейя, 2015. – С. 508–656.

3. Луховицкий, Л. В. Иоанникий Великий / Л. В. Луховицкий // Православная энциклопедия. – Т. XXV. – М., 2010. – С. 121–124.

4. Сенина, Т. А. Иконопочитатели и иконоборцы IX столетия / Т. А. Сенина // Жития византийских святых эпохи иконоборчества. Т. I / общ. ред. Т. А. Сениной (монахини Кассии). – СПб. : Квадриум : Алетейя, 2015. – С. 3–130.

5. Феодор Студит, преподобный. Творения. Т. 1 / под ред. митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира ; рук. проекта А. И. Сидоров. – М. : Сибирская благовонница, 2010. – 845 с. ; Т. 2 / под ред. митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира ; рук. проекта А. И. Сидоров. – М. : Сибирская благовонница, 2011. – 863 с. ; Т. 3 / под ред. митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира ; рук. проекта А. И. Сидоров. – М. : Сибирская благовонница, 2012. – 1070 с. – (Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе).

6. *Altera vita S. Ioannicii auctore Petro monacho* / ed. J. van den Gheyn // *Acta Sanctorum*. – 1894. – Novembris, T. II, Pt. 1. – P. 384–435.

7. *Bibliotheca Hagiographica Graeca*. Vol. 1 / ed. F. Halkin. – Bruxelles : Société des Bollandistes, 1957. – 284 p. ; Vol. 2 / ed. F. Halkin. – Bruxelles : Société des Bollandistes, 1957. – 322 p. ; Vol. 3 / ed. F. Halkin. – Bruxelles : Société des Bollandistes, 1957. – 351 p. – (*Subsidia Hagiographica* ; 8a).

8. Dobschütz, E. von. Methodios und die Studiten. Strömungen und Gegenströmungen in der Hagiographie des 9. Jahrhunderts / E. von Dobschütz

// *Byzantinische Zeitschrift*. – 1909. – Bd. 18. – S. 41–105.

9. Dvornik, F. The Patriarch Photius and Iconoclasm / F. Dvornik // *Dumbarton Oaks Papers*. – 1953. – Vol. 7. – P. 67–97.

10. Efthymiadis, S. Hagiography from the “Dark Age” to the Age of Symeon Metaphrastes (Eighth–Tenth Centuries) / S. Efthymiadis // *The Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography*. Vol. I : Periods and Places / ed. S. Efthymiadis. – Farnham : Ashgate, 2011. – P. 94–142.

11. Efthymiadis, S. Le miracle et les saints durant et après le second iconoclasme / S. Efthymiadis // Efthymiadis, S. *Hagiography in Byzantium : Literature, Social History and Cult* / S. Efthymiadis. – Farnham : Ashgate, 2011. – P. 153–182. – (Variorum Reprints).

12. La vie merveilleuse de St. Pierre d’Atroa (†837) / éd., trad. et comm. par V. Laurent. – Bruxelles : Société des Bollandistes, 1956. – XII, 247 p. – (Subsidia hagiographica ; 29).

13. La Vita retractata et les miracles posthumes de Saint Pierre d’Atroa / éd., trad. et comm. par V. Laurent. – Bruxelles : Société des Bollandistes, 1958. – 187 p. – (Subsidia hagiographica ; 31).

14. Mango, C. The Two Lives of St. Ioannikios and the Bulgarians / C. Mango // *Okeanos: Essays presented to I. Ševčenko on his Sixtieth Birthday* / ed. C. Mango, O. Pritsak. – Cambridge, Mass. : Ukrainian Research Institute ; Harvard University, 1984. – P. 393–404. – (Harvard Ukrainian Studies ; 7).

15. Markopoulos, A. Notes et remarques sur la Vie de saint Pierre d’Atroa / A. Markopoulos // *Le saint, le moine et le paysan. Mélanges d’histoire byzantine offerts à Michel Kaplan* / éd. par O. Delouis, S. Métivier et P. Pagès. – Paris : Publications de la Sorbonne, 2016. – P. 295–405. – (Collection Byzantina Sorbonensia).

16. Theodori Studitae Epistulae. Pt. 1 / rec. G. Fatouros. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1992. – X, 496* p.; Pt. 2 / rec. G. Fatouros. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1992. – 1108 p. – (Corpus Fontium Historiae Byzantinae ; XXXI/1–2).

17. Timotin, A. Visions, prophéties et pouvoir à Byzance. Étude sur l’hagiographie méso-byzantine (IX–XI siècles) / A. Timotin. – Paris : Centre d’études byzantines, néo-helléniques et sud-est européennes, 2010. – 376 p. – (Dossiers Byzantins ; 10).

18. Vita S. Ioannicii auctore Saba monacho / ed. J. van den Gheyn // *Acta Sanctorum*. – 1894. – Novembris, T. II, Pt. 1. – P. 332–384.

19. Βίος καὶ θαύματα τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Εὐστρατίου, ἡγουμένου τῆς μονῆς τῶν Αὐγάρου // Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Τ. Δ’ / ἐκδ. Α. Παπαδοπούλου-Κεραμέως. – Πετροῦπολις : ἐκ τοῦ Τυπογραφείου Β. Κισπάουμ, 1897. – Σ. 367–400.

REFERENCES

1. Dobroklonskiy A.P. *Prep. Feodor, ispovednik i igumen Studiyskiy Ch. 1. Ego epokha, zhizn i deyatelnost* [St. Theodore, Confessor and Abbot of Studios. Pt. I: His Era, Life and Work]. Odessa, “Ekonomicheskaiya” Press., 1913. 1100 p.

2. Afinogenov D.E., Senina T.A., eds. Ioannikiy Velikiy, prepodobnyy (762–846). [Zhitiya] BHG 936 i BHG 935 [Lives of St. Ioannikios the Great, BHG 936 and BHG 935]. Senina T.A., ed. *Zhitiya vizantiyskikh svyatykh epokhi ikonoborchestva* [Lives of Byzantine Saints of the Iconoclastic Epoch]. Vol. 1. St. Petersburg, Kvadrivium Publ., Aletheia Publ., 2015, pp. 508–656.

3. Lukhovitskiy L.V. Ioannikiy Velikiy [Ioannikios the Great]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia], 2010, vol. XXV, pp. 121–124.

4. Senina T. A. Ikonopochitateli i ikonobortsy IX stoletiya [Iconophiles and iconoclasts of the 9th century]. Senina T. A., ed. *Zhitiya vizantiyskikh svyatykh epokhi ikonoborchestva* [Lives of Byzantine Saints of the Iconoclastic Epoch]. Vol. I. St. Petersburg, Kvadrivium Publ.; Aletheia Publ., 2015, pp. 3–130.

5. Metropolitan Vladimir, Sidorov A.S., eds. *Feodor Studit, prepodobnyy. Tvoreniya* [Saint Theodore of Studios. Works]. Vol. 1. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2010. 845 p.; Vol. 2. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2011. 863 p.; Vol. 3. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2012. 1070 p. (Polnoe sobranie tvoreniy svyatykh ottsov Tserkvi i tserkovnykh pisateley v russkom perevode [Complete collection of the works of the Holy Fathers of the Church and Church writers in Russian translation]).

6. Gheyn J., van den ed. Altera vita S. Ioannicii auctore Petro monacho. *Acta Sanctorum*, 1894, novembris, vol. 2, pt. 1, pp. 384–435.

7. Halkin F., ed. *Bibliotheca Hagiographica Graeca*. Vol. 1. Bruxelles, Société des Bollandistes, 1957. 284 p.; Vol. 2. Bruxelles, Société des Bollandistes, 1957. 322 p.; Vol. 3. Bruxelles, Société des Bollandistes, 1957. 351 p. (Subsidia Hagiographica; 8a).

8. Dobschütz E. von. Methodios und die Studiten. Strömungen und Gegenströmungen in der Hagiographie des 9. Jahrhunderts. *Byzantinische Zeitschrift*, 1909, vol. 18, pp. 41–105.

9. Dvornik F. The Patriarch Photius and Iconoclasm. *Dumbarton Oaks Papers*, 1953, vol. 7, pp. 67–97.

10. Efthymiadis S. Hagiography from the “Dark Age” to the Age of Symeon Metaphrastes (Eighth–Tenth Centuries). Efthymiadis S., ed. *The Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography*. Vol. I: Periods and Places. Farnham, Ashgate, 2011, pp. 94–142.

11. Efthymiadis S. Le miracle et les saints durant et après le second iconoclasme. Efthymiadis S., ed. *Hagiography in Byzantium: Literature, Social History*

and Cult. Farnham, Ashgate, 2011, pp. 153-182. (Variorum Reprints).

12. Laurent V., ed. *La vie merveilleuse de St. Pierre d'Atroa (†837)*. Bruxelles, Société des Bollandistes, 1956. XII, 247 p. (Subsidia hagiographica; 29).

13. Laurent V., ed. *La Vita retractata et les miracles posthumes de Saint Pierre d'Atroa*. Bruxelles, Société des Bollandistes, 1958. 187 p. (Subsidia hagiographica; 31).

14. Mango C. The Two Lives of St. Ioannikios and the Bulgarians. Mango C., Pritsak O., eds. *Okeanos: Essays presented to I. Ševčenko on his Sixtieth Birthday*. Cambridge, Mass., Ukrainian Research Institute; Harvard University, 1984, pp. 393-404. (Harvard Ukrainian Studies; 7).

15. Markopoulos A. Notes et remarques sur la Vie de saint Pierre d'Atroa. Delouis O., Métivier S., Pagès P., eds. *Le saint, le moine et le paysan. Mélanges d'histoire byzantine offerts à Michel Kaplan*. Paris, Publications de la Sorbonne, 2016, pp. 295-405. (Collection Byzantina Sorbonensia).

16. Fatouros G., ed. *Theodori Studitae Epistulae*. Pt. 1. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 1992. X, 496* p.; Pt. 2. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 1992. 1108 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; XXXI/1-2).

17. Timotin A. *Visions, prophéties et pouvoir à Byzance. Étude sur l'hagiographie méso-byzantine (IX–XI siècles)*. Paris, Centre d'études byzantines, néo-helléniques et sud-est européennes, 2010. 376 p. (Dossiers Byzantins; 10).

18. Vita S., Gheyn J. van den, ed. Ioannicii auctore Saba monacho. *Acta Sanctorum*, 1894, novembris, vol. 2, pt. 1, pp. 332-384.

19. Bios kai thaumata tou osiou patros emōn Eustratiou, egoumenou tes monēs ton Augarou [The Life and miracles of the Saint father Eustratios, abbot of the monastery of Agauros]. Papadopoulou-Kerameōs A., ed. *Analekta ierosolymitikēs stachyologias* [Selections from the Jerusalem storages]. Vol. 4. St. Petersburg, B. Kirspaoum Publ., 1897, pp. 367-400.

Information About the Author

Tatyana A. Senina (nun Kassia), Candidate of Sciences (Philosophy), Editor-in-Chief, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Bolshaya Morskaya St, 67, 190000 Saint Petersburg, Russian Federation; Associate Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 7-ya Krasnoarmeyskaya St, 25/14, 190005 Saint Petersburg, Russian Federation, mon.kassia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8120-3499>

Информация об авторе

Татьяна Анатольевна Сенина (монахиня Кассия), кандидат философских наук, ведущий редактор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, ул. Б. Морская, 67, 190000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. 7-я Красноармейская, 25/14, 190005 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, mon.kassia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8120-3499>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.19>

UDC 94“9/10”:655+75.046

LBC 63.3(0)41-7

Submitted: 29.06.2020

Accepted: 25.09.2020

**LIFE OF ST. PANCRATIUS: CLARIFICATION OF TERMS
AND RECONSTRUCTION OF BOOK WRITING AND ICON PAINTING REALIA
IN THE 10th AND 11th CENTURIES**

Kseniia S. Morugina

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper attempts to compare and analyze specific words identifying book writing and icon painting realia in the Life of St. Pancratius thereby providing new definitions for these terms. In the light of the results obtained, it became possible to propose a reconstruction of book writing and icon painting at the time described in the Life of St. Pancratius. *Methods.* The methodological basis of the research is the comparative analysis of various editions of the same literary work. *Analysis.* There was no unity among specialists involved in the translation of the Life of St. Pancratius into other languages (namely Russian and English) in conveying the meaning of certain words. This situation led to the misconception and obscurity of the historical situation with liturgical books in this text. The analysis of evidence in regards to writing materials and bookmaking has been performed via comparison of two various editions of the Life of St. Pancratius: the first edition published by C.J. Stallman and the unpublished second edition in the manuscript of GIM Vlad. 381. *Results.* The examination of the writing and icon-painting materials introduced in the Life of St. Pancratius was accomplished via comparison of the published first edition with the unreleased second edition. This comparison has led to uncovering new data, which adds to the historical picture – more specifically it describes on which materials the books and the icons were created in the Life of St. Pancratius.

Key words: St. Pancratius, Greek hagiography, Greek language, writing and icon painting materials, textual studies.

Citation. Morugina K.S. Life of St. Pancratius: Clarification of Terms and Reconstruction of Book Writing and Icon Painting Realia in the 10th and 11th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 243-252. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.19>

УДК 94“9/10”:655+75.046

ББК 63.3(0)41-7

Дата поступления статьи: 29.06.2020

Дата принятия статьи: 25.09.2020

**ЖИТИЕ СВ. ПАНКРАТИЯ: К УТОЧНЕНИЮ ТЕРМИНОВ
И РЕКОНСТРУКЦИИ РЕАЛИЙ КНИЖНОГО ДЕЛА
И ИКОНОПИСИ В X–XI ВЕКАХ ¹**

Ксения Сергеевна Моругина

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье осуществляется попытка сравнить и проанализировать семантику слов, обозначающих материалы для письма и иконописи в Житии св. Панкратия, и тем самым предложить свой вариант понимания этих терминов. На основании полученных значений предлагается реконструкция книжного дела и иконописи в описываемое в Житии время. *Методы.* Методологическую основу исследования составляет метод сравнительного анализа различных редакций одного литературного памятника. *Анализ.* Среди специалистов, занимавшихся переводом Жития на другие языки, а именно на русский и английский, не было единства в передаче значений некоторых слов. Такая ситуация привела к размыванию понятий и неясности исторической ситуации с богослужебными книгами в тексте. Анализ свидетельств, касающихся книжного производства и иконописи, проведен на основе сопоставления двух редакций Жития св. Панкратия: первой (изданной С. Дж. Столлман) и неизданной второй редакцией в рукописи ГИМ Влад. 381. *Результаты.*

В результате исследования значений слов, обозначающих представленные в Житии предметы для письма и иконописи, на основе новых данных, сравнив изданную первую редакцию с неизданной второй, удалось предложить иные варианты перевода, которые позволили уточнить, какой материал использовался для написания книг и как создавали иконы в Житии св. Панкратия.

Ключевые слова: св. Панкратий, греческая агиография, греческий язык, материалы для письма и иконописи, текстология.

Цитирование. Моругина К. С. Житие св. Панкратия: к уточнению терминов и реконструкции реалий книжного дела и иконописи в X–XI веках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 243–252. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.19>

Введение. Исследование посвящено относительно малоизученному памятнику византийской агиографии – Житию святого Панкратия, ученика апостола Петра и епископа Тавромении [16, nos. 1410–1410m; 15, p. 155–171]. Предметом настоящего исследования являются упоминающиеся в Житии термины, обозначающие материалы для письма и иконописи. Помимо свидетельств, затрагивающих топографию, архитектуру, церковные устои, литургические обряды [30, p. 22], в Житии св. Панкратия встречается большое количество слов, обозначающих писчие и иконописные материалы и принадлежности, например «ὁ πίναξ» / (доска), «τὰ ἐγκηρότατα χρώματα» / (восковые краски) и «ὁ χάρτης» / (хартия). К отрывкам Жития в его первой редакции неоднократно обращались исследователи, поскольку эти фрагменты являются редкими свидетельствами о книжном производстве, и также, возможно, являются подтверждением того, что по приказанию апостолов создавались художественные образцы, по которым расписывали церкви [24, p. 137–138]. В настоящей статье осуществляется попытка сравнить и проанализировать переводы слов такой семантики в первой и второй редакции Жития со среднегреческого на английский и русский языки.

Методы. Методологическую основу исследования составляет метод сравнительного анализа различных редакций одного литературного памятника.

Анализ. Точная дата написания Жития неизвестна, однако существуют хронологические маркеры, позволяющие считать 680 г. самой ранней, а 814 г. – самой поздней датировкой создания текста. Обе датировки были установлены С. Дж. Столлман. Самую раннюю дату создания Жития исследовательница вы-

деляет благодаря употребленному в тексте топониму «Калабрия» для древнего Бруттия, использовавшемуся около 680 г. [30, p. 12], а позднейшую – основываясь на письме Феодора Студита от 814 г., в котором он цитирует текст Жития [30, p. 11]. Некоторые исследователи считают, что легенда о святом Панкратии зародилась на Сицилии, и там же создавался текст Жития, однако окончательное формирование текста произошло в Константинополе [5, с. 388–389; 4, с. 117, 302].

В роли повествователя в Житии выступает ученик св. Панкратия Евагрий. По утверждению самого Евагрия, он сам будучи современником апостола Петра и св. Панкратия стал очевидцем распространения христианства на Сицилии. Иными словами, по утверждению автора текста Жития, он и его наставник св. Панкратий жили в I в. н. э. Однако из-за встречающегося в тексте анахронизма – упоминание об аварах (VI в.) [29, p. 20–23], можно допустить, что автор Жития не был современником описываемых событий [5, с. 388], или произведение могло дополняться в последующие века, то есть речь идет об эволюции текста на протяжении семи – восьми столетий.

Существуют три редакции Жития, которые были выделены С. Дж. Столлман [30, p. 23–25] на основе текстологического анализа: первая является наиболее ранней (X в.), вторая возникла на Афоне в XI в., а третья представлена в единственном манускрипте (XI в.) и значительно сокращена по сравнению с первой и второй [30, p. 23–25]. Таким образом, создание первой редакции текста Жития св. Панкратия, по-видимому, произошло приблизительно на двести или триста лет позже формирования текста, если придерживаться датировок С. Дж. Столлман: 680 или

814 годы. Исследовательница отмечала, что между рукописями первой редакции имеются разночтения лингвистического и орфографического характера, однако между ними нет расхождения по содержанию или построению. Пять манускриптов второй редакции содержат лишь незначительные разночтения [30, р. 26]. Сравнивая первую редакцию со второй, Столлман отметила, что вторая редакция является сокращением и значительным стилистическим улучшением первой редакции. Вторая редакция, как и третья, не были предметом специального исследования вплоть до настоящего времени, однако уже С.Дж. Столлман отмечала важность введения всех редакций Жития св. Панкратия в научный оборот, подчеркивая перспективы дальнейшего исследования второй редакции [30, р. 27]. Неизданная вторая редакция, к которой мы обратились в рамках нашего исследования, сохранилась в аутентичной рукописи под шифром ГИМ Влад. 381 [2, с. 574; 7, с. 125], созданной в 1023 г. в Ивириском монастыре на Афоне каллиграфом Феофаном Ивирием [20, р. 42, 57]. Анализ свидетельств, касающихся книжного производства и иконописи исследуемой эпохи, проведен нами на основе сопоставления двух редакций Жития св. Панкратия: первой (изданной С.Дж. Столлман) и неизданной второй редакцией в рукописи ГИМ Влад. 381.

История переводов Жития св. Панкратия на современные языки начинается с 1986 г., когда С.Дж. Столлман в отдельной главе диссертации, посвященной вопросу создания изображений и декорированию церкви в раннюю апостольскую эпоху, рассмотрела некоторые аспекты Жития и в том числе перевела некоторые термины с греческого на английский язык [31, р. 136–156]. Ключевым моментом исследования Жития св. Панкратия стала диссертация С.Дж. Столлман. Полный перевод греческого текста Жития в его первой редакции на английский язык впервые был выполнен в 2018 г. группой австралийских исследователей под руководством Дж.Б. Берка в издании «The Life of S. Pancratius of Taormina» [30], представляющем собой диссертацию С.Дж. Столлман, которую сама исследовательница не успела опубликовать при жизни. С. Мэнго в 1986 г. в фундаментальном труде по истории византийского искусства в перечень

искусствоведческих текстов также включил фрагменты Жития св. Панкратия, содержащие упоминания иконописных материалов, сопроводив их переводом на английский язык [24, р. 137–138]. Изучая вопрос о миссионерской деятельности в Византии, И. Шевченко в статье 1999 г. опубликовал отрывки на греческом языке, содержащие упоминания о писчих материалах, с переводом на русский [9, р. 317–322]. Среди перечисленных выше специалистов, занимавшихся переводом Жития на другие языки, а именно русский и английский, не было единства в передаче значения некоторых слов.

Прежде чем перейти к анализу контекстов Жития, следует сказать несколько слов о различии двух редакций, и тем самым обосновать обращение ко второй редакции, как необходимой для уточнения терминологии. Между первой и второй редакцией текста Жития св. Панкратия имеются значительные разночтения как в композиционном, так и лингвистическом плане. Вариант текста Жития, представленный в ГИМ Влад. 381, как представляется, был подвергнут литературной обработке. К такому выводу можно прийти, приняв во внимание значительные сокращения текста, с выбросом «ненужных» на взгляд средневекового редактора фрагментов, а также употребление плюсквамперфекта вместо перфекта во многих случаях и другие подобные приемы. Также обращает на себя внимание выбор лица и числа в повествовании: как правило, в первой редакции чаще встречается форма «ἡμεῖς» / (мы), в то время как во второй – «ἐγώ» / (я). Например, на л. 122 рукописи второй редакции глагол «τρέφω» / (вскармливать) употреблен в форме Futurum ind. med. 1 л. ед. ч. τρέψομαι, в первой редакции – Praesens con. act. 1 л. мн. ч. τρέψομεν и т. п. Также имеются разночтения при употреблении имен собственных. Например, в первой редакции название города Иерусалим Ἱεροσόλυμα, во второй – Ἱερουσαλήμ; имя мужа, рукоположенного апостолом Петром в епископы, в первой редакции Μάξιμος, во второй – Μαξιμίνος; в первой название епархии Μάγαρ, во второй – Μάγδαп и т. д. В некоторых случаях фрагменты текста первой редакции сокращены, в то время как те же фрагменты второй редакции, наоборот, расширены. Это можно констатировать на примере

фрагмента на л. 146–146 об. (ГИМ Влад. 381), в котором исключительно детально, по сравнению с первой редакцией, приводится эпизод распятия Христа. В таких случаях вторая редакция уточняет или дополняет текст первой редакции. Обращение ко второй редакции текста позволило скорректировать значение некоторых терминов, семантика которых в первой редакции была не столь определенной.

Для анализа было выделено несколько фрагментов, содержащих упоминания о писчих и иконописных материалах. В конце л. 125–125 об. рукописи ГИМ Влад. 381 содержится отрывок, описывающий распоряжение апостола Петра, адресуемое живописцу Иосифу. Апостол просит Иосифа нарисовать икону Иисуса Христа: «ὁ δὲ ζωγράφος · λαβὼν ἐγκηρότατα χρώματα, ἐζωγράφησε τὴν εἰκόνα τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ · ὁ δὲ ἀπόστολος ἔφη · ζωγράφησον τέκνον καὶ τὴν ἐμὴν · καὶ τὴν τοῦ ἡμετέρου ἀδελφοῦ Παγκρατίου... ὁ οὖν παῖς ὁ ζωγράφος καὶ ταύτας ἐπετέλεσεν, ἐπιγράψας ἐκάστη εἰκόνι τὸ ἴδιον ὄνομα... καὶ ἐκέλευσε κοσμεῖσθαι τὰς ἐκκλησίας, διὰ τῆς ἱστορίας ταύτης · ἐντεῦθεν οὖν ἐσπουδάζετο παρὰ πάντων · καὶ ἐνετύπουν αὐτὰ ἐν πίναξι ἢ χαρτίοις καὶ παρείχον τοῖς ἐπισκόποις» / (живописец же, взяв **восковые краски**, написал икону Господа нашего Иисуса Христа. Апостол же сказал ему: «Чадо, напиши и мою икону, и икону брата нашего Панкратия»... Итак, раб-живописец закончил эти иконы и надписал на каждой соответствующее название... И повелел Петр расписать церкви согласно этой истории, из которой все узнавали о Нем. Переносили они сюжет **на доски или папирус** и передавали епископам).

Из приведенного отрывка следует, что для написания икон художник использует «ἐγκηρότατα χρώματα», то есть «**восковые краски**». Этот технологический прием состоял в том, что художник перед нанесением вмешивал пигменты в восковую эмульсию, надежно защищающую в основном деревянные поверхности от внешних факторов [38, р. 627]. У Анастасия Синаита, жившего около 640 г. до начала VIII в. [11, S. 442–446], то есть как раз тогда, когда происходило формирование текста Жития, в сочинении «Проповедь о субботе» (Sermo de sabbato) описывается по-

добный принцип смешения красок: «Εἰκόνας οὐδὲν ἕτερον οὐσης, ἢ ξύλον, καὶ χρώματα κηρῶν μεμιγμένα καὶ κεκραμμένα» [25] / (Икона есть не что иное, как дерево и краски, при помощи воска смешанные и хорошо перемешанные). Слово «ἐγκηρότατα» – гапакс, встречается только в Житии св. Панкратия [22; 34]. В первой редакции в том же фрагменте использована другая формулировка: «λαβὼν ἐγκηρότατα χρώματα ἀνθητὰ ἐζωγράφησε τὴν εἰκόνα τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ». С. Дж. Столлман переводит такое сочетание как «энкаустические краски», то есть состоящие из подогретого расплавленного воска, смол, масла (кедровое, льняное, ореховое, хлопковое) и большого количества пигмента [8, с. 47]. В качестве пигментов могли использоваться: свинцовые белила, мел, кость черная, сажа газовая, киноварь красная, понтийская красная, кармин фиолетовый, кармин красный, сурик желтый, охра светлая, охра красная, охра темная, эфесская желтая, мумия красно-коричневая, сепия (коричневая), терра-де-сиена (коричневая), ляпис-лазурь, египетская синяя, искусственная зеленая (медянка) [8, с. 47]. По-видимому, фраза «ἐγκηρότατα χρώματα» вместо «ἐγκηρότατα χρώματα ἀνθητὰ» означает, что во второй редакции Жития подразумевается техника восковой темперы, отличающейся от энкастики яркостью красок. Можно предположить, что составители второй редакции Жития, вышедшей на столетие позже первой редакции, решили убрать эпитет «ἀνθητὰ» из приведенного фрагмента, поскольку начиная с IX в. техника исполненной кистью и красками иконы на доске – темпера [10, с. 31–39]. Темпера была дешевле, и процесс работы с ней проще, что может объяснять преобладание такого метода в дальнейшем [8, с. 14–15].

В этом же отрывке особый интерес представляет словосочетание «ἐν πίναξι ἢ χαρτίοις» / (**на доски или папирусы**), поскольку в первой редакции исследуемая фраза представлена в ином виде: «αὐτοὶ ἐνετύπουν αὐτὰς ἐν πίναξι χαρτώοις». На русский язык И. Шевченко переводит сочетание «ἐν πίναξι χαρτώοις» как «на пергаменных листах», Дж. Б. Берк – «papyrus pages» [30, р. 55]. С. Дж. Столлман в разделе диссертации, посвященном изучению создания изображе-

ний и декорированию церквей, указывает: «A recurring feature of the VP is a book consisting of a number of *papyrus leaves* illustrated with scenes from Scripture» [31, p. 136] / (Периодически встречающийся элемент в Житии св. Панкратия – книга, состоящая из папирусных листов со сценами из Писания). То есть она, во-первых, указывает на то, что речь идет о книге, а во-вторых, обозначает писчий материал этой книги как «папирусные листы», а не «пергаменные листы», как перевел это словосочетание И. Шевченко [9, p. 318].

Слово «*χαρτῶς*» обычно использовалось для обозначения бумаги [22, p. 1716, s.v. “*χαρτῶς*”; 30, p. 55], и его употребление в данном контексте вынуждает датировать текст Жития периодом после VIII в., когда бумага была принесена в Византию через арабов [3, с. 23]. Однако приведенное слово употреблялось и для обозначения папирусных рукописей на Соборе 680 года [25, 11: 588E–589D; 13, p. 1–15; 35, p. 329–330]. Папирус, после того как его вытеснил пергамен на большинстве территорий, продолжал использоваться на Сицилии и в Египте [36, p. 1–8; 32, p. 18, 102–103, 265–266, 590]. Основным центром производства папируса оставались Сиракузы [36, p. 1–8; 32, p. 5]. Сицилия являлась главным поставщиком папируса для папской канцелярии, которая использовала папирус вплоть до XI в. [14, p. 10; 28, S. 32–52], и для скрипториев в Равенне, где папирус применялся для производства рукописей до X в. [28, S. 56–61; 32, p. 5].

На наш взгляд, более подходящим вариантом перевода для словосочетания «*πίναξι χαρτῶις*» было бы «папирусные кодексы», поскольку в мировой литературе, особенно в еврейской (например, в трактате Келим Мишны, в главе 24 строке 7, где упоминается три типа «*πίνακες*»: из папируса, с обработанной воском поверхностью и с полированной поверхностью) [18, p. 128], слово «*πίναξ*» зачастую тождественно по смыслу слову «*codex*» [23, p. 204], а прилагательное «*χαρτῶς*» (производное от «*ὁ χαρτης*»), встречающееся довольно редко, в первом значении переводится как «папирусный», и только позже приобрело смысл «сделанный из бумаги» [22, p. 1716 s.v. “*χαρτῶς*”]. У Плиния Старшего в его «Естественной истории» [27 (XIII, 74–82)]

для обозначения папируса используется слово «*ὁ χαρτης*» [17, p. 121–136; 12, p. 273–274]. Словосочетание «папирусный кодекс» не является редкостью: у Кассиодора между 551 и 562 гг. в сочинении «*Institutiones divinarum et saecularium litterarum*» [21, S. 278–279] встречается упоминание «*codex chartaceus*» в значении папирусного кодекса, содержащего текст Библии [1, с. 108]. Как явствует из дальнейшего прочтения Жития, каждый раз, когда Панкратий готовится сокрушать идолов, он просит Евагрия принести «орудия веры», перечень которых включает в себя «честной и животворящий крест, святые евангелия, иконы Иисуса Христа и апостола Петра, а также кафолические послания апостола Петра»: «*καὶ λαβῶν ὁ μακάριος Παγκράτιος τὸν τίμιον καὶ ζωοποιὸν σταυρὸν · καὶ τὰ ἅγια εὐαγγέλια · καὶ τὴν εἰκόνα τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ τὴν τοῦ ἀποστόλου Πέτρου · καὶ τὰς καθολικὰς αὐτοῦ δύο ἐπιστολὰς*» (л. 134 рукописи ГИМ Влад. 381). Крест св. Панкратий устанавливает на земле, рядом с ним просит встать Евагрия с иконами в руках, а сам приближается к идолу. При этом святые евангелия и послания апостола Петра должны находиться у него, так как руки Евагрия заняты иконами, а поместить священные книги на землю было бы кощунством. Если учесть, что Панкратий должен осенять идолов крестным знаменем, одна рука у него должна быть свободна. Более того, во время ритуала сокрушения идолов поднимается ветер, и удержать одной рукой разрозненные листы представляется невозможным. В свободной руке у Панкратия, по видимому, должна была быть книга в форме кодекса.

В греческом языке словосочетание «*πίναξι χαρτῶις*» является исключительно редким и встречается только в Житии св. Панкратия.

В *Thesaurus Linguae Graecae* [33] был осуществлен поиск словосочетания «*πίνακες χαρτῶις*» и его словоформ по двум периодам греческого языка (древнегреческий язык (XIV в. до н. э. – IV в. н. э.) и греческий язык византийского периода (V–XV вв.)). Выявить удалось только два случая употребления данного оборота, представляющие собой дословные выдержки из Жития св. Панкратия в

его первой редакции. Искомое словосочетание встретилось в сочинении константинопольского патриарха Никифора (ок. 758–828) «Обличение и опровержения безбожного и нечестивого определения собора, бывшего в 815 г.» (Nicerphori Patriarchae Constantinopolitani Refutatio et eversio definitionis synodalis anni 815) в главе 83, строке 40 [26, р. 144]: «αὐτοὶ ἐνετύπουν αὐτὰς ἐν πίναξιν χαρτώοις καὶ παρεδίδοσαν τῷ ἐπισκόπῳ καὶ αὐτοὶ μετὰ τὴν πλήρωσιν τῆς οἰκοδομῆς ἐνετύπουν αὐτάς». В том числе в главе 83, строке 83 [26, р. 146]: «τὴν καθολικὴν ἱστορίαν τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἃ καὶ ποιήσας ἦν ἐν πίναξιν χαρτώοις». Можно сделать вывод, что патриарх Никифор в 820 г. при написании своего «Refutatio et Eversio», как и Феодор Студит в своем письме от 814 г. [29, р. 11], пользовались не дошедшей до нас рукописью, послужившей прототипом для первой редакции Жития св. Панкратия. Патриарх Никифор указывает, что кодекс, из которого он берет отрывки Жития, является древнейшим («ἀρχαιοτάτη») [26, р. 148]), и отмечает искажение текста Жития со стороны иконоборцев [26, р. 147–150]. Повидимому, рукопись-прототип, из которой патриарх Никифор выписывал отрывки для своего сочинения в разгар второй волны иконоборчества, в 820 г. находилась в монастыре во имя мч. Феодора близ Хрисополя (ныне Ускюдар, Турция) – место ссылки патриарха Никифора с 815 г. до его смерти в 829 г. [6, с. 724–725]. Поскольку патриарху для дословного цитирования отрывков, полностью совпадающих с отрывками первой редакции, при написании своего сочинения нужно было иметь первоисточник при себе. Отмечая искажение текста Жития со стороны иконоборцев, патриарх Никифор подразумевает текст, который в дальнейшем послужит прототипом первой редакции Жития. Возможно, рукопись первой редакции – Vat. Gr. 1591 (964 г.) была сделана непосредственно с того самого не дошедшего до нас прототипа. Вторая редакция, возникшая в XI в. и несущая в себе очевидные признаки литературной обработки, представляет собой окончательный результат корректировок афонских монахов (иконопочитателей), восстановивших текст максимально близко к исходному варианту.

Слово «ὁ πίναξ» [22, р. 1214, s.v. “πίναξ”] во второй редакции встречается 6 раз (на л. 125 об., 132 об., 146, 146 об., 173, 175), в то время как в первой редакции – 5 раз. И. Шевченко делает оговорку, что переводит термин «πίναξ» по-разному: как «листы» или «картинки» [9, р. 318] и добавляет, что «из контекста ясно, что πίνακες Жития – не доски или таблицы, а картинки или рисунки, изображенные на отдельных листах или свитках пергамена» [9, р. 318]. Можно лишь частично согласиться с точностью такого перевода, поскольку в отличие от приведенного выше неясного места, в других контекстах Жития слово «πίναξ» употреблено в своем основном значении. Например, ГИМ Влад. 381 на л. 173 «ἐν ἧ ἐπέκειντο οἱ πίνακες τῶν ἱερῶν εἰκόνων» / (в которой лежали **доски** святых икон) и на л. 175 «ἀλλὰ καὶ τὸ κιβώτιον, ἐν ᾧ τῶν ἱερῶν εἰκόνων τοὺς πίνακας ἐπεφερόμεθα» / однако приносили мы и ковчежец, в котором были **доски** святых икон). Другой исследователь, С. Мэнго, переводит это же слово как «panels» или «pictures» [24, р. 137–138].

На л. 132 об. рукописи ГИМ Влад. 381 фрагмент с упоминанием «πίνακες»: «καὶ λαβὼν τοὺς πίνακας · οὓς ἦν ἱστορήσας ὁ Ἰωσήφ · καὶ ἀναπτύξας, ὑπεδείκνυεν αὐτοῖς» / (взяв и разложив **доски**, которые расписал Иосиф, он показывал их им). В первой редакции: «καὶ λαβὼν ὁ μακάριος τοὺς πίνακας, οὓς ἦν ἱστορήσας ὁ Ἰωσήφ, ἀναπτύξας, ὑπέδειξεν αὐτοῖς». В переводе И. Шевченко «λαβὼν τοὺς πίνακας» – «взяв **картинки**», в переводе Дж. Б. Берка – «took the **pages**». На наш взгляд, из контекста следует, что речь идет именно о досках с изображениями, поскольку их приходилось раскладывать перед смотрящими.

Ниже, на л. 146–146 об. рукописи ГИМ Влад. 381: «οὖν ἠρξάμην ἐγὼ ἀναγνῶναι · αὐτὸς κατασχὼν τὰ ἐν τοῖς πίναξιν ἐγκείμενα θεῖα μορφώματα, διηρημένευε καὶ ἐδείκνυεν αὐτοῖς ἅπασαν τὴν ἔνσαρκον οἰκονομίαν τοῦ θεοῦ λόγου ἀπ’ ἀρχῆς, κατὰ τὴν ῥηθεῖσαν ἀνάγνωσιν τοῦ ἀγίου εὐαγγελίου ... καὶ τὰ μὲν ἐν τοῖς πίναξιν, ὀφθαλμοφανῶς αὐτοῖς ἐδείκνυε ... ἐδείκνυεν αὐτοῖς · τὸν σταυρὸν · τὴν λόγχην νύπτουσαν τὴν ἄχραντον πλευρὰν, ἐξ ἧς ἐρροῦει τὸ αἷμα καὶ τὸ ὕδωρ · τὴν

ταφήν · τὴν ἀνάστασιν» / (затем, когда я начал читать, он, держа при себе божественные образы, запечатленные на **досках**, толковал и показывал им все домостроительство воплощения Бога Слова с самого начала, согласно читаемому вслух тексту Святого Евангелия... он наглядно показывал им все, что было на **досках**... он показывал им Распятие [19, р. 45–47], копье, пронзившее пречистое ребро, из которого истекла кровь и вода, погребение и Воскресение). В первой редакции выбранный фрагмент несколько отличается: «ὁ δὲ μακάριος κατέσχε τὰ **τοῖς πίναξιν** ἐγκείμενα. ὡς οὖν ἠρξάμην ἐγὼ ἀναγνῶναι, αὐτὸς ἐρμήνευεν καὶ ὑπέδεικνυεν αὐτοῖς ἅπασαν εἰκόνα τῆς ἐν σαρκὶ οἰκονομίας τοῦ θεοῦ λόγου, ὅσπερ παρέδωκεν αὐτῷ ὁ μακάριος ἀπόστολος Πέτρος · ἀπ' ἀρχῆς ἅπαντα κατὰ τὴν ἀνάγνωσιν τοῦ ἀγίου εὐαγγελίου ὑπέδειξεν... · τὰ μὲν ἐν **τοῖς πίναξιν** ὑπέδειξε, τὰς δὲ παραβολὰς διερμήνευσεν αὐτοῖς... ὑπέδειξεν αὐτοῖς · τὸ πάθος, τὸν σταυρὸν, τὴν ταφήν, τὴν ἀνάστασιν». В данном контексте Дж.Б. Берк предлагает переводить «κατέσχε τὰ **τοῖς πίναξιν**» как «held the pages and their contents», а «τὰ μὲν ἐν **τοῖς πίναξιν** ὑπέδειξε» – «he showed them what was on the pages» [30, р. 139], в то время как перевод И. Шевченко – «удержал при себе то, что было на **картинках**» и «все это он показал на **картинках**» [9, р. 321] соответственно. В данном случае, как и в предыдущих отрывках Жития св. Панкратия, между учеными нет единства в передаче значения слова «πίναξ». Упоминание в отрывках и первой и второй редакций сюжета Распятия говорит в пользу того, что текст Жития не мог быть оформлен ранее конца VII в., поскольку именно так датируется самое раннее упоминание о репрезентации Христа, умершего на кресте, в сочинении Анастасия Синаита [19, р. 40–57]. Самое раннее наглядное свидетельство – переносная икона с горы Синай – датируется началом – серединой VIII в. [37, р. 61–64; 19, р. 67–68]. Евагрий подразумевает, что все упоминаемые им сцены содержатся в иллюстрированном руководстве, но неясно, было ли Евангелие источником для этого списка или источником послужила конкретная, известная Евагрию, схема декорирования церкви [30, р. 14–15].

Результаты. В заключение следует отметить, что наше современное понимание специальных слов и выражений, встречающихся в изобилии в агиографических текстах, не всегда предполагает абсолютную определенность и однозначность. В частности, в Житии св. Панкратия встречается большое количество слов, обозначающих материалы для письма и иконописи. Некоторые исследователи обозначали материал книг, упомянутых в Житии, как папирус, другие – как пергамен. Одни исследователи считали, что Панкратий раскладывал перед новообращенными листы или картинки, переводя таким образом слово «πίνακες» / (доски). В результате нашего исследования представленных в Житии св. Панкратия слов выбранной семантики, на основе новых данных (сравнив изданную первую редакцию с неизданной второй) можно предложить иное понимание смысла следующих понятий:

– «τὰ ἐγκηρότατα χρώματα» / (восковые краски) – вместо ранее предложенного исследователями варианта перевода «encaustic paints», «энкаустические краски»;

– «οἱ πίνακες χαρτῶου» / (папирусные кодексы) – вместо «papyrus pages», «papyrus leaves», «пергаменные листы»;

– «οἱ πίνακες» / (доски) – вместо panels» или «pictures», «листы» или «картинки»;

– «ὁ χαρτης» / (папирус) – вместо «пергамен».

Согласно тексту «Жития св. Панкратия», он как миссионер раскладывал выполненные на досках восковыми красками изображения перед прозелитами, параллельно читая вслух папирусные кодексы, содержащие ветхо- и новозаветные пассажи.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90022.

The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90022.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борухович, В. Г. В мире античных свитков / В. Г. Борухович. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976. – 224 с.

2. Владимир (Филантропов), архим. Систематическое описание рукописей Московской Сино-

дальной (Патриаршей) библиотеки. Ч. 1 : Рукописи греческие / архим. Владимир (Филантропов). – М. : Синодальная типография, 1894. – 880 с.

3. Гийу, А. Византийская цивилизация / А. Гийу. – Екатеринбург : У-Фактория, 2005. – 552 с.

4. Иванов, С. А. Византийское миссионерство : Можно ли сделать из «варвара» христианина? / С. А. Иванов. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 376 с.

5. Каждан, А. П. История византийской литературы (650–850 гг.) / А. П. Каждан. – СПб. : Алетейя, 2002. – 530 с.

6. Луховицкий, Л. В. Никифор Константинопольский / Л. В. Луховицкий // Большая российская энциклопедия. – 2013. – Т. 22. – С. 724–725.

7. Фонкич, Б. Л. Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки. Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архимандрита Владимира (Филантропова) / Б. Л. Фонкич, Ф. Б. Поляков. – М. : Синодальная библиотека, 1993. – 228 с.

8. Хвостенко, Т. В. Энкаустика. Искусство, пережившее тысячелетия / Т. В. Хвостенко. – М. : Советский художник, 1985. – 160 с.

9. Шевченко, И. Оснащение византийского миссионера по Житию Панкратия / И. Шевченко // *Paleoslavica*. – 1999. – Vol. 7. – P. 317–322.

10. Яковлева, А. И. Техника иконы / А. И. Яковлева // История иконописи, VI–XX вв. : Истоки, традиции, современность / под ред. Т. В. Моисеевой. – М. : Арт-БМБ, 2002. – С. 29–40.

11. Beck, H. G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich / H. G. Beck. – München : C. H. Beck, 1977. – 835 S.

12. Bülow-Jacobsen, A. «Magna in latitudine earum differentia» (Pliny, NH XIII, 78) / A. Bülow-Jacobsen // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. – 1985. – Vol. 60. – P. 273–274.

13. Devreesse, R. Le cinquième concile et l'œcuménicité byzantine / R. Devreesse // *Miscellanea Giovanni Mercati*. – 1946. – Vol. III. – P. 1–15.

14. Devreesse, R. Introduction à l'étude des manuscrits grecs / R. Devreesse. – Paris : Imprimerie Nationale, 1954. – 348 p.

15. Esbroeck M., van. Le dossier hagiographique de S. Pancrace de Taormine / M. van Esbroeck, U. Zanetti // *Storia della Sicilia e tradizione agiografica nella tarda antichità* / a cura di S. Pricoco. – Soveria Mannelli : Rubbettino, 1988. – P. 155–171.

16. Halkin, F. Bibliotheca hagiographica Graeca / F. Halkin. – 3 ed. – Bruxelles : ed. Socii Bollandiani, 1957. – 351 p.

17. Hendriks, I. H. M. Pliny, *Historia Naturalis* XIII, 74–82 and the Manufacture of Papyrus / I. H. M. Hendriks // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. – 1980. – Vol. 37. – P. 121–136.

18. Hezser, C. Jewish Literacy in Roman Palestine / C. Hezser. – Tübingen : Mohr Siebeck, 2001. – 557 p.

19. Kartsonis, A. D. Anastasis : The Making of an Image / A. D. Kartsonis. – Princeton : Princeton University Press, 1986. – 263 p.

20. Lefort, J. Actes d'Ivrou. Des origines au milieu du XIe siècle. Vol. 1 / J. Lefort, H. Métrévéli. – Paris : P. Lethielleux, 1985. – 318 p.

21. Lehmann, P. Cassiodorstudien / P. Lehmann // *Philologus*. – 1912. – Vol. 71. – S. 278–279.

22. Liddell, H. G. A Greek-English Lexicon / H. G. Liddell, R. Scott, H. S. Jones, R. McKenzie. – Oxford : Clarendon Press, 1940. – 2448 p.

23. Lieberman, S. Hellenism in Jewish Palestine : Studies in the Literary Transmission Beliefs and Manners of Palestine in the I Century B.C.E. – IV Century C.E. / S. Lieberman. – N. Y. : Jewish Theological Seminary of America, 1962. – 231 p.

24. Mango, C. A. The Art of the Byzantine Empire, 312–1453 / C. A. Mango. – Toronto ; Buffalo ; London : University of Toronto Press, 1986. – 272 p.

25. Mansi, J. D. Sacrorum Conciliorum Nova Amplissima Collectio. Vol. 12 / J. D. Mansi // *Documenta Catholica Omnia : Cooperatorum Veritatis Societas*. – 2006. – Electronic text date. – Mode of access: http://www.documentacatholicaomnia.eu/01_50_1692-1769-_Mansi_JD.html (date of access: 13.03.2020). – Title from screen.

26. Nicephori Patriarchae Constantinopolitani Refutatio et Eversio Definitionis Synodalis anno 815 / ed. by J. M. Featherstone. – Turnhout ; Leuven : Brepols ; University Press, 1997. – 380 p.

27. Pliny the Elder. *Naturalis Historia* / ed. by K. F. T. Mayhoff. – Lipsiae : Teubner, 1906. – 462 p.

28. Santifaller, L. Beiträge zur Geschichte der Beschreibstoffe im Mittelalter : Mit besonderer Berücksichtigung der päpstlichen Kanzlei : Untersuchungen / L. Santifaller. – Graz ; Köln : Hermann Böhlau, 1953. – 220 S. – (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung ; 16).

29. Ševčenko, I. Religious Missions Seen From Byzantium / I. Ševčenko // *Ukraine Between East and West. Essays on Cultural History to the Early Eighteenth Century* / ed. by I. Ševčenko, F. E. Sysyn. – Edmonton : CIUS Press, an imprint of University of Alberta Press, 1996. – P. 7–27.

30. Stallman-Pacitti, C. J. The Life of S. Pancratius of Taormina / C. J. Stallman-Pacitti. – Leiden : Brill, 2018. – 525 p.

31. The Life of S. Pancratius of Taormina. Vol. I. Text / ed. by C. J. Stallman. – Oxford : University of Oxford, 1986. – 524 p.

32. The Oxford Handbook of Papyrology / ed. R. S. Bagnall. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2009. – 688 p.

33. Thesaurus linguae graecae. Canon of Greek Authors and Works : TLG CD-ROM # C. – Irvine : University of California, 1999. – 1 CD-ROM.

34. Trapp, E. Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders des 9.–12. Jahrhunderts / E. Trapp. – Wien : ÖAW, 1994. – 2060 S.

35. Ven P., van den. La patristique et l'hagiographie au concile de Nicée de 787 / P. van den Ven // Byzantion. – 1957. – Vol. 25. – P. 325–362.

36. Wallert, A. The Reconstruction of Papyrus Manufacture : A Preliminary Investigation / A. Wallert // Studies in Conservation. – 1989. – Vol. 34. – P. 1–8.

37. Weitzmann, K. The Monastery of St. Catherine at Mount Sinai : The Icons. From the Sixth to the Tenth Century / K. Weitzmann. – Princeton : Princeton University Press, 1976. – 107 p.

38. Wessel, K. Reallexikon zur byzantinischen Kunst / K. Wessel, M. Restle. – Stuttgart : Anton Hiersemann Publ., 1971. – 671 p.

REFERENCES

1. Borukhovich V.G. *V mire antichnykh sviatkov* [In the World of Ancient Scrolls]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta Publ., 1976. 224 p.

2. Vladimir (Filantropov), arkhim. *Sistematischeskoe opisanie rukopisey Moskovskoy Sinodalnoy (Patriarshey) biblioteki. Ch. 1: Rukopisi grecheskie* [Systematic Description of the Manuscripts of the Moscow Synodal Library. Chapter 1: Greek Manuscripts]. Moscow, Sinodalnaya Tipografiya Publ., 1894. 880 p.

3. Giyyu A. *Vizantiyskaya tsivilizatsiya* [Byzantine Civilization]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2005. 552 p.

4. Ivanov S.A. *Vizantiyskoe missionerstvo: Mozhno li sdelat iz "varvara" khristianina?* [Byzantine Missionary Activity: Is It Possible to Make a Christian out of a "Barbarian"?]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2003. 376 p.

5. Kazhdan A.P. *Istoriya vizantiyskoy literatury (650–850 gg.)* [The History of Byzantine Literature (650–850)]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2002. 530 p.

6. Lukhovitskiy L.V. Nikifor Konstantinopolskiy. [Nicephorus of Constantinople]. *Bolshaya rossiyanskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia], 2013, vol. 22, pp. 724-725.

7. Fonkich B.L., Polyakov F.B. *Grecheskierukopisi Moskovskoy Sinodalnoy biblioteki. Paleograficheskie, kodikologicheskie i bibliograficheskie dopolneniya k katalogu arkhimandrita Vladimira (Filantropova)* [Greek Manuscripts of the Moscow Synodal Library. Paleographical, Codicological and Bibliographical Additions to the Catalog of Archimandrite Vladimir]. Moscow, Sinodalnaya biblioteka Publ., 1993. 228 p.

8. Khvostenko T.V. *Enkaustika. Iskusstvo, perezhivshee tysyacheletiya* [Encaustic Painting. The Art Survived in Centuries]. Moscow, Sovetskiy khudozhnik Publ., 1985. 160 p.

9. Shevchenko I. Osnashchenie vizantiyskogo missionera po Zhitiyu Pankratiya [Equipment of a Byzantine Missioner According to the Life of St. Pancratius]. *Paleoslavica*, 1999, vol. 7, pp. 317-322.

10. Yakovleva A.I. Tekhnika ikony [A technique of icon]. Moiseeva T.V., ed. *Istoriya ikonopisi, VI–XX vv.: Istoki, traditsii, sovremennost* [The History of Icon-Painting, from 6th to 20th Century: Beginnings, Traditions, Modernity]. Moscow, Art-BMB Publ., 2002, pp. 31-39.

11. Beck H.G. *Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich*. München, C.H. Beck, 1977. 835 p.

12. Bülow-Jacobsen A. «Magna in latitudine earum differentia» (Pliny, NH XIII, 78). *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 1985, vol. 60, pp. 273-274.

13. Devreesse R. Le cinquième concile et l'œcuménicité byzantine. *Miscellanea Giovanni Mercati*, 1946, vol. III, pp. 1-15.

14. Devreesse R. *Introduction à l'étude des manuscrits grecs*. Paris, Imprimerie Nationale, 1954. 348 p.

15. Esbroeck M. van, Zanetti U. Le dossier hagiographique de S. Pancrace de Taormine. S. Pricoco, ed. *Storia della Sicilia e tradizione agiografica nella tarda antichità*. Soveria Mannelli, Rubbettino, 1988, pp. 155-171.

16. Halkin F. *Bibliotheca hagiographica Graeca*. 3 ed. Bruxelles, ed. Socii Bollandiani, 1957. 351 p.

17. Hendriks I.H.M. Pliny, Historia Naturalis XIII, 74–82 and the Manufacture of Papyrus. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 1980, vol. 37, pp. 121-136.

18. Hezser C. *Jewish Literacy in Roman Palestine*. Tübingen, Mohr Siebeck, 2001. 557 p.

19. Kartsonis A.D. *Anastasis: The Making of an Image*. Princeton, Princeton University Press, 1986. 263 p.

20. Lefort J., Métrévéli H. *Actes d'Ivion. Des origines au milieu du XIe siècle*. Vol. 1. Paris, P. Lethielleux, 1985. 318 p.

21. Lehmann P. Cassiodorstudien. *Philologus*, 1912, vol. 71, pp. 278-279.

22. Liddell H.G., Scott R., Jones H.S., McKenzie R. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, Clarendon Press, 1940. 2448 p.

23. Lieberman S. *Hellenism in Jewish Palestine: Studies in the Literary Transmission Beliefs and Manners of Palestine in the I Century B.C.E. – IV Century C.E.* N. Y., Jewish Theological Seminary of America, 1962. 231 p.

24. Mango C.A. *The Art of the Byzantine Empire, 312–1453*. Toronto; Buffalo; London, University of Toronto Press, 1986. 272 p.

25. Mansi J.D. Sacrorum Conciliorum Nova Amplissima Collectio. Vol. 12. *Documenta Catholica Omnia: Cooperatorum Veritatis Societas*. URL: http://www.documentacatholicaomnia.eu/01_50_1692-1769-_Mansi_JD.html (accessed 13.03.2020).
26. Featherstone J.M., ed. *Nicephori Patriarchae Constantinopolitani Refutatio et Eversio Definitionis Synodalis anno 815*. Turnhout; Leuven, Brepols, University Press, 1997. 380 p.
27. Mayhoff K.F.T., ed. *Pliny the Elder. Naturalis Historia*. Lipsiae, Teubner, 1906. 462 p.
28. Santifaller L. *Beiträge zur Geschichte der Beschreibstoffe im Mittelalter: mit besonderer Berücksichtigung der päpstlichen Kanzlei: Untersuchungen*. Graz; Köln, Hermann Böhlau, 1953. 220 p. (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung; vol. 16).
29. Ševčenko I. Religious Missions Seen From Byzantium. Ševčenko I., Sysyn F. E., eds. *Ukraine Between East and West. Essays on Cultural History to the Early Eighteenth Century*. Edmonton, CIUS Press, an imprint of University of Alberta Press, 1996, pp. 7-27.
30. Stallman-Pacitti C. J. *The Life of S. Pancratius of Taormina*. Leiden, Brill, 2018. 525 p.
31. Stallman C.J., ed. *The Life of S. Pancratius of Taormina*. Vol. I. Text. Oxford, University of Oxford, 1986. 524 p.
32. Bagnall R.S., ed. *The Oxford Handbook of Papyrology*. Oxford; New York, Oxford University Press, 2009. 688 p.
33. *Thesaurus linguae graecae. Canon of Greek Authors and Works: TLG CD-ROM # C*. Irvine, University of California, 1999. 1 CD-ROM.
34. Trapp E. *Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders des 9.–12. Jahrhunderts*. Wien, ÖAW, 1994. 2060 p.
35. Ven P. van den. La patristique et l'hagiographie au concile de Nicée de 787. *Byzantion*, 1957, vol. 25, pp. 325-362.
36. Wallert A. The Reconstruction of Papyrus Manufacture: a Preliminary Investigation. *Studies in Conservation*, 1989, vol. 34, pp. 1-8.
37. Weitzmann K. *The Monastery of St. Catherine at Mount Sinai: The Icons. From the Sixth to the Tenth Century*. Princeton, Princeton University Press, 1976. 107 p.
38. Wessel K., Restle M. *Reallexikon zur byzantinischen Kunst*. Stuttgart, Anton Hiersemann Publ., 1971. 671 p.

Information About the Author

Kseniia S. Morugina, Senior Lecturer, Junior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskiy, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, ksenyamorug@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6254-4244>

Информация об авторе

Ксения Сергеевна Моругина, старший преподаватель, младший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, ksenyamorug@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6254-4244>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.20>

UDC 94“9”:179.9

ЛБС 63.3(0)4-92

Submitted: 01.07.2020

Accepted: 15.12.2020

JOB VERSUS HERCULES: VIRTUE IN THE ARTICLES OF THE BYZANTINE SUDA DICTIONARY OF THE 10th CENTURY

Evgeny V. Stelnik

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. In ancient mythology, the image of Hercules is one of the most popular, and his heroic cult is one of the most common. Having emerged from the “conglomerate of folk tales”, the image of Hercules was actively assimilated by the Greek and then Roman literary tradition. Hercules was a very popular hero among Greek tragic and especially comic poets. In Roman times, the final systematization of the image took place. The key role in this process was played by the works of Apollodorus “The Mythological Library” (2nd century BC), “Pictures” by Philostratus the Younger (2nd century BC) and “Description of Hellas” by Pausanias (2nd century BC). Within the framework of the classical tradition, the image of Hercules in Roman times was finally formed and unambiguous. Hercules is a hero, a demigod, the son of Zeus and Alcmena, who possessed amazing strength, who killed his children (and the children of his brother Iphicles) in an act of madness. He performed 12 labours at the request of Eurystheus. Hercules lived with the Lydian queen Omphale dressing in a woman’s dress. He was poisoned by his wife Deianira, burned at the stake on Mount Eta and ascended to Olympus, where he became the spouse of Hebe.

Methods. The hermeneutic methodology, which ensured the correct understanding and interpretation of the text of the Suda dictionary and the ancient texts, on which this “antique” dictionary was based, is used in the article. The toolkit of the hermeneutic circle (pre-understanding and understanding of the text, interpretation of the whole based on knowledge of its parts) made it possible to highlight key elements (plots, signs and symbols) of the philosophical image of Hercules in the entries of the dictionary.

Results. We can see a kind of “muscular Christianity”, when the strength of the body still corresponds to moral perfection and the withdrawal from the world does not contradict the active entry into the still polis institutions of urban life in Byzantine cities, among which the most important was the hippodrome and sports competitions. Christian authors actively used traditional sports metaphors and images of wrestling, but filled them with new Christian content. In the dictionary of the Suda, there is a kind of replacement of images that embody the samples of virtue. Hercules always loses to Job. It is indicative that the Christian rhetoric, relying on the philosophical symbolism of the apotheosis of Hercules, using the “sports” terminology of struggle, ignores the developed philosophical symbolism of Hercules, and fights against the mythological “fables” about Hercules. Using cynical and stoic terminology, Christian rhetoric opposes the comedic and dramatic image of Hercules, as Herodore of Heracles did in the 5th century BC. That is, the enemy is borrowed from Christian rhetoric along with philosophical symbols and terminology describing a difficult life full of trials as a virtue.

Key words: virtue, philosophy, wrestling, athletes, Hercules, Job, Suda dictionary.

Citation. Stelnik E.V. Job Versus Hercules: Virtue in the Articles of the Byzantine Suda Dictionary of the 10th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 253-258. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.20>

УДК 94“9”:179.9

ББК 63.3(0)4-92

Дата поступления статьи: 01.07.2020

Дата принятия статьи: 15.12.2020

ИОВ ПРОТИВ ГЕРАКЛА: ДОБРОДЕТЕЛЬ В СТАТЬЯХ ВИЗАНТИЙСКОГО СЛОВАРЯ СУДА X ВЕКА

Евгений Викторович Стельник

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В античной мифологии образ Геракла является одним из самых популярных, а его героический культ – одним из самых распространенных. Мифологический образ Геракла был активно освоен

древнегреческой, а затем и римской литературной традицией, особенно комедией. В философской традиции сформировался параллельный философский образ Геракла, который символически воплощает добродетели кинической и стоической философии. В византийском словаре Суда X в., наполненном античными реминисценциями, Геракл рассматривается и в мифологическом и в философском контексте. Но киническая добродетель Геракла, для автора словаря, не выдерживает соревнования с христианской добродетелью, которую выражает ветхозаветный Иов. Иов побеждает Геракла как атлет атлета. Показательно, что мифологическое значение образа Геракла в христианской риторике вытесняется, а философский контекст встраивается в православную картину мира, но заменяется ветхозаветными образом Иова.

Ключевые слова: добродетель, философия, борьба, атлеты, Геракл, Иов, словарь Суда.

Цитирование. Стельник Е. В. Иов против Геракла: добродетель в статьях византийского словаря Суда X века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, №6. – С. 253–258. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.20>

Введение. В античной мифологии образ Геракла является одним из самых популярных, а его героический культ – одним из самых распространенных. Возникнув из «конгломерата народных сказаний» [3, с. 367], образ Геракла был активно освоен греческой, а затем и римской литературной традицией. О чудесном рождении Геракла повествует уже Илиада [13, XIX. 95]. Гераклу была посвящена поэма «Щит Геракла», написанная одним из авторов гесиодовского круга. Геракл описывался Паниасидом из Галикарнаса (VI в. до н. э.), Пиндаром (VI в. до н. э.), Гекатеом Милетским (VI–V вв. до н. э.), Аполлоном Родосским (III в. до н. э.). Писандр Родосский (VII–VI вв. до н. э.) собрал в единое повествование 12 легендарных подвигов. Так сложился стереотипный героический образ, известный каждому и в XXI в. Во II в. Павсаний (IV.2,3) использовал термин «Гераклея», чтобы описать все эпические сказания о Геракле. А Аристотель в Поэтике (8 1451a) упоминает о нескольких эпических циклах (Гераклеях), описывающих всю жизнь Геракла.

Геракл был очень популярным героем у греческих трагических и особенно комических поэтов. Легендарный Креофил Самосский, современник Гомера, Писандр Камиренский (VII–VI вв.), Эпихарм (VI–V вв. до н. э.), Софрон (сер. V в. до н. э.), Софокл (V в.), Еврипид (V в. до н. э.), Архип (V в. до н. э.), Эсхил (V–IV вв. до н. э.), Аристофан (V–IV вв. до н. э.), Спинтарос (IV в. до н. э.) и Ринтон (IV в. до н. э.) активно использовали образ Геракла в своих поэмах.

В римское время произошла окончательная систематизация образа. Ключевую роль в этом процессе сыграли сочинения Аполлодора

«Мифологическая библиотека» (II в.), «Картины» Филострата младшего (II в.) и «Описание Эллады» Павсания (II в.).

В рамках классической традиции образ Геракла в римское время являлся окончательно сложившимся и однозначным. Геракл – герой, полубог, сын Зевса и Алкмены, обладавший удивительной силой, в припадке безумия убивший своих детей (и детей своего брата Ификла). По требованию Эврисфея совершил 12 подвигов, жил у лидийской царицы Омфалы, одеваясь в женское платье, был отравлен своей женой Дейанирой, сгорел на костре на горе Эта и вознесся на Олимп, где стал супругом Гебы.

Методы. В статье использовалась герменевтическая методология, которая обеспечила корректное понимание и интерпретацию текста словаря Суда и античных текстов, на которые опирался этот «антикварный» словарь. Инструментарий герменевтического круга (предпонимание и понимание текста, истолкование целого на основании знания его частей) позволил выделить в статьях словаря ключевые элементы (сюжеты, знаки и символы) философского образа Геракла.

Анализ. Параллельно традиционному прочтению образа в драме и комедии в философских текстах образ Геракла приобрел неочевидное, символическое значение. В кинической, а потом стоической литературе Геракл стал символизировать непростую, но добродетельную жизнь.

Геракл прожил свою жизнь в борьбе, в трудах, в заботах и страданиях, но после смерти вознесся на небо и стал бессмертным (достиг апофеоза). Первоначально, видимо, не было речи о воздаянии, скорее всего, подразуме-

мевалось равновесие, когда тяжелая жизнь на земле уравнивается апофеозом. Контраст между земной и небесными жизнями Геракла привлекал внимание многих древнегреческих авторов [12, р. 41].

Конечный успех (апофеоз) позволил авторам рассматривать тяжелую жизнь Геракла в новом контексте, когда мифологические действия и поступки очень неоднозначного персонажа получили расширительную трактовку. У Геродора Гераклеяского, автора биографии Геракла в 17 книгах (400 г. до н. э.), Геракл представлен уже идеальным философом [4, с. 215], посвятившим свою жизнь моральному самосовершенствованию и служению науке [10, 31. F14].

Софисту Продику из Кеоса (V в. до н. э.) принадлежит сочинение «Геракл на распутье». Геракл в этом произведении представлен в виде юноши, который выбирает дорогу, по которой будет идти всю жизнь. Геракл выбирает между путем добродетели – чтобы идти по этой дороге надо иметь большую физическую силу – и путем наслаждений, который легок и приятен. Геракл выбирает тяжелый путь и стойко выдерживает удары судьбы как настоящий атлет.

У Антисфена (V–VI вв. до н. э.) Геракл, прошедший всю жизнь в труде, становится примером добродетели [4, с. 215]; такое понимание образа стало универсальным для школы киников [2, с. 264]. Геракл борется с судьбой, и эта борьба стала универсальным примером. По словам Диогена Лаэртского, Антисфен всеми силами боролся с пороками. Для Антисфена примером в такой борьбе был именно Геракл, которому он посвятил свое сочинение «Геракл босоногий»¹.

Атлетом называл себя стоик Посидоний (I в. до н. э.). Панкреатист – популярная стоическая метафора активной мужской энергии и философии вообще.

Показательно, что Геракл становился примером идеального правителя-философа. На пример мужества Геракла опирались в своем правлении Александр Македонский и римский император Коммод.

В византийском словаре X в. Суда (первое упоминание в 976 г.) [15, S. 261] образ Геракла представлен во всем его разнообразии. Автор словаря Суда нам неизвестен.

Все, что мы можем о нем сказать, это то, что он интересовался военным делом, теологией и имел крайне плохие личные отношения с патриархом Полиевктом (956–970 гг.) – то есть почти ничего.

Словарь Суда – это колоссальный результат компиляции множества текстов. Это «Словарь» и «Мириобиблион» Фотия, «Этимологии», выдержки из трудов Константина VII, многочисленных схолий и предшествующих Суде словарей («Ономатологос» и «Эпитома») и многих других литературных трудов и сочинений. Словарь Суда, таким образом, – это результат аккумуляции целой культурной традиции.

Византийская культура настойчиво сохраняла традиционные античные образы [15, S. 13]. Старые античные образы сформировали христианскую риторику, и традиционный античный образ Геракла активно использовался в качестве риторического топоса [14, р. 36].

Византийский словарь Суда продолжает античную традицию символического прочтения образа Геракла.

Рассмотрим статьи словаря, посвященные Гераклу.

Статья «Статуя Геракла» («Ἡρακλέους ἄγαλμα», eta 454). Словарь Суда рассказывает об одной константинопольской статуе Геракла, которая описывается также в сочинении *Patria Constantinopoleos* [18, р. 154–155]. Геракл в этой статье предстает перед нами не как мифический герой, а как «лучший из философов». В руке у этого Геракла три яблока, что, по словам автора словаря Суда, означает, что Геракл смог привести в гармонию состоящую из трех частей душу [19, eta 454]. Но эти же яблоки оказываются еще символами трех добродетелей: не гневаться, не стремиться за выгодой и не тратить время попусту [19, eta 454]. Геракл приобрел эти яблоки-добродетели, когда убил своей дубиной дракона, то есть умерил свою страсть. А львиная шкура, которая укрывает Геракла, по мнению Суды, это не что иное, как «благородный ум, охвативший» Геракла.

Статья «Геракл» («Ἡρακλῆς», eta 475) повторяет по смыслу статью eta 454 (Геракл – «лучший философ», львиная шкура, три яблока – три добродетели), но дополняет образ Геракла его дубиной, которая оказывается «аргументом его философии», которая

завоевывает самых «смелых и здравомыслящих» [19, eta 475]. Приравнивание убеждения к насилию – распространенный топос древнегреческой риторики [1, с. 318], так что Геракл со своей «простой» дубиной и практической добродетелью противостоит изощренным и манерным философам и их абстрактным конструкциям. Философия Геракла – это прежде всего борьба со страстями, а не категориальное познание мира [16, р. 48]. Показательно, что Платон в словаре Суда – тоже борец [19, pi 1707].

Ада Адлер, издатель словаря Суда, в своих комментариях проводила взаимосвязь между этой статьей и фрагментом из сочинения Иоанна Антиохийского [11, 4. 453], откуда автор Суды просто позаимствовал сюжет о Геракле-философе. Сам Иоанн Антиохийский опирался, видимо, на сочинение Геродора Гераклеяского (V в. до н. э.).

В статье Иов («Ἰώβ», iota 471) уже ветхозаветный праведник описывается как «настоящий борец» (ἀγωνιστής). Иов выходит на «гимнастический стадион» (τὸ γυμνικὸν ἐκεῖνο καὶ παγκόσμιον στάδιον) и вступает в борьбу с Сатаной, получая болезненные удары («вплоть до костей»). Иов стоит непреклонно как «голый атлет», «безоружный», «в одиночку». Иов стоит как «статуя», три раза бросает на землю своего противника и тем самым побеждает Сатану и в награду (ἄθλων) за свою борьбу воскреснет вместе с Христом и будет жить вечно [17, р. 49]. Иов в добродетели превзошел апофеоз Геракла, когда воскрес вместе с Христом.

Христианская риторика активно опирается на философскую традицию, но идет дальше. Праведник Иов, претерпевший так же много лишений в своей жизни, оказывается для автора словаря более успешным, так как выиграл более значимый приз. Христианский атлет Иов победил языческого Геракла на его же гимнастическом стадионе (παγκόσμιον στάδιον).

Х. Хунгер обращал внимание на то, как в рамках православной риторики старые греческие спортивные термины превращались в религиозные метафоры. Истоки этого процесса он находил в послании апостола Павла, а развитие – у Иоанна Златоуста [14, р. 41]. Так, термины ἄγων, ἀθλητής, στάδιον,

παλαίστρα и т. д. оказывались метафорами христианского усердия и борьбы / соревнования с Сатаной за спасение души. Не удивительно, что и Геракл как символ физической силы и покровитель спортивных упражнений превращался в персонажа, с которым соревнуется Иов и превосходит его.

Показательна трансформация терминов ἄσκησις (упражнение) и ἀσκητής (упражняющийся в чем-либо гимнаст, атлет или борец), используемых словарем Суда в статье Ориген («Ὠριγένης», omega 182). Автор словаря цитирует «Церковную историю» Евсевия Памфила (около 265 г. – около 340 г.), у которого эти слова предстают в религиозном контексте. Так, ἄσκησις используется в значении «тщательно изучать божественные истины», а аскет – это тот, кто усиленно изучает богословие [6, с. 225–226]. Постепенно в христианской риторике термин ἀσκητής станет связываться с мученичеством [9, р. 143]. Похожую трансформацию пройдет и термин ἀθλητής (атлет, борец) и приобретет значение «чемпион веры». То есть станет также синонимом мученичества.

Схожие спортивно-религиозные метафоры можно встретить в сочинениях Дионисия Ареопажита [5, 8.6], Марка Эфесского, Климента Александрийского [7, с. 85, 102, 284], Григория Назианзина, в комментариях Дидима Александрийского. По подсчетам К. Поляковой, у Иоанна Златоуста в текстах присутствуют сотни спортивных метафор [17, р. 51].

Спортивные образы присутствуют и в агиографии. Так, у Мосха есть описания соревнования на константинопольском ипподроме двух команд. «Партия» мужей в белых одеждах боролась с «партией» эфиопов. «Белая» команда, которая представляла ангелов, в конце концов, выиграла [8, с. 100].

Выводы. Перед нами – своеобразное «мускульное христианство» [17, р. 53], когда сила тела все еще соответствует моральному совершенству, а уход от мира не противоречит активному проникновению в еще полисные институты городской жизни византийских городов, среди которых важнейшее значение имел ипподром и спортивные состязания.

Христианские авторы активно использовали традиционные спортивные метафоры и образы борьбы, но наполняли их новым

христианским содержанием. В словаре Суда происходит своеобразное замещение образов, воплощающих образцы добродетели. Геракл обязательно уступает Иову.

Показательно, что христианская риторика, опираясь на философскую символику апофеоза Геракла, используя «спортивную» терминологию борьбы, игнорирует разработанную философскую символику Геракла, но борется с мифологическими «баснями» о Геракле. Используя киническую и стоическую терминологию, христианская риторика противопоставляет комедийному и драматическому образу Геракла, как это делал Геродор Гераклеийский еще в V в. до н. э. То есть противник позавидован христианской риторикой вместе с философской символикой и терминологией, описывающей тяжелую, полную испытаний жизнь как добродетель.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Показательно, что Геракл мог иметь прямо противоположное значение. У Паниасида из Галикарнаса он представляется похотливым обжорой и пьяницей; эта неумеренность была естественным отражением его неумной силы. Эта традиция продолжается в комедиях Аристофана и Эпихарма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев, С. С. Поэтика ранневизантийской литературы / С. С. Аверинцев. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 480 с.
2. Алымова, Е. В., Караваева, С. В. Геракл как протагонист кинической литературы / Е. В. Алымова, С. В. Караваева // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2018. – Т. 19, вып. 4. – С. 262–270.
3. Буркерт, В. Греческая религия. Архаика и Классика / В. Буркерт. – СПб. : Алетейя, 2004. – 584 с.
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М. Л. Гаспарова. – М. : Мысль, 1998. – 576 с.
5. Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии / изд. подгот. Г. М. Прохоровым. – СПб. : Глагол, 1995. – 371 с.
6. Евсевий Памфил. Церковная история / коммент. и примеч. С. Л. Кравца. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993. – 448 с.
7. Климент Александрийский. Строматы. Т. 1 / подгот. текста, пер., пред. и коммент. Е. В. Афо-

нашина. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2003. – 544 с.

8. Рудаков, А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии / А. П. Рудаков. – СПб. : Алетейя, 1997. – 296 с.
9. A Greek-English Lexicon of the New Testament and Other Early Christian Literature / ed. F. W. Danker. – Chicago : University of Chicago Press, 2000. – 1108 p.
10. Die Fragmente der Griechischen Historiker. T. 1. Genealogie und Mythographie / ed. F. Jacoby. – Leiden : Brill, 1995. – 313 S.
11. Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. 4 / ed. K. Müller. – Parisii : Firmin-Didot, 1885. – 856 S.
12. Holt, P. Herakles' Apotheosis in Lost Greek Literature and Art / P. Holt // L'antiquité classique. – 1992. – Т. 61. – P. 38–59.
13. Homeri Opera. Vol. 2 (Iliadis. XIII-XXIV) / ed. D. B. Monro, T. W. Allen. – Oxford : Clarendon Press, 1963. – 320 p.
14. Hunger, H. The Classical Tradition in Byzantine Literature: the Importance of Rhetoric / H. Hunger // Byzantium and the Classical Tradition: University of Birmingham, Thirteenth Spring Symposium of Byzantine Studies, 1979 / ed. M. Mullett, R. Scott. – Birmingham : Centre for Byzantine Studies, University of Birmingham, 1981. – P. 35–47.
15. Krumbacher, K. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453) / K. Krumbacher. – München : C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung (Oskar Beck), 1897. – 496 S.
16. Moore, C. Heracles the Philosopher (Herodorus, Fr. 14) / C. Moore // The Classical Quarterly. – 2017. – Vol. 67, Issue 1. – P. 27–48.
17. Poliakoff, C. Jacob, Job, and Other Wrestlers: Reception of Greek Athletics by Jews and Christians in Antiquity / C. Poliakoff // Journal of Sport History. – 1984. – Vol. 11, no. 2. – P. 48–65.
18. Scriptorum originum Constantinopolitarum. Fasc. II / ed. T. Preger. – Leipzig : B.G. Teubner, 1907. – 276 p.
19. Suidae Lexicon. Vol. 2. (Lexicographi graeci, I) / ed. A. Adler. – Lipsiae : B.G. Teubneri, 1931. – 740 p.

REFERENCES

1. Averintsev S. S. *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [Poetics of early Byzantine literature]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2004. 480 p.
2. Alyмова E. V., Karavaeva S. V. Gerakl kak protagonist kinicheskoy literatury [Hercules as the protagonist of cynical literature]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2018, vol. 19, no. 4, pp. 262-270.

3. Burkert V. *Grecheskaya religiya. Arkhaika i Klassika* [Greek religion. Archaic and Classical]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2004. 584 p.

4. Gasparov M.L., ed. *Diogen Laertskiy. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov* [Diogenes Laërtius. About the life, teachings and sayings of famous philosophers]. Moscow, Mysl Publ., 1998. 576 p.

5. Prokhorov G.M., ed. *Dionisiy Areopagit. O bozhestvennykh imenakh. O misticheskom bogoslovii* [Dionysius the Areopagite. About divine names. On mystical theology]. St. Petersburg, Glagol Publ., 1995. 371 p.

6. Kravts S.L., ed. *Evseyiy Pamfil. Tserkovnaya istoriya*. [Eusebius of Caesarea. Church history]. Moscow, Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya Publ., 1993. 448 p.

7. Afonasina E.V., ed. *Kliment Aleksandriyskiy. Stromaty* [Clement of Alexandria. Stromata]. Vol. 1. St. Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko Publ., 2003. 544 p.

8. Rudakov A.P. *Ocherki vizantiyskoy kultury po dannym grecheskoy agiografii* [Essays on Byzantine culture according to Greek hagiography]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 1997. 296 p.

9. Danker F.W. *A Greek-English Lexicon of the New Testament and Other Early Christian Literature*. Chicago, University of Chicago Press, 2000. 1108 p.

10. Jacoby F., ed. *Die Fragmente der Griechischen Historiker. T. 1. Genealogie und Mythographie*. Leiden, Brill, 1995. 313 p.

11. Müller K., ed. *Fragmenta Historicorum Graecorum*. Vol. 4. Parisiis, Firmin-Didot, 1885. 856 p.

12. Holt P. Herakles' Apotheosis in Lost Greek Literature and Art. *L'antiquité Classique*, 1992, vol. 61, pp. 38-59.

13. Monro D.B., Allen T.W., eds. *Homeri Opera. Vol. 2 (Iliadis. XIII-XXIV)*. Oxford, Clarendon Press, 1963. 320 p.

14. Hunger H. The Classical Tradition in Byzantine Literature: the Importance of Rhetoric. Mullett M., Scott R., eds. *Byzantium and the Classical Tradition: University of Birmingham, Thirteenth Spring Symposium of Byzantine Studies, 1979*. Birmingham, Centre for Byzantine Studies, University of Birmingham, 1981, pp. 35-47.

15. Krumbacher K. *Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527-1453)*. München, C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung (Oskar Beck), 1897. 496 p.

16. Moore C. Heracles the Philosopher (Herodorus, Fr. 14). *The Classical Quarterly*, 2017, vol. 67, iss. 1, pp. 27-48.

17. Poliakoff C. Jacob, Job, and Other Wrestlers: Reception of Greek Athletics by Jews and Christians in Antiquity. *Journal of Sport History*, 1984, vol. 11, no. 2, pp. 48-65.

18. Preger T., eds. *Scriptores originum Constantinopolitarum*. Fasc. II. Leipzig, B.G. Teubner, 1907. 276 p.

19. Adler A., eds. *Suidae Lexicon*. Vol. 2. (Lexicographi graeci, I). Lipsiae, B.G. Teubneri, 1931. 740 p.

Information About the Author

Evgeny V. Stelnik, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, analitika@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1097-1161>

Информация об авторе

Евгений Викторович Стельник, кандидат исторических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, analitika@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1097-1161>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.21>

UDC 94“04/14”:930

LBC 63.3(0)42ю

Submitted: 30.06.2020

Accepted: 22.10.2020

‘THE CHAPTERS ON PHYSICS’ BY GREGORY PALAMAS: HISTORICAL CONTEXT, THE MOTIVATION OF THE AUTHOR, ADDRESSEE ¹

Timur A. Schukin

Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation;
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In spite of the fact that major researchers of Gregory Palamas’ theology, Robert Sinkewicz and John Demetracopoulos, offered detailed explanations of when and for what ‘The chapters on physics’ of Gregory Palamas were written, it seems that this issue was not finally resolved. *Methods.* This article, therefore, has two goals. The first is to answer the question why in ‘The chapters on physics’ the polemic against Barlaam and Akindynos, although it occupies a large part of the treatise, is presented as a part of the broader theological and philosophical program of Palamas, and what role does the cosmological part (1–14 chapters) play in the structure of the treatise. In the author’s opinion, such a statement of the question will allow us to understand what Gregory Palamas was guided by when writing the text. The second objective is to offer a social portrait of the addressee of this treatise, delivering some of representatives of the stratum on which the Palamas was oriented. *Analysis.* In answering the first question, special attention is paid to chapter 81 of the treatise, which, in the author’s opinion, reflects the intent of the entire text, namely, to demonstrate that the logic according to which something indivisible can be thought of as divisible without ceasing to be indivisible, works not only in the case of essence and energy, that is, in theology, but also in cosmology and anthropology. In answering the second question, the focus is on the figure of Matthew Kantakouzenos, who was at the time of writing the treatise in conflict with his father, emperor John VI Kantakouzenos, thereby causing discord in the political party, which at that time was a defender of the ideas of Hesychasm. It was Matthew Kantakouzenos, in the author’s opinion, or the social stratum behind him, who could be the recipients of the treatise. *Results.* The analysis of the treatise and its historical context shows that it was written largely for political reasons as a program text of Hesychasm, equipped with natural science and philosophical tools, since its recipients were both the broad educated strata of Byzantine society and direct participants in political life in the middle of the 14th century.

Key words: Gregory Palamas, Hesychasm, essence and energy, cosmology, anthropology, Matthew Kantakouzenos, Nicholas Kabasilas, Nicephorus Gregoras.

Citation. Schukin T.A. ‘The Chapters on Physics’ by Gregory Palamas: Historical Context, the Motivation of the Author, Addressee. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 259-273. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.21>

УДК 94“04/14”:930

ББК 63.3(0)42ю

Дата поступления статьи: 30.06.2020

Дата принятия статьи: 22.10.2020

«ГЛАВЫ ФИЗИЧЕСКИЕ» ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ, МОТИВАЦИЯ АВТОРА, АДРЕСАТ ¹

Тимур Аркадьевич Щукин

Социологический институт РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Хотя крупнейшими исследователями богословия Григория Паламы – Робертом Синкевичем и Яннисом Димитракопулосом были предложены развернутые объяснения того, когда и для чего были написаны «Главы физические», представляется, что окончательно этот вопрос решен не был. Данная статья ставит перед собой две цели. Первая – дать ответ на вопрос, почему в «Главах физических» полемика

против Варлаама и Акиндина хотя и занимает большую часть трактата, подается как часть более широкой богословско-философской программы святителя, и какую роль играет в структуре трактата космологическая часть (1–14 главы). На мой взгляд, именно такая постановка вопроса позволит понять, чем руководствовался Григорий Палама при написании текста. Вторая цель – исходя из общей мотивации Григория Паламы, предложить социальный портрет адресата данного трактата, назвав конкретные имена представителей того слоя, на который ориентировался святитель. При ответе на первый вопрос я уделяю особое внимание 81-й главе трактата, в которой, на мой взгляд, отражен замысел всего текста, а именно продемонстрировать, что логика, в соответствии с которой нечто неделимое может мыслиться как делимое, не переставая при этом быть неделимым, работает не только в случае сущности и энергии, то есть в богословии, но и в космологии и антропологии. При ответе на второй вопрос я сосредоточиваюсь на фигуре Матфея Кантакузина, который именно во время написания трактата конфликтовал со своим отцом Иоанном Кантакузиным, тем самым внося разлад в ту политическую партию, которая на тот момент являлась защитником идей исихазма. Адресатом трактата, на мой взгляд, мог быть именно Матфей Кантакузин или стоящий за ним социальный слой. Анализ трактата и его исторического контекста показывает, что он был написан во многом по политическим мотивам как программный текст исихазма, снабженный естественнонаучным и философским инструментарием, поскольку его адресатами были как широкие образованные слои византийского общества, так и непосредственные участники политической жизни середины XIV века.

Ключевые слова: Григорий Палама, исихазм, сущность и энергия, космология, антропология, Матфей Кантакузин, Николай Кавасила, Никифор Григора.

Цитирование. Щукин Т. А. «Главы физические» Григория Паламы: исторический контекст, мотивация автора, адресат // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, №6. – С. 259–273. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.21>

Введение. Трактат «Сто пятьдесят глав, посвященных вопросам физическим, богословским, нравственным и относящимся к духовному деланию, а также предназначенных к очищению от варлаамитской пагубы» (далее – «Главы физические») преподобного Григория Паламы занимает специфическое место в его интеллектуальной биографии. Данное сочинение не имеет полемического контекста, поскольку написано после окончания Гражданской войны 1341–1347 гг., в перерыве между двумя этапами исихастских споров [32, р. 54–55]. По сути, оно не направлено против кого-либо из его ключевых оппонентов. Варлаам и Акиндин выступают в трактате уже не как действующие лица богословского спора, а как символы-имена для определенных богословских взглядов. Никифор Григора же в это время еще не вступил в открытую полемику с исихазмом. Вследствие этого «Главы физические» имеют характер не столько полемического трактата (хотя полемика в нем, несомненно, присутствует), сколько богословско-философского компендиума, в котором в развернутом виде представлено мировоззрение Григория Паламы, не ограниченное богословской конъюнктурой². Трактат отчетливо разбивается на три части: первая (1–33) посвящена естественнонаучным и фи-

лософским вопросам (учению о космосе (1–2), небе (3–7) и земле (8–14), познавательных способностях человека, в том числе в сравнении с ангелами (15–33)), вторая – вопросам богословской антропологии, а именно учению о человеке как образе Божиим (34–40) и как существе, нуждающемся в спасении (41–63). Третья часть – богословско-полемическая (63–150), хотя объект полемики, как сказано выше, предстает в условном и обобщенном образе. В этих главах обсуждается главный вопрос исихастских споров – учение о божественных энергиях, которые отличаются от божественной сущности, но все же являются Богом.

Методы. Именно в этом трактате мы встречаемся не только с Паламой-богословом, но и с Паламой-философом и даже Паламой – знатоком современного ему естествознания. Поэтому авторы наиболее обстоятельных исследований «Глав физических» Роберт Синкевич и Яннис Димитракопулос с особым вниманием отнесли к первым 14 главам трактата, посвященным чисто философским, а точнее – космологическим, вопросам. Действительно, понимание цели написания данных 14 глав является ключом к объяснению трактата в целом. Не в том смысле, что указанные параграфы являются главными, наиболее важными, а в том, что их появление было вы-

звано исключительными обстоятельствами, характерными только для данного трактата. Другое дело, что ни объяснение Р. Синкевича, ни объяснение Я. Димитракопулоса не представляются удовлетворительными. Задача настоящей статьи – предложить более исчерпывающее объяснение.

Анализ. Роберт Синкевич, автор комментированного критического издания «Главы физических», указывает на то, что учения о вечности мира и Мировой душе, с которыми Григорий Палама полемизирует в 1–2-й и 3–7-й главах соответственно, – это топоры, общие места христианской критики языческой философии, о которых тот же Палама упоминает в «Триадах в защиту священно-безмолвствующих» [38, I.1.18, ст. 381–382]. Святитель, указывает Синкевич, не считал, что Варлаам и Акиндин исповедуют данные взгляды, однако их трактовка божественных энергий как тварных ведет к признанию вечности мира и существованию не-божественной ипостаси Души [32, р. 5]. В поддержку своего мнения Синкевич приводит цитату из трактата «Антирритики против Акиндина»:

«Ибо, что существует движущая и содержащая сущих энергия, это и мудрым из эллинов пришло в голову подметить, когда они созерцали этот “космос”, не случайно так названный, и гармонию всего; а в желательную природу, всемогущую и пользующуюся, когда захочет, энергией, и тотчас же из не сущего производящую, они никак не верили, отчего и объявляли мир совечным Богу. То же самое считать и Акиндина вынуждает логика его ереси (ὁ τῆς κατ’ αὐτὸν αἰρέσεως λόγος)»³ [1, с. 180; 37, IV.3.32,1–30, ст. 187].

На мой взгляд, параллель вполне оправданная. Она объясняет, почему в трактате, содержащем внутрехристианскую полемику, возможны отсылки к языческой философии. В данном случае неразличение сущности и энергии ведет к тому же, к чему и языческое учение о вечно содержащей мир божественной энергии, то есть к учению о вечности мира. Это типичный аргумент к антиавторитету «если А говорит Б, то Б неверно», характерный для догматического спора. Однако трактат «О космосе» (так Синкевич называет первые 14 глав) устроен совершенно иначе. Опровергаемые в нем взгляды не приписываются христианам-еретикам. Они опровергаются как ложные

сами по себе и с точки зрения не столько христианской, сколько философской. Ссылка на «Антирритики», равно как и параллель с «Триадами», где Григорий Палама перечисляет заблуждения античных философов, которыми могут заразиться еретики, если будут чрезмерно увлекаться их сочинениями, не объясняет, для чего святителю понадобилась развернутая критика языческой космологии и столь же развернутая собственная космологическая программа. Фактически речь идет о погружении богослова в чисто внутрифилософскую полемику, на первый взгляд прямо не относящуюся к основной теме трактата – учению о божественных энергиях. При этом, как мы помним, святитель неоднократно подчеркивал вторичность и – это ключевое – бесполезность светской науки и вообще «естественного» знания для спасения⁴. В поиске параллелей Р. Синкевич ограничивается отсылкой к тому, что физика и особенно астрономия были в фокусе внимания византийских интеллектуалов XIII–XIV веков [32, р. 6–8]. В конечном итоге Р. Синкевич и то, почему Григорий Палама предпринимает критический разбор неоплатонических концепций, объясняет актуальностью этих концепций в данный период⁵.

Фактически к тому же выводу приходит и Я. Димитракопулос, посвятивший 1–14-й главам специальную статью⁶. По его мнению, полемика Григория Паламы против Плотина и Прокла (Димитракопулос убежден, что по крайней мере с сочинениями Плотина святитель был знаком из первых рук [41, ст. 181–187]) имеет не философский, а риторический характер и не играет особенной роли в рамках его богословской концепции [42, ст. 131]. Однако, поскольку Плотин был важным философским авторитетом для антипаламитов (особенно для Никифора Григоры⁷), опровергнуть его было важной внебогословской задачей полемики [42, ст. 125–132]. Впрочем, Димитракопулос указывает, что опровержение неоплатонической космологии (учения о Мировой Душе и движении небесного тела силой Души) – косвенно, но все же работает на христианское представление о единственности и уникальности мира и на понимание человека как уникального существа, столь же уникального как тварный космос, способного к тому же преодолеть его, тварного мира, границы [42,

σ. 120, 122]. Для этого Григорий Палама – тут мы должны указать на реальное историко-философское открытие Димитракопулоса – привлекает стоическую космологию (Р. Синкевич считает, что Палама базово опирается на Аристотеля [32, р. 9–10]), которая предполагает существование бесконечной пустоты в занебесной сфере и периодическое обновление мира за счет свертывания и распространения его в беспредельном континууме вселенной [42, σ. 112]. Именно этим обеспечивается существование мира как субстанции самодвижущейся, движимой только внутренними природными потенциями. Григорий Палама, с одной стороны, берет из этой концепции идею «самостоятельности» космоса, опуская идею цикличности его существования как явно языческую. С другой – помещает в занебесную сферу ангелов, души праведников и Самого Бога⁸. По мнению Димитракопулоса, это ведет к определенным богословским проблемам. Во-первых, к тому, что пустота становится совечной Богу [42, σ. 119], поскольку ничего не говорится о том, что она была сотворена. Во-вторых, в рамках подобной космологии, указывает Димитракопулос, Бог Паламы оказывается сродни Богу деистов, считающих что «после» творения мир развивается в силу внутренних законов [42, σ. 125].

Оба вывода, которые представляются верными, если рассматривать трактат «О космосе» с точки зрения его внутренней аргументации, явно противоречат учению Григория Паламы о божественных энергиях как Божестве *ad extra*, артикулированному, в том числе, в «Главах физических»⁹. Если Бог в своем действии соотносится с миром, то не может быть какого-то «места» в тварной реальности (занебесная область), где Бога «больше», чем в другом «месте» (собственно мироздание, состоящее из неба и земли). Но эта несообразность только подчеркивает тот факт, что критика неоплатонической космологической модели была для Григория Паламы важна не тем, что предлагала новую богословскую модель отношения Бога и мира – такая модель вступала в слишком очевидное противоречие с главным богословским тезисом святителя, а космологическую модель для описания указанного богословского тезиса. Именно поэтому Бог-Творец и Вседержитель в главах

1–14 играет такую странную, не свойственную Богу паламизма роль.

Несмотря на то что Димитракопулос указывает на риторический характер полемики против концепции Мировой Души, он улавливает важный мотив этой полемики: бытие человека в мироздании коррелирует с бытием самого мира. Он также соотносится с миром, как сам мир с бесконечной пустотой. Так же как человек является уникальным существом, занимающим уникальное место в космосе – и онтологически и чисто пространственно, поскольку только одна часть суши населена человеком [32, 11, р. 92], так и космос – уникальная бытийная точка в бесконечном пространстве занебесной пустоты [42, σ. 122]. И эта параллель для Григория Паламы настолько важна, что в изложении космологической доктрины он жертвует даже богословско-философской связностью. На мой взгляд, это является показателем как раз принципиальной важности 1–14-й глав для общего замысла трактата.

Димитракопулос убежден, и в этом он следует Синкевичу, что, критикуя концепцию Мировой Души, Григорий Палама не имел в виду никого из антипаламитов. В частности, он отвергает возможное предположение о том, что объектом критики мог стать комментарий Никифора Григоры на трактат Синезия «О сновидениях», поскольку в этом сочинении Григора излагает вовсе не свои взгляды. И это только подчеркивает тот факт, что критика неоплатонической космологии носила риторический характер [42, σ. 129]. Соглашаясь с тезисом о том, что полемическая настроенность имеет характер риторического приема, нужно, однако, сказать, что предлагаемая взамен «опровергаемой» Паламой концепция содержательно значима, хотя, как мы убедимся ниже, эта модель важна не своим наполнением, «материей» учения, а формой. Она выступает как парадигма, как образец для сравнения. В общем, в полемике важно не то, что опровергается (неоплатонизм), а то, что предлагается взамен (структура стоического космоса).

В конечном счете остались без ответа два вопроса. Во-первых, почему из многообразия неоплатонической философии критике подвергается именно учение о Мировой Душе, причем критике содержательной и развернутой. Во-вторых, какова была мотивация для

этой критики именно в 1347–1348 гг. (такова наиболее обоснованная датировка трактата, предложенная Димитрокопулосом¹⁰). На эти вопросы мы попробуем ответить далее.

Текст не имеет ни введения, ни заключения, из содержания которых можно было бы уяснить мотивацию автора. Палама очень редко обращается к воображаемому собеседнику, а если обращается, то обычно сложно понять, с чем мы имеем дело – с риторическим оборотом или с призывом к конкретному читателю. Например, в 124-й главе Григорий Палама призывает начинающего богослова ознакомиться с сочинениями Василия Великого и Григория Нисского против Евномия [32, 124, 13–17, р. 228]. Но совершенно невозможно определить, является ли это обычной ссылкой на авторитет или святитель имел в виду незнакомого нам персонажа. Очень характерно, правда, что Григорий Палама нигде не обращается к Варлааму и Акиндину, но беседует только с теми, кто благожелательно настроен к нему и его учению. Заголовок также мало дает для понимания мотивации автора, просто отсылая к структуре произведения. Однако именно и только в структуре можно эту мотивацию обнаружить. Естественнонаучные главы введены в повествование, чтобы решить главную задачу произведения, и, значит, сначала нужно эту задачу сформулировать.

Из содержания трактата задача очевидна: опровержение той точки зрения, что божественные действия, проявления Бога вовне являются нетварными, то есть самим Богом, но при этом отличаются от Него. Именно для доказательства этого понадобилось привлечение естественнонаучного и вообще философского материала. Безусловно, Григорий Палама не прописал этого внятно при переходе от естественнонаучной к собственно богословской части трактата, но это можно уяснить из других его частей. На мой взгляд, наиболее яркой и даже ключевой в этом плане является 81-я глава, не только воспроизводящая в себе структуру «Глав физических», но за счет этого объясняющая их общий замысел.

Ниже я привожу анализу данной главы, разбив ее на структурные элементы:

1. Тезис о геометрии как науке, которая призвана умозрительно разделять то, что в реальности неразделимо:

«Говорят, что на наружных вратах школы Платона было написано: “Никто из не знающих геометрию да не войдет”. А не знает геометрии тот, кто не способен мыслить и рассуждать о неделимых, как о делимых (ὁ μὴ δυνάμενος περὶ τῶν ἀχωρίστων ὡς κεχωρισμένων διανοεῖσθαι τε καὶ διαλέγεσθαι). Ведь чтобы предел существовал без определяемого (πέρας χωρὶς τοῦ περατουμένου) – это из области невозможного. При этом геометрия – это наука, почти исключительно занимающаяся пределами, которые иногда определяются и представляются сами по себе (καθ’ ἑαυτὰ), отдельно от определяемых, потому что ум разделяет неделимое (τοῦ νοῦ χωρίζοντος τὰ ἀχώριστα)»¹¹ [2, с. 141; 32, 81, 1–8, р. 176].

С одной стороны, мы имеем дело с данным нам в опыте неразделенным континуумом. С другой стороны, мы способны с помощью идей разума (Палама говорит о границе или пределе, как о чем-то идеальном) вычленять отдельные объекты. При этом с точки зрения и обыденного и научного разума нет никакого противоречия в том, что мир как объект внешнего восприятия предстает и как нечто неделимое и как нечто делимое. Точнее сказать, противоречие, которое здесь заложено, является непреложной предпосылкой любого опытного познания.

2. Григорий Палама переходит от опытного восприятия отдельных тел к познанию природы в целом, природы как понятия.

«Тот, кто еще не научился отделять в уме тело от того, что вокруг этого тела, как узнает о природе самой по себе, которая не только неотделима от природных свойств, существуя в них (ἀχώριστός ἐστὶ τῶν φυσικῶν ἐνυπάρχουσα τοῦτοις), но никогда не может быть и помимо них» [2, с. 141; 32, 81, 8–11, р. 176].

Познание тела и того, что вокруг тела и отлично от тела (заметим, что умозрительное отделение идеального тела от того, чем это тело не является, то есть от нерасчлененного континуума, коррелирует с космологической моделью Григория Паламы, изложенной в первых главах, где в роли идеального тела и идеального не-тела выступает мир и занебесная бесконечная пустота), является нижней ступенью по отношению к познанию природы как целого, но структурно мы имеем дело с тем же самым разделением в объекте. На уровне природы речь идет об отделении природы

от своих свойств. В данном случае неясно, о каких свойствах идет речь – о родовидовых признаках, то есть о природных отличиях, об интегральных свойствах вида как общего, не характеризующих его в качестве именно этого вида, или о привходящих свойствах (которые также в потенции являются свойствами природы, а не только индивидуальности)¹², – но здесь это и неважно, вполне можно предположить, что мы имеем дело с совокупностью того, что существует в природе, но не является природой. В конечном итоге именно она в своей «единичности» и «определенности» выступает в качестве предела для их многообразия. И потому вычленение ее из многообразия является столь же необходимым актом познания, как и познание отдельных природных (или, если угодно, геометрических) объектов.

3. От природы и ее свойств Палама переходит к соотношению универсалий и единичных вещей:

«Как человек постигнет универсалии в качестве универсалий (καθόλου ὡς καθόλου), которые существуют как таковые в частных вещах (μερικοῖς), выделяясь из них лишь умом и рассудком и будучи мыслимыми прежде многого (πρὸ τῶν πολλῶν), хотя они вообще не имеют существования отдельно от многого (τὰ τῶν πολλῶν ἄνευ μηδαμῶς ὄντα)?..» [2, с. 141; 32, 81,11–14, р. 176].

Понятно, что природа и универсальное, взятые сами по себе, представляются тождественными, но в данном тексте речь не о чистом объекте, а об объекте по отношению к своему пределу, к своему «иному», к тому, что оттеняет его бытие. В предыдущем пункте природа выступает в качестве объекта, отграниченного своей идентичностью от того, что сказывается о ней, но ей не является. В ней самой обнаруживается умозрительный предел, отделяющий ее от нерасчлененного континуума особенностей. В этом пункте универсалия (та же природа) является нерасчлененным континуумом по отношению к единичным предметам. Причем в данном случае выводится за скобки характеристика природы как чего-то имеющего свои границы: по отношению к единичности она именно беспредельна, поскольку способна породить бесконечное количество экземпляров. С другой стороны, единичность, конкретная вещь, экземпляр природы, обосо-

бленный собственной уникальностью, чуждостью, выделяет сам себя из бесконечности универсалии. При этом Григорий Палама еще раз подчеркивает: данное обособление является умозрительным и не вступает в противоречие с тем, что не существует универсалии, созерцаемой вне единичности.

4. К следующему уровню Григорий Палама также приходит, отталкиваясь от предыдущего: если научился отделять умозрительное общее от единичного, то получил возможность в самом человеческом уме отделить то, что в нем едино, от мысленного множества:

«Как человек узнает об умопостигаемом и умном (νοητῶν καὶ νοεῶν)? Как поймет он нас, утверждающих, что каждый ум имеет мысли и что каждая из мыслей есть наш ум (τῶν διανοημάτων ἕκαστον ἡμῶν ὑπάρχειν νοῦν)? Разве не будет он насмехаться и возмущаться, обвиняя нас, будто мы учим, что каждый человек обладает двумя или более умами (δύο καὶ πολλοὺς νοῦς)?» [2, с. 141; 32, 81,14–19, р. 176].

Григорий Палама указывает, что, несмотря на наличие в мыслящем субъекте некоего множества мыслей, отличных от этого субъекта, мы не вводим двух и более умов. Перед нами противопоставление обособленного мыслящего субъекта и бесконечного континуума мыслей. В данном случае неважно, что источником их бытия является мыслящий субъект, и в этом смысле он бесконечен, а не они. Важнее, что существует структурное соотношение предела ума и беспредельного многообразия мыслей. Мыслительный субъект противостоит мыслительному процессу¹³.

5. Наконец, из последней части 81-й главы мы узнаем, для чего нужны были все предшествующие примеры:

«Тот, кто не может применительно к этим случаям слышать и говорить о неделимых, как о делимых (περὶ τῶν ἀδιαίρετων ὡς διηρημένων), как сможет говорить или учить о таком же в случае Бога, в отношении Которого, согласно богословам, существуют и усматриваются многие единения и различия (ἑνώσεις τε καὶ διακρίσεις)? Но «единения господствуют над различиями и преобладают»¹⁴, не уничтожая при этом их и не находя в них никакого препятствия. Сторонники же Акиндина не воспринимают и не могут познать нераздельное разделение в Боге и раздельное соединение (τὴν ἐπὶ τοῦ θεοῦ ἀδιαίρετον διαίρεσιν καὶ διηρημένην ἑνώσιν), даже если слышат, как мы,

в созвучии со святыми, говорим, что одно у Бога – непостижимо, а другое – постижимо (τοῦ θεοῦ τὸ μὲν ἔστιν ἀκατάληπτον, τὸ δὲ κατὰληπτόν)» [2, с. 141–142; 32, 81, 19–29, р. 176, 178].

Григорию Паламе нужно показать: сторонники Варлаама и Акиндина, отказываясь принимать в Боге множественность Его действий при сохранении Его единства, его умозрительную делимость в энергиях при неделимости Его по сущности, совершают столь же грубую ошибку, как и те, кто полагает, что делимость геометрического объекта, природы как целого, универсалии и интеллекта противоречат их сущностному единству и даже неделимости. Григорий Палама указывает, что постижение любого элемента, любого звена тварной иерархии – от тела до интеллекта – предполагает парадоксальность, двойственность, поскольку любой объект воспринимается и как единый и как множественный. Но эта универсальная познавательная модель работает и в случае Бога, постигая которого еще более нелепо опираться на противопоставление делимого и неделимого, единого и множества. Для Григория Паламы, впрочем, очевидно, что единое и множественное в Боге соотносятся как непознаваемое и познаваемое и что сам процесс познания предполагает «умножение». Именно за счет этого возможно познание Бога «от Его созданий», поскольку их множественность в мышлении дублирует множественность соответствующих им энергий, а отвлечение от вещей, обнаружение их единства является отражением некоего единого «объекта». Для Григория Паламы это прописные истины, однако именно их не могут усвоить сторонники Варлаама и Акиндина, которые настаивают на том, что один и тот же объект может быть или единым, или множественным, а значит Бог, если умножается, то обязательно становится сложным или даже множественным в смысле многобожия.

Итак, смысл данной главы и, как представляется, замысел трактата в целом в том, чтобы показать: в пользу учения об энергиях Божиих, в соответствии с которым Бог умножается и делится, оставаясь абсолютно единым и неделимым, говорят не только богословские аргументы, не только слова Писания и древних отцов, но и вся структура мироздания – устройство небесной сферы,

земли и человека. Такова идея, которую хочет донести до читателя Григорий Палама. Осталось понять, к какому читателю или читателям он обращается.

Как уже сказано выше, наиболее вероятной датой написания «Глав физических» являются 1347–1348 гг., когда Григорий Палама, после окончания гражданской войны, после победы в ней Иоанна Кантакузина, удалился на Афон вместе с Николаем Кавасилой и другими спутниками¹⁵. Впрочем, менее вероятная, хотя и правдоподобная датировка, предложенная Робертом Синкевичем, – 1349–1350 гг. – практически не влияет на выводы, предложенные ниже.

В 1347 г. победой Иоанна Кантакузина закончилась гражданская война с кланом Палеологов. Как известно, император, руководствуясь политическими мотивами, предполагая тем самым угодить противоположной партии, предоставил 15-летнему Иоанну Палеологу титул соправителя. Это управленческое решение, как показало будущее, было ошибочным. Пытаясь развязать один конфликтный узел, Кантакузин завязал другой. Его старший сын Матфей¹⁶, один из полководцев в Гражданской войне, завоевавший для отца Фракию, разумеется, ожидал, что новым соправителем будет именно он. Узнав о коронации Иоанна, он воспротивился воле отца, захватил Дидимотихон и Адрианополь во Фракии и фактически заявил о себе как о самостоятельном правителе¹⁷. Император попытался уладить конфликт миром, использовал в качестве переговорщика Ирину, мать Матфея [17, IV.7, col. 56–57; 24, XVI.3, col. 1053–1064], и в конце концов признал власть Матфея над областью «от Дидимотихона на северо-запад примерно до предместий Хриstopоля, а в ширину – от моря до городка Ксанфи и лежащих еще немного за ним сел» [24, XVI.4.2, col. 1066], а также предоставил ему некий промежуточный титул между деспотом и императором [17, IV.5, col. 51; 24, XVI.4.2, col. 1066]. Однако конфликт между Матфеем и Иоанном тлел до 1351 г., пока новая управленческая ошибка не перевела его в горячую фазу¹⁸, закончившуюся коронацией Матфея и бегством Иоанна Палеолога на остров Тенедос. Для нас важнее, впрочем, что до начала 1350-х гг. Палеолог был фактически выключен из политики, в то время

как Матфей совершал периодические набеги на приграничные с Фракией земли [24, XVI.7, col. 1077]. Также, если верить Никифору Григору, который влагает в уста Иоанну Палеологу соответствующие жалобы, Матфей находился в тесном контакте с паламитами, пытавшимися через Кантакузинов влиять на политическую ситуацию в Константинополе [25, XXVII.21, col. 141, XXVII.23, col. 145]¹⁹.

Естественно предположить, что как сам Григорий Палама, так и его сторонники и противники видели в Матфее Кантакузине перспективного политика, который рано или поздно займет престол, видели в нем важный инструмент для продвижения своих идей. Попытки перетянуть Матфея на свою сторону предпринимались обеими партиями. Известно письмо Никифора Григоры к царевичу, датированное как раз 1347–1348 гг. [26], в котором он превозносит решимость Матфея в отстаивании своих интересов и одновременно хвалит (возможно, авансом) за способность к политическому компромиссу²⁰. С другой стороны, как уже было сказано, у Матфея были влиятельные друзья-паламиты в Константинополе. К ним, вероятно, стоит причислить Николая Кавасилу, о некоторой близости которого с Матфеем свидетельствует письмо, датированное временем сразу после коронации последнего (май 1354 г.)²¹. Это письмо представляет собой небольшой панегирик, практически лишенный конкретики, но важный самим фактом появления: Николай Кавасила маркирует себя как кантакузиниста, безусловного сторонника Матфея, вероятно занявшего его сторону еще раньше²².

В этом письме для нас важно также следующее. Николай Кавасила использует в нем язык, образность и набор культурных отсылок, характеризующие и автора письма, и адресата как носителей в широком смысле «гуманистического мировоззрения»²³, которое совместимо с любыми богословскими, догматическими взглядами и при этом предполагает, во-первых, широкий круг научных и культурных интересов, а во-вторых, внимательное и серьезное отношение к конкретным философским и естественнонаучным теориям нехристианских мыслителей. Письмо Кавасилы важно для нас и в том отношении, что его отправитель, как я написал выше, сопровождал Григория

Паламу во время пребывания на Афоне, а значит вполне мог обсуждать со святителем и политическую ситуацию, и настроения образованной молодежи, и то, насколько важно для Церкви, чтобы эта образованная молодежь в текущей политической ситуации заняла правильную сторону. М.А. Поляковская отмечает, что Николай Кавасила в своем панегирике не в очень подобострастных выражениях напоминает Матфею о разрыве с отцом в 1347 г. [5, с. 84–85]. На мой взгляд, это свидетельство того, какой след оставило указанное событие в уме Кавасилы – вероятно, еще больше оно занимало его мысли во время путешествия на Афон. Возможно (но это предположение граничит с фантазией), Николай Кавасила инициировал включение физической проблематики в трактат, поскольку сам увлекался этими вопросами²⁴.

От Матфея Кантакузина дошло несколько сочинений, составленных в более позднее время, но явно свидетельствующих о его интересе к античным философским концепциям. Сохранились два небольших сочинения, адресованных дочери: одно из них посвящено пользе знания, второе – психологии [44]. Наряду с отсылками к библейским текстам и христианским догматам, в этих сочинениях достаточно много отсылок к необязательным для христианина аспектам античной философии. Например, Матфей Кантакузин обосновывает тезис о том, что знание является сущностным свойством человека, длинным рассуждением, явно заимствованным из «Категорий» Аристотеля [44, σ. 274–277], а заканчивается трактат ссылкой на Сократа [44, σ. 277–278]. Не столь важно, впрочем, содержание трактата, сколько его общее настроение, вполне допускающее, без всякого осуждения, соседство христианской и языческой мудрости.

Уже упомянутое нами письмо Никифора Григоры, датированное, как я сказал, 1347 г., то есть синхронное «Главам физическим», также свидетельствует о том, что Матфей Кантакузин не воспринимал античную ученость как нечто чуждое, и потому Никифор Григора мог использовать в общении с ним соответствующий образно-понятийный аппарат: помимо привычных расхожих образов из античной истории (например, сравнения Иоанна и Матфея с Филиппом и Александром) Никифор

Григора прибегает к понятиям античной философии, например к аристотелевским терминам «возникновение и разрушение природы» (τὴν τῆς φύσεως γένεσιν καὶ φθοράν) [26, p. 239,30–31].

Результаты. Итак, Матфей Кантакузин, будучи носителем гуманистического мировоззрения и при этом важной политической фигурой в 1347 г. и в более позднее время, стал объектом «вербовки» со стороны хотя на тот момент еще не враждующих, но противоположных богословских течений – сторонников и противников Григория Паламы. Именно в этот момент последний составляет «Главы физические», которые, являясь развернутым манифестом его богословия, подают его в рамках более широкой мировоззренческой программы, основанной на античном философском наследии и служащей для обоснования богословского ядра исихазма – учения о нетварности божественных энергий. Нельзя исключать, что «гуманизация» исихастского богословия за счет включения в него чисто философской аргументации и даже внутри-философской дискуссии о статусе Мировой Души, на первый взгляд не имеющей прямого отношения к богословскому ядру трактата, была вызвана необходимостью привлечь на сторону паламитов образованную, философски подкованную аудиторию, которую в это же время за другой рукав тянула к себе антипаламитская партия. Матфей Кантакузин, возможно, был лишь самым ярким и политически значимым представителем этого слоя.

В данном контексте совершенно необязательно искать у антипаламитов учение о Мировой Душе, которое Григорий Палама именно в силу приверженности этому учению его оппонентов и стремится опровергнуть. Достаточно указать, что подобная полемика воспроизводима в рамках античного философского дискурса, понятного той аудитории, к которой обращается Григорий Палама. Для последнего вовсе неважно, кто прав – стоики или неоплатоники. Для него важно показать, что даже в рамках внебогословской парадигмы воспроизводится логика, работающая внутри православной догматики. Точно так же как космическое целое соотносится с занебесной пустотой, с божественной сущностью соотносятся божественные энергии. Точно так

же как космос умозрительно отделен от того, чем он не является, будучи лишь условно ограничен небесной сферой, божественные энергии лишь умозрительно отделяются от божественной сущности, составляя с ней неделимое тождество.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00952 «Учение Григория Паламы как философская система: историко-философский анализ».

The work was supported by RFBR grant № 19-011-00952 ‘The doctrine of Gregory Palamas as a philosophical system: a historical and philosophical analysis’.

² Подробно о содержании и структуре трактата см.: [32, p. 1–4]. См. также более раннюю статью Р. Синкевича, где анализируется тот же материал: [33].

³ В перевод внесены незначительные изменения.

⁴ Обзор «контактов» Григория Паламы с античной философией, предлагаемый прот. Иоанном Мейендорфом [4, с. 178–186], показывает, что святитель, как правило, не выходил за рамки стандартной для византийской традиции парадигмы: античная мудрость полезна на начальной стадии обучения, но всерьез увлекаться ею не стоит, это чревато уклонением в ересь. Отец Иоанн, однако, осознает, что «Главы физические» в эту парадигму не вписываются. «При всей резкости полемики против античной философии, – пишет исследователь, – св. Григорий Палама не мог совершенно обойти тот факт, что Отцы Церкви в определенной степени пользовались произведениями философов для выражения истинной веры», и именно для этого святитель широко пользуется «в космологическом и антропологическом очерке, содержащемся в его Главах физических, принятыми в его время античными концепциями» [4, с. 184–185]. См.: [3, с. 298–300; 20], где впервые обращается внимание на знакомство Григория Паламы с «Энеадами» Плотина. Хотя построения отца Киприана ближе к поэтической интуиции, чем к научной аргументации, его наблюдения нельзя не признать верными. О противоречивом влиянии Плотина см.: [6; 13; 30].

⁵ [32, p. 8]: «In the context of such an intellectual milieu, therefore, it would have been Palamas' concern to assure the proper Christian point of view in the scientific questions which were gaining new currency in his days».

⁶ В двух частях: [41; 42]; также см. комментированное критическое издание первых четырнадцати «Глав физических»: [40].

⁷ О значимости Плотина для Никифора Григоры см.: [6, с. 224; 9, S. 182–183; 15, p. 223–224; 22, p. 101–107].

⁸ См. особенно 6-ю главу: «А если бы было возможно пройти через небо, как мы благочестиво веруем, то та область, которая выше неба, не была бы недоступной. Ибо Бог, Который наполняет все и Который простирается в бесконечность за пределами неба, существовал и до возникновения мира, наполняя Собою, как и ныне наполняет, всякое место в мире» [2, с. 23–24; 32, 6,4–8, p. 88, 90]. Об ангелах см.: «Ангел и душа, будучи нетелесными, не находятся в каком-либо месте, но и не вездесущи; они не содержат все мироздание, но сами нуждаются в Содержащем. Следовательно, они находятся в Том, Кто содержит и объемлет все мироздание, будучи соответствующим образом ограничены Им» [2, с. 117; 32, 61,1–5, p. 154].

⁹ См. например: [32, 115–116, p. 214, 216], где святитель разбирает слова Кирилла Александрийского о Сыне как об источнике жизни живых существ. Григорий Палама, во-первых, указывает, что эта жизнь является энергией, обращенной на живые существа, и, во-вторых, является общей для ипостасей Троицы. См. также: [4, с. 283–284, 298 (примеч. 93)].

¹⁰ Первый подход к вопросу датировки сделал прот. Иоанн Мейендорф, отнеся написание трактата к 1344–1347 гг. [23, p. 273–274]. В качестве *terminus ante quem* выступает время написания трактата «Против Акиндина», цитируемого в 70-й главе, а в качестве *terminus post quem* – собор, состоявшийся в феврале 1347 г., который в «Главах физических» не упоминается. В 148-й главе, как полагает Мейендорф, речь идет о соборе 1341 года. Детальную аргументацию в пользу более поздней датировки предложил Роберт Синкевич [32, p. 49–54]. Соглашаясь с тем, что «Главы физические» не могли быть написаны после 1351 г., поскольку в них не упоминается Никифор Григора, Синкевич, однако, смещает время составления на отрезок после 1347 г., поскольку именно в это время был написан «Ответ по поводу слов св. Кирилла», инкорпорированный в «Главы физические» [32, 113–121, p. 212–224]. Приводит Синкевич и другие аргументы, которые позволяют датировать трактат еще точнее – 1349–1350 годами. В поддержку этой датировки он указывает на 31-ю гоимилию Григория Паламы, имеющую множество пересечений с «Главами физическими» и в которой присутствуют отсылки к чуме в Константинополе 1347–1348 годов. Синкевич предполагает, что «Главы физические» были составлены годом или двумя позднее. Также исследователь указывает, что единственный собор, упоминаемый в «Главах физических», – это не собор 1341 г., как считает

Мейендорф, а 1347-го, на котором Акиндин был отлучен от общения. Я. Димитракопулос подверг критике аргументы Р. Синкевича и указал не только время, но и возможное место написания трактата [39, σ. 110–115]. Он предположил, что «Главы физические» составлены (или, по крайней мере, начаты) в период с сентября 1347 по март 1348 г. на Афоне, куда Григорий Палама, не принятый на своей кафедре в Фессалониках, был вынужден удалиться. Исследователь строит свою аргументацию на тезисе о том, что святитель мог познакомиться с греческим переводом блаженного Августина, осуществленного Максимом Планудом, только в период своего пребывания на Афоне, поскольку все известные нам рукописи Плануды имеют афонское происхождение [39, σ. 110–113]. Аргументацию Р. Синкевича Д. Димитракопулос считает необоснованной, полагая, что текстуальные параллели между «Главами физическими» и другими произведениями Паламы, составленными в 1347–1348 гг., возможно, доказывают, что «Главы» были написаны позже, но не говорят о том, насколько позже [39, σ. 114–115]. От себя добавим, что первые дискуссии с Никифором Григорой состоялись сразу же после возвращения Григория Паламы в Константинополь в 1348 г., о чем подробно рассказывает Никифор Григора [24, XVI.5, col. 1072–1088]. Поэтому представляется логичным, что трактат, в котором не упоминается Григора, был написан ранее, то есть во время пребывания на Афоне.

¹¹ В перевод вносились коррективы.

¹² Такой интерпретации в переводе придерживается Синкевич: «Nature as it inheres in bodies is not only inseparable from the natural properties, but it can never exist without them» [32, p. 177]. Переводчик полагает, что τούτοις следует понимать как «тела», хотя очевидно, что это местоимение относится к φύσικόν.

¹³ Целью данной статьи не является выяснение, из каких именно источников Григорий Палама заимствует те или иные философские примеры. Но не могу не указать на то, что данное место имеет очевидную параллель с Ep. V.3. На творческое взаимодействие с этим трактатом Плотина указывал И. Полемис [30], а также совсем недавно автор данной статьи [6].

¹⁴ См.: [12, 2.11, S. 137,5–6]. В этой главе трактата «О божественных именах» описывается дихотомия «единений», которые соответствуют бытию Бога вне соотнесенности Его с миром, и «разделений (различений)», которые соответствуют божественной деятельности вовне. См. уместную ссылку на В.Н. Лосского в примечании А.И. Сидорова: [2, с. 142 (примеч. 250)]. См. также: [7, p. 66–69]. Насколько в данном случае корректна

ссылка Паламы на Дионисия Ареопагита – вопрос, выходящий за рамки данной работы.

¹⁵ Их имена – Георгий Исарис и Марк Ангел Вардалис – мы знаем из соборного постановления по делу монаха Нифонта 1350 г., которого Григорий Палама в период пребывания на Афоне защищал от обвинений в мессалианстве [34, col. 1310]. О деле монаха Нифонта см.: [31].

¹⁶ О Матфее см.: [8, p. 199–201; 27, p. 108–122; 28; 36, S. 46–52].

¹⁷ Никифор Григора преподносит дело так, будто на бунт Матфея подбил его дядя Иоанн Асень. См.: [24, XVI.2, col. 1048–1053].

¹⁸ Иоанн Кантакузин попытался выделить для Иоанна V удел во Фракии за счет земель, обещанных Матфею [17, IV.27, col. 213–221].

¹⁹ Иоанн Палеолог, правда, жалуется, скорее, на Иоанна Кантакузина, но из общего контекста речи видно: он предполагает, что отец и сын Кантакузины действуют заодно.

²⁰ В написанной гораздо позже «Истории ромеев» Матфей показан как верный сын своего отца, паламит и гонитель Никифора Григоры. Последний приводит диалог, якобы состоявшийся между ним и Матфеем в 1354 г., в ходе которого Матфей якобы пытался оправдать узурпацию власти, но встретил резкий отпор со стороны философа [25, XXVIII.26–33, col. 177–192]. Разбор политических аспектов этого диалога: [45 (студенческая работа, не переработанная в статью)]. Однако синхронный источник, каковым является письмо-панегирик, говорит о том, что Григора в тот момент стремился представить себя максимально лояльным по отношению к молодому политику.

²¹ Издание: [19]. Пересказ с минимальным разбором: [18]. Литературоведческий и исторический анализ с привлечением других энкомиев Николая Кавасилы: [5]. В целом об отношениях Николая Кавасилы и Матфея Кантакузина: [10].

²² Конгурдо предполагает, что Кавасила мог присутствовать на свадьбе Матфея в Фессалониках в 1341 году [10, p. 89]. Документально же участие Николая Кавасилы в политике на стороне Кантакузинов прослеживается с 1345 г., когда Иоанн доверил ему роль посланника к своему сыну Мануилу [16, III.94, col. 1260]. В 1347 г., после победы Кантакузина, он прибыл в Константинополь по специальному приглашению императора [14] и выступал в качестве его доверенного лица [35, p. 417–418]. Известно, что вместе с Иоанном Кантакузиным и Димитрием Кидонисом он собирался уйти в монастырь [17, IV.16, col. 125]. В целом о биографии Кавасилы см.: [11; 21; 35]. Мари-Элен Конгурдо в отличие от большинства исследователей не видит в панегирике Николая Кавасилы никакого придворного лицемерия, полагая, что в нем

излагаются одновременно и политическая позиция придворного, последовательного кантакузиниста, и его политическая философия, обосновывающая легитимность Матфея [10, p. 97–98]. Исследовательница также делает важное замечание, показывая, что друг Кавасилы Димитрий Кидонис еще в 1352 г. занимал прокантакузинистскую позицию, но уже в 1354 г. проявлял молчаливую нелояльность к Кантакузинам. Конгурдо связывает это с интеллектуальной трансформацией Кидониса, переходом его на антипаламитские позиции [10, p. 95–97]. Мы оставляем за скобками вопрос о том, насколько Николай Кавасила в дальнейшем был последовательным сторонником Григория Паламы (см. кратко об этой дискуссии: [29, p. 69–72]). Близость Кавасилы одновременно и Григорию Паламе и партии Кантакузинов не вызывает сомнения.

²³ Кавасила в положительном контексте вспоминает языческих богов – Гермеса и муз [19, p. 113], гомеровского Нестора [19, p. 117], философа Анаксагора (там же) и Дельфийского оракула [19, p. 117].

²⁴ См. обзор естественнонаучных сочинений Николая Кавасилы, ни одно из которых пока не издано: [43].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорий Палама. Антирритики против Акиндина / пер. Р. В. Яшунского. – Краснодар : Текст, 2010. – 368 с.
2. Григорий Палама. 150 глав / пер. А. И. Сидорова. – Краснодар : Текст, 2006. – 224 с.
3. Керн, К., архим. Антропология св. Григория Паламы / архим. К. Керн. – М. : Паломник, 1996. – LXXVIII, 449 с.
4. Мейендорф, И., прот. Жизнь и труды святителя Григория Паламы: введение в изучение / прот. И. Мейендорф. – СПб. : Византинороссика, 1997. – 479 с. – (Subsidia byzantinorossica; 2).
5. Поляковская, М. А. Энкомии Николая Кавасилы как исторический источник / М. А. Поляковская // Античная древность и средние века. – 1973. – Т. 9. – С. 77–88.
6. Щукин, Т. А. «Он превзойдет собственную природу»: тема самообращенности ума в «Слове на житие преподобного Петра Афонского» святителя Григория Паламы и в *Enneades V.3* / Т. А. Щукин // Библия и христианская древность. – 2019. – Т. 2 (2). – С. 212–230.
7. Andia, Y. de. Henosis: l'union à Dieu chez Denys l'Aréopagite / Y. de Andia. – Leiden ; New York ; Köln : Brill, 1996. – XV, 510 p. – (Philosophia antiqua; 71).
8. Asdracha, C. Les Rhodopes au XIVe siècle. Histoire administrative et prosopographie / C. Asdracha

// *Revue des études byzantines*. – 1976. – Vol. 34. – P. 175–209.

9. Beyer, H.-V. Nikephoros Gregoras als Theologe und sein erstes Auftreten gegen die Hesychasten / H.-V. Beyer // *Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*. – 1971. – Bd. 20. – S. 171–188.

10. Congourdeau, M.-H. Nicolas Cabasilas et Matthieu Cantacuzène / M.-H. Congourdeau // *Pour une poétique de Byzance. Hommage à Vassilis Katsaros* / éd. S. Efthymiadis et al. – Paris : Le Centre d'études byzantines, néo-helléniques et sud-est européennes ; École des Hautes études en Sciences sociales, 2015. – P. 85–98.

11. Congourdeau, M.-H. Nicholas Cabasilas of Thessaloniki. The historical dimension of the person / M.-H. Congourdeau // *Personhood in the Byzantine Christian Tradition. Early, Medieval, and Modern Perspectives* / ed. A. Torrance and S. Paschalidis. – London ; New York : Routledge, 2018. – P. 114–127.

12. *Corpus Dionysiacum I: Pseudo-Dionysius Areopagita. De divinis nominibus* / Hrsg. B. R. Suchla. – Berlin : De Gruyter, 1990. – 231 S. – (Patristische Texte und Studien, 33).

13. Demetracopoulos, J. Is Gregory Palamas an existentialist? The restoration of the true meaning of his comment on Exodus 3,14 “Εγώ εἰμι ὁ ὢν” / J. Demetracopoulos. – Athens : Παρουσία, 1996. – 58 p.

14. Demetrius Cydonis. Ep. 87 // Démétrius Cydonès: correspondance. Vol. 1 / ed. R.-J. Loenertz. – Roma : Biblioteca apostolica Vaticana, 1956. – P. 120–121. – (Studi e testi; 186).

15. Ierodiakonou, K. The Anti-Logical Movement in the Fourteenth Century / K. Ierodiakonou // *Byzantine Philosophy and its Ancient Sources* / ed. K. Ierodiakonou. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – P. 219–238.

16. Ioannis Cantacuzeni historiarum libri IV. Libri I–III / acc. J.-P. Migne. – Paris : Apud J.-P. Migne, 1866. – Col. 17–1300. – (Patrologiae cursus completus. Series Graeca; 153).

17. Ioannis Cantacuzeni historiarum libri IV. Liber IV / acc. J.-P. Migne. – Paris : Apud J.-P. Migne, 1866. – Col. 10–370. – (Patrologiae cursus completus. Series Graeca; 154).

18. Jugie, M. L'éloge de Mathieu Cantacuzène, par Nicolas Cabasilas / M. Jugie // *Échos d'Orient*. – 1910. – Vol. 13, 85. – P. 338–343.

19. Jugie, M. Nicolas Cabasilas, Panégyriques inédits de Mathieu Cantacuzène et d'Anne Paléologue / M. Jugie // *Известия Русского археологического института в Константинополе*. – 1911. – Т. 15. – P. 112–121.

20. Kern, C. Les éléments de la théologie de Grégoire Palamas / C. Kern // *Irénikon*. – 1947. – Vol. 20, 1. – P. 6–33; Vol. 20, 2. – P. 164–193.

21. Loenertz, R.-J. Chronologie de Nicolas Cabasilas 1345–1354 / R.-J. Loenertz // *Orientalia christiana periodica*. – 1955. – Vol. 21. – P. 205–231.

22. Mariev, S. Plotinus in the Phlorentios of Nikephoros Gregoras / S. Mariev // *Koinotaton Doron. Das späte Byzanz zwischen Machtlosigkeit und kultureller Blüte (1204–1461)* / Hrsg. A. Berger et al. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2016. – P. 101–108. – (Byzantinisches Archiv; Bd. 31).

23. Meyendorff, J. Introduction a l'étude de Grégoire Palamas / J. Meyendorff. – Paris : Éditions du Seuil, 1959. – 432 p. – (Patristica Sorbonensia; 3).

24. Nicephori Gregorae bizantinae historiae libri XXXVII. T. 1: I–XXIV / acc. J.-P. Migne. – Paris : Apud J.-P. Migne, 1863. – Col. 119–1450. – (Patrologiae cursus completus. Series Graeca; 148).

25. Nicephori Gregorae bizantinae historiae libri XXXVII. T. 2: XXV–XXXVII / acc. J.-P. Migne. – Paris : Apud J.-P. Migne, 1865. – Col. 9–502. – (Patrologiae cursus completus. Series Graeca; 149).

26. Nicephorus Gregora. Ep. 152 // Correspondance de Nicéphore Grégoras / ed. R. Guiland. – Paris : Société d'édition 'Les Belles lettres', 1927. – P. 236–242.

27. Nicol, D. M. The Byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzenus) ca. 1100–1460: A Genealogical and Prosopographical Study / D. M. Nicol. – Washington (D.C.) : Dumbarton Oaks center for Byzantine studies, 1968. – XLIII, 265 p. – (Dumbarton Oaks studies; 11).

28. Nicol, D. M. The Byzantine Family of Kantakouzenos: Some Addenda and Corrigenda / D. M. Nicol // *Dumbarton Oaks Papers*. – 1973. – Vol. 27. – P. 309–315.

29. Pino, T. Beyond Neo-Palamism: Interpreting the Legacy of St Gregory Palamas / T. Pino // *Analogia: The Pemptousia Journal for Theological Studies*. – 2017. – Vol. 3,1. – P. 53–73.

30. Polemis, I. D. Neoplatonic and Hesychastic Elements in the Early Teaching of Gregorios Palamas on the Union of Man with God: The Life of St. Peter the Athonite / I. D. Polemis // *Pour une poétique de Byzance. Hommage à Vassilis Katsaros* / éd. S. Efthymiadis et al. – Paris : Le Centre d'études byzantines, néo-helléniques et sud-est européennes ; École des Hautes études en Sciences sociales, 2015. – P. 205–221.

31. Rigo, A. Due note sul monachesimo athonita della meta del XIV secolo / A. Rigo // *Зборник радова Византинолошког института*. – 1987. – Т. 26. – P. 87–113.

32. Saint Gregory Palamas. The One Hundred and Fifty Chapters: A Critical Edition, Translation and Study / ed. and tr. R. E. Sinkewicz. – Toronto : Pontifical institute of medieval studies, 1988. – XI, 288 p. – (Studies and Texts; 83).

33. Sinkewicz, R. E. Christian Theology and the Renewal of Philosophical and Scientific Studies in the Early Fourteenth Century: The Capita 150 of Gregory

Palamas / R. E. Sinkewicz // *Mediaeval Studies*. – 1986. – Vol. 48. – P. 334–351.

34. *Sinodicae constitutiones Callisti et Philophei. III [Synodus absolvit hieromonachum Niphonem] / acc. J.-P. Migne. – Paris : Apud J.-P. Migne, 1866. – Col. 1308–1312. – (Patrologiae cursus completus. Series Graeca; 152).*

35. Tsirpanlis, C. N. The career and writings of Nicolas Cabasilas / C. N. Tsirpanlis // *Byzantion*. – 1979. – Vol. 49. – P. 414–427.

36. Weiss, G. Joannes Kantakuzenos – Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch – in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14 Jahrhundert / G. Weiss. – Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1969. – 174 S. – (Schriften zur Geistesgeschichte des Ostlichen Europa; 4).

37. Γρηγόριος ο Παλαμάς. Αντιρρητικοί προς Ακίνδυνον // Γρηγορίου του Παλαμά. Συγγράμματα. Τ. Γ´ / προλ. Π. Χρηστού; εκδ. Λ. Κοντογιάννης, Β. Φανουργάκης. – Φεσσαλονίκη : Κυρομάνος, 1970. – Σ. 38–506.

38. Γρηγόριος ο Παλαμάς. Υπέρ των ιερώς ησυχάζόντων // Γρηγορίου του Παλαμά. Συγγράμματα. Τ. Α´ / εκδ. Π. Χρήστου [et. al.]. – Φεσσαλονίκη : Κυρομάνος, 1988. – Σ. 358–694.

39. Δημητρακόπουλος, Γ. Α. Αύγουστινος και Γρηγόριος Παλαμάς: τὰ προβλήματα τῶν ἀριστοτελικῶν κατηγοριῶν καὶ τῆς τριαδικῆς ψυχοθεολογίας / Γ. Α. Δημητρακόπουλος. – Ἀθήνα : Παρουσία, 1997. – 226 σ.

40. Δημητρακόπουλος, Γ. Α. Γρηγορίου Παλαμά, Κεφάλαια εκατὸν πενήκοντα, 1–14: «Περὶ κόσμου». Κείμενο, μετάφραση καὶ ερμηνευτικὰ σχόλια / Γ. Α. Δημητρακόπουλος // *Βυζαντικά*. – 2000. – Τ. 20. – Σ. 293–348.

41. Δημητρακόπουλος, Γ. Α. Ὑστεροβυζαντινὴ κοσμολογία. Ἡ κριτικὴ τοῦ Γρηγορίου Παλαμά στη διδασκαλία τῶν Πλωτίνου καὶ Πρόκλου περὶ κοσμικῆς ψυχῆς / Γ. Α. Δημητρακόπουλος // *Φιλοσοφία*. – 2001. – Τ. 31. – Σ. 175–191.

42. Δημητρακόπουλος, Γ. Α. Ὑστεροβυζαντινὴ κοσμολογία. Ἡ κριτικὴ τοῦ Γρηγορίου Παλαμά στη διδασκαλία τῶν Πλωτίνου καὶ Πρόκλου περὶ κοσμικῆς ψυχῆς. Β' μέρος / Γ. Α. Δημητρακόπουλος // *Φιλοσοφία*. – 2002. – Τ. 32. – Σ. 111–132.

43. Παπαγεωργίου, Χ. Μὴ θεολογικὲς σπουδὲς καὶ ἔργα Νικολάου Καβάσιλα ἐπὶ Γεωμετρίας, Φυσικῆς καὶ Ἀστρονομίας / Χ. Παπαγεωργίου // *Γρηγόριος Παλαμάς*. – 1985. – Τ. 68. – Σ. 208–236.

44. Του ευσεβέστατου βασιλέως Ματθαίου του Καντακουζηνού λόγοι δύο εκ χειρογράφων της εθνικῆς βιβλιοθήκης καὶ της βασιλικῆς του Βερολίνου / εκδ. Ι. Σακκελίων // *Παρνασσός*. – 1887. – Τ. 11. – Σ. 265–284.

45. Χαλάστρας, Κ. Οἱ ἐμφύλιοι πόλεμοι Παλαιολόγων-Καντακουζηνῶν καὶ ἡ ἀναδυόμενη ἀπειλὴ τῶν Ὀθωμανῶν τὸν 14ο αἰῶνα, ὁ διάλογος Νικηφόρου Γρηγορά με τὸν Ματθαῖο Καντακουζηνό / Κ. Χαλάστρας. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.academia.edu/36909305> (date of access: 28.06.2020). – Title from screen.

REFERENCES

1. Yashunskiy R.V., ed. *Grigoriy Palama. Antirritiki protiv Akindina* [Gregory Palamas. Antirrhethikos against Akindynos]. Krasnodar, Text Publ., 2010. 368 p.

2. Sidorov A.I., ed. *Grigoriy Palama. 150 glav* [Gregory Palamas. The One Hundred and Fifty Chapters]. Krasnodar, Text Publ., 2006. 224 p.

3. Kern K., archim. *Antropologiya sv. Grigoriya Palamy* [The anthropology of Saint Gregory Palamas]. Moscow, Palomnik Publ., 1996. LXXVIII, 449 p.

4. Meyendorf I., prot. *Znizn i trudy svyatiatelya Grigoriya Palamy: vvedenie v izuchenie* [The life and works of Saint Gregory Palamas: an introduction to the study]. St. Petersburg, Byzantinorossica Publ., 1997. 479 p. (Subsidia byzantinorossica, vol. 2).

5. Polyakovskaya M.A. Enkomii Nikolaya Kavasily kak istoricheskiy istochnik [Encomiums of Nicholas Kabasilas as a historical source]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1973, vol. 9, pp. 77-88.

6. Shchukin T.A. “On prevzoydet sobstvennyuyu prirodu”: tema samoobrashchennosti uma v “Slove na zhitie prepodobnogo Petra Afonskogo” svyatiatelya Grigoriya Palamy i v Enneades V.3 [“He Will Transcend His Own Nature”: The Theme of Self-Conversion of the Intellect in the “Logos on Saint Peter of Athos” by St. Gregory Palamas and in Enneades V, 3]. *Bibliya i hristianskaya drevnost* [Bible and Christian Antiquity], 2019, vol. 2 (2), pp. 212-230.

7. Andia Y. de. *Henosis: l'union à Dieu chez Denys l'Aréopagite*. Leiden; New York; Köln, Brill, 1996. XV, 510 p. (Philosophia antiqua, vol. 71).

8. Asdracha, C. Les Rhodopes au XIVe siècle. Histoire administrative et prosopographie. *Revue des études byzantines*, 1976, vol. 34, pp. 175-209.

9. Beyer H.-V. Nikephoros Gregoras als Theologe und sein erstes Auftreten gegen die Hesychasten. *Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*, 1971, vol. 20, pp. 171-188.

10. Congourdeau M.-H. Nicolas Cabasilas et Matthieu Cantacuzène. Efthymiadis S. et al., eds. *Pour une poétique de Byzance. Hommage à Vassilis Katsaros*. Paris, Le Centre d'études byzantines, néo-helléniques et sud-est européennes; École des Hautes études en Sciences sociales, 2015, pp. 85-98.

11. Congourdeau M.-H. Nicholas Cabasilas of Thessaloniki. The historical dimension of the person. Torrance A., Paschalidis S., eds. *Personhood in the Byzantine Christian Tradition. Early, Medieval, and Modern Perspectives*. London; New York, Routledge, 2018, pp. 114-127.
12. Suchla B.R., ed. *Corpus Dionysiacum I: Pseudo-Dionysius Areopagita. De divinis nominibus*. Berlin, De Gruyter, 1990. 231 p. (Patristische Texte und Studien; vol. 33).
13. Demetracopoulos J. *Is Gregory Palamas an existentialist? The restoration of the true meaning of his comment on Exodus 3,14 "Egō eimi o ōn"*. Athens, Parousia Publ., 1996. 58 p.
14. Demetrius Cydones. Ep. 87. Loenertz R.-J., ed. *Démétrius Cydonès: correspondance*, vol. 1. Roma, Biblioteca apostolica Vaticana, 1956, pp. 120-121. (Studi e testi; vol. 186).
15. Ierodiakonou K. The Anti-Logical Movement in the Fourteenth Century. Ierodiakonou K., ed. *Byzantine Philosophy and its Ancient Sources*. Oxford, Oxford University Press, 2002, pp. 219-238.
16. Migne J.-P., ed. *Ioannis Cantacuzeni historiarum libri IV*. Libri I–III. Paris, Apud J.-P. Migne, 1866. Col. 17–1300. (Patrologiae cursus completus. Series Graeca; vol. 153).
17. Migne J.-P., ed. *Ioannis Cantacuzeni historiarum libri IV*. Liber IV. Paris, Apud J.-P. Migne, 1866. Col. 10–370. (Patrologiae cursus completus. Series Graeca; vol. 154).
18. Jugie M. L'éloge de Mathieu Cantacuzène, par Nicolas Cabasilas. *Échos d'Orient*, 1910, vol. 13, pp. 338-343.
19. Jugie M. Nicolas Cabasilas, Panégyriques inédits de Mathieu Cantacuzène et d'Anne Paléologue. *Izvestiya Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole* [News of the Russian Archaeological Institute in Constantinople], 1911, vol. 15, pp. 112-121.
20. Kern C. Les éléments de la théologie de Grégoire Palamas. *Irénikon*, 1947, vol. 20,1, pp. 6-33; vol. 20,2, pp. 164-193.
21. Loenertz R.-J. Chronologie de Nicolas Cabasilas 1345–1354. *Orientalia christiana periodica*, 1955, vol. 21, pp. 205-231.
22. Mariev S. Plotinus in the Phlorentios of Nikephoros Gregoras. Berger A. et al., eds. *Koinotaton Doron. Das späte Byzanz zwischen Machtlosigkeit und kultureller Blüte (1204–1461)*. Berlin; Boston, De Gruyter, 2016, pp. 101-108. (Byzantinisches Archiv; vol. 31).
23. Meyendorff J. *Introduction a l'étude de Grégoire Palamas*. Paris, Éditions du Seuil, 1959. 432 p. (Patristica Sorbonensia; vol. 3).
24. Migne J.-P., ed. *Nicephori Gregorae bizantinae historiae libri XXXVII*. T. 1: I–XXIV. Paris, Apud J.-P. Migne, 1863. Col. 119–1450. (Patrologiae cursus completus. Series Graeca; vol. 148).
25. Migne J.-P., ed. *Nicephori Gregorae bizantinae historiae libri XXXVII*. T. 2: XXV–XXXVII. Paris, Apud J.-P. Migne, 1865. Col. 9–502. (Patrologiae cursus completus. Series Graeca; vol. 149).
26. Nicephorus Gregora. Ep. 152. Guiland R., ed. *Correspondance de Nicéphore Grégoras*. Paris, Société d'édition 'Les Belles lettres', 1927, pp. 236-242.
27. Nicol D. M. *The Byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzenus) ca. 1100–1460: A Genealogical and Prosopographical Study*. Washington (D.C.), Dumbarton Oaks center for Byzantine studies, 1968. XLIII, 265 p. (Dumbarton Oaks studies; vol. 11).
28. Nicol D. M. The Byzantine Family of Kantakouzenos: Some Addenda and Corrigenda. *Dumbarton Oaks Papers*, 1973, vol. 27, pp. 309-315.
29. Pino T. Beyond Neo-Palamism: Interpreting the Legacy of St Gregory Palamas. *Analogia: The Pemptousia Journal for Theological Studies*, 2017, vol. 3,1, pp. 53-73.
30. Polemis I. D. Neoplatonic and Hesychastic Elements in the Early Teaching of Gregorios Palamas on the Union of Man with God: The Life of St. Peter the Athonite. Efthymiadis S. et al., eds. *Pour une poétique de Byzance. Hommage à Vassilis Katsaros*. Paris, Le Centre d'études byzantines, néo-helléniques et sud-est européennes; École des Hautes études en Sciences sociales, 2015, pp. 205-221.
31. Rigo A. Due note sul monachesimo athonita della meta del XIV secolo. *Zbornik radova Vizantinoloskog instituta* [Recueil des travaux de l'Institut d'études byzantines], 1987, vol. 26, pp. 87-113.
32. Sinkewicz R. E., ed. *Saint Gregory Palamas. The One Hundred and Fifty Chapters: A Critical Edition, Translation and Study*. Toronto, Pontifical institute of medieval studies, 1988. XI, 288 p. (Studies and Texts; vol. 83).
33. Sinkewicz R. E. Christian Theology and the Renewal of Philosophical and Scientific Studies in the Early Fourteenth Century: The Capita 150 of Gregory Palamas. *Mediaeval Studies*, 1986, vol. 48, pp. 334-351.
34. Migne J.-P., ed. *Sinodicae constitutiones Callisti et Philophei*. III [Synodus absolvit hieromonachum Niphonem]. Paris, Apud J.-P. Migne, 1866. Col. 1308–1312. (Patrologiae cursus completus. Series Graeca; vol. 152).
35. Tsirpanlis C. N. The career and writings of Nicolas Cabasilas. *Byzantion*, 1979, vol. 49, pp. 414-427.
36. Weiss G. *Joannes Kantakuzenos – Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch – in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14 Jahrhundert*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1969. 174 p. (Schriften zur Geistesgeschichte des Ostlichen Europa, vol. 4).
37. Grēgorios o Palamas. Antirrētikoi pros Akindynon [Antirrhetics against Akindynos].

Chrēstou P., Kontogiannēs L., Phanourgakēs B., eds. *Grēgoriou tou Palama. Syggrammata* [The works of Gregory Palamas]. Vol. 3. Thessaloniki, Kyromanos Publ., 1970, pp. 38-506.

38. Grēgorios o Palamas. Yper tōn ierōs ēsychazontōn [For the defense of those who practice sacred quietude]. Chrēstou P. et al., eds. *Grēgoriou tou Palama. Syggrammata* [The works of Gregory Palamas]. Vol. I. Thessaloniki, Kyromanos Publ., 1988, pp. 358-694.

39. Dēmētrakopoulos G. A. Augoustinos kai Grēgorios Palamas: ta problēmata tōn aristotelikōn katēgoriōn kai tēs triadikēs psychotheologias [Augustine and Gregory Palamas: the problems of the Aristotelian categories and the triadic psychotheology]. Athens, Parousia Publ., 1997. 226 p.

40. Dēmētrakopoulos G. A. Grēgoriou Palama, Kephalaia ekaton pentēkonta, 1–14: “Peri kosmou”: Keimeno, metaphrasē kai ermēneutika scholia [Gregory Palamas, The One Hundred and Fifty Chapters, 1-14: ‘About the world’. Text, translation and interpretative comments]. *Byzantiaka*, 2000, vol. 20, pp. 293-348.

41. Dēmētrakopoulos G. A. Ysterobyzantinē kosmologia. Ē kritikē tou Grēgoriou Palama stē didaskalia tōn Plōtinou kai Proklou peri kosmikēs psychēs [Late Byzantine cosmology. Gregory Palamas’ criticism of the teaching of Plotinus and Proclus on the Cosmic Soul]. *Philosophia* [Philosophy], 2001, vol. 31, pp. 175-191.

42. Dēmētrakopoulos G. A. Ysterobyzantinē kosmologia. Ē kritikē tou Grēgoriou Palama stē didaskalia tōn Plōtinou kai Proklou peri kosmikēs psychēs [Late Byzantine cosmology. Gregory Palamas’ criticism of the teaching of Plotinus and Proclus on the Cosmic Soul]. Pt. 2. *Philosophia* [Philosophy], 2002, vol. 32, pp. 111-132.

43. Papageōrgou Ch. Mē theologikes spoudes kai erga Nikolaou Kabasila epi Geōmetrias, Physikēs kai Astronomias [Non-theological studies and works of Nicholas Kabasilas on geometry, physics and astronomy]. *Grēgorios Palamas*, 1985, vol. 68, pp. 208-236.

44. Sakkeliōn I., ed. Tou eusebestatou basileōs Matthaiou tou Kantakouzenou logoi dyo ek xeirographōn tes ethnikēs bibliothēkēs kai tēs basilikēs tou Berolinou [Two treatises by the most pious king Matthew of Kantakouzenos from the manuscripts of the National Library and Royal Library in Berlin]. *Parnassos*, 1887, vol. 11, pp. 265-284.

45. Chalastras K. *Oi emphylioī polemoi Palaiologōn-Kantakouzēnōn kai ē anadyomenē apeilē tōn Othōmanōn ton 14o aiōna, o dialogos Nikēphorou Grēgora me ton Matthaiō Kantakouzēno* [The civil wars of Palaiologos-Kantakouzenos and the emerging threat of the Ottomans in the 14th century, the dialogue Nicephorus Gregoras with Matthew Kantakouzenos]. URL: <https://www.academia.edu/36909305> (accessed 28.06.2020).

Information About the Author

Timur A. Schukin, Associate Research Fellow, Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, 7-ya Krasnoarmeyskaya St, 25/14, 190005 Saint Petersburg, Russian Federation; Postgraduate Student, Herzen State Pedagogical University of Russia, Reki Moyki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, tim_ibif@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7513-9873>

Информация об авторе

Тимур Аркадьевич Щукин, ассоциированный сотрудник, Социологический институт РАН, ул. 7-я Красноармейская, 25/14, 190005 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, набережная реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, tim_ibif@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7513-9873>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.22>

UDC 94“04/14”:327
LBC 63.3(0)41-6

Submitted: 27.06.2019
Accepted: 09.09.2019

**INTERNATIONAL POLITICS AND THE GREEK-LATIN UNION
AT THE EUROPEAN CHURCH COUNCILS
IN THE FIRST HALF OF THE 15th CENTURY**

Nikolai G. Pashkin

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is aimed at studying the negotiations on the Greek-Latin Church Union at the Church Councils in Constance (1414–1418) and Basel (1431–1449), which were the predecessors of the Council of Ferrara-Florence (1438–1439) in this matter. Since they were generated by internal processes in the Latin West, they originally had not direct relationship to Byzantium. *Methods and materials.* The reason for the appeal of Councils to the problem of the Church Union should be sought in the field of Western international policy. It acted here as a tool for solving political problems by different actors. *Analysis.* At the Council of Constance the discussion of the Greek-Latin Union was initiated by Poland and Lithuania, who used it as a means of political propaganda against the Teutonic Order. The Council of Basel subsequently entered into direct negotiations with Byzantium. The reason for this was at first internecine strife in the Duchy of Lithuania, which interfered with Poland, the Teutonic Order and King Sigismund. The Council initiated consideration of the Church Union in order to support the Lithuanian Duke Švitrigaila in the struggle for the throne. As a result Byzantium was included also in the negotiations with the Council of Basel. But in 1435 Švitrigaila was defeated in the clash with Poland and its ally Duke Sigismund Kęstutaitis. This defeat undermined the influence of Sigismund of Luxembourg at the Council of Basel. The King began his rapprochement with the Pope and Venice, and the Council of Basel was influenced by their political rivals, such as Milan and France. The theme of the Church Union at the Council became an instrument of struggle for political interests between these groups of political subjects. As a result, the struggle led to sharp disputes over the choice of the place for the Greek-Latin Council. The main options were Italy and French Avignon. The Byzantines chose the first option. But Byzantium was not the subject of the policy that created the situation of this choice. In the West this policy has led to significant changes. *Results.* The results of the negotiations on the Church Union at the Council of Basel displayed the fall of the role of imperial policy in the Latin West, which was represented by the King and Emperor Sigismund Luxembourg. The Empire was losing control of Italy. The result was the withdrawal of the papacy from its influence and the strengthening of Venice. Their union stood behind the Council of Ferrara-Florence. Outside Italy this Council has not received recognition.

Key words: Church Councils, Council of Constance, Council of Basel, Church Union, Byzantium, Poland, Lithuania, Teutonic Order, Holy Roman Empire.

Citation. Pashkin N.G. International Politics and the Greek-Latin Union at the European Church Councils in the First Half of the 15th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 274–284. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.22>

УДК 94“04/14”:327
ББК 63.3(0)41-6

Дата поступления статьи: 27.06.2019
Дата принятия статьи: 09.09.2019

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА И ГРЕКО-ЛАТИНСКАЯ УНИЯ
НА ЕВРОПЕЙСКИХ ЦЕРКОВНЫХ СОБОРАХ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА**

Николай Геннадьевич Пашкин

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является исследование переговоров о греко-латинской унии на церковных соборах в Констанце (1414–1418) и Базеле (1431–1449), которые были предшественниками Ферраро-Флорентийского собора (1438–1439) в этом вопросе. Поскольку они были порождены внутренними процессами на латинском Западе, то прямого отношения к Византии первоначально не имели. В связи с этим причину их обращения к проблеме унии следует искать в области западной международной политики. Проблема унии выступала здесь как инструмент решения политических задач разными субъектами. На Констанцском соборе обсуждение греко-латинской унии было инициировано Польшей и Литвой, которые использовали это как средство политической пропаганды против Тевтонского ордена. В прямые переговоры с Византией вступил впоследствии Базельский собор. Поводом к этому сначала стала междоусобица в княжестве Литовском, в которую вмешивались Польша, Тевтонский орден и германский король Сигизмунд (1410–1437). Собор инициировал рассмотрение церковной унии с целью поддержать литовского князя Свидригайло (1430–1432) в борьбе за престол. В результате в переговоры он включил и Византию. Но Свидригайло в 1435 г. потерпел поражение в столкновении с Польшей и ее союзником князем Сигизмундом Кейстуовичем (1432–1440). Это поражение подорвало влияние на Базельском соборе Сигизмунда Люксембурга. Король начал сближение с папой и Венецией, а Базельский собор оказался под влиянием их политических соперников, таких как Милан и Франция. Тема церковной унии на Базельском соборе стала в конечном счете инструментом борьбы за политические интересы между этими группами политических субъектов. Борьба привела к острым спорам по вопросу о выборе места для греко-латинского собора. Основными вариантами стали Италия и французский Авиньон. Византийцы выбрали первый вариант. Но сама Византия не была субъектом той политики, которая создала ситуацию этого выбора. Результаты переговоров о церковной унии на Базельском соборе зафиксировали падение роли имперской политики на латинском Западе, которую представлял король и император Сигизмунд Люксембург. Империя теряла контроль над Италией. Результатом был выход папства из-под ее влияния и укрепление Венеции. Их союз стоял за Ферраро-Флорентийским собором, который за пределами Италии признания не получил.

Ключевые слова: церковные соборы, Констанцкий собор, Базельский собор, церковная уния, Византия, Польша, Литва, Тевтонский орден, Священная Римская империя.

Цитирование. Пашкин Н. Г. Международная политика и греко-латинская уния на европейских церковных соборах первой половины XV века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 274–284. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.22>

Введение. Проблема церковной унии между Константинополем и Римом является одной из самых значимых тем в изучении последнего периода истории Византии. Между тем переговоры по этому вопросу, увенчавшиеся подписанием унии на Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439), имели свое начало на соборах в Констанце (1414–1418) и Базеле (1431–1449), а сам собор во Флоренции явился как альтернатива в противовес последнему. Византию уния интересовала как средство против турецкого завоевания. Но вопрос заключается и в том, что Констанцкий и Базельский соборы были порождены историческими процессами на латинском Западе, которые к восточной церкви и Византии отношения не имели. И все же униатская тематика, которая неизбежно продуцировала контакты между Западом и Византией, на этих соборах имела место.

Методы и материалы. На сегодняшний день достаточно хорошо изучены непосредственно греко-латинские контакты и переговоры, состоявшиеся в Констанце и Базеле [2; 23]. Но проблема смотрится несколько иначе, если сами названные соборы рассматривать сквозь призму международных отношений в Европе первой половины XV века. В этом смысле латинская сторона никак не может быть признана единым субъектом переговоров, так же как и сама западная церковь. Как известно, Констанцкий собор был созван в условиях так называемой Великой западной схизмы (1378–1417), которая только на этом соборе официально завершилась. Следовательно, собор, а не папа, был субъектом переговоров от имени церкви. При этом собор одновременно был и форумом, где методами церковной дипломатии велась борьба между разнообразными участниками международной политики. А инициированная в Констанце попытка реформы церкви, подразумевавшая подчинение папской власти собору, имела следствием то, что впоследствии Ба-

зельский собор и папа действовали как два самостоятельных субъекта, в том числе на переговорах с Константинополем, оспаривая друг у друга это право. Под таким углом зрения готовившееся воссоединение церквей Запада и Востока выглядит многослойным процессом, в котором переплетались и сталкивались интересы не двух, то есть Рима и Константинополя, а множества субъектов европейской политики. Возникает вопрос, какие мотивы действительно стояли за выдвижением проблемы унии на означенных соборах и в какой степени Византия сама была субъектом этого процесса. Именно анализ стоявших за ним международных отношений поможет нам в этом разобраться.

Анализ. Тот факт, что отношения латинской и греческой церковью вызывают интерес на Западе исключительно как инструмент международной политики, был в полной мере продемонстрирован уже историей Констанцского собора. В условиях западной схизмы, ввиду отсутствия общепризнанного главы римской церкви, этот собор своим созывом был обязан германскому королю и будущему императору Сигизмунду Люксембургу (1410–1437, император с 1433 г.), бывшему одновременно венгерским королем с 1387 г. [10]. За три года до начала собора вопрос о перспективах греко-латинской унии был поднят в письме Сигизмунда к византийскому императору Мануилу II Палеологу (1391–1425) [7, S. 391–394]. Из текста послания следовало, что предварительно этот вопрос король обсуждал с папой Иоанном XXIII (1410–1415), о чем был осведомлен находившийся с миссией на Западе византийский дипломат Мануил Хрисолора. Автор призывал императора в Константинополе к переговорам о времени и месте для совместного церковного собора, а также выражал намерение в скором времени совершить поход против турок, к которому предлагал присоединиться. Между тем на подлинные намерения Сигизмунда, предопределившие его интерес к Византии, указывает тот факт, что главной его проблемой в тот момент были не турки, а отношения с Венецией [26, S. 4–31]. Впереди его ожидало по-настоящему фундаментальное противоборство с этой итальянской республикой [28]. Формальной причиной назревавшего конфликта был ее спор

с венгерской короной о принадлежности портов Далмации, но истинный размах противостояния был гораздо шире. Как показывают специальные изыскания, в дальнейшем речь шла о политике короля, направленной на вытеснение венецианского торгового капитала со всего континентального рынка Европы, и упорных попытках наладить независимую от Венеции трассу в страны Ближнего Востока и Китай через Дунай, Черное море и генуэзские колонии Крыма [18]. В связи с этим Византия рассматривалась им как одно из звеньев торговой блокады своего главного геополитического противника, а потому униатская тематика могла стать способом зондирования почвы для политического союза. До осени 1411 г. противоречия Сигизмунда с Венецией еще оставались в рамках дипломатических баталий, но по времени они совпали с начавшейся на Востоке борьбой за османский престол между наследниками султана Баязида I (1389–1402). Турецкая междоусобица 1409–1413 гг. несла на себе явный отпечаток тех противоречий. Вовлечение в нее Константинополя создавало военно-политические риски для Византии. Объективно это было выгодно именно Венеции, так как затрудняло Сигизмунду саму возможность использовать Восточную империю в качестве союзника. Отсюда становится ясно, что план войны с турками, о котором Сигизмунд писал императору, вместе с идеей церковной унии был также порожден его стратегией, обращенной против республики [5, с. 233–234].

В октябре 1411 г. конфликт короля с Венецией перешел в военную фазу. В результате в следующем письме к византийскому императору он уже открыто призывал Константинополь вступить в военный союз с ним и принять прямое участие в действиях против венецианцев [7, S. 394–399]. Для достижения этой цели Сигизмунд вновь предлагал обсудить вопрос о церковной унии. Столкновение с Венецией, однако, в планы Византии не входило, а тем временем на Западе началась подготовка к церковному собору. После достигнутого весной 1413 г. перемирия короля с республикой вопрос о времени и месте его проведения был решен. Согласно официально заявленным задачам, собору предстояло закончить латинскую схизму, что он впоследствии

и сделал, склонив к добровольному отречению либо низложив сразу трех конкурирующих антипап – Григория XII (1406–1415), Бенедикта XIII (1394–1417) и Иоанна XXIII (1410–1415). Это открывало широкие возможности для светской власти, которая в лице германского короля стояла у истоков собора. Фактически он был нужен Сигизмунду как одно из средств создания международной коалиции. Помимо контактов о возможном союзе с Византией, аналогичные переговоры велись с королями Англии, Франции, Дании, Арагона [27]. В свете предыдущих событий вынесение вопроса о церковной унии на предстоящий собор могло быть ожидаемым. Однако в приглашении, отправленном в 1414 г. в Константинополь за несколько месяцев до его начала, Сигизмунд ничего не говорил на эту тему [7, S. 399–401]. Судя по всему, королю уже было понятно, что участвовать в его политике Византия не будет. Византийские дипломаты все же появились на Констанцском соборе, но в результате проблема церковной унии получила здесь своеобразное развитие.

В июле 1415 г. Сигизмунд уже как фактический император Запада и политический руководитель собора огласил его главные задачи. Помимо собственно той, ради которой собор формально и был созван, то есть ликвидации схизмы в западной церкви, в его речи звучал призыв к прекращению войны Англии с Францией и конфликта между Польшей и Тевтонским орденом [11, S. 152]. О церковной унии с Востоком король и здесь тоже умолчал, хотя до весны 1415 г. в Констанце находился византийский посол Мануил Хрисолора. Но и византийская дипломатия на Констанцском соборе не проявила стремления к обсуждению вопроса [2, с. 59–63]. Объяснение этому опять же можно найти в том, что участвовать в конфликте Сигизмунда с Венецией Византия не стремилась. Еще в конце 1413 г. император Мануил II предложил Венеции посредничество в его урегулировании, которое сенат отклонил [15, № 3335; 2, с. 33]. Между тем, как уже было замечено, сама вероятность переговоров о церковной унии была обозначена Сигизмундом именно в контексте его политики, направленной против республики. В силу нейтральной позиции, занятой Византией, в Констанце эта тема стала для ви-

зантийцев несвоевременной, а для короля – неактуальной. Совсем другой субъект начал выносить ее на обсуждение. Этим субъектом стала Польша.

Сигизмунд не случайно в упомянутой речи перед собором проявил интерес к англо-французскому и польско-тевтонскому конфликтам. Англия была для него ценным потенциальным союзником в торговой политике против Венеции. Еще в 1412 г. за такой союз он предлагал выгодное посредничество в прекращении Столетней войны английскому королю Генриху IV (1399–1413) [28, S. 163]. Еще более актуальным для него был польско-тевтонский конфликт, в котором он тоже пытался играть роль посредника. Сигизмунд не мог быть безучастным к попыткам Польши укрепиться на Балтийском побережье. Имели место также серьезные противоречия между ними из-за влияния в Восточной Европе. Однако прямого конфликта с Польшей германский король стремился избежать, вследствие чего инициатива в вопросе унии оказалась у нее в руках. Как оказалось, церковный собор открывал широкие возможности для использования религиозной пропаганды в качестве политического оружия, чем искусно воспользовалась польско-литовская сторона. Если орден обвинял Польшу и Литву в том, что в их лагере против тевтонских рыцарей воюют «схизматики» из русских земель, то ответом другой стороны явилось немедленное предложение собору о содействии церковной унии с Востоком и решении проблемы схизмы как таковой [4, с. 323–324]. Осенью 1415 г. письма с соответствующим содержанием Констанцкий собор получил от польского короля Владислава II Ягеллона (1386–1434) и литовского князя Витовта (1392–1430) [12, р. 331–332]. Поляки давали тем самым понять, что военные средства для укрепления церкви, которые идеологически оправдывали само существование Тевтонского ордена, более не нужны. Польша своей пропагандой действительно нанесла тяжелый урон репутации ордена как якобы главного форпоста католицизма на Востоке. Косвенно исход этой борьбы повлиял и на прочность позиций короля Сигизмунда. Проблема унии, которую поляки повернули против тевтонцев, обещала передать посредническую роль в их отношениях папе.

Им стал избранный на Констанцском соборе в 1417 г. Мартин V (1417–1431), к тому же венецианец по происхождению. После этого, по общему признанию исследователей данного события, германский король, являвшийся в самом начале лидером собора, потерял нити управления им.

Новый папа проявил интерес к вопросу об унии с Византией, обусловленный в значительной мере стремлением укрепить позиции папства в западном мире после недавнего окончания латинской схизмы. Соответствующие переговоры между ним и Константинополем были начаты после завершения Констанцского собора. При этом по-настоящему история этих переговоров получила продолжение, когда к ним подключился Базельский собор, созванный при его преемнике – папе Евгении IV (1431–1447). Сам понтифик на соборе в Базеле ни разу не появился. В силу декретов, принятых в Констанце, собор играл самостоятельную роль. Однако сначала он находился под влиянием короля Сигизмунда. Тот же в свою очередь добивался от папы императорской короны. Самого папу поддерживала Венеция, являвшаяся наиболее грозным соперником германского и венгерского короля. Этот расклад сил на международной арене предопределил дальнейшие события, которые прямо или косвенно касались проблемы унии церквей.

С точки зрения международных отношений проблема греко-латинской унии в истории Базельского собора имеет немаловажное значение. Спустя семь лет после открытия форума именно она спровоцировала его роспуск папой. Это событие явилось предпосылкой к Ферраро-Флорентийскому собору, который и завершил переговоры с Византией, одновременно вызвав на Западе новый церковный раскол. При этом первоначально контакты с греками в Базеле не планировались. В интересах короля Сигизмунда собор пытался найти компромисс с гуситами, и только политические обстоятельства заставили его вдобавок заняться еще и унией с Востоком. Если папа по этому вопросу уже вел переговоры с Константинополем, то в Базеле проблема «восточной схизмы» снова привлекла к себе внимание под влиянием событий в польско-литовском государстве. За год до открытия собора после

смерти князя Витовта в Литве началась усобица за освободившийся престол. В борьбу вступили, с одной стороны, его младший брат Сигизмунд Кейстутович, поддержанный королем Польши Владиславом II, с другой – младший брат короля Свидригайло Ольгердович. Последнему удалось установить власть на большей территории княжества. Еще Витовт взял здесь курс на укрепление автономии, но так и не довел его до конца. Он не успел получить уже изготовленную для него королевскую корону. Свидригайло же в отстаивании своих прав, поддержанных значительной группой литовско-русской православной знати, начал политику полной независимости от Польши. В проведении этой политики он приобрел естественных союзников в лице короля Сигизмунда Люксембурга и Тевтонского ордена [21, S. 89–92]. Представитель последнего на Базельском соборе начал защищать интересы литовского князя в его конфликте с Польшей [17]. В качестве политико-пропагандистского средства Свидригайло также избрал тему церковной унии, предложив Базельскому собору осуществить ее на русских землях Великого княжества Литовского. Находившийся под влиянием Люксембурга собор предложение поддержал. Теперь пропаганда унии работала против Польши. Поддерживая врагов Свидригайло, она рисковала предстать стороной, препятствующей «святому делу борьбы со схизмой». Кроме того, от короля Сигизмунда шли обвинения ее в тайном покровительстве чешским гуситам, которые польские послы в Базеле, впрочем, упорно отрицали. Обратной стороной стал тот факт, что униатская и гуситская тематика для Базельского собора в этот момент соединились. Позднее это станет причиной гневной реакции греков.

В самом деле, поддержка инициативы Свидригайло побуждала Базельский собор выходить на переговоры и с Византией, которые тогда уже вел папа и считал их своей исключительной прерогативой. Используя повод для начала таких переговоров, предоставленный литовским князем, в Базеле руководствовались и своими соображениями. Принимая переговоры с Константинополем на себя, Базельский собор лишал понтифика возможности самостоятельно созывать новый, уже гре-

ко-латинский собор: в Базеле понимали, что созыв последнего будет автоматически означать роспуск первого. Два Вселенских собора одновременно были невозможны. В связи с этим в октябре 1431 г. Базельский собор рекомендовал папе обратиться к польскому королю Владиславу II и литовскому князю Свидригайло с призывом прекратить их взаимную вражду и начать переговоры о церковной унии (*ad reducendum Ruthenos*) именно с собором [21, S. 89]. Одновременно шла речь и о том, чтобы аналогичное приглашение папа отправил византийскому императору Иоанну VIII Палеологу (1425–1449), так как без участия Византии такие переговоры не могли иметь смысла. Но результат оказался обратный ожидаемому: через два месяца папа попытался распустить Базельский собор именно под тем предлогом, что для церковной унии с греками он созывает новый Вселенский собор в Болонье. Попытка распустить неудобный ему собор не удалась. В Базеле отказали папе в этом праве, а на выдвинутое им основание для роспуска председатель собора кардинал Чезарини якобы ответил, что «уния с греками – старая песня, которую поют уже триста лет и каждый год» (*ista cantilena de grecis iam tricentis annis duravit et omni anno renovatur*) [25, p. 105].

Польша извлекла определенную выгоду из сложившейся ситуации. Пока понтифик не отозвал свое решение (до декабря 1433 г.), она могла без ущерба своей репутации игнорировать Базельский собор и его политику в вопросе о схизме, которая работала в тот момент на имидж Свидригайло и его союзников – короля Сигизмунда и ордена. Идеологически союз этих трех сторон выступал на Базельском соборе как сила, которая стоит на страже интересов церкви, заключающихся в борьбе со схизмой Востока и с ересью гуситов. За это время польский ставленник Сигизмунд Кейстуович, сумевший укрепиться на части территории Литвы, использовал более прагматичное средство. В октябре 1432 г. им были пожалованы привилегии православной аристократии Великого княжества Литовского, значительно уравнивающие ее в политических правах с католиками. Таким образом, потенциальная привлекательность церковной унии для нее сильно обесценилась. Противо-

положной стороне в этой ситуации оставалось только показать, что православные в Литве, напротив, заинтересованы в унии, и предпринять шаги к реальному ее исполнению. Эти шаги, однако, требовали от собора перейти к прямым переговорам с Константинополем в обход курии, так как два года между Базельским собором и папой Евгением IV, объявившим о его роспуске, сохранялись отношения взаимного непризнания. В результате в январе 1433 г. из Базеля в Византию отправилось первое посольство. Самим же грекам вскоре предстояло узнать, что обсуждать эту тему отныне можно не только с папой. Между Базелем и Константинополем начались контакты. 14 июля 1434 г. с византийскими послами Базельский собор заключил договор о практической подготовке унии церковью [13, S. 478–482]. Примечательно, что в преамбулу к договору тогда попала формулировка о намерениях собора завершить «старый раскол с греками и новый – с богемами» (*recens Bohemorum antiquumque Grecorum dissidium prorsus extinguere*). Эта оговорка, приравнивавшая византийцев к еретикам-гуситам, впоследствии сильно возмутила императора и патриарха, потребовавших переписать текст. Дипломаты из Базеля оправдывались, списывая все на случайность, но едва ли это было так. Сказанное выше скорее указывает на следы той пропаганды, которая в то время задавала саму проблему церковной унии в Базеле в интересах коалиции Свидригайло, короля Сигизмунда и ордена.

Параллельно контактам с Базельским собором со стороны князя Свидригайло были приняты меры, которые должны были продемонстрировать якобы реальное стремление к унии в западнорусских землях. В марте 1433 г., через два месяца после отъезда базельского посольства в Константинополь, собору было адресовано послание из Витебска. Шестнадцать представителей местной православной знати выражали поддержку намерениям своего князя объединить греческую и римскую церкви. Политический мотив этих намерений прозвучал в письме к собору от магистра Тевтонского ордена: в нем утверждалось, что для победы над схизмой Свидригайло нуждается в поддержке своих прав на Литву. Оба послания были зачитаны в Базеле в июне 1433 года.

Еще через месяц обращение к собору направил из того же Витебска сам литовский князь, хотя оно достигло его только в декабре [17, S. 124–125]. За это время ситуация успела перемениться. В конце 1433 г. Польша вынудила орден заключить с ней двенадцатилетнее Ленчицкое перемирие, по которому он расторг союз с Свидригайло. Хотя оно не было признано германским королем Сигизмундом Люксембургом и поэтому не вступило в силу, для Польши это была дипломатическая победа. Политическая ответственность за продолжение конфликта теперь была на ее противниках. Позиции Свидригайло в Литве на этом фоне тоже слабели. Вдобавок ему уже было трудно укреплять свой имидж пропагандой приверженности делу церковной унии: с 1434 г. главным партнером для Базельского собора в переговорах по этому вопросу могла быть только Византия, а не Литва. О шаткости его положения свидетельствовал заговор, который закончился жестокой расправой князя над киевским митрополитом Герасимом (1433–1435) [1, с. 137]. Это лишь сильнее оттолкнуло от него православную знать. Наконец, в сентябре 1435 г. его армия, негласно укрепленная тевтонцами, была разгромлена поляками и их литовскими союзниками в битве у Вилькомира. Свидригайло навсегда бежал из Литвы, проиграв своему сопернику князю Сигизмунду Кейстутовичу, а орден был вынужден заключить с Польшей Брест-Куявский мирный договор (декабрь 1435 г.).

С 1435 г. литовский фактор больше не участвовал в решении вопроса о церковной унии на Базельском соборе. Но начатые во многом под его влиянием переговоры с Византией собор не мог прекратить, так как изменившийся международно-политический контекст включил новые факторы. Исход междоусобицы в Литве и результаты польско-тевтонской войны подвели итог неудачным попыткам короля и императора Сигизмунда Люксембурга с помощью ордена и Свидригайло расколоть федерацию Польши и Великого княжества Литовского. Этим наносился удар по его позициям в Восточной Европе, которые и без того были шаткими. Не сумев решить на Базельском соборе задачи своей региональной политики, Сигизмунд начал терять влияние на его решения в других вопро-

сах. В результате начала разрушаться создаваемая им прежде система отношений на западе континента. В 1435 г. при посредничестве Базельского собора был заключен Аррасский договор, завершивший во Франции войну между короной и герцогом Бургундским. Этот договор официально лишил Сигизмунда влияния на французского короля и ослабил позиции империи в непростых отношениях с Бургундией [6, с. 46]. На этом фоне важнейший поворот происходил и в такой ключевой сфере, как отношения с Венецией. Многолетнее противостояние в 1435 г. закончилось подписанием мира, основанного на уступках морской республике. Мирный договор подразумевал также заключение союза этих сторон против турок [9, S. 41]. Необходимость в таком союзе назревала уже давно, но интересы торговой политики и связанного с империей купеческого капитала долгое время оказывались выше нее. Возможно, перелом начался уже после 1430 г., когда турки отвоевали у венецианцев Фессалонику и начали угрожать не только ее позициям в Далмации, но и Белграду, который прикрывал подступы к Венгрии, являвшейся фамильным владением Сигизмунда [22, р. 370–371]. Примирение короля с Венецией в свою очередь происходило при посредничестве папы Евгения IV, тоже венецианца по происхождению, который в 1433 г. короновал его, наконец, императорской короной. В ответ Сигизмунд убедил Базельский собор прекратить раскол с понтификом, возникший в 1432 г. из-за попытки роспуска. Но этим же он отделился от немецких курфюрстов, которым независимый от папы собор был выгоден для проведения церковной реформы. В дальнейшем Базельский собор и будет искать поддержку среди них.

Вышеизложенные факты опосредованно касались переговоров о греко-латинской унии на Базельском соборе. В совокупности они означали ослабление роли имперской политики на Западе, которую тогда представлял Сигизмунд Люксембург. Последующий исход Базельского собора, означавший крах соборного движения за церковную реформу, сопровождался подрывом института империи как носителя универсалистских функций наряду с папством [8, S. 577]. Правление Люксембурга демонстрирует его тем, что с середины

1430-х гг. он окончательно поменял приоритеты: интересы венгерской короны значили для него теперь больше императорской. Его союз с Венецией требовал от него лояльной политики по отношению к папе и отказа от безоговорочной поддержки Базельского собора, что лишь ускорило потерю контроля над ним. Это заметно отразилось на ситуации в Италии. Папство, выходящее из-под влияния императорской короны, политически сближалось с Венецией, против которой выступали Генуя и Милан, причем в отношении итальянских государств на стороне последних активно начала входить Франция. В 1437 г. уже можно было говорить о складывании двух коалиций: императора Сигизмунда, Венеции, Флоренции и папы, с одной стороны, и коалиции Франции, Милана и Генуи – с другой. Базельский собор стал первым местом столкновения их интересов [19, S. 259–264]. Поводом стал как раз вопрос об унии с греками. Поэтому в ходе переговоров, которые собор уже вел с Византией, новые векторы международных отношений в Европе вызвали кризис по безобидному, на первый взгляд, вопросу – о выборе места встречи латинской и греческой сторон [2, с. 106–123; 20, S. 626–638]. Здесь столкнулись интересы не Византии и Запада как единого субъекта, а позиции нескольких субъектов внутри западного политического мира.

Условие греков было только в том, что местом заключения унии не может стать сам Базель, так как для этого собор должен быть созван заново согласно древним, а не принятым в западной церкви канонам. С этим западная сторона переговоров согласилась, но раскололась в выборе вариантов. Анализ этих вариантов как раз и соответствовал вышеупомянутой перестановке в европейской политике. Во-первых, инициатива шла от императора Сигизмунда, который уже отдалился от Базельского собора и не имел прежнего влияния в нем, но еще пытался дистанцироваться от папы и укрепить свои позиции посреднической функцией между собором и понтификом. Этим объясняется его предложение сделать свою столицу Буду местом проведения Вселенского греко-латинского собора. Современный немецкий специалист по истории церковных соборов Й. Хельмрат обратил внимание, что до этого важнейшие в XV в. соборы

считались политическим успехом Сигизмунда как императора именно потому, что они состоялись в имперских городах – Констанце и Базеле [20, S. 615]. На контрасте с этим Буда явно подчеркивала скорее его статус как венгерского короля. Но зато это была уступка папе, для которого «имперские» церковные соборы не могли не ассоциироваться с реформой церкви, ведущей к ограничению политического значения папства.

Во-вторых, Буда была альтернативой другому неожиданно появившемуся варианту – французскому Авиньону. Этот вариант объединил интересы противоположной коалиции. В Италии ее представлял Милан, направленный против Венеции, а за Альпами – французская корона в противовес империи. Здесь обращает на себя внимание, что за Авиньон проголосовали не только французская, но и германская так называемые нации на Базельском соборе, составившие его большинство. Это свидетельствовало о сильной оппозиции Сигизмунду в империи со стороны князей. Показательны и те идеологические аргументы, с которыми Сигизмунд и его сторонники протестовали против выбора Авиньона. В письме к курфюрстам в 1437 г. он заявлял, что французы якобы затевают Вселенский собор в своем городе, чтобы устроить повторное «авиньонское пленение пап», а вместе с папами готовятся перенести к себе императорскую корону, отняв ее у немцев [14, S. 235–236]. Если отвлечься от формы этих обвинений, то за ней просматривается поражение имперской политики Сигизмунда в Европе, берущее начало еще на Констанцском соборе. Через несколько лет это закончится тем, что император Фридрих III (1440–1493) уже как обычный территориальный правитель, подобно князьям, заключит с папой так называемый Венский конкордат (1448 г.) о разграничении прав в церкви и окончательно закроет тему церковной реформы, поднятую однажды соборами в Констанце и Базеле [8, S. 576].

Третьей альтернативой в выборе места для униатского собора была Италия. Проголосовавшая за нее меньшая часть Базельского собора в результате вышла из него, позволив тем самым папе объявить созыв нового собора для встречи с греками. В выборе Италии были заинтересованы как сам папа,

так и его главный на тот момент политический союзник – Венеция. С учетом того, что политика императора Сигизмунда строилась теперь на компромиссе с ними, его вариант с венгерской Будой едва ли мог соперничать с этим. Местом собора в итоге стала Феррара, а затем – Флоренция. Одним из современников, кто сумел оценить происходившее тогда под видом борьбы за Вселенский греко-латинский собор, был Эней Сильвий Пикколomini (будущий папа Пий II, 1458–1463). В письме к императору Сигизмунду он уверял, что собор в Италии нужен гвельфам – врагам империи на итальянской земле. По его словам, он был выгоден и венецианцам в их стремлении подчинить своему влиянию и папский престол, и империю [16, р. 63–65]. Автор тем самым ясно заметил, что связь империи с папством основана на универсализме обоих институтов и без этой связи они оба его и потеряют. Его взгляд вскоре подтвердился. Поддержка венецианцев была для папы принципиально важной после того, как его сторонники в Базеле спровоцировали раскол по вопросу о выборе места для униатского собора. Борьба закончилась в Константинополе в 1437 г., куда почти одновременно успели прибыть корабли из Венеции и Авиньона. Первые действовали от лица папы, вторые – от имени Базельского собора, низложившего его своим решением. Как известно, в выигрыше оказались итальянцы. Византийцы не представляли себе унию на Вселенском соборе, который не будет признан папой. Формально они сделали свой выбор, но такое решение было им навязано международной ситуацией на Западе, в создании которой они не участвовали.

Результаты. Вопрос о греко-латинской церковной унии в Констанце и Базеле возник не из двусторонних отношений Византии и Запада, а как один из инструментов международной политики на Западе, субъектом которой Византия не являлась. Результаты именно этой политики во многом и зафиксировал Ферраро-Флорентийский собор. В политическом отношении он продемонстрировал разобщенность Запада и прежде всего падение значимости императорской власти как политического института, который во многом держался на ее способности контролировать Италию и папство. Не подкрепленный ее ав-

торитетом этот собор, в отличие от соборов в Констанце и Базеле, имел ограниченное признание в самой Италии и совсем не получил его севернее Альп [24]. Эволюция института империи вскоре стала одним из признаков меняющейся архитектуры международных отношений позднего Средневековья [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Греков, И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. / И. Б. Греков. – М. : Изд-во вост. лит., 1963. – 376 с.
2. Пашкин, Н. Г. Византия в европейской политике первой половины XV в. (1402–1438) / Н. Г. Пашкин. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. – 238 с.
3. Пашкин, Н. Г. Падение Константинополя и кризис идеологии имперского универсализма на латинском Западе / Н. Г. Пашкин // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 14, № 2 (102). – С. 109–117.
4. Пашкин, Н. Г. Греко-латинская уния на Констанцском соборе в зеркале польско-тевтонских отношений / Н. Г. Пашкин // Античная древность и Средние века. – 2015. – Вып. 43. – С. 320–328. – DOI: <https://doi.org/10.15826/adsv.2015.43.019>.
5. Пашкин, Н. Г. Османское «междоусобице» 1402–1413 гг. : международно-политический аспект / Н. Г. Пашкин // Античная древность и Средние века. – 2018. – Вып. 46. – С. 225–240. – DOI: <https://doi.org/10.15826/adsv.2018.46.015>.
6. Черкасов, Д. Н. Аппасский договор 1435 г. в истории дипломатии Столетней войны / Д. Н. Черкасов // Журнал международного права и международных отношений. – 2012. – № 4. – С. 43–48.
7. Acta Concilii Constanciensis / ed. H. Finke. – Münster : Druck und Verlag der Regensburgschen Buchhandlung, 1896. – 444 S.
8. Angermeier, H. Das Reich und der Konziliarismus / H. Angermeier // Historische Zeitschrift. – 1961. – Bd. 192. – S. 541–584.
9. Baum, W. Europapolitik im Vorfeld der Frühen Neuzeit : König und Kaiser Sigismund vom Hause Luxemburg, Ungarn, Byzanz und der Orient / W. Baum // Europa in der Frühen Neuzeit. Bd. 1. Vormoderne / hrsg. von E. Donnert. – Weimar : Verl. Böhlau, 1997. – S. 13–41.
10. Boockmann, H. Zur politischen Geschichte des Konstanzer Konzils / H. Boockmann // Zeitschrift für Kirchengeschichte. – 1974. – Bd. 85. – S. 45–63.
11. Brandmüller, W. Das Konzil von Konstanz. Bd. 2. Bis zum Konzilsende / W. Brandmüller. – Paderborn : Schöningh, 1997. – 429 S.
12. Codex epistolaris Vitoldi Magni ducis Lithuaniae, 1376–1430 / ed. by A. Prochaka. – Krakow : Academia Literarum, 1882. – 1113 p.

13. Dekrete der ökumenischen Konzilien. Bd. 2. Konzilien des Mittelalters / hrsg. von J. Wohlmut. – Paderborn : Schöningh, 2000. – 655 S.
14. Deutsche Reichstagsakten / hrsg. von G. Beckmann. – Gotha : Friedrich Andreas Perthes, 1957. – 427 S.
15. Dölger, F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565 bis 1453. T. 5/F. Dölger. – München ; Berlin : Verl. C.H. Beck, 1965. – 138 S.
16. Enea Silvio Piccolomini. Opera inedita / ed. by J. Cugnoni. – Roma : Accademia Nazionale dei Lincei, 1883. – 371 p.
17. Forstreuter, K. Der Deutsche Orden und die Kirchenunion während des Basler Konzils / K. Forstreuter // *Annuaire Historiae Conciliorum*. – 1969. – Vol. 1. – S. 114–139.
18. Heimpel, H. Zur Handelspolitik Kaiser Sigismunds / H. Heimpel // *Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. – 1930. – Vol. 23. – S. 145–156.
19. Helmuth, J. Das Basler Konzil 1431–1449 : Forschungsstand und Probleme / J. Helmuth. – Köln : Böhlau, 1987. – 656 S.
20. Helmuth, J. Locus Concilii. Die Ortswahl für Generalkonzilien vom IV Lateranum bis Trient / J. Helmuth // *Annuaire Historiae Conciliorum*. – 1995/1996. – Vol. 27/28. – S. 593–662.
21. Jablonowski, H. Westrussland zwischen Wilna und Moskau: Die politische Stellung und die politischen Tendenzen der russischen Bevölkerung des Grossfürstentums Litauen im 15. Jh. / H. Jablonowski. – Leiden : E. J. Brill, 1955. – 167 S.
22. Kissling, H. J. Venedig und der islamische Orient bis 1500 / H. J. Kissling // *Venezia e il Levante fino al secolo XV*. Vol. 1 / ed. by A. Pertusi. – Firenze : Olschki, 1973. – P. 361–387.
23. Leidl, A. Die Einheit der Kirchen auf den spätmittelalterlichen Konzilien: von Konstanz bis Florenz / A. Leidl. – Paderborn : Verl. Bonifacius-Druckerei, 1966. – 233 S.
24. Meuthen, E. Eugen IV, Ferrara-Florenz und der lateinische Westen / E. Meuthen // *Annuaire Historiae Conciliorum*. – 1990. – Bd. 22. – S. 219–233.
25. Monumenta Conciliorum Generalium saeculi decimi quinti. Bd. 2 / ed. F. Palacký. – Wien : Typ. Aulæ et Status, 1873. – 1224 p.
26. Schiff, O. König Sigismunds italienische Politik bis zur Romfahrt (1410–1431) / O. Schiff. – Frankfurt/M : Verl. von Joseph Bauer, 1909. – 155 S.
27. Schoenstedt, F. König Siegmund und die Westmächte 1414–1415 / F. Schoenstedt // *Die Welt als Geschichte*. – 1954. – Bd. 14. – S. 149–164.
28. Stromer, W. Landmacht gegen Seemacht. Kaiser Sigismunds Kontinentalperre gegen Venedig, 1412–1433 / W. Stromer // *Zeitschrift für historische Forschungen*. – 1995. – Bd. 2. – S. 145–187.

REFERENCES

1. Grekov I.B. *Ocherki po istorii mezhdunarodnykh otnosheniy Vostochnoy Evropy XIV–XVI vv.* [Essays on the History of International Relations in Eastern Europe of the 14th–16th Centuries]. Moskva, Izd-vo vost. lit. Publ., 1963. 376 p.
2. Pashkin N.G. *Vizantiya v evropeyskoy politike pervoy poloviny XV v. (1402–1438)* [Byzantium in the European Politics of the First Half XVth Century (1402–1438)]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2007. 238 p.
3. Pashkin N.G. Padenie Konstantinopolya i krizis ideologii imperskogo universalizma na latinskom Zapade [The Fall of Constantinople and the Crisis of Imperial-Universal Ideology in the Latin West]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts], 2012, vol. 14, no. 2 (102), pp. 109–117.
4. Pashkin N.G. Greko-Latinskaya uniya na Konstantsskom sobore v zerkale polsko-tevtonskikh otnosheniy [Greek-Latin Union at the Council of Constance in the Mirror of Polish-Teutonic Relations]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2015, vol. 43, pp. 320–328. DOI : <https://doi.org/10.15826/adsv.2015.43.019>.
5. Pashkin N.G. Osmanskoye «mezhdutsarstvie» 1402–1413 gg.: mezhdunarodno-politicheskiy aspekt [Ottoman “Interregnum” in 1409–1413: The International Aspect]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2018, vol. 46, pp. 225–240. DOI : <https://doi.org/10.15826/adsv.2018.46.015>.
6. Cherkasov D.N. Arrasskiy dogovor 1435 g. v istorii diplomatii Stoletney voyny [The Treaty of Arras of 1435 in the History of Diplomacy of the Hundred Years’s War]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy* [Journal of International Law and International Relations], 2012, no. 4, pp. 43–84.
7. Finke H., ed. *Acta Concilii Constanciensis*. Münster, Druck und Verlag der Regensburgschen Buchhandlung, 1896. 444 p.
8. Angermeier H. Das Reich und der Konziliarismus. *Historische Zeitschrift*, 1961, vol. 192, pp. 541–584.
9. Baum W. Europapolitik im Vorfeld der Frühen Neuzeit: König und Kaiser Sigismund vom Hause Luxemburg, Ungarn, Byzanz und der Orient. Donnert E., ed. *Europa in der Frühen Neuzeit. Vol. 1: Vormoderne*. Weimar, Verl. Böhlau, 1997, pp. 13–41.
10. Boockmann H. Zur politischen Geschichte des Konstanzer Konzils. *Zeitschrift für Kirchengeschichte*, 1974, vol. 85, pp. 45–63.
11. Brandmüller W. *Das Konzil von Konstanz. Vol. 2 : Bis zum Konzilsende*. Paderborn, Schöningh, 1997. 429 p.

12. Prochaka A., ed. *Codex epistolaris Vitoldi Magni ducis Lithuaniae, 1376–1430*. Krakow, Academia Literarum, 1882. 1113 p.

13. Wohlmuth J., ed. *Dekrete der ökumenischen Konzilien. Vol. 2: Konzilien des Mittelalters*. Paderborn, Schöningh, 2000. 655 p.

14. Beckmann G., ed. *Deutsche Reichstagsakten*. Gotha, Friedrich Andreas Perthes, 1957. 427 p.

15. Dölger F. *Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565 bis 1453. T. 5*. München; Berlin, Verl. C.H. Beck, 1965. 138 p.

16. Cugnoni J., ed. *Enea Silvio Piccolomini. Opera inedita*. Roma, Accademia Nazionale dei Lincei, 1883. 371 p.

17. Forstreuter K. Der Deutsche Orden und die Kirchenunion während des Basler Konzils. *Annuario Historiae Conciliorum*, 1969, vol. 1, pp. 114-139.

18. Heimpel H. Zur Handelspolitik Kaiser Sigismunds. *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, 1930, vol. 23, pp. 145-156.

19. Helmrath J. *Das Basler Konzil 1431–1449: Forschungsstand und Probleme*. Köln, Böhlau, 1987. 656 p.

20. Helmrath J. Locus Concilii. Die Ortswahl für Generalkonzilien vom IV Lateranum bis Trient. *Annuario Historiae Conciliorum*, 1995/1996, vol. 27/28, pp. 593-662.

21. Jablonowski H. *Westrussland zwischen Wilna und Moskau: die politische Stellung und die politischen Tendenzen der russischen Bevölkerung des Grossfürstentums Litauen im 15. Jh.* Leiden, E. J. Brill, 1955. 167 p.

22. Kissling H.J. Venedig und der islamische Orient bis 1500. Pertusi A., ed. *Venezia e il Levante fino al secolo XV. Vol. 1*. Firenze, Olschki, 1973, pp. 361-387.

23. Leidl A. *Die Einheit der Kirchen auf den spätmittelalterlichen Konzilien: von Konstanz bis Florenz*. Paderborn, Verl. Bonifacius-Druckerei, 1966. 233 p.

24. Meuthen E. Eugen IV, Ferrara-Florenz und der lateinische Westen. *Annuario Historiae Conciliorum*, 1990, vol. 22, pp. 219-233.

25. Palacký F., ed. *Monumenta Conciliorum Generalium saeculi decimi quinti. Bd. 2*. Wien, Typ. Aulae et Status, 1873. 1224 p.

26. Schiff O. *König Sigmonds italienische Politik bis zur Romfahrt (1410–1431)*. Frankfurt/M, Verl. von Joseph Bauer, 1909. 155 p.

27. Schoenstedt F. König Siegmund und die Westmächte 1414–1415. *Die Welt als Geschichte*, 1954, vol. 14, pp. 149-164.

28. Stromer W. Landmacht gegen Seemacht. Kaiser Sigismunds Kontinentalsperre gegen Venedig, 1412–1433. *Zeitschrift für historische Forschungen*, 1995, vol. 2, pp. 145-187.

Information About the Author

Nikolai G. Pashkin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of the History of the Ancient World and Middle Ages, Ural Federal University, Prosp. Lenina, 51, 620083 Yekaterinburg, Russian Federation, ngpaschkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0615-568X>

Информация об авторе

Николай Геннадьевич Пашкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков, Уральский федеральный университет, просп. Ленина, 51, 620083 г. Екатеринбург, Российская Федерация, ngpaschkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0615-568X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.23>

UDC 94“04/14”(049.32)

LBC 63.3(0)4-91я1

Submitted: 01.07.2020

Accepted: 03.11.2020

**RIDDLES OF THE TEXT OF AN EARLY BYZANTINE HISTORIAN
(Book Review: Priscus Panita. Excerpta et fragmenta / ed. by P. Carolla. –
Berolini ; Novi Eboraci : Walter de Gruyter, 2017. – XLVIII, 140 p.)**

Alexander S. Kozlov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The publication is a review of the critical edition of the preserved fragments of the Early Byzantine intellectual and diplomat Priscus Panita's historical work who presented first of all unique information about the nature of international relations in the Eastern Mediterranean and in Europe at the time of increasing threats to the Eastern and Western Roman empires from the barbarians. **Analysis.** Italian scholar, philologist, and archaeographer P. Carolla who, unlike many of her predecessors, involved all the codices containing excerpts from the writings of Priscus for the publication, primarily confirmed the concept of her teacher, F. Bornmann, about the authenticity of texts related to the work of Priscus, but contained in the works created under control of the 10th-century emperor Constantine VII. The result of the presentation of these fragments is a logical series of formally separate texts which is based on a perfectly developed stem. This kind of classical archaeographic technique is supplemented by approaches different in their effectiveness to the publication of excerpts whose affiliation to the Priscus' pen is not indisputable. The review notes that this kind of technique would have been more successful if Carolla had accompanied the published texts with a commentary on their content. But there are no such comments, but only some attempts to indicate that a number of passages belong to Priscus as an author. This approach impoverishes publisher's archaeographic finds and is methodologically flawed. The disadvantages of such methods of publication are illustrated in the review by examples of hypothetical dependence of the corresponding "Hunnish" passages of the most famous historian of the 6th-century Byzantium Procopius of Caesarea on the texts of Priscus. **Results.** In general, however, the publication undertaken by Carolla not only presents well-organized topical texts to specialists, allowing them to expand the possibilities of studying the transition from Antiquity to the Middle Ages, but also gives an additional impetus to improving the methodology of Byzantine archaeography.

Key words: Early Byzantium, Early Byzantine historiography, Priscus Panita, Byzantine archaeography, publication of Byzantine sources.

Citation. Kozlov A.S. Riddles of the Text of an Early Byzantine Historian (Book Review: Priscus Panita. Excerpta et fragmenta / ed. by P. Carolla. – Berolini ; Novi Eboraci : Walter de Gruyter, 2017. – XLVIII, 140 p.). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 285-291. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.23>

ЗАГАДКИ ТЕКСТА РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ИСТОРИКА
(Рец. на кн.: Priscus Panita. Excerpta et fragmenta / ed. by P. Carolla. –
Berolini ; Novi Eboraci : Walter de Gruyter, 2017. – XLVIII, 140 p.)

Александр Сергеевич Козлов

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Публикация представляет собой рецензию на критическое издание сохранившихся фрагментов исторического труда ранневизантийского интеллектуала и дипломата Приска Панийского, презентовавшего прежде всего уникальные сведения о характере международных отношений в Восточном Средиземноморье и в Европе во времена нарастания угроз Восточной и Западной Римским империям со стороны варваров. Привлекая для публикации, в отличие от многих своих предшественников, все кодексы, содержащие отрывки из сочинения Приска, итальянская исследовательница, филолог и археограф П. Каролла прежде всего подтвердила концепцию своего учителя, Ф. Борнманна, об аутентичности текстов, соотносимых с сочинением Приска, но содержащихся в трудах, созданных под руководством императора X в. Константина VII. Результатом презентации этих фрагментов становится логичный ряд формально отдельных текстов, в основе которого находится безупречно разработанная стемма. Такого рода классическая археографическая методика дополняется разными по степени эффективности подходами по приобщению к изданию эксцерптов, чья принадлежность перу Приска не бесспорна. В рецензии отмечается, что такого рода методика была бы успешнее, если бы Каролла сопровождала публикуемые тексты комментарием их содержания. Но таких комментариев нет, есть лишь отдельные попытки указаний на сомнительность принадлежности ряда пассажей Приску как автору. Такой подход обедняет археографические находки издателя и методологически небезупречен. Недостатки подобных приемов издания иллюстрируются в рецензии примерами гипотетической зависимости от текстов Приска соответствующих «гуннских» пассажей самого знаменитого историка Византии VI в. Прокопия Кесарийского. В целом, однако, предпринятое Кароллой издание не только презентует специалистам добротные организованные актуальные тексты, позволяющие расширить возможности изучения перехода от Античности к Средневековью, но также дает дополнительный импульс к совершенствованию методики византиноведческой археографии.

Ключевые слова: Ранняя Византия, ранневизантийская историография, Приск Панийский, византиноведческая археография, издание византийских источников.

Цитирование. Козлов А. С. Загадки текста ранневизантийского историка (Рец. на кн.: Priscus Panita. Excerpta et fragmenta / ed. by P. Carolla. – Berolini ; Novi Eboraci : Walter de Gruyter, 2017. – XLVIII, 140 p.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 285–291. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.23>

Введение. Осуществляемое с помощью новейших археографических методик издание наследия Приска Панийского, одного из самых актуальных для реконструкции международных отношений в Европе и на Ближнем Востоке V в., – задача тяжелая в силу сложности эвристики материала в разнородных кодексах [1, р. 19–22; 4, р. 290–291; 10, р. VII–X]. Но, как известно, труд Приска – это захватывающий рассказ о власти и интригах в позднеантичной Византии, о ее отношениях с державой гуннов, царя которых, Атиллу, Приск посещал в составе дипломатичес-

кой миссии. Мало того, и поныне многие политики, интеллектуалы и просто интересующиеся находят в строках Приска уникальные сведения о корнях ряда народов Центральной и Юго-Восточной Европы, Ближнего Востока и Северной Африки [7, р. 146–160]. Для филологов-классиков эти тексты заполняют пробелы в конструировании точного археографического аппарата и аутентичной презентации *stemma codicum* [10, р. XVII]. Основная трудность в том, что фрагменты «Истории» Приска разбросаны по разнородным по жанру и сохранности византийским сочинениям и мно-

гие из этих отрывков сложно соотнести с наследием Панийца.

Анализ. Довольно быстрое (для Тойбнеровской серии) переиздание дошедших до нас фрагментов исторического труда (Ἰστορία Βυζαντιακή καὶ τὰ κατ' Ἀττήλαν) автора, чиновника и дипломата V в.¹ подчеркивает устойчивую востребованность в критическом, сделанном по всем современным правилам компендиуме всех известных списков этого уникального сочинения. Как известно, до недавних пор специалисты вынуждены были пользоваться изданиями фрагментов Приска, выполненными прежде всего К. Мюллером (1851, 1870 гг.) и Л. Диндорфом (1870 г.), не включавшими все сохранившиеся codices. То же самое касалось изданий эксцерптов из сочинений Константина Багрянородного, в составе которых отрывки из Ἰστορία Βυζαντιακή находились в первую очередь. В 1979 г. специалисты, однако, получили издание Ф. Борнманна (впервые включившее в себя все известные эксцерпты Приска, содержащиеся в книгах Константина VII и бытующие вне их, а также соответствующие разделы из «Суды»), а в 1981 г. – издание Р. Блокли, вобравшее в себя, кроме всего прочего, тексты из сочинений других грекоязычных историков, прямо или косвенно восходивших к традиции Панийца [3]. Особо следует отметить, что Блокли, расположив фрагменты из труда Приска по-своему, придал новый взгляд на композицию Ἰστορία Βυζαντιακή. Смущающим моментом, однако, стало то, что в некоторых случаях английский историк расчленил эксцерпты Константина VII на отдельные части.

П. Каролла, издавая фрагменты исторического сочинения Приска (его риторические изыскания и письма до нас не дошли), по сути продолжает работу своего учителя Ф. Борнманна и прежде всего его концепцию относительно достоверности собраний эксцерптов, презентуемых Константином VII как аутентичные тексты [10, р. VII]. Исследовательница исходит из того, что компиляторы крайне незначительно перерабатывали свои протографы, заботясь о сохранении текста оригинала [10, р. XXXII]. Посему, по ее мнению, выписка отдельных мест из текста Панийца в целом была проделана весьма корректно. Однако надо сказать, что в качестве аргумента на сей счет она

привлекает и сообщения «Гетики» Иордана, для которых Приск был источником, хотя называть подобные пассажи остготского историка «извлечениями» я бы не стал.

В самом деле, в первом (и наибольшем по объему) компендиуме издаваемых фрагментов (сюда вошли Excerpta de legationibus [10, р. 1–3]; Excerpta de insidiis [10, р. 4]; Excerpta de legationibus sequuntur [10, р. 5–80]; Excerpta incertae sedis [10, р. 81–82]) мы видим прежде всего извлечения из Excerpta de legationibus, а также два фрагмента из Excerpta de insidiis (exc. 1a–1b) Константина VII. Однако к эксцерптам Каролла относит и ряд сообщений из Иордана (например, exc. 9, 10, 17) и «Суды» (например, exc. 11). То есть в данном компендиуме оказались по соседству фрагменты весьма разного (в том числе – и авторского, и жанрового) происхождения. Как их можно было поместить в разделе, однозначно сопряженном с именем Константина VII (Excerpta de legationibus), непонятно. Кроме того, таким методом под именование эксцерптов из Константина VII оказываются подведены как подлинные извлечения из трудов Константина VII, так и фрагменты, восходящие к собственно сочинению Приска.

Первый компендиум издания заполнили 49 эксцерптов (в соответствии с нумерацией Кароллы – exc. 1–49). Поскольку итальянская исследовательница использует все сохранившиеся рукописи, содержащие эксцерпты Константина VII, ею презентуется весьма аутентичный текст, сопровождаемый подробным критическим аппаратом, в основу которого положена добротная реконструированная стемма. Хотя нумерация эксцерптов содержит элементы сумбура. В частности, имеют место четыре эксцерпта (!) под номером 1, относящиеся к разным текстам [10, exc. 1, exc. 1.1, exc. 1a, exc. 1b]. Эксцерпты 1 и 1.1 (идентичны с fr. 2 издания Блокли [4, fr. 2]) касаются царя гуннов Руа, то есть речь в данном случае, скорее, идет об одном (и единственном на этот счет) фрагменте (так полагает и Блокли). Но при этом под номером exc. 1 оказываются два совершенно разных по содержанию фрагмента – об осадах Новидумума [10, exc. 1a = 4. fr. 5] и Наисса [10, exc. 1b = 4. fr. 6.2]. Стоит учесть, что литерами «а» и «b» скорее обозначают альтернатив-

ные версии одного и того же текста, а не два разных текста (в данном случае предпочтительнее очередность, предлагаемая Блокли: fr. 5 и fr. 6.2).

Второй компендиум издания презентует фрагменты *Fragmenta dubia* [10, p. 83–111]. Цифровые обозначения этих пассажей даны с учетом нумерации фрагментов, содержащихся в предыдущем разделе, то есть с fr. 50 по fr. 83. Смена терминологии при именовании нового раздела понятна, но оптимальным решением для реализации целей издания не является. Как и вытекает из названия раздела, в него входят тексты из самых разных трудов, с разной степенью вероятности восходящие к Приску. По большей части отдельные фрагменты этого ряда уже нашли место в изданиях Борнманна и Блокли, и абсолютно новые находки такого рода для идентификации с текстами Приска можно считать редкостью. Но некоторые фрагменты, которые Блокли считает текстами Приска, Каролла отклоняет – например, fr. 3.1. Поскольку издание Кароллы не имеет комментария (как и другие издания Тойбнеровской серии), то сохраняются вопросы о причинах принятия во внимание одних фрагментов и отклонения других. Издание Кароллы содержит прекрасные *indices nominum*, *locorum* и *fontium fragmentorum dubiorum*, но в нем нет необходимого *comparatio numerorum*, который мог бы облегчить сравнение отдельных мест издания с изданиями Борнманна и Блокли.

Формат рецензии не позволяет обсудить все изданные Кароллой фрагменты, но уместен ряд наблюдений по поводу возможных выводов из их содержания, проистекающих, в том числе, из методики издательской презентации некоторых фрагментов². Новейший же научный комментарий к *Ἱστορία Βυζαντιακή*, как и прежде, остается благим пожеланием.

Прежде всего интересны заслужившие внимание Борнманна (но не Блокли) те места текста, которые относятся к описанию дипломатической деятельности на Востоке магистра войск Анатолия [9, p. 84–86]. В частности, два повествующих об Анатолии пассажа, содержащиеся в «Войне с персами» Прокопия Кесарийского и в «Хронографии» Феофана, вполне могли проистекать из сочинения Панийца [9, p. 85; 10, fr. 54, 59]. Спорно толь-

ко, что fr. 54 говорит о событиях 428 г., но нет гарантий, что *Ἱστορία Βυζαντιακή* вообще охватывала то время. В целом же обилие деталей в обоих фрагментах явно указывает на информированность и компетентность автора протографа, которого вполне можно идентифицировать с Приском.

Напротив, весьма сложен комплекс вопросов, связанных с fr. 66b. Каролла хотя и помечает курсивом то обстоятельство, что первый пассаж фрагмента вряд ли напрямую восходит к сочинению Панийца, но, как и Блокли, цитирует целиком соответствующее место из «Войн» Прокопия, не предпринимая какого-либо источниковедческого или фактологического анализа [10, p. 94–95]. Д. Бродка предположил, что здесь мы имеем дело с двумя фрагментами из сочинения Приска. В самом деле, сообщение Прокопия, о котором идет речь [11, I, 4. 29–35], состоит из двух частей – публицистического введения [11, I, 4. 29], подчеркивающего могущество Аттилы, и сообщения о взятии гуннами Аквилеи [11, I, 4. 30–35]. Бродка полагает, что целью Прокопия в данном случае было создать впечатление об опустошении Аттилой всей Европы, ибо после гибели Аэция гуннов никто не мог остановить. Дескать, и на Западе и на Востоке склонились перед царем гуннов и платили ему трибут [11, II, 4. 29]. Такого рода констатация действительно выглядит обобщением высочайшего уровня успехов Аттилы. Прокопий, как полагает польский историк, явно работал с текстом, который завершал историю царя гуннов подобного рода резюме, а затем ошибочно увязал эту публицистику со смертью Аэция. Получается, что Прокопий исходил из идейно-политической концепции, характеризующей Аэция как последнего оплота против варваров, при жизни которого римляне еще могли сих варваров побеждать. Примечательно (и это ценное наблюдение), что Прокопий даже не пытался верифицировать эту концепцию.

По этой причине хронологическая последовательность событий в данном случае роли для него не играет – выдающийся историк VI в. игнорирует тот факт, что Аттила еще при жизни Аэция разгромил несколько важных городов Северной Италии. Более того – Прокопий почти не уделяет внимания византийс-

ко-гуннским конфликтам в трагические для империи 40-е гг. V века. Можно, конечно, полагать (как это делает Бродка), что хронологическая абберрация в сообщении Кесарийца проистекает из небрежности. Но нельзя избавиться от ощущения, что он сконструировал определенную последовательность из не связанных друг с другом подлинных событий, чтобы презентовать определенную мысль: гибель Аэция, последней надежды Запада, имела для Западной Римской империи катастрофические последствия. Подчеркивая же успехи Аттилы, Прокопий делает этот тезис еще нагляднее. Подключение историком к данному пассажиру сведений об Аттиле и взятии Аквилеи гуннами свидетельствует о литературной конструкции, в которой принцип наглядности приоритетнее достоверности. В недостоверной же констатации смерти Аэция до смерти Аттилы можно видеть две причины: а) образ Аэция как последнего оплота против варваров, б) слабые представления автора об истории гуннов. В таком случае получается, что в первой части пассажа [11, II, 4. 29] Прокопий отчасти исходит из данных исторического труда Приска или из эпитомы Приска (возможно, редакции Евстафия Эпифанейского), где описывается смерть Аттилы. Напротив, во второй части пассажа [11, II, 4. 30–35] Кесариец обращается к описанию вторжения гуннов в Италию. У Приска это сообщение явно стояло до констатации как смерти Аэция, так и смерти царя гуннов.

Итак, по Прокопию, после убийства Аэция Европа стала беззащитной и Аттила не встречал серьезного сопротивления. Рисуется яркая, драматичная картина, однако лишенная достоверности из-за хронологической абберрации. Такого рода концепция имеет сходство с толкованием тех же событий в «Хрониконе» комита Марцеллина [8, а. 454.2]. Убийство Аэция рассматривается византийским хронистом как решающий момент в истории Запада, ибо оно повлекло события, завершившиеся падением Западной Римской империи. Благодаря такому взгляду историком не нужно думать о точной хронологии, а следует сосредоточиться на соответствующей эвристике и расположении материала – для конструирования связующих линий сюжета и непротиворечивой причинно-следственной картины.

Не исключено, что концепция об Аэции как оплоте против варваров в грекоязычной традиции восходит именно к Приску. Ее следы можно обнаружить не только у Прокопия, но и у Иоанна Антиохийского. Иоанн, как известно, описал обстоятельства убийства Аэция весьма подробно. С определенными оговорками можно предполагать, что этот рассказ восходит непосредственно к Приску. Аэций назван τὸ τεῖχος τῆς... ἀρχῆς [6, fr. 293. 1, p. 292. 18–19; 10, fr. 69, p. 97. 17–18] как во фрагменте, соотносимом с сочинением Приска, так и Иоанном Антиохийским. Каролла, правда, маркируя τὸ τεῖχος τῆς... ἀρχῆς курсивом, отказывает Приску в авторстве этих слов, но без какой-либо аргументации. Обстоятельства гибели Аэция Приск преподносит довольно объективно, в прагматичных категориях. Такое описание в качестве образца использует и Иоанн. Следует, однако, учесть, что иное, скорее «романтическое», описание тех же событий, которое есть у Прокопия в *Excerpta Salmasiana* и в «Суде», также может проистекать из труда Панийца, где оно, возможно, играло роль альтернативного толкования произошедшего. Вероятнее, конечно, что такого рода редакция возникла уже в традиции после Приска.

Результаты. В целом новое издание, выполненное итальянским филологом, является серьезным вкладом в исследование не только творчества Приска Панийского, но и всей позднеантичной греческой историографической традиции. Специалисты получили добротный и надежный текст, из которого трудно изъять отдельные эксцерпты – в силу его сильной внутренней логики. Издатель предложил также в качестве гипотетически соотносимых с именем Приска несколько новых эксцерптов. Однако Каролла лишь в ограниченной мере выходит за пределы результатов более ранних исследований. Очередность эксцерптов и фрагментов не в каждом случае убедительна. То же самое относится к фрагментам, справедливо именуемым *dubia*. Поэтому издание, выполненное Кароллой, вряд ли способно полностью заменить отличное *editio* Р. Блокли. По этой же причине оно играет роль дополнительного импульса к дальнейшим изысканиям в сфере ранневизантийской светской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Первое издание вышло в 2008 году.
² О связи анализа содержания отдельных мест сочинения Панийца с установлением очередности его фрагментов см. конкретные примеры: [2; 12].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Baldwin, B. Priscus of Panium / B. Baldwin // *Byzantion*. – 1980. – No. 50. – P. 18–61.
2. Benedicty, R. Die historische Authentizität eines Berichtes des Priskos / R. Benedicty // *Jahrbuch der Österreichischen byzantinischen Gesellschaft*. – 1964. – Bd. XIII. – S. 1–8.
3. Blockley, R. C. The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. II. Text, Translation and Historiographical Notes / R. C. Blockley. – Liverpool : Francis Cairns, 1983. – 515 p.
4. Blockley, R. C. The Development of Greek Historiography : Priscus, Malchus, Candidus / R. C. Blockley // *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A.D.* / ed. G. Marasco. – Leiden, Boston : Brill, 2003. – P. 289–315.
5. Brodka, D. Attila und Aetius. Zur Priskos-Tradition bei Prokopios von Kaisareia / D. Brodka // *From Antiquity to Modern Times. Classical Poetry and Its Modern Reception. Essays in Honour of S. Stabryła* / ed. by J. Styka. – Kraków : Księgarnia Akademicka, 2007. – S. 149–158.
6. Ioannis Antiocheni Fragmenta ex Historia chronica / ed. by U. Roberto. – Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2005. – CCXI, 661 p.
7. Maas, M. Fugitives and ethnography in Priscus of Panium / M. Maas // *Byzantine and Modern Greek Studies*. – 1995. – Vol. 19, no. 1. – P. 146–160.
8. Marcellini comitis Chronicon // *Chronica Minora. Saec. IV, V, VI, VII. Vol. II* / ed. Th. Mommsen. – Berolini : Apud Weidmannos, 1894. – P. 37–108. – (Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi ; T. XI).
9. Martindale, J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II A.D. 395–527 / J. R. Martindale. – New York : Cambridge University Press, 1980. – 1342 p.
10. Priscus Panita. Excerpta et fragmenta / ed. by P. Carolla. – Berolini et Novi Eboraci : Walter de Gruyter, 2017. – XLVIII, 140 p.
11. Procopii Caesariensis De bello Vandalico // *Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. I* / ed. J. Haury. – Lipsiae : Teubner Verlag, 1962. – P. 350–416.
12. Traina, G. De Synésios à Priscus: aperçus sur la connaissance de la ‘barbarie’ hunnique (fin du IVe-

milieu du Ve siècle), 285–290 / G. Traina // *L’Armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle* / ed. F. Vallet & M. Kazansky. – Rouen : Association Française d’Archéologie Mérovingienne and Musée des Antiquités Nationales, 1993. – P. 285–290.

REFERENCES

1. Baldwin B. Priscus of Panium. *Byzantion*, 1980, vol. 50, pp. 18-61.
2. Benedicty R. Die historische Authentizität eines Berichtes des Priskos. *Jahrbuch der Österreichischen byzantinischen Gesellschaft*, 1964, vol. XIII, pp. 1-8.
3. Blockley R.C. *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. II. Text, Translation and Historiographical Notes*. Liverpool, Francis Cairns, 1983. 515 p.
4. Blockley R.C. The Development of Greek Historiography : Priscus, Malchus, Candidus. Marasco G., ed. *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A.D.* Leiden, Boston, Brill, 2003, pp. 289-315.
5. Brodka D. Attila und Aetius. Zur Priskos-Tradition bei Prokopios von Kaisareia. Styka J., ed. *From Antiquity to Modern Times. Classical Poetry and Its Modern Reception. Essays in Honour of S. Stabryła*. Kraków, Księgarnia Akademicka, 2007, pp. 149-158.
6. Roberto U., ed. *Ioannis Antiocheni Fragmenta ex Historia chronica*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2005. CCXI, 661 p.
7. Maas M. Fugitives and ethnography in Priscus of Panium. *Byzantine and Modern Greek Studies*, 1995, vol. 19, no. 1, pp. 146-160.
8. Marcellini comitis Chronicon. Mommsen Th., ed. *Chronica Minora. Saec. IV, V, VI, VII. Vol. II*. Berolini, Apud Weidmannos, 1894. pp. 37-108. (Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. T. XI).
9. Martindale J.R. *The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II A.D. 395–527*. New York, Cambridge University Press, 1980. 1342 p.
10. Carolla P., ed. *Priscus Panita. Excerpta et fragmenta*. Berolini et Novi Eboraci, Walter de Gruyter, 2017. XLVIII, 140 p.
11. Procopii Caesariensis De bello Vandalico. Haury J., ed. *Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. I*. Lipsiae, Teubner Verlag, 1962, pp. 350-416.
12. Traina G. De Synésios à Priscus: aperçus sur la connaissance de la ‘barbarie’ hunnique (fin du IVe-

Information About the Author

Alexander S. Kozlov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History of the Ancient World and the Middle Ages, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Prosp. Lenina, 51, 620014 Yekaterinburg, Russian Federation, alarich@olympus.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9203-9169>

Информация об авторе

Александр Сергеевич Козлов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, просп. Ленина, 51, 620014 г. Екатеринбург, Российская Федерация, alarich@olympus.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9203-9169>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.24>

UDC 94“04/14”:930
LBC 63.3(0)4-92г

Submitted: 25.06.2020
Accepted: 20.07.2020

**NEW “RUSSIAN TRANSLATION”
OF THE TREATISE “DE ADMINSTRANDO IMPERIO”
AMID ITS CONTEMPORARY STUDIES**

Aleksei S. Shchhavelev

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is a critical essay about an attempt to translate the Constantine’s treatise “De Administrando Imperio” into an artificially archaic “Pseudo-Slavic” language, made by R.A. Gimadeev. It is shown that his commentaries accompanying this translation are extremely primitive, the author does not follow scientific methods and he is not familiar with modern scientific literature. This is especially clearly seen, since this publication takes place against the backdrop of a fundamental rethinking in modern Byzantine studies of political history and the system of power organization in the “Eastern Roman Empire” of the 10th century. This rethinking of basic Byzantine issues is vastly based on the re-interpretations and new commenting of the classic text of “De Administrando Imperio”. *Discussion.* In recent years several special articles and monographs have been published, in which the questions about authorship, text structure, stylistics and ideology of the text of “De Administrando Imperio” and related subjects were re-posed. *Analysis.* For a number of parameters, the text of the introduction and commentaries on the text of the treatise in this new edition made by R.A. Gimadeev is far from the standards of academic writing. His attempts to reason about the paleography of the manuscript and the text’s structure are devoid of formal arguments and arbitrary rhetorical in their nature. The translation of the text into some artificial archaic “Slavic Russian Language” does not convey the pragmatics and stylistics of the original, but leads to a distortion of its perception. The uniformity of the principles of translating special vocabulary is not maintained: in some cases, the translator refuses the usual transliterations, in others – he introduces new ones. The publication practically does not take into account modern historiography, partly, apparently, intentionally, but often, out of unfamiliarity with the necessary studies. Perhaps, some ideas of R.A. Gimadeev will be confirmed and find application in the future, but all his observations require the most careful verification. *Conclusions.* The considered attempt of a new reconstruction of the Greek text of the treatise and its translation by R.A. Gimadeev are not fully scientific and qualified. As a result, the new edition turned out to be a kind of historiographical deviation, especially evident against the background of modern studies of this masterpiece of Byzantine literature.

Key words: Constantine Porphyrogenitus, “De Administrando Imperio”, Byzantium, historiography, pseudo-science.

Citation. Shchhavelev A.S. New “Russian Translation” of the Treatise “De Administrando Imperio” Amid Its Contemporary Studies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 292-304. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.24>

УДК 94“04/14”:930
ББК 63.3(0)4-92г

Дата поступления статьи: 25.06.2020
Дата принятия статьи: 20.07.2020

**НОВЫЙ «РУССКИЙ ПЕРЕВОД» ТРАКТАТА «ОБ УПРАВЛЕНИИ ИМПЕРИЕЙ»
НА ФОНЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Алексей Сергеевич Щавелев

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья представляет собой эссе, в котором критикуется попытка Р.А. Гимадеева перевести текст трактата «Об управлении империей» императора Константина VII Багрянородного искусст-

венно-архаичным псевдославянским языком. Демонстрируется, что сопутствующие переводу примечания выполнены крайне примитивно, автор не владеет научными методами и не знаком с современной научной литературой. Однако это издание вышло на фоне принципиального переосмысления в современном византиноведении политической истории и системы организации власти в Римской империи X века. Причем реинтерпретации и комментирование этого классического трактата играют в таком переосмыслении одну из основополагающих ролей. *Обсуждение.* В последние годы вышло несколько статей и монографий, в которых заново ставятся вопросы об авторстве, текстологии, стилистике и идеологии текста «Об управлении империей» и о сопутствующих сюжетах. *Анализ.* По целому ряду параметров текст введения и комментариев Р.А. Гимадеева к тексту трактата далек от стандартов академического письма. Его попытки рассуждений о палеографии рукописи и текстологической структуре трактата лишены формальных аргументов и носят произвольно-риторический характер. Перевод текста на некое искусственное архаичное «славенорусское наречие» не передает прагматику и стилистику оригинала, а приводит к искажению его восприятия. Не выдержано единообразие принципов перевода специальной лексики – в одних случаях переводчик отказывается от привычных транслитераций, в других – он вводит новые. В издании практически не учтена современная историография, отчасти, видимо, намеренно, но часто – по незнакомству с необходимыми работами. Возможно, какие-то идеи Р.А. Гимадеева подтвердятся и найдут применение в дальнейшем, но все его наблюдения требуют самой тщательной проверки. *Выводы.* Рассмотренная попытка новой реконструкции греческого текста и перевод трактата Р.А. Гимадеевым не являются в полной мере научными и квалифицированными. В результате новое издание оказалось некой историографической девиацией, особенно очевидной на фоне современных исследований этого памятника византийской словесности.

Ключевые слова: Константин VII Багрянородный, «Об управлении империей», Византия, историография, псевдонаука.

Цитирование. Щавелев А. С. Новый «русский перевод» трактата «Об управлении империей» на фоне современных исследований // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 292–304. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.24>

Введение. Появление нового русского перевода такого классического византийского текста, как трактат «Об управлении империей» императора Константина VII Багрянородного, безусловно, является неординарным событием [6]. Я глубоко убежден, что издание любых переводов исторических источников на русский язык крайне полезно, даже если их качество может оказаться не слишком высоким. Появление новых, сделанных согласно различным принципам переводов древних и средневековых текстов обогащает и науку, и отечественную словесность. Думаю, что будет правильно предварить разбор появившегося издания кратким очерком состояния современных исследований трактата и некоторых проблем изучения Римской империи X в., без которых этот текст не может быть адекватно понят, переведен и интерпретирован. Сейчас в мировой науке наступил новый, очень плодотворный этап в изучении литературной деятельности византийского императора Константина VII Багрянородного (умер в 959 г.) и авторов его круга (см. ниже). Одновременно появилось несколько исследований, которые предлагают принципиально но-

вые взгляды на политическое устройство Римской империи и само понятие того, что значило «быть римлянином» [19; 23; 34; 35], а также на другие важнейшие проблемы византийской истории X в., например, этнографических описаний соседних и отдаленных народов византийскими писателями [22] или политики и стратегии византийцев на ее восточном фронте [38]. На наших глазах сбывается провидение У. Тредголда, написавшего новую глобальную историю Византии для тех, кому тесно в рамках старых концепций и аксиоматизированных интерпретаций [42]. Причем в 1997 г., когда писалась эта программная статья У. Тредголда, период Македонской династии в Византии уже длительное время оставался на периферии внимания исследователей, уступая, по крайней мере, по числу исследований, всем остальным хронологическим отрезкам византийской истории [42, р. 94, 96]. Показательно, что У. Тредгольд в работе жалуется на отсутствие биографии императора Льва VI Мудрого (правящий император в 886–912 гг.), период правления которого он обоснованно считает перформативным для дальнейшей истории Римской империи [42, р. 93–94].

Теперь же в нашем распоряжении есть целых две биографии этого императора – «политическая» и, условно говоря, «концептуально-интеллектуальная» [31; 36]. Хотя новая история Македонской династии Ромейской империи IX–XI вв. еще не написана, но целый ряд необходимых блоков для нее уже подготовлен.

Обсуждение. Образец исследования текстов, созданных авторами круга императора Константина VII, задают монография и продолжающая ее статья А. Немета о знаменитом пятидесятирехтомнике «Эксцерптов», своде-компиляции выдержек из произведений разных классических авторов [29; 30]. Эта монография сейчас является лучшим введением в проблематику «производства» и «тиражирования» знаний о прошлом и настоящем при дворе Константина VII и его преемников. Основной же в новых исследованиях стала тема хронотопа (и техник хронотопического дейксиса), то есть восприятия времени (истории) и пространства (географии) в текстах самого Константина VII и связанных с ним авторов. Точками историографической сборки современных идей здесь могут считаться статьи Н. Гола, П. Магдалино, А. Маркопулоса и П. Шрайнера в очередном сборнике об эпохе и географии (реальной и воображаемой) мира императора Константина VII [20; 27; 28; 32]. Этот сборник 2018 г. принимает эстафету у знаменитого афинского сборника «Константин VII Багрянородный и его эпоха» 1989 г. [43] и ставит веху, отмечающую начало абсолютно нового историографического этапа. Следует также вспомнить две более ранних статьи П. Магдалино о производстве исторического знания и об образе ойкумены у византийских интеллектуалов во время правления императоров Льва VI и Константина VII [25; 26].

Снова и на новом уровне поставлен давно назревший вопрос о том, что так называемые «военные трактаты» X в. являются не только (а иногда и не столько!) руководствами по военному делу, сколько литературными памятниками и памятниками идеологии и политической теории. Эта тема недавно была раскрыта на примере «Тактики» и «*Syllogus Tactisogum*» времени Льва VI Мудрого [14; 31, р. 56–94, 154–187]. Хотя исследования текстов

жанра, который сами византийцы обозначали как «ἡ τάξις» («таксис», «тактика», «тактикон»), далеки от завершения, но вполне очевидно, что трактат «Об управлении империей» находится как бы между более «антикварными» «Эксцерптами» и практико-ориентированной «Тактикой». Текст «Об управлении империей» в наибольшей степени воплощает дискурсивную природу жанра «ἡ τάξις», образцы которого носили отчетливо *гибридный характер* – в них сочетались географические, исторические, этнографические, полемологические и политические материалы. В них перемежались прагматические (практические), пропедевтические, идеологически-пропагандистские и мистическо-религиозные топики и стилистики.

Наконец, за последние годы вышло несколько новых работ, посвященных непосредственно текстологии и стилистике текста трактата «Об управлении империей». Фундаментальная монография С.Р. Тохтасьева, формально посвященная «иноязычной лексике» трактата «Об управлении империей», на самом деле затрагивает гораздо более широкий спектр тем, представляя еще и очерки его стилистики, регистров языка, терминологического аппарата и прочтения ряда грамматически сложных мест [9].

Статья П. Коматины является попыткой рассмотреть трактат «Об управлении империей» как памятник византийской историографии и исторической мысли [24]. Как отмечает П. Коматина [24, р. 40], в новейшем обзоре жизни и творчества историков «средневизантийского периода» У. Тредголда этот текст совершенно не рассматривается [41]. П. Коматина четко высказал почти еретическую сейчас, но, на мой взгляд, очень правильную мысль, что текст «Об управлении империей» написан самим императором Константином VII [24, р. 39–40, 42, 58–62]. В первой части статьи показано, что все темы, которые подробно освещены в трактате, являются проекцией личных контактов Константина VII и его ближайших политических советников с правителями и послами окружающих народов. Трактат отражает реальную практику дипломатических переговоров, которые велись в Константинополе [24, р. 40–50]. Во второй части статьи прослеживаются связи и параллели

трактата с другими синхронными «придворными» литературно-историческими текстами: «Тактикой» Льва VI Мудрого, «Жизнеописанием Василия I Македонянина» Константина VII и его анонимного соавтора, трактатом «О фемах» Константина VII, «Хроникой» Продолжателя Феофана (в узком смысле), «Хроникой» Симеона Магистра и Логофета, энциклопедией «Эксерпты» и отдельными фрагментами компилятивного трактата «О церемониях» [24, р. 50–62]. В итоге П. Коматина убедительно показывает, что, с одной стороны, трактат «Об управлении империи» был вполне завершённым текстом, созданным в рамках большого проекта «новой истории» Ромейской империи, о котором сам Константин VII и (или) его анонимный соавтор говорят в «Проении» к «Жизнеописанию Василия I Македонянина» [15, р. 10]. С другой же стороны, кодекс с трактатом не покидал императорского дворца, и лишь те его части, что отразились у Продолжателя Феофана оказались из вторых рук доступны более поздним авторам [24, р. 62].

Статья А.С. Щавелева предлагает сужение даты создания рукописи *Paris. gr. 2009* по заказу кесаря Иоанна Дуки до 1059–1073 гг. [33, р. 681–683, 701]. Время работы над оригиналом трактата датируется им с 952 по 959 гг. [33, р. 686–688]. Также доказывается, что между дошедшим до нас кодексом и оригиналом трактата не было «промежуточного списка», как считали Д. Моравчик и Р.Дж.Х. Дженкинс [33, р. 684–685], к этому же выводу ранее пришел А. Немет [30, р. 130]. Им предложена идея, что текст был написан двумя авторами – самим Константином VII и его «Анонимным соавтором» [33, р. 688–701]. Как показал И. Шевченко, именно так шла работа над другим текстом Константина VII – «Жизнеописанием Василия I Македонянина» [15, р. 13*, 8–9]. Можно еще добавить, что почти так же шла работа над текстом «О боевом сопровождении» («*De velitatione bellica*» или «*Περὶ παραδρομῆς*»): «ὁς ταύτην ἔργω μεμαθηκῶς εὐχρηστον οὖσαν, ἐγγράφως πρὸς κοινὴν λυσιτέλειαν, ὅπως δεῖ χρῆσθαι ταύτῃ, ἐξέφετο· καὶ μοὶ παρηγγύησε, καθ' ὅσον οἶόν τε ἀκριβῶς περὶ αὐτῆς συνγράψαι καὶ παραδοῦναι τοῖς μεθεξῆς» [39, р. 148] / «Он (император Никифор II Фока) на деле изучив-

ший его (метод ведения военных действий под названием «ἡ παραδρομή») полезность; велел, как его применять, записать для общей пользы; он повелел мне как можно точнее его описать и передать преемникам» (перевод В.В. Кучмы с небольшими изменениями. – А. Щ.) [3, с. 118]. Иными словами, такова была обычная практика императоров при составлении трактатов и других литературных текстов: сделать некую базовую основу и передать ее для окончательной доработки анонимному соавтору.

На таком историографическом фоне появление обновленной реконструкции греческого текста трактата «Об управлении империей» и его нового русского перевода можно было бы только приветствовать. Однако переводчик Р.А. Гимадеев избрал крайне нетривиальную технику перевода и странный стиль сопутствующих комментариев.

Анализ. Уже само название, которое дал своему труду Р.А. Гимадеев, подражает, если не сказать, пародирует, старинные длинные титулы книг XVII–XIX веков. Воспроизводить его я не стал, приведя к некоей условной современной норме. Думаю, что и профессиональные библиографы также ограничатся кратким условным обозначением. Далее Р.А. Гимадеев поделился в сопутствующих разделах своей книги представлениями об окружающей его действительности. В итоге по всему тексту Р.А. Гимадеева оказались обильно рассыпаны откровенно религиозно-фундаменталистские, конспирологические и антисциентистские рассуждения [6, с. II, XVI–XX, 19, 294–296, 300–301, 303–304], зачастую автор позволяет себе намеки, которые можно счесть расистскими или антисемитскими [6, с. XVI–XVII, XX, 61, 298]. Похожий случай смешения жанра монографии с памфлетом был описан недавно А.И. Иванчиком на примере книги В.П. Яйленко [4]. Кстати, на злые инвективы В.П. Яйленко в адрес коллег-ученых Р.А. Гимадеев ссылается очень одобрительно [6, с. XX]. Иногда автор передается личным воспоминаниям [6, с. XVIII–XIX]. Конечно, каждый волен вспоминать, как и что он хочет, но зачем это делать на страницах издания и перевода исторического текста? Стоит упомянуть и инфантильные, типичные для люмпенов, шутки и присказки, которыми

Р.А. Гимадеев обильно уснащает свой текст [6, с. II, XIX–XX, 227, 257, 290, 301].

Наконец, Р.А. Гимадеев яростно спорит с анонимными оппонентами, но по именам их называть упорно отказывается. Такое избегание имени противника в современном мире видится несколько устаревшей формой дискуссии. Апофеозом не слишком корректной полемики и скрупулезного выполнения описанного в этнографической литературе «обычая избегания» стала пренебрежительная оценка фундаментальной монографии С.Р. Тохтасьева [9] как «792 грамма макулатуры» [6, с. XX]. Точность указанного веса книги наводит на неприятную мысль, а не взвесил ли на весах Р.А. Гимадеев книгу своего заочного оппонента? Ссылка на книгу С.Р. Тохтасьева, конечно же, отсутствует, а сам он зовется только иносказательно: «Секретный Комментар» [6, с. IV, XIX–XX]. Тем не менее, оставив в стороне попытку автора рецензируемой книги произвести историографический анализ, перейдем собственно к содержательной полемике.

Р.А. Гимадеев перевел текст трактата «Об управлении империей» не на современный русский язык (оставим на его совести насмешку над нашим великим русским языком и традициями русской классической литературы [6, с. XVI–XVII]), а на некое «высокое Славенорусское наречие» [6, с. XVIII]. Красоту этого архаизирующего новояза можно оценить по двусмысленным оборотам: «от приподнятости и возвышенности воспухшее» [6, с. 7], «купует бо у них говяяд» [6, с. 9], «угобзвив людей своих» [6, с. 13], «душонки невольничьи цепями совокупив» [6, с. 19], «всю же зиму там пропитываюсь» [6, с. 23], «скотоводствовали, в шатрах живя» [6, с. 41], «сожилиествовали ж они с хазарами три года» [6, с. 155], «по нужде двинуть имеем фоссат» [6, с. 215], «и абие наскакавший Фарнак дал дротом Савромату и истребил его» [6, с. 267] и т. п. Самое поразительное, что Р.А. Гимадеев усиленно убеждает читателя, что его подход к «переводу» был якобы поддержан автором перевода трактата на современный русский язык Г.Г. Литавриным [6, с. XIX–XX].

Перевод греческих имен собственных на «славенорусский» породил Варду Широконога (напомнивший мне лично имена хобби-

тов [6, с. 227]) или Льва Несмеяна и Иоанна Моревского (тоже вполне сказочные имена! [6, с. 229, 245]). Борьба Р.А. Гимадеева с мнимой «смехотворностью» переводов греческого текста на современный русский язык [6, с. XX] обернулась гомерической пародией. Больше всего это напоминает попытки кинорежиссера Карпа Якина из пьесы М.А. Булгакова «Иван Васильевич» разговаривать «по-славянски» с царем Иваном Васильевичем Грозным: «*Пропал! Зинаида, подскажите мне что-нибудь по-славянски!.. Паки, паки... Иже херувимы!.. Ваше величество, смилуйтесь!»* [1, с. 222].

Р.А. Гимадеев неискренне сетует, что ему-де приходится писать свою книгу «луначарницей» [6, с. XVI], то есть в современной орфографии и графике, которую «навязали» нашей стране большевики. Но что ему мешало сейчас, когда советская власть осталась в прошлом, воссоздать старую добрую традицию и напечатать свою книгу на языке и по графико-орфографическим правилам хоть XVIII, хоть XIX, хоть XI столетия? Судя по содержанию книги, главный редактор издательства И.А. Савкин дал ему полный карт-бланш на любые чудачества, а оригинал-макет, как явствует из выходных данных, делал сам Р.А. Гимадеев. Техническая возможность печати любыми шрифтами сейчас существует. Что мешало ему бросить вызов прогнившему и опутанному сетями зла миру, вернувшись к священным истокам высокого «славенорусского наречия»? Кажется, я знаю ответ. Р.А. Гимадеев, в отличие от многих филологов и даже блогеров, не способен ни на что большее, как хаотично вставлять отдельные экзотические буквы старой орфографической системы в имена собственные и термины своего «перевода». Писать по дореформенным правилам без ошибок он просто, видимо, не умеет, поэтому он и создал свой собственный примитивный графический волапук.

Отмечу, что язык и стиль трактата «Об управлении империей» вполне соответствуют своему времени (середина X в.), в нем сочетаются стилистика и лексика из разных регистров живого среднегреческого языка: что-то берется из классической античной прозы и библейского языка «Септуагинты», что-то — из вернакулярной литературы, а также из кан-

целярита бюрократии, армейского социолекта и самой обыденной речи, включающей, кроме всего прочего, пласт экзотических заимствованных слов [9, с. 16–95] (ср.: [40]). В нем нет преднамеренной последовательной нарочитой архаизации, которую мы видим в «новом переводе» Р.А. Гимадеева. Трактат «Об управлении империей» прекрасно переводится на любой современный язык, поскольку этот текст написан на вполне естественном среднегреческом языке, который был столь же «испорчен» нововведениями, как и наш русский язык XX века. Как бы ни рассуждал Р.А. Гимадеев о заговоре мировых сил зла, направленном на порчу русского и других языков мира [6, с. XVII], все языки эволюционируют вполне естественным образом, а устная или письменная речь с научной точки зрения не может быть «правильной» или «неправильной», языковые практики регулируются лишь *прагматикой коммуникации* индивидов в человеческом социуме.

Хуже всего то, что Р.А. Гимадеев не выдерживает свои собственные принципы перевода, которые он так яростно декларирует. Он стал переводить греческие термины, которые обычно передаются как устоявшиеся транслитерации. Он использует слова «округ» (фема), «червонный» (номисма), «царев муж» (василик), «воевода» (стратиг), «начальник» (архонт), «первомечник» (протоспафарий), «счетовод гоньбы» (логофет дрома), «харатейник быстрой гоньбы» («хартуларий дрома»), «мечник-кандидат» (спафарокандидат), «спальник» (паракимомен), «златопечатник» (хрисовул), «первенствующий» (протевон), «навершник» (катепан). И еще более яркие «славенорусизмы» – «царская судовая станица», «корабельная станица», «письменная крепость», «мужи ответные», «склавоначальники», «армянские толмачи», «дружинноначальник», «начальник начальников» и др. При этом он сохраняет слова «патрикий» (почему бы не написать в его логике «боярин»?), «доместик схол», «магистр», «манглавит» и даже вводит в текст своего перевода новые транслитерации, такие как «фоссат», «опсиды», «фальконы», «апликт», «фламмул», «фамилии» [6, с. 45, 135, 195, 213, 255]. Есть и смешанные варианты: «друнгарий судовый станицы», «первый а-сикритис», «первомеч-

ник манглавит», «воеводство дукатом встарь было» (можно было бы перевести: «воеводство вождеством встарь было?»), «первовестиарий», «трапезничий августы» [6, с. 209, 211, 215, 229, 243, 251]. Как видим, в передаче специальной лексики трактата в «новом переводе» царит полный хаос и произвол переводчика. Добавлю, что я поддерживаю идею передачи любой специальной лексики текста трактата с помощью транслитерации, что, конечно, требует особых комментариев, но позволяет избежать модернизации и русификации переводимого текста. Часть нововведенных транслитераций, прежде всего слов военной лексики, включена Р.А. Гимадеевым по-своему удачно. В целом же лингвистический эксперимент Р.А. Гимадеева в очередной раз заостряет вопрос о том, нужно ли передавать технические термины и концепты древних и средневековых текстов в их собственной фонетической форме или нужно искать их аналоги в древнерусском языке, в архаичных формах русского языка или же в современном языке, на котором мы сейчас говорим. Итоги языкового эксперимента Р.А. Гимадеева, как мне кажется, свидетельствуют в пользу последнего варианта.

Р.А. Гимадеев заявил, что рукопись *Paris. gr. 2009* он никогда не видел [6, с. XV]. Это заявление крайне странно для человека, который декларирует «пересмотр греческого текста» и внесение в него исправлений [6, с. XV, XIX] (см. также полное название книги на титуле). При этом им постоянно утверждается, что рукопись чрезвычайно «плоха», а писцу рукописи Михаилу Роизаиту «доверять нельзя» [6, с. III, V, X, XV, 288, 297]. Учитывая, что микрофильм рукописи вполне доступен, Р.А. Гимадеев мог бы легко при желании к нему обратиться. Более того, не заглянув в рукопись (видимо, только лишь по одному отрывку на вклейке в критическом издании между страницами 16 и 17? [17, р. 16–17]), Р.А. Гимадеев занимается очевидной графологией почерка писца Михаила Роизаита. Он видит в его почерке «неуверенность, напряженность и преувеличенную заботу о четкости письма», считает его почерк недостаточно «единообразным» и «выработанным» [6, с. V]. Излишне говорить, что это – лишь фантазии. Рукопись *Paris. gr. 2009* – классический образец

Perlschrift/а второй половины XI в. [11], почерк Михаила Роизаита – вполне профессиональный и типичный для своего времени. Пусть меня поправят специалисты, но его можно соотнести с почерком каллиграфа Михаила Панергиса, написавшего в 1072 г. греческий Апостол для императора Михаила VII Дуки [10; 11]. Вопреки утверждению Р.А. Гимадеева, никакого смещения «уставных и скорописных начертаний» (что бы это ни значило! [6, с. IV]) в рукописи *Paris. gr. 2009* нет. Не нужно быть палеографом, чтобы понять, что листы 31 об.–32 и 35 об.–36 написаны тем же почерком, что и весь остальной текст (ср. рассуждения о значении появления в рукописи «второго почерка» [6, с. IV]). Во всяком случае, доказательств тому, что рукопись написана несколькими почерками, Р.А. Гимадеев не привел, ограничившись голословными утверждениями.

«Две грубые ошибки» [6, с. V], которые Р.А. Гимадеев «нашел» в колофоне писца Михаила Роизаита, могут быть таковыми, только если считать, что в XI в. существовала некая абсолютная грамматическая норма. На самом же деле – это колоквизмы, обычные для вернакулярных гибридных текстов. Первая же «ошибка» – типичный итацизм, существование которого Р.А. Гимадеев, когда ему нужно, признает (см. ниже о проблеме упоминания в тексте «полюдь»), но в данном случае сурово обличает как «малограмотность» писца.

Весь текст трактата Р.А. Гимадеев разделил на «слои»: части, которые лично написал или исправлял Константин VII (набраны полужирным шрифтом), «необработанные выписки» (набраны мелким шрифтом) и «отчасти обработанные» куски (набраны светлым шрифтом, но кем именно они были «отчасти обработаны», не уточнено, видимо, Михаилом Роизаитом?) [6, с. XV]. Проблема заключается в том, что критерии этого разделения, за исключением случаев прямой речи Константина VII, в тексте носят произвольный характер. Они сводятся к интуитивным озарениям Р.А. Гимадеева, который чувствует, что было важно и интересно для императора-автора трактата, а где его замысел испортили полуграмотные эпигоны. Полемизировать с такой спиритической текстологией

бессмысленно, она не проходит критерии научности: ее нельзя верифицировать (проверить) и фальсифицировать (опровергнуть). К художественной литературе в жанре фэнтези должны относиться и все домыслы о процессе создания трактата и разборе набитого «листами», «свитками» и «вощаными табличками» «сундука-архива», который якобы остался после смерти императора Константина VII Багрянородного [6, с. IX–X, 287–288].

Историко-филологические комментарии носят отрывочный характер, в них преобладают лирические и риторические отступления по разным поводам, а не научные аргументы. Автор практически не знаком с современной историографией и со многими более ранними базовыми работами, посвященными тексту «Об управлении империей». Его сообщение о том, что он «обновил ссылки» на литературу [6, с. XV] очень далеко расходится с действительностью. В его списке литературы и ссылках по ходу изложения названо меньше десятка исследований, опубликованных после выхода в свет издания трактата 1991 г. [7]. Список работ о Константине VII Багрянородном сделан на уровне студенческого реферата [6, с. II]. Заявление, что «Введение» Г.Г. Литаврина к изданию его перевода 1991 г. [7, с. 10–30] дает необходимое представление о жизни и творчестве императора Константина VII Багрянородного [6, с. I], давно не соответствует действительности. Это «Введение» безнадежно устарело, оно было написано в условиях дефицита научной литературы, причем написано фактически в популярной форме для читателей, которые в своем большинстве мало что могли узнать о Византии X века. Думаю, именно это стремительное устаревание сопутствующих переводу текстов и стало одной из побудительных причин подготовки самим Г.Г. Литавриным нового издания трактата в 2000-е годы.

Как это ни странно, но я не нашел ссылок даже на комментарии к тексту «Об управлении империей», которые изданы вторым томом к академическому изданию [18]. Это хорошо видно на примере попытки Р.А. Гимадеева пересмотреть чтение известия 9-й главы трактата о полюдьде народа росов на территориях славянских общностей. Если отвлечься от совершенно бессмысленных ком-

ментариев о древнерусском *полюдь*, как всегда не без выпадов в адрес ненавистных ему «норманистов», то автор, на мой взгляд, с основаниями, пытается оспорить традиционную интерпретацию фразы из посвященной народу росов 9-й главы трактата: «...εὐθέως οἱ αὐτῶν ἐξέρχονται ἄρχοντες μετὰ πάντων τῶν Ρῶς ἀπὸ τὸν Κίαβον, καὶ ἀπέρχονται εἰς τὰ πολύδια, ὃ λέγεται γύρα / ...немедленно уходят их архонты со всеми росами из Киавы и поднимаются в *полюдия*, что называется *гира*» [17, р. 62]. Р.А. Гимадеев предлагает отказаться от понимания оборота «εἰς τὰ πολύδια» как «в *полюдия*» и соответственно не видит здесь славянизма «полюдие» (полюдь), а считает возможным интерпретировать его как Асс. Pl. диминутива «τὸ πολίδιον / городок», где буква йота заменена ипсилоном. Действительно, такая замена – вполне нормальное явление для среднегреческого языка, особенно в позиции после сонорного λ, примечательно, однако, что замена происходит в ударном слоге, что бывает редко [13, р. 26–27; 21, р. 270, 273; 37, р. 10–13, 76–78]. Тогда получается перевод: «...немедленно уходят их архонты со всеми росами из Киавы и поднимаются в *городки*, что называется *гира*». Далее Р.А. Гимадеев отмечает, что уточнение «ὃ λέγεται γύρα» является скрытой цитатой из «Исагоги» («Эпанагоги») императоров Василия I Македонянина и его сыновей Льва VI и Александра. В одной из статей «Исагоги» действительно содержится запрет на несанкционированные перемещения архонта: «Κελεύομεν μηδένα τῶν ἀρχόντων ἐξεῖναι χωρὶς ἀναγκαίας χρείας ἀποδημίας ποιῆσθαι ἢ τὰς λεγόμενας γύρας / Повелеваем, что ни один из архонтов, не имея настоящей необходимости, не должен совершать выезды или так называемые объезды» [16, р. 77]. Далее сказано, что если все-таки такая необходимость выезда возникнет, то архонт не должен во время своих вояжей обременять жителей области поборами, а должен сам обеспечивать свою поездку всем необходимым. Здесь бы хотелось порадоваться за эти находки в новом переводе, однако почти все изложенное Р.А. Гимадеевым по данному вопросу уже давно есть в комментарии Д. Оболенского к 9-й главе трактата [18, р. 59–60]. Только Д. Оболенский поддержал в итоге вер-

сию «в *полюдия*», а не версию «в *городки*». Вряд ли перед нами не слишком корректное заимствование, скорее, что, впрочем, столь же плохо, это – случай «изобретения велосипеда». Кроме того, Р.А. Гимадеев несколько тенденциозно переводит финальные фразы фрагмента новеллы «Исагоги». Судя по контексту, данная новелла «Исагоги» запрещает для архонтов одновременно и отъезд («ἢ ἀποδημίας»), и объезд («ἢ γύρα»). Очевидно, что в первом случае имеется в виду выезд архонта за пределы вверенной ему области, а во втором – «объезд кругом» подчиненной ему территории. Думаю, что в свете параллели из «Исагоги» классические переводы слова «ἢ γύρα» как «grounds» на английский язык и «кружение» на русский [7, с. 51; 18, р. 63] в какой-то степени правомерны. Отмечу, что раздел о переводе отдельных мест из текста 8-й главы трактата [6, с. 54–57] по-своему интересен, но и он тоже требует полноценной филологической проверки. Вот, как мне кажется, и все основное, что есть наиболее ценного в данном издании.

Остальные исторические экскурсы Р.А. Гимадеева можно даже не комментировать. Рассуждения о причинах покупки скота росами в Киеве у печенегов либо повторяют то, что уже было высказано [12, с. 93], либо носят откровенно отвлеченный характер [6, с. 289–290]. Размышления о том, кто описал путь росов из Киева в Константинополь, вторичны по отношению к комментарию Д. Оболенского [18, р. 38–58] и к недавней статье С.А. Козлова [5]. Пассажи о лексемах «ῥαλάτην» (=τὸ ῥαλάτιον) и «ὃ χορόπολις» [6, с. 304–307], по сравнению с комментариями к критическому изданию [18, р. 174, 178] и монографией С.Р. Тохтасьева [9, с. 400–444], ничего нового для понимания этих лексем не дают.

Результаты. В современном мире процветает популярная паранаучная псевдоистория, которая с легкой руки Д.М. Володихина получила название «фольк-хистори» [2]. Р.А. Гимадеев, несомненно, отличается от банальных шарлатанов-паразитов знанием древних и новых языков, знакомством с основными классическими научными трудами и желанием сказать новое слово в науке, а не огульно отрицать ее. Однако он сближается с ними в полном игнорировании научной методологии,

хаотичном привлечении работ ученых-предшественников, непонимании разницы между научной аргументацией и выпадами личного характера в адрес оппонентов (*resp. argumentum ad hominem*), а также острой неприязнью к Российской академии наук. Р.А. Гимадеев полностью отказался от любого общения со специалистами и публикации предварительных результатов своих изысканий. В его лице мы встречаемся не с привычной популярной (публичной) фольк-хистори, а с ее новым изводом – катакомбной псевдонаукой.

Не удивительно, что книга Р.А. Гимадеева почти лишена атрибутов современного научного издания: не указаны ни научный редактор, ни рецензенты, нет грифа научного учреждения, где работает автор. При этом одно яркое исключение все же есть – книга вышла в научной серии «Новая византийская библиотека» издательства «Алетейя». У этой серии есть редколлегия, в которую помимо главного редактора издательства И.А. Савкина входят девять известных ученых, большая часть из которых – ведущие византилисты нашей страны. В книгах этой серии перечень членов редколлегии указан на авантитуле, как, например, в недавнем издании хроники Михаила Панарета [8]. У Р.А. Гимадеева перечень членов редакционной коллегии серии на авантитуле отсутствует, но само указание на серию все же сохранено. Лукавое отсутствие указания на членов редколлегии серии говорит о том, что руководство издательства «Алетейя» хорошо понимало, что за произведение они издают, и не посмело обозначить уважаемых ученых непосредственно на авантитуле этой книги. Однако члены редколлегии, указаны они или нет в конкретном издании, несут ответственность за всю серию. Их имена являются гарантией для ученых и особенно для широкой публики, что в этой серии будут издаваться именно и только научные тексты и притом высокого качества. Если члены редколлегии серии «Новая византийская библиотека» никак не отреагируют на данную книгу Р.А. Гимадеева, это будет означать, что они молчаливо признают правомерность публикации таких откровенно маргинальных текстов под своей эгидой.

Реализованный Р.А. Гимадеевым проект нового издания и перевода трактата «Об уп-

равлении империей», конечно, был изначально утопичен в его упорном игнорировании современной историографической и языковой реальности. Иногда это отстранение помогло ему преодолеть автоматизм восприятия некоторых привычных интерпретаций текста, но в итоге такое отчуждение увело его далеко за грань науки ¹.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Рецензия публикуется в формате дискуссии. Редакционная коллегия журнала может иметь точку зрения, отличную от точки зрения автора статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгаков, М. А. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 7. Последние дни / М. А. Булгаков ; сост. В. Петелин. – М. : Голос, 1999. – 767 с.
2. Володихин, Д. История России в мелкий горошек / Д. Володихин, О. Елисеева, Д. Олейников. – М. : Мануфактура ; Единство, 1998. – 246 с.
3. Два византийских военных трактата конца X века. О боевом сопровождении. Об обустройстве лагеря / изд. подг. В. В. Кучма ; отв. ред. Г. Г. Литаврин. – СПб. : Алетейя, 2002. – 410 с.
4. Иванчик, А. И. «Тысячелетний рейх» на Боспоре / А. И. Иванчик // Вестник древней истории. – 2011. – № 4 (279). – С. 277–281.
5. Козлов, С. А. Василики на путях Гардарики / С. А. Козлов // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Т. 10, вып. 9 (83). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840007494-2-1> (дата обращения: 10.12.2019). – Загл. с экрана.
6. Константин Багрянородный. Об управлении империей / изд., пер. и примеч. Р. А. Гимадеева. – СПб. : Алетейя, 2020. – 358 с.
7. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. – М. : Наука, 1989. – 494 с.
8. Михаил Панарет. О Великих Комнинах (Трапезундская хроника) / крит. изд. и пер. С. П. Карпова, А. М. Крюкова, Р. М. Шукурова. – СПб. : Алетейя, 2019. – 173 с.
9. Тохтасьев, С. Р. Язык трактата Константина VII Багрянородного 'De Administrando Imperio' и его иноязычная лексика / С. Р. Тохтасьев. – СПб. : Наука, 2018. – 679 с.

10. Фонкич, Б. Л. Греческий Апостол 1072 г. / Б. Л. Фонкич // Деяния и послания апостолов. Греческая иллюминированная рукопись 1072 года из собрания Научной библиотеки Московского университета / ред.-сост. Э. Н. Добрынина. – М. : Северный паломник, 2004. – С. 12–14.
11. Фонкич, Б. Л. Михаил Панергис – писец Университетского Апостола 1072 г. (палеографический аспект исследования) / Б. Л. Фонкич // Хризोगраф. – 2018. – Вып. 4. Сборник статей к юбилею И.П. Мокрецово́й. – С. 346–362.
12. Щавелев, А. С. «Держава Рюриковичей» в первой половине X века: хронология, территория и социальная структура / А. С. Щавелев // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2017. – № 1 (21). – С. 82–112.
13. Buck, C. D. *The Greek Dialects* / C. D. Buck. – L. : Bristol Classical Press, 1998. – 375 p.
14. Chatzelis, G. *Byzantine Military Manuals as Literary Works and Practical Handbooks. The Case of the Tenth-Century Sylloge Tacticorum* / G. Chatzelis. – L. ; N. Y. : Routledge, 2019. – 201 p.
15. *Chronographiae quae Theophanis Continuati Nomine Fertur. Liber V. Vita Basilii Imperatoris Amplectitur* / rec. I. Ševčenko. – Berlin : De Gruyter, 2011. – 582 p. – (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Seria Berolinensis. Vol. XLII).
16. *Collectio librorum juris Graeco-Romani ineditorum. Ecloga Leonis et Constantini, Epanagoge Basilii, Leonis et Alexandri* / ed. by K. E. Zachariae von Lingenthal. – Lipsiae : Sumtibus J.A. Bartii, 1852. – 235 p.
17. *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. I. Greek Text and English Translation* / ed. by R. G. H. Jenkins & Gy. Moravcsik. – Washington D.C. : Dumbarton Oaks, Harvard University, 1967. – 341 p.
18. *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. II. Commentary* / ed. by R. G. H. Jenkins. – Washington D.C. : Dumbarton Oaks, Harvard University, 1962. – 221 p.
19. Eshel, Sh. *The Concept of the Elect Nation in Byzantium* / Sh. Eshel. – Leiden ; Boston : Brill, 2018. – 236 p.
20. Gaul, N. *Zooming in on Constantinople. Introductory Notes on the Interplay of Center, Province and Periphery in the Tenth-Century Byzantine Empire* / N. Gaul // *Center, Province and Periphery in the Age of Constantine VII Porphyrogenetos. From 'De ceremoniis' to 'De Administrando Imperio'* / ed. by N. Gaul, V. Menze & C. Bálint. – Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2018. – P. 1–21.
21. Gignac, F. T. *A Grammar of the Greek Papyri of the Roman and Byzantine Periods. Vol. I. Phonology* / F. T. Gignac. – Milan : Istituto Editoriale Cisalpino–La Goliardica, 1976. – 365 p.
22. Kaldellis, A. *Ethnography after Antiquity. Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature* / A. Kaldellis. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2013. – 277 p.
23. Kaldellis, A. *Romanland. Ethnicity and Empire in Byzantium* / A. Kaldellis. – Cambridge Mass. ; L. : The Belknap Press of Harvard University Press, 2019. – 373 p.
24. Komatina, P. *Constantine Porphyrogenitus, De Administrando Imperio and the Byzantine Historiography of the Mid-10th Century* / P. Komatina // *Zbornik radova Vizantološkog instituta*. – 2019. – LVI. – P. 39–68.
25. Magdalino, P. *Knowledge in Authority and Authorized History : The Imperial Intellectual Programme of Leo VI and Constantine VII* / P. Magdalino // *Authority in Byzantium* / ed. by P. Armstrong. – L. ; N. Y. : Routledge, 2013. – P. 187–210.
26. Magdalino, P. *Constantine VII and the Historical Geography of Empire* / P. Magdalino // *Imperial Geographies in Byzantine and Ottoman Space* / ed. by S. Bazzaz, Y. Batsaki, D. Angelov. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – P. 23–41.
27. Magdalino, P. *Constantinople in the Age of Constantine VII Porphyrogenetos. Life of the Centre* / P. Magdalino // *Center, Province and Periphery in the Age of Constantine VII Porphyrogenetos. From 'De ceremoniis' to 'De Administrando Imperio'* / ed. by N. Gaul, V. Menze, C. Bálint. – Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2018. – P. 39–54.
28. Markopoulos, A. *Voices from the Centre. Constantine VII Porphyrogenetos and the Macedonian Dynasty in Contemporary Historiography* / With the Appendix: Three Letters from R.J.H. Jenkins to Gyula Moravcsik / A. Markopoulos // *Center, Province and Periphery in the Age of Constantine VII Porphyrogenetos : From De ceremoniis to De Administrando Imperio* / ed. by N. Gaul, V. Menze, C. Bálint. – Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2018. – P. 22–38.
29. Németh, A. *A Database for Re-conceiving Imperial Ideology. Constantine VII Porphyrogenetos and the Historical Excerpts* / A. Németh // *Center, Province and Periphery in the Age of Constantine VII Porphyrogenetos : From De ceremoniis to De Administrando Imperio* / ed. by N. Gaul, V. Menze, C. Bálint. – Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2018. – P. 80–102.
30. Németh, A. *The Excerpta Constantiniana and the Byzantine Appropriation of the Past* / A. Németh. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018. – 352 p.
31. Riedel, M.L.D. *Leo VI and the Transformation of Byzantine Christian Identity. Writings of an Unexpected Emperor* / M.L.D. Riedel. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018. – 236 p.
32. Schreiner, P. *Clothes Make the Men – Writings the Emperor. Tracing Constantine VII Porphyrogenetos*

and His Œuvre through the Centuries / P. Schreiner // Center, Province and Periphery in the Age of Constantine VII Porphyrogenetos: From De ceremoniis to De Administrando Imperio / ed. by N. Gaul, V. Menze, C. Bálint. – Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2018. – P. 223–242.

33. Shchavelev, A. Treatise *De Administrando Imperio* by Emperor Constantine VII Porphyrogenitus: Date of the *Paris. gr. 2009* Copy, Years of Compiling of the Original Codex, and a Hypothesis About the Number of Authors / A. Shchavelev // *Studia Ceranea. Journal of the Waldemar Ceran Research Centre for the History and Culture of the Mediterranean Area and South-East Europe*. – 2019. – № 9. – P. 681–704.

34. Stouraitis, I. Roman Identity in Byzantium : A Critical Approach / I. Stouraitis // *Byzantinische Zeitschrift*. – 2014. – Bd. 107 (1). – P. 175–220.

35. Stouraitis, I. Byzantine Romanness : From Geopolitical to Ethnic Conceptions / I. Stouraitis // *Transformations of Romanness. Early Medieval Regions and Identities* / ed. by W. Pohl, C. Gantner, C. Grifoni, M. Pollheimer-Mohaupt. – Berlin ; Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2018. – P. 123–139.

36. Taugher, Sh. The Reign of Leo VI (886–912). Politics & People / Sh. Taugher. – Leiden ; N. Y., Köln : Brill, 1997. – 262 p.

37. The Cambridge Grammar of Medieval and Early Modern Greek. Vol. I. General Introduction and Phonology / ed. by D. Holton [et al.]. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – 237 p.

38. Theotokis, G. Byzantine Military Tactics in Syria and Mesopotamia in the Tenth Century. A Comparative Study / G. Theotokis. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2018. – 348 p.

39. Three Byzantine Military Treatises / text, trans., notes by G. T. Dennis. – Washington D.C. : Dumbarton Oaks, 1985. – 380 p. – (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. XXV).

40. Trapp, E. Learned and Vernacular Literature in Byzantium: Dichotomy or Symbiosis? / E. Trapp // *Dumbarton Oaks Papers*. – 1993. – Vol. 47. – P. 115–129.

41. Treadgold, W. The Middle Byzantine Historians / W. Treadgold. – L. ; N. Y. : Palgrave Macmillan, 2013. – 546 p.

42. Treadgold, W. Why Write a New History of Byzantium? / W. Treadgold // *Studies in Byzantine Cultural History* / ed. by B.-P. Maleon, A.-E. Maleon. – București ; Brăila : Editura Academiei Române, Editura Istros a Muzeului Brăilei “Carol I”, 2015. – P. 83–104.

43. Κωνσταντίνος Ζ' ο Πορφυρογέννητος και η εποχή του. – Athens : European Cultural Centre of Delphi, 1989. – 433 p.

REFERENCES

1. Bulgakov M.A. *Sobranie sochineniy v 10 t. T. 7. Poslednie dni* [Collected Works in Ten Volumes]. Moscow, Golos Publ., 1999. 767 p.

2. Volodikhin D., Eliseeva O., Oleynikov D. *Istoriya Rossii v melkiy goroshek* [The History of Russia in Small Peas]. Moscow, Manufaktura Publ.; Edinstvo Publ., 1998. 246 p.

3. Kuchma V.V., Litavrin G.G., eds. *Dva vizantiyskikh voennykh traktata kontsa X veka. O boevom soprovozhdenii. Ob obustroytve lagerya* [Two Military Treatises of the End of the 10th Century. About Military Convoy. About Arrangement of a Camp]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2002. 410 p.

4. Ivanchik A.I. «Tysyacheletniy reyh» na Bospore [“Millenarian Reich” on the Bospore]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], 2011, vol. 4 (279), pp. 277–281.

5. Kozlov S.A. Vasiliki na putyakh Gardariki [Basilics on the Ways to Gardariki]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal “Istoriya”*, 2019, vol. 10, no. 9 (83). URL: <https://history.jes.su/s207987840007494-2-1> (accessed 10 December 2019).

6. Gimadeev R.A., ed. *Konstantin Bagryanorodnyy. Ob upravlenii imperiey* [On the Governance of the Empire]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2020. 358 p.

7. Litavrin G.G., Novoseltseva A.P., eds. *Konstantin Bagryanorodnyy. Ob upravlenii imperiey. Tekst, perevod, kommentariy* [On the Governance of the Empire]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 494 p.

8. Karpov S.P., Kryukov A.M., Shukurov R.M., eds. *Mikhail Panaret. O Velikikh Komninakh (Trapezundskaya khronika)* [About Great Comnenos (Trapezuntine Chronicle)]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2019. 173 p.

9. Tokhtasev S.R. *Yazyk traktata Konstantina VII Bagryanorodnogo ‘De Administrando Imperio’ i ego inoyazychnaya leksika* [The Language of the Treatise of Constantine Porphyrogenitus ‘De administrando imperio’ and Its Foreign Lexis]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2018. 679 p.

10. Fonkich B.L. Grecheskiy Apostol 1072 g. [The Greek Praxapostolos Dated 1072]. Dobrynina E.N., ed. *Deyaniya i poslaniya apostolov. Grecheskaya illyuminovannaya rukopis 1072 goda iz sobraniya Nauchnoy biblioteki Moskovskogo universiteta* [The Deeds and Epistles of the Apostles. The Greek Illuminated Manuscript 1072 Year from the Collection of the Scientific Library of Moscow University]. Moscow, Severnyy palomnik Publ., 2004, pp. 12–14.

11. Fonkich B.L. Mikhail Panergis – pisets Universitetskogo Apostola 1072 g. (paleograficheskiy aspekt issledovaniya) [Michael Panerges, Scribe of the University Apostolos of 1072 (Palaeographical

Aspect of Research)]. *Khrizograf* [Chrysograph], 2018, vol. 4, pp. 346-362.

12. Shchhavelev A. S. «Derzhava Ryurikovichey» v pervoy polovine X veka: khronologiya, territoriya i socialnaya struktura [The Rurikid's Polity in the First Half of the 10th Century: Chronology, Territory and Social Structure]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2017, vol. 1 (21), pp. 82-112.

13. Buck C.D. *The Greek Dialects*. London, Bristol Classical Press, 1998. 375 p.

14. Chatzelis G. *Byzantine Military Manuals as Literary Works and Practical Handbooks. The Case of the Tenth-Century Sylloge Tacticorum*. London, New York, Routledge, 2019. 201 p.

15. Ševčenko I., ed. *Chronographiae quae Theophanis Continuati Nomine Fertur. Liber V. Vita Basilii Imperatoris Amplectitur*. Berlin, De Gruyter, 2011. 582 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Seria Berolinebsis. Vol. XLII).

16. Zachariae von Lingenthal K.E., ed. *Collectio librorum juris Graeco-Romani ineditorum. Ecloga Leonis et Constantini, Epanagoge Basilii, Leonis et Alexandri*. Lipsiae, Sumtibus J.A. Bartii, 1852. 235 p.

17. Jenkins R.G.H., Moravcsik Gy., eds. *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. I. Greek Text and English Translation*. Washington D.C., Dumbarton Oaks, Harvard University, 1967. 341 p.

18. Jenkins R.G.H., ed. *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. II. Commentary*. Washington D.C., Dumbarton Oaks, Harvard University, 1962. 221 p.

19. Eshel Sh. *The Concept of the Elect Nation in Byzantium*. Leiden, Boston, Brill, 2018. 236 p.

20. Gaul N. Zooming in on Constantinople. Introductory Notes on the Interplay of Center, Province and Periphery in the Tenth-Century Byzantine Empire. Gaul N., Menze V., Bálint C., eds. *Center, Province and Periphery in the Age of Constantine VII Porphyrogenetos. From 'De ceremoniis' to 'De Administrando Imperio'*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2018, pp. 1-21.

21. Gignac F.T. *A Grammar of the Greek Papyri of the Roman and Byzantine Periods. Vol. I. Phonology*. Milan, Istituto Editoriale Cisalpino – La Coliardica, 1976. 365 p.

22. Kaldellis A. *Ethnography After Antiquity. Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2013. 277 p.

23. Kaldellis A. *Romanland. Ethnicity and Empire in Byzantium*. Cambridge Massachusetts, London, The Belknap Press of Harvard University Press, 2019. 373 p.

24. Komatina P. Constantine Porphyrogenitus, De Administrando Imperio and the Byzantine

Historiography of the Mid-10th Century. *Zbornik radova Vizantološkog instituta*, 2019, vol. LVI, pp. 39-68.

25. Magdalino P. Knowledge in Authority and Authorized History: The Imperial Intellectual Programme of Leo VI and Constantine VII. Armstrong P., ed. *Authority in Byzantium*. London, New York, Routledge, 2013, pp. 187-210.

26. Magdalino P. Constantine VII and the Historical Geography of Empire. Bazzaz S., Batsaki Y., Angelov D., eds. *Imperial Geographies in Byzantine and Ottoman Space*. Cambridge, Cambridge University Press, 2017, pp. 23-41.

27. Magdalino P. Constantinople in the Age of Constantine VII Porphyrogenetos. Life of the Centre. Gaul N., Menze V., Bálint C., eds. *Center, Province and Periphery in the Age of Constantine VII Porphyrogenetos. From 'De ceremoniis' to 'De Administrando Imperio'*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2018, pp. 39-54.

28. Markopoulos A. Voices from the Centre. Constantine VII Porphyrogenetos and the Macedonian Dynasty in Contemporary Historiography / With the Appendix: Three Letters from R.J.H. Jenkins to Gyula Moravcsik. Gaul N., Menze V., Bálint C., eds. *Center, Province and Periphery in the Age of Constantine VII Porphyrogenetos. From 'De ceremoniis' to 'De Administrando Imperio'*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2018, pp. 22-38.

29. Németh A. A Database for Re-conceiving Imperial Ideology. Constantine VII Porphyrogenetos and the Historical Excerpts. Gaul N., Menze V., Bálint C., eds. *Center, Province and Periphery in the Age of Constantine VII Porphyrogenetos. From 'De ceremoniis' to 'De Administrando Imperio'*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2018, pp. 80-102.

30. Németh A. *The Excerpta Constantiniana and the Byzantine Appropriation of the Past*. Cambridge, Cambridge University Press, 2018. 352 p.

31. Riedel M.L.D. *Leo VI and the Transformation of Byzantine Christian Identity. Writings of an Unexpected Emperor*. Cambridge, Cambridge University Press, 2018. 236 p.

32. Schreiner P. Clothes Make the Men – Writings the Emperor. Tracing Constantine VII Porphyrogenetos and His Œuvre Through the Centuries. Gaul N., Menze V., Bálint C., eds. *Center, Province and Periphery in the Age of Constantine VII Porphyrogenetos. From 'De ceremoniis' to 'De Administrando Imperio'*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2018, pp. 223-242.

33. Shchhavelev A. Treatise De Administrando Imperio by Emperor Constantine VII Porphyrogenitus: Date of the Paris. gr. 2009 Copy, Years of Compiling of the Original Codex, and a Hypothesis about the Number of Authors. *Studia Ceranea. Journal of the Waldemar Ceran Research Centre for the History and*

Culture of the Mediterranean Area and South-East Europe, 2019, no. 9, pp. 681-704.

34. Stouraitis I. Roman Identity in Byzantium: A Critical Approach. *Byzantinische Zeitschrift*, 2014, vol. 107 (1), pp. 175-220.

35. Stouraitis I. Byzantine Romanness: From Geopolitical to Ethnic Conceptions. Pohl W., Gantner C., Grifoni C., Pollheimer-Mohaupt M., eds. *Transformations of Romanness. Early Medieval Regions and Identities*. Berlin, Boston, Walter de Gruyter GmbH, 2018, pp. 123-139.

36. Taugher Sh. *The Reign of Leo VI (886-912). Politics & People*. Leiden, New York, Köln, Brill, 1997. 262 p.

37. Holton D., Horrocks G., Janssen M., Lendary T., Manolessou I., Toufexis N., eds. *The Cambridge Grammar of Medieval and Early Modern Greek. Vol. I. General Introduction and Phonology*. Cambridge, Cambridge University Press, 2019. 237 p.

38. Theotokis G. *Byzantine Military Tactics in Syria and Mesopotamia in the Tenth Century*.

A Comparative Study. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2018. 348 p.

39. Dennis G.T., ed. *Three Byzantine Military Treatises*. Washington D.C., Dumbarton Oaks, 1985. 380 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. XXV).

40. Trapp E. Learned and Vernacular Literature in Byzantium: Dichotomy or Symbiosis? *Dumbarton Oaks Papers*, 1993, vol. 47, pp. 115-129.

41. Treadgold W. *The Middle Byzantine Historians*. London, New York, Palgrave Macmillan, 2013. 546 p.

42. Treadgold W. Why Write a New History of Byzantium? Maleon P., Maleon A.-E., eds. *Treadgold W. Studies in Byzantine Cultural History*. București, Brrila, Editura Academiei Române, Editura Istros a Muzeului Brăilei "Carol I", 2015, pp. 83-104.

43. *Kōnstantinos Z o Porphyrogennētos kai ē epochē tou* [Constantine VII Porphyrogenitus and His Age]. Athens, European Cultural Centre of Delphi, 1989. 433 p.

Information About the Author

Aleksei S. Shchavelev, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of History of Byzantium and Eastern Europe, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Leninskiy Prosp., 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, alexissorel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0997-8235>

Информация об авторе

Алексей Сергеевич Щавелев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Истории Византии и Восточной Европы, Институт всеобщей истории РАН, Ленинский просп., 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, alexissorel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0997-8235>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.25>

UDC 94“04/14”:930
LBC 63.3(0)4Г

Submitted: 01.07.2020
Accepted: 17.07.2020

BYZANTINO-SLAVIC AND BULGARIAN MIDDLE AGES IN THE RECENT WORKS BY SCHOLARS FROM THE UNIVERSITY OF LODZ

Dmitry I. Polyvyanny

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

Abstract. The review considers the recent works by Polish academicians from two departments of the University of Lodz – History of Byzantium and Slavic Philology dedicated or related to the history and culture of medieval Bulgaria and the entire Byzantino-Slavic community of the 10th – 15th c. aiming to represent them to Russian audience, to reveal their contributions to the mentioned fields and to appreciate the current achievements of the forming academic school of the University of Lodz. Its beginning cannot be divided from the name of the disciple of prominent Polish Byzantinist Professor Halina Ewert-Kappesowa (1904–1985), Professor Waldemar Ceran (1936–2009), whose research and organizational activities led to the establishment of “Byzantina Lodziensia” book series (39 volumes published in 1997–2020), and in 2003 – to the Department of the History of Byzantium opening. These foundations met resonance and support from a new trend of the research activities in the University of Lodz – Old Slavonic literature studies – initiated by highly skilled paleoslavist Professor Georgi Minczew who began his work at the Department of Slavic Philology in the middle of the 1990s. The growing synergy of the Byzantine and Slavic trends resulted in the creation in 2011 of Ceraneum – the Centre of Research in History and Culture of Mediterranean and South-Eastern Europe named after W. Ceran (Centrum Badań nad Historią i Kulturą Basenu Morza Śródziemnego i Europy Południowo-Wschodniej im. prof. Waldemara Cerana, Ceraneum). Under its aegis the University of Lodz is editing annual scholarly journal “Studia Ceranea” (10 issues in 2011–2020) and since 2019 convenes in the historical venue of Bidermann Palace, the residence of the centre, annual international colloquium “Colloquia Ceranea” which attracts leading Polish and international scholars in Byzantine, Slavic and Bulgarian medieval history and culture. The author critically reviews monographs and miscellanies published by academicians of the University of Lodz in the recent five years and concludes upon the main research directions, results and perspectives of the University of Lodz school of Byzantine, Medieval Slavic and Bulgarian research.

Key words: Middle Ages, Byzantium, Slavs, Bulgaria, University of Lodz, Waldemar Ceran, Georgi Minczew.

Citation. Polyvyanny D.I. Byzantino-Slavic and Bulgarian Middle Ages in the Recent Works by Scholars from the University of Lodz. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 305–316. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.25>

УДК 94“04/14”:930
ББК 63.3(0)4Г

Дата поступления статьи: 01.07.2020
Дата принятия статьи: 17.07.2020

ВИЗАНТИЙСКО-СЛАВЯНСКОЕ И БОЛГАРСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В НОВЕЙШИХ ТРУДАХ УЧЕНЫХ УНИВЕРСИТЕТА ЛОДЗИ

Дмитрий Игоревич Полювянный

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Российская Федерация

Аннотация. В обзоре рассматриваются новейшие работы польских ученых двух кафедр Лодзинского университета – истории Византии и славянской филологии, посвященные или касающиеся истории и культуры средневековой Болгарии и всей византийско-славянской общности X–XV вв., с целью представить их российской аудитории, раскрыть их вклад в исследование указанных областей и оценить текущую деятельность развивающейся в Лодзи научной школы и ее перспектив. Ее начало неотделимо от имени ученика выдающего польского византолога Халины Эwert-Каппесовой (1904–1985), профессора Вальдемара Церана

(1936–2009), чьими усилиями было начато издание Лодзинским университетом серии «Byzantina Lodziensia» (в 1997–2020 гг. опубликованы 39 томов) и в 2003 г. была открыта кафедра истории Византии. Эти начинания нашли отклик и поддержку еще одного, нового тренда исследовательской деятельности университета – изучения средневековой литературы и фольклора православных славян – во главе с высококвалифицированным палеославистом, получившим всестороннюю подготовку в Софийском университете Георгием Минчевым, который начал работу на кафедре славянской филологии в середине 1990-х годов. Растущая синергия византийского и славянского направлений выразилась в создании в 2011 г. Центра исследований истории и культуры средиземноморского бассейна и Юго-Восточной Европы имени профессора В. Церана или Церанеума (Centrum Badań nad Historią i Kulturą Basenu Morza Śródziemnego i Europy Południowo-Wschodniej im. prof. Waldemara Cerana, Ceraneum). Под его эгидой Лодзинский университет издает научный ежегодник «Studia Ceranea» (в 2011–2020 гг. опубликовано 10 томов), а с 2019 г. проводит международный научный коллоквиум “Colloquia Ceranea”, привлекающий в исторический интерьер особняка Бидерманна – резиденции Центра – ведущих польских и зарубежных ученых в области византийской, средневековой славянской и болгарской истории и культуры. Автор критически аннотирует монографии и сборники научных трудов лодзинских ученых в этих областях, изданные в последние пять лет, делая выводы об основных достижениях ученых Лодзинского университета в этих областях, о направлениях и перспективах дальнейших исследований.

Ключевые слова: Средние века, Византия, славяне, Болгария, Лодзинский университет, Вальдемар Церан, Георгий Минчев.

Цитирование. Польшанский Д. И. Византийско-славянское и болгарское средневековье в новейших трудах ученых университета Лодзи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 305–316. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.25>

Введение. Становление локальной научной школы, как правило, заметно с выходом в академическую науку третьего поколения воспитанных в ее лоне ученых, которые сознают значение традиций, заложенных их предшественниками, и способны их достойно продолжить и развить. Корни заявившей о себе в начале нынешнего века Лодзинской школы византийско-славянских исследований прочны и глубоки. Ее историю следует начать с трудов Халины Эверст-Каппесовой (1904–1985) – одной из первых польских ученых-византологов и ученицы основателя кафедры истории Византии Варшавского университета – профессора Казимежа Закжевского (1900–1941), погибшего от рук нацистов. Х. Эверст-Каппесова с 1950 г. работала в Лодзинском университете, открыв в 1957 г. отделение истории Византии, где в 1960 г. начал свою академическую карьеру ее ученик и продолжатель Вальдемар Церан (1936–2009). В. Церану принадлежит заслуга создания в Лодзинском университете кафедры истории Византии (2003), объединившей его учеников, включая его преемника на заведовании кафедрой проф. Мачея Кокошко.

Основанная В. Цераном в 1997 г. серия «Byzantina Lodziensia», публикуемая издательством Лодзинского университета, сейчас на-

считывает 39 томов, среди которых – составленная В. Цераном двухтомная аннотированная библиография трудов польских исследователей истории Византии [7]. Первым в этой серии трудом по византийско-славянской тематике была монография ученика В. Церана Мирослава Лешки об образах государей первого Болгарского царства в византийских письменных источниках VIII – первой половины XII века [8]. Десятилетие спустя профессор М. Лешка продолжил византийско-болгарское направление книгой о болгаро-византийских отношениях в правление Симеона [9], а затем – написанной в соавторстве с Зофьей Бжозовской монографией о болгарской царице Марии-Ирине Лакапине (927–953), «ни святой, ни злодейке» [5]. Содержание исследования вошло в изданную в Лодзи на английском языке коллективную монографию «Болгарское государство в 927–969 гг. Эпоха болгарского царя Петра I» [18], в которой приняли участие болгарские медиевисты М. Каймакамова, Г. Николов, А. Николов и Н. Хрисимов. Годом позже в Кракове была опубликована коллективная монография М. Лешки, З. Бжозовской и Кирилла Маринова «Петр I Святой, царь болгарский (ок. 912–969). Мария Лакапина, царица болгарская (ок. 912–963)» [6], предназначенная польскому читателю. Сербско-визан-

тийская тематика представлена в исследованиях лодзинских историков книгой Блажея Шефлиньского о «трех обличьях» св. Саввы Сербского – исторической фигуры, самопрезентации и литературного персонажа [17].

С созданием в середине 1990-х гг. в Лодзи кафедры славянской филологии во главе с языковедом-болгаристом проф. Малгожатой Корытковской и с приходом в ее состав (а затем и на заведование) Георгия Минчева, выпускника Софийского университета св. Климента Охридского и видного филолога-медиевиста, получило новый импульс развития историко-филологическое направление византийско-славянских исследований, стержнем которого стали исследования православной славянской духовной культуры, а в их рамках – канонических, псевдоканонических и апокрифических текстов, в значительной части созданных в рамках средневековой болгарской книжности. Направление заявило о себе двумя международными научными конференциями «Славянская апокрифическая библия» (2006 и 2009 гг.), посвященными ветхозаветным и новозаветным славянским¹ апокрифам, и изданиями их материалов, осуществленными в сотрудничестве с другим крупным центром польской палеославистики – Краковским университетом.

В 2007 г. на кафедре славянской филологии было создано отделение палеославистики и народной культуры, в которое помимо Г. Минчева вошли выпускники университета Лодзи Малгожата Сковронек, Зофия Бжозовска и Иван Петров. Визитной карточкой нового исследовательского направления стали монографии и сборники, объединяющие исследовательские тексты с комментированными изданиями источников в оригиналах и переводах на польский язык. Так, ей было предпринято издание источников о жизни и деятельности киевской княгини Ольги [3]. Еще один труд З. Бжозовской, также вышедший в этой серии, посвящен образу Софии-Премудрости Божьей в византийско-славянской культуре [4]. В 2019 г. исследовательница совместно с И. Петровым опубликовала древнерусский текст и польский перевод старшей редакции I Новгородской (по терминологии А.А. Гиппиуса и Т.В. Гимона [1] – Новгородской владычной) летописи, ведшейся при ка-

федральном храме Великого Новгорода – св. Софии – и сохранившейся в списке 786 Синоподального собрания Государственного исторического музея середины XIV в. [12]. Молодой ученый Ян Миколай Вольски выпустил в серии *Byzantina Lodziensia* монографию о болгарской монашеской культуре позднего Средневековья [1], приложением к которой стали тексты среднеболгарского Номоканона по рукописи № 1060 Церковного историко-архивного музея в Софии в оригинале и переводе на польский язык.

В понимании лодзинских ученых-славяноведов палеославиистические исследования по определению междисциплинарны и наднациональны, а также должны сочетать текстологический и языковедческий анализ средневековых текстов с исследованиями их общекультурного контекста, прежде всего, литургики, искусства и фольклора. Примеры реализации такого подхода – докторские диссертации Г. Минчева о функционировании православных канонических текстов в сакральном искусстве и фольклоре балканских славян [11] и его ученицы М. Сковронек – об образе Архангела Михаила в культуре православных славян на Балканах [13].

Синергия византологического и палеославиистического направлений выразилась в создании в Лодзинском университете в 2011 г. междисциплинарного центра исследований средневекового Средиземноморья им. В. Церана. Центр, ядро которого составляют лодзинские византинисты и палеославиисты, объединяет более ста ученых из многих стран мира и издает ежегодник «*Studia Ceranea*» (в 2011–2020 гг. вышло 10 томов, с 2019 г. издание индексируется в международной базе данных SCOPUS). С 2015 г. под эгидой Центра публикуется серия научных трудов «*Series Ceranea*», к настоящему времени насчитывающая пять томов. В 2019–2020 гг. были проведены два международных научных форума «*Colloquia Ceranea*» (коллоквиум 2020 г. – в удаленном формате). Материалы первого из них опубликованы в IX выпуске *Studia Ceranea* за 2019 год.

Методы. Задачи нашего обзора – в рамках научных интересов и компетентности автора дать общую характеристику формирования лодзинской школы византийско-славян-

ских исследований в текущем веке; охарактеризовать в порядке их выхода в свет тематику и методологию опубликованных в 2015–2020 гг. под эгидой кафедр истории Византии и славистики, а также Центра им. В. Церана университета Лодзи монографических трудов, а также оценить их значение на фоне современного состояния мировой византистики и болгаристики и дальнейшие перспективы развития.

В силу ограниченности объема рецензии основной применяемый нами метод – аннотирование с отдельными критическими замечаниями. Поскольку в большинстве рецензируемых работ не заявлены вербально применяемые их авторами методы, мы стремимся выявить методологические особенности трудов лодзинских исследователей путем их сравнения между собой и с аналогичными им по тематике современными научными работами.

Анализ. Открывший серию «Series Sereana» сборник славянских источников о средневековых дуалистических ересеях [16] включает комментированные издания пятнадцати отрывков текстов X–XV вв., созданных в Болгарии, Сербии и Древней Руси, в оригиналах и переводах на польский язык. Книгу открывает статья Г. Минчева «Славянские антиеретические тексты как источники для изучения дуалистических ересей на Балканах», содержание которой существенно выходит за рамки обычного предисловия. Автор придерживается подхода к средневековым ересям православных Балкан как к гетерогенному, но внутренне связанному комплексу умозрительных представлений и религиозных практик, восходящих к восточным религиозным учениям и движениям – манихейству, мессалианству и павликианству. Богомилство, представляемое в славянских источниках как «новоявленная ересь», по мнению Минчева, сочетало доктринальные представления предшествовавших ему еретических учений с элементами иконоборчества, «потрясавшего византийскую ойкумену в VIII–IX вв.» [16, s. 29]. Представленные в сборнике тексты автор относит к восьми группам источников: антиеретическим трактатам (Беседа против еретиков пресвитера Космы); церковно-правовым текстам (болгарский и сербский Синодик в Неделю православия, Кормчие книги); агиографическим сочинениям («Житие Фео-

досия Тырновского» патриарха Каллиста и «Житие Иллариона Мегленского» патриарха Евфимия Тырновского); кратким описаниям ереси в литургической и монастырской книжности (служебники и уставы); усвоенным церковью псевдоканоническим книгам («Историческая палея»), «литературным текстам, бытовавшим на границе между канонической и неканонической литературами» («Слово о происхождении павликиан»); свидетельствам о еретиках в контексте богословских рассуждений («Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского). В третьем параграфе вступительной статьи Г. Минчев оправданно ставит вопрос о взаимоотношениях антиеретической и еретической книжности, указывая на обилие общих мест и литературных штампов, перешедших в славянские тексты из византийских греческих источников, прежде всего «Догматического всеоружия» Евфимия Зигавина и «Алексиады» Анны Комнины, а также нашедших отражение в латинской «Тайной книге богомилов». В статье подробно изложены доктринальные положения богомилства. Вошедшие в книгу тексты выполнены по новейшим научным изданиям и в ряде случаев впервые вводятся в оборот как источники по истории богомилства. Так, четырнадцать отрывков из «Шестоднева» Иоанна Экзарха косвенно подтверждают высокий авторитет его автора как борца с ересями, упоминаемый Космой Пресвитером. Вместе с этим важно вспомнить, что в другой компендиум Иоанна Экзарха – «Небеса» – не вошли именно антиеретические главы его прототипа – «Точного изложения православной веры» св. Иоанна Дамаскина. На фоне пространных текстов «Беседы против еретиков» Космы Пресвитера, Синодика болгарской церкви и житий св. Иллариона Мегленского, Феодосия Тырновского и Ефрема Сербского менее информативными выглядят небольшие фрагменты Скитского устава, Номоканона Псевдо-Зонары и других канонических текстов, но именно они придают сборнику как коллекции славянских известий о богомилстве и других дуалистических ересях новизну и позволяют составить более точное представление об источниках приводимых ими сведений. Достоинство открыв новую серию научных публикаций Центра им. В. Церана, книга, на наш взгляд, высту-

пила моделью для других работ по византийско-славянской культурной истории, сочетающих обобщающее исследование с научной публикацией, пополняющейся в основном рукописным материалом.

Книга Я. Вольского [20], написанная по материалам защищенной годом ранее докторской диссертации, содержит очерки монастырской жизни в Болгарии XIII–XIV вв. и воспроизведение по рукописному тексту относящихся к теме отрывков хранящегося в Болгарии так называемого Архивского номоканона XIV века². Ее открывает источниковедческий обзор, включающий как нарративы, так и характеристики сохранившихся рукописей и других свидетельств состава монастырских библиотек. Начав обзор с немногих сохранившихся описей греческих и славянских книг в монастырях XIII–XIV вв., автор продолжает его рекомендациями монастырских уставов и завершает анализом присутствия и цитирования отдельных сочинений в некоторых среднеболгарских рукописях. Во второй части обзора Я. Вольский обращается к нормативным текстам, среди которых особо выделены указанный выше Архивский номоканон и канонические указания Берлинского сборника начала XIV века. Третью часть обзора составили краткие характеристики житий болгарских патриархов Иоакима и Евфимия, подвижников Григория Синаита, Феодосия Тырновского, Ромила Бдинского и созданных в XIII–XIV вв. житий болгарских монахов более раннего времени, а завершает обзор источников краткая справка о сохранившихся грамотах государей второго Болгарского царства монастырям. На наш взгляд, автор мог бы почерпнуть дополнительную информацию из так называемых монастырских сборников смешанного состава, но привлек к анализу лишь Берлинский сборник начала XIV века. Наблюдения за изменениями их репертуара, наличием текстов, лежащих на грани между каноническими и неканоническими сочинениями, а иногда и за ней, распространение в монастырских сборниках со второй половины XIV в. аскетических текстов (переводы «Диоптры» Филиппа Монотропа и трудов, приписываемых Дионисию Ареопагиту и пр.), расширяют возможность судить о духовных интересах монашествующих и их эволюции.

Первые две части второго, исследовательского раздела «Культура монашества» посвящены соответственно идеалам монашеской жизни (отчуждению от мира, покаянию и молитве) и ее «стилям»: общежительному, отшельническому, «полууединенному» исихастскому и особножительному, который наряду с упоминаемым в Архивском номоканоне «самоволием» отнесен к аномальным. Третья часть раздела, по объему равная двум первым, трактует о «месте монашеского движения в общественной жизни средневековой Болгарии XIII и XIV вв.» и могла бы составить отдельную часть книги. В ней выделены параграфы о жизнеописаниях святых мужей; роли монахов как хранителей и защитников государства, их заботе о спасении душ и роли монастырей как центров хозяйственной, литературной и образовательной деятельности. Книгу завершает краткий вывод о роли монашества как сообщества «профессиональных христиан», выполнявших важнейшую в средневековом обществе функцию «молитвенного делания», что формировало их особый статус в глазах средневековых болгар помимо других значимых функций в различных сферах общественной жизни. Если автор в дальнейшем сумеет развить его на более широкой источниковой основе и в рамках ясно представляемой и внятно сформулированной методологии, его дальнейшие исследования, несомненно, смогут занять важное место в историографии культуры болгарского Средневековья.

Третьим и четвертым томами в серии «Series Seranea» вышли на английском и польском языках монографии М. Сковронек о втором славянском переводе византийской компиляции ветхозаветных библейских сказаний, известной как Историческая Палея. В первой из них [14] наряду с критическим изданием текста памятника по восьми из десяти известных на сегодняшний день южнославянских списков XIV–XVII вв. автор характеризует особенности рукописной традиции, историю ее изучения, содержание памятника и отличия второго славянского перевода от предшествующих. Вторая книга «Библейские повествования. Палея историческая в византийско-славянской традиции» [15] помимо этого включает исследования происхождения и

содержания цитат из Ветхого Завета, способов конструирования сакральной истории, а также вошедших во второй перевод поэтических произведений и анафем. Особое значение имеет приложение, включающее текстологическую стемму, сопоставление названий глав в различных списках, сравнение текстов Покаянного канона, тексты, составляющие «конвой» списков Исторической Палеи в различных сборниках (цикл мистагогических и богословских текстов, имеющийся в трех списках); историю Сусанны; слово о происхождении Святого Семейства и другие сказания на ветхозаветные темы.

Переходя непосредственно к средневековой болгарской исторической тематике, мы отдаем себе отчет, что впечатления читателя не всегда совпадают с результатами реализации авторского замысла и не могут быть основой для оценки такового, особенно если он не заявлен в научной работе вербально и недвусмысленно. В предисловии к вышедшему через четыре года после лодзинского издания болгарскому переводу книги о Симеоне Великом (893–927) [2, с. 9–11] М. Лешка предложил своим новым читателям взглянуть на образ первого болгарского царя «под другим углом», представив его и его деяния результатом многолетнего политического и культурного взаимодействия Болгарии с Восточной Римской империей. В основе такого подхода находятся как характер и содержание источниковой основы работы (уместно напомнить, что написанию книги о Симеоне предшествовала монография М. Лешки об образах болгарских государей в византийских источниках VIII–XII вв.), так и характерное для историка Византии представление о цивилизующей роли Константинополя в развитии народов и государств востока Европы. В то же время автор строго соблюдает грань между гипотезой и домыслом, последовательно ставя под сомнение или отвергая имеющиеся в научной литературе предположения, не находящие подтверждений в источниках – о сакральном значении отстранения Борисом-Михаилом от власти старшего сына Владимира-Расате, соборном избрании тридцатилетнего Симеона государем в 893 г., решении на том же соборе перенести столицу в Преслав и пр. История правления Симеона целиком поме-

щена в контекст болгаро-византийских отношений, рассматриваемых на примерах болгаро-византийской войны 893–896 гг.; ее «странного» продолжения в 897–904 гг.; обострения отношений в ходе династического кризиса в Константинополе в 912–913 гг.; перемирия в сентябре 913 г., закрепленного так называемой «коронацией» Симеона патриархом Николаем Мистиком; возобновления конфронтации в 914–924 гг., когда Симеону удалось разгромить войска императора Романа Лакапина 20 августа 917 г. под Анхиалом, но он не сумел закрепить военные успехи, вследствие чего очередные переговоры с Византией в 924 г. не дали значимого результата. М. Лешка оправданно отвергает версию о новом походе Симеона на Константинополь в 927 г., подготовка к которому была якобы прервана неожиданной смертью болгарского царя, аргументированно видя результаты византийской политики Симеона в «вечном мире» и династическом браке, заключенными Константинополем с его сыном Петром. Две последние главы книги составляют пространное заключение к книге. Целями болгарского государя в его войнах с Византией признаются достижение политического равновесия между Болгарией и Византией через равное достоинство государств и церковей и, как следствие, установления дальнейших мирных отношений. Отмечая, что войны Симеона велись преимущественно на территории империи, автор указывает, что исторические свидетельства о Симеоне в Константинополе и Преславе соответственно сохранили два образа: военного вождя и хитрого политика у византийцев и мудрого правителя, покровителя книжности – у болгар. Строго академический тон и скрупулезный анализ источников выгодно отличаются оценку польским ученым Симеона и его деятельности и от полных суперлативами популярных биографических очерков, и от масштабных историографических схем «Симеонова века» или «Преславской цивилизации».

На наш взгляд, труды и ученики М. Лешки дали импульс масштабному исследовательскому проекту комплексного изучения истории первого Болгарского царства, началом которого стала вышедшая в свет в 2015 г. в издательстве Польской Академии наук коллективная монография под редакцией М. Леш-

ки и К. Маринова «Болгарское царство. Политика – общество – хозяйство – культура. 866–971» [10]. Книга состоит из двух частей, посвященных политической истории первого Болгарского царства (авторы оговаривают свое понимание этого термина, не распространяющееся на правление Самуила), и развитию в его рамках государства, общества, экономики и культуры. Обращает внимание критическое – а временами остро полемическое – изложение фактов политической истории в контексте посвященных им научных трудов. Объем примечаний в книге почти равен тексту самого исследования, критические замечания даны в корректном, но твердом тоне. Очерк политической истории начинается правлением Бориса-Михаила, первые датированные сведения о котором относятся к 852 г., и обстоятельствами принятия болгарским князем христианства, которое М. Лешка вслед за Т. Василевским относит к 866 году. Эта дата, вынесенная в заглавие труда, служит точкой отсчета истории Болгарского царства, причем автор подтверждает источниками и другое предположение своего польского предшественника – о том, что выступление болгарской знати против Бориса предшествовало крещению, а не последовало за ним. В политический раздел вошли и основные выводы книги автора о царствовании Симеона, которого он называет «творцом первого Болгарского царства». Главы о правлениях его сына царя Петра (927–969) и внука Бориса II (969–971), написанные М. Лешкой совместно с К. Мариновым, завершает вывод, что походы Иоанна Цимисхия с их триумфальным завершением в Константинополе – развенчанием потомка и соименника крестителя Болгарии Бориса II – первоначально не имели столь масштабной цели, и император решил положить конец политическому бытию Болгарского царства, воочию убедившись в его упадке, но не предполагая при этом, что оставшиеся вне зоны военных действий юго-западные земли могут стать очагом многолетнего сопротивления болгар византийскому завоеванию. Вторая часть книги открывается разделом о государстве и обществе, также написанным М. Лешкой и К. Мариновым. В него вошли разделы о монархе, центральных и провинциальных властях, столицах государства – Плис-

ке и Преславе. В отдельный параграф вынесен вопрос о так называемых государственных «соборах», где авторы констатируют отсутствие сведений источников об их постоянном функционировании в системе государства. Завершают раздел очерки К. Маринова о вооруженных силах и оборонительной системе первого Болгарского царства. Второй раздел посвящен роли церкви. Обращаясь в первом параграфе к вопросу о статусе болгарской церкви, М. Лешка критически рассматривает существующие в болгарской научной литературе гипотезы и приходит к выводу, что оформление самостоятельной церковной организации завершилось установлением патриархии лишь в начале царствования Петра. Я. Вольский во втором параграфе пишет о распространении различных монастырских практик в Преславе, где существовали крупные монастыри, и в отдаленных горных обителях, где задолго до св. Иоанна Рильского распространилось отшельничество, а в четвертом – рассматривает строительство храмов и монастырей. Между этими текстами помещен параграф о богомилстве, в котором автор, участвовавший в переводе текстов для издания Г. Минчева, критически относится к попыткам поисков в этом движении антигосударственных и социальных мотивов. Написанный К. Мариновым третий раздел о хозяйстве раннесредневековой Болгарии акцентирует условия развития, виды хозяйственной деятельности и коммуникационную инфраструктуру ее экономики. Автор замечает, что избрал элементы хозяйства, которые считает репрезентативными, но, на наш взгляд, раздел вполне завершен и репрезентативен. Его следует считать серьезным вкладом в историографию первого Болгарского царства, особенно с учетом ухода в последние тридцать лет социально-экономической тематики на второй план и в болгарской, и мировой медиевистике. Последний, четвертый, раздел книги о духовной культуре и литературе Болгарии конца IX – X в. принадлежит Я. Вольскому и в основных чертах следует общим трудам болгарских и отчасти российских ученых по данной тематике, включая выделение Преславской и Охридской литературных школ, которым посвящены два составляющие его параграфа. Книга завершается лаконичным заключением, что

именно плоды краткого, но бурного развития первого Болгарского царства после принятия христианства под руководством основанной Борисом-Михаилом династии, а также историческая память болгар об их свершениях создали прочную основу для сохранения, восстановления и дальнейшего развития болгарской средневековой государственности.

Наиболее крупный труд лодзинских ученых в области византийско-болгарских исследований на сегодняшний день является результатом реализации М. Лешкой, З. Бжозовской, К. Мариновым и Я. Вольским масштабного проекта, посвященного средневековой Болгарии в эпоху царя Петра (927–969) [18]. В нем приняли участие ученые-медиевисты двух болгарских университетов – Софийского и Великотырновского – М. Каймакова, А. Николов и Н. Хрисимов. Монография о болгарском государстве в царствование Петра (927–969) – первое в историографии полномасштабное и комплексное исследование наименее исследованной эпохи в истории средневековой Болгарии. В изданной на английском языке в серии «Byzantina Lodziensia» (т. XXXIV) книге – три раздела, посвященные событиям и структурам в Болгарии эпохи Петра, а также их отражению в средневековых источниках и историографии. Книгу в целом открывает краткий обзор источников и литературы, а две вступительных главы первого раздела повествуют о внутреннем и внешнем контекстах восхождения Петра на царский трон. Они написаны М. Лешкой на основе его прежних исследований и глубокого анализа современной болгарской историографии, включая работы на полях академического мэйнстрима. Третья глава – «Мир», – написанная Лешкой в соавторстве с К. Мариновым, посвящена обстоятельствам заключения и условиям мирного договора с Византией 927 г., который конституировал положение Болгарии в ее отношениях с Византией. Отдельное значение придается брачному соглашению, установившему статус болгарского царя в «семье государей», которой представлялась из Константинополя византийская ойкумена. Важность брачного союза подчеркивается включением главы З. Бжозовской о византийской супруге царя Петра Марии Лакапине, где, как и в изданной годом ранее монографии,

проводится параллель с византийской супругой киевского князя Владимира Святого Анной. По мнению автора, обе константинопольские принцессы выступали символами имперской санкции власти их мужей, не принимая участия в государственном управлении. Вторую половину раздела составляют написанные М. Лешкой и К. Мариновым главы V–VIII о внутренних и внешнеполитических делах в царствование Петра, кризисе болгаро-византийских отношений после смерти Марии (963–969), последних годах правления болгарского царя и коротком царствовании его сына Бориса II (969–971). Запомнившееся болгарам, с одной стороны, как годы изобилия в правление святого царя, а с другой – как время появления богомильской ереси, царствование Петра завершилось «ратными бедами» и крушением государственности, созданной усилиями трех поколений первой династии христианских правителей раннесредневековой Болгарии. Второй раздел – «Структуры» – состоит также из восьми глав, две из которых – о повседневной жизни Болгарии эпохи царя Петра и организации государственной власти написаны болгарскими историками Н. Хрисимовым и Г. Николовым, а еще одна – о культуре – совместно З. Бжозовской и А. Николовым. Основное содержание главы составляют очерки К. Маринова о географической среде и геополитике Болгарского царства Петра, его хозяйственной жизни, вооруженных силах и военных конфликтах с Византией, в которых особую роль играл главный для Константинополя геополитический маркер Болгарии – горы с их труднопроходимыми перевалами и воинственными жителями. В главе о церкви М. Лешка связывает с правлением Петра оформление ее статуса и внутренней организации, а Я. Вольский пишет о состоянии монашества и развитии богомильства. В завершающей раздел главе о культуре З. Бжозовская представила церковную архитектуру и искусство, преодолевая неизбежную описательность анализом сведений письменных источников о болгарских иконах и храмовых росписях этого времени. Третий раздел – «Интерпретации» – составляют четыре главы, одна из которых – о почитании царя Петра в болгарских землях под властью Византии – написана профессором Софийского универси-

тета М. Каймакамовой. Очерки М. Лешки об образе царя Петра в средневековых болгарских, византийских и латинских источниках и К. Маринова об исторических сведениях в «Слове о мире с болгарями», атрибутируемом византийскому сановнику Феодору Дафнопату, в общих чертах повторяют ранее вышедшие по-польски публикации, в то время как написанный специально для книги Я. Вольским подробный обзор историографии эпохи царя Петра охватывает всю литературу вопроса от Мавро Орбини до современных авторов и представляет, наряду с внушительным списком литературы, особый интерес для внимательного читателя. Краткое, но емкое заключение подчеркивает, что именно в правление Петра средневековая Болгария окончательно отстроила свою государственность и сумела ее защитить от многочисленных врагов, но была предана своим южным соседом и долговременным внешнеполитическим партнером – Византией. Петр последними усилиями смог отстоять свою страну от спровоцированного Константинополем похода Святослава Игоревича, но его наследники понесли военное поражение от Константинополя и были вынуждены возратить Второму Риму полученные Петром царские инсигнии вместе с символом небесной защиты их столицы – храмовой иконой Богородицы. Однако именно Петр запомнился потомкам как последний независимый государь первого Болгарского царства, а его имя стало символом государства в долгие десятилетия пребывания болгарских земель в составе Византийской империи.

Еще одна форма представления результатов исследований и интеграции с коллегами из других польских и зарубежных научных центров – тематические сборники, примером которых является вышедший в свет в текущем году том «Призрак Магомета, тень Самуила», посвященный средневековым представлениям других религий и культур о Византийской империи [19]. В книгу вошли статьи по докладам двух секций Шестого конгресса польских медиевистов, состоявшегося в 2018 г. во Вроцлаве. Интересующая нас тематика представлена в этом сборнике статьей З. Бжозовской о влиянии византийских авторов на историческое сознание восточных

и южных славян на примере сказания о Мухаммеде в «Истории павликиан» Петра Сицилийского, двумя работами М. Лешки – об образе болгарского правителя Самуила у византийских авторов и об отражении арабско-византийского противостояния в X в. в хронике Константина Манассии; обзором текстов Палеи исторической против еретиков и мусульман М. Скворонек и статьей профессора кафедры истории Византии Лодзинского университета Терезы Волиньской о второй арабской редакции сказания о сирийском монахе Сергии (Саргисе) Бахире, одним из первых распознавшем в юном Мохаммеде посланного Богом пророка.

Результаты. На наш взгляд, рассмотренные выше работы лодзинских медиевистов существенно обогатили научную литературу по истории и культуре средневековой Болгарии, укрепив представление о ней как об интегральной части византийско-славянского сообщества IX–XV вв., уточнив важные факты политической истории Болгарии X в. и дав актуальные трактовки отдельным проблемам духовной культуры, социальной и экономической жизни, а также военной истории болгарского Средневековья. Рецензируемые работы отчетливо намечают основные направления, в которых развивается школа, выйдя за пределы публикации в основном квалификационных работ и реализуя масштабные исследовательские проекты, в том числе в сотрудничестве с зарубежными учеными. Рост числа англоязычных публикаций идет в тренде растущего взаимодействия с мировым научным сообществом. Нарбатываются и уточняются методологические подходы к изучаемым темам, что придает научной школе византийско-славянских исследований Лодзинского университета своеобразие, необходимое для ее дальнейшего развития как одного из ведущих международных центров в области византийско-славянских и болгарских исследований. Зрелость научной школы определяется наличием и качеством исследовательской программы, сочетающей ясно сформулированные научные проблемы и совершенствование методологического инструментария для их разрешения в активном взаимодействии с ведущими мировыми центрами и учеными. Лодзинская школа, убедительно позиционируя

себя в текущем столетии, набирает темпы на этом пути. Рецензенту остается искренне позавидовать той поддержке, которую она получает в своем университете, региональном и национальном сообществах, и пожелать коллегам новых достижений на этом пути.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее термин «славянский», как и в рецензируемых текстах, обозначает язык средневековых письменных источников без уточнения его изводов и редакций.

² Памятник является неполным списком распространённого на православных Балканах номоканона Псевдо-Зонары (Зинар). Название дано издателями фототипного текста рукописи по ее местонахождению в Церковно-историческом архивном институте при Священном Синоде Болгарской православной церкви в г. София, № 1060.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гимон, Т. В. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи / Т. В. Гимон, А. А. Гиппиус // Новгородский исторический сборник. – 1999. – Вып. 7 (17). – С. 18–47.
2. Лешка, М. Симеон Велики и Византия. Из историята на българо-византийските отношения през 893–927 гт. / М. Лешка. – София : Агата-А, 2017. – 368 с.
3. Brzozowska, Z. Święta księżna kijowska Olga. Wybór tekstów źródłowych / Z. Brzozowska. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2014. – 220 s.
4. Brzozowska, Z. Sofia – upersonifikowana Mądrość Boża. Dzieje wyobrażeń w kręgu kultury bizantyńsko-słowiańskiej / Z. Brzozowska. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2015. – 490 s.
5. Brzozowska, Z. Maria Lekapene, Empress of the Bulgarians: Neither a Saint nor a Malefactress / Z. Brzozowska, M. Leszka. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2017. – 228 s.
6. Brzozowska, Z. Piotr I Święty, car bułgarski (ok. 912–969). Maria Lekapena, caryca bułgarska (ok. 912–963) / Z. Brzozowska, M. Leszka, K. Marinow. – Kraków : Avalon, 2018. – 347 s.
7. Ceran, W. Historia i bibliografia rozumowana bizantynologii polskiej (1800–1998). Vol. I–II / W. Ceran. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2001. – 786 s.
8. Leszka, M. Wizerunek władców pierwszego państwa bułgarskiego w bizantyńskich źródłach pisanych (VIII – pierwsza połowa XII wieku) / M. Leszka. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2003. – 169 s.

9. Leszka, M. Symeon I Wielki a Bizancjum. Z dziejów stosunków bułgarsko-bizantyńskich w latach 893–927 / M. Leszka. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2013. – 368 s.

10. Leszka, M. Carstwo Bułgarskie. Polityka – społeczeństwo – gospodarka – kultura, 866–971 / M. Leszka, K. Marinow. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 2015. – 385 s.

11. Minczew, G. Święta księga – ikona – obrzęd. Teksty kanoniczne a ich funkcjonowanie w sztuce sakralnej i folklorze Słowian na Bałkanach / G. Minczew. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2003. – 223 s.

12. Petrov, I. Latopis nowogrodzki pierwszy starszej redakcji. Unikatowy zabytek piśmiennictwa staroruskiego i jego polski przekład / I. Petrov, Z. Brzozowska. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2019. – 436 s.

13. Skowronek, M. Świat cały ma Cię za obrońcę. Michał Archanioł w kulturze Słowian prawosławnych na Bałkanach / M. Skowronek. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2008. – 240 s.

14. Skowronek, M. Palaea Historica. The Second Slavic Translation – Commentary and Text / M. Skowronek. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2016. – 203 s.

15. Skowronek, M. Średniowieczne opowieści biblijne. Paleja historyczna w tradycji bizantyńsko-słowiańskiej / M. Skowronek. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2017. – 396 s.

16. Średniowieczne herezje dualistyczne na Bałkanach. Źródła słowiańskie / red. G. Minczew, M. Skowronek, J. M. Wolski. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2015. – 268 s.

17. Szepliński, B. Trzy oblicza Sawy Nemanjicia. Postać historyczna – autokreacja – postać literacka / B. Szepliński. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2016. – 342 s.

18. The Bulgarian State in 927–969: The Epoch of Tsar Peter I / ed. M. Leszka, K. Marinow. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2017. – 688 p.

19. Widmo Mahometa, cień Samuela. Cesarstwo bizantyńskie w relacji z przedstawicielami innych religii i kultur (VII–XV wiek) / red. Z. Brzozowska, M. Leszka, K. Marinow, T. Wolińska. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2020. – 380 s.

20. Wolski, J. M. Kultura monastyczna w późnośredniowiecznej Bułgarii / J. M. Wolski. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2018. – 232 s.

REFERENCES

1. Gimon T.V., Gippius A.A. Novye dannye po istorii teksta Novgorodskoy pervoy letopisi [New Data on the History of the Novgorod First Chronicle].

Novgorodskii istoricheskii sbornik [Novgorod historical articles], 1999, vol. 7 (17), pp. 18-47.

2. Leshka M. *Simeon Veliki i Vizantiya. Iz istoriyata na blgaro-vizantiyskite otnosheniya prez 893–927 gg.* [Simeon the Great and Byzantium. From the History of the Bulgarian-Byzantine Relations in 893–927]. Sofia, Agata-A Publ., 2017. 368 p.

3. Brzozowska Z. *Święta księżna kijowska Olga. Wybór tekstów źródłowych* [Saint Kievan Princess Olga. Selection of the Sources' Texts]. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2014. 220 p.

4. Brzozowska Z. *Sofia – upersonifikowana Mądrość Boża. Dzieje wyobrażeń w kręgu kultury bizantyjsko-słowiańskiej* [Sophia – the Personified God's Wisdom. A History of Presentations in the Circle of Byzantino-Slav Culture]. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2015. 490 p.

5. Brzozowska Z., Leszka M. *Maria Lekapene, Empress of the Bulgarians: Neither a Saint nor a Malefactress* [Maria Lekapene, Empress of the Bulgarians: Neither a Saint nor a Malefactress]. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2017. 228 p.

6. Brzozowska Z., Leszka M., Marinow K. *Piotr I Święty, car bułgarski (ok. 912–969). Maria Lekapena, caryca bułgarska (ok. 912–963)* [Peter I the Saint, Bulgarian Tsar. Maria Lekapena, Bulgarian Tsarina (ca 912–963)]. Kraków, Avalon, 2018. 347 p.

7. Ceran W. *Historia i bibliografia rozumowana bizantynologii polskiej (1800–1998). Vol. I–II* [History and Annotated Bibliography of the Polish Byzantology (1800–1998)]. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2001. 786 p.

8. Leszka M. *Wizerunek władców pierwszego państwa bułgarskiego w bizantyjskich źródłach pisanych (VIII – pierwsza połowa XII wieku)* [Images of the first Bulgarian State Rulers (8th – First Half of the 12th cc.)]. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2003. 169 p.

9. Leszka M. *Symeon I Wielki a Bizancjum. Z dziejów stosunków bułgarsko-bizantyjskich w latach 893–927* [Symeon I the Great and Byzantium. From the history of the Bulgarian-Byzantine Relations]. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2013. 368 p.

10. Leszka M., Marinow K. *Carstwo Bułgarskie. Polityka – społeczeństwo – gospodarka – kultura, 866–971* [Bulgarian Tsardom. Politics – Society – Economics – Culture]. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 2015. 385 p.

11. Minczew G. *Święta księga – ikona – obrzęd. Teksty kanoniczne a ich funkcjonowanie w sztuce*

sakralnej i folklorze Słowian na Bałkanach [Holy Scripture – Icon – Rite. Canonic Texts and their Functioning in the Sacral Art and Folklore of Slavs at the Balkans]. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2003. 223 p.

12. Petrov I., Brzozowska Z. *Latopis nowogrodzki pierwszy starszej redakcji. Unikatowy zabytek piśmiennictwa staroruskiego i jego polski przekład* [Novgorod First Chronicle. A Unique Monument of Old Russian Letters and its Polish Translation]. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2019. 436 p.

13. Skowronek M. *Świat całym Cię za obrońcę. Michał Archanioł w kulturze Słowian prawosławnych na Bałkanach* [The Entire World Has You as Protector]. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2008. 240 p.

14. Skowronek M. *Palaea Historica. The Second Slavic Translation – Commentary and Text*. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2016. 203 p.

15. Skowronek M. *Średniowieczne opowieści biblijne. Paleja historyczna w tradycji bizantyjsko-słowiańskiej* [Medieval Biblical Tales. Historical Palaea in the Byzantine-Slav Tradition]. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2017. 396 p.

16. Minczew G., Skowronek M., Wolski J.M., eds. *Średniowieczne herezje dualistyczne na Bałkanach. Źródła słowiańskie* [Medieval Dualistic Heresies on the Balkans. The Slavonic Sources]. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2015. 268 p.

17. Szepliński B. *Trzy oblicza Sawy Nemanjicia. Postać historyczna – autokreacja – postać literacka* [The Three Images of Sava Nemanich – Self-Image – Literary Person]. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2016. 342 p.

18. Leszka M., Marinow K., eds. *The Bulgarian State in 927–969: The Epoch of Tsar Peter I*. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2017. 688 p.

19. Brzozowska Z., Leszka M., Marinow K., Wolińska T., eds. *Widmo Mahometa, cień Samuela. Cesarstwo bizantyjskie w relacji z przedstawicielami innych religii i kultur (VII–XV wiek)* [Image of Muhammad, Shadow of Samuel. Byzantine Empire in Connection with Images of Other Regions and Cultures]. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2020. 380 p.

20. Wolski J.M. *Kultura monastyczna w późnośredniowiecznej Bułgarii* [The Monastic Culture in Late Medieval Bulgaria]. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2018. 232 p.

Information About the Author

Dmitry I. Polyvyannyu, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Research and Educational Center for the Integration of Science and Education, Ivanovo State University, Ermaka St, 39, 153025 Ivanovo, Russian Federation, dipol53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3680-5508>

Информация об авторе

Дмитрий Игоревич Польшанский, доктор исторических наук, профессор, руководитель научно-образовательного центра интеграции науки и образования, Ивановский государственный университет, ул. Ермака, 39, 153025 г. Иваново, Российская Федерация, dipol53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3680-5508>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.26>

UDC 930.1(091:470.45)
LBC 63.1(2P-4Bor)

Submitted: 01.07.2020
Accepted: 21.10.2020

BYZANTINE STUDIES IN VOLGOGRAD. AN EXCURSION INTO HISTORY AND BIBLIOGRAPHY

Nikolay D. Barabanov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Vladimir A. Zolotovskiy

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Anastasiya V. Zykova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The proposed essay is a publication of bibliographic information about scientific works (dissertations, monographs, collections of scientific articles, periodicals) concerning the Byzantine history and published in Volgograd or with the direct participation of Volgograd researchers. The origin and development of studying the Byzantine history in Volgograd is associated with two higher educational institutions – Volgograd State University and Tsaritsyn Orthodox University of St. Sergius of Radonezh, within the walls of which large and internationally recognized periodicals appeared.

Key words: Byzantine studies in Volgograd, Volgograd State University, Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations, Tsaritsyn Orthodox University, The World of Orthodoxy, V.V. Kuchma, N.D. Barabanov.

Citation. Barabanov N.D., Zolotovskiy V.A., Zykova A.V. Byzantine Studies in Volgograd. An Excursion into History and Bibliography. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 317-332. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.26>

УДК 930.1(091:470.45)
ББК 63.1(2P-4Bor)

Дата поступления статьи: 01.07.2020
Дата принятия статьи: 21.10.2020

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В ВОЛГОГРАДЕ. ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ И БИБЛИОГРАФИЮ

Николай Дмитриевич Барабанов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Владимир Алексеевич Золотовский

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Анастасия Валерьевна Зыкова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Предлагаемый очерк представляет собой публикацию библиографической информации о научных трудах (диссертации, монографии, сборники научных статей, периодические издания), касающихся византийской истории и изданных в Волгограде или при непосредственном участии волгоградских исследователей. Зарождение и развитие изучения истории Византии в Волгограде связано с двумя высшими учеб-

ными заведениями – Волгоградским государственным университетом и Царицынским Православным университетом им. преп. Сергия Радонежского, в стенах которых появились крупные и международно признанные периодические издания. Текстовая часть работы проделана Н.Д. Барабановым, сведения по «Миру Православия» систематизированы В.А. Золотовским, информация по отдельным сборникам и «Вестнику ВолГУ. Серия 4» подготовлена А.В. Зыковой.

Ключевые слова: византиноведение в Волгограде, Волгоградский государственный университет, Вестник ВолГУ. Серия 4, Царицынский Православный университет, Мир Православия, В.В. Кучма, Н.Д. Барабанов.

Цитирование. Барабанов Н. Д., Золотовский В. А., Зыкова А. В. Византиноведение в Волгограде. Эккурс в историю и библиографию // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 317–332. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.26>

Введение. Предлагаемая вниманию читателя статья имеет целью публикацию библиографической информации о научных работах, которые увидели свет на страницах волгоградских периодических изданий, а также отдельных тематических сборников, в период с момента зарождения византиноведческих штудий в городе до наших дней. Нельзя сказать, что исследования волгоградских византинистов за почти полувековой период были совершенно обойдены вниманием. Информация о них проникала в научную среду через некоторые отечественные [4; 1; 2] и даже зарубежные [5] издания. Однако указанные публикации не выходили за пределы кратких заметок, ограниченных хронологическими рамками и описанием отдельных сборников статей. В данном случае ситуация иная – мы пытаемся представить если не полный, то максимально информативный перечень трудов касающихся византийской истории и изданных в Волгограде.

Появление этой экзотической для Нижнего Поволжья науки в городе на Волге связано с появлением в нем новых учебных заведений. Вскоре после создания в 1967 г. Высшей следственной школы при МООП РСФСР в ней появился уникальный преподаватель. Это был историк, яркий представитель уральской школы византиноведения, ученик профессора М.Я. Сюзюмова, В.В. Кучма (1938–2011 гг.), который в труднейших для провинциальной науки условиях продолжил исследования по военной истории и полемологии в Византии. В 1995 г. Владимир Васильевич стал работать на юридическом факультете Волгоградского государственного университета, где оставался до конца своих дней, принимая активное участие в научной жизни вуза. Тру-

ды В.В. Кучмы широко известны (список: [3]) и не нуждаются в данном случае в особой характеристике.

Новый импульс в развитии византиноведения в Волгограде связан с созданием в 1980 г. Волгоградского государственного университета, в стенах которого через год появился один из авторов этой публикации – Н.Д. Барабанов, также представитель уральской школы византиноведения и ученик М.Я. Сюзюмова. С этого времени студенты ВолГУ стали писать курсовые и дипломные работы по разным проблемам истории Византии. Интерес к византиноведению возрастал, что привело к открытию аспирантуры. Следует отметить, что через эту форму обучения в университете прошло около десятка энтузиастов, работы которых встречаются в публикуемых далее списках. К сожалению, по совокупности причин не все они смогли защитить диссертации и связать свою жизнь с наукой и преподаванием. Отметим те исследования, которые были успешно завершены под руководством Н.Д. Барабанова. В 2006 г. А.А. Пржегорлинский защитил диссертацию на тему *«Идейно-политические процессы в Византии на рубеже XIII–XIV вв.: митрополит Феодит Филладельфийский и его наследие»*, которая позже была опубликована (Пржегорлинский, А., священник. Византийская церковь на рубеже XIII–XIV вв. Деятельность и наследие св. Феодита, митрополита Филладельфийского / священник А. Пржегорлинский; науч. ред. Н.Д. Барабанов. – СПб.: Алетей, 2011. – 240 с. – (Серия «Византийская библиотека. Исследования»). В 2009 г. была защищена диссертация В.А. Золотовским по теме *«Военная организация Византии при первых Палеологах (1259–1328 гг.): принципы*

формирования и сферы функционирования», которая со временем также была издана: Золотовский, В.А. Армия и общество Византийской империи: особенности военной организации Византии раннепалеологовского периода / В.А. Золотовский. – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. В 2016 г. успешно защитил диссертацию *Е.В. Стельник* по теме «Путешествие в мир иной»: образ Харона/Хароса в культуре и религиозном сознании византийского общества». В настоящее время исследование по политической и военной истории Византии на рубеже XIII–XIV вв. готовит к защите П.И. Лысиков. Появление в ВолГУ группы византинистов – единомышленников привело к активизации издательской деятельности, которая сначала выражалась в подготовке тематических сборников по истории Византии (Власть, общество и церковь в Византии: сборник научных статей; СТРАТНГОС: сборник статей в честь Владимира Васильевича Кучмы; ПОЛЕМОЛОГОС: сборник статей памяти профессора В.В. Кучмы), а затем, после успешного проведения в 2015 г. международной конференции «Мир Православия. Византийская цивилизация и ее наследие», к рождению идеи посвящать византиноведческим проблемам один из выпусков Вестника ВолГУ. Содержание сборников и византийских выпусков Вестника представлено в данной работе.

Еще одно учебное заведение Волгограда, в котором уделялось большое внимание византиноведческой тематике, это Царицынский Православный университет им. преп. Сергия Радонежского, к сожалению, уже завершивший свою историю. Процесс развития в Волгограде духовного образования был труден. Начало ему положил тогда еще архиепископ Герман, открывший 4 ноября 1991 г. экстраординарное одногодичное духовное училище, напоминавшее по уровню подготовки священнослужителей «курсы молодого бойца». Отметим его положительную роль в том смысле, что вокруг училища началось объединение преподавателей волгоградских вузов, прежде всего, историков и филологов, готовых сотрудничать с молодой епархией. Следует отметить, что уже на этой стадии в программе училища важное место занимало изуче-

ние церковной истории с полным курсом истории византийской церкви. Стимулом для дальнейшего развития духовной школы стало проведение в Волгограде в сентябре 1992 г. церковно-научной конференции «Преподобный Сергий Радонежский и современный православный университет». Идея создания именно такого учебного заведения недолго бродила по умам и кабинетам – уже в ноябре того же года архиепископ Герман по благословению патриарха Алексия II подписал указ о создании Царицынского православного университета имени преподобного Сергия Радонежского. В сентябре 1993 г. начались занятия на трех факультетах – богословском, пастырско-педагогическом и экологическом. Жизненный путь учебного заведения был непростым, но вполне естественные трудности периода становления были постепенно преодолены. Стоит напомнить, что в Царицыне – Сталинграде – Волгограде, как и в случае с византиноведением, не было никаких традиций ни богословского образования, ни церковно-исторической науки. Именно православный университет создал ту среду, в которой стало возможно развитие этих дисциплин. С самого начала на богословском факультете большое внимание уделялось науке – как в аспекте качества преподавания, так и в аспекте разработки конкретных богословских и церковно-исторических сюжетов, в частности, в рамках византиноведения. В программе стоял курс «Византология», преподавался древнегреческий язык, готовились курсовые и дипломные работы на темы византийской церковной истории. Несколько дипломных сочинений по истории византийской церкви были затем преобразованы в кандидатские диссертации и успешно защищены в МДА. Стимулом для активизации научной деятельности преподавателей и студентов стало регулярное проведение конференций, а затем возник вопрос о публикации результатов исследований. Первый, можно сказать, очень робкий сборник, назывался «Православие: вехи истории» и увидел свет в 1996 г. Опыт его издания показал, что среди историков и филологов – преподавателей волгоградских вузов, занимающихся наукой, существует устойчивый интерес к Православию, его истории и культуре. Более того, выяснилось, что этот интерес может

быть реализован в создании исследований вполне достойного качества. В итоге родилась идея серийного издания, что привело к появлению в 1997 г. первого выпуска «Мира Православия». С самого начала работа над изданием осуществлялась в тесном сотрудничестве с ВолГУ, а византийская тематика в аспектах богословия, церковной истории, агиографии занимала в нем важнейшее место. Сборник постепенно набирал силу. Первые тоненькие, «малобюджетные» брошюры сменились солидными томами в твердом переплете. Сложился коллектив постоянных авторов, к которому по мере обретения «Миром Православия» известности в научной среде стали присоединяться исследователи из многих научных учреждений России и ближнего и дальнего зарубежья. Важно, что среди авторов сборника стали постоянно присутствовать выпускники богословского факультета ЦПУ, в том числе занимавшиеся византийским богословием и историей церкви, что, кроме прочего, свидетельствует о качестве их научной подготовки. Синтез духовного и светского образования, осуществлявшийся в Царицынском Православном университете, принес свои плоды. «Мир Православия», византиноведческое содержание которого представлено далее – один из них. Следует особо отметить, что в данной публикации мы оставили информацию о тех разделах и статьях этого издания, которые так или иначе связаны с разными аспектами истории Византии.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

«Мир Православия»

1997. Выпуск 1

История Церкви

Тюленев В.И. История Церкви в описании Лактанция (“De mortibus persecutorum”) [5–8].

Прокопьев С.М. Историческая концепция Оригена в отечественной и зарубежной литературе [9–13].

Священник Николай Станков. Новейшие исследования о деятельности святых равноапостольных Кирилла и Мефодия [14–21].

Барabanов Н.Д. Византийское православие и война: некоторые аспекты отношений [22–31].

Малахов С.Н. О греческой письменной традиции у народов Северного Кавказа в X – XVII вв. [32–39].

Шевченко В.В. “Спасен заступничеством Богородицы...” (Иосиф Вриенний об осаде Константинополя в 1422 г.) [47–56].

1998. Выпуск 2

История Церкви

Тюленев В.М. Рассказы Лактанция о битвах и проблема становления церковной историографии [3–8].

Барabanов Н.Д. Приходское православие в Византии по канонам Трулльского собора [9–13].

Священник Николай Станков. Современные исследователи о литературной деятельности св. Кирилла – первоучителя славян [14–17].

Медведев И.П. Канонизация св. Григория Паламы: исторический контекст [18–19].

Малахов С.Н. К Истории аланской митрополии Константинопольского патриархата (местонахождение византийской ахонии) [20–24].

Асташин В.В. Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис и шведский канцлер Оксеншерна [25–27].

2000. Выпуск 3

История византийской церкви

Станков Николай, священник. Споры в историографии о целях хазарской миссии святых равноапостольных Кирилла и Мефодия [21–27].

Малахов С.Н. Христианизация Алании в 912–922 гг. (по письмам Николая Мистика) [28–36].

Барabanов Н.Д. Гилу (Гелло). К реконструкции византийского народного верования [37–45].

Лобова-Костогрызова Л.Ю. Духовное наставничество в Византии: Феопит Филадельфийский и Ирина-Евлогия Хумнена [46–60].

Макаров Д.И. Учение Григория Паламы об очищении человека (по трактату «Три главы о молитве и чистоте сердца») и некоторые параллели в поздневизантийской мистике [61–72].

Асташин В.В. Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис о положении греческой Церкви в первой трети XVII в. [73–86].

2002. Выпуск 4

История византийской церкви

Алимов Д.Е. Первое крещение хорватов [3–21].

Барabanов Н.Д. Традиции публичных жертвоприношений в византийском приходском православии VI–VII вв [22–50].

Пржегорлинский А.А. Арсенитская схизма в изображении св. Феопипта Филадельфийского и личность Феопипта в свете его противостояния арсенитам [51–76].

Михайленко С.В. Роль арсенитов в политической жизни Византии в начале XIV в. [77–102].

Лобовикова К.И. Георгий Лапиф в контексте исихастской дискуссии [103–112].

Коновалов А.А. «Мессалианин» Григорий Палама и «православный». Григорий Акиндин: святой глазами еретика [113–124].

Красиков С.В. Григорий Палама как защитник аристотелевских силлогизмов в теологии [125–130].

Макаров Д.И. О значении слова «космос» в гомилиях св. Григория Паламы [131–140].

Рецензии

Михайленко С.В. Рец. на кн.: Кривушин И.В. Ранневизантийская церковная историография. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 1998. – 255 с. – (Серия «Византийская библиотека», раздел «Исследования») [388–395].

2004. Выпуск 5

Христианство в период поздней античности и раннего средневековья

Прокопьев С.М. Христианство в период поздней античности и раннего средневековья

ковья методологические подходы к разработке проблем исторической концепции Оригена [7–23].

Стельник Е.В. Топология пути в загробный мир в античных и раннехристианских представлениях [24–50].

Тюленев В.М. Сульпиций Север и судьба церковно-исторического жанра в период раннего средневековья [51–66].

Дряхлов В.Н. Христиане в языческих сообществах раннего средневековья [67–79].

Макаров Д.И. Этюды о раннехристианской и византийской гомилетике на преобразование господне (III–XV века). Ч. 1. Св. Кирилл Александрийский как последователь Златоуста [80–89].

История византийской церкви

Барabanов Н.Д. К истории приходского православия в Византии. Материальное положение клира в VII веке по канонам Трулльского собора [90–103].

Бармин А.В. Вероятная причина церковного столкновения 1053–1054 годов [104–109].

Романчук А.М. Агиографические и археологические свидетельства о топографии Херсона (Херсонеса) [110–123].

Пржегорлинский А.А. Антиарсенитские трактаты св. Феопипта Филадельфийского [124–133].

Приложение 1. [134–142]

Приложение 2. [143–162]

Малахов С.Н., Тихонов Н.А. Два византийских штампа из Закубанья [163–172].

Красиков С.В. Платонизм Варлаама Калабрийского [172–190].

Рецензии

Золотовский В.А. Рец. на кн.: Κόλα-Δερμτζάκη Ἄ. Ὁ βυζαντινός «ἱερός πόλεμος». Ἡ ἔννοια καί ἡ προβολή τοῦ θρισκευτικοῦ πολέμου στό Βυζάντιο. – Ἀθήνα. 1991. – 471 с. [517–528].

Пржегорлинский А.А. Рец. на кн.: Макаров Д.И. Антропология и космология св. Григория Паламы (на примере гомилий). – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. – 544 с. (серия «Библиотека христианской мысли». Исследования) [529–540].

Пржегорлинский А.А. Рец. на кн.: Селезнев Н. Христология ассирийской церкви востока. Анализ основных материалов в контексте истории формирования вероучения. – М.: Euroasiatica, 2002. – 198 с. [541–555].

2006. Выпуск 6

История раннего христианства

Дряхлов В.Н. Языческое противодействие христианству в Римской империи в конце IV в. (По данным Сократа Схоластика и Сульпиция Севера) [3–11].

Тюленев В.М. Церковно-историческая концепция Руфина Аквилейского [11–25].

Поспелов Д.А., Макаров Д.И. «Слово на святое Воскресение Спасителя нашего Иисуса Христа» св. Иоанна Бейрутского (V в.) [26–35].

Золотова С.Ю. Церковно-государственные отношения в Римской империи в I–IV вв. в трудах А. А. Спасского [36–47].

Православие в Византии

Баранов В.А. О малоизвестном доиконоборческом учении об «умеренном» иконопочитании [48–60].

Кучма В.В. Война как инструмент государственной политики по «Тактике Льва» (некоторые идеологические и конфессиональные аспекты) [61–75].

Барабанов Н.Д. Почитание икон в Византии и сакральная топография. К постановке проблемы [75–91].

Ларионов А.В. Михаил Пселл как богослов и историк Церкви [91–110].

Брезгунов С.К. Святой Неофит Затворник [110–131].

Власов А.В. Византийская церковь в XIII в. и Лионская уния (1274 г.) [131–166].

Шамгунова Т.А. Восприятие войны с варварами византийским монахом (Максим Плануд и Алексей Филантропин) [167–173].

Патрин В.Г. К истории споров о возникновении «молитвы Иисусовой» [173–186].

Пржегорлинский А.А. Исихия как «призвание каждого христианина» в писаниях св. Феодилта и в традиции поздневизантийского исихазма [187–203].

Святой Феодилт, митрополит Филадельфийский Слово на Пятидесятницу. О нисхождении Всесвятого Духа. Перевод и примечания А.А. Пржегорлинского [204–207].

Гаген С.Я. Антилиатинская полемика 1234–1258 гг. (Никифор Влеммид и Феодор II Ласкарис) [208–223].

2008. Выпуск 7

Православие в истории Византии

Лурье В.М. Евфимия в Эдессе и Евфимия в Халкидоне: две агиографические легенды на фоне догматических споров [8–40].

Баранов В.А. Иконоборческие споры и богословское значение Нерукотворного Образа [41–57].

Ларионов А.В. (Волгоград–Фессалоники). Ангелология Михаила Пселла (в контексте богословских взглядов церковных писателей XI века) [57–77].

Дунаев А.Г. Православное учение о Евхаристии в контексте паламитских споров [77–98].

Пржегорлинский А.А., священник. Святые Афанасий I Константинопольский и Феодилт Филадельфийский: неприязнь или беспристрастное единомыслие? [99–106].

Барабанов Н.Д. Танец с иконой. К истории почитания образа Одигитрии в Константинополе [107–126].

Золотова С.Ю. Отношение византийского государства к монастырскому землевладению (институт харистикия) в отечественной историографии конца XIX – XX века [127–146].

2012. Выпуск 8

Из истории раннего христианства

Дряхлов В.Н. миссионеры и язычники в Галлии в эпоху крушения западной римской империи [3–13].

Стефанов П., архимандрит (Болгария). Женщины в монтанистском духовенстве [13–32].

Православие в истории Византии

Барабанов Н.Д. Праздник рождества св. Иоанна Предтечи в византийской народной традиции [33–66].

Коноводов И.В. Интеллектуальный и физический труд в византийских монастырях X–XII вв. [66–81].

Пржегорлинский А.А., священник. Единые уста и единое сердце” пророка Аввакума и святителя Феодипта Филадельфийского: к вопросу о природе богообщения в византийской патристике [81–90].

2015. Выпуск 9

Из истории раннего христианства

Патрин В.Г. Новый образ прп. Антония Великого [3–20].

Византия и ее наследие

Афиногенов Д.Е. Иоанн Златоуст (?) Об эсхатологическом предназначении римской империи: свидетельство Георгия Монаха [21–30].

Дагрон Ж. Тень сомнения: агиография под вопросом, VI–XI столетия [31–53].

Барabanов Н.Д. След стопы на иконе. Метаморфозы народного почитания священных изображений [54–60].

Вин Ю.Я. Сельская община поздней Византии (XIII–XV вв.) В условиях этнокультурных и конфессиональных конфликтов: опыт исторической реконструкции поздневизантийской общины как внутриэтнической группы [61–99].

Стельник Е.В. Харос как ангел в византийском народном богословии [100–117].

Малахов С.Н., Рудницкий Р.Р. Средневековые votивные железные кресты западного Кавказа (новые находки) [118–131].

Традиции византийского искусства

Гаврилович А. О Литературных основах явления пророка Давида и певчих в сцене смерти праведника в трапезной монастыря святого Иоанна Богослова на Патмосе [132–149].

Лещева Я.И. Истоки византийской иконографии вращающегося диска [150–173].

Кутковой В.С. О Синергии творчества в православной культуре [174–188].

Традиции византийского богословия в России

Макаров Д.И. О некоторых особенностях тринитарных и христологических воззрений св. Иоанна Кронштадтского в контексте святоотеческой традиции Византии XI–XIV вв. Статья первая [189–205].

Сенина Т.А. Антропологические воззрения иеросхимонаха Антония (Булатовича) [206–229].

Рецензия

Пржегорлинский А.А. Рец. на кн.: Григорий Богослов. Догматические поэмы / пер. Т.Г. Сидаша. – СПб.: Нестор-История, 2012. – 180 с. – (Издательский проект “Квадривиум”, серия “Hellenica”) [481–494].

2019. Выпуск 10

Богословские сюжеты

Пржегорлинский А., священник. Откровение имени божия в служении мессии (к экзегезе ин. 17:26) [3–18].

Патрин В., священник. Полемика с мессалианами в апофтегме Аввы Лукия: социальная роль аскета-молитвенника [19–31].

Неклюдов И., священник. Антропология св. прав. Николая Кавасилы в свете богословия творения [32–42].

Византия: церковь и общество

Вин Ю.Я. Закон порядка требует: понятие «закон» по материалам экспертной системы «византийское право и акты». К XXIII международному конгрессу византийских исследований. Белград, 22–27 августа 2016 г. После­словие [43–95].

Серов В.В. На подступах к проблематике религиозных построек Юстиниана [96–105].

Сенина Т.А. Эллинистические и светские мотивы в эпиграммах Кассии Константинопольской [106–146].

Сенина Т.А. (предисловие, перевод, комментарии) Житие преподобного Иоанна Психаита ВHG 896 [147–176].

Рамазян А.С. Вопрос об иконопочитании в армяно-византийской полемике в конце X – середине XI века [177–194].

Кузнецова Я.И. Свето-пространственная композиция храма монастыря Хоры в Константинополе. К постановке проблемы [195–210].

Византийская Таврика

Сорочан С.Б. Баптистерии раннесредневекового византийского Херсона: некоторые итоги изучения [211–219].

Могаричев Ю.М. К проблеме начальной истории готской епархии в Крыму [220–237].

Паломничества. История и специфика

Ларионов А.В., диакон. Афон глазами паломников: история и организация русского паломничества на Афоне до начала XX века [238–251].

Яшаева Т.Ю. Евлогии святой земли в византийском Херсоне [252–265].

Чхаидзе В.Н. Паломническая ампула-евлогия с Таманского городища [266–271].

«Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История, Регионоведение, Международные отношения».
Тема: Византийское общество: история, право, культура

2015. Vol. 20. No. 3

Византийская сфрагистика

Зоде К. (Германия) Византийские печати как средство презентации личностной и социальной идентичности [6–18].

Алексеев Н.А. «Тебя, хранителя моей души и моих, писаний, вырезаю на моей печати...» [19–29].

Византийская историография и литература

Валгрэн Ш. (Норвегия) Историография средневизантийского периода: традиция, инновация и рецепция [30–37].

Афиногенов Д.Е. Славянский перевод жития преп. Евфимия Великого: наблюдения о языке и авторе [38–42].

Дробышев М.И. Известия о «немцах» (οἱ Νεμίτζοι) в византийских нарративных сочинениях X–XII веков [43–47].

Византийское право и его влияние

Шаркич С. (Сербия) Влияние византийского права на средневековое сербское право [48–57].

Бубало Д. (Сербия) Время Законника Стефана Душана [58–78].

Идеология и духовная культура в Византии

Бардашова Т.Н. (Германия) Аспект визуального в системе идеологической пропаганды династии Великих Комнинов в Трапезундской империи (1204–1461) [79–91].

Барабанов Н.Д. Византийская народная антропология. Сила стопы и ее отражение в Житии св. Феодора Сикеота [92–99].

Военная история Византии

Золотовский В.А. Прония в военной организации Византии раннепалеологовского времени. Часть 1 [100–115]. Вторая часть статьи была опубликована в нетематическом номере 2016 г. Т. 21, № 2 [40–51].

Критика и библиография

Лысиков П.И. Библиография новейшей русскоязычной литературы (2010–2015 гг.) по проблемам военной организации Византийской империи [116–122].

2016. Vol. 21. No. 5

Византийская сфрагистика

Алексеев Н.А. Новые сфрагистические находки в окрестностях византийского Херсона (к вопросу об адресатах корреспонденции) [6–18].

Йорданов И. (Болгария) Печати деятелей из «Алексиады», найденные в Велики-Преславе [19–31].

*История, культура, право
в византийских провинциях*

Болгова А.М., Болгов Н.Н. Гимерий ритор и его школа в Афинах 2-й половины IV века [32–42].

Вин Ю.Я. «Земледельческий закон» – источник правового регулирования и коллективного самосознания сельской общины в средневековой Византии [43–54].

Ендольцева Е.Ю., Чхаидзе В.Н. Лапидарная коллекция Таманского городища: варианты идентификации византийских рельефов [55–66].

Науменко В.Е. К дискуссии о политико-административном статусе Боспора в X–XII вв. [67–80].

Война и византийское общество

Капсалькова К.Р. Образы войны в византийской литературе X в.: Никифор Уран [81–91].

Мохов А.С. Византийская фема Хиос [92–101].

Византийское православие

Сенина Т.А. (монахиня Кассия). Иоанн Грамматик и Лев Математик под прицелом ортодоксальной критики: параллели и исторический контекст [102–112].

Серов В.В., Крейдун Ю.А. Храмовое строительство в начальный период правления Юстиниана I (527–534 гг.) [113–120].

Стельник Е.В. Схватка с Харосом в византийском хтоническом мировоззрении [121–128].

*Византийская правящая элита
при Палеологах*

Куц Т.В. Политическая элита при Мануиле II Палеологе: эволюция придворной иерархии [129–136].

Лысков П.И. Государство и церковь в Византии в период гражданской войны 1321–1328 гг.: император Андроник II Палеолог и патриархи Герасим I и Исая [137–148].

Хроника научной жизни

Барабанов Н.Д. VIII Международный византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ:

империя и полис». Севастополь, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». 30 мая – 4 июня 2016 г. [149–153].

Критика и библиография

Барабанов Н.Д., Маркарян Г.Г. Византия и Армения: метаморфозы военных связей (Мнение читателей о книге: Ayvazyan, A. The Armenian Military in the Byzantine Empire. Conflict and Alliance Under Justinian and Maurice [Text] / A. Ayvazyan. – Alfortville: Editions Sigest, 2014. – 152 p.) [154–158].

2017. Vol. 22. No. 5

Византийское православие

Афиногенов Д.Е. Pamфлет Арефы Кесарийского против Николая Мистика и императора Александра [6–15].

Вишняк М.А. Образ арсенитов в эпистолярном наследии патриарха Афанасия I Константинопольского [16–26].

Крейдун Ю.А., Серов В.В. Церковное строительство Юстиниана I по данным изданных им новелл [27–37].

Византийская Таврика

Айбабин А.И. О реформе системы управления владениями Византии в Крыму в последней четверти VI века [38–45].

Бочаров С.Г. О причинах конфликта между иерархами Херсонской, Сугдейско-Фульской и Готской митрополий за приходы южного берега Крыма (вторая половина XIV в.) [46–55].

Могаричев Ю.М. «Пещерный город» Эски-Кермен в описании А.С. Уварова [56–74].

Науменко В.Е. О византийской феме в Таврике в правление императора Никифора I Геника (802–811): критические замечания к гипотезе Тибора Живковича [75–85].

Хайрединова Э.А. Византийские кресты с инкрустацией из Юго-Западного Крыма [86–99].

Византийская сфрагистика

Алексеенко Н.А. Византийская Таврика во второй половине XI века и новая печать Льва Алиата из Херсона [100–111].

Кънев Н. (Болгария) Новая находка печати византийского стратига города Преслав [112–115].

Степаненко В.П. Две печати стратигов малоазийских фем из Северного Причерноморья [116–124].

Византийский мир

Матович Т.М. (Сербия) К вопросу о разнице правового значения документа в византийском частном праве [125–131].

Тотоманова А.-М. (Болгария) Парабиблейские и библейские хронографические компиляции в Болгарии времени царя Симеона [На англ.] [132–141].

Боровков Д.С. Из истории византийской служилой аристократии: семья Халкуцев в X–XI веках [142–148].

Вин Ю.Я. Понятие «*δοουλεία*» как социокультурный концепт в репрезентации византийских актов [149–161].

Кршлянин Н. (Сербия) Титул самодержца (автократора) в Сербии и России: два пути развития византийского наследия [162–183].

Курьшева М.А. К вопросу об узкой датировке рукописи трактата «*De serimoniis aulae Byzantinae*» (Leipzig, Univ. Bibl. Rep. I 17) [184–191].

Сенина Т.А. (монахиня *Кассия*). Афины versus Иерусалим? Отношение к научному знанию в Византии [192–204].

Чхаидзе В.Н. Лев Сгур – тиран и патриот. Правитель северо-восточного Пелопоннеса в начале XIII века [205–213].

*Византиноведение и философия:
метаморфозы отношений*

Карчагин Е.В., Токарева С.Б., Яворский Д.Р. Понятие справедливости в истории ранневизантийской мысли (IV–VII вв.) [214–226].

Византия и варвары

Казанский М.М. (Франция), *Мастыкова А.В.* Варвары в городе: погребения германцев в городских некрополях Северного Иллирикума в ранневизантийское время [227–238].

Мастыкова А.В. Женский костюм германского происхождения в погребальном контексте ранневизантийских городов Северного Причерноморья (V–VI вв.) [239–251].

Византия и война

Золотовский В.А. Добровольцы в византийской армии позднего периода: к вопросу о телематариях [252–260].

Куц Т.В. Турецкая осада и штурм Константинополя 1422 года: военно-политический аспект [261–270].

Лысыков П.И. Письма Максима Плануда к Алексею Филанфропину и Мелхиседеку Акрополиту: проблемы источниковедения в контексте военно-политической ситуации в Византии в конце XIII века [271–287].

Мехмадиев Е.А. Армянская экспедиция императора Констанция II в 338/339 годах и войсковые подразделения экспедиционной армии Фракии на Ближнем Востоке: к вопросу о позднеримской военной организации в середине IV века [288–299].

Мохов А.С., Капсалькова К.Р. «Стратигисса среди них во всем предстала блеске»: роль знатной женщины в византийской провинциальной военной семье [300–310].

Критика и библиография

Барабанов Н.Д. Рец. на кн.: Caseau, B. *Nourritures terrestres, nourritures célestes. La culture alimentaire à Byzance* [Text] / B. Caseau. – Paris : ACHCByz, 2015. – Liv, 346 p. – (College de France – CNRS. Centre de recherche d'histoire et civilization de Byzance. Monographies ; 46) [311–315].

2018. Vol. 23. No. 5

*Византийское светское
и каноническое право*

Вин Ю.Я. Рецепция и транслитерация понятий и терминов византийского права: когнитивные аспекты систематизации [6–24].

Анашкин А.В. Жанровая природа канонико-правовых ответов патриарха Николая III Кирдиниата Грамматика [25–33].

*Византийское наследие в проблемах
богословия и философии XX века*

Бирюков Д.С. Исследование рецепции паламизма в русской мысли начала XX в.:

вопрос о философском статусе паламизма и варлаамизма, его решения и контекст [34–47].

Макаров Д.И. Трактат «Об образованности» Феодора Метохита и некоторые аспекты понятия созерцания у позднего Бергсона: к проблеме переключек [48–59].

Сенина Т.А. (монахиня Кассия). Византийская гимнография как источник учения о божественной энергии в богословии Иеросхимонаха Антония (Булатовича) [60–70].

Византийская Таврика

Айбабин А.И. О дате образования Крымской Готии [71–78].

Майко В.В. Салтово-маяцкая провинциально-византийская культура Крыма [79–87].

Хайрединова Э.А. Византийские перстни с надписью «ΦΩΣ ΖΩΗ» из погребений крымских готов [88–104].

Могаричев Ю.М. Сюйренская крепость в описании А.С. Уварова [105–118].

Степаненко В.П. А.А. Васильев о Крымской Готии второй половины X – начала XI века [119–130].

Чхаидзе В.Н. Византийская аристократия в Крыму и на Тамани: Агиостефаниты (XII в.) [131–137].

Судьба Малой Азии в восприятии византийцев палеологовского времени

Радич Радивой Дж. (Сербия) «Мизийский плен» в поздневизантийской литературе [На англ.] [138–146].

Куц Т.В. Судьба утраченных территорий: взгляд византийского императора Мануила II Палеолога [147–156].

Вопросы культуры Византии и Византийского Содружества Наций

Болгова А.М. Орибасий и медицинская традиция Ранней Византии [157–168].

Шелудченко Ю.В., Болгов Н.Н. К вопросу об источниках и влияниях в сочинениях Кирилла Скифопольского [169–178].

Щавелев А.С. Датировка дипломатических писем Хасдая ибн Шапрута [179–185].

Стельник Е.В. Харон в эпитафиях Иоанна Геометра (Кириота) [186–195].

Ендольцева Е.Ю., Дбар Д. (архимандрит). Архитектурная декорация и малые формы церкви в Дранде: новые данные [196–209].

Курьшева М.А. Рукописи, составленные из писем: Анонимный учитель (X в.), Михаил Пселл (XI в.) и Максим Маргуний (XVI в.) [210–218].

Польвянный Д.И. Возникновение и развитие древнеболгарской исторической апокалиптики в XI–XII веках [219–229].

Война и общество в Византии.

История и историография

Мохов А.С., Капсалькова К.Р. История византийской армии и военного искусства в неопубликованных работах М.Я. Сюзюмова 1930–1940-х годов [230–237].

Золотовский В.А. Византийский флот периода правления первых Палеологов (1259–1328) [238–250].

Критика и библиография

Чхаидзе В.Н. Рец. на кн.: Алексеенко, Н. А. Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII–XI вв. [Текст] / Н. А. Алексеенко. – Севастополь : Колорит, 2017. – 474 с. : 273 ил. [251–256].

Серов В.В., Крейдун Ю.А. Рец. на кн.: Turlej, S. Justiniana Prima. An Underestimated Aspect of Justinians Church Policy [Text] / S. Turlej. – Krakow : Jagiellonian University Press, 2017. – 244 p. – (Jagiellonian Studies in History ; vol. 7) [257–265].

2019. Vol. 24. No. 6

Византийская Таврика

Айбабин А.И. Топоним Климаты в средневековом Крыму [6–17].

Майко В.В. Византийский комплекс первой половины XIII в. в портовой части Сугдеи [18–31].

Хайрединова Э.А. Перстни с изображением архангела Михаила конца VI – VII в. из Крыма [32–46].

Могаричев Ю.М., Ергина А.С. К вопросу о периодизации фресковых росписей пе-

щерной церкви Южного монастыря Мангула [47–63].

Мастыкова А.В. О находках металлических крестов на средневековом могильнике Горзувиты (Южный берег Крыма) [64–80].

Науменко В.Е. О боспорской нефти Константина VII Багрянородного и византийском «греческом огне»: археологические свидетельства [81–89].

Византийская сфрагистика

Кънев Н. (Болгария) Византийская свинцовая печать нотариуса и авидика Константина, найденная в Болгарии [90–94].

Алексеенко Н.А. Ранневизантийское чиновничество в юго-западной Таврике в свете сфрагистических данных из Херсона и его округа [95–110].

Степаненко В.П. К иконографии св. воина-всадника в византийской сфрагистике XII–XIII вв. Св. Димитрий Солунский [111–120].

Источниковедение Византии и стран «Византийского Содружества»

Курьшева М.А. Китонит Никита – заказчик «Библии Никиты» X века [121–128].

Щавелев А.С. Об одной византийской риторической уловке для дезавуирования дипломатического прецедента (Const. Porph. Dai. 13.145–194 и Liud. Relatio. 55) [129–138].

Тотоманова А.-М. (Болгария) Отрывок «Хроники» Георгия Синкелла в славянском переводе [139–149].

Павлович Б.Д. (Сербия) Некоторые замечания к расхождению в нарративе Георгия Акрополита и Феодора Скутариота [На англ. яз.] [150–172].

Польвянный Д.И. «Болгарская анонимная хроника»: опыт аналитической декомпозиции [173–183].

Византия в войнах и конфликтах

Казанский М.М. (Франция) Ранневизантийские шлемы типа Балденхейм в Поднепровье [184–197].

Золотухина Н.Е., Болгов Н.Н. Общество Северной Африки накануне войны Им-

перии с вандалами и его отношение к Юстиниановской реконкисте [198–205].

Лысинов П.И. Социальная и политическая дестабилизация в Византии в начале XIV в.: причины и последствия [206–230].

Золотовский В.А. Фемная система и провинциальные вооруженные силы Византии раннепалеологовского периода (1259–1328 гг.) [231–244].

Куц Т.В. Пираты Эгейского моря: морской разбой в Восточном Средиземноморье XV века [245–254].

Византийское православие

Грацианский М.В. Четвертый Вселенский собор и проблема первенства римского епископа [255–271].

Войтенко А.А. Приход или святцы? К вопросу о базовых элементах религиозной самоидентификации этноконфессиональных общин Христианского Востока [272–283].

Сенина Т.А. (монахиня Кассия). Житие св. Никифора Севастийского как иллюстрация восприятия иконоборческой эпохи византийцами в позднейшее время (с приложением перевода Жития) [284–296].

Макаров Д.И. Две заметки о понятии образованности у Феодора Метохита и в средневизантийской святоотеческой традиции [287–304].

Бирюков Д.С. Античная натурфилософия в византийской христологии: тема проникновения огня в железо [305–315].

Барabanов Н.Д. Волосы-змеи. К проблеме семантики византийских филактериев с «истерой» [316–330].

Стельник Е.В. Харон или Харос? Языковые группы и культурные уровни в византийском обществе IX–XII веков [331–337].

Обзоры

Анашкин А.В. «...Леонтия славного дочь»: историческая роль и творчество Элии Евдокии Августы в современной историографии (На материале книги Александровой Т. Л. «Византийская императрица Афинаида-Евдокия: жизнь и творчество в контексте эпохи правления императора Феодосия II (401–450)». СПб.: Алетей, 2018. 416 с.) [338–344].

СБОРНИКИ СТАТЕЙ

**ПОЛЕМОЛОГОС: сборник статей
памяти профессора В.В. Кучмы /
сост. и общ. ред. Н.Д. Барабанова. –
Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012.**

Военная история Византии

Серов В.В. «Стратегикон» и военные «заботы» императора Маврикия [16–30].

Сорочан С.Б. (Украина). Эволюция фортификации византийского Херсонеса/Херсона в VI–X вв. [31–57].

Цурицумия М. (Грузия). Эволюция пластинчатого доспеха в Грузии и Византии. Ламеллярные и чешуйчатые доспехи в X–XII вв. [58–95].

Золотовский В.А. «Константинопольская кампания» Михаила Палеолога: военно-историческая реконструкция [96–126].

Византийская сфрагистика

Алексеев Н.А. Болгары в армии Романа IV Диогена: карьера Самуила Алусиана по данным сфрагистики [127–139].

Йорданов И. (Болгария). Печат на Григорий Бакуриани (Пакуриани) – архонт на архонтите [140–146].

Степаненко В.П. «Архонт архонтов» в византийской сфрагистике XI в. [147–159].

Византийское источниковедение

Грацианский М.В. Лев Диакон – читатель Лукиана [160–170].

Козлов А.С. К истории изучения Chronica Theodoriana [171–197].

Медведев И.П. Речь Георгия Гемиста Плифона на похоронах Клеопы Малатесты [198–206].

Византийское православие

Барабанов Н.Д. Народное почитание священных изображений в Византии. К постановке проблемы [207–214].

Герд Л.А. Перезахоронение останков человека в поствизантийском каноническом праве [215–226].

Коноводов И.В. Поминальные службы в системе материального обеспечения византийских монастырей XI–XII вв. [227–241].

Макаров Д.И. О пневматологических основаниях мариологии Феофана Никейского [242–258].

Малахов С.Н., Рудницкий Р.Р. Энколпионы и нательные кресты как источник по истории христианства Алании [259–294].

Византийский социум

Мохов А.С. К вопросу об эволюции придворных должностей в Византии X–XI вв.: domestик и пургии [295–303].

Вин Ю.Я. Социокультурный концепт собственности: по материалам византийских афонских актов [304–342].

Коробейников Д.А. Кыпчаки на восточных границах Никейской (Византийской) империи в XIII в. [343–358].

Поляковская М.А., Куц Т.В. Итальянцы глазами византийских авторов середины XIV в.: сфера культуры и политики [359–369].

Несмотря на то, что следующие сборники статей не были опубликованы в Волгограде, волгоградские исследователи принимали непосредственное участие в их издании.

**Власть, общество и церковь
в Византии : сборник научных статей
/ сост. Н.Д. Барабанов, С.Н. Малахов. –
Армавир : б.и., 2007**

Пенская Т.М., Пенской В.В. Формирование концепции «Богоизбранного» государства в раннехристианской идеологии [5–18].

Михалицын П.Е. О христологических аспектах, содержащихся в трагедии «ΧΡΙΣΤΟΣ ΠΑΣΧΩΝ» («страждущий Христос»), и их сопоставление с христологией свт. Григория Богослова [19–49].

Горайко А.В. Свт. Иоанн Златоуст как защитник права убежища Церкви [50–59].

Домановский А.Н. О «торгово-ремесленном департаменте» секретаря епарха города Константинополя в середине VII – IX в. [60–73].

Бондач А.Г. Νόμοι καὶ κανόνες в византийском церковном праве [74–88].

Кучма В.В. Методика боевой подготовки по «Тактике Льва»: господство принципов традиционализма [89–116].

Малахов С.Н. К истории алаано-византийских отношений в 1045–1055 гг. [117–129].

Соколов Ю.Г. К истории Никейской империи: политическая роль высшей знати [130–142].

Власов А.В. Иосиф Исповедник, патриарх Константинопольский (1267–1275, 1282–1283) [143–164].

Деминцев М.С. К вопросу о заговоре Франгопула 1267 года [165–172].

Деминцев М.С. Церковный собор на Балканах 1277 года [173–182].

Пржегорлинский А.А. Аскетика св. Феолипта, митрополита Филадельфийского, и традиция поздневизантийского исихазма [183–217].

Патрин В.Г. К истории византийских молитвословий. Дидактика и эпиклеза как формообразующие принципы «молитвы Иисусовой» [218–223].

Гаген С.Я. Аллегория судебной тяжбы в антилатинской полемике (Никифор Григора и Варлаам Калабрийский) [224–230].

Барабанов Н.Д. Иеротопия и проблема «народной религиозности» в Византии (Некоторые соображения к развитию концепции) [231–238].

Лиман С.И., Сорочан С.Б. Деятельность императора Юстиниана I в оценках исследователей украинских земель Российской империи (1804–1885 гг.) [239–257].

СТРАТНГОС : сборник статей в честь

Владимира Васильевича Кучмы

/ отв. ред. **С.Н. Малахов ;**

сост. **Н.Д. Барабанов, С.Н. Малахов. –**

Армавир : б.и., 2008

Золотовский В.А. Владимир Васильевич Кучма как исследователь Военной истории Византии [5–18].

Барабанов Н.Д. Пастырь и паства. Отношения константинопольского патриарха Афанасия I и жителей византийской столицы в контексте проблемы «народной религиозности» [19–29].

Кучма В.В. Физиологические нормы и санитарно-гигиенические правила несения

службы в вооруженных силах Византийской империи [30–61].

Литаврин Г.Г. К вопросу о значении налога натурой в Византии X в. [62–70].

Макаров Д.И. Слава божия или слава ангелов? Некоторые аспекты полемики об ангелах на третьем этапе исихастских споров [71–94].

Медведев И.П. Византийская полемология в неопубликованном труде А.Н. Оленина (из истории науки) [95–103].

Перевалов С.М. Северо-восточная граница Римской империи по Notitia dignitatum (ок. 400 г.) [104–111].

Поляковская М.А. Влахерны – резиденция василевсов при Палеологах [112–125].

Пржегорлинский А.А. Митрополит Филадельфии Феолипт и византийская Церковь его времени [126–159].

Романчук А.И. О влиянии концепции на «прочтение» археологических отчетов [160–166].

Сорочан С.Б. Византийский преторий IX в. в «цитадели» Херсона [167–173].

Степаненко В.П. К датировке серебряной монеты (?) Никифора Вотаниата [174–179].

Шукуров Р.М. О нескольких восточных именах в антропонимике Трапезундской империи [180–186].

Заметки

Малахов С.Н. Моливдовул епископа Феодора из Алании [187–190].

Рецензии и библиография

Соколов Ю.Г. Рец. на: Urbs capta. The Fourth Crusade and its Consequences. Paris, 2005 [191–199].

Основные научные труды В.В. Кучмы по истории Византии [200–204].

Заключение. Представленная в данной публикации информация на библиографическом материале отражает трудный путь становления и утверждения византиноведения в учебных заведениях Волгограда. В настоящее время изучение разных аспектов истории Византии продолжается на двух кафедрах Волгоградского государственного универ-

ситета. Силами небольшой группы волгоградских византинистов при активной и благожелательной поддержке коллег из крупнейших центров отечественной науки византийский выпуск Вестника ВолГУ стал авторитетным, международно признанным изданием, что позволяет ему уверенно смотреть не только в средневековое прошлое, но и в ближайшее будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Патрин, В. Г. Научная жизнь на Богословском факультете Царицынского Православного университета / В. Г. Патрин // Мир Православия. – 2004. – Вып. 5. – С. 398–421.
2. Соколов, Ю. Г. Публикации по византиноведению в изданиях Волгограда: опыт аннотированной библиографии / Ю. Г. Соколов // Византийский временник. – 2007. – Т. 66 (91). – С. 295–302.
3. Список научных трудов В. В. Кучмы // Византийский временник. – 2011. – Т. 70 (95). – С. 295–301.
4. Konovalov, A. A. Byzantium, the Christian Orient, and the Slavic World in the Publication of the Volgograd State University / A. A. Konovalov // Христианский Восток. – 2001. – Т. 2 (VIII). – С. 507–510.
5. Thomov, T. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, serija 4: Istorija. Regionovedenie. Meždunarodnye otnošenija. Tema nomera: “Vizantijskoe obšestvo: istorija, pravo, kul’tura” [Вестник Волгоградского государственного университета, серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Тема номера:

«Византийское общество: история, право, культура»], t. 20, No. 3, 2015, t. 21, No. 5, 2016 and t. 22, No. 5, 2017 / T. Thomov // *Études balkaniques*. – 2019. – LV/3. – P. 638–644.

REFERENCES

1. Patrin V.G. Nauchnaya zhizn na Bogoslovskom fakultete Tsaritsynskogo Pravoslavnogo universiteta [Scientific Life at the Theological Faculty of the Tsaritsyn Orthodox University]. *Mir Pravoslaviya* [The World of Orthodoxy], 2004, vol. 5, pp. 398-421.
2. Sokolov Yu.G. Publikatsii po vizantinovedeniyu v izdaniyakh Volgograda: opyt annotirovannoy bibliografii [Publications on Byzantine studies in Volgograd editions: an attempt of annotated bibliography]. *Vizantiiskii vremennik*, 2007, vol. 66 (91), pp. 295-302.
3. Spisok nauchnykh trudov V.V. Kuchmy [List of Scientific Works of V.V. Kuchma]. *Vizantiiskii vremennik*, 2011, vol. 70 (95), pp. 295-301.
4. Konovalov A.A. Byzantium, the Christian Orient, and the Slavic World in the Publication of the Volgograd State University. *Khristianskiy Vostok* [Christian East], 2001, vol. 2 (VIII), pp. 507-510.
5. Thomov T. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, serija 4: Istorija. Regionovedenie. Meždunarodnye otnošenija. Tema nomera: “Vizantijskoe obšestvo: istorija, pravo, kul’tura” [Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. Topic: “Byzantine society: history, law, and culture”], t. 20, No. 3, 2015, t. 21, No. 5, 2016 and t. 22, No. 5, 2017. *Études balkaniques*, 2019, vol. LV/3, pp. 638-644.

Information About the Authors

Nikolay D. Barabanov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian and General History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, byzbar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7873-5806>

Vladimir A. Zolotovskiy, Candidate of Sciences (History), Head of the Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, zolotovskiy.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-8851>

Anastasiya V. Zyкова, Chief Curator of the Museum Complex, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, nastenka96zykova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2701-2688>

Информация об авторах

Николай Дмитриевич Барабанов, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, byzbar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7873-5806>

Владимир Алексеевич Золотовский, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, zolotovskiy.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-8851>

Анастасия Валерьевна Зыкова, главный хранитель фондов Музейного комплекса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, nastenka96zykova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2701-2688>

Редакция журнала благодарит ученых, выступивших в роли анонимных рецензентов статей в 2020 году:

к.и.н., ст. науч. сотр. *П.А. Аваков* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)

к.и.н., ст. науч. сотр. *Р.С. Авилов* (ДВО РАН, Владивосток, РФ)

д.филос.н., проф. *В.А. Авксентьев* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)

к.полит.н. *Д.С. Агалин* (ЦИТ ВО, Волгоград, РФ)

к.и.н., PhD, ст. науч. сотр. *Н.А. Алексеенко* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)

д.и.н., проф. *Т.В. Алентьева* (КГУ, Курск, РФ)

к.филос.н. *А.В. Анашкин* (ПСТГУ, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *А.Ю. Андреев* (ПСТГУ, Москва, РФ)

к.полит.н. *Е.А. Антюхова* (МГИМО, Москва, РФ)

к. искусствоведения *С.А. Аргасцева* (ГИМ музей-заповедник «Сталинградская битва», Волгоград, РФ)

д.полит.н., доц., вед. науч. сотр. *И.И. Арсентьева* (УрО РАН, Екатеринбург, РФ)

к.и.н., доц. *Е.В. Архипова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

д.полит.н., проф. *В.А. Ачкасов* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

к.полит.н., вед. науч. сотр. *Л.О. Бабынина* (ИЕ РАН, Москва, РФ)

к.э.н. *А.Ю. Баженов* (Облкультнаследие, Волгоград, РФ)

д.и.н., проф. *М.А. Балабанова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

д.и.н., проф. *К.Е. Балдин* (ИвГУ, Ивановск, РФ)

к.и.н., доц. *Н.Д. Барабанов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

д.и.н., д.полит.н., проф. *А.В. Баранов* (КУБГУ, Краснодар, РФ)

д.полит.н., доц. *А.И. Бардаков* (ВИУ РАН-ХиГС, Волгоград, РФ)

д.и.н., гл. науч. сотр. *В.И. Батюк* (ИСК РАН, Москва, РФ)

к.социол.н., доц. *Е.О. Беликова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н., вед. науч. сотр. *Г.П. Белоглазов* (ДВО РАН, Владивосток, РФ)

д.полит.н., проф. *В.К. Белозеров* (МГЛУ, Москва, РФ)

к.полит.н., доц. *Ю.Г. Белоногов* (ПНИПУ, Пермь, РФ)

д.и.н., гл. науч. сотр. *М.В. Бибииков* (ИВИ РАН, Москва, РФ)

д.филос.н., PhD, науч. сотр. *Д.С. Бирюков* (НИУ ВШЭ РАН, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *Н.Н. Болгов* (БелГУ НИУ, Белгород, РФ)

к.полит.н., доц. *А.М. Болгова* (БелГУ НИУ, Белгород, РФ)

к.и.н. *В.Е. Болдырев* (ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток, РФ)

к.и.н., доц. *С.Ю. Болдырева* (САФУ, Архангельск, РФ)

д.с.-х.н., проф. *Е.П. Боровой* (ВолГАУ, Волгоград, РФ)

д.и.н., проф., гл. науч. сотр. *Н.Ф. Бугай* (ИРИ РАН, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *А.П. Бужилова* (НИИ и Музей антропологии МГУ, Москва, РФ)

д.и.н., доц. *Е.В. Булюлина* (ЦДНИВО, Волгоград, РФ)

к.и.н., доц. *Ю.Е. Бут* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)

к.и.н., доц. *Т.Я. Валетов* (МГУ, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *Н.Э. Вашкау* (ЛГПУ, Липецк, РФ)

к.и.н., доц. *В.В. Ведерников* (журнал «Историческая экспертиза», Санкт-Петербург, РФ)

д.и.н., проф. *А.В. Венков* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)

д.полит.н., проф. *А.А. Вилков* (СГУ, Саратов, РФ)

к.и.н., ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (ИВИ РАН, Москва, РФ)

д.и.н., вед. науч. сотр. *А.А. Войтенко* (ЦЕИ РАН, Москва, РФ)

д.полит.н., проф. *С.В. Володенков* (МГУ, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *А.А. Выборнов* (СГСПУ, Самара, РФ)
 ст. науч. сотр. *И.О. Гавриутхин* (ИА РАН, Москва, РФ)
 к.и.н. *А.В. Гайдашев* (ГИМ музей-заповедник «Сталинградская битва», Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц. *А.Г. Герцен* (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь, РФ)
 уч. секретарь *Н.В. Гинькут* (ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь, РФ)
 д.и.н., проф. *В.Н. Глазьев* (ВГУ, Воронеж, РФ)
 д.полит.н., вед. науч. сотр. *С.В. Голунов* (ИМЭМО РАН, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *О.В. Гоманенко* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., вед. науч. сотр. *А.Д. Гомбожапов* (СО РАН, Улан-Уде, РФ)
 к.и.н. *В.А. Горелкин* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., доц. *Н.Е. Горюшкина* (ЮЗГУ, Курск, РФ)
 к.и.н., PhD, вед. науч. сотр. *М.В. Грацианский* (ПСТГУ, Москва, РФ)
 д.пед.н., доц., вед. науч. сотр. *Т.Л. Гурулева* (ИДВ РАН, Москва, РФ)
 д.филос.н., доц. *Р.А. Данакари* (ВИУ РАН-ХиГС, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *В.Н. Данилов* (СГУ, Саратов, РФ)
 д. философии, проф. *Ф. Дауке* (Центр изучения России, Кавказа и Европы (CERSEC) Высшей школы социальных наук (EHSS), Париж, Франция)
 к.и.н., доц., ст. науч. сотр. *Д.В. Дубровская* (ГАУГН, ИВ РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *А.М. Дубовиков* (ПВГУС, Тольятти, РФ)
 к.полит.н. *П.Н. Дудин* (ВСГУТУ, Улан-Удэ, РФ)
 к. искусствоведения, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Ендольцева* (ИВ РАН, Москва, РФ)
 к.полит.н., доц. *Е.В. Ефанова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.б.н. *Е.Ю. Жарова* (ИИЕТ РАН, Москва, РФ)
 к.пед.н., доц. *А.В. Жданов* (СПб АППО, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *Т.Н. Жуковская* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н. *А.И. Захаров* (ИВ РАН, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *Г.Е. Захаров* (ПСТГУ, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *В.А. Золотовский* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

д.полит.н., проф., гл. науч. сотр. *В.Ю. Зорин* (ИЭА РАН, МГУ, Москва, РФ)
 науч. сотр. *И.Ю. Зуенко* (ДВО РАН, Владивосток, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *Н.С. Иванов* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
 д.э.н., проф. *Т.Б. Иванова* (ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ)
 к.и.н. *С.А. Иванюк* (ГИМ музей-заповедник «Сталинградская битва», Волгоград, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *К.С. Казакова* (ЦГП КНЦ РАН, Апатиты, РФ)
 к.филос.н., доц. *О.С. Карнаухова* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)
 к.полит.н. *Е.Г. Кирсанова* (МГУ, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *В.А. Китаев* (НГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, РФ)
 к.и.н., доц. *О.С. Киценко* (ВолГМУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *А.В. Кияшко* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)
 д.и.н. *А.Л. Клейтман* (Облкультурнаследие, Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц. *В.М. Клепиков* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.полит.н. *Е.В. Клиньшанс* (АНО социальной поддержки граждан «Инициатива», Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц. *В.А. Ковалев* (СПбГУП, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *И.П. Ковяко* (БГПУ им. М. Танка, Минск, Беларусь)
 к.и.н., доц., вед. науч. сотр. *В.В. Кожевников* (ДВО РАН, Владивосток, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *А.Д. Козак* (ИА НАН Украины, Киев, Украина)
 д.и.н., гл. науч. сотр. *А.Г. Козинцев* (МАЭ РАН, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *А.С. Козлов* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)
 гл. ред. *А.И. Колпакиди* (Изд-во «Алгоритм», Москва, РФ)
 д. социальных н. *Н.М. Комини* (Университет Нью-Йорка, Буэнос Айрес, Аргентина)
 д.полит.н., проф. *В.Н. Конышев* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., доц. *А.Л. Корзинин* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *Т.В. Королева* (ИГЭУ, Иваново, РФ)
 д.полит.н., проф. *Г.В. Косов* (СевГУ, Севастополь, РФ)
 д.э.н., к.и.н., проф. *В.Н. Косторниченко* (МГЛУ, Москва, РФ)

к.и.н., ст. науч. сотр. *С.А. Котеньков* (ИО РАН, Москва, РФ)
 к.и.н. *А.С. Кравчук* (КИПУ им. Февзи Якубова, Симферополь, РФ)
 д.и.н., проф.-эмерит *Краузе Тамаш* (Университет им. Ломранда Эмтвёша, Будапешт, Венгрия)
 к.и.н. *М.В. Кривошеев* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., науч. сотр. *М.С. Круглова* (ИЭ РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *А.И. Кубышкин* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *О.В. Кузнецов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н. *В.В. Кузьминков* (ФТС России в Японии, Токио, Япония)
 к.и.н. *А.А. Курапов* (КБУК АО «Астраханский музей-заповедник», Астрахань, РФ)
 д.и.н., проф. *И.И. Курилла* (ЕУСПб, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *М.А. Курышева* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., доц. *Т.В. Куц* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)
 к.и.н., доц. *А.С. Лапшин* (ВГСПУ, Волгоград, РФ)
 к.ю.н., доц. *Н.С. Латыпова* (БашГУ, Уфа, РФ)
 д.полит.н., проф. *М.М. Лебедева* (МГИМО, Москва, РФ)
 д.полит.н., проф. *Я.В. Лексютина* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *К.А. Лотарев* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *С.И. Лукьяшко* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
 к.и.н., доц. *А.В. Луночкин* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц. *Д.И. Люшкин* (КФУ, Казань, РФ)
 д.и.н., доц. *Д.А. Ляпин* (ЕГУ, Елец, РФ)
 ст. преп. *К.М. Макаренко* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.филос.н., проф. *Д.И. Макаров* (УГК им. М.П. Мусоргского, Екатеринбург, РФ)
 к.и.н., доц. *С.Н. Малахов* (АГПУ, Армавир, РФ)
 к.и.н. *М.Н. Малашевская* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., вед. науч. сотр. *С.М. Маркедонов* (МГИМО, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *Д.Е. Мартынов* (КФУ, Казань, РФ)
 к.полит.н., доц. *А.Н. Марчуков* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)

к.пед.н., доц. *О.А. Машкина* (МГУ, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *А.П. Медведев* (ВГУ, Воронеж, РФ)
 д.и.н., вед. науч. сотр. *М.Б. Медникова* (ИА РАН, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *И.В. Меркулов* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н. *Е.А. Мехмадиев* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., вед. науч. сотр. *В.И. Мизин* (ИМЭМО РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *Н.А. Мининков* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)
 д.полит.н., доц. *А.В. Михалев* (БГУ им. Д. Банзарова, Улан-Уде, РФ)
 д.и.н., вед. науч. сотр. *Ю.М. Могаричев* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)
 д.и.н., проф. *С.Ю. Монахов* (СГУ, Саратов, РФ)
 к.и.н., доц. *В.М. Морозов* (МГИМО, Москва, РФ)
 д.полит.н., доц. *И.Л. Морозов* (ВИУ РАН-ХиГС, Волгоград, РФ)
 к.полит.н., доц. *С.И. Морозов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц. *К.Г. Муратишина* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)
 д.полит.н., проф. *Н.М. Мухарьямов* (КГЭУ, Казань, РФ)
 д.и.н., ст. науч. сотр. *Е.Г. Наземцева* (ВАГШ ВС РФ, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *В.Е. Науменко* (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь, РФ)
 к.и.н., доц. *И.Н. Наумов* (ВГТУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф., вед. науч. сотр. *Т.А. Невская* (СКФУ, Ставрополь, РФ)
 к.э.н., доц. *С.И. Невский* (МГУ, Москва, РФ)
 к.и.н. *Т.В. Нелин* (Облкультнаследие, Волгоград, РФ)
 к.социол.н. *А.Г. Нестерова* (ООО «Фактор успеха», Волгоград, РФ)
 к.социол.н., доц. *Н.А. Николенко* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.тех.н., проф. *П.П. Олейников* (ВолгГТУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *Е.Г. Олейникова* (ВИУ РАН-ХиГС, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф., вед. науч. сотр. *А.П. Павлов* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.полит.н., проф. *С.А. Панкратов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.социол.н. *Л.С. Панкратова* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

к.и.н., доц. *А.Ф. Парубочая* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.э.н. *А.Е. Парфенов* (Музей-заповедник «Старая Сарепта», Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц. *Е.В. Перерва* (ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ)
 д.полит.н., доц., гл. науч. сотр. *С.К. Песцов* (ДВО РАН, Владивосток, РФ)
 д.и.н., проф. *А.В. Петров* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.филос.н., доц., ст. науч. сотр. *В.В. Петров* (СО РАН, Новосибирск, РФ)
 к.и.н., к.ю.н. *К.В. Петров* (ЛГУ им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, РФ)
 д.филос.н., проф. *И.А. Петрова* (ВолгГМУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *Е.М. Петровичева* (ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, РФ)
 д.и.н., проф. *В.О. Печатнов* (МГИМО, Москва, РФ)
 к.и.н. *Е.О. Пивоварова* (СГУ, Саратов, РФ)
 д.филос.н., проф., вед. науч. сотр. *А.И. Пигалев* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *А.Г. Подмарицын* (Самарская духовная семинария Самаской и Сызранской Епархии Русской Православной Церкви, Самара, РФ)
 д.и.н., проф. *Д.И. Полывянный* (ИвГУ, Иваново, РФ)
 д.полит.н., проф. *Е.Г. Пономарева* (МГИМО, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *С.И. Посохов* (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Харьков, Украина)
 д.полит.н., доц., проф. *С.П. Поцелуев* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)
 к. богословия, к.и.н. *А.А. Пржегорлинский* (ЦПУ преп. Сергия Радонежского, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *В.В. Пузанов* (УдГУ, Ижевск, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *Б.А. Раев* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
 к.и.н., доц. *Я.Н. Рабинович* (СГУ, Саратов, РФ)
 д.и.н., проф. *О.Ю. Редькина* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 PhD, доц. истории *С.Б. Ригг* (Техасский университет А&М, Техас, США)
 PhD *Майкл Рейнольдс* (независимый исследователь, Невада, США)
 к.и.н., доц. *Н.Г. Рогулин* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

д.и.н., проф. *О.В. Романько* (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь, РФ)
 к.и.н., науч. сотр. *А.А. Роменский* (ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь, РФ)
 д.и.н., доц. *Е.А. Ростовцев* (СПбГПУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.социол.н. *Л.С. Рубан* (ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *Н.В. Рыбалко* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., вед. науч. сотр. *М.А. Рыблова* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д; Волгоградский областной центр казачьей культуры, Волгоград, РФ)
 к.и.н., ст. преп. *С.М. Рязанов* (Пермский институт ФСИН России, Пермь, РФ)
 д.и.н., доц. *А.Ю. Савосичев* (ОГУ им. И.С. Тургенева, Орёл, РФ)
 к.и.н., доц. *Д.А. Садаков* (ВятГУ, Киров, РФ)
 д.и.н., гл. науч. сотр. *С.М. Самуйлов* (ИСК РАН, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *С.А. Сафронов* (СФУ, Красноярск, РФ)
 к.и.н. *Д.Л. Семушин* (журнал «Евразия Дейли», Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *Д.В. Сень* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)
 к.филос.н., ассоц. науч. сотр. *Т.А. Сенина* (монахиня *Кассия*) (СИ РАН (ф) ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, РФ)
 д.социол.н., доц. *О.В. Сергеева* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.полит.н., проф. *А.А. Сергунин* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *В.В. Серебряная* (ВолгГТУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц. *А.А. Сидоров* (МГУ, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *С.Г. Сидоров* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *А.С. Скрипкин* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *Т.И. Славко* (Выборгский филиал РАНХиГС, Выборг, РФ)
 к.и.н., гл. науч. сотр. *Н.Р. Славитский* (Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *А.Н. Сорокин* (ОГУ им. Ф.М. Достоевского, Омск, РФ)
 к.и.н., доц. *Е.В. Стельник* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *В.П. Степаненко* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)
 д.и.н. *А.Д. Таиров* (ЮУрГУ, Челябинск, РФ)

д.и.н., проф. *Н.П. Таньшина* (РАНХиГС, Москва, РФ)

к.и.н. *В.А. Тихонов* (независимый исследователь, Москва, РФ)

к.э.н., вед. науч. сотр. *Б.И. Ткаченко* (ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток, РФ)

д.филол.н., доц. *О.В. Томберг* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)

д.и.н., проф. *Т.И. Трошина* (САФУ им. М.В. Ломоносова, Архангельск, РФ)

д.и.н., проф. *В.П. Трут* (ДГТУ, Ростов н/Д, РФ)

к.и.н., к.ю.н., доц. *И.В. Тушканов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

д.и.н., проф. *И.О. Тюменцев* (ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ)

д.и.н., гл. науч. сотр. *Г.Н. Ульянова* (ИРИ РАН, Москва, РФ)

к.и.н., доц. *А.Т. Урушадзе* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)

к.и.н. *Б.Г. Усик* (ЦДНИВО, Волгоград, РФ)

к.полит.н. *Д.Р. Фатыхова* (КФУ, г. Казань, РФ)

к.и.н., доц. *А.М. Феофанов* (ПСТГУ, Москва, РФ)

к.пед.н., доц. *О.А. Фокина* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н., доц. *Е.Л. Фурман* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н., доц. *Т.Ф. Хайдаров* (ИВИ РАН, Москва, РФ)

к.и.н. *Э.А. Хайрединова* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)

д.и.н., проф. *Е.В. Хахалкина* (ТГУ, Томск, РФ)

к.и.н., науч. сотр. *Л.Р. Хлебникова* (ИВ РАН, Москва, РФ)

к.полит.н., доц. *О.А. Хлопов* (РГГУ, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *А.А. Хохлов* (СГСПУ, Самара, РФ)
к.и.н., доц. *И.А. Цветков* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

к.и.н., доц. *Д.А. Цыганков* (МГУ, Москва, РФ)
д.и.н., проф. *А.В. Цюрюмов* (КалмГУ, Элиста, РФ)

к.и.н. *П.А. Чемоданов* (ЦГАКО, Киров, РФ)
к.и.н., науч. сотр. *В.Н. Чхаидзе* (ИА РАН, Москва, РФ)

к.филос.н. *В.В. Шевченко* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

д.и.н., проф. *С.Ю. Шенин* (СГУ, Саратов, РФ)

к.социол.н. *Н.А. Шеховцова* (КОУ ВСШ № 1 Волгоградской области, Волгоград, РФ)

д.филол.н., проф. *М.Г. Шилина* (РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, РФ)

к.и.н., доц. *В.В. Шишкин* (СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург, РФ)

к.и.н., доц. *П.В. Шувалов* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

к.и.н., ст. науч. сотр. *А.С. Щавелев* (ИВИ РАН, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *Т.В. Юдина* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

д.и.н., проф. *В.Т. Юнгблюд* (ВятГУ, Киров, РФ)

д.и.н., гл. науч. сотр. *И.Н. Юркин* (ИИЕН РАН, Москва, РФ)

к.и.н., ст. науч. сотр. *Л.В. Яворская* (ИА РАН, Москва, РФ)

д.филос.н., проф. *Д.Р. Яворский* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.филол.н., доц. *М.В. Яценко* (СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, РФ)

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
 - ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
 - содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
 - бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.
-
-

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2021 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20988.

Стоимость подписки на I полугодие 2021 года 2494 руб. 50 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
 - to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
 - to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
 - to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.
-
-

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2021 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20988.

The cost of subscription for the 1st half of 2021 is 2494.50 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://hfrir.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY.
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

